

Кв. Буш

И.А. БУНИН

Новые материалы

Выпуск II

Москва
Русский путь
2010

УДК 82
ББК 83.3 (2 Рос)6
Б-91

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»

Составители *О. Коростелев, Р. Дэвис*

Художник *Е. Вельчинский*

На фронтисписе:

И.А. Бунин. Париж, 1927 г. Фотография Д.Р. Вассермана.
РАЛ. MS. 1066/6268

И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. II / [сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис]. — М. : Русский путь, 2010. — 536 с. : ил.

ISBN 978-5-85887-339-6

Сборник представляет собой подготовительные материалы к будущему академическому или хотя бы полному собранию сочинений Ивана Алексеевича Бунина (1870–1953).

Основу второго выпуска составили материалы зарубежных и отечественных хранилищ, прежде всего Leeds Russian Archive, а также Weinecke Library, РГАЛИ, ИРЛИ, РНБ и частных собраний. Впервые публикуются в полном объеме значительные корпуса переписки И.А. Бунина с Н.Н. Берберовой, П.М. Бицилли, Ю.Л. Сазоновой, Л.Ф. Зуровым, письма к Буниным Ю.П. Трубецкого и Н.Д. Миллиоти. Издание иллюстрировано большим количеством фотографий Бунина и его окружения, хранящихся в Leeds Russian Archive, многие из которых публикуются впервые.

УДК 82
ББК 83.3 (2 Рос)6

© О. Коростелев, Р. Дэвис, составление, редакция, 2010
© Авторы статей, 2010
© Русский путь, 2010

Первый выпуск сборника «И.А. Бунин: Новые материалы» вышел в 2004 г. и вызвал много откликов в прессе. В его оценках оказались единодушны критики как массовых, так и академических изданий:

«Выход книги, безусловно, явление национального масштаба, одна из самых ярких и заметных страниц в российской культуре за последние годы» (*Леонидов В.* Неизвестный Бунин // *Российские вести.* 2005. 8–15 февраля. № 5 (1760). С. 6).

«Этот том, без преувеличений, можно назвать этапным в разворачивании полноценной публикации обширного наследия гения русской литературы XX века» (*С.Д. <Дмитренко С.Ф.>* // *Литература* (приложение к газете «1 сентября»). 2005. 16–31 мая. № 10 (577). С. 13).

«Эта книга — для всех, кому прежде всего дорога русская литература. Кого интересует и жизнь русских писателей в эмиграции, и развитие русской литературы начала XX века. Это серьезная — но далеко не скучная! — работа коллектива ученых разных стран, компетентных специалистов в области славистики и истории» (*Вайль Б.* Новые штрихи к портрету Бунина // *Русская мысль.* 2005. 26 мая — 1 июня. № 20 (4553). С. 8).

«Одно из лучших публикационных изданий последнего времени по литературе русского зарубежья» (*Мельников Н.* // *Новое литературное обозрение.* 2005. № 73. С. 413–415).

«В свет вышло превосходное, насущно необходимое и выполненное на высоком профессиональном уровне издание» (*Марченко Т.В.* На пути к академическому Бунину // *Известия РАН. Серия литературы и языка.* 2007 (январь–февраль). Т. 66. № 1. С. 11–27).

Со времени выхода первого выпуска появилось несколько серьезных буниноведческих изданий¹ (и несопоставимо больше популярных, а порой и откровенно халтурных²).

¹ Отметим прежде всего второй том писем Бунина, завершивший издание его доэмигрантского эпистолярия: *Бунин И.А.* Письма 1905–1919 гг. / Под общ. ред. О.Н. Ми-

Спустя два года после выхода сборника материалы, легшие в основу одной из его публикаций³, были напечатаны вторично⁴ по неосведомленности публикатора и редакции, в чем они незамедлительно выразили сожаление⁵, узнав о досадном недоразумении.

Гораздо курьезнее оказалась перепечатка большей части материалов книги в собрании сочинений Бунина, предпринятом издательством «Воскресенье». Это было уже совсем не недоразумением или неосведомленностью, а откровенным плагиатом, поскольку документы воспроизводились не по архивному источнику, а попросту перепечатывались из сборника вместе с комментариями, заменялись лишь имена публикаторов.

Этот инцидент вызвал коллективное открытое письмо, напечатанное в «Новой газете»⁶, а более подробно обстоятельства дела были воспроизведены в статье, написанной одним из редакторов сборника⁷.

Редакторы и издатели сборника приносят свои извинения читателям за допущенные в первом выпуске искажения диакритических знаков и другие погрешности технического характера, произошедшие в результате компьютерного сбоя, и надеются избежать этого в следующих выпусках.

Второй выпуск продолжает публикацию материалов рукописного и эпистолярного наследия Бунина. Основу выпуска составили материалы зарубежных и отечественных хранилищ, прежде всего Leeds Russian Archive, а также Weinecke Library, РГАЛИ, ИРЛИ, РНБ и частных собраний.

Публикации, вошедшие во второй выпуск, раскрывают новые или недостаточно освещенные стороны биографии и творчества Бунина. Впервые публикуются в полном объеме значительные корпуса переписки И.А. Бунина с Н.Н. Берберовой (публикация Максима Шраера, Якова Кло-

хайлова; Отв. ред. С.Н. Морозов; Подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Кроме того, вышел наконец первый том бунинской библиографии: Иван Алексеевич Бунин: Библиография оригинальных книжных изданий (1891–1990) / Сост. Й. Кржесалкова. Прага: Национальная библиотека Чешской республики; Славянская библиотека, 2007. 503 с. (Bibliografie Slovanské knihovny; 70).

² Пальма первенства тут по праву принадлежит собранию сочинений Бунина, предпринятому издательством Г.В. Пряхина: *Бунин И.* Собрание сочинений: В 13 т. <Т. 14–16 доп.> М.: Воскресенье, 2005–2007. Перешеголять это издание по уровню халтурности и пиратской безапелляционности еще долго никому не удастся.

³ *Рогачевский А.* И.А. Бунин и «Хогарт Пресс» // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. М.: Русский путь, 2004. С. 333–353.

⁴ *Рейнгольд Н.* Редингский бювар с письмами Бунина // Вопросы литературы. 2006. № 6. С. 152–168.

⁵ *Рейнгольд Н.* Бунин и модернисты: Загадка Ноттингемской рукописи // Вопросы литературы. 2007. № 5. С. 210–211.

⁶ Набоков защищает Бунина: Открытое письмо генеральному директору Российского авторского общества С.С. Федотову // Новая газета. 2008. 17–20 апреля. № 27 (1345). С. 20. (Коллективное письмо подписали: Б.Б. Вайль, Р.Д. Дэвис, В.А. Келдыш, О.А. Коростелев, Дж. Малмстад, В.А. Москвин, Д.В. Набоков, Д. Риникер, В.А. Росов, А. Тюрин, Ж. Шерон, М.Д. Шраер, М. Юнгрен.)

⁷ *Коростелев О.А.* Я объявляю вам войну: Открытое письмо чиновникам, лезущим не в свое дело // Русский журнал. 2008. 6 октября. <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/YA-ob-yavlyayu-vam-voynu>

ца и Ричарда Дэвиса), П.М. Бицилли (публикация Татьяны Двинятиной и Ричарда Дэвиса), Ю.Л. Сазоновой (публикация Кита Триббла, Олега Коростелева и Ричарда Дэвиса), Л.Ф. Зуровым (публикация Ирины Белобровцевой и Ричарда Дэвиса), письма Ю.П. Трубецкого к Бунину (публикация Владимира Хазана и Ричарда Дэвиса) и письма Н.Д. Миллиоти к В.Н. Буниной (публикация Кита Триббла и Ричарда Дэвиса). Евгений Пономарев публикует стихотворные пародии Бунина конца 1940-х гг., а также статью о взаимоотношениях В.Н. Буниной и вдовы знаменитого наркома М.В. Раскольниковой. Жорж Шерон публикует письма Буниных к М.А. Волошину 1919 г., а также письмо Бунина к В.Ф. Маркову.

Публикуемые в сборнике архивные документы печатаются по современным нормам орфографии и пунктуации, но с сохранением характерных особенностей авторского написания. Слова и предложения, подчеркнутые в тексте авторами (или написанные с разрядкой), даются курсивом, двойное подчеркивание – полужирным курсивом. Зачеркнутый авторами текст (если он несет смысловую нагрузку) приводится в квадратных скобках. Конъектуры и редакторские пометы даются в угловых скобках.

Издание иллюстрировано фотографиями Бунина из Leeds Russian Archive и других собраний, многие из них публикуются впервые.

ОСНОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Бабореко А.** — *Бабореко А.К. И.А. Бунин: Материалы для биографии с 1870 по 1917.* 2-е изд. М.: Художественная литература, 1983. 302 с.
- Бунин И. Письма 1885–1904.** — *Бунин И.А. Письма 1885–1904 гг. / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой.* М.: ИМЛИ РАН, 2003. 768 с.
- Бунин И. Письма 1905–1919.** — *Бунин И.А. Письма 1905–1919 гг. / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Отв. ред. С.Н. Морозов; Подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой.* М.: ИМЛИ РАН, 2007. 832 с.
- Бунин И. Публицистика.** — *Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Вступ. ст. О.Н. Михайлова; Коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой.* М.: Наследие, 1998. 640 с.
- Бунин И. Собр. соч.** — *Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. / Под общ. ред. А.С. Мясникова, Б.С. Рюрикова, А.Т. Твардовского.* М.: Художественная литература, 1965–1967.
- ГАРФ** — Государственный архив Российской Федерации (Москва).
- Грасский дневник.** — *Кузнецова Г. Грасский дневник.* Вашингтон: Victor Kamkin, 1967. 316 с.
- ГРМ** — Государственный Русский музей (Санкт-Петербург).
- Диаспора.** — *Диаспора: Новые материалы.* Париж: Atheneum; СПб.: Феникс, 2001. Вып. 1–9.
- ДРЗ** — Дом русского зарубежья имени А. Солженицына (Москва).
- И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1.** — *И.А. Бунин: Новые материалы / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса.* М.: Русский путь, 2004. Вып. 1.
- Камер-фурьерский журнал.** — *Ходасевич В. Камер-фурьерский журнал / Подгот. текста, предисл. О.Р. Демидовой.* М.: Эллис Лак, 2002. 478 с.
- Литературное наследство.** — *Литературное наследство.* М., 1931—. Т. 1–103—. Т. 72: Горький и Андреев: Неизданная переписка. М.: Наука, 1965. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. М.: Наука, 1973.
- Минувшее.** — *Минувшее: Исторический альманах.* Париж: Atheneum; СПб.: Феникс, 1986–1999. Вып. 1–25.
- Муромцева-Бунина В. Жизнь Бунина: 1870–1906.** — *Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина.* Париж, 1958.
- Нинов А. М. Горький и Ив. Бунин.** — *Нинов А.А. М. Горький и Ив. Бунин: История отношений. Проблемы творчества.* Л.: Советский писатель, 1973. 567 с.
- Переписка А.М. Горького и И.А. Бунина.** — *Переписка А.М. Горького и И.А. Бунина / Публ. и примеч. Ф.М. Иоффе и С.И. Доморацкой // Горьковские чтения 1958–1959.* М.: АН СССР, 1961. С. 5–126.

- РАЛ** — Русский архив в Лидсе / Leeds Russian Archive. University of Leeds. Великобритания.
- РГАЛИ** — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- РО ИРЛИ** — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (Санкт-Петербург).
- С двух берегов.** — С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом / Под ред. Р. Дэвиса и В.А. Келдыша. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 824 с.
- Устами Буниных.** — Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt am Main: Посев, 1977–1982.
- Хроника.** — Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940. Франция / Под общ. ред. Л.А. Мнухина: В 4 т. М.: Эксмо; Paris: YMCA-Press, 1995–1997; Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975. Франция / Под общ. ред. Л.А. Мнухина: В 4 т. (5–8). М.: Русский путь; Paris: YMCA-Press, 2000–2002.
- ВАР** — Bakhmeteff Archive. Columbia University. New York. США.
- Beinecke** — Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Yale University. New Haven, Connecticut. США.
- Hoover** — Hoover Institution Archives. Stanford University. Palo Alto, California. США.

ПЕРЕПИСКА
И.А. БУНИНА И Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ
(1927–1946)*

Вступительная статья Максима Шраера**.
Публикация Максима Шраера, Якова Клоца и Ричарда Дэвиса***

Настоящая публикация — первая попытка проследить развитие литературных и личных отношений Н.Н. Берберовой (1901–1993) и И.А. Бунина. Их отношения представляют интерес как для историков литературы русского зарубежья, так и для широкого круга читателей, интересующихся судьбой русской эмиграции «первой волны». Хотя жизнь и творчество Бунина исследованы уже достаточно подробно, некоторые существенные факты из жизни писателя здесь открываются впервые, в то время как другие, уже неоднократно прокомментированные стороны его биографии, предстают в новом свете. За отсутствием научной биографии Берберовой¹, публикация проясняет некоторые аспекты французского периода ее жизни (1925–1950), включающего в себя переписку с Буниным (1927–1946), и дополняет наши представления о ее творчестве, которое по сравнению с другими писателями и поэтами младшего поколения «первой волны» русской эмиграции остается явно недооцененным².

* Тексты И.А. Бунина и В.Н. Буниной публикуются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate © 2010.

Тексты Н.Н. Берберовой публикуются с разрешения The Nina Berberova Estate © 2010.

** © Maxim D. Shrayer, 2010.

*** © Maxim D. Shrayer, Yakov L. Klots, Richard D. Davies, 2010.

¹ Главным опубликованным сводом информации о жизни и творчестве Берберовой служит ее автобиография «Курсив мой», представляющая большую художественную и историческую ценность, но не являющаяся полным и объективным источником. Впервые опубликована в английском переводе: *Berberova N. The Italics Are Mine / Authorized translation by Ph. Radley. New York: Harcourt, Brace & World, 1969*. Первое издание русского оригинала: *Берберова Н. Курсив мой. Мюнхен: Wilhelm Fink, 1972*. Второе издание, исправленное и дополненное: *Курсив мой: В 2 т. Нью-Йорк: Russica Publishers Inc., 1983*. Здесь цитируется по изданию: *Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. М.: Согласие, 1996* (в дальнейшем: *Курсив*).

² Отмечаем следующие работы о творчестве Берберовой: *Barker M. The Short Prose of Nina Berberova // Russian Literature Triquarterly. 1988. № 22. P. 239–254; Barker M. Nina*

«Главная», по словам самого автора, книга ее жизни — «Курсив мой» — вышла почти через двадцать лет после переезда Берберовой из Франции в США в ноябре 1950 г. Бунин в «Курсиве» предстает человеком болезненно тщеславным, капризным, патриархальным. Достаточно привести описание первой встречи Берберовой с ним: «Бунин стоял внизу у лифта, на лестнице, в доме Цетлиных, когда мы вошли. Ходасевич познакомил нас. Бунин не хотел входить в лифт, на днях где-то лифт едва не раздавил его: он шагнул в пустую клетку, а лифт в это время спускался и кто-то вытащил его, и он теперь боялся лифтов. Мы поднялись пешком. Если Зинаида Николаевна <Гиппиус> и Дмитрий Сергеевич <Мережковский> при первом знакомстве учиняли собеседнику некий экзамен (“как веруеши?”), то Бунин делал это совсем по-другому: не “как веруеши?”, а какое я на тебя произвожу впечатление? А ну еще? А это как? Он немного тянул слова (по-барски или по-московски? Или как “у нас, в Белевском уезде”?) и все время, когда говорил, взглядывал на меня, стараясь прочитывать в моем лице впечатление, которое он на меня производит.

Бывало у него это с мужчинами, с женщинами, с литераторами и нелитераторами, но особенно ярко было это заметно с женщинами-литераторами. <...> когда он произнес вслух и как-то особенно вкусно “непечатные” (впрочем, давно на всех языках, кроме русского, печатные) слова — он любил главным образом так называемые детские непечатные слова на г, на ж, на с и так далее, — после того, как он два-три раза произнес их в моем присутствии и я не дрогнула, а приняла их так же просто, как и остальной его словарь, и после того, как я сказала ему, как прекрасны его “Сны Чанга”, он совершенно перестал “рисоваться” передо мной, он понял, во-первых, что меня не смутит таким простым способом и, во-вторых, что я ему не враг, а друг»³.

Именно Бунин стал одним из самых значимых персонажей ее автобиографии. Фиксируя перемены в своем отношении к Бунину на протяжении 1920–1950-х гг., Берберова тем самым документирует, как меняются ее собственные эстетические и этические представления.

Прозаиком высокого класса Берберова стала в военные годы (например, повесть «Плач»⁴). Однако свои главные произведения Берберова создала, пожалуй, уже после войны, переселившись в США и освободившись от прямого влияния парижских литераторов (в том числе Бунина). Уже в Новом Свете было создано одно из ее лучших произведений — повесть «Черная болезнь» (1959).

В седьмой главе «Курсива» («Не ожидая Годо»), вспоминая о той среде, которая окружала ее во Франции, Берберова пишет об «исчезновении» «первой волны» эмиграции:

Berberova on Surviving // *Selecta*. 1990. № 11. P. 69–72; *Kalb J.E.* Nina Berberova: Creating an Exiled Self // *Russian Literature*. 2001. № 50/2. P. 141–162; *Костырко С.* Выжить, чтобы жить // *Новый мир*. 1991. № 9. С. 216–221; *Осоргина Т.* Как это было: По поводу двух книг Нины Берберовой, «Курсив мой» и «Люди и ложи. Русские масоны XX-го века» // *Cahiers du Monde Russe*. 1990. Vol. 31. Fasc. 1. P. 95–102; *Rischin R.* Her Red Sedan // *From the Other Shore: Russian Writers Abroad Past and Present*. 2001. № 1. P. 85–88.

³ Курсив. С. 292–293.

⁴ Написанная в 1941–1942 гг., повесть «Плач» была опубликована с посвящением Зайцеву в «Новом журнале» в 1948 г. (№ 20. С. 33–74).

«А люди? Где были они? Двадцать пять лет, как я сама, они жили на одном месте, не может быть, чтобы они вдруг все исчезли? Они исчезли, но все по-разному, и самое это разнообразное их исчезание настолько любопытно, что о нем стоит сказать несколько слов.

Одни были замешаны в работе с немцами, и о них никто больше не слышал, среди них были активные — которых судили, и пассивные — которых отстранили и предали забвению»⁵.

В Америке Берберова получила возможность остаться наедине с собой, со своим прошлым, со своей памятью, плодом чего и явился «Курсив», начатый в 1960 г., через семь лет после смерти Бунина, и заверченный в 1966 г. Для написания автобиографии Берберовой оказалась необходима такая временная дистанция, которая позволила бы ей не просто воскресить в памяти страницы прошлой жизни, но и взглянуть на них извне, отстраниться от своего прежнего «я». Нет ничего удивительного в том, что быт и бытие русской эмиграции запечатлены в «Курсиве» сквозь призму субъективного, индивидуально-авторского мировоззрения:

«Я пишу сагу о своей жизни, о себе самой, в которой я вольна делать, что хочу, открывать тайны и хранить их для себя, говорить о себе, говорить о других, не говорить ни о чем, остановиться на любой точке, закрыть эту тетрадь, забыть о ней, спрятать ее подальше»⁶.

Судьба русской эмиграции во Франции, одной из самых ярких фигур которой был Бунин, — вот главная тема не только созданного в Америке «Курсива», но и произведений Берберовой-беллетриста, принесших ей (с большим опозданием) мировую известность.

* * *

Задача всесторонней реконструкции отношений Бунина и Берберовой вряд ли выполнима в наши дни. Ушли из жизни их общие друзья, знакомые и коллеги, свидетели их встреч и бесед — не только те, которые упоминаются в переписке, но и многие другие, чьи имена остаются за текстом писем. Опубликованные мемуары и переписка представителей литературных кругов русской эмиграции составляют лишь часть этого наследия. Ценные материалы остаются неопубликованными, а след иных утерян. В силу разных обстоятельств утрачены — судя по всему бесследно — некоторые документальные свидетельства отношений Берберовой и Бунина в военные и послевоенные годы, в том числе некоторые письма и книги с дарственными надписями, о которых идет речь в сохранившейся переписке. В отличие от опубликованных (с купюрами), но сохранившихся (в архивах) дневниковых записей Буниных («Устами Буниных»), дневники Берберовой доступны лишь в тех пределах, которые она сама определила, цитируя выдержки из них в главе «Курсива», посвященной военным годам и послевоенному прощанию с Францией и европейским прошлым («Черная тетрадь»).

Тем не менее представляется возможным выделить в истории отношений Бунина и Берберовой три этапа. Первый период их переписки — наиболее про-

⁵ Курсив. С. 530.

⁶ Курсив. С. 432.

должительный, но и наиболее фрагментарный — длится со второй половины 1920-х гг. до начала Второй мировой войны (№ 1–13). Бунин и Берберова обмениваются мнениями о событиях, происходящих в культурной жизни русской эмиграции, шлют на прочтение друг другу свои произведения, ездят друг к другу в гости⁷.

Фрагментарность их переписки в 1920-е и в начале 1930-х гг. связана с тем, что в этот период Бунины также переписываются с В.Ф. Ходасевичем, вместе с которым Берберова эмигрировала из России в 1922 г. — и с которым разделяла жизнь до 1932 г.⁸

Как явствует из публикуемых ниже писем, Берберова высоко ценила благосклонные (пусть не всегда подробные) отзывы Бунина о своих произведениях (№ 7–8, 11–12). Со своей стороны, Берберова оставалась поклонницей произведений Бунина, не скрывающей восторга перед прочитанным («Жизнь Арсеньева», первые рассказы из «Темных аллей») (№ 4 и 13). Написанные в это время письма Бунина и Берберовой проникнуты наибольшей теплотой, хотя отношения Берберовой и Веры Буниной всегда были гораздо более прохладными⁹. В высказываниях Буниной о Берберовой заметно то же недоверие, что и в ее дневниковых записях о молодом Набокове (но при этом без восхищения перед талантом Берберовой), о чем свидетельствуют две дневниковые записи Буниной. Первая (за 24 декабря 1929 г.): «Прочли вчера Загогулину <т.е. Берберову>, Сургучева и Тэффи. Первая учила нас “ироническому отношению к жизни”, — о дура

⁷ Согласно «Курсиву», Берберова и Ходасевич «были впервые приглашены к Буниным к обеду в зиму 1926–1927 года» (С. 299). О визите Бунина к Ходасевичам 11 февраля 1927 г. см. дневниковую запись Буниной за тот же день (РАЛ. MS. 1067/390). Даты встреч с Буниным (иногда вместе с Берберовой), разговоров по телефону и пр. зафиксированы Ходасевичем в «Камер-фурьерском журнале». См. среди иллюстраций к настоящему тому 2 фотографии Берберовой с Буниным и Кузнецовой, снятые в Грассе в 1928 г. (РАЛ. MS. 1066/7095, 7097). В «Курсиве» Берберова их описывает так: «<...> есть два превосходных снимка этого лета: на одном Г.Н. Кузнецова и я стоим, как два ангела-хранителя, над ним, и другой, где он сидит голый до пояса, а я держу над ним зонтик» (С. 293).

⁸ Переписка Буниных и Ходасевича, в которой фигурирует и Берберова, опубликована Джоном Малмстадом (И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. С. 165–219).

⁹ 1 апреля 1930 г. Берберова вписывает в альбом Веры Буниной стихотворение с надписью «Вере Николаевне Буниной на память о слишком кратких встречах»:

«Без женской нежности, друзья, как жить?

Без женской прелести кого любить?

Глазами бедными кому сиять?

Руками слабыми кого искать?

Глядит с большого, темного холста

Навеки данная тебе мечта,

Она к тебе, из забытых книг,

Высоколобый свой подъемлет лик.

Ее Лаурой, Юлией зови

Или Еленою, но без любви

Ты жить не сможешь. Всем нам снится сон.

Никто любовью не обойден»

(РАЛ. MS. 1067/843).

О сохранившейся переписке Берберовой и Буниной см. также примеч. 3 к № 2.

стоеросовая — сплошь армянский анекдот! <отец Берберовой был армянин>»¹⁰. Вторая (за 10 октября 1931 г.), после прочтения «Подвига» Набокова в «Современных записках»: «Прочла Сирина. Какая у него легкость и как он современен. Он современнее многих иностранных писателей, и вот у кого, а не у Берберовой есть “ироническое отношение к жизни”. Вот кто скоро будет кандидатом на Нобелевскую премию»¹¹. Но в отличие от творчества Набокова 1930-х гг., проза Берберовой того времени оставляет Бунина равнодушным, и его благосклонные отзывы носят несколько покровительственный характер¹².

Второй период охватывает военные годы до освобождения Франции летом 1944 г. (№ 14–49). С октября 1940 г. переписка ведется по-французски из-за введенных оккупационными властями ограничений, которые были сняты 1 марта 1943 г. (№ 22–42). Оставаясь в оккупированной зоне Франции, в деревне Лонгшен под Парижем, Берберова пишет Бунину в Грасс, в «свободную» (южную, вишистскую) зону, о событиях, происходящих в Париже, об общих знакомых и друзьях, в частности о Борисе и Вере Зайцевых и их семействе, об арестованном немцами И.И. Фондаминском. Бунин, в свою очередь, сообщает Берберовой о Марке Алданове, в декабре 1940 г. уехавшем в Америку (из «свободной» зоны Бунин мог еще некоторое время переписываться с уехавшими в Америку друзьями и знакомыми).

Третий период переписки Берберовой и Бунина — наименее продолжительный, однако решающий в истории их отношений — относится к началу 1945 г. (№ 50–54). Летом и осенью 1944 г. по освобожденной Франции прокатилась волна стихийных расправ с лицами, обвинявшимися в сотрудничестве с немцами. Расправы и обвинения коснулись и русских эмигрантов. Кроме того, весной и летом 1945 г., накануне и после победы над нацистской Германией, часть русской эмиграции оказалась захлестнута волной патриотизма, вылившейся в кампанию за восстановление советского гражданства и репатриацию в СССР¹³. Историко-политическая обстановка того времени не только не располагала к укреплению дружбы, но, наоборот, разводила в разные стороны многих друживших прежде людей. Для эмигрантской русской литературы начиналось «смутное время»¹⁴. Над самой Берберовой нависла тень обвинений в симпатиях к гитлеровцам. Еще во время войны, а особенно в 1944–1945 гг., ее рьяным обличителем был журналист Я.Б. Полонский (1892–1951), до войны многолетний сотрудник газеты «Послед-

¹⁰ РАЛ. MS. 1067/395. В «Курсиве» Берберова называет Бунину «бессловесной и очень глупой (не средне глупой, но исключительно глупой) женщиной» (С. 298).

¹¹ РАЛ. MS. 1067/403.

¹² Об отношениях Набокова и Бунина см.: С двух берегов. С. 167–219 (на с. 185 перечислены работы М.Д. Шраера на эту тему).

¹³ 14 июня 1946 г. в СССР был выпущен «Указ о восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции».

¹⁴ *Bethea D.M.* 1944–1953: Ivan Bunin and the Time of Troubles in Russian Émigré Literature // *Slavic Review*. 1984. Vol. 43. P. 1–16. (Статья Бетеа отчасти основана на прочтении «Курсива» и на информации, полученной от Берберовой.) См. об этом также: *Дубовиков А.Н.* Выход Бунина из парижского Союза писателей // *Литературное наследство*. Т. 84. Кн. 2. С. 398–407.

ние новости» и соучредитель «Общества друзей русской книги», приходившийся зятем Алданову. Попытки защитить свою честь не помогли Берберовой восстановить хорошие отношения с рядом коллег по эмигрантскому литературному цеху, во многом — и с Буниным.

Наконец, особняком стоят два последних письма Бунина к Берберовой от октября 1945 г. и ноября 1946 г., носящие чисто деловой характер (издательские вопросы) и не затрагивающие недавних противоречий в их отношениях (№ 55–56). На этом переписка прекращается, или же других писем не сохранилось.

К истории своего общения с Буниным Берберова вернулась лишь в «Курсиве», в русских изданиях которого приведены с разной степенью полноты и точности тексты девяти писем Бунина к ней (№ 1, 5, 7, 11, 15, 17, 20, 44, 48).

Остановимся на каждом из обозначенных этапов более подробно.

* * *

Весной 1924 г. Берберова и Ходасевич поселились в Париже. К тому времени Бунины находились во Франции уже четыре года. Летом и осенью 1927 г. Берберова и Ходасевич бывали у Буниных в Грассе, в Приморских Альпах, на вилле Бельведер. Например, 15 сентября 1927 г. Галина Кузнецова записывает в дневник:

«Вчера были гости — Мережковские и Ходасевичи, последние с прощальным визитом перед отъездом в Париж. <...> Мы с И<ваном> А<лексеевичем> и Берберовой ходили по дорожке, и я чувствовала, что Гиппиус, сидевшая под пальмой с В<ерой> Н<иколаевной>, меня рассматривает. Мы отошли за мандариновые деревья и остановились там, разговаривая о стихах Берберовой <...>»¹⁵.

Незадолго до этого, 15 августа 1927 г., Бунина записывает после одной из летних встреч с Берберовой в Грассе:

«В воскресенье была у нас Берберова. Проста, мила, воспитана, очень себе на уме, — зря словечка не вымолвит. Интересный тип для наблюдений. Она добьется своего: все рассчитано. Минута не пропадает даром. Природы не любит, она ее совсем не трогает. Она охвачена одной мыслью — стать писательницей! И вся жизнь у нее направлена в одну точку. Ее даже мир не интересует. Она уже скучает на юге. В Париже дом, все интересы <...>. “Ездить путешествовать мне не хочется, — я устала смотреть, мы столько уже видели, где только не были...”. И это в двадцать шесть лет! Уже насытилась, а ведь ненасытная по природе своей женщина!.. Но знает, что путешествия отнимают много времени, внимания, значит, и их по боку, все на фронт литературной работы. Жаль, что нет в ней настоящего художественного таланта, а то с такой бы настойчивостью далеко пошла бы»¹⁶.

16 октября 1928 г. Берберова и Ходасевич переезжают в пригород Парижа Булонь-сюр-Сен. В письме Бунину от 5 декабря 1928 г. (№ 2) Берберова пишет «о себе и здешней жизни», об общих знакомых, а также спрашивает Бунина, не собирается ли он в Белград, где в сентябре 1928 г. проходил первый съезд русских писателей и журналистов за рубежом, от участия в котором Бунин отказался. Этот съезд стал важным событием в жизни русской литературной эмиг-

¹⁵ Грасский дневник. С. 32.

¹⁶ РАЛ. MS. 1067/391.

рации конца 1920-х гг.¹⁷ Одной из причин отказа Бунина участвовать в съезде послужили Мережковские, чьи отношения с Буниными были не безоблачными. Упоминание Мережковских в переписке Бунина и Берберовой связано, в первую очередь, именно с белградским съездом¹⁸. Сама Берберова, в отличие от Мережковского, Бунина, Зайцева и др., относилась к «младшему» поколению литераторов того времени, и поэтому ей не было предложено стать участником съезда. Иначе обстояли дела с ее мужем Ходасевичем. В начале сентября 1928 г. Буниных посетил сербский профессор А.И. Белич, который рассказывал о предстоящем съезде и об открываемых этим съездом перспективах. Предположительно, в беседе с Беличем Бунин говорил, а может быть, и просил о возможности начисления стипендии Ходасевичу. В письме к Буниной от 16 сентября 1928 г., написанном за несколько дней до отъезда в Белград, Зайцев писал: «Была Н.Н. <Берберова> — о Ходасевиче. Упомянула, что и Иван будет за него ходатайствовать <...>. Я, разумеется, обещал, но смогу ли что-ниб<удь> сделать реально, совершенно не знаю»¹⁹. Вскоре выяснилось, что Ходасевичу в стипендии было отказано, что и подлило масла в огонь при обсуждении Мережковских Берберовой в письме Бунину от 5 декабря 1928 г. (№ 2)²⁰. С этого

¹⁷ О белградском съезде пишет Глеб Струве: «Съезд, явившийся своего рода литературным смотром, состоялся при материальной поддержке югославского правительства. <...> Практическим результатом съезда был интерес, проявленный в Югославии к изданию произведений зарубежных писателей. На средства, ассигнованные правительством, была при сербской Академии наук учреждена особая издательская комиссия, которая стала, под общим названием “Русская библиотека”, выпускать ранее не изданные произведения зарубежных писателей. В этой серии вышли новые книги Бунина, Куприна, Мережковского, Шмелева, Ремизова, Гиппиус, Бальмонта, Амфитеатрова, Тэффи, Чирикова, Северянина и др. (молодых писателей это издательство почти не издавало)» (*Струве Г.П. Русская литература в изгнании / Под ред. Р.И. Вильдановой, В.Б. Кудрявцева, К.Ю. Лаппо-Данилевского. 3-е изд., испр. и доп. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. С. 139*).

¹⁸ Ср., например, как описывает их отношения Берберова: «Бунин бывал с ней <З.Н. Гиппиус> nastороже, но, конечно, ему редко удавалось победить ее в споре. Пленительная, старомодная примитивность Бунина забавляла ее и давала ей озорное желание спорить с ним в своем собственном ключе, потому что его — житейский, элементарный, двухмерный, бытовой — ключ был ей смешон, а Д<митрию> С<ергеви>-чу скучен. Он так и говорил:

— Мне Бунин скучен.

Но она считала, что скучных людей вообще нет и что Бунин “забавен”, забавен для нее, во всяком случае, потому что если его нельзя переубедить или переделать, то его, во всяком случае, можно удивить» (*Курсив. С. 291–292*).

¹⁹ Письма Б.К. Зайцева к И.А. и В.Н. Буниным / Публ. М. Грин // *Новый журнал. 1981. № 143. С. 145*.

²⁰ Вернувшись со съезда, 12 октября 1928 г. Зайцев пишет Бунину: «Самым знаменитым и дорого правительству обошедшимся оказался, конечно, Мережковский, но симпатий не внушил. <...> Ну, затем ордена. Мережковский теперь со звездой и лентой, мы с Куприным с крестами и звездами — звезды эти столь внушительны, что вполне выводят в тайные советники. <...> Вообще же говоря, ордена эти произвели в Париже некую сенсацию. <...> (Кстати: стипенд<ии> назначены Немировичу и Чирикову, а Т<эффи> и Х<одасевичу> отказано начисто, я долго и безуспешно говорил с Беличем. Х<одасевича>, может быть, пригласят прочесть что-ниб<удь> по литературной части, это и все)» (*Там же. С. 147; см. также письмо Зайцева Бунину от 16 октября 1928 г. — Там же. С. 148*).

момента в переписке Бунина и Берберовой наступает длительный перерыв (однако переписка между Берберовой и Буниной продолжается²¹).

Возобновляется переписка письмом Бунина от 12 июля 1931 г. (№ 3). К этому времени Берберова заканчивает свой роман «Последние и первые» (1929), который посылает Бунину для прочтения. Отзыва Бунина, судя по всему, не последовало. После этого письма переписка вновь прекращается почти на два года. За это время (в апреле 1932 г.) Берберова покидает Ходасевича, но вплоть до его смерти в 1939 г. остается дружна с ним и с О.Б. Марголиной-Ходасевич, ставшей его последней женой. В июне 1933 г. Берберова и Бунин обмениваются двумя письмами (№ 4–5). Берберова с восторгом пишет Бунину о опубликованных в «Современных записках» главах из 5-й книги «Жизни Арсеньева»²². В ноябре Берберова поздравляет Бунина с получением Нобелевской премии (№ 6), о присуждении которой было объявлено 9 ноября 1933 г. Переписка вновь прекращается, возобновляясь лишь в августе 1935 г. К этому времени Берберова выходит замуж за Н.В. Макеева (1888–1973)²³. Находясь в состоянии творческого подъема, Берберова пишет повесть «Аккомпаниаторша» (1934). Об этой повести — в которой начинает отчетливо звучать собственный голос Берберовой-беллетриста, — Бунин отзывается в письме от 2 августа 1935 г.: «<...> ах, какой молодец, ах, как выросла, окрепла, расцвела!» (№ 7). После ответного письма Берберовой и ее открытки с озера Комо на севере Италии (№ 8–9) — опять перерыв, длящийся почти три года. Берберова пишет роман «Без заката» (1938) и художественные биографии композиторов Чайковского (1936) и Бородина (1938), последняя из которых снискала одобрение Бунина (№ 11). Берберова пишет Бунину о литературных новинках, о Набокове, творчеством которого она восторгалась еще с конца 1920-х гг.²⁴ В сентябре 1938 г. Набоков с семьей переехал с французской Ривьеры в Париж, где Берберова и виделась с ним (№ 13–14).

Весной 1938 г. Берберова и Макеев переезжают из Парижа в деревню Лонгшен (Longchêne) в департаменте Сена и Уаза (Seine-et-Oise), расположенную в 40 километрах к юго-западу от Парижа. Там они покупают дом, в котором живут до лета 1947 г. (дом был продан в 1948 г. после их развода). Обзаведясь собственным хозяйством, Берберова настойчиво зовет Бунина погостить у нее в деревне. Первое приглашение, зафиксированное в их переписке, относится к июлю 1938 г. (№ 12). В «Курсиве» Берберова так описывает один из приездов Бунина в Лонгшен:

«Не знаю, сколько и кому надо в жизни прощать? Может быть, никому ничего не надо прощать? (так казалось в молодости). Во всяком случае я знаю, что всем всего прощать невозможно, и когда Бунин, после чудного дня, проведенного в Лонгшене <...>, когда после разговоров, чтения вслух, долгого лежания в креслах на площадке, между двумя маленькими домами, под миндальным деревом, и ласковых речей, вдруг за обедом он собрался понюхать жарен-

²¹ См. примеч. 3 к № 2.

²² В переписке с Буниным Берберова не касалась его поэтического творчества, к которому была, по-видимому, равнодушна. О разговоре, состоявшемся между Берберовой и Буниным о его стихах, см.: Курсив. С. 293–294.

²³ О нем см. примеч. 2 к № 7.

²⁴ В «Курсиве» Берберова так пишет о появлении «Защиты Лужина»: «Огромный, зрелый, сложный современный <...> русский писатель, как Феникс, родился из огня и пепла революции и изгнания. <...> Все мое поколение было оправдано» (Курсив. С. 297–298).

ного цыпленка, прежде чем начать его есть, я спокойно остановила его руку: я знала, что он это делает всегда — и за ужином у Цетлиных, и в наилучшем парижском ресторане, и у себя дома.

— Нет, — сказала я, — Иван Алексеевич, у меня вы нюхать цыпленка не будете. — И твердо отвела его руку с куском цыпленка на вилке.

— Ай да женщина! — весело сказал он. — Не боится никого. Недаром “я близ Кавказа рождена” и т.д. Только как же не нюхать? Дворянин тухлятину есть не может.

— Здесь, — сказала я, — вам тухлятины не дадут.

И разговор перешел на другие темы»²⁵.

* * *

В 1939–1940 гг. политические настроения во Франции и общая геополитическая ситуация во всей Европе резко меняются. Военная тема впервые прозвучит в письме Берберовой Бунину от 1 октября 1939 г., через месяц после начала Второй мировой войны (№ 14). Условно говоря, это письмо открывает второй период переписки Бунина и Берберовой, озаглавленный и другими событиями личного характера: 14 июня 1939 г. умирает В.Ф. Ходасевич. После его смерти О.Б. Марголина-Ходасевич подолгу гостит у Берберовой и Макеева в Лонгшене.

Общее смятение — в преддверии событий, потрясших Европу и весь мир, — распространяется не только в Париже, но и доходит до Грасса. Письмо Бунина Берберовой от 5 октября 1939 г. (№ 15) — одно из самых мрачных во всей их переписке. В декабре 1939 г. Берберова, живущая близ Парижа и имеющая возможность видаться с общими друзьями и знакомыми, пишет Бунину о захлестнувшем ее чувстве отчаяния и «оторванности от всего», об одиночестве и предчувствии катастроф (№ 16). «Оторванность» ощущал и Бунин; с началом войны ездить в Париж становилось все более сложно, а затем и небезопасно. В письмах этого периода Берберова сообщает Бунину о том, как начинает «замирать» русская литературная жизнь в Париже. 27 сентября 1939 г. Бунины переезжают с виллы Бельведер на виллу Жаннетт (тоже в Грассе), где живут до конца войны. Многие из общих знакомых Берберовой и Бунина, особенно евреи и те, кто был связан с евреями узами родства (Алдановы, Цетлины, Набоковы и др.), переселяются на юг Франции, покидают Европу, уезжают в Америку. Настоятельно зовут в Америку и Бунина²⁶.

6 декабря 1939 г. Берберова пишет Бунину: «<...> я пребываю в такой сильнейшей и преступно-безвкусной тоске по родине, что согласна на всякий ее сур-

²⁵ Курсив. С. 370–371.

²⁶ Ср., например, дневниковую запись Бунина за 25 августа 1940 г. о встрече с М.С. Цетлиной в Каннах: «Уговаривала, чтобы я серьезно подумал об Америке — “жить тут вы все равно не сможете”» (Устами Буниных. Т. 3. С. 63). По свидетельству Полонского, Бунину даже прислали экстренную визу (Иван Бунин во Франции. Дневник Я.Б. Полонского / Публ. Е. Эткинды // Время и мы. 1980. № 55. С. 266–302 (в дальнейшем: Дневник Полонского I). С. 283 — запись за 22 мая 1941 г.). 17 июля 1942 г. Полонский записывает: «<Бунин> жалеет, что не поехал в Америку, неожиданно заявляет, что не поехал из-за нас (?!), что мы, мол, отговаривали, а главное, сами решили не ехать, он бы и теперь поехал, если бы мы поехали (?!). <...> Ерунда какая-то, просто нашла на него волна “черной меланхолии” и раздражения. Говорит, что “из Америки, может быть, уеду к большевикам в Сибирь”» (Иван Бунин во Франции. Дневник Я.Б. Полонского / Публ. Е. Эткинды // Время и мы. 1980. № 56. С. 279–304 (в дальнейшем: Дневник Полонского II). С. 281).

рогат» (№ 16). Под «суррогатом родины» Берберова подразумевает Союз младороссов, и она не только сообщает Бунину о планах младороссов расширить свою издательскую деятельность, но и спрашивает его, по их просьбе, не согласился бы он печататься в их газете «Бодрость!» (там же)²⁷. Бунин не согласился (№ 17).

В довершение событий, неотвратимо набирающих ход в Европе, начинается советско-финская война, которая также взволновала русских эмигрантов. О финских событиях Бунин упоминает в письме Берберовой от 25 января 1940 г. (там же). 31 декабря 1939 г. в газете «Последние новости» был опубликован «Протест против вторжения в Финляндию», подписанный Алдановым, Бердяевым, Буниным, Гиппиус, Зайцевым, Мережковским, Рахманиновым, Ремизовым, Сириным (Набоковым) и Тэффи. Это одна из последних довоенных общественных акций, объединившая деятелей культуры из разных кругов русской эмиграции.

Однако в скором времени русских эмигрантов разведет в разные стороны отношение к гитлеризму. Часть эмигрантов видела в Сталине куда большее зло, чем в Гитлере, полагая, что Гитлер и есть та сила, которая способна искоренить сталинизм и большевизм. Отметим, что Бунин подобной точки зрения никогда не придерживался (с момента прихода нацистов к власти в Германии в 1933 г. и в течение всех лет войны и оккупации). К примеру, 1 февраля 1941 г. Бунин запишет в своем дневнике: «Гитлер в своей речи 30 янв<аря> признал “неуспехи” итальянцев. Но это не важно, — все равно, сказал он, “*en 1941 l’Histoire connaîtra un ordre nouveau — il n’y aura plus de privilèges, plus de tyrannie... le monde aura le dernier mot...*”. Идиот и сумасшедший»²⁸.

В начале войны Берберова виделась с Буниным во время его приезда в Париж в феврале 1940 г. (№ 18–19). Возможно, к этой встрече относится следующая запись в «Черной тетради» «Курсива» (хотя она датирована декабрем 1939 г., когда Бунины в Париж не приезжали). Эта встреча Бунина и Берберовой была последней до возвращения Буниных из Грасса в апреле 1945 г.:

«Застрали ночью в Париже, поздно было ехать домой. Поехали к Бунину ночевать, на улицу Оффенбах. Он один в квартире. Вера Ник<олаевна> в отъезде. Он выпил, и Н.В. М<акеев> выпил, и, кажется, я тоже слегка выпила. Он уложил нас в комнате Галины Ник<олаевны> Кузнецовой, где стояли две узкие одинаковые кровати, но мы довольно долго (часов до трех) еще бродили все трое по квартире и разговаривали. <...>

Мы сидели у Бунина в кабинете, и он рассказал все сначала (и до конца) про свою любовь, которой он до сих пор мучается. К концу (они оба продолжали пить) он совсем расстроился, слезы текли у него из глаз, и он все повторял: “Я ничего не понимаю. Я — писатель, старый человек, и ничего не понимаю. Разве такое бывает? Нет, вы мне скажите, разве такое бывает?”

Н.В.<Макеев> обнимал его и целовал, я гладила его по голове и лицу и тоже была расстроена, и мы все трое ужасно раскисли. В конце концов улеглись. Утром уехали, он еще спал»²⁹.

²⁷ О газете «Бодрость!» в этот период, см. примеч. 11 к № 16.

²⁸ «в 1941 г. История узнает новый порядок — больше не будет ни привилегий, ни тирании... миру будет предоставлено последнее слово» (*фр.*) (Устами Буниных. Т. 3. С. 80–81, 212 — цитата исправлена по: РАЛ. MS. 1066/533).

²⁹ Курсив. С. 445.

Весной 1940 г. немецкие войска оккупировали сначала Данию и Норвегию, а затем Голландию, Люксембург и Бельгию. 13 июня 1940 г. они вошли в Париж. 22 июня 1940 г. было подписано перемирие, условия которого разделили Францию на оккупированную северную часть и независимую (как оказалось, временно) южную часть, со столицей в Виши (к юго-востоку от Парижа, недалеко от Клермон-Феррана). В «Черной тетради» «Курсива», относящейся к периоду с 1939 по 1949 г., Берберова приводит свою дневниковую запись за июль 1940 г.:

«Вхожу <в кинотеатр>. В темном зале почти полно. На экране показывают, как прорвали линию Мажино, <...> как в Компьене подписывали мир и как в Страсбурге и Кольмаре население встречало немцев цветами. Потом Гитлер приезжает на Трокадеро и оттуда смотрит на Эйфелеву башню. И внезапно он делает жест... Жест такой неопишущей вульгарности, такой пошлости, что едва веришь, что кто-либо при таких обстоятельствах вообще мог его сделать: от полноты удовольствия он ударяет себя по заднице и в то же время делает поворот на одном каблуке.

Сначала мне хотелось громко вскрикнуть от стыда и ужаса, потом стало смешно от колокольного звона Страсбургского собора и духовной музыки... Рядом хихикали парочки, обнимались и целовались в полумраке»³⁰.

А еще через два месяца, в сентябре 1940 г., появляется следующая запись:

«Победивший враг гуляет по деревне, побежденный смотрит на него и для собственного успокоения ищет и находит в нем всевозможные приятные черты: он чист, вежлив, платит за все наличными деньгами (которые день и ночь печатает у себя во Франкфурте). И начинается разговор: они ни в чем не виноваты, они делают то, что им приказано»³¹.

С осени 1940 г. переписка приобретает более сжатый и фактографический характер. С конца октября 1940 г. до лета 1941 г. переписка ведется по-французски на стандартных открытках, в которых вписывали ограниченное количество слов в напечатанный текст, а внизу приписывали две строчки (№ 22–27). Летом 1941 г. было разрешено посылать стандартные открытки более свободного типа с текстом длиной в семь строк (№ 28–31). (См. среди иллюстраций к настоящему тому факсимиле № 22 и 28.)

Уже в октябре 1940 г. вишистское правительство маршала Петэна ввело антиеврейские законы и ограничения в правах по модели нацистских Нюрнбергских законов. Первые депортации евреев из Франции произошли в марте 1942 г. 16 июля 1942 г. в оккупированной зоне Франции было арестовано от 13 до 20 тысяч евреев. Именно в этот день были увезены Ольга Марголина-Ходасевич и ее сестра, и, несмотря на попытки их выволить, предпринятые Берберовой и ее мужем Макеевым, они были отправлены сначала в лагерь Дранси, а потом на смерть. В «Черной тетради» читатель сталкивается со следующей записью Берберовой за декабрь 1943 г.: «С. <знакомый Берберовой, эмигрант, находившийся на службе у нацистов> приехал во второй раз в отпуск из-под Смоленска. <...> Я сказала ему про Олю. Он ответил: “Они никогда не вернуться”. Я ему не верю»³². По понятным причинам в переписке Берберовой и Бунина лишь упоминаются имена их общих друзей и знакомых еврейского происхождения. Среди них, прежде всего, И.И. Фондаминский (1880–1942) и

³⁰ Курсив. С. 450.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 495.

О.Б. Марголина-Ходасевич (1890–1942), остававшиеся в оккупированной зоне Франции и погибшие в нацистских концлагерях.

Как и раньше, Берберова пишет Бунину о своей жизни в Лонгшене, в очередной раз зовет его в гости, сообщает информацию об общих знакомых.

После вторжения немецких войск на территорию СССР Берберова записывает в «Черной тетради»: «Июнь. Атилла сказал: Я — топор мира»³³. А 24 июня делает следующую запись:

«В день 22 июня в Париже немцами были арестованы русские эмигранты, около ста пятидесяти человек. Главным образом “видные”, но есть и “невидные”. Они арестованы “как русские”: “правые” и “левые”; среди них — Фондаминский, адвокат Филоненко, Зеелер и др. Прис<ажный> поверенный Н. рыдал и говорил, что никогда ничего не имел против немцев и что:

— Майн фатер из ин Берлин беграбен»³⁴.

Аресты и проверки документов у русских эмигрантов происходят не только в Париже и других частях оккупированной Франции, но и в «свободной» зоне, в том числе в Грассе. Не явился исключением и дом Буниных, где в то время жили Александр Бахрах, Леонид Зуров, Галина Кузнецова и Маргарита Степун. 30 июня 1941 г. Бунин записывает:

«В двенадцатом часу полиция. <...> Опрос насчет нас трех мужчин, кто мы такие, т.е. какие именно мы русские. Всем трем арест при полиции на сутки — меня освободили по болезни, Зурова взяли; Бахрах в Cannes, его, верно, там арестовали. Произвели осмотр моей комнаты. <...> Во втором часу радио: Франция прервала дипломат<ические> отношения с Россией ввиду ее мировой коммунистич<еской> опасности»³⁵. (Бахрах потом был освобожден, и Бунин прятал его у себя в доме в годы войны.)

Война грозит уничтожить архивы, творческие рукописи, дневники. Особого внимания заслуживают письма Берберовой и Бунина за сентябрь 1941 г. (№ 32–33), в которых идет речь о Тургеневской библиотеке, где хранилась часть бунинского архива³⁶. Общими усилиями Берберовой, Зайцева, матери Марии

³³ Там же. С. 469.

³⁴ Mein Vater ist in Berlin begraben (нем.) — Мой отец похоронен в Берлине (Курсив. С. 469). Берберова — автор будущей книги «Люди и ложи: Русские масоны XX столетия» — поясняет в записи от 25 июня 1941 г.: «Выглядит так, что арестовали главным образом масонов — членов Гранд Лож (правых) и членов Гранд Ориан (левых)» (Там же).

³⁵ Устами Буниных. Т. 3. С. 99. То же самое описывает Кузнецова 2 июля 1941 г.: «3-го дня утром, услышав звон колокольчика у ворот, выглянула и увидела Рустана — местного комиссара полиции, с каким-то человеком. С ним уже говорил Зуров. Быстро сошла во двор. Оказалось, что он хочет видеть всех живущих в вилле мужчин. Я провела их в салон. Рустан требовал прежде всего И.А. Когда они с Верой Николаевной сошли, он начала издали: “Вы белые русские?” В.Н. ответила: “Мы эмигранты”. Он стал говорить, что получено распоряжение проверить всех русских, т.е. пересмотреть их административное положение. Долго не могли понять. В конце концов он должен был сказать, что должен увести всех троих мужчин, живущих в вилле, для проверки их специальной комиссией. И.А. был в халате, страшно бледен и вдруг совершенно как бы перестал понимать французский язык» (цит. по изд.: Кузнецова Г. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад. М.: Московский рабочий, 1995. С. 306).

³⁶ Подробнее о Тургеневской библиотеке см.: Grimsted P.K. The Odyssey of the Turgenev Library from Paris, 1940–2002: Books as Victims and Trophies of War. Amsterdam: IISH, 2003. <http://www.iisg.nl/publications/respap42.pdf>

(Скобцовой) и некоторых других близких Бунину людей, его архив удалось спасти. Берберова пишет в «Курсиве»:

«Забота о бумагах и книгах была постоянной в эти годы. Люди бросали квартиры, и архивы и библиотеки их вывозились в неизвестном направлении <...>. После вывоза Тургеневской библиотеки выяснилось, что в подвале здания, где она помещалась (отель Кольбер, улица Бюшеллери), лежит архив Бунина. Еще летом 1941 года город Париж потребовал, чтобы все, что осталось от Тургеневки, было вывезено»³⁷.

Согласно Берберовой, по просьбе Зайцева она согласилась спрятать архив Бунина в своем доме в Лонгшене, но прежде сочла необходимым спросить об этом самого Бунина (№ 32). Бунин ответил, что предпочел бы, чтобы чемоданы с его бумагами были перевезены в его парижскую квартиру (№ 33). Берберова и Зайцев решили, что это слишком рискованно, и перевезли их в русское общежитие на улицу Лурмель к матери Марии. Таким образом, архив Бунина был спасен³⁸.

Многое меняется в жизни Берберовой за четыре месяца с момента написания письма Бунину от 17 октября 1942 г. (№ 42), непосредственно перед вводом немецких войск в «свободную» зону, до следующего письма, написанного уже по-русски, от 19 марта 1943 г. (№ 43). Еще в мае 1942 г. до уехавших в США Я.М. Цвибака и Алданова с легкой руки находящегося на юге Франции Полонского доходят слухи о «недостойном поведении» Берберовой (фраза самой Берберовой из № 50). 13 мая Цвибак пишет Алданову:

«Новое письмо Полонского очень интересное и также принесло мне много материала... Но Берберова? У меня рука не поднимается для расправы с этой бывшей приятельницей, которую я очень искренне любил»³⁹.

15 мая Алданов ему отвечает:

«Получил оба Ваши письма, спасибо большое за Я.Б. <Полонского>».

Насчет Берберовой не берусь советовать. Меня больше всего удивила глупость ее поступка: “серебряники” она проест, квартира на ав. Ла-Бурдоннэ кончится, а дальше что? Даже в случае победы Гитлера она как писательница кончена для русских читателей, — а какие у нее могут быть другие? Она ведь не Мережковский. Теперь сомнений в самом факте быть не может. Я, пожалуй, сказал бы несколько слов, чтобы все-таки не оставлять впечатления полной общественной безнаказанности подобных поступков»⁴⁰.

³⁷ Курсив. С. 428. Берберова далее цитирует письмо Зайцева от 24 августа 1941 г.:

«Chère Ninon, получил из Парижа известие, что остаткам Тург<еневской> библ<иотеки> предложено до октября очистить помещение. Там кое-что осталось — для меня самое важное, что остался архив Ивана. Библиотекаряша, думая, что я в Париже, просит содействовать в подыскании какого-нибудь “хоть бы сарая”. Меня полки, шкафы и даже 300 (их) случайных книг мало интересуют. Сентябрь, вероятно, мы проведем здесь. Но 9 Ивановых чемоданов? Там рукописи его, письма!

Мы с Верой надумали так: нельзя ли эти 9 чемоданов поместить у Вас? <...>

Ведь очень уж будет горестно, если архив пропадет» (Там же).

Последним дням Тургеневской библиотеки посвящен очерк-рассказ Берберовой «Конец Тургеневской библиотеки» (Новый журнал. 1961. № 63. С. 157–161).

³⁸ Курсив. С. 429. См. также указанный в предыдущем примеч. очерк-рассказ «Конец Тургеневской библиотеки».

³⁹ BAR. Mark Aleksandrovich Aldanov Papers.

⁴⁰ Beinecke. GEN MSS. 100. Andrei Sedykh Papers. Box 1. Folder 2.

Письмо Полонского найти не удалось, однако выдержки из его дневника, опубликованные Ефимом Эткингом в 1980 г., показывают, что источником некоторых обвинительных высказываний Полонского о Берберовой послужили ее письма к Бунину и, возможно, к Адамовичу⁴¹. Не исключено, что письма Берберовой обсуждались среди домочадцев Бунина в Грассе и зачитывались знакомым. Так, после встречи с Буниной и Зуровым 2 ноября 1942 г. Полонский резюмирует в искаженном русском переводе письмо Берберовой к Бунину от 17 октября 1942 г. (№ 42): «“Мы Вас <т.е. Бунина> любим, обожаем, — Бенуа и Шмелев уже заняли определенную позицию, Зайцев — еще нет”. Следовательно, остановка-де за Вами. Очень им, видно, нужен для престижа Бунин»⁴². (О других подобных случаях речь пойдет ниже.)

Учитывая исторический контекст ноября 1942 г., обратим внимание на вопрос, который Берберова задает Бунину в том же письме от 17 октября 1942 г. (№ 42): «Lisez-vous le “Nouvelles”? Savez-vous, que a Kiev on se jette (comme des affamés) sur vos livres? <Читаете ли Вы «Новое слово»? Знаете ли Вы, что в Киеве набрасываются (как изголодавшиеся) на Ваши книги? (фр.)>». Берберова имеет в виду вышедший в «Новом слове» репортаж из книжного отдела коммиссионного магазина на Фундуклеевской улице в Киеве (пометка в конце статьи: «Киев, сентябрь 1942 г.»):

«Иностранцы копаются в книгах, ища старинных уникамов. Киевлян — уникамы не интересуют. Каждую минуту забегает кто-нибудь и спрашивает, нет ли новой книги из-за границы. И, если таковая есть, — она выхватывается моментально и за любую цену. Разницы между автором пока не делается, главное, чтоб книга была издана за границей. Неважно, роман или сборник рассказов. Проза или стихи. Бунин или Иванов, Мережковский или Петров. Хватается судорожно все, но особенно воспоминания и мемуары. Сазонов, Коковцев, Деникин, Врангель, Шульгин, если проникают сюда одним или двумя экземплярами, немедленно исчезают с рынка и переходят из рук в руки. То же относится и к романам Краснова, имеющим исключительный успех.

Но все это бледнеет перед тем, с какой жадностью ждут здесь “заграничную газету” <т.е. само «Новое слово»>»⁴³.

Сам Бунин никогда не помышлял о возможности какого-либо сотрудничества с немцами или их прислужниками⁴⁴. (Ср. также запись Берберовой в

⁴¹ Летом 1945 г. Берберова обратилась к Адамовичу за объяснением его участия, как она предполагала, в кампании против нее. Его ответ от 3 августа 1945 г. см. в примеч. 2 к Приложению.

⁴² Дневник Полонского II. С. 292.

⁴³ *Февр Н.* На развалинах большевизма: Киев и киевляне // Новое слово. 1942. 11 октября. № 81 (463). С. 3. 2 ноября 1942 г. Полонский записывает в дневник: «Иван Алексеевич получил открытку от Берберовой. Обхаживает его: “На Ваши книги набрасываются в Киеве (лжет, не сообразила: ведь не на что набрасываться — советских изданий почти нет, а те, что существуют, к продаже запрещены <у Полонского описка — «не запрещены»>; а эмигрантских изданий тоже нет, да и не могут они по целому ряду причин продаваться там» (Дневник Полонского II. С. 292).

⁴⁴ Дэвид Бетеа (см. примеч. 14) упоминает о переговорах, которые Бунин вел через Зайцева в 1943 г. с парижским издателем Фернаном Сорло (Fernand Sorlot) по поводу

«Черной тетради» за ноябрь 1942 г. о ее отношении к пронацистской газете («Новое слово»): «Достаточно прочесть два номера берлинской газеты “Новое слово”, чтобы понять всю ничтожность, лакейство, продажность, всю подлость русской души, когда она хочет выслужиться, отличиться»⁴⁵).

Отношение Бунина к русским литераторам, печатавшимся в пронацистской прессе, всегда оставалось отрицательным (Бунин, как и Адамович, укрывал в своем доме евреев). 21 августа 1942 г., после встречи с Буниным в Ницце и разговора о сотрудничестве Шмелева в «Парижском вестнике» и «Новом слове», Полонский записывает:

«Бунин решил наконец выяснить отношения с Зайцевыми, а то с самого начала войны с Россией они его не спрашивали, а он не объяснял своей позиции, и он написал им в открытке — “Chmoulevitch — sterva, quoique le père malhereux” <Шмулевич — стерва, хоть и несчастный отец (фр.)> (у Шмелева расстрелян был в Гражданскую войну сын).

— Теперь, надеюсь, поймут»⁴⁶.

Аналогичным образом Бунин отреагировал и на сообщение Берберовой об Иванове-Разумнике в открытке от 1 июня 1942 г. (№ 39):

«Бунин даже сразу не поверил, что он <Иванов-Разумник> печатается там. Я говорю ему, что сам он старается ничего неприличного не писать, но Ив<ан> Ал<ексеевич> с таким искренним недоумением сказал: — Ну как же так? Как же он в такую компанию пошел?»⁴⁷

Среди постоянных сотрудников коллаборационистского «Парижского вестника» Григорий Аронсон особо выделяет двух писателей: Сургучева и Шмелева. В числе «эпизодически и случайно опубликовавших свои статьи, заметки или письма» Аронсон называет А.Н. Бенуа, Н.Н. Евреинова, С.М. Лифаря, Г.С. Евангулова и др.⁴⁸ Имени Берберовой он не упоминает вовсе⁴⁹.

Как известно, сам Бунин был объектом нападков в «Парижском вестнике». Аронсон приводит цитату из статьи П.В. Карташева в номере газеты от 13 февраля 1943 г., где говорится о евреях-«поджигателях войны»:

«Не дай Бог сказать, что это евреи. Помилуйте, все наши “передовые” — Милюковы, Коноваловы, Вакары, Осорины, Бунины и др. затравили бы вас общественным презрением, как мракобеса. Но мы не боимся этих кличек и заявляем, что война нужна была только евреям, войну подожгли только евреи и ведут ее только они»⁵⁰.

публикации сборника его прозы во французском переводе. Бунин отказался от этой идеи и попросил издателя вернуть ему рукопись.

⁴⁵ Курсив. С. 484.

⁴⁶ Дневник Полонского II. С. 283.

⁴⁷ Дневник Полонского I. С. 302.

⁴⁸ Аронсон Г. «Парижский вестник»: Прогитлеровский орган на русском языке (Опыт характеристики) // Новый журнал. 1948. № 18. С. 330–341. «Парижский вестник» выходил еженедельно с 14 июня 1942 г. по 12 августа 1944 г. (№ 1–112) под эгидой созданного 21 апреля 1942 г. и возглавляемого Ю.С. Жеребковым коллаборационистского Управления делами русской эмиграции во Франции, в обязанности которого входила регистрация русских эмигрантов. Согласно Аронсону, в газете за время ее существования опубликовался 131 автор.

⁴⁹ «Берберова очень гордилась тем, что дотошный Аронсон не включил ее в свой список» (Ронен О. В редакцию «Звезды» // Звезда. 2002. № 7. С. 235).

⁵⁰ Цит. по Аронсону (см. примеч. 47 — С. 335).

Современный историк О.В. Будницкий высказал мысль о том, что «симпатии Берберовой к тогдашним победителям остались, по-видимому, вполне платоническими. В пронацистских изданиях она не печаталась»⁵¹. Говоря о «платонических» симпатиях Берберовой к гитлеровцам, Будницкий исходит, прежде всего, из ее переписки с современниками. Наиболее серьезным «аргументом» против Берберовой послужило ее стихотворение «Шекспиру», датированное 1942 г. и, как можно предположить, написанное до победы советских войск в Сталинградской битве (или, по крайней мере, до ноября 1942 г., когда советские войска перешли в наступление под Сталинградом, а войска нацистской Германии вошли в «свободную» зону Франции). Стихотворение Берберовой могло быть известно современникам уже во время войны, хотя, насколько известно, опубликовано оно было лишь в 1953 г. в Нью-Йорке⁵². Факта его публикации Берберова не скрывала⁵³. Несмотря на то, что стихотворение «Шекспиру» пронизано отсылками к «Макбету», оно вызвало недоумение у некоторых современников Берберовой — недоумение по поводу настораживающей авторской позиции:

«И где-то между Ильменем и Доном,
Владыка мира смотрит в очи року.
Они легли, мильоны, легионы,
С костями, еще татарскими, мешаясь,
С литовскими, с французскими костями,
Там, где когда-то — Куликово поле,
Полтавская, широкая равнина,
Там, где когда-то, над Невой, в Европу
Блеснул очами первый император.
Они легли, и более не встанут.
Им сладко спать в объятьях половецких,
Им хорошо с полками Гедимина,
Со старой гвардией Наполеона.
Над ними зашумит, о, скоро, скоро,
Российский хлеб... Но тот, кто век потряс,
Тот без тебя окончить жизнь не может.
О, гений Стратфордский, сойди к нему,
Введи его в твой сонм судеб ужасных
И научи последнему призванью!»

Обращаясь и далее к «гению Стратфордскому» (т.е. Шекспиру), в финале стихотворения лирический герой произносит:

«Лишь кровь течет. Есть кровь. Мы все в крови.
Вода в крови, земля в крови, и воздух
В крови. И тот, убоины не евший
Всю жизнь, как мы, стоит по грудь в крови.
О, гений Стратфордский, о, дух могучий,
Ты кровь любил, приди же, помоги
Скорей закончить этот путь кровавый!»⁵⁴

⁵¹ Будницкий О.В. «Дело» Нины Берберовой // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 141–173 (в дальнейшем: Будницкий). С. 144.

⁵² На Западе: Антология русской зарубежной поэзии / Сост. Ю.П. Иваск. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 99–100.

⁵³ Ронен О. Из города Энн: Берберова (1901–2001) // Звезда. 2001. № 7. С. 213–220 (в дальнейшем: Ронен). С. 214.

⁵⁴ Уместно вспомнить, что всему «Курсиву» предпослан эпитаф из «Макбета». В дословном переводе Берберовой шекспировские строки эпитафа звучат так: «Если ты

Ошибочно полагая, что к моменту выхода англоязычного варианта «Курсива» стихотворение так и не было опубликовано (в «Курсиве» о нем не упоминается), в своей рецензии на «The Italics are Mine» Роман Гуль заметил в 1970 г.: «А жаль, ибо — тематически — оно оказалось бы единственным в русской литературе»⁵⁵. Полемизируя с О.В. Будницким, в статье к столетию со дня рождения Берберовой Омри Ронен цитирует письмо Берберовой к нему, написанное по поводу рецензии Гуля:

«<Гуль> возмущен, что я, в одном своем стихотворении, сравнила Гитлера с одним из Шекспировских героев! Действительно, в моем стихотворении “Шекспиру” (1942 г.), где Гитлер, конечно, не назван по имени, есть параллель между ним и Макбетом, так же, как в этой моей книге есть параллель между Сталиным и персидским царем Камбизом. Это мое стихотворение в трех версиях ходило по рукам в 1942–44 гг. в Париже. И Гуль жалеет, что оно до сих пор не напечатано: он намекает, что я скрываю его, т<ак> к<ак> Гитлер в нем мною “воспет”. И вот тут-то я и принуждена осторожно спустить Гуля в юдоль нашей земной действительности, с которой он, видимо, потерял контакт: стихи мои под названием “Шекспиру” были напечатаны в те времена, когда покойный М.М. Карпович и сам Гуль печатали меня в своем журнале. Эти стихи можно прочесть в Антологии, вышедшей в изд. им. Чехова, в Нью-Йорке, в 1953 г., под редакцией Ю.П. Иваска, на стр. 99»⁵⁶.

Некоторые сведения об отношении Берберовой к текущим историческим событиям можно почерпнуть из ее переписки с Ивановым-Разумником. Берберова разыскала его по объявлению, помещенному им в берлинском «Новом слове», где он стал публиковаться, оказавшись в 1942 г. в Германии в лагере для перемещенных лиц. В письме Иванову-Разумнику от 26 мая 1942 г. Берберова пишет:

«Июнь сорокового года, завоевание Франции, оказались пределом нашим. До этого — была одна жизнь, жизнь губернского русского города, с газетами, журналом, клубом, театром, церквями, и пр. и пр. После этого года — настало совсем иное. Многие из наших уехали; живем сейчас в одиночку. Появились надежды — впервые за двадцать лет, и от них все перестроилось в своей внутренней основе. Что касается меня, то у меня редкое счастье: я живу у себя, т.е. в собственном маленьком деревенском доме, где сад, где огород, мною выхаживаемые, где подобие прочности — книги и возможность работы. <...> Мы уже очень давно не видели никого, кто бы приехал по доброй воле из чумных мест.

можешь посмотреть в семена времени / И сказать, какое зерно взойдет, а какое — нет, / Тогда говори со мной <...>» (действ. 1, сц. 3; ср. англ. «If you can look into the seeds of time, / And say which grain will grow, and which will not./ Speak then to me <...>»).

⁵⁵ Гуль Р. N. Berberova. The Italics Are Mine <...> // Новый журнал. 1970. № 99. С. 283–292 (в дальнейшем: Гуль). С. 288.

⁵⁶ Ронен. С. 214. О.В. Будницкий полемизирует с Роненом (Неладно что-то в «Городе Энн» // Звезда. 2002. № 7. С. 234–235), который, в свою очередь, откликнулся ответным письмом в редакцию журнала «Звезда» (см. примеч. 48).

Заметим, что в своем обращении к Шекспиру и образам шекспировских героев Берберова не одинока. Ряд других русских писателей, как в эмиграции, так и в СССР, использовали подобные сравнения, говоря о тиранах, прежде всего — о Сталине. К примеру, современник Берберовой Л.М. Леонов (1899–1994) заявил следующее летом 1993 г.: «Но я считаю, что Сталин, по-моему, единственная шекспировская фигура в нашей революции...» (*Шраер М.* Последний русский классик на пороге столетия: Предсмертный портрет Л.М. Леонова // Литературное обозрение. 1998. № 4. С. 41).

А вот уже скоро три года, как не видали ни газет, ни книг оттуда. Есть у меня кое-кто из друзей, кото<рые> сражаются на восточном фронте <т.е. на стороне Германии> сейчас. Вести от них — самое волнующее, что только может быть. Здешняя наша жизнь — одно ожидание»⁵⁷.

Очевидно, сама Берберова подвергалась давлению как со стороны представителей немецкого оккупационного режима, которые ведали делами русских эмигрантов во Франции, так и со стороны эмигрантских литераторов, сотрудничавших в пронацистской русскоязычной прессе. Вот описание одного дня из жизни Берберовой в ноябре 1942 г. (т.е. вскоре после ввода немецких войск в «свободную» зону Франции и ужесточения репрессий):

«Получила вызов в русский отдел гестапо, где-то около музея Галлиера. Н.В. М<акеев> получил вызов в Версаль — это для отправки на работы в Германию <отправка не состоялась>. Еду одна. Вхожу. Подхожу к одному из чиновников, сидящих за столами в большой комнате. Быстро оглядываю всех сидящих — ни одного знакомого лица, но я сразу чувствую, кто эти люди: у меня на русских в Париже глаз наметан. Это — крайне правые, старые, забытые люди, настоящее эмигрантское “незамеченное поколение” — хамы из бывших чиновников “двора его императорского величества”, министерства внутренних дел, тайные члены Союза русского народа, спасшиеся от расстрелов губернаторы, аппаратчики политотделов “дикой дивизии” и отрядов Мамонтова и других банд. Настал, значит, теперь их день, не наш день. На их улице — праздник.

— Вы — масонка?

— Нет, я не масонка.

— Тут сказано, что вы масонка.

Дает мне брошюру адвоката Печорина “Масоны в эмиграции”. Там перечислены десятки фамилий. Между ними — Р.И. Берберов.

— Я — не Р.И. Берберов.

— А кто же Р.И. Берберов?

— Брат моего отца.

— Где он?

— Он умер несколько месяцев назад на юге Франции.

Молчание.

— Вы — не еврейка?

— Нет, я не еврейка.

— Как вы можете это доказать?

— Я не могу доказать, что я не еврейка. Докажите вы, что я еврейка.

Молчание.

— У вас депортировали *родственницу* как еврейку.

Это — про Олю <О.Б. Марголину-Ходасевич>. Я молчу. Он:

— Я вас спрашиваю.

— Я не понимаю, о ком вы говорите.

Потом он приносит из какого-то шкафа толстую папку. Это — мое “дело”. Он долго роется в нем. Там, как видно, дюжины две доносов.

— Почему вы не печатаетесь в наших газетах?

— Я ничего не пишу.

⁵⁷ Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов / Публ. О. Раевской-Хьюз. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2001. С. 44.

— Почему?

— Стара стала. Талант пропал.

— В таком духе мы говорили еще минут пять, и он меня с неохотой отпускает»⁵⁸.

А вот запись Берберовой за август 1943 г.:

«Вчера на станции Данфер-Рошро натерпелась страху. <...> Вдруг голос: Здравствуйте, Н<ина> Н<иколаевна>.

Георгий М<ейер> <один из авторов «Парижского вестника»>. Не сразу узнала его, и даже не помню, была ли когда знакома с ним. Пропустила два поезда. Он держал меня и не отпускал. Его монолог приблизительно сводился к следующему:

— Мы создали наш новый Союз писателей. Председателем — наш дорогой Илья Григорьевич <т.е. Дмитриевич> (Сургучев, с которым я уже лет пятнадцать не кланяюсь). Я — секретарь. Записались в члены... (тут следуют фамилии). Ремизов обещал (это, я знаю, ложь). Когда же вы вступите? Непременно пришлите мне прошение о принятии вас в члены. <...> Знаете, Н.Н., лучше записаться пораньше: кто не запишется, того *мы в Россию не пустим*. <...> А инициаторы поедут в первую голову. Хотим издавать газету в Минске. <...>

Я говорю:

— Я не за городом живу, а в деревне, очень далеко, и нет никаких средств сообщения. Я не смогу приезжать на чтения.

— Как хотите. Как хотите. Подумайте о будущем»⁵⁹.

В период с осени 1941 г. до весны 1943 г. Бунин посылает Берберовой две открытки (№ 36, 41) (не исключено, что другие не сохранились или не дошли до адресата). А вскоре после возобновления переписки в марте—апреле 1943 г. (№ 43—44) вновь наступает перерыв, длящийся восемь месяцев: в письме от 18 декабря 1943 г. Бунин пишет Берберовой, что «вот уже лет 17, как от Вас ни строки! Почему? *Просто* понять этого нельзя, — очевидно, “неспроста”. Но что за “неспроста”?» (№ 45).

Жизнь в доме Буниных меняется — в начале апреля 1942 г. Кузнецова и Маргарита Степун покидают Грасс (№ 44). Меняется и общее положение в «свободной» зоне Франции. Военными властями вводятся ограничения на передвижение по стране. Характерна дневниковая запись Буниной за 4 мая 1943 г.:

«К маю нам подарки: 1) нельзя выходить после 11 ч. вечера, 2) нельзя ночевать не дома, 3) нельзя без разрешения ездить, — но это, кажется, в ближайшем будущем. — Против ворот выстроен блокгауз для пулемета»⁶⁰.

Приморские Альпы были оккупированы в ноябре 1942 г. (сначала итальянцами, а с сентября 1943 г. — немцами). Присутствие немцев в Грассе стало особенно ощутимым в феврале 1944 г. 15 февраля Бунин записывает: «Немцами взяты у нас 2 комн<аты> наверху. Нынче 1-й день *полной* нем<ецкой> оккупации А<lres> М<aritimes>»⁶¹. Через два дня в дневнике Буниной появляется запись: «Мы теперь в оккупационной зоне. Эвакуационная линия вглубь от моря конча-

⁵⁸ Курсив. С. 486—487.

⁵⁹ Там же. С. 492—493.

⁶⁰ Устами Буниных. Т. 3. С. 149.

⁶¹ Там же. С. 163.

ется Мужен — С. Поль. Нас пока не трогают»; а 26 февраля: «Утром пошла в полицию. Там узнала, что вызывают иностранцев для эвакуации»⁶². Начинается массовая высылка иностранцев из приморской зоны⁶³.

Готовясь к эвакуации, Бунин был близок к тому, чтобы принять приглашение Берберовой остановиться у нее в Лонгшене (№ 47). В письме от 10 марта 1944 г. он сообщает Берберовой: «<...> если не найду убежища в Париже, — простите, стесню на некоторый малый срок» (№ 48). Публикуя в «Курсиве» это письмо, Берберова приводит следующий комментарий:

«Я еще раньше звала Бунина в Лонгшен, где мы в это время не голодали, хотя и испытывали большие затруднения и вопросы еды и топлива стояли довольно остро. Копий своих писем к нему я не оставляла, иногда это были открытки; я не помню точно, когда именно я писала, что ему у нас будет спокойно и тепло, — слишком ему тяжело было в Грассе, о чем он непрерывно писал, жалуясь на голод, холод, одиночество. Как известно, “свободная” зона Франции очень скоро была уравнена с оккупированной, таким образом, с политической стороны разницы где жить не было. Если бы даже оккупационные власти заинтересовались им, то это все-таки для него было бы не так страшно, как его пятилетнее сидение в месте, где у него не было близкой души, при отсутствии докторов, а главное — средств к существованию. В Лонгшене ему было бы хорошо, принимая во внимание, что Париж был в часе езды, а в Париже были близкие друзья, среди которых ближайшими были Зайцевы»⁶⁴.

Несмотря на опасения, отразившиеся в письмах к Берберовой и к другим адресатам⁶⁵, сначала Бунин, а вскоре и Бунина получают разрешение остаться в Грассе (№ 49), после чего переписка Бунина и Берберовой вновь прерывается на 10 месяцев (до января 1945 г.). За это время Франция была освобождена⁶⁶.

Прокомментируем основные обвинения, выдвигавшиеся против Берберовой некоторыми представителями эмиграции и, очевидно, известные Бунину и его окружению. (На некоторые из них Берберова сама ответила в публикуемом в Приложении «циркулярном» письме Алданову от 30 сентября 1945 г. и про-

⁶² Там же.

⁶³ Угроза того, что Буниным придется освободить виллу Жаннетт, возникала и раньше. См., например, письмо Буниной к Тэффи от 5 августа 1943 г.: «“Nous sommes prévenus” <Нас предупредили (фр.)>, то есть у нас был служащий из мэрии и сказал, что наша вилла нужна, и если он придет во второй раз, то мы должны будем съехать в три часа. Пришлось все наше уложить в чемоданы, и теперь мы на них и живем. А это дело не шуточное! Одних писем у меня уйма накопилась за эти годы. Пришлось их разбирать, часть уничтожить» (Дiaspora. Вып. 2. С. 493). См. также дневниковую записку Буниной за 17 июля 1943 г. (Устами Буниных. Т. 3. С. 151).

⁶⁴ Курсив. С. 304.

⁶⁵ См., например, письмо Тэффи к Буниной от 6 марта 1944 г. (Дiaspora. Вып. 2. С. 507–508).

⁶⁶ 6 июня 1944 г. союзные американские и британские войска высадились в Нормандии, а 15 августа — на Средиземноморском побережье между Марселем и Ниццей. 24 августа войска союзников пересекли Сену, а Французские внутренние войска (FFI) поднялись против отступающих оккупантов. 25 августа был освобожден Париж.

должала отвечать в других письмах, обращенных, например, к М.С. Цетлиной в 1953 г.⁶⁷, М.В. Вишняку в 1965 г.⁶⁸ и М.Л. Слониму в 1969 г.⁶⁹)

20 марта 1945 г. в нью-йоркском «Новом русском слове» была опубликована статья Полонского «Сотрудники Гитлера», датированная январем 1945 г.⁷⁰ Статья написана в истерическом тоне, характерном и для дневниковых записей автора. В конце статьи Полонский противопоставляет «сотрудникам Гитлера» участников Сопротивления и антифашистов. Прочитируем отрывок, связанный непосредственно с обвинениями в коллаборационизме русских эмигрантов во Франции:

«Другие создали во Франции с помощью немцев собственный полицейско-административный аппарат <...>. Участвовали в изданиях гестапо на русском языке. Были спикерами немецкого радио. Создали “дамский комитет для отправки подарков воинам на фронте” (название может ввести в заблуждение). Другие занимались вылавливанием скрывавшихся от депортации евреев, работая поштучно, с головы. <...> Приезжая в отпуск из карательных экспедиций против русских крестьян, с гордостью разгуливали по улицам Парижа в немецкой военной форме. Иные стали даже называться по-немецки — Nicolas von Makeev».

Оговорим, что на визитной карточке и личном бланке Макеева (относящимся к 1930-м гг.) он, будучи представителем американских фирм, значится на американский манер: «Nicholas V. Makeev»⁷¹. Инициал «V» соответствует отчеству Макеева («Васильевич»), а не сокращенному немецкому «von», как полагал Полонский (см. об этом «циркулярное» письмо Берберовой Алданову).

Полонский приводит списки эмигрантов — военных и общественных деятелей, священнослужителей, журналистов, деятелей литературы и культуры, — которые, по его мнению, запятнали себя сотрудничеством с немцами:

«Вот несколько имен, взятых почти наудачу: выгнанный за взяточничество б<ывший> полицмейстер полк<овник> Феличкин, А. Гукасов с почти полным составом сотрудников “Возрождения”: Ренниковым, Г. Мейером, Абданк-Коссовским, В. Горянским, Сургучевым, В.Н. Ильиным и др.; гестаписты Можаров и гр. Чернышева-Безобразова; св<етлейший> кн. Горчаков; адвокаты В.Д. Печорин и В.А. Миллер; А.В. Дурасов, Н.Н. Берберова-Макеева, жандармский ген. Спиридович <...> и много-много других».

⁶⁷ В начале письма к Цетлиной от 27 декабря 1953 г. Берберова пишет: «Мне стало известно, что Вы показываете Вашим друзьям и знакомым мою открытку, написанную 13 лет назад В.В. Рудневу из Парижа в По, с призывом вернуться в оккупированную зону Франции из так называемой “свободной” зоны» (Beinecke. GEN MSS. 182. Nina Berberova Papers (в дальнейшем: Beinecke. Berberova). Box 21. Folder 577).

⁶⁸ Письма Берберовой и Вишняка за ноябрь 1965 г. хранятся в Hoover. M. Vishniak Collection. Box 1. Berberova Folder и в Beinecke. Berberova. Box 21. Folder 607. Письма опубликованы (см.: Будницкий. С. 162–165).

⁶⁹ Письма Берберовой и Слонима за ноябрь 1969 г., в которых речь идет о выходе «The Italics Are Mine», хранятся в Beinecke. Berberova. Box 19. Folder 516.

⁷⁰ Полонский Я. Сотрудники Гитлера. От собственного корреспондента «Нового русского слова» в Париже // Новое русское слово. 1945. 20 марта. № 12016. С. 2.

⁷¹ РАЛ. MS. 1066/3744, 1067/4041. См. среди иллюстраций к настоящему тому факсимиле визитной карточки и личного бланка Макеева.

Из видных деятелей эмигрантской культуры, кроме Берберовой, упоминаются Мережковский, Гиппиус, Лифарь, Евреинов. Имя Берберовой в статье названо дважды: в цитируемом выше списке и при обсуждении Мережковского. Примечательно, что здесь Полонский приводит — в искаженном и утрированном виде — выдержку из письма Берберовой Бунину от 17 октября 1942 г. (№ 42):

«Нужно сказать, что между органами немецкой пропаганды и четой Мережковских не всегда существовало в годы оккупации полное согласие. В зиму 1943 г. <Мережковский умер в декабре 1941 г.> произошла размолвка: немецкое командование не доставило им в обещанный срок дров для отопления. Вскоре, однако, отношения снова наладились. Пришло согласие от органов Геббельса печатать в Германии за немецкий гонорар произведения благонадежных эмигрантских авторов для ввоза в освобожденные от русских области Оста <...>. Мережковский снова услышал глас трубы Архангела.

Все это, конечно, совершалось из соображений человеколюбия, — там, в освобожденных областях Оста, население, — по выражению Берберовой, — изголодалось за двадцать лет по духовной пище».

Через полгода после публикации статьи Полонского, защищаясь от слухов и обвинений в обращении к Алданову «циркулярном» письме от 30 сентября 1945 г., Берберова коснется вопроса о продаже книг эмигрантских авторов на оккупированных территориях СССР (см. Приложение).

Как бы то ни было, статья Полонского получила большую огласку по обе стороны Атлантики и вызвала реакцию среди друзей Берберовой. Так, в письме Алданову от 12 ноября 1945 г. Борис Зайцев пишет о возможности иска против «Нового русского слова» (очевидно, за диффамацию Берберовой)⁷².

Кроме статьи Полонского, у порочащих репутацию Берберовой слухов были и другие источники. Омри Ронен пишет:

«Ряд современников обвинял Берберову в прогитлеровских симпатиях и в неблагоприятном поведении при немецкой оккупации. Г.П. Струве говорил мне, что ей не без причины обрили голову (о чем сама она молчит, лишь намекая на это фантазмагорическим обиняком в “Курсиве”)⁷³.

Речь идет о записи Берберовой в «Черной тетради», относящейся к 20-м числам 1944 г. (т.е. к периоду освобождения Парижа), где описывается публичное надругательство толпы над молодой француженкой, обвиненной в коллаборационизме⁷⁴. Отметим, что самого Струве в это время не было во Франции (с 1932 г. он работал в Лондонском университете, а с 1947 г. в Калифорнийском в Беркли), следовательно, он говорит о Берберовой с чужих слов. Можно лишь предположить, что в дни освобождения Лонгшена Берберова стала жертвой

⁷² BAR. Mark Aleksandrovich Aldanov Papers. Данное письмо является ответом Зайцева на два письма Алданова к нему (длинное от 22 октября 1945 г. и короткое от 25 октября — BAR. Boris Konstantinovich Zaitsev Papers), в которых тот разбирает «циркулярное» письмо Берберовой от 30 сентября, полученное им 22 октября. Эта тема затрагивается в уже опубликованных письмах Алданова, Вишняка и С.М. Соловейчика за ноябрь 1945 и январь 1947 (см.: Будницкий. С. 153–162).

⁷³ Ронен. С. 214. Ср.: Курсив. С. 500.

⁷⁴ Курсив. С. 499–500.

некоего события, получившего огласку в эмигрантской среде, а слухи о котором продолжали распространяться вплоть до 1990-х гг.⁷⁵ Вот что рассказал автору настоящей статьи И.В. Чиннов (1909–1996), оказавшийся в Париже в 1946 г.:

«Берберова очень со мной дружила в Париже после войны. Она приезжала ко мне стриженная, в чепчике. Ее остригли как коллаборантку. Взбиралась ко мне на шестой этаж в мою комнату, почти что комнату прислуги. Мы нежничали, разговаривали. Вокруг нее были тогда ничтожные люди. Она бросила Ходасевича на умирание и вышла за Макеева, который торговал картинами. Ее подвергли остракизму <...>. Она потребовала третейского суда и была оправдана по недостаточности улик; в судьях были ее старые знакомые. Я общался с Адамовичем, Бахрахом. Берберова была этим недовольна. Она написала на меня ругательную рецензию, враждовала с Гулем»⁷⁶.

Напомним, что поскольку Чиннов оказался в Париже лишь в 1946 г., т.е. много позже освобождения Лонгшена в августе 1944 г., его рассказ нельзя считать аутентичным. Вероятно, недоказанные слухи о публичном позоре, которому Берберову якобы подвергли деятели французского Сопротивления, наплодились в сознании ее обвинителей на тот негативный резонанс, который был вызван ее письмами из оккупированной в «свободную» зону Франции в 1941–1942 гг. По-видимому, сработала движимая слухами «презумпция виновности».

В относящейся к этому периоду переписке Бунина и Берберовой обозначились непреодолимые противоречия. Конфликт начинается с резко конфронтационного письма Берберовой Бунину от 29 января 1945 г. (№ 50), в котором она высказывает предположение, что «в свое время» он якобы писал Алданову

⁷⁵ Рут Ришин (Ruth Rischin), много лет дружившая с Берберовой, коснулась событий августа 1944 г. в докладе «“C'est moi qui souligne”: Nina Berberova and France» («“Курсив мой”: Нина Берберова и Франция»), прочитанном в Бостоне в 1996 г. на 26-й конференции AAASS (American Association for the Advancement of Slavic Studies). Ришин обратила внимание на переписку Берберовой с ученым-агрономом Владимиром Евреиновым (1887–1967), в годы войны жившим на юго-западе Франции. Согласно версии Ришин, сосед Берберовой — тот самый полуграмотный хам («Г-н»), который, по словам Берберовой, «пришел за нами с веревкой и объявил, что повесит всех “богатых” на “дерево свободы”» (Курсив. С. 499), следил за Берберовой в годы оккупации и читал адресованные ей открытки. Евреинов, предки которого перешли из иудаизма в православие еще при царе Алексее Михайловиче, в шутивно-иронической форме (вкрапляя в текст русские слова) описывает, как зимой 1942 г. ему пришлось подтверждать, что он не еврей, и для этого обзавестись удостоверением о своем арийском происхождении (Hoover. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 401. Folder 11 — открытки от 17 февраля и 10 мая 1942 г.). В открытке от 8 февраля 1943 г. Евреинов пишет Берберовой: «Cher amis. Viens de recevoir votre carte du 1 f<évrier>. N'ayant pas de nouvelles de vous, j'étais persuadé que vous étés partis en Allemagne, sachant vos sympathies adolfines et nemtchouriennes. Bravo. <...>» («Дорогие друзья! Только что получил вашу открытку от 1 февраля. Не имея вестей от вас, я был убежден, что вы уехали в Германию, зная ваши адольфинские <т.е. гитлеровские> и немчуринские <от слова «немчура»> симпатии. Bravo. <...>» (*фр.*) (Там же). Ришин высказала предположение, что смысл этих слов, употребленных Евреиновым с большой степенью иронии, мог быть прочитан соседями Берберовой по Лонгшену буквально.

⁷⁶ Из телефонного интервью, состоявшегося 6 апреля 1993 г. (*Шраер М.Д.* «Игрушка»: Записки об Игоре Чиннове // Дружба народов. 1999. № 11. С. 206).

в Америку о ее «недостойном поведении во время оккупации»⁷⁷. Кроме Алданова в письме упоминается имя Зайцева, общего друга Бунина и Берберовой. Однако, помимо имен, названных открытым текстом, за текстом этого письма стоит имя второй жены Керенского, Нелль, с которой Берберова дружила до отъезда Керенских из Франции в 1940 г. и от которой, собственно, Берберова и узнала об обвинениях в свой адрес. В архиве Берберовой в Йельском университете писем от Нелль Керенской не оказалось, а в многочисленных письмах самого Керенского к Берберовой эта тема почти не затрагивается. Сохранилось, однако, письмо Керенского к Берберовой от 2 января 1946 г., в котором он пишет: «Должен с удовлетворением и радостью сообщить Вам, что полонская грязная чепуха разоблачена и в Н<ью>->Й<орке>»⁷⁸. Оптимизм Керенского оказался преждевременным.

Под своими «клеветниками» Берберова, прежде всего, подразумевает Полонского, который, в отличие от Алданова, уехавшего в Америку в декабре 1940 г., оставался во Франции. Находясь в годы оккупации в Ницце, Полонский виделся с Буниным и другими русскими литераторами и общественными деятелями, жившими на французской Ривьере⁷⁹. Полонский вел дневник с 1928 г. до самой смерти в 1951 г. В фрагментах из дневника Полонского, опубликованных Ефимом Эткин-дом, центральное место принадлежит Бунину, а позиции, занимаемые писателями-эмигрантами во время оккупации, нередко предстают в искаженном виде. В опубликованной версии дневника Берберова упоминается лишь в связи с Буниным, но не исключено, что в полном тексте ей посвящены отдельные записи. Записи Полонского в какой-то мере отражают (но и искажают) высказывания Бунина и его домочадцев о письмах, получаемых Буниным в военные годы, а также о сотрудничестве русских литераторов (Шмелева и др.) в пронацистских изданиях⁸⁰.

Как показывают некоторые более ранние записи Полонского, он был настроен против Берберовой еще задолго до начала войны. Например, в августе 1936 г. он пишет:

«Берберова напечатала по поводу кончины М. Горького воспоминания о своих с ним встречах (т.е. о том периоде, когда Ходасевич и она жили <...> у Горького, т<ак> к<ак> Ходасевичу еще невыгодно было перейти на эмигрантское положение). Чтобы подлизаться к Бунину, она прибегла к самой беззастенчивой лжи: рассказывает, как в 1922 году Горький был взволнован от завис-

⁷⁷ До оккупации «свободной» зоны Франции у Буниных была возможность переписываться с уехавшими в Америку друзьями (Алдановы, Цетлины и др.). Переписка Бунина и Алданова возобновилась в конце 1944 г. В фонде Алданова в ВАР писем от Бунина за конец 1944 г. и начало 1945 г., в которых бы упоминалось имя Берберовой, не обнаружено.

⁷⁸ Weinecke. Berberova. Box 12. Folder 291.

⁷⁹ К концу оккупации, в начале 1944 г., Полонский с семьей были высланы («эвакуированы») из приморской зоны в Гренобль, где некоторое время им грозила отправка в лагерь уничтожения: «Мы прожили три очень тяжелых месяца. Все готовились каждый день поехать к Илюше <т.е. быть депортированными «на восток» следом за Фондаминским>» (из письма Полонского к Бунину от 17 апреля 1944 г. — РАЛ. MS. 1066/4658).

⁸⁰ О Полонском и его дневнике см.: Эткинд Е. Вместо предисловия // Дневник Полонского I. С. 266–267. Местонахождение оригинала дневника Полонского не установлено.

ти к Бунину за его “Митину любовь”, между тем как “Митина любовь” появилась в печати в “Современных записках”... в 1925 году! (я это проверил)⁸¹.

Как уже отмечалось, Полонскому было известно об открытке Берберовой к Бунину от 17 октября 1942 г. (№ 42), в которой она спрашивает, читает ли Бунин «Новое слово», а также пишет о печатавшихся в «Парижском вестнике» Шмелеве и А.Н. Бенуа. Полонский знал и о содержании другого письма Берберовой к Бунину от 19 марта 1943 г. (№ 43), в котором она сообщает о возникшем между ней и Зайцевым «унисоне касательно мировых событий»⁸². Как явствует не только из «Курсива», но и из послевоенной переписки Берберовой, в том числе из ее «циркулярного» письма Алданову, главным «клеветником», испортившим ей репутацию, она считала Полонского. «У меня были два врага в жизни, Полонский и Ступницкий⁸³», — писала Берберова М.Л. Слониму 15 ноября 1969 г.⁸⁴ В «Курсиве» имена Полонского и Ступницкого названы лишь инициалами (в биографическом справочнике к «Курсиву» Полонский не значится, а Ступницкому посвящена нелестная заметка):

«На Бунина был сделан нажим с двух сторон. С одной стороны — С., с другой — ближайший друг С., некто П. Будучи ближайшим свойственником Алданова, П. имел авторитет в Париже, который вряд ли заслуживал. Вернувшись в Париж после войны, он заявил, что все те, кто не погиб при немцах, — сотрудничали с немцами. Он очернил бесчисленное множество людей, в том числе и меня. <...> Одно из самых приятных для меня событий конца сороковых годов было общее собрание Союза писателей и выборы в президиум, на которых их обоих, С. и П., с грохотом “прокатили” (они считали, что их выберут), — сознаюсь, я действовала энергично и храбро и подготовила заранее этот “прокат”»⁸⁵.

При этом Берберова нигде открыто не говорит, что в военные годы одним из источников информации, которой располагал и которую распространял о ней Полонский, вольно или невольно оказался Бунин и его грасское окружение. Впрочем, Берберова не упоминает в «Курсиве» и других литераторов, включая Алданова и Цвибака, которые еще в 1942 г. с живым интересом обсуждали обвинения в ее адрес.

В ответном письме к Берберовой от 2 февраля 1945 г. (№ 51) Бунин категорически отрицает свою причастность к остракизму, которому она подверглась. Однако остается фактом, что к этому моменту ему уже известно — из писем Бахраха от декабря 1944 г. (см. ниже) и из письма Зайцева от 14 января 1945 г. — о том, что «Яков Борисович <Полонский> занимается травлей Нины Берберовой»⁸⁶. Вряд ли Бунин мог забыть, что он показывал Полонскому письма и открытки Берберовой, в том числе ее письмо к нему от 19 марта 1943 г. (№ 43).

⁸¹ Дневник Полонского I. С. 275–276.

⁸² Дневник Полонского II. С. 295.

⁸³ До войны юрист и участник Белого движения Арсений Федорович Ступницкий (1893–1951) был сотрудником редакции «Последних новостей», а после войны был близок к движению советских патриотов и в 1945–1951 гг. редактировал газету «Русские новости».

⁸⁴ См. примеч. 68.

⁸⁵ Курсив. С. 299.

⁸⁶ Письма Б.К. Зайцева к И.А. и В.Н. Буниным / Публ. М. Грин // Новый журнал. 1980. № 140. С. 164.

Бунин не поддерживал постоянной переписки с Алдановым (до января 1945 г.). Зная, что Полонский и Алданов состоят в близких родственных отношениях, Бунин мог легко предположить, кто является автором «клеветнических» писем о Берберовой. Примечательно, что в своем ответе Зайцеву от 21 января 1945 г. и в последующих письмах к нему же (например, от 9 и 26 февраля⁸⁷) Бунин вовсе не упоминает имени Берберовой.

В следующем письме к Бунину (№ 52) Берберова просит прощения за свою «горячность» и добавляет, что, судя по письмам жены Керенского, слухи также исходили от находящегося в Америке с 1942 г. Цвибака. Отвечая Берберовой на это письмо 17 февраля 1945 г. (№ 53), Бунин предлагает больше не касаться этой темы. Даже если предположить, что Берберова ждала от Бунина публичного гранд-жеста в ее защиту, такового не последовало. Тем не менее в «циркулярном» письме Берберова приводит цитаты из письменных заверений Бунина в личных письмах к ней от 2 и 17 февраля 1945 г. о его непричастности к делу.

В ответном письме Бунину от 23 февраля 1945 г. (№ 54) Берберова сообщает: «Написала в Америку, чтобы не приставали ко мне с допросами — за свои убеждения отвечаю, а сплетни посылаю к черту». На этом взаимные обиды в переписке Берберовой и Бунина действительно больше не затрагиваются. Берберова ничего не пишет Бунину об отправленном ею в США «циркулярном» письме от 30 сентября 1945 г., в котором (с некоторыми неточностями) она процитировала письма Бунина к ней от 2 и 17 февраля 1945 г. Бунин тоже не упоминает о «циркулярном» письме, о котором он, по всей видимости, знал. За исключением двух чисто деловых писем, связанных с издательскими делами (№ 55–56), на этом переписка Бунина и Берберовой завершается.

О напряженной идеологической атмосфере в эмигрантских кругах освобожденного Парижа Бунину было известно еще до его переезда обратно в Париж из Грасса в мае 1945 г., а именно осенью 1944 г. и зимой–весной 1945 г. В декабре 1944 г. Бахрах дважды писал ему о том, что Полонский активно настраивал общественное мнение против Берберовой. «С Полонским говорил полчасика назад по телефону, — писал Бахрах Бунину 6 декабря, — и он успел мне только прошипеть: “Остерегайтесь Берб<еровой>”»⁸⁸. Более подробно Бахрах коснулся этой же темы в письме Бунину от 20 декабря 1944 г.:

«Был как-то вечером у Полонских. <...> Пожалуй, они единственные люди (из тех, с которыми встречался я), которые горят святой ненавистью и жадной мщеницей. Все другие в разной мере “не холодны и не горячи”. Но Яша <т.е. Полонский> вытаскивает из архивов запыленные и проеденные молю “принципиальности” и скачет с ними в бой. Дай ему Бог, но что это ему даст, не знаю. Сейчас он ведет какую-то кампанию против Н.Н. Б<ерберовой>, с кем-то переписывается и хочет, чтобы ее исключали из каких-то союзов»⁸⁹.

Бунин проигнорировал упоминание Берберовой в первом письме. Отвечая Бахраху на второе письмо, он писал 27 декабря 1944 г.:

⁸⁷ Письма И. Бунина к Б. Зайцеву / Публ. А. Зверса // Новый журнал. 1980. № 138. С. 164–168.

⁸⁸ РАЛ. MS. 1066/1695.

⁸⁹ РАЛ. MS. 1066/1696.

«П<олонские> “горят”? “Не нравится мне это” (между нами сказать!) — излишество “ненависти”! В конце концов пора же, давно пора *точно* сказать, что такое наделала Б<ерберова>, верно, только болтала что-нибудь? Но ведь нельзя же все-таки колесовать за это!»⁹⁰

Плетя интриги против Берберовой, Полонский навязывает Бунину свою оценку идеологических разногласий среди парижской русской эмиграции. Вот выдержки из его письма Бунину от 6 марта 1945 г.:

«Начинаю с самого главного — с “русских патриотов” и с возвращения домой. Знаю, что у Вас нет вкуса к политике, но сейчас без этого никак не обойтись.

Все мы теперь (за исключением таких, как Берберова) патриоты России, больше того — все мы патриоты *Советской России*, Советского Союза. Последнее понимается всеми в смысле Империи. И, конечно же, все мы от борьбы (воображаемой) с режимом отказались. <...> Вашей евангельской кротости в отношении Берберовой — никак не сочувствуем и ее не разделяем. Вы, конечно, всего не знаете. Она из группы Мережковского, а он добился от Геббельса, что в Мюнхене немецкая пропаганда будет печатать на русском языке “благонадежных” эмигрантских писателей для ввоза в освобожденные области России. Вот тогда-то и писала Вам Берберова о том, как в Киеве ждут не дождутся Ваших книг <т.е. № 42>. За этим стояло другое. Она и Вышеславцев были загонщиками в группу “благонадежных” для Геббельса. Теперь ее будем исключать из Союза писателей и журналистов. <...>

Очень мы <Полонский и его жена Л.А. Полонская> рады, что Вы переедете в Париж. <...> Но Париж таит для Вас лично и опасности, — это надо сказать с полной откровенностью. Не взыщите на непрощенные советы, но нам здесь многое виднее. Политическое безразличие сейчас невозможно больше, а особенно невозможно оно будет для Вашего имени. Поэтому и невозможно по линии личных встреч и отношений, как раньше. Не знаю, достаточно ли ясно я выражаюсь, но какая-то линия проходит между людьми, к этому все теперь весьма и весьма чувствительны. Все определяется вчерашним отношением к России и к Германии. А Вам нетерпимо никакое навязывание, Вы определяете свое отношение к людям личными симпатиями. Тут-то и появятся сложности, которые могут поставить Вас в деликатное положение. Вам этого прямо никто не скажет, но знать это следует. Очень много людей нашего прежнего круга скомпрометировано и не только политически, но и в бытовом, житейском смысле»⁹¹.

Отношение Бунина к победе над нацистской Германией никогда не было двусмысленным. 23 апреля 1945 г. он писал Полонским:

«Милые друзья, надеемся быть в Париже 1 мая. Поздравляю с Берлином. “Mein Kampf...”. Повоевал, так его так! Ах, если бы поймали да провезли по всей Европе в железной клетке! Сердечно обнимаю. Ваш Ив. Б.»⁹²

По отношению к знакомым, над которыми нависла тень обвинений в коллаборационизме, Бунин действительно старался руководствоваться личными симпатиями, а не политикой.

⁹⁰ Бахрах А. По памяти, по запискам: И.А. Бунин // Мосты. 1966. № 12. С. 291–292.

⁹¹ РАЛ. MS. 1066/4659. (Отрывок письма «Очень мы рады ~ деликатное положение» см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 399.)

⁹² Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 398.

После возвращения Буниных из Грасса в Париж в мае 1945 г. Берберова и Бунин продолжали изредка видеться. Вот послевоенная запись Берберовой в «Черной тетради» за август 1945 г.:

«8-го было мое рождение. С трудом достала полфунта чайной колбасы. В столовой накрыла на стол, нарезала двенадцать кусков серого хлеба и положила на них двенадцать ломтиков колбасы. Гости пришли в 8 часов <...>. Пока я разливала чай, гости перешли в столовую. Бунин вошел первым, оглядел бутерброды и, даже не слишком торопясь, съел один за другим все двенадцать кусков колбасы. Так что, когда остальные подошли к столу и сели (в том числе С.К. Маковский, Смоленский, Ася <двоюродная сестра Берберовой> и др.), им достался только хлеб. Эти куски хлеба, разложенные на двух тарелках, выглядели несколько странно и стыдно»⁹³.

Завершающий период отношений Берберовой и Бунина связан еще с одним идеологическим конфликтом среди русских эмигрантов во Франции после войны. Комментируя контекст послевоенной переписки Бунина и Тэффи, Эдит Хейбер отмечает:

«Травили не только тех, кто якобы сотрудничал с нацистами, но и тех, кто, окрыленный победой, поддался советской кампании за репатриацию или, оставаясь в эмиграции, принял советское гражданство. <...>

Настоящий раскол между двумя лагерями русской эмиграции произошел в ноябре 1947 г. и был вызван решением Союза русских писателей и журналистов в Париже исключить тех членов, которые взяли советские паспорта. Выход Бунина <...> из Союза был истолкован многими как знак солидарности с исключенными советскими гражданами, что не соответствовало истине, но, тем не менее, серьезно отразилось как на <его> личной, так и на профессиональной жизни»⁹⁴.

После выхода Буниных из Союза русских писателей и журналистов в 1947 г. Берберова оставалась активным членом этой организации. Она регулярно печаталась в газете «Русская мысль», издававшейся в Париже с апреля 1947 г. под эгидой «нового» Союза, председателем правления которого с ноября 1947 г. был Зайцев (что отчасти послужило причиной разрыва его отношений с Буниным).

В письме к М.С. Цетлиной от 1 января 1948 г. Бунина, вышедшая из Союза еще раньше мужа, так объясняет свой уход:

«Теперь Союз есть скорее всего содружество “Русской Мысли”. А мне с членами этой газеты не по пути уже и по личным чувствам. С первых же дней существования ее Берберова начала лягать И<вана> А<лексеевича> как писателя, а Правление Союза в это тревожное заседание предложило ее в члены Правления — это была последняя капля, решившая мой уход»⁹⁵.

Бахрах, хорошо знавший характер Бунина, писал:

«Выход Бунина из состава Союза — факт в его биографии совершенно незначительный, тем более, что общественным человеком он никогда не был, да и по своему характеру не мог им быть. Но этот шаг был не в меру раздут некото-

⁹³ Курсив. С. 501.

⁹⁴ Диаспора. Вып. 3. С. 541.

⁹⁵ РАЛ. MS. 1067/7265 (авторский отпуск машинописного письма, перепечатанный и отправленный оригинал которого хранится в Рукописном отделе Национальной библиотеки Еврейского университета в Иерусалиме. Arc. Ms. Var. 401/56).

рыми буниноведами (в частности, советскими), которым была недостаточно знакома подлинная его подоплека»⁹⁶.

Раздражение Бунина в адрес Берберовой прослеживается в его послевоенных дневниковых записях и в переписке тех лет. Сохранилась страница газеты «Русская мысль» от 26 апреля 1947 г., где в рубрике «Литература и искусство» напечатана заметка Берберовой о Бунине. «В рассказе И. А. Бунина <«Три рубля»>, помещенном в «Орионе», — пишет Берберова, — есть момент, который может быть воспринят, как «слишком смелый». Есть в этом рассказе, мастерски написанном, какая-то неподвижность, некоторая окостенелость, — и это гораздо более существенно. Как будто Бунин придерживается какой-то правды — не творческой, а житейской (огромная разница!) и эта правда его стесняет». На полях газетного листка рукой Бунина написано: «Ах, стерва!»⁹⁷ Сохранился также автограф его эпиграммы:

«Страховому агенту Цвибаку (написано после рецензии Берберовой о моих «Воспоминаниях»): В «Русской мысли» я / Слышу стервы вой: / Застрахуй меня / От Берберовой!»⁹⁸

В переписке Бунина этих лет сохранились и другие саркастические замечания в адрес Берберовой. 7 февраля 1948 г. Бунин писал Адамовичу:

«Читали ли уже 17-ую кн<игу> «Нов<ого> журнала»? «Воскрешение Моцарта» <рассказ Берберовой> удивительно: пришел на какую-то дачу кто-то без подштанников, промолчал и проспал три дня — и ушел куда-то... Вполне Моцарт!»⁹⁹

27 июня 1948 г., т. е. уже после выхода Бунина из Союза русских писателей и журналистов и разрыва отношений с Зайцевым, Зайцев пишет Берберовой:

«Б<уни>н и Алданов ушли из «Н<ового> Ж<урнала>», это для него неприятно, но все будет продолжаться по-прежнему. История с Иваном не умолкает, М. С. <Цетлина> хочет составлять «меморандум» для сотрудников (ввиду враждебн<ой> агитации в Н<ью->Йорке), где намеревается цитировать мои и Веры письма к ней. — Мы против этого. Отрекаться не от чего, но просто пора плюнуть на все это — пусть Алд<анов> и Цв<ибак> раздувают кадило — мало ли что и обо мне говорят здесь (в направлении немцев, представьте!)»¹⁰⁰.

⁹⁶ Бахрах А. По памяти, по запискам. С. 124.

⁹⁷ РАЛ. MS. 1066/8597. В письме к жене из Жуан-ле-Пена от 30 апреля 1947 г. Бунин выразился похлеще: «Читала ли, какую подлую и дикую по непонятности ахинею написала про меня в «Рус<ской> мысли» Берберова — про «Три рубля» в «Орионе»? Наглая стерва и дура!» (РАЛ. MS. 1066А). Подобные ноты раздражения прослеживаются и в более поздних записях Буниных. 11 сентября 1950 г. Бунина записывает в дневнике: «Ну и дура Берберова!» — и дальше описывает реакцию Бунина на высказывание Берберовой о Есенине, Блоке и Леониде Андрееве: «Ян воскликнул: «С ней что-то делается!» А по-моему, она <...> с ума сошла, что про нее брякнули и о «стендал<евской> остроте» и что «всякое ее произведение — событие в эмигр<антской> жизни» (РАЛ. MS. 1067/426). Сохранился также номер «Нового журнала» с публикацией «Нового города» Берберовой, где в конце текста Бунин написал: «До того непонятно, что это такое, будто писал сумасшедший идиот!» (Новый журнал. 1953. № 32. С. 80 — РАЛ. MS. 1066/10595).

⁹⁸ РАЛ. MS. 1066/62. Сама Берберова в биографической заметке о Бунине в «Курсиве» приводит следующий вариант эпиграммы: «В «Русской мысли» слышен стервы вой / — Это критика Берберовой» (Курсив. С. 643).

⁹⁹ И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. С. 75.

¹⁰⁰ Beinecke. Berberova. Box 22. Folder 47.

Берберова и Бунин оказались во враждебных друг другу лагерях русской эмиграции. В тех кругах, к которым принадлежала Берберова, с большей готовностью закрывали глаза на годы войны и оккупации. По крайней мере, так воспринимали этот лагерь сам Бунин и его жена. «Почему я не ушел из Союза уже давным давно? — писал Бунин М.С. Цетлиной 1 января 1948 г. — Да просто потому, что жизнь его текла незаметно, мирно. Но вот начались какие-то бурные заседания его, какие-то распри, изменения устава, после чего начался уже его распад, превращение в кучку сотрудников “Русской мысли”, среди которых блистает чуть не в каждом номере Шмелев, участник парижских молебнов о даровании победы Гитлеру...»¹⁰¹. Вера Бунина высказалась более определенно в записке, адресованной супругам Полонским, пересылая им копию своего письма к Цетлиной от 1 января 1948 г.: «Союз неприемлем своим мягким отношением к коллаборантам, и, как пример, указываю, что на общем собрании был человек, носивший четыре года гитлеровскую форму»¹⁰².

Трудно сказать, что сыграло решающую роль в послевоенных отношениях Бунина и Берберовой: раскол ли Союза писателей и журналистов, рецензия ли Берберовой и развернутая на страницах «Русской мысли» «мелкоязвительная кампания против Бунина» (слова А. Бахраха)¹⁰³, либо то самое «недоразумение», о котором идет речь в письмах за январь–февраль 1945 г. (№ 50–54). Так или иначе, Берберова продолжала посещать творческие выступления Бунина, в частности — 19 июня 1945 г. в парижском зале Плейель, где Бунин читал два рассказа из «Темных аллей»¹⁰⁴. Другой вечер Бунина описывает сама Берберова в «Курсиве»:

«В небольшом зале Плейель, в 1948 году, он однажды устроил вечер чтения своих воспоминаний. <...> И в тот момент, когда он, с наслаждением произнося каждое слово, доказывал, что Блок — ничтожество, я подумала, что вот наступила минута, когда надо встать и выйти из зала, даже не хлопнув дверью. И какая-то странная слабость нашла на меня: я вдруг заколебалась, сделать это или продолжать слушать эти ревнивые, злые, безобразные страницы. В несколько секунд прошло передо мной и все литературное величие написанных Буниным книг, и все личное, что связывало меня с ним за двадцать пять лет нашей дружбы, и охлаждение в последние годы, о котором я скажу позже. <...> Я сейчас же встала, не трахнув сиденьем, не стуча ногами, пошла к дверям»¹⁰⁵.

В «Курсиве» Бунин выступает и как художественный персонаж, и как живой современник Берберовой. В свою открыто враждебную рецензию на английский перевод «Курсива» Роман Гуль включил раздел, озаглавленный «“Мечь” Бунину». Не указывая источников, Гуль «ссылается» на стихотворение Берберовой «о Гитлере» и на ее письма Бунину, Адамовичу и Рудневу с призывами «вернуться под немцев потому, что “наконец-то свободно дышится”»;

¹⁰¹ Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 404. (См. также: Диаспора. Вып. 2. С. 554.)

¹⁰² Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 406.

¹⁰³ Бахрах А. По памяти, по запискам. С. 123.

¹⁰⁴ Полонский записал в дневнике, что они с женой сидели «на эстраде, среди приглашенных», а «среди миллионеров в публике Берберова с мужем» (Дневник Полонского II. С. 298).

¹⁰⁵ Курсив. С. 297.

приводит — по собственной памяти! — свидетельства В.М. Зензинова и М.М. Тер-Погосьяна; наконец, открытым текстом констатирует «прогитлеровские симпатии г-жи Б<ерберо>вой во время войны»¹⁰⁶. Гуль подводит читателя к заключению, что «месть Бунину» в «Курсиве» Берберовой есть не что иное, как последствие конфликта, возникшего между ними на почве обвинений Берберовой в коллаборационизме. Трудно сказать, насколько правомочна гипотеза Гуля, но очевидно, что в «Курсиве» Берберова действительно сводит с Буниным личные и литературные счеты, изображая «распад» Бунина и всего мира русской эмиграции, к которому она принадлежала до переезда в Америку. Это явствует из описания их последней встречи в парижской квартире Буниных:

«В последний раз я пришла к нему в 1947 или 1948 году, после моих поездок в Швецию, где я исполнила некоторые его поручения к переводчику и издателю его шведских переводов <см. № 56> <...> Посреди передней стоял полный до краев ночной горшок, Бунин, видимо, выставил его со злости на кого-то, кто его не вынес вовремя. Сидел он за столом в кухне, а с ним сидел некто Клягин, состоятельный человек, владелец огромного отеля около площади Этуаль. Клягин только что был выпущен из тюрьмы, где отбывал наказание за сотрудничество с немцами. Он не то писал, не то уже издал книгу о своем детстве (кажется, он был сибиряк), и теперь они оба сидели и говорили друг другу, как прекрасно они оба пишут. Возможно, что Клягин помогал Бунину в эти годы вновь наставшей для него бедности (Нобелевская премия была давно прожита), возможно, что Клягин добивался от Бунина предисловия к своей книге или рецензии о ней, но когда я увидела грязную кухню, двух слегка подвыпивших старых людей, которые обнимались и со слезами на глазах говорили друг другу: “ты — гениальный”, “ты — наш светоч”, “ты — первый”, “мне у тебя учиться надо”, на меня нашло молчание <...>¹⁰⁷.

Я прошла через переднюю (горшка уже не было), вышла на лестницу, на улицу Оффенбах, и больше уже никогда не вернулась.

Я не люблю смотреть на распад, любопытствовать о распаде, любоваться распадом, не люблю ни смеяться над ним, ни сожалеть о нем. Я стараюсь избегать распада, а он для Бунина начался в тот день, 12 февраля 1945 года, когда С.К. Маковский заехал за ним, чтобы везти его к советскому послу Богомолову пить за здоровье Сталина»¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Гуль. С. 287–289.

¹⁰⁷ К книге Александра Павловича Клягина (1884–1952) «Страна возможностей необычайных» Бунин написал предисловие (Париж, 1947). В 1948 г. в Париже Клягин также выпустил книгу исторической прозы «Клад Мамаея: Каспийская быль». Подробнее о нем см.: *Серков А.И.* Русское мASONСТВО, 1731–2000: Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. С. 397–398.

¹⁰⁸ Курсив. С. 298–299. Вероятно, Берберова имеет в виду посещение Буниным советского посольства в Париже не зимой, а осенью 1945 г. (И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. С. 311), поскольку в феврале 1945 г. Бунин все еще находился в Грассе (откуда и переписывался с Берберовой — № 50–54) и не мог быть в составе делегации 12 февраля 1945 г. Ср. также перечень участников в «записи “обмена мнений” группы эмигрантов при посещении ими посла Богомолова <...> в феврале 1945 г.» (Эмигранты у Богомолова // Новый журнал. 1970. № 100. С. 269–279). Далее в «Курсиве» Берберова пишет: «<В> русской политике до визита к советскому послу <Бунин> был реакционных взглядов, а после того, как пил за здоровье Сталина, вполне примирился с его властью» (Курсив. С. 300).

* * *

Письма Берберовой публикуются впервые, а письма Бунина — впервые полностью (см. ниже), по оригиналам, хранящимся соответственно в РАЛ и Weinecke. Архивный источник каждого письма указан в начале примечаний к нему. Тексты писем печатаются по новой орфографии. Восстановленные конъектуры, редакторские ремарки и пояснения даются в угловых скобках.

В 1967 г. фотокопии 23 писем и открыток Бунина к Берберовой были переданы в Российскую национальную библиотеку (тогда Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина). В 1973 г. было опубликовано их краткое описание, включающее выдержки из 10 писем и открыток, вошедших в настоящую публикацию: № 7 (с неправильной датой — 7 февраля вместо 2 августа 1935 г.), 11, 15, 20, 23–24, 27 (воспроизводится также факсимильно), 30, 36, 41 (Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 502–505).

Одна открытка Бунина (№ 33) вошла в английский перевод «Курсива», «The Italics Are Mine» (см. примеч. 1 к вступ. ст. — С. 373–374). В русских изданиях «Курсива» (см. там же) опубликовано, не всегда полностью и точно, 11 писем и открыток Бунина: № 1, 5, 7, 11, 15, 17, 20, 33, 44, 48, 56.

* * *

Авторы благодарят администрацию Weinecke Rare Book and Manuscript Library (Yale University, США) и Русского архива в Лидсе (Brotherton Library, University of Leeds, Великобритания) за предоставление доступа к архивам Н.Н. Берберовой и И.А. и В.Н. Буниных, а также за содействие при подготовке настоящей публикации.

Авторы благодарят следующих коллег за их щедрую и ценную помощь: Андрей Арьев (Санкт-Петербург), Олег Будницкий (Москва), Михаил Козьменко (Москва), Лев Мнухин (Москва), Тамара Полуектова (Москва), Ольга Ростова (Москва); Catherine Andreyev (Oxford), Jean-Yves Bazin (Paris), Irina Belobrovsceva (Tallinn), Natalya Bogoslavskaya (Leeds, Великобритания), Ronald Bulatoff (Hoover Institution, Stanford, США), Tanya Chebotarev (New York), Alexander Dolinin (Madison, США), Katya Betekhtina Dunatov (Slavic Reference Service, Urbana-Champaign, США), Svetlana Elnitsky (Colchester, США), Alexander Etkind (Cambridge, Великобритания), Maria Etkind (Toronto), Vincent Giroud (New Haven, США), Tatiana Gladkova (Paris), Nigel Gotteri (Sheffield, Великобритания), Julian Graffy (London), Edythe Haber (Cambridge, США), Vladimir Khazan (Иерусалим), Leonid Livak (Toronto), John Malmstad (Cambridge, США), Hubert Nyssen (Arles, Франция), Debora Pfeiffer (Slavic Reference Service, Urbana-Champaign, США), Gilles Poizat (Louvre, Paris), Hélène Ravaisse (Paris), Boris Ravdin (Riga), Hella Reese (Düsseldorf/München), Daniel Riniker (Bochum, Германия / St Gallen, Швейцария), Ruth Rischin (San Francisco), Ekaterina Rogatchevskaia (London), Andrei Rogatchevski (Glasgow), Suleyman Sarihan (Slavic Reference Service, Urbana-Champaign, США), Taran Schindler (New Haven, США), Anatol Shmelev (Stanford, США), Vladimir Strukov (Leeds, Великобритания), Margarit Tadevosyan Ordukhanyan (New York), Richard Taylor (Swansea, Великобритания), Hans Wollstein (Roskilde, Дания), Alexander Zhuravlev (London).

М.Д. Шраер благодарит Boston College (США) за исследовательский грант.

И.А. БУНИН — Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ

10 января 1927 г. Париж¹

Дорогая Нина Николаевна,

Простите меня, окаянного, — обманул я Вас с рассказом для «Нов<о-го> Д<ома>»², — и поверьте, что постараюсь исправиться. Кто такой Буткевич? Талантливый человек, много, оч<ень> много хорошего³! Целую Ваши ручки, сердечнейший привет Вл<адиславу> Фел<ициановичу>⁴.

Ваш

Ив. Бунин

Публикуется по автографу (открытка) (Weineske. Berberova. Vox 5. Folder 99). Дата и место установлены по почтовому штемпелю. Впервые опубликовано с неправильной датой: Курсив. С. 301.

¹ Бунины находились в Париже с начала января до начала апреля 1927 г.

² «Новый дом» — литературный журнал, издавался в Париже в 1926–1927 гг. (№ 1–3). (В 1927–1928 гг. на смену ему пришел «Новый корабль».) Ред. коллегия: Н.Н. Берберова (№ 1–2), Д. Кнут, Ю.К. Терапиано, В.Б. Фохт. В своей автобиографии Берберова пишет о «Новом доме»: «Кнут был инициатором журнала, куда он и я вошли редакторами, но уже после первого номера (1926 год) “Новый дом” оказался нам не под силу: Мережковские, которых мы позвали туда (был позван, конечно, и Бунин), сейчас же задавили нас сведением литературных и политических счетов с Ремизовым и Цветаевой, и журнал очень скоро перешел в их руки под новым названием (“Новый корабль”)» (Курсив. С. 318). В журнале «Новый дом» Бунин не печатался.

³ Буткевич Борис Васильевич (псевд. Борис Бета; 1895–1931) — прозаик, поэт. Эмигрировал из России в 1921 г. При содействии Берберовой публиковал рассказы в «Новом доме», «Возрождении», «Числах». В своей автобиографии Берберова пишет: «В 1926 году некто Борис Буткевич прислал из Шанхая рассказ в “Новый дом”, который я

немедленно напечатала — он был талантливый, и все потом (даже Бунин) говорили, что автор “обещает”» (Курсив. С. 518). 8 сентября 1927 г. Кузнецова записывает: «Вчера ездила в Канны и зашла к Берберовой. <...> На прощанье дала мне номер только что вышедшего “Нового корабля” — этого нового детища Мережковских. В то время, когда я была у Берберовой, наши ездили в Ниццу и встретились со мной на вокзале. Рассмотрели с ними журнал: в нем стихи Берберовой, два рассказа Буткевича, этого таинственного протеже Берберовой, пасущего мифические стада где-то под Марселем и интригующего и собой и этими стадами все маленькое литературное царство. Эти рассказы — один посвящен Берберовой — очень экзотичны, пропитаны Гамсуном и Лондоном и несомненно талантливы» (Грасский дневник. С. 29–30).

⁴ Ходасевичу, мужу Берберовой в 1922–1932 гг.

2

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

5 декабря 1928 г. Булонь-сюр-Сен

10 bis, rue des 4 Cheminées
Boulogne. Seine¹
5.XI.28

Дорогой Иван Алексеевич!

Вчера вечером пришло Ваше письмо², и я твердо решила Вам писать. Я с самого приезда хотела написать обстоятельно о себе и здешней жизни, но — верите ли — по совершенной глупости не брала в руки пера: мне хотелось зараз написать и Вам, и Вере Николаевне³, не говоря уже о Г<алине> Н<иколаевне>⁴, которой я обещала написать. Вот, не умея решить, что в таких случаях делают (ибо не пишут же 3 письма!), я и молчала. Я совершенно не могла решить, что мне делать, как видите.

Правда, я и вообще-то писем не писала все это время. Случайное письмо к Зинаиде Николаевне не в счет⁵: с ней тоже никакой переписки не состоялось в эту осень... Осень! Сейчас уже декабрь месяц, а мне все еще кажется, что только-только октябрь. Так непомерно быстро бегут дни.

Я все время «ничего не успеваю», причем почти не трачу времени на ничто <так!>. Утром бесконечные дела, газеты; днем — пишу; вечером... Гм, вечером, в общем, веду довольно рассеянный образ жизни. Здесь сейчас находится приятельница моя, француженка, из Ниццы, у кот<орой> я гостила летом. Она мало оставляет меня в покое⁶.

Вы спрашиваете о Бажанове⁷. Да, на нашем здешнем горизонте он — несомненный мираж, а может быть, и больше. Представьте себе юношу (28 лет, но на вид 23), немного схожего с Ремизовым⁸ (благообразнее), немного — с проф. Тимашевым⁹. К этому прибавьте образованный, независимый, острый ум, смелость контрреволюционных суждений, знание 4-х языков и способности к экономическим наукам. Держит себя скромно, немножко «русачок», тщательно выговаривает имя и отчество собеседника и

никого не перебивает. Не знаю, что за человек в смысле морали — одно несомненно — предатель и атеист. Предает большевиков сознательно и немножко страшновато. Не ищет пока никакого окружения. О нем много говорят, иностранцы интересуются им.

Когда же Вы приедете в Париж? «До 1-го февраля», пишете Вы, но ведь разве Вы не собирались уехать из Грасса 1-го января¹⁰? Едете ли Вы в Сербию¹¹? Едете ли Вы куда-нибудь еще? Хорошо ли Вам в Грассе? Здесь бури в Ламанше, которые доносятся и до нас. Туман, тучи весь день и зловещие закаты, которые начинаются чуть ли не в три часа.

Дома у нас хорошо, жилищем своим мы довольны. Гости наши тоже — ибо тепло и не так далеко, как было¹². Видаем обычную «свою» парижскую публику¹³. А сплетен не слышим... Что-то ругают Мережковских порядочно, вероятно, за дело¹⁴.

Читали в газетах о деле скромного юноши Фрейденштейна — Фельзена тож? Ухитрился судиться по поводу каких-то черных спекуляций при падении франка. А какой был скромный на вид! Как краснел! Как мечтал стать настоящим, природным гомосексуалистом!¹⁵ Впрочем, это еще не упущено.

Крепко жму Вашу руку, милый Иван Алексеевич, и кланяюсь и целую дорогим/их В.Н. и Гал. Ник.

Ваша

Берберова

P.S. Ходасевич шлет привет и собирается Вам написать не письмо, а целую статью...¹⁶

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1839). Месяц установлен (у Берберовой описки) по ссылкам на письмо Бунина Ходасевичу от 3 декабря 1928 г. (см. примеч. 2, 7, 10).

¹ Берберова и Ходасевич переехали в Булонь-сюр-Сен 16 октября 1928 г. (Камерфурьерский журнал. С. 131).

² Имеется в виду письмо Бунина Ходасевичу от 3 декабря 1928 г. (И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. С. 185).

³ Сохранилось 3 письма Берберовой к Буниной от 1927 г. и 1929 г. (РАЛ. MS. 1067/1372–1374) и 3 письма и 1 открытка Буниной к Берберовой от 1928–1930 гг. (Hoover. Boris I. Nicolaevsky Collection. Series 233. N.N. Verberova Papers; черновик одного из писем Буниной — РАЛ. MS. 1067/1371).

⁴ Берберова так описывает свою первую встречу с Кузнецовой: «Первый раз Ходасевич и я были приглашены к Буниным к обеду в зиму 1926–1927 года. <...> В тот вечер я впервые увидела ее <Кузнецову> (она была со своим мужем, Петровым, позже уехавшим в Южную Америку), ее фиалковые глаза (как тогда говорили), ее женственную фигуру, детские руки, и услышала ее речь с небольшим заиканием, придававшим ей еще большую беззащитность и прелесть. <...> Через год она уже жила в доме Бунина» (Курсив. С. 299–300).

⁵ После того как Гиппиус читала посетившим ее в Ле Каннэ Буниным и Кузнецовой «полученное от Берберовой письмо, полное парижских новостей» (Грасский дневник. С. 84 — запись от 26 ноября 1928 г.), Бунин написал Ходасевичу 3 декабря, что на Берберову «мы все-таки немного в обиде: что же она такие чудесные новости сообщает только одной З<инаиде> Н<иколаевне>?» (И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. С. 185). 9 декабря 1928 г. (уже из Парижа) Гиппиус в свою очередь также писала Хода-

севичу по поводу письма Берберовой: «Я не ответила Нине на письмо, которое так блестяще, сразу, ввело меня (умственно) в парижскую атмосферу <...> Никого еще не видели и питаемся Ниной информацией. <...> Целую Нину, крайне и снова благодарю ее за письмо, им очень восхищался и Бунин» (*Гиппиус* 3. Письма к Берберовой и Ходасевичу / Edited by E. Freiberger Sheikholeslami. Ann Arbor, MI: Ardis, 1978. С. 94). Само письмо, вызвавшее так много интереса, не разыскано.

Берберова познакомилась с Гиппиус в 1925 г. на литературном вечере в доме М.М. Винавера (1863–1926) в Париже. В «Курсиве» она пишет о своей дружбе с Гиппиус, в частности об их общении летом 1927 г. в Ле Каннэ, а также о том, как летом 1928 г. она гостила у Мережковских в Торане (Приморские Альпы). Вероятно, это и был период наиболее тесного общения Берберовой с Мережковскими (см.: *Курсив*. С. 281–292).

⁶ Неустановленное лицо.

⁷ Берберова откликается на продолжение приводимого в примеч. 5 места из письма Бунина к Ходасевичу от 3 декабря 1928 г.: «Хоть бы словечко написала нам о Бажанове! Главное — какой он из себя?» (И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. С. 185). Бажанов Борис Георгиевич (1900–1983) — секретарь Сталина и политбюро ЦК в 1923–1925 гг. В 1928 г. бежал из СССР за границу. В ноябре 1928 — феврале 1929 гг. в более чем 30 выпусках газеты «Возрождение» опубликовал свои «Заметки бывшего помощника Сталина», а в 1929–1930 гг. его мемуары о быте и нравах партийной элиты были изданы на французском и немецком языках. 22 ноября и 1 декабря 1928 г. Бажанов гостил у Ходасевича и Берберовой (Камер-фурьерский журнал. С. 132, 133). Его фотография, но уже в старости, см.: *Русская мысль*. 1983. 13 января. № 3447. С. 15.

⁸ С Ремизовым Берберова познакомилась в Берлине в 1922 г. (О нем см.: *Курсив*. С. 304–309; Камер-фурьерский журнал. С. 34, 36.)

⁹ Тимашев Николай Сергеевич (1886–1970) — правовед, социолог, экономист, историк, после переезда из Праги в Париж в 1928 г. сотрудничал в газете «Возрождение», в которой с 1927 г. также сотрудничал Ходасевич. Его фотография см.: *Русское зарубежье*. Золотая книга эмиграции, первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь / Под общ. ред. В.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 1997. Между с. 384 и 385.

¹⁰ В письме Ходасевичу от 3 декабря 1928 Бунин писал: «Alors — до свидания, до 1 февраля!» (И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. С. 185). Однако из-за крушения поезда на главной магистрали Бунины и Кузнецова приехали в Париж только 2 февраля 1929 г. (РАЛ. MS. 1067/395; Устами Буниных. Т. 2. С. 196–197).

¹¹ С 25 по 30 сентября 1928 г. в Белграде проходил первый съезд русских писателей и журналистов за рубежом. На съезде присутствовали Гиппиус, Мережковский, Куприн и др. Бунин в съезде не участвовал, однако его приглашали посетить Белград отдельно, после завершения съезда. Об отказе Бунина участвовать в съезде см. дневниковую запись Буниной от 3 сентября 1928 г.: «На днях у нас был Белич. <...> Он долго и подробно рассказывал о том, что сербы сделали для русских: 1) не дали умереть с голоду, 2) поставили на ноги, 3) открыли школы, теперь хотят основать журнал, устроить книгоиздательство. Деньги есть. <...> Наметил редакторов: Мережковского, Бунина и Струве <...>. Ян отказался от редакторства: и некогда, и, по его мнению, втроем это делать невозможно, да и взгляды литературные диаметрально противоположные» (РАЛ. MS. 1067/393; Устами Буниных. Т. 2. С. 181–182).

Единственная поездка Бунина в Сербию состоялась намного позже, во второй половине августа 1937 г.

¹² До переезда в Булонь Берберова и Ходасевич жили по адресу: 14, rue Lamblardie. Paris XII.

¹³ В это время Берберова и Ходасевич общались, прежде всего, с Зайцевыми, Вольфсонами, Вишняком, Цетлиными, Алдановым и др.

¹⁴ Вероятно, речь идет о поведении Мережковских во время белградского съезда русских писателей (см. примеч. 20 ко вступ. ст.).

¹⁵ Фельзен Юрий (наст. имя Николай Бернгардович (Бернардович) Фрейденштейн; 1894–1943) — прозаик, литературный критик, переводчик. В 1918 г. эмигрировал из России. С 1924 г. в Париже. Фельзен был близок кругу Мережковских. Печатался в «Чис-

лах», «Круге» и др. изданиях. Во время войны был арестован немцами и погиб в Освенциме. Фельзен зарабатывал себе на жизнь спекулятивными биржевыми операциями, и об этом же, по-видимому, неудачном деле речь идет в близком по времени письме Адамовича к Гиппиус от 29 ноября 1928 г. (Дiaspora. Вып. 3. С. 516–518). Как явствует из этого и других писем Адамовича к Гиппиус, он всячески содействовал Фельзену, что, возможно, и дало повод к инсинуациям Берберовой о стремлении последнего стать гомосексуалистом. Однако в письме к Фельзену от 23 августа 1939 г. Адамович утверждает: «Вы моя самая верная (в смысле *моей* верности) парижская, не-любовная привязанность» (*Ливак Л.* Материалы к биографии Юрия Фельзена // *From the Other Shore: Russian Writers Abroad Past and Present.* Idyllwild, CA: Charles Schlacks Jr., 2001. Т. 1. С. 53).

¹⁶ О письме-статье Ходасевича, впоследствии разорванном им, см. его письмо к Бунину от 11 января 1929 г. (И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. С. 186–187).

3

И.А. БУНИН — Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ

12 июля 1931 г. Грасс

Очень благодарю, дорогая Нина Николаевна, за книгу¹. Кланяюсь Вам и мэтру², желаю видеть Вас здесь, опять в Golf-Juan отдохнуть!

Ваш

Ив. Б.

Публикуется по автографу (открытка с фотографией: *Jeune fille et vieilles pierres à Saint-Rémy*) (Veinecke. Berberova. Box 5. Folder 99). Датируется по почтовому штемпелю. Место написания установлено по содержанию.

¹ Вероятно, речь идет о вышедшем в июле 1931 г. в изд-ве Я.Е. Поволоцкого первом романе Берберовой «Последние и первые». (Главы из романа были опубликованы в 1930 г. в № 43–44 «Современных записок».)

² Т.е. Ходасевичу. Ср. дневниковую запись Буниной от 6 июля 1928 г.: «Ян спросил Берберову: — Ну, а как мэтр? И она совершенно серьезно ответила: “Мэтр и т.д.”» (РАЛ. MS. 1067/393; Устами Буниных. Т. 2. С. 180). В письме от 18 июля 1933 г. Бунин обращается к Ходасевичу «*cher maître*» (И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. С. 198).

4

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

Середина июня 1933 г. Париж

2, rue Claude Lorrain

Дорогой Иван Алексеевич,

Собираясь написать Вам вещи очень серьезные, я все-таки уверена в душе, что Вы не сможете отнестись к этому письму без иронии. Несмотря на то, что я почти вижу, как Вы улыбаетесь, я решаюсь сказать Вам («по-

зволить себе сказать Вам»), что я только что прочла кусок «Арсеньева» в «Современных» записках»¹ и очень рада, что это случилось со мной после того, как Вы уехали из Парижа²: написать о своем восторге легче, чем о нем сказать, а Вам лучше о нем прочесть, чем его выслушать... Иван Алексеевич, я просто сапог, последний сапог, вместе со всеми, пишущими, рядом с Вами!! Ведь это до того замечательно, что мне кажется, что *даже Вы сами*, первый свой читатель, не знаете, что Вы написали! Ведь каждое слово — как стихи, можно читать без конца, наслаждение идет какими-то толчками, от которых сердцу больно. Между прочим, эти самые толчки (не знаю, не глупое ли слово?) я уже давно заметила — это Ваше свойство затолкать читателя в какое-то безысходное блаженство, но на этот раз это все просто получилось чудовишно великолепно. Я сейчас закрыла книгу и стала Вам писать, и сейчас же письмо отправлю — так что выйдет прямо от самой души, и Вы простите, если Вас покоробит от моей пылкости. Но где, черт возьми, где же остальное, пропущенное? И когда же книга выйдет целиком?... Спасибо, Иван Алексеевич.

Н. Берберова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1840). Датируется по содержанию и по сопоставлению с № 5.

¹ Имеется в виду последняя часть (впоследствии «Книга пятая») романа Бунина «Жизнь Арсеньева», первая редакция которой была опубликована в «Современных записках» в 1933 г. (№ 52–53). Берберова делится своими впечатлениями от первых 14 глав и в конце письма сетует на пропущенные главы I–II и начало III, представленные многоточием (Современные записки. № 52. С. 5). Под названием «Лица» эта часть романа вышла отдельной книгой в новой редакции в 1939 г. (Брюссель: Петрополис), а весь роман вышел в полном издании только в 1952 г. (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова). Со слов Буниной, когда «Жизнь Арсеньева» только начала выходить в 1928 г., реакция Берберовой была гораздо менее восторженной: «Берберовой “Жизнь Арсеньева” не понравилась: “У нас с Ив<аном> Ал<ексеевичем> разный подход к жизни”» (дневниковая запись Буниной от 27 февраля 1928 г. — РАЛ. MS. 1067/392; Устами Буниных. Т. 2. С. 175).

² 10 июня 1933 г. Бунин, накануне специально для этого приехавший в Париж, участвовал в посвященном Тургеневу Дне русской культуры (Хроника. Т. 2. С. 440). Он уехал из Парижа 12 июня.

5

И.А. БУНИН — Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ

18 июня 1933 г. Грасс

Дорогая Нина Николаевна,

Очень тронут Вашим письмом¹, очень благодарю за него и очень рад, что не удержали своей «пылкости», — право, не такое уж плохое это чувство, как теперь многие думают или стараются думать! Позвольте сердечно поцеловать Вас — и простите мою краткость: она проистекает не из моей

сухости, а как раз из других, противоположных чувств, кои я гораздо лучше сказал бы Вам устно, чем это делаю сейчас². До свидания, дорогая моя, и еще раз — большое спасибо.

Ваш
Ив. Бунин
18.VI.33

Публикуется по автографу (открытка с видом провансальских тополей) (Beineske. Berberova. Box 5. Folder 99). Впервые опубликовано с разночтением: Курсив. С. 301.

¹ № 4.

² Трудно сказать, насколько здесь Бунин искренен и не иронизирует ли, как нередко делал, намекая на очередной приступ геморроидального кровотечения.

6

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

10 ноября 1933 г. Париж

5, rue François Mouthon
Paris 15-e

Дорогой Иван Алексеевич,

Поздравляю Вас и радуюсь от всего сердца за Вас¹. Вчера, когда Марк Александрович² говорил с Вами, я стояла рядом и слушала, и мне хотелось сказать Вам несколько слов, но я побоялась Вас задержать. Я ведь теперь в «*Последних*» *Новостях*» за машинистку (ежедневно, и по воскресеньям тоже) и на этом основании даже записала Ваш телефонный разговор³.

Милый Иван Алексеевич, будет ужасно радостно увидеть Вас в Париже⁴! Тут все, буквально все, рады за Вас и вчера в редакции не было человека, кот<орый> бы мысленно Вас не поздравлял.

Будьте здоровы и благополучны. Целую Вас (если еще можно) и шлю привет всем Вашим⁵.

Н. Берберова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1841). Датируется предположительно по содержанию.

¹ Речь идет о присуждении Бунину Нобелевской премии в области литературы за 1933 г., о чем стало известно 9 ноября 1933 г.

² Алданов.

³ 10 ноября 1933 г. в «*Последних новостях*» сообщалось: «Редакции “*Последних новостей*” удалось вчера вечером снестись по телефону с И.А. Буниным и передать ему поздравления. Новый нобелевский лауреат еще не имеет планов относительно ближай-

ших дней. По всей вероятности, он скоро придет в Париж, а отсюда отправится в Стокгольм» (<Демидов И.П.> Бунин — нобелевский лауреат // Последние новости. 1933. 10 ноября. № 4615. С. 1). В «Последних новостях» Берберова «печатала рассказы, критические статьи и заметки (главным образом о советских книгах), сотрудничала как кинокритик по пятницам, когда бывала киностраница, иногда заменяла в суде репортера или интервьюировала кого-нибудь, помещала в газете стихи и, конечно, печатала на машинке» (Курсив. С. 365).

⁴ Бунин прибыл в Париж 14 ноября 1933 г. (Бунина и Кузнецова — 23 ноября) и отбыл в Швецию 3 декабря. 15 ноября в редакции «Последних новостей» состоялся прием в честь Бунина, возможно, с участием Берберовой (И.А. Бунин в «Последних Новостях» // Последние новости. 1933. 16 ноября. № 4621. С. 3).

⁵ Т.е. Буниной, Кузнецовой и проживавшему в доме Буниных с конца 1929 г. Л.Ф. Зурову.

7

И.А. БУНИН — Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ

2 августа 1935 г. Грасс

Милая моя Нина Николаевна,

Долг платежом красен — плачú с большим удовольствием: похвалили Вы меня когда-то — настал наконец и мой черед похвалить. Был ужасно занят, — прочел половину «Аккомпаниаторши»¹ и бросил на 2 недели, — ни минуты свободной не было. Теперь дочитал — и уж совсем твердо говорю: ах, какой молодец, ах, как выросла, окрепла, расцвела! Дай Бог и еще расти — и, чур, не зазнаваться! Целую Вас, дорогая, даже не прося позволения на то Николая Васильевича² (которому поклон).

Ив. Бунин

2.VIII.35

Публикуется по автографу (Beinecke. Berberova. Box 5. Folder 99). Впервые опубликовано с сокращениями: Курсив. С. 301–302. (Отрывок письма см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 504.)

¹ Бунин читал журнальный вариант повести Берберовой «Аккомпаниаторша» (Современные записки. 1935. № 58. С. 155–218). Повесть впоследствии вошла в сборник рассказов и повестей Берберовой «Облегчение участи» (Париж: YMCA-Press, 1949).

² Наиболее полная информация о жизни и общественно-политической деятельности Макеева Николая Васильевича (1888–1973), ставшего в 1936 г. вторым мужем Берберовой (характеристика их отношений см.: Курсив. С. 433–435), собрана А.И. Серковым (Русское масонство, 1731–2000: Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. С. 509). В частности, Макеев играл важную роль в становлении эмигрантской организации Земгора в начале 1920-х гг. Известно, что он автор книги «Russia» (Нью-Йорк, 1925) и что он сотрудничал в газете «Дни» и дважды выступил в журнале «Современные записки». Однако имеются лишь самые скудные сведения о роде его профессиональных занятий в период брака с Берберовой (они разрешились в 1947 г.). Макеев владел английским языком и, судя по его визитной карточке, был представителем во Франции нью-йоркских инженерных фирм «The Allprax Company» и «Quigley Company» (РАЛ. MS. 1066/3744). Как художник Макеев не включен в авто-

ритетный справочник о художниках-эмигрантах (*Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я.* Художники русского зарубежья. СПб.: Нотабене, 1999), но вопрос, заданный Буниным в № 44 («ужели совсем он забросил кисти?»), говорит о том, что, по крайней мере, в кругу знакомых его знали как художника. Как бы то ни было, во время войны Makeев работал в области искусства. См. № 43 о сделанной им в начале 1940-х гг. «головокружительной карьере» торговца старинными картинами, а также «циркулярное» письмо Берберовой к Алданову от 30 сентября 1945 г. (см. Приложение) о его связях с Лувром. (По архивным данным, в конце 1944 — начале 1945 г. Makeев в качестве посредника пытался устроить покупку Лувром нескольких полотен французских постимпрессионистов и с этой целью ездил с представителем Лувра в Женеву, где находились картины, однако сделка не состоялась — Archives des Musées Nationaux, Palais du Louvre (Paris). Dossier O 30—464.)

8

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

6 августа 1935 г. Париж

7, rue Beethoven¹
6.VIII.35

Дорогой Иван Алексеевич,

Как же мне не зазнаваться, если *Вы* меня хвалите? *Вы*, который... Я вчера ходила весь день гордая...

Спасибо Вам, голубчик, за каждое слово Вашего письма². «Аккомпаниаторша» — первая вещь, которая *и мне* немножко нравится: значит, я тоже что-то понимаю? Это тоже меня радует.

Я так счастлива всем, что *Вы* мне сказали. *Вы* мастер (кроме всего другого) именно ведь на такие короткие повести (которые для меня служат недостижимым идеалом) — и потому мне особенно было чудно от Вашего письма.

Надеюсь, что Вам и всем Вашим хорошо и спокойно в Грассе. Мы собирались в конце месяца в Венецию. Живется мне очень счастливо; я много работаю. В Париже прохладное лето и, как обычно, пустыня.

Я еще благодарю Вас, что *Вы* не только подумали обо мне, но взяли перо, бумагу и написали мне, потрудились для меня.

Привет Вам и Вашим. Н<иколай> В<асильевич> кланяется.

Н. Берберова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1842).

¹ Парижский адрес Берберовой и Makeева до переезда в Лонгшен весной 1938 г.

² № 7.

9

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

2 сентября 1935 г. Озеро Комо (Италия)

Дорогой Иван Алексеевич,
Привет Вам с банального, но совершенно райского Комо¹.
Н. Берберова

Публикуется по автографу (открытка с видом Bellagio) (РАЛ. MS. 1066/1843). Датируется по почтовому штемпелю.

¹ В № 8 Берберова пишет о своей поездке в Венецию в конце августа 1935 г. Вероятно, открытка была отправлена с Комо во время этой поездки.

10

И.А. БУНИН — Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ

30 июня 1938 г. Париж

Милая, дорогая моя писательница, поэтесса и домовладелица¹, еще раз благодарю за книги, за надписи — очень благодарю! В воскресенье надеюсь выехать в наш Крым — на Ривьеру². Перечитаю «Без заката» и напишу Вам³.

Целую сердечно Вас и Ник<олая> Вас<ильевича>.

Ваш

Ив. Бун.

Четверг

Публикуется по автографу (открытка) (Weineske. Berberova. Box 5. Folder 99). Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ Весной 1938 г. Берберова и Макеев купили дом в деревне Лонгшен к юго-западу от Парижа.

² См. № 11 и примеч. 1 к нему.

³ Кроме отдельного издания романа «Без заката» (Париж: Дом книги, 1938), с которым Бунин был, по-видимому, уже знаком по журнальному варианту (Книга о счастье // Современные записки. 1936. № 60–62), Берберова подарила ему экземпляр своей художественной биографии композитора А.П. Бородина (Бородин. Берлин: Петрополис, 1938) (см. № 11).

И.А. БУНИН — Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ

18 июля 1938 г. Париж

18.VII.38

Дорогая моя,

Я в четверг вернулся с Ривьеры — 12 дней рыскал от Ментоны до Парижа, всюду искал пристанища на лето — буквально нигде ничего¹! Плачу, рыдаю — и сижу в Париже. Смотрел кое-что вокруг Парижа — опять тщетно! Кое-что осталось, но жалкое и при том дьявольски дорогое...

За этими милыми делами не перечитал еще «Без заката». Но хорошо помню по первому чтению, сколько там таланта (хотя не совсем ровно написана эта вещь). Не отрываясь, прочел «Бородина»² — чудесно! Смело, свободно, отличными штрихами... М<ожет> б<ыть>, и не такой был — не совсем такой — Бородин, да что мне за дело!

Целую Вас сердечно, кланяюсь Н<иколаю> В<асильевичу>.

Ваш

Ив. Бун.

Публикуется по автографу (Beinecke. Berberova. Box 5. Folder 99). Впервые опубликовано с мелкими разночтениями: Курсив. С. 302. (Отрывок письма см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 504.)

¹ Когда выяснилось, что нельзя было снять их обычную грасскую резиденцию — виллу Бельведер (Villa Belvédère) на лето 1938 г., Бунины начали искать другой дом или квартиру на юге Франции и в августе нашли квартиру недалеко от Монако в Beausoleil (Villa La Dominante). Там они жили до апреля 1939 г., когда на несколько месяцев вернулись на виллу Бельведер.

² См. примеч. 3 к № 10.

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

19 июля 1938 г. Лонгшен

19.VII.38

Longchêne

par Bonnelles

S<eine> et O<ise>

Tel. Bullion 12

Дорогой Иван Алексеевич,

Спасибо за письмо¹; спасибо за все хорошие слова. Пишу Вам, чтобы еще раз звать Вас к себе — *не в гости*, в кот<орые> непременно *надо* по-

ехать, а просто в чудный, деревенский край, куда Вы можете отправиться в любой день — *один или с милыми Вашими дамами*, — и где своим появлением доставите мне и Н<иколаю> В<асильевичу> огромную радость. Если Вам хочется тишины и Вы не брезгуете жизнью чистой, простой (однако с клозетом!), довольно вкусной и отдохновенной, то прихватите с собой зубную щетку — может быть, проведете несколько дней, если понравится? А мы с Вами еще и постараемся прокатиться в окрестности, посмотреть, не сдает ли какой-нибудь герцог свое родовое шато, кот<орое> Вы могли бы снять, ему — на гордость, нам — на радость.

Ждем Вас в субботу, или... когда угодно. Позвоните накануне вечером или в тот же день рано утром. Выезжайте в такси, в 11 ч. с Denfert (café Lakanal). Катите до Longchêne. Вы получите мое письмо в четверг. Может быть, приедете в четверг? Словом, когда хотите, на сколько хотите. Иван Алексеевич, Вы поймите, что ведь это у нас СВОЙ ДОМ, и мы ужасно радуемся, когда у нас бывает хорошо тем, кого мы любим²! Располагайте же приглашением, как Вам будет удобно, а главное: не забудьте щетку, кот<орая> занимает так мало места³!

Ваша
Н. Берберова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1844).

¹ № 11.

² О своем доме в Лонгшене Берберова пишет: «Лонгшен был куплен Н.В.М<акеевым> весной 1938 года. Первые пять лет нашей жизни мы прожили с ним в Париже, но в 1938 году мы решили бросить квартиру и переехать в деревню. Мы давно уже искали место, где можно было бы жить постоянно, “дикий” дом, и “дикий” сад, и вообще “дикое” место, где стоило бы поселиться. Когда, после длительных поисков и многих поездок на запад и на юго-запад от Парижа, мы наконец нашли Лонгшен, нам обоим он показался с первой минуты именно таким местом, где можно было бы прожить весь остаток жизни, потому что лучшего на всем свете быть не могло» (Курсив. С. 430).

³ За неделю до получения приглашения от Берберовой, когда Бунин еще находился на Ривьере, подыскивая жилье, Бунина сообщила ему в письме от 11 июля 1938 г., что со слов одной знакомой «около Берберовой есть свободная вилла» (РАЛ. MS. 1067А/177), на что Бунин ответил 12 июля 1938 г. из Канн: «Дача возле Берберовой меня весьма заинтересовала. Наведи справки немедленно» (РАЛ. MS. 1066А/168). Однако, как писал Бунин Берберовой в начале № 11, все его поиски жилья под Парижем оказались тщетными, и в имеющихся источниках нет сведений о поездке в Лонгшен в данное время.

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

30 марта 1939 г. Лонгшен

Лонгшен. 30 марта 1939

Дорогой Иван Алексеевич,

Не знаю, почему, но за последние годы всякий раз, как я читаю Вас, я принимаюсь плакать. Вот и вчера: пришла Ваша книга — вторая часть «Арсеньева»¹, которую Вы так внимательно и мило нам обоим послали (чем страшно тронули), и я сейчас же села за нее, бросив все, читала до вечера, молча поела, опять читала, легла с ней в кровать. И все это с мокрыми глазами. У Вас на 97-ой странице сказано, между прочим: «слезы навертывались мне на глаза — от неудержимо поднимавшегося в груди сладкого и скорбного чувства родины, России»... Я думаю, — впрочем, простите, что процитировала Вас, пишучи Вам же. Однако, ничем другим, как этими же Вашими же словами, не могу объяснить своего волнения, когда читаю Ваши последние вещи. Началось это, кажется, со «Степы»², — а потом было еще два рассказа в «П<оследних> н<овостях>»³, и к этому же отношу я «Темные аллеи»⁴, которые еще лежат у меня на столе, еще не отошли в некую папку, куда собираются Ваши вырезки. Ах, Иван Алексеевич, какие мы все-таки счастливые, что можем читать Вас, что мы здесь, за границей, а не там в России. Ведь если когда-нибудь откроются границы, то ведь первым долгом схватятся люди за Ваши книги — главным образом *писатели*, потому что как же быть писателем русским, не прочитавши Вашей «Лики», в которой Вы так необычайно разоблачаете себя?

Можно мне Вам сказать откровенно: я думаю, что, не говоря уже о так называемом «содержании», но *формально* это наиболее интересная книга за последние черт знает сколько лет! Я просто упивалась *мастерством*, которое так люблю и ценю. Что же касается до «глубины», то об этом и говорить не хочется. К ней относятся мои вышеупомянутые слезы.

Но мы, конечно, и очень несчастны здесь — потому что разве эта книга может здесь иметь ту славу, то значение, которое она имела бы в России? Пусть Адамович напишет, что это очень хорошо⁵, а Ходасевич — что это замечательно⁶, ну а дальше? Книги здесь похожи на ноги китаянок: писатель их пишет, но от тесноты они принимают какие-то странные, уродливые формы. Грустно как-то.

Я думаю, кое-кто из девятнадцатого века, из наших великих, позавидовал бы Вам сильно, если бы восстал из гроба. А что бы сказал Толстой? Не Толстой «Войны и мира», но Толстой самый лучший — «Хозяина и работника»? Я думаю, он бы тоже плакал.

Между прочим, хочу Вам написать одну свою мысль о Толстом «Войны и мира», только Вы не предавайте меня анафеме: пришлось мне недавно пе-

речитать дневники Софьи Андреевны и воспоминания Т. Кузминской⁷. Боже, до чего хорошо это! Ведь это *почти* не хуже «Войны и мира» и гораздо лучше «Семейного счастья». А ведь были *бабы!* А то был «гений»!! И бабы оказались ничуть не хуже гения... После этого Толстой как-то померк для меня: старался, записывал в книжечку, рассуждал, литераторствовал, а вот пришли две особы, да одной своей непосредственностью и талантом, от Бога данным, еще лучше сделали. Но это, конечно, не относится ни к «Крейцеровой сонате», ни к «Хозяину и работнику». А какая «власть тьмы» была в самом яснополянском доме! Ведь он в первые годы женитьбы на *кожаной* подушке (без наволочки) спал, и помои выливались прямо перед домом.

Я живу так тихо, так уединенно, что ничего не знаю о Вас. Если с Вами Вера Николаевна, то передайте ей наш поклон. Будете ли Вы до лета в Париже — мне тоже неизвестно⁸. Я мало кого вижу. У нас начинается робкая весна — все набухло, набрякло, распухло и собирается цвести; многое посадили (персики, яблони, груши, рябину, липу, кусты). Приезжают и гости друзья — Ходасевичи, Ладинский⁹, Керенский, но настоящий «сезон» еще не начался, потому что холодно¹⁰. Много читаю, работаю в саду и на огороде. Сочинила небольшую повесть под названием «Облегчение участи» и отдала в «Совр<еменные> зап<иски>» — если напечатают¹¹, то Вы, пожалуйста, прочтите.

В Париже мало веселых сплетен, а если кто-то с кем-то подрался, то невесело. Видаюсь с Сириным и его сыном (и женой)¹². Сын ужасно почему-то похож на Марину Цветаеву, и это мне мешает. Живется им трудно и как-то отчаянно. Пишет он «роман призрака» (так он мне сказал). Что-то будет¹³!

Сейчас воет ветер. По лестнице моей взад и вперед ходит кот и мурлычет, в радио шумит «патетическая» Чайковского, Николай уютно читает что-то про Некрасова; луна еще зимняя, но по утрам кричат птицы и что-то розовое лезет из вишен. А у Вас-то небось жара, стрекозы летают?

Завтра, дорогой Иван Алексеевич, мне предстоит очень большое волнение, которое не знаю прямо, как выдержу: после 16-ти лет разлуки увижу своего отца на экране, в фильме (советском), где он играет роль (и говорит)¹⁴. Боюсь закричать.

Целую Вас. Ник<олай> Вас<ильевич> благодарит за «Лику» и жмет Вам руку.

Н. Берберова

Публикуется по автографу (авторизованная машинопись — в дальнейшем: АМ) (РАЛ. MS. 1066/1845).

¹ Лица. Брюссель: Петрополис, 1939 (см. примеч. 1 к № 4).

² Степа // Последние новости. 1938. 23 октября. № 6419. С. 2.

³ Самыми близкими по времени публикации в «Последних новостях» рассказами Бунина были «Муза» (1938. 30 октября. № 6426. С. 2) и «Поздний час» (1938. 11 декабря. № 6467. С. 2).

⁴ Темные аллеи // Последние новости. 1939. 22 марта. № 6568.

⁵ Рецензия Адамовича в серии «Литературные заметки» была опубликована в «Последних новостях» 4 мая 1939 г.

⁶ Смертельно больной Ходасевич не писал рецензии на «Лику» (об этом см.: И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. С. 210–212).

⁷ 4 тома дневников С.А. Толстой (1844–1919) за 1860–1910 гг. были опубликованы в Москве в 1928–1929, 1932 и 1936 гг. 3 тома воспоминаний ее младшей сестры, Татьяны Андреевны Кузминской (1846–1925), относящихся к 1846–1868 гг., вышли там же под названием «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» в 1925–1926 гг. (Об интересе Бунина к этим книгам в 1928 г. и во время войны см.: Грасский дневник. С. 91–92; РАЛ. MS. 1066/533 и 535; Устами Буниных. Т. 3. С. 102, 148.)

⁸ Бунин и Кузнецова провели вторую половину апреля и первую половину мая 1939 г. в Париже.

⁹ Ладинский Антонин Петрович (1896–1961) — прозаик, поэт, публицист, переводчик, мемуарист. Об отношениях Берберовой и Ладинского см.: Курсив. С. 321–324.

¹⁰ Берберова вспоминает: «За время 1938–1944 годов, когда жизнь в Лонгшене начала распадаться, у нас, кажется, перебивали все, кто когда-либо бывал у нас в Париже. Нелль и А.Ф. Керенский живали часто, Ходасевич и Оля тоже. Бунин, Зайцевы, Вейдле, Злобин, Ладинский — по несколько раз. Приезжали Ю.П. Анненков, Е.Н. Рощина-Инсарова, Руднев, Фондаминский, мои друзья из “Последних новостей”, — и как все любили это место, каким оно казалось счастливым, уютным, прелестным, с куском нерасчищенного леса в конце сада, с лужайками по обе стороны забора, так что соседней было и не видеть, и не слышать» (Курсив. С. 435). О приездах Ходасевича и его третьей жены, Ольги Борисовны (см. примеч. 4 к № 14), Берберова пишет: «Ходасевич и Оля прожили шесть лет вместе, и в последний год, когда он тяжело болел, в год “Мюнхена” и аннексии Чехословакии, они оба подолгу гостили в Лонгшене. В последний раз он уже почти не выходил в сад, оставался весь день в кресле на площадке. Н.В.М<акеев> делал все, чтобы им было хорошо у нас. Он очень любил Олю» (Курсив. С. 414).

¹¹ Повесть Берберовой «Облегчение участи» впервые опубликована в предпоследнем выпуске «Современных записок» (1939. № 69).

¹² О Набокове (псевд. В. Сиринов) Берберова пишет: «Я хорошо узнала его в тридцатых годах, когда он стал изредка наезжать из Берлина в Париж и когда, наконец, перед войной он поселился в Париже вместе с женой и сыном» (Курсив. С. 371). Жена Набокова — Вера Евсеевна (урожд. Слоним; 1902–1991); сын — Дмитрий Владимирович (род. 1934).

¹³ Возможно, что речь идет о незаконченном романе Набокова «Solus Rex», начало которого было опубликовано в «Современных записках» в 1940 г. (№ 70). (Впоследствии, при переводе этого фрагмента на английский язык, Набоков назвал его «второй главой» романа. См.: Долинин А. Загадка недописанного романа // Звезда. 1997. № 12. С. 215–224.)

¹⁴ Берберов Николай Иванович (1868–1942?) — отец Берберовой, потомок древнего армянского рода. По окончании физико-математического факультета Московского университета поступил на государственную службу. Сотрудник Министерства финансов.

В своей автобиографии Берберова так описывает «его короткую кинематографическую карьеру, когда на Невском в 1935 году к нему подошел режиссер Козинцев и сказал ему: “Нам нужен ваш типаж”. “Почему же мой? — спросил отец — У меня нет ни опыта, ни таланта”. “Но у вас есть типаж, — был ответ, — с такой бородкой, и в крахмальном воротничке, и с такой походкой осталось всего два-три человека на весь Ленинград”. <...> И отец мой сыграл свою первую роль. <...> За ней были другие. Гримироваться ему почти не приходилось. В 1937 году где-то в грязной, вонючей улице около Севастопольского бульвара <в Париже> я нашла небольшую комячейку, ведавшую показом советских лент, которые по причине их низкого качества и грубой пропаганды коммерчески во Франции не показывались. <...> В назначенный день <я> сидела в большом темном зале <...>. Дело на экране волновало зрителей. Оно заключалось в том, что некий контрреволюционный гад, директор Госбанка, <...> портил Ленину вос-

становление российского бюджета <...>. Директор банка был арестован <...>. Мой отец в последний момент успел вылить банку чернил на открытую страницу гроссбуха, доказав, что до последнего вдоха он будет вредить делу Ленина. Его повели к выходу. В воротах Госбанка ему дали минуту, чтобы остановиться, взглянуть на Екатерининский канал, на петербургское небо, мутившееся дождем, и прямо на меня, сидящую в парижском зале. Глаза наши встретились. Его увели под конвоем. И больше я его никогда не видела. Но несколько слов, произнесенных им, донесли до меня его голос, его улыбку, быстрый, говорящий словами взгляд его карих глаз. После пятнадцати лет разлуки какая это была встреча! Не всем на роду выпадает счастье увидеться после такой разлуки и перед тем, как расстаться уже навеки!» (Курсив. С. 61–62). Возможно, Берберова ошиблась датой (1937 г.) и имела в виду показ другого фильма, на который она собиралась пойти 31 марта 1939 г., ибо описываемый ей сюжет совпадает с эпизодами из фильма «Выборгская сторона» (1938), последней серии из «трилогии о Максиме» кинорежиссеров Г.М. Козинцева (1905–1973) и Л.З. Трауберга (1902–1990), выпущенной на экран 2 февраля 1939 г. (совпадает в общих чертах, но не в приводимых Берберовой деталях: чернила на гроссбух выливает не ее отец, а другой актер; нет сцены увода под конвоем и т.д.). См. среди иллюстраций к настоящему тому кадры из фильма: Н.И. Берберов с бородой «лопаткой» в первом и четвертом кадрах.

Отец и мать Берберовой, Наталья Ивановна (урожд. Караулова), были эвакуированы из блокадного Ленинграда. Мать погибла во время эвакуации, а отец умер несколько месяцев спустя.

14

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

1 октября 1939 г. Лонгшен

Longchêne
par Bonnelles
S<eine> et O<ise>
1.X.39

Дорогой Иван Алексеевич,

Пишу Вам, «чтобы не забыться»¹. Буду счастлива, если и Вы, хоть двумя словами, ответите. Сначала беспокоились о Вас, но теперь рады, что Вы в чудном месте, да еще любимом Вами².

Сюда не приезжайте, хотя многие в Париже, — где неуютно. Маскарад при черных занавесах — напоминает пьесы Ал<ександра> Блока, кот<орого> Вы не любите, а потому пусть их ставят без Вас³. Алданов — мрачен, как библейский зверь; Сирина — и худ, и нервен, и сердит. При нем — семейство⁴.

Мы в Longchêne. С нами Оля Ходасевич⁵, кот<орую> мы пока усыновили. У нас, между прочим, очень хорошо, тихо и привольно. (Сдается, кстати, хороший дом: 12 комнат — 5 тыс<яч> в год.) В случае событий ждем к себе Зайцевых⁶... Ищем для них матрас.

Хоть изредка разрешите писать Вам и ждать от Вас коротенького слова. Как Вы чувствуете себя? Как проводите время? Есть ли друзья какие-

нибудь? Я очень, очень соскучилась, Иван Алексеевич, и, по-моему, Вы об этом уже догадались.

Макеев любит Вас почти как я и кланяется.

Обнимаю Вас.

Н. Берберова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1846).

¹ Возможно, фраза из святителя Григория Богослова (ум. ок. 390) (цикл «К самому себе»): «Помни сам себя, чтобы не забыться тебе, взирая на Бога; ты дал клятву, помни о своем спасении!»

² См. начало № 15. По-видимому, Берберова и Макеев предполагали, что в начале войны Бунины бежали, но на самом деле они лишь сменили виллу Бельведер на виллу Жаннетт (Villa Jeannette) в том же Грассе 27 сентября 1939 г. и жили в ней всю войну до конца апреля 1945 г., когда вернулись в Париж.

³ Об отношении Бунина к Блоку см. его «Воспоминания», особенно главы «Автобиографические заметки» и «Третий Толстой» (Париж: Возрождение, 1950. С. 43–46, 212–222). См. также: РАЛ. MS. 1066/518 и 1067/374; Устами Буниных. Т. 2. С. 34, 41–42, 93. В своей автобиографии Берберова так пишет об отношении Бунина к Блоку и русскому символизму: «Всю жизнь Блок был для него <Бунина> раной, и весь символизм, мимо которого он прошел, чем-то противным, idiotским, ничтожным, к которому он был либо глух, либо яростно враждебен. <...> Однажды Г.В. Иванов и я, будучи в гостях у Бунина, вынули с полки томик стихов о Прекрасной Даме, он был весь испещрен нецензурными ругательствами, такими словами, которые когда-то назывались “заборными”. Это был комментарий Бунина к первому тому Блока» (Курсив. С. 296). В биографическом справочнике, дополняющем «Курсив», Берберова утверждает, что после выхода ее французской книги о Блоке «Alexandre Blok et son temps» (1947) Бунин сочинил на нее эпиграмму: «В “Русской мысли” слышен стервы вой — / Это критика Берберовой» (Курсив. С. 643). (Однако в архиве Бунина сохранился автограф следующего содержания: «Страховому агенту Цвибаку (написано после рецензии Берберовой о моих “Воспоминаниях” <Бунин и его современники // Русская мысль. 1950. 20 сентября. № 277. С. 5>: В “Русской мысли” я / Слышу стервы вой: / Застрахуй меня / От Берберовой!» (MS. 1066/62). См. также публикацию Е.Р. Пономарева «Нецензурный Бунин» в наст. изд.

⁴ См. примеч. 12 к № 13.

⁵ Ходасевич Ольга Борисовна (урожд. Марголина; 1890–1942) — четвертая жена В.Ф. Ходасевича, племянница Алданова. Совместная жизнь Марголиной и Ходасевича началась в октябре 1933 г., вскоре после того, как расстались Берберова и Ходасевич. После смерти Ходасевича 14 июня 1939 г. Марголина часто бывала и даже жила у Берберовой и Макеева в Лонгшене. Берберова так пишет о жизни Марголиной после смерти Ходасевича: «Н.В.М<акеев> настоял на том, чтобы Оля провела у нас лето, и когда в сентябре началась война, она не уехала обратно в Булонь-Биянкур, а осталась с нами. Еще в 1939 году, осенью, Н.В.М<акеев> стал ее крестным отцом, она перешла в православие. <...> Она теперь опять жила с сестрой (когда не жила у нас). Когда я бывала в Париже, я всегда заходила к ней. Она все больше проводила время в городе, говорила, что сестре без нее “скучно”, что она ей нужна. Иногда я настаивала, чтобы захватить Олю с собой: я знала, что она любит Лонгшен, и нас, и собак, и kota, любит сидеть и вязать на скамейке под орехом, ходить в лес за грибами» (Курсив. С. 423). См. также ее письма от 1939–1942 гг., биографический очерк и фотографии в изд.: Valentina Khodasevich and Olga Margolina-Khodasevich: Unpublished Letters to Nina Verberova / Edited by R.D. Sylvester. Berkeley, CA: Berkeley Slavic Specialties, 1979; и письма Ходасевича к ней от 1932–1935 гг. в публикации: «Целую Ваши лапки — все четыре». Письма В.Ф. Ходасевича к О.Б. Марголиной / Предисл., публ. и ком-

мент. Дж. Малмстада // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 373–387. Марголина-Ходасевич погибла в Освенциме.

⁶ Во время войны Зайцевы часто навещали Берберову и Макеева в Лонгшене.

15

И.А. БУНИН — Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ

5 октября 1939 г. Грасс

Дорогая Нина,

Очень тронут и обрадован Вашим письмом¹. Да, я, увы, засел в Grasse'e, где у меня ровно ни единой души нет, не только близкой, но просто близко знакомой. Печален я и одинок бесконечно. И это уже давно, и чем дальше, тем больше, — «мудрость» лет, милый друг! — а уж про теперь и говорить нечего! Целую Вас и Ник<олая> В<асильевича> от всей души. Клянюсь О<льге> Б<орисовне>². Пишите хоть изредка.

Ваш

Ив. Бунин

5.X.39

Пишется что-нибудь? Дай Бог. Я не могу — пока, по кр<айней> мере.

Публикуется по автографу (открытка) (Beinecke. Berberova. Box 5. Folder 99). Впервые опубликовано с мелкими разночтениями: Курсив. С. 302. (Отрывок открытки см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 504.)

¹ № 14.

² Марголиной-Ходасевич.

16

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

6 декабря 1939 г. Лонгшен

Лонгшен. 6 декабря 1939

Дорогой Иван Алексеевич,

Два месяца не отвечала Вам на Вашу открытку¹, которая так обрадовала меня, хотя и была она очень грустной. Хотелось Вам написать о жизни здешней и о самой себе, но вижу, что о самой себе лучше вообще не писать, так как очень мрачно в душе, и день ото дня все мрачнее. Никогда в жизни не переживала такой оторванности от всего, такого одиночества,

такого предчувствия катастроф, такого отчаяния, как в это время. Но не стоит говорить об этом — все равно не сможешь, и даже не размыкаешь своего дурного настроения, а только заразишь им Вас — что и в малой степени было бы непростительно. Расскажу Вам лучше о том, что происходит вокруг.

Газету² Вы читаете, а потому видите, должно быть, как постепенно становимся мы русским меньшинством во французском государстве. Спасаем западную цивилизацию — которая М.А. Алданову дороже всего на свете. А между тем русский солдат во французской армии мятется и беспокоится о многом, и порядка никакого ни в чем нет. Литературная жизнь замирает, хотя постаревший, посеревший, весь какой-то дрожащий и напряженный Руднев и клянется выпустить *еще одну* книжку «<Современных> Записок» — в половинном размере³. Есть салон Цетлиных — с Вольфсонами⁴ и Вишняком⁵, куда я не вхожу⁶, но где тоже очень взволнованы мировыми событиями, речами А.Ф. Керенского в Америке⁷, П.Н. Милюковым, слегка постаревшим за эти месяцы, — как это ни странно⁸! Среди этого живем и вяжем солдатские чулки.

В деревне у нас прекрасно, как никогда. Огромный цепной пес, зима, бодрый Николай, все что-то красящий и сажающий и находящий даже какую-то особую язвительную прелесть в починке чего-то в те именно дни, когда все рушится. Служба его висит на волоске и, по-моему, кончается⁹. Я же пишу в «Сегодня» — а больше нигде¹⁰.

У нас живет Оля Ходасевич — может быть, останется до весны, а может быть, и дольше. Вечерами слушаем радио и ветер. Днем придумываем, как бы «чего-нибудь» поделат. Иногда про себя каждый вспоминает что-нибудь. И Вы вспоминаетесь. И не очень редко. А читаю я «Жизнь Арсеньева» и хроники Шекспира.

А еще у меня есть девять крестников-солдат. Очаровательные люди. Все курящие и пьющие, любящие посылки и письма. Занимаюсь ими вовсю. Один требует черный хлеб — потому что ему скучно без России (Алданов этого не понимает), другой кальсоны, третий аспирин. Глядишь — и день прошел.

На фоне всего этого младороссы решили расширить «Бодрость». Слышали ли Вы про такую газету? Будет выходить два раза в месяц, платить будут мало, но печатать писателей хороших — такие еще есть? Главное же — их читает «наша армия», молодежь, единственное, что еще осталось *русского* здесь. Слаб человек! Согласилась...¹¹

Исполняю их просьбу и спрашиваю Вас без обиняков: дали бы Вы что-нибудь когда-нибудь (кусочек, рассказ, отрывок, хвостик, размышление) в этот листок¹²? Не сердитесь на такой наглый вопрос. Надо Вам сказать, что, во-первых — императора они как-то ухитрились затереть и его не вспоминают больше; во-вторых — в случае смерти П.Н.М.<илюкова> у них будет ежедневная газета¹³; в-третьих — это настоящие люди — культурные, веж-

ливые, неглупые, а главное, живые. И аудитория их милее, чем покойники «Посл<едних> нов<остей>»¹⁴.

Из всего этого Вы видите, что я пребываю в такой сильнейшей и преступно-безвкусной тоске по родине, что согласна на всякий ее суррогат. Пришла недавно к Зайцевым и, представьте, чуть-чуть расплакалась. Напомнили что-то, чего почти нигде и ни в чем уже нет. Между прочим, им неплохо живется, деньжата кое-какие есть пока, Андрей ушел недалеко¹⁵. В случае беспокойства ночного ждем их к себе.

Вообще же в Париже я не вижу почти никого. Там много «дорогих могил» — пустые квартиры, какие-то подъезды, в которые когда-то входила не без трепета. Много бы дала, чтобы увидеть Вас, Иван Алексеевич. Напишите мне, как Вы справляетесь со всем, что пришло? Сколько согласны терпеть?

Надеюсь, что у Вас в доме все обстоит хорошо, и «бельведерский мир» перенесен теперь в другое, похожее на прежнее, место¹⁶. Здоровы ли Вы? Веселы ли? Есть ли кто-нибудь около приятный и развлекательный?

Главное — мне страшно, что мозговое вещество мое обрастет корой и тоской. Какой эгоизм! И никакой мудрости не предвижу извлечь из всего происходящего — боюсь, что не успею. Хорошо бы начать переводить «Божественную комедию» или «Фауста» — эдак лет на пять работы. И ничего не знать, и все забыть. Беда в том, что столько было войн и революций, что все уже переведено.

Передайте В<ере> Н<иколаевне> и Г<алине> Н<иколаевне> поклоны от Николая и меня. Можно мне обнять Вас, Иван Алексеевич? Будьте благополучны. Пишите, пожалуйста.

Нина Берберова

Публикуется по автографу (АМ) (РАЛ. MS. 1066/1847).

¹ № 15.

² «Последние новости».

³ Руднев Вадим Викторович (1879–1940) — член ЦК партии эсеров, общественно-политический деятель, публицист, журналист, издатель. Участник Первой мировой войны. Летом 1917 г. городской голова Москвы. В 1919 г. эмигрировал в Париж, где был сотрудником Земгора и одним из основателей, соредактором и секретарем редакции (с 1936) «Современных записок». Руднев был свидетелем на свадьбе Берберовой и Макеева. Уже смертельно больной (он умер от рака 19 ноября 1940 г.), Руднев действительно успел выпустить последний номер журнала (№ 70) в апреле 1940 г.

⁴ Вольфсон Марк Карлович, банковский служащий, и его жена Эрна Сигизмундовна. Погибли в Освенциме.

⁵ Вишняк Марк Вениаминович (1883–1975) — общественно-политический деятель, публицист, журналист, юрист, мемуарист; эсер. Секретарь редакции журнала «Русские записки» (Париж–Шанхай, 1937–1939).

⁶ Не выяснено, почему Берберова была не вхожа в салон М.О. и М.С. Цетлиных.

⁷ В конце 1930-х гг. Керенский несколько раз ездил с политическими выступлениями в США, где он и находился, когда началась Вторая мировая война. О его реакции на начало войны писалось осенью 1939 г. как в американских газетах, так и в редактируемом им парижском журнале «Новая Россия».

⁸ Милюков, которому в 1939 г. исполнилось 80 лет, был редактором газеты «Последние новости» в период «странной войны» и сам продолжал писать статьи о вопросах, особо волнующих русских эмигрантов во время действия советско-германского пакта.

⁹ Не установлено, где и в каком качестве Макеев служил в данное время (ср. примеч. 2 к № 7).

¹⁰ Известны 3 статьи Берберовой в рижской газете «Сегодня» за сентябрь–декабрь 1939 г. До закрытия газеты 21 июня 1940 г. вышло еще 4 ее статьи, все на историко-литературные темы (см.: *Абызов Ю.* Русское печатное слово в Латвии, 1917–1944 гг.: Биобиблиографический справочник. Stanford, CA, 1990. Ч. 1. С. 145. (Stanford Slavic Studies; 3)). Сложные пути общения газеты с авторами через Стокгольм и Берн описаны в письме к Берберовой из редакции от 3 января 1940 г. (*Равдин Б., Флейшман Л., Абызов Ю.* Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Stanford, CA, 1997. Кн. 5. С. 229–230. (Stanford Slavic Studies; 17)).

¹¹ Известно одно выступление Берберовой (Сентябрьский дневник // *Бодрость!* 1939. 31 декабря. № 256) в газете партии младороссов, выходившей в Париже еженедельно с ноября 1934 г. по декабрь 1939 г. (часто на одном листе), а потом два раза в месяц, до закрытия в феврале 1940 г. В последний период существования «Бодрости» в ней печатались, прежде всего, «вождь» младороссов Александр Львович Казем-Бек (1902–1977) и редактор газеты К.С. Элита-Вильчковский, а также Н.И. Алексеев, Р.Б. Гуль, В.Л. Корвин-Пиотровский, В.В. Набоков (не опубликованный в «Современных записках» отрывок из романа «Дар» был напечатан в том же номере газеты от 31 декабря 1939 г., в котором напечатан «Сентябрьский дневник» Берберовой), С.С. Оболенский, А.И. Угримов и др. В последнем номере (1940. 15 февраля. № 259) публиковались В.В. Вейдле, К.В. Мочульский, Ю. Фельзен и А.С. Штейгер. Подробнее об этом см.: *Livak L.* Le social contre l'esthétique: Le Zemgor dans la vie littéraire de l'émigration // *Cahiers du Monde Russe*. 2005. Vol. 46. Fasc. 4. P. 826–829. В частности (на с. 828–829), приводится в переводе на французский язык цитата из письма Штейгера к Ю.К. Терапиано от 8 февраля 1940 г., впервые опубликованного по-русски Л. Ливаком же по оригиналу из *Beineske* (GEN. MSS. 93. *George Ivask Papers*. Box 1. Folder 30): «В Париже большое литературное событие — Кирилл Сергеевич <Элита-Вильчковский> изменил формуле своей газеты, и она выходит в расширенном виде, при участии всех почти общественно-литературных сил русского Парижа. Участвуют Сирин, Вейдле, Мочульский, Фельзен, Берберова, моя сестра и др. Кирилл Сергеевич просил у меня Ваших стихов, но я не решился посылать без Вашего согласия. <...> Как мне поступить, и посылать ли в газету, основная линия которой прежняя» (К истории «Парижской школы»: Письма Анатолия Штейгера, 1937–1943 // *Canadian-American Slavic Studies*. 2003. Vol. 37. № 1–2. P. 108–109).

¹² См. № 17 и примеч. 4 к нему об отказе Бунина.

¹³ Надо полагать, младороссы рассчитывали, что со смертью Милюкова прекратятся «Последние новости», и тогда, без столь явной конкуренции, «Бодрость!» сможет превратиться из партийного еженедельника в общеэмигрантскую ежедневную газету с нужным им направлением. События развивались, однако, несколько иначе: сначала «скончалась» «Бодрость!» (15 февраля 1940 г.), потом уж «Последние новости» (11 июня 1940 г.), а Милюков лишь в 1943 г.

¹⁴ Ср. выше в письме: «Главное же их читает <...> молодежь <...>».

¹⁵ Соллогуб Андрей Владимирович (1906–1996) — муж (с 1932) дочери Зайцевых, Натальи Борисовны (1912–2008), был мобилизован во французскую армию 15 октября 1939 г. По свидетельству Н.Б. Зайцевой-Соллогуб: «<...> так как он был с высшим образованием, его направили в офицерскую школу»; «не успели отправить на фронт» («Напишите мне в альбом...»: Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От. М.: Русский путь, 2004. С. 50–51).

¹⁶ См. примеч. 2 к № 14.

И.А. БУНИН — Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ И Н.В. МАКЕЕВУ

25 января 1940 г. Грасс

25.1.40

Дорогая Нина, дорогой Николай Васильевич,

С Праздником и с Новым годом. Поздравляет Вас и желает Вам всех благ и весь мой дом.

Письмо Ваше, Нина, от 6-го дек<абря>¹ получил давным-давно. Был, конечно, очень рад ему — я ведь действительно очень люблю Вас, — а не поблагодарил Вас за него сразу прежде всего потому, что уже давным-давно чувствую себя прескверно, тупым и отравленным от всяких лекарств против ужасного кашля: холод у нас был собачий, долго лежал снег, и наш большой и нелепый дом натопить не было никаких возможностей; все прихворали, я же больше всех. А потом — что напишешь? Газеты, радио, тревога за финнов²... чтение старых журналов, что я беру в ниццкой церковной библиотеке... вот и все. Пишете ли Вы что-нибудь? Пишите, дорогая, пользуйтесь силами, молодостью.

Младороссы, думаю, мне не подходят — да и что я могу им дать³? Да и «Посл<едние> нов<ости>», думаю, были бы недовольны⁴.

Ужасно хочется в Париж — как бы грустно ни писали Вы о нем. Да я так беден, что и думать не смею о тратах на поездку⁵.

Вы, верно, были в нем на Праздниках. Напишите, пожалуйста, что видели, что слышали.

Целую Вас и Николая Васильевича очень сердечно.

Ваш

Ив. Бунин

Публикуется по автографу (Veinecke. Berberova. Vox 5. Folder 99). Впервые опубликовано с купюрами и мелкими разночтениями: Курсив. С. 302.

¹ № 16.

² Речь идет о советско-финской «зимней» войне. Ср. дневниковые записи Буниной от 3 декабря 1939 г. и 22–23 февраля 1940 г.: «Эти дни Финляндия. Я все думаю о Валааме. Последний наш русский православный монастырь. <...> Ян очень волнуется за Финляндию»; «Он <Бунин> очень волнуется из-за Финляндии. Взята станция Нобелей. Завтра, т.е. сегодня, обещано взять Выборг» (РАЛ. MS. 1067/410; Устами Буниных. Т. 3. С. 36, 37 — датировка второй записи исправлена (в публикации: «26 января / 8 февраля») по оригиналу).

³ В данное время у Бунина действительно нечего было печатать, ибо после написанных осенью 1938 г. и опубликованных в «Последних новостях» рассказов (см., напр., примеч. 2 и 3 к № 13) следующие рассказы Бунина были написаны только осенью 1940 г.

⁴ Бунин сотрудничал в газете «Последние новости» в 1928–1939 гг. Ср. дневниковую запись Я.Б. Полонского от 6 февраля 1940 г.: «Бунин рассказывает, что на днях Гукасов

подсылал к нему знакомого. “Чего ему надо, Бунину, я ему дам столько, сколько хочет, зачем ему сидеть в “Новостях”, пусть переходит в “Возрождение”. Бунин говорит: “Зачем я буду грубо поступать с “Последними новостями”? Столько лет ко мне прилично относятся, а я вдруг чего-то заявлю, что перехожу, зачем? Нет уж, не надо”. То же он ответил и “Младоросской Бодрости”» (Дневник Полонского I. С. 282).

⁵ Тем не менее 28 января 1940 г. Бунину пришлось ехать в Париж лечиться; он вернулся в Грасс 17 февраля (РАЛ. MS. 1067/410, 1066/532; Устами Буниных. Т. 3. С. 37, 40 — записи Буниной от 31 января 1940 г. и Бунина от 30 марта 1940 г.; в своей записи Бунин путает день прибытия в Париж (29 января) со днем отъезда из Грасса (28 января) и день отъезда из Парижа (16 февраля) со днем прибытия в Грасс (17 февраля)).

18

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

10 февраля 1940 г. Лонгшен.

Longchêne par Bonnelles

S<eine> et O<ise>

Bullion 12

10.II.40

Дорогой Иван Алексеевич,

Узнала, что Вы в Париже¹. Очень хочу видеть Вас. *Во вторник* я буду в городе и останусь ночевать. Это будет первый вечер, кот<орый> я проведу в Париже за много месяцев. Если Вы свободны, было бы огромным для меня счастьем встретиться с Вами. Я (и Николай, вероятно) приду к Вам домой, в 7 час<ов> *вечера*. Если Вы *никак* не можете быть дома в это время, то оставьте записку у консьержки — может быть, мы сможем встретиться в 8 ч<асов>? Если Вы заняты позже вечером, то хоть часок полюбуюсь на Вас. Если же Вы ничего не имеете против, то пойдем вместе закусить. Вот бы хорошо! А то когда опять увидимся?

Обо всем этом я пишу и Борису Зайцеву. Может быть, и он присоединится к нам? Назначаю ему свидание в 7 ч<асов> у Вас — простите меня за эту наглость, но отсутствие у Вас телефона заставляет быть нахальной. Обнимаю Вас и очень прошу сохранить вторник вечером свободным для нас, если только возможно².

Николай кланяется.

Н. Берберова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1848).

¹ См. примеч. 5 к № 17.

² О состоявшейся-таки встрече 13 февраля 1940 г. см. начало № 19.

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

22 апреля 1940 г. Лонгшен

Лонгшен. 22 апреля 1940

Дорогой Иван Алексеевич,

Много времени не писала Вам и не получала ни строчки от Вас, — с того самого дня, как Вы уехали из Парижа¹, — а между тем тот вечер, который мы провели втроем у Вас на квартире, был, пожалуй, единственной радостью моей за всю эту долгую зиму. Радостей действительно не было, было маленькое развлечение — приезд Керенского из Америки с новой, молодой, красивой женой, моей, так сказать, подругой (мы даже на ты)². Но от этого уже ничего не осталось. А от того вечера на улице Оффенбаха³ осталось совершенно незабываемое впечатление холостяцкого Вашего уюта, чудных разговоров в черном Париже и какие-то мои чувства к Вам.

Может быть, Вы опять приедете⁴? И когда? И надолго ли? Только теперь уже Вы приедете в Лонгшен, поживете у нас хотя бы несколько дней... Хочу Вам по этому случаю напомнить, Иван Алексеевич, что если Вам придется вынужденно быстро уехать с Ривьеры и Вы не будете знать куда, то приезжайте прямо к нам (если в Париже покажется беспокойно) — поживете, осмóтритесь, а главное, Вам хоть по приезде сразу будет не нужно погружаться в бестолковщину. У нас ведь можно и подумать, и даже пописать, а главное до того тихо и прекрасно, что даже как-то удивительно.

Весна настала настоящая — но только дня три тому назад. Мы с Николаем работаем тоже по-настоящему, часов по восьми, так что когда ложусь, то прямо вою от блаженной боли во всех костях. Вид у меня хороший и красивый, деревенский, отчаянный. Засасывает все это необычайно. Огород развели колоссальный (все думаешь, не нагрянет ли народ зимой), цветы тоже посадили в большом количестве — право, не знаю, зачем. Рабочих в этом году нет, и все делали сами. Удивительно это, но приятно. Похоже на то, как если бы кусок нашей земли был неким любимым предметом: все-то мы его оглаживаем и причесываем, трогаем и терзаем, ну и пользу, конечно, извлекаем, как полагается.

Ездят к нам мало. Зайцевы приедут, верно, когда совсем будет тепло. Все приуныли сильно, да и бензина мало дают, — для путешествий за город. Николай съездил в Бельгию; там настроение прекрасное, страна — настоящая крепость⁵. Я же много читаю и размышляю и очень мало пишу. «Бодрость» приказала долго жить от безденежья⁶. Дала статейку в «Новую Россию» — первый раз в жизни написала публицистику⁷. О романе своем думаю, думаю, — уже на том месте дырка от думанья⁸. Главное — жду. Жду событий, жду невесть чего. Жду и жду, — хорошего ли, дурного ли?

От Зурова (случайно встреченного)⁹ знаю, что Вы и все Ваши здоровы. Так ли это? Как Ваше настроение? Пишете ли? Хорошо ли на юге? Говорят, Мережковские уехали в Швейцарию (или уезжают)¹⁰. Рада за них. Они в печальном состоянии.

Целую Вас, дорогой Иван Алексеевич, и всем Вашим кланяюсь. Николай присоединяется и к поцелую и к поклону.

Ваша

Н. Берберова

Публикуется по автографу (АМ) (РАЛ. MS. 1066/1849).

¹ См. примеч. 5 к № 17.

² Вторая жена Керенского, Лидия Эллен (Нелль) Триттон (1899–1946), родилась и выросла в Австралии, где в 1920-е гг. она начала журналистскую карьеру, вскоре приведшую ее в Европу. В 1927 г. она вышла замуж за белогвардейца Николая Надеждина (во время брака с Надеждиным носила имя Тереза). С середины 1930-х гг. работала секретарем Керенского. 21 августа 1939 г., в США, состоялось их бракосочетание. (Подробнее о ней см.: *Abraham R. Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution*. London: Sidgwick & Jackson, 1987. P. 364 и сл.) Керенские вернулись во Францию в 1940 г. незадолго до конца «странной» войны и часто гостили у Макеевых в Лонгшене. В своей автобиографии Берберова пишет: «<...> они живут иногда неделю и в последний раз уезжают накануне взятия немцами Парижа <...>. В ночь их отъезда, за два дня до падения Парижа в 1940 году, я стелила им постель, от слез ничего перед собой не видя. Она, разбирая в чемодане какие-то вещи, требовала от меня, чтобы я обещала, “если что-нибудь случится”, приехать к ней, где бы она ни была, и жить с ней “под ее крылышком” <...>. Автомобиль их, тяжело нагруженный, двинулся в путь на рассвете 12 июня. И больше я Нелль никогда не видела: она умерла в апреле 1946 года, в Австралии, куда она уехала с А.Ф.» (Курсив. С. 351–353).

³ Парижская квартира Буниных (с 1920) находилась по адресу: 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16-е.

⁴ Следующий приезд Бунина в Париж состоялся 9 мая 1940 г., когда он присоединился к уже находящейся в Париже с середины апреля Буниной. Они уехали из Парижа вместе 22 мая (РАЛ. MS. 1066/532; Устами Буниных. Т. 3. С. 52–53).

⁵ Не установлено, с какой целью Макеев ездил в Бельгию. В данное время Бельгия еще не была занята немцами; наступление немцев на Бельгию (Голландию и Люксембург) началось 10 мая 1940 г.; Бельгия была сдана 28 мая.

⁶ См. примеч. 13 к № 16.

⁷ Речь идет о статье «Черный день» (Новая Россия. 1940. 17 апреля. № 82–83. С. 15–16). «Новая Россия» — журнал, издававшийся в Париже в 1936–1940 гг. (№ 1–84) под редакцией А.Ф. Керенского.

⁸ Возможно, речь идет о повести Берберовой «Воскрешение Моцарта», действие которой, однако, начинается «В самых первых числах июня девятьсот сорокового года <...>» (Новый журнал. 1947. № 17. С. 60). Следующий ее роман, «Мыс бурь», был написан в 1948–1950 гг.

⁹ Зуров жил в Париже (кроме летних месяцев, проведенных в экспедициях в Эстонии) с начала 1937 г. до весны 1940 г., когда у него обнаружили туберкулез. Приезд Буниной в Париж (см. примеч. 4) был отчасти связан с организацией лечения Зурова в санатории. (Подробнее см. публикацию переписки Бунина и Зурова в наст. изд.)

¹⁰ Не установлено, на чем основано это предположение Берберовой. 5 июня 1940 г., незадолго до взятия Парижа, Мережковские уехали в Биарриц, где они подыскали себе убежище еще в сентябре–декабре 1939 г. во время «странной» войны. Они вернулись в Париж из Биаррица осенью 1941 г.

20

И.А. БУНИН — Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ И Н.В. МАКЕЕВУ

2 мая 1940 г. Грасс

Очень благодарю Вас, дорогая моя, и Н<иколая> В<асильевича> за письмо¹, тронут им, тем более, что думал, что во хмелю слишком много говорил в тот вечер². Пишу кратко — надеюсь быть в Париже через несколько дней и пробыть там недели три³. Живу по-прежнему, одиноко и грустно.

Сердечно целую Вас обоих.

Ваш

Ив. Б.

2 мая 40 г.

Публикуется по автографу (открытка) (Beinecke. Berberova. Box 5. Folder 99). Место написания установлено по почтовому штемпелю. Впервые опубликовано с купюрой и разночтением: Курсив. С. 303. (Отрывок открытки см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 504.)

¹ № 19.

² Т.е. 13 февраля 1940 г. (см. № 18 и 19).

³ См. примеч. 4 к № 19.

21

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

20 июля 1940 г. Лонгшен

Longchêne
par Bonnelles
S<eine> et O<ise>
20.VII.40

Дорогой Иван Алексеевич,

Очень беспокоимся о Вас и просим как можно скорее черкнуть нам две строчки: где Вы? как Вы? здоровы ли? и где все Ваши? Мы, слава Богу, никуда не двинулись, остались дома¹. Оба сейчас без всякой работы, но не тужим. Все есть кругом (кроме денег). Все оставшиеся вполне благополучны. Видаю многих, когда езжу в Париж (на велосипеде), в частности — Зайцевых, у кот<орых>, как всегда, чисто, весело и уютно. Все без страха смотрят в будущее и благодарят Бога, что не бросили насиженных мест. Ожидается (впрочем, не очень скоро) русская газета². Нет ли у Вас каких поручений? Касательно квартиры или других дел³? Все исполним с

радостью. Дорогой Иван Алексеевич, непременно ответьте — очень о Вас хочется все знать.

Целуем Вас оба и желаем Вам всего хорошего.

Ваша

Нина Б.

Привет Вашим всем, а также и приедем, если увидите кого-нибудь.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1850).

¹ Приход немцев и падение Парижа 14 июня 1940 г. побудили многих жителей города к бегству. Паника коснулась и далекого Грасса: 16 июня Бунины (вместе с Кузнецовой, М.А. Степун, Е.Н. и О.А. Жировыми) отправились в г. Lafrançaise, расположенный к северу от Тулузы в департаменте Тарн и Гаронна, близ которого находилась ферма А.М. Жирова. Бунины, Кузнецова и Степун вернулись в Грасс 9 июля (см. дневниковую запись Бунина от 25 июля 1940 г. — РАЛ. MS. 1066/532; Устами Буниных. Т. 3. С. 54–55).

² Последние номера парижских газет «Возрождение» и «Последние новости» вышли соответственно 7 и 9 июня 1940 г. До появления коллаборационистской газеты «Парижский вестник» в середине июня 1942 г. (см. примеч. 8 к № 42) в Париже не было других русскоязычных органов печати.

³ Неизвестно, откликнулся ли Бунин на вопрос Берберовой. Возможно, он лишь собирался разузнать у Берберовой о Набокове, на что указывает его карандашная пометка: «Адрес Сирина?».

22

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

24 октября 1940 г. Лонгшен

Longchêne, le 24 oct. 1940

Nous sommes en bonne santé. Kulmann décédé il y a 8 jours. Sans nouvelles de vous et autres amis. La famille Zaitzeff et Sollogoub va bien. Elie est de retour à Paris. Nicolas ne travaille pas depuis mai. Nous travaillons la terre, allons rarement à Paris, restons ici. Vous prions de nous donner de vos nouvelles. Pensons à vous très souvent. Voudrions vous voir ici.

Affectueuses pensées. Baisers.

Signature.

Nina Makeev

Перевод:

Мы в добром здравии. Кульман скончался 8 дней назад¹. Ни от Вас, ни от других друзей новостей нет. Семья Зайцевых-Соллогубов хорошо поживает. Илья вернулся в Париж². Николай не работает с мая. Мы обрабатываем

землю, в Париж ездим редко, сидим здесь. Просим Вас сообщить о себе. Очень часто думаем о Вас. Хотели бы видеть Вас здесь³.

Сердечные приветы. Поцелуи.

Подпись.

Нина Макеева

Публикуется по автографу (стандартная открытка на французском языке; вписанные от руки слова выделены курсивом; подчеркивание авторское) (РАЛ. MS. 1066/1851). Здесь и в дальнейшем орфографические и другие мелкие ошибки во французских текстах Берберовой и Бунина исправлены без оговорок. Подробнее о системе обязательных стандартных открыток см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 505.

¹ Филолог, литературовед, литературный критик, профессор русского отделения при Сорбонне, Кульман Николай Карлович (1871–1940) скончался 17 октября 1940 г.

² Речь идет о Фондаминском, летом 1940 г. находившемся в Аркашоне на берегу Атлантического океана недалеко от Бордо (см.: *Федотов Г.П. И.И. Фондаминский в эмиграции* // Новый журнал. 1948. № 18. С. 327).

³ После пребывания Буниных в Париже в апреле–мае 1940 г. (см. примеч. 4 к № 19) прошло без малого 5 лет до их следующего приезда в Париж в начале мая 1945 г. Таким образом, Бунины ни разу не были в Париже во время его оккупации немцами.

23

И.А. БУНИН — Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ И Н.В. МАКЕЕВУ

3 ноября 1940 г. Грасс

Grasse, le 3 novembre 1940

Nous sommes en bonne santé. Moi, je travaille, j'écris beaucoup.

Affectueuses pensées. Baisers.

Signature.

J. Bounine

Перевод:

Мы в добром здравии. Я работаю, много пишу¹.

Сердечные приветы. Поцелуи.

Подпись.

И. Бунин

Публикуется по автографу (стандартная открытка на французском языке; вписанные от руки слова выделены курсивом; подчеркивание авторское) (Beinecke. Berberova. Box 5. Folder 99). (Отрывок открытки см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 505.)

¹ В сентябре–ноябре 1940 г. было написано 13 (9 в одном только октябре) из 38 рассказов, вошедших в парижское издание сборника «Темные аллеи» (1946).

24

И.А. БУНИН — Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ И Н.В. МАКЕЕВУ

21 января 1941 г. Грасс

Grasse, le 21 janvier 1941

Nous sommes en ~~bonne~~ santé. J'ai écrit 12 nouvelles. L'hiver est trus rude. Je vous aime.

Affectueuses pensées. Baisers.

Signature.

J. Vouinine

Перевод:

Мы в добром здравии. Я написал 12 рассказов¹. Зима очень суровая. Люблю вас.

Сердечные приветы. Поцелуи.

Подпись.

И. Бунин

Публикуется по автографу (стандартная открытка на французском языке; вписанные от руки слова выделены курсивом; зачеркивание и подчеркивание авторские) (Вейнеске. Берберова. Вох 5. Folder 99). (Отрывок открытки см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 505.)

¹ Ср. примеч. 1 к № 23.

25

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

20 марта 1941 г. Лонгшен

Longchêne, le 20 mars 1941

Pensons beaucoup à vous. Aimerions vous voir, vous lire. Sommes heureux à la campagne. A vous, à tous, à Alia.

Affectueuses pensées. Baisers.

Signature.

Nina Makeev

Перевод:

Много думаем о Вас. Будем рады Вас видеть, читать Вас. Мы счастливы в деревне. Привет Вам, всем, Але¹.

Сердечные приветы. Поцелуи.

Подпись.

Нина Макеева

Публикуется по автографу (стандартная открытка на французском языке; вписанные от руки слова выделены курсивом; подчеркивание авторское) (РАЛ. MS. 1066/1852).

¹ Т.е. литератору Александру Васильевичу Бахраху (1902–1985), который жил у Буниных в Грассе с осени 1940 г.

26

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

3 мая 1941 г. Лонгшен

Longchêne, le 3 mai 1941

Êtes-vous en bonne santé? Sans nouvelles de vous 3 mois. La famille Vera-Boris va bien chez Eliachévitch. Avons acheté cochon vivant. Vous invitons manger jambon. Vous nous oubliez, et nous vous aimons tant.

Affectueuses pensées. Baisers.

Signature.

Nina

Перевод:

В добром ли Вы здравии? 3 месяца нет новостей от Вас. Семья Вера-Борис¹ хорошо поживает, у Ельяшевича². Мы купили живую свинью. Приглашаем Вас есть ветчину. Вы нас забываете, а мы Вас так любим.

Сердечные приветы. Поцелуи.

Подпись.

Нина

Публикуется по автографу (стандартная открытка на французском языке; вписанные от руки слова выделены курсивом) (РАЛ. MS. 1066/1853).

¹ Т.е. Зайцевы с Соллогубами.

² Зайцевы дружили с четой Ельяшевичей в течение многих лет и часто гостили в их имениях, сначала на юге Франции, а потом в Бюсси-ан-От в 150 километрах к юго-востоку от Парижа (департамент Йонна). К данному времени профессор-правовед и историк Василий Борисович Ельяшевич (1875–1956) овдовел (его жена Фаина Осиповна умерла 10 января 1941 г.).

И.А. БУНИН — Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ И Н.В. МАКЕЕВУ

12 мая 1941 г. Грасс

Grasse, le 12 mai 1941

Nous sommes en ~~bonne~~ santé. La famille *Marc Alexandrovitch* va bien. *Faim et misère. Merci de tout cœur pour votre carte du 3 mai. J'ai écrit un nouveau petit roman. Et vous, Nina?*

Affectueuses pensées. Baisers.

Signature.

J. Bounine

Перевод:

Мы в добром здравии. Семья Марка Александровича¹ хорошо поживает. Голод и нищета. Спасибо от всего сердца за Вашу открытку от 3 мая². Я написал новый маленький роман³. А Вы, Нина?

Сердечные приветы. Поцелуи.

Подпись.

И. Бунин

Публикуется по автографу (стандартная открытка на французском языке; вписанные от руки слова выделены курсивом; подчеркивание авторское) (Beinecke. Berberova. Box 5. Folder 99). (Факсимиле и отрывки открытки см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 503, 505.)

¹ Те. Алданов и его жена Татьяна Марковна. В отличие от Берберовой, живущей в оккупированной зоне Франции, до занятия «свободной» зоны немецкими войсками в ноябре 1942 г. (департамент Приморские Альпы был занят итальянцами) Бунин имел возможность переписываться с уехавшим в США в декабре 1940 г. Алдановым и в первых числах мая 1941 г. получил от него очередное письмо (Переписка И.А. Бунина с М.А. Алдановым / Публ. А. Зверса // Новый журнал. 1983. № 150. С. 163).

² № 26.

³ Имеется в виду написанный в марте—апреле 1941 г. рассказ «Натали», который в письмах и других высказываниях военного периода Бунин часто называет «маленьким романом».

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

11 июня 1941 г. Лонгшен

Cher ami, sommes un peu inquiets à votre sujet après votre carte du 12 mai. Voudrions avoir ici vos nouvelles contes¹ et le petit roman. Ne serait-ce pas possible?

Nous travaillons au jardin, avons un cochon et des abeilles. J'écris peu. Je joue beaucoup du piano. Mon rêve est d'aller en septembre pour 8 jours vous voir. Baisers.

Nina Makeev

Перевод:

Дорогой друг, мы немного обеспокоены по Вашему поводу после Вашей открытки от 12 мая². Хотели бы получить Ваши новые рассказы и маленький роман. Возможно ли это³? Мы работаем в саду, у нас свинья и пчелы. Я пишу мало. Много играю на фортепиано. Мечтаю поехать повидать Вас на 8 дней в сентябре. Поцелуи.

Нина Макеева.

Публикуется по автографу (стандартная открытка свободной формы на французском языке) (РАЛ. MS. 1066/1854). Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Надо «nouveaux contes», но правильнее было бы «nouveaux récits», так как «conte» значит «сказка».

² № 27.

³ См. № 23–24, 27. В это время Бунин посылал свои рассказы только Алданову в США, где некоторые из них были опубликованы в первых номерах «Нового журнала» и «Новоселья» в 1942 г., а также вошли в нью-йоркское издание сборника «Темные аллеи» 1943 г. Лишь осенью 1943 г., когда возникла возможность издания его новых рассказов в переводе на французский, Бунин послал их в Париж Зайцеву. Тогда, по-видимому, их читала и Берберова (см. № 46).

29

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

11 июля 1941 г. Лонгшен

Très cher ami, depuis le mois de mai je n'ai rien reçu de vous. Comment êtes-vous? Vera et Boris sont partis chez Eliachévitch. Je voudrai<s> vous envoyer un petit colis. Ecrivez-moi, si vous le voulez. Elie et beaucoup d'autres amis sont partis le 22 à Turma¹. Nous sommes très inquiets, vu les évènements, mais ne sommes pas malheureux. Baisers.

Nina

Перевод:

Драгоценный друг, с мая месяца ничего от Вас не получала. Как Вы? Вера и Борис уехали к Ельяшевичу². Хочу послать Вам небольшую посылку³. Напишите мне, если Вы этого хотите. Илья⁴ и многие другие друзья 22-го отправились в Тюрьму⁵. Мы очень беспокоимся в связи с этими событиями, но не унываем. Поцелуи.

Нина

Публикуется по автографу (стандартная открытка свободной формы на французском языке) (РАЛ. MS. 1066/1855). Датируется предположительно по содержанию и почтовому штемпелю.

¹ Так как стандартные открытки предназначались исключительно для переписки семейного характера, Берберова пишет «Tipta» латинскими буквами, как будто это название города.

² См. № 26 и примеч. 2 к нему. Н.Б. Соллогуб вспоминает, что «именно здесь <в Бюсси> они жили <...> в июне 1941 года, когда Гитлер напал на Россию» («Напишите мне в альбом...». С. 50 (см. примеч. 15 к № 17)).

³ См. конец № 31.

⁴ Т.е. Фондаминский.

⁵ Речь идет об аресте Фондаминского и других бывших российских граждан во Франции после нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. В «Черной тетради» своей автобиографии Берберова пишет: «В день 22 июня в Париже немцами были арестованы русские эмигранты, около ста пятидесяти человек. Главным образом “видные”, но есть и “невидные”. Они арестованы “как русские”: “правые” и “левые”; среди них — Фондаминский» (Курсив. С. 469). Фондаминский погиб в Освенциме 19 ноября 1942 г.

30

И.А. БУНИН — Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ И Н.В. МАКЕЕВУ

12 июля 1941 г. Грасс

12.VII.1941

Mes très chers amis, nous sommes sains et saufs. Que vous dire encore? Je suis tout à fait pauvre (et nous sommes six!), je suis très triste... Je lis — et c'est tout. Je n'écris pas — à quoi bon? Et vous, Nina? Il y a si longtemps que nous ne nous sommes vus! Vous m'avez donné l'espérance de vous voir — je suis très heureux! Alors, au revoir. Je vous embrasse très fortement.

J. Bounine

Перевод:

Мои дорогие друзья, мы целы и невредимы. Что вам еще сказать? Я совершенно нищ (а нас здесь шестеро¹!), мне очень грустно... Читаю — и это все. Не пишу — ради чего? А Вы, Нина? Мы так давно не видались! Вы дали мне надежду на встречу с Вами² — я очень рад. Тогда, до свидания. Очень крепко обнимаю Вас.

И. Бунин

Публикуется по автографу (стандартная открытка свободной формы на французском языке) (Veineske. Berberova. Box 5. Folder 99). (Фрагменты текста открытки см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 505.)

¹ Имеются в виду сам Бунин, Бунина, Кузнецова, Степун, Зуров и Бахрах. Ср. дневниковую запись Я.Б. Полонского от 23 февраля 1942 г.: «Вечером снова пришла Вера Николаевна. Долго и много рассказывала о той совершенно патологической обстановке, которая царит у них на вилле Жаннетт. Там 10 комнат, кажется, живут у них “Леня” Зуров, Марго Степун (сестра Федора Степуна), Галина Кузнецова и Александр (Аля) Бахрах. Живут все бесплатно за счет Ив. Ал.» (Дневник Полонского I. С. 289).

² См. конец № 28.

31

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

12 августа 1941 г. Лонгшен

12.VIII

Très cher ami! Merci pour votre carte du 12.VII. Nous ne pouvons pas venir vous voir, mais ne pourriez-vous pas venir chez nous? Nous vous invitons pour le mois de septembre — il fait toujours beau. Il y a des cars pour Paris — vous pourriez y aller de temps en temps. Vous mangerez bien et cela vous distraira. Nicolas vous embrasse et attend votre consentement. Je vous ai¹ envoyé un petit colis. Baisers.

Nina

Перевод:

Дорогой друг! Спасибо за Вашу открытку от 12 июля². Мы не можем приехать повидать Вас, но не могли бы Вы приехать к нам³? Мы Вас приглашаем на сентябрь — погода все еще хорошая. До Парижа ходят автобусы — Вы бы могли ездить туда время от времени. Будете хорошо есть, и это Вас развлечет. Николай Вас обнимает и ждет Вашего согласия. Я отправила Вам небольшую посылку. Поцелуи.

Нина

Публикуется по автографу (стандартная открытка свободной формы на французском языке) (РАЛ. MS. 1066/1856). Год установлен по почтовому штемпелю.

¹ В рукописи описка: J'ai vous ai.

² № 30.

³ См. примеч. 3 к № 22.

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

17 сентября 1941 г. Лонгшен

17.IX

Très cher ami! La Bibliothèque Tourg<uénev¹> va déménager le 1er oct<obre> et vos 9 valises doivent être prises. Boris m'a demandé si je voulais bien les prendre et <les> garder dans ma maison de campagne. Certainement, j'y consens. Ecrivez-moi, si vous le voulez, autrement on les enverra chez mère Marie dans les sous-sols de la rue de Lourmel. Cela paraît à Boris² impossible — il craint l'humidité. Chez moi elles seront placées dans un endroit sec et sûr. J'attends votre réponse, autrement les imbéciles de l'administration, comme Knorring, ne veulent rien savoir. Pourquoi vous ne m'avez pas répondu, avez-vous reçu ou non mon colis envoyé en août? Je vous aime, je pense à vous, j'espère vous embrasser un jour.

Nina

Перевод:

Драгоценный друг! Тургеневская библиотека переезжает 1-го октября, и Ваши девять чемоданов необходимо забрать³. Борис⁴ спросил меня, не хочу ли я их взять хранить у себя в деревне. Конечно, я согласна. Напишите мне, если Вы этого хотите⁵, иначе их отправят к матери Марии в подвалы на улице Лурмель⁶. Борису это кажется невозможным — он боится сырости. У меня они будут в сухом и надежном месте. Жду Вашего ответа, иначе дураки из администрации, такие как Кнорринг⁷, ничего не хотят знать. Почему Вы мне не ответили, получили ли Вы мою посылку, отправленную в августе⁸? Я Вас люблю, думаю о Вас, надеюсь когда-нибудь обнять Вас.

Нина

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ. MS. 1066/1857). Год и место установлены по почтовому штемпелю и обратному адресу.

¹ Так писалась фамилия Тургенева на бланках библиотеки в тот период.

² Далее у Берберовой: être (быть).

³ Тургеневская библиотека существует в Париже с 1875 г. (с перерывом в 1941–1959 гг.). После взятия Парижа нацистами книги Тургеневской библиотеки были вывезены в Германию. В конце войны основной фонд библиотеки был спрятан нацистами на юге Польши, обнаружен советскими войсками и вывезен в СССР в качестве трофея. Подробно об истории Тургеневской библиотеки см.: *Grimsted P.K. The Odyssey of the Turgenev Library from Paris, 1940–2002: Books as Victims and Trophies of War.* Amsterdam: IISH, 2003. См. также очерк Берберовой «Конец Тургеневской библиотеки» (Новый журнал. 1961. № 63. С. 157–161).

⁴ Т.е. Зайцев.

⁵ См. № 33.

⁶ Речь идет о монахине, матери Марии (урожд. Елизавета Юрьевна Пиленко, по 1-му мужу Кузьмина-Караваева, по 2-му Скобцова-Кондратьева, в 1932 г. приняла постриг; 1891–1945), с которой Берберова была знакома в военные годы (в марте 1941 г. в помещении русского общежития и столовой матери Марии на ул. Лурмель в Париже Берберова читала свои произведения). В феврале 1943 г. мать Мария была арестована немцами как участница французского Сопротивления. Погибла в концлагере Равенсбрюк.

⁷ Кнорринг Николай Николаевич (1880–1967) — член правления парижской Тургеневской библиотеки.

⁸ См. конец № 31 и № 33.

33

И.А. БУНИН — Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ И Н.В. МАКЕЕВУ
23 сентября 1941 г. Грасс

23.IX.41

Mes très, très chers amis, j'ai écrit le 21.IX a Knorring: «S'il était¹ possible, j'aurais préféré que mes valises (qui sont au nombre de neuf) soient transportés à mon domicile parisien. Dans ce cas veuillez me faire savoir combien le transport a coûté afin que je puisse vous en dédommager par courrier. Si, par contre, cela serait² trop difficile, gardez mes valises avec les vôtres». Je vous remercie de <tout> cœur pour vos bons soins, Nina. Je vous ai écrit en août. Votre colis, je ne l'ai pas reçu. Que faites-vous maintenant? Moi — rien: les livres — et c'est tout; la baignade est finie³. Et rien de neuf dans ma très triste vie. Votre vieux qui vous embrasse du fond de l'âme.

J. Bounine

Перевод:

Драгоценнейшие мои друзья, я написал Кноррингу 21-го сентября: «Если возможно, я бы предпочел, чтобы мои чемоданы (в количестве девяти) были перевезены в мою парижскую квартиру. В этом случае, сообщите мне, пожалуйста, сколько стоит перевозка, чтобы я мог возместить Вам по почте. Если, напротив, это слишком трудно, оставьте мои чемоданы вместе с Вашими». Сердечно Вам благодарен за заботу, Нина. Я Вам писал в августе⁴. Вашу посылку я не получил⁵. Чем Вы сейчас занимаетесь? Я — ничем: книги — вот и все; купание закончено. И ничего нового в моей печальной жизни. Ваш старик, который Вас обнимает от всей души.

И. Бунин

Публикуется по автографу (открытка) (Beinecke. Berberova. Box 5. Folder 99). Впервые опубликовано в переводе на английский язык: *The Italics Are Mine* (см. примеч. 1 ко вступ. ст.). С. 373–374; и в переводе на русский язык: *Курсив*. С. 429.

¹ Надо: Si c'était.

² Надо: c'est.

³ У Бунина: le baignage est fini.

⁴ См. № 34 о недошедшем послании Бунина.

⁵ См. конец № 31 и № 32.

34

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

8 октября 1941 г. Лонгшен

8.X

Très cher ami, je fais des recherches à propos du colis perdu. Je n'ai pas reçu votre carte du mois d'août. Celle de septembre est arrivée. Vera et Boris sont chez nous. Le temps est merveilleux; nous mangeons le cochon, buvons du pinard et <de la> vodka et pensons beaucoup à vous. Nous sommes très gais et rigolons toute la journée. Boris dort beaucoup, comme d'habitude. Il pèse 58 kg. Nous faisons tous des projets d'avenir. Si vous étiez seulement avec nous!! Dima et Zina sont de retour de Biarritz, ainsi que Teffi qui a l'air d'une gosse. Nous vous embrassons tous.

Nina

Перевод:

Дорогой друг, я пробую разыскать потерянную посылку. Я не получила от Вас августовской открытки. А сентябрьская — дошла¹. Вера и Борис² у нас. Погода прекрасная; едим свинью, пьем вино³ и водку и много думаем о Вас. Мы очень веселы и весь день хохочем. Борис много спит, как обычно. Он весит 58 кг. Все мы строим планы на будущее. Если бы только Вы были с нами! Дима и Зина⁴ вернулись из Биаррица, так же как и Тэффи⁵, которая похожа на девчонку. Мы все Вас обнимаем.

Нина

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ. MS. 1066/1858). Год и место установлены по почтовому штемпелю и обратному адресу.

¹ № 33.

² Т.е. Зайцевы.

³ Употребляемое Берберовой фамильярно-разговорное слово для (преимущественно дешевого) вина не имеет русского эквивалента.

⁴ Т.е. Мережковские.

⁵ О пребывании Мережковских в Биаррице см. примеч. 10 к № 19. Тэффи провела год в Биаррице с августа 1940 г. (Диаспора. Вып. 2. С. 482—484).

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

12 ноября 1941 г. Лонгшен

Très cher ami, ne trouvez-vous pas que c'est assez de battre les Baklouchis sur¹ la Côte d'Azur et qu'il est temps de revenir à Paris? Dima, Zina, Teffi, les Vycheslavs, sont de retour et sont très heureux de se trouver ici. Tout le monde a bon moral; pour une fois tout le monde est du même avis sur ce qui se passe dans le monde. Nous espérons² voir bientôt mes parents, Vera et Boris sont heureux de voir le temps approcher, quand ils pourront voir les leurs — frères et sœurs. Je crois que nos livres vont bientôt partir — des démarches sont en train de s'effectuer. Cher, cher ami, votre dernière carte à Boris à été très triste. Si seulement vous étiez ici! La Jratva cette année est meilleure que l'année dernière — à Paris. Chez nous il y a de tout et pour tout le monde. Je voudrai<s> voler jusqu'à chez vous pour vous embrasser et vous dire combien je vous aime et combien j'ai confiance dans l'avenir. Ne soyez pas triste, ne dites pas que la vie est gavno, pensez à nous, écrivez. Nam na radost.

Je vous embrasse, ainsi que Nic<olas>.

Nina

Перевод:

Драгоценный друг, не находите ли Вы, что хватит бить баклуши на Лазурном берегу и что пора вернуться в Париж? Дима, Зина, Тэффи, Вышеславцевы³ вернулись и очень рады быть здесь. Все бодры духом; на этот раз все единодушны по отношению к тому, что происходит в мире. Надеемся скоро увидеть моих родителей⁴, Вера и Борис рады, что приближается время, когда они смогут увидеть своих — братьев и сестер⁵. Я полагаю, что наши книги скоро будут отправлены — принимаются меры⁶. Дорогой, дорогой друг, Ваша последняя открытка Борису была очень грустной⁷. Если бы только Вы были здесь! Жратва в этом году лучше, чем в прошлом — в Париже. У нас есть всё и для всех. Я бы хотела полететь к Вам, чтобы обнять Вас и сказать Вам, как я Вас люблю и как я верю в будущее. Не грустите, не говорите, что жизнь говно⁸, думайте о нас, пишите. Нам на радость.

Я Вас обнимаю, Ник<олай> тоже.

Нина

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ. MS. 1066/1859). Дата и место установлены по почтовому штемпелю и обратному адресу. Рукой Бунина красными чернилами вписано в начале текста открытки: «NB <т.е. не инициалы Берберовой, а нотабене> 12.XI.41(?)»; и рядом с почтовым штемпелем: «12.XI.41(?)». Текст «il est temps ~ frères et sœurs» («что пора ~ братьев и сестер») подчеркнут Буниным синими чернилами. Остальное подчеркивание, Буниным же, сделано красными чернилами. В оригинале Берберова пишет некоторые слова в транскрипции: «Baklouchis», «Jratva», «gavno», «Nam na radost».

¹ У Берберовой: à.

² Далее у Берберовой: de.

³ Философ Вышеславцев Борис Петрович (1877–1954) и его жена Наталья Николаевна (урожд. Алексеева; ум. 1959).

⁴ См. примеч. 14 к № 13.

⁵ Братьев у Б.К. и В.А. Зайцевых не было. Две сестры Зайцева, Татьяна Константиновна (по мужу Буйневич; 1875–1938) и Надежда Константиновна (по 1-му мужу Буйневич, по 2-му Донзель; 1878–1959), жили в эмиграции. У Зайцевой было 4 сестры, которые действительно жили в СССР, Татьяна Алексеевна (по мужу Полиевктова; 1875–1961), Надежда Алексеевна (по 1-му мужу Акопиан, по 2-му Зворыкина; 1877–1964), Валентина Алексеевна (по мужу Сапунова; 1879 – конец 1940-х) и Елена Алексеевна (Орешникова (не вышла замуж); 1887–1951). (Подробнее о семьях Зайцевых см. указанные в примеч. 15 к № 17 воспоминания Н.Б. Зайцевой-Соллогуб.)

⁶ В своем «циркулярном» письме Алданову от 30 сентября 1945 г. Берберова пишет: «<...> немцы предлагали нескольким писателям издать их произведения для оккупированных областей России. Они обратились к Мережковским, а уже они — к Зайцеву, Тэффи, Ремизову, Шмелеву, мне и еще кому-то. Никто рукописей никаких не дал и денег, конечно, не получил. Тогда немцы произвели гораздо более выгодную для них и остроумную операцию: они просто скупили в русских книжных магазинах (за наличные деньги) русские книги, так что в Киеве, Пскове и Одессе продавались и мои, и Ваши, и даже Цвибаковы сочинения! Голод был там на книги отчаянный» (см. Приложение).

⁷ После перерыва с февраля 1941 г. Бунин писал Зайцеву 19 октября 1941 г. (оригинал на французском языке): «Что вы делаете теперь? А ты, Борис? Я — почти ничего. Мне очень грустно. Странное дело — изменились мои взгляды. Мое здоровье, по-прежнему, ничего себе, но во взглядах поворот к черному. Да уж, чем дольше длится моя жизнь, тем она становится грустнее. Постарайтесь быть веселее, чем я <...>» (BAR. Boris Konstantinovich Zaitsev Papers).

⁸ Ср.: «Вера Алексеевна Зайцева пишет Буниным в открытке: “La vie est hovno”» (Дневник Полонского I. С. 289 — запись от 23 февраля 1942 г.).

36

И.А. БУНИН — Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ И Н.В. МАКЕЕВУ

5 апреля 1942 г. Грасс

5.IV.42

Christ est ressuscité, mes chers amis. Je vous embrasse trois fois l'un et l'autre. Pas de vos nouvelles depuis longtemps! Comment allez-vous? Que faites-vous? Moi — rien. Et rien de neuf dans ma vie. Et presque rien à manger.

Adieu et toujours à vous.

J. Bounine

Перевод:

Христос воскрес¹, мои дорогие друзья. Трижды целую вас обоих. Уже давно от Вас нет новостей²! Как вы поживаете? Что вы делаете? Я — ничего. И ничего нового нет в моей жизни. И почти ничего есть.

Прощайте, всегда Ваш.

И. Бунин

Публикуется по автографу (открытка) (Weinecke. Berberova. Box 5. Folder 99). (Фрагмент текста открытки см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 505.)

¹ Бунин писал в день Пасхи.

² Перерыв в переписке после № 35 (ноябрь 1941 – апрель 1942) не связан с какими-либо военно-административными препятствиями, ибо за это время Бунин несколько раз обменивался открытками с Зайцевым.

37

Н.Н. БЕРБЕРОВА И В.А. ЗАЙЦЕВА —
И.А. И В.Н. БУНИНЫМ

12 апреля 1942 г. Лонгшен

^

Pensons beaucoup à vous, cher, cher ami, réunis tous les 4 à Longchene. Nous lisons nos contes¹, comme au temps avant Gutenberg, le soir, sous la lampe. Il fait un temps merveilleux. Vera et Boris sont très maigres et très fatigués, et je crois qu'ils se reposent un peu ici, en mangeant et en dormant tranquillement. Les travaux de printemps ont commencé et du matin au soir je suis в три погибели au potager, pour avoir quelque-chose à se mettre sous la dent l'année prochaine. Je vous embrasse de tout cœur.

Nina

Cher Ivan, ma chérie Verotchka,

Christ <est> ressuscité! Nous nous reposons bien. Le temps est merveilleux. Nous mangeons ici très bien. Nous sommes très maigres et fatigués. J'ai des troubles cardiaques. Ecrivez-nous. Nous partons d'ici vendredi. Natacha et André vont bien. Embrassez toute votre famille. Que Dieu vous garde.

Boria vous embrasse.

Vera

12 Avril

Перевод:

Много думаем о Вас, дорогой, дорогой друг, собравшись вчетвером в Лонгшене. Читаем наши рассказы, как в догутенберговские времена², по вечерам, при свете лампы. Погода замечательная. Вера и Борис очень худые и усталые, а я думаю, что они немного здесь отдыхают, едят и спят спокойно. Весенние работы начались, и с утра до вечера я в три погибели работаю на огороде, чтобы было что есть в следующем году. Я Вас сердечно обнимаю.

Нина

Дорогой Иван, моя дорогая Верочка,

Христос воскрес! Мы хорошо отдыхаем. Погода прекрасная. Мы здесь очень хорошо едим. Мы очень худы и усталы. У меня проблемы с сердцем.

Пишите нам. Мы уезжаем отсюда в пятницу³. Наташа и Андрей⁴ поживают хорошо. Обнимайте всю вашу семью. Храни вас Бог.

Боря вас обнимает.

Вера

12 апреля

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ. MS. 1066/1860). Год и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ Ср. примеч. 1 к № 28.

² Вернувшись из Лонгшена, о чтении рукописей вслух писал Бунину и Зайцев (оригинал на французском языке): «Читали друг другу наши неизданные “произведения”» (РАЛ. MS. 1235/23 — открытка от 25 апреля 1942 г.). Ср. также в письме Зайцева Иванову-Разумнику от 7 июля 1942 г. о пребывании в Лонгшене: «Берберова живет под Парижем, в своем доме, хорошо устроенном. Мы с женой гостили у нее в мае, прожили неделю. Читали друг другу вслух свои сочинения — это сейчас единств<енный> способ литературного общения» (Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1943—1946 годов / Публ. О. Раевской-Хьюз. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2001. С. 69).

³ Те 17 апреля. В тот же день Зайцев написал Берберовой: «Милая Нина, доехали. <...> Попали прямо на алерт. <...> Все находят, что мы “посвежели” — и наверное это так. Во всяком случае, оба мы с большой приятностью вспоминаем Longchêne. Нина, Вы и Н<иколай> В<асильевич> очень нас тронули дружеским отношением и радушием. Очень, очень мило с Вашей стороны» (Beinecke. Berberova. Box 22. Folder 646).

⁴ Соллогубы.

38

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

20 апреля 1942 г. Лонгшен

20.IV

Très cher ami,

Avons beaucoup pensé à vous tous ces temps-ci: Vera et Boris ont passé chez nous 9 jours, se sont reposés, ont bien mangé et ont engraisé un peu. Le soir nous parlions de vous et des temps passés. Le moral est bon. Voudrions vous voir et vous embrasser tous. Votre photo, vos livres sont avec nous toujours.

Bien à vous tous les deux.

N. Makeev

Перевод:

Драгоценный дорогой друг,

Много думали о Вас все это время: Вера и Борис провели у нас 9 дней, отдохнули, хорошо поели и слегка потолстели¹. По вечерам мы говорили о

Вас и о былом. Настроение хорошее. Хотели бы видеть и обнять вас всех.
Ваша фотография, Ваши книги всегда с нами.

Сердечный привет вам обоим.

Н. Макеева

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ. MS. 1066/1861). Год установлен по почтовому штемпелю, место — по содержанию.

¹ См. также № 37.

39

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

1 июня 1942 г. Лонгшен

1.VI.42

Très cher ami,

J'espère que ma cousine vous à écrit un petit mot de Bormes. Vous la connaissez bien. Je l'attends à la mi-juin et j'espère avoir des nouvelles de vous. Je vois souvent Boris et Vera, avec qui nous sommes très amis. Natacha et son mari ont passé 3 jours chez nous. Ce sont des rares amis qui restent encore ici, tous les autres partent en masse на родину. J'ai reçu des lettres extrêmement intéressantes de Ivanov-Rasoumnik — un vieil ami de Block. Il est sorti de Царское Село en chemise et se trouve maintenant en Allemagne. Des précisions sur la mort de Gorki etc. Cher, cher ami, nous pensons beaucoup à vous, nous espérons vous voir bientôt et vous embrasser. Bien des choses à tous les amis.

Baisers et amours.

Nina

Перевод:

Драгоценный друг,

Надеюсь, моя кузина написала Вам из Борма. Вы ее хорошо знаете. Я ее жду в середине июня и надеюсь получить новости от Вас¹. Я часто вижу Бориса и Веру, с которыми мы сильно дружим. Наташа с мужем провели у нас 3 дня. Это редкие друзья, которые еще остались здесь, все остальные скопом уезжают на родину². Я получила крайне интересные письма от Иванова-Разумника — старого друга Блока. Он ушел из Царского Села в одной рубашке и теперь находится в Германии. Есть подробности о смерти Горького и т.д.³ Дорогой, дорогой друг, мы много думаем о Вас, надеемся скоро Вас увидеть и обнять. Всего-всего всем друзьям.

Целую и люблю.

Нина

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ. MS. 1066/1862). Место установлено по обратному адресу.

¹ Не установлено, написала ли Буниным двоюродная сестра Берберовой, Ася Берберова (1897–1975), из Борма, расположенного на берегу Средиземного моря к западу от Грасса, и состоялась ли их встреча.

² В данное время из русских эмигрантов набирались квалифицированные кадры для отправления на оккупированные немцами территории СССР. Через 2 недели на первой странице первого номера коллаборационистской русской газеты «Парижский вестник» (см. примеч. 8 к № 42) появится «Оповещение Управления делами русской эмиграции во Франции», в котором будет сообщено: «Кроме офицеров и переводчиков, Управление принимает добровольную запись врачей, инженеров, юристов, землемеров, сестер милосердия, техников, шоферов, желающих ехать работать в освобожденные районы России». На той же странице сам управляющий делами русской эмиграции во Франции, Юрий Сергеевич Жеребков (1908 – после 1980), напишет о первой группе бывших русских офицеров, отправившейся на родину: «Каждый истинно русский человек должен отдать себе отчет в значении теперешней гигантской борьбы для будущей России и обязан твердо знать, что его место с Германской армией, освобождающей русский народ от власти Сталина и его жидовской банды» (Парижский вестник. 1942. 14 июня. № 1. С. 1).

³ Оказавшись в марте 1942 г. в немецком лагере для перемещенных лиц в Конице близ Данцига, Иванов-Разумник (наст. имя Разумник Васильевич Иванов; 1878–1946) написал в берлинскую газету «Новое слово» (см. примеч. 5 к № 42) с просьбой откликнуться своих друзей и знакомых, на что знавшая его еще по Петрограду Берберова и отозвалась 30 апреля 1942 г. Ко времени написания № 39 Берберова получила от Иванова-Разумника в ответ лишь открытку (от 11 мая 1942 г.). На ее собственный вопрос о смерти Горького («правда ли официальная версия отравления?») в письме от 26 мая 1942 г. Иванов-Разумник так и не ответил. (В печатавшихся в «Новом слове» с 10 мая 1942 г. очерках Иванова-Разумника тоже нет ничего существенного о Горьком.) Подробнее о судьбе Иванова-Разумника во время войны, его переписку с Берберовой (оригиналы — Weinecke. Verberova. Box 10. Folder 254) и тексты его очерков в «Новом слове» см.: Встреча с эмиграцией (см. примеч. 2 к № 37). С. 7–22, 37–57 (вопрос Берберовой о Горьком на с. 44), 307–369.

Весьма показательна реакция Полонского на № 39: «Берберова пишет ему <Бунину>, что Иванов-Разумник, бедненький, — ушел из России в одной рубашке. Пришел в Берлин и прямо в продажную клоаку Деспотули <ред. «Нового слова»>: в полученных мною номерах «Нового слова» этот “народник” и тупица, литературный бухгалтер уже строчит фельетоны из номера в номер. Как у человека не нашлось безразличности, чтобы не остаться в стороне от этого лупанара <борделя (лат.)>... Бунин даже сразу не поверил, что он печатается там. Я говорю ему, что сам он старается ничего неприличного не писать, но Ив. Ал. с таким искренним недоумением сказал: — Ну, как же так? Как же он в такую компанию пошел? Человек он не Бог вещь какой; ограниченный всегда был» (Дневник Полонского I. С. 302 — запись от 25 июня 1942 г.).

40

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

3 сентября 1942 г. Лонгшен

3.IX

Cher ami, il y a longtemps que nous sommes sans nouvelles de vous. 2 mots nous feraient grand plaisir. Nous allons bien. J'écris. Nous avons l'intention de

rester l'hiver chez nous, à Longchêne. Les Zaitzeff ne sont pas encore revenus de l'Yonne. J'espère que vous êtes en bonne santé, ainsi que les vôtres.

Nous vous embrassons.

Nina

Перевод:

Дорогой друг, уже давно от Вас нет новостей. Два слова доставили бы нам большое удовольствие. Мы поживаем хорошо. Я пишу¹. Намереемся остаться на зиму у себя в Лонгшене. Зайцевы еще не вернулись из Йонны². Надеюсь, что Вы в добром здравии, как и все Ваши.

Обнимаем Вас.

Нина

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ. MS. 1066/1863). Год установлен по содержанию, место — по обратному адресу.

¹ Если речь идет о художественном творчестве, то среди опубликованных произведений Берберовой, относящихся к этому времени, можно назвать только повесть «Плач» (1941–1942) и стихотворение «Шекспиру» (1942).

² См. примеч. 2 к № 26.

41

И.А. БУНИН — Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ И Н.В. МАКЕЕВУ

8 октября 1942 г. Грасс

8.X.42

Chers amis, je suis très heureux que vous alliez bien. Et puis — vous travaillez, Nina! Moi, je suis las, profondément las de tout... Adieu — et toujours à vous.

Ivan Bounine

Перевод:

Дорогие друзья, я очень рад, что вы поживаете хорошо. К тому же — Вы работаете, Нина!¹ А я устал, глубоко устал от всего... Прощайте, всегда Ваш.

Иван Бунин

Публикуется по автографу (Beinecke. Berberova. Box 5. Folder 99). (Фрагмент текста открытки см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 505.)

¹ См. № 40 и примеч. 1 к нему.

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИН

17 октября 1942 г. Лонгшен

17.X.42

Cher ami, quelle joie de recevoir votre carte! Mais elle est aussi triste que celle que vous avez écrite à Boris. Lisez-vous le «Novoe Slovo»? Savez-vous que, à Kiev, on se jette (comme des affamés) sur vos livres? Moi, je suis occupée à ramasser la récolte des pommes. Avant — c'était le temps des champignons. On est beaucoup occupé avec ces petites choses, qui font passer le temps très vite. Chez Mičkevitch¹ j'ai trouvé une ligne qui m'a plu: Кто ждет, тот мыслию уж сокращает годы. Je voudrais voler vers vous, pour vous embrasser. Schmelev² et Al<exandre> Benois ont pris leur parti. Boris pas encore. Tous deux dans le journal parisien. Nic<olas> et moi vous aimons toujours et à jamais.

Nina

Перевод:

Дорогой друг, как я радовалась Вашей открытке³! Но она такая же печальная, как и та, которую Вы написали Борису⁴. Читаете ли Вы «Новое слово»⁵? Знаете ли Вы, что в Киеве набрасываются (как голодные) на Ваши книги⁶? А я занимаюсь сбором урожая яблок. До этого был грибной сезон. Мы сильно заняты этими мелочами, за которыми время проходит очень быстро. У Мицкевича нашла строчку, которая мне понравилась: Кто ждет, тот мыслию уж сокращает годы⁷. Я хотела бы полететь к Вам, чтобы Вас обнять. Шмелев и Ал<ександр> Бенуа сделали свой выбор. Борис пока нет. Оба в парижской газете⁸. Ник<олай> и я любим Вас по-прежнему и навсегда.

Нина

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ. MS. 1066/1864).

¹ Надо: Mickiewicz.

² Надо: Chmelev.

³ № 41.

⁴ Из сохранившихся датированных (или датируемых) открыток Бунина к Зайцеву самая близкая по времени написания — от 4 апреля 1942 г. (BAR. Boris Konstantinovich Zaitsev Papers). (Ср. № 35 и примеч. 7 к нему.)

⁵ «Новое слово» — самая распространенная в годы войны русская газета пронацистского толка, издававшаяся в Берлине с 1933 по 1944 г. (№ 1—680). Ср. запись Берберовой в «Черной тетради» ее автобиографии за ноябрь 1942 г.: «Достаточно прочесть два номера берлинской газеты “Новое слово”, чтобы понять всю ничтожность, лакейство, продажность, всю подлость русской души, когда она хочет выслужиться, отличиться» (Курсив. С. 484).

⁶ Берберова имеет в виду очерк Николая Февра «На развалинах большевизма: Киев и киевляне» (Новое слово. 1942. 11 октября. № 81 (463). С. 3), фрагмент которого приводится в вступ. ст. См. также в примеч. 42 к вступ. ст. дневниковую запись Полонского по поводу № 42.

⁷ Берберова цитирует русский перевод строки из 3-й части поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод» (1838): «Kto czeka, lata tużłami ukrasa» (имя переводчика не установлено).

⁸ Берберова имеет в виду еженедельную русскую газету «Парижский вестник», издававшуюся в оккупированном немцами Париже Управлением делами русской эмиграции во Франции с 1942 по 1944 г. под редакцией П.Н. Богдановича, О.В. Пузино и Н.В. Пятницкого (№ 1–112) (о сменах редакторов и соредакторов газеты см.: *Коростелев О.А.* «Новое слово». «Парижский вестник» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение. 1999. № 2. С. 188–202). К данному времени вышли 2 из известных 7 публикаций Шмелева в «Парижском вестнике» (сведения о них и о выступлениях Шмелева в берлинском «Новом слове» приведены в изд.: *Schakhovskoy D.* *Bibliographie des œuvres de Ivan Chmelev.* Paris: Institut d'Études Slaves, 1980. С. 82) и одна публикация Александра Николаевича Бенуа (1870–1960): Фокин // Парижский вестник. 1942. 13 сентября. № 14. С. 5; 20 сентября. № 15. С. 2. Зайцев в «Парижском вестнике» не печатался.

В упомянутой в примеч. 6 дневниковой записи от 2 ноября 1942 г. Полонский «домысливает» данное место в № 42: ««<...> Бенуа и Шмелев уже заняли определенную позицию, Зайцев — еще нет». Следовательно, остановка-де за Вами. Очень им, видно, нужен для престижа Бунин» (Дневник Полонского II. С. 292).

43

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

19 марта 1943 г. Лонгшен

Longchêne
par Bonnelles
S<eine> et O<ise>
19 марта 1943

*En russe*¹

Дорогой Иван Алексеевич, сегодня 19-ое — т.е. 19 дней, как уже можно писать письма², а я все не могу — слишком много прошло времени в молчании. И никому еще не написала, хотя получила уже немало, и по-русски. Вам первому. В 40-ом году я ужасно скучала по Вас, прямо не могу сказать, до чего. Готова была все отдать, только бы проехаться к Вам и взглянуть на Вас. Сейчас привыкла без Вас и даже не знаю, будем ли мы оба (Вы и я) рады такой встрече, а она возможна³: Николай то и дело заводит речь о том, чтобы дернуть к е.м., т.е. проехаться на так называемую Ривьеру. Денег это будет стоить аховых, но мы бы взяли с собой окорок ветчины и грызли бы его 10 дней сообща, после чего, обглодав кость, вернулись бы в Париж.

О Вашей жизни — по Вашим открыткам Борису⁴ и из третьих рук знаем немногое. Все ли с Вами Зуров и Бахрах⁵? И есть ли вокруг Вас люди, с

которыми Вам не одиноко? Или у Вас нет потребности в людях вообще? Считаете ли Вы, что лучше не жить, чем жить?.. Вот целый вопросник! Однако отвечать на него вовсе не обязательно. Главное, чего бы мне хотелось, поцеловать Вас, прослушать все, Вами написанное за эти годы, и затем расписать бутылочку. Думаю, что все это осуществимо.

Мы здесь живем неплохо, и если бы не разные беды, кот<орые> случались и случаются с нашими знакомыми, то было бы совсем спокойно. Николай в 2 года сделал головокружительную карьеру marchand de vieux tableaux⁶ — у него галерея на rue de la Voëtie, т.е. в центре парижских антиквариетов; завязаны связи, сделаны кое-какие открытия. Словом, он в делах — успешно, и весьма для него лестно. Он похудел и постарел — как все, но чувствует себя хорошо и духом не унывает.

Что до меня, то я пишу мало, медленно, туго, но пишу совсем по-другому и не то, что писала когда-то. Недавно начала писать стихи⁷. Жизнь моя поделена между Парижем и деревней. В понедельник вечером мы выезжаем оба в город. Там, в городском платье, в шляпе и перчатках, я веду весьма светский образ жизни — знакомые французы, рестораны, иногда театр и пр. В четверг я возвращаюсь в деревню: брюки, огород, соленья, варенья, гости по воскресеньям — словом, ничего общего. Не могу пожаловаться: если подсчитать все минусы и все плюсы моей жизни, то, пожалуй, все-таки выйдет плюс. Например: — отсутствие друзей; + усиленное чтение (но не беллетристики); — отсутствие журналов, но + отсутствие «Посл<едних> Нов<остей>», о кот<орых> без содрогания не могу вспомнить⁸, и пр. Одни из близких нам людей — Вера и Борис. Остальных многих утратили. Удовольствие от совокупления с ними большое, главным образом от какого-то сверхъестественного унисона, кот<орый> явился между Борисом и мною, касательно мировых событий⁹. Так что нам вдвоем приятно, т.е. и втроем, и вчетвером.

Из поэтов здесь Пиотровский¹⁰, супруги Присмановы¹¹, Ладинский (кот<орый> сед, как лунь, и окончательно впал в меланхолию¹²); говорят — здесь Ивановы¹³, но они в тех кругах, где мы не бываем¹⁴. К нам приезжают Наташа с Андреем¹⁵. Наташа изменилась неузнаваемо: исчезла девическая неуверенность в себе; она стала очень хорошенькой, смелой, уверенной в себе женщиной — нахально разговаривает со старшими и в ус не дует. Бывает у нас в деревне Маша Кошиц с мужем (сестра Нины)¹⁶ — женщина вальяжная, золотоволосая и весьма приятная. Главная радость приезжающих — поесть. Были у нас и свиньи, и бараны, и петухи, но нынче ничего дома не держим, а что надо — покупаем. «На кухне стучат в пять ножей», — писал Гончаров, у которого в 5-ти томах я вычитала только одну эту симпатичную фразу¹⁷.

Если это письмо до Вас дойдет и Вы мне ответите, то pošлю Вам фотографии наши и Зайцевых, и вообще фотографии нашей здешней жизни¹⁸. Ах, какую я Вам посылку послала, Иван Алексеевич, ту, которая пропала

на почте¹⁹! Там было бритвенное мыло «Убиган»²⁰, спертое у Ник<олая>, кот<орое> он до сих пор мне простить не может, 2 галстука от Lanvin²¹ и многое другое вкусное. Мне выдало франц<узское> государство за эту пропашу 140 франков, так что я едва не заплакала.

А как Вы думаете, можно достать в отеле в Канн и Ницце комнату, если бы мы дернули к е...м...? У нас в Канн, в отеле Виндзоре друзья, и в Монте-Карло мы бы съездили, чтобы повидать одного приятеля. И до Вас бы добрались. Как вы думаете? Стоит?

Напишите мне, в чем Ваша жизнь? Где Галя²²? Что В<ера> Н<иколаевна>? Ухаживаете ли за женщинами? Если да, то буду уповать, что, может быть, и за мной поухаживаете этим летом, коли я приеду. Впрочем, вряд ли. Я не в Вашем духе. Целую Вас и обнимаю.

Николай, кот<орый> любит Вас очень сильно, целует Вас.

Нина

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1865). В начале письма помета Бунина: «1943». Авторский год подчеркнут Буниным три раза.

¹ По-русски (*фр.*) — обязательная помета по правилам военной цензуры.

² С момента оккупации Франции немецкой армией до 1 марта 1943 г. писать из оккупированной в «свободную» зону по-русски запрещалось.

³ Текст «без Вас ~ а она возможна» отмечен на полях красным карандашом.

⁴ Известна только одна открытка Бунина к Зайцеву от 18 февраля 1943 г. (BAR. Boris Konstantinovich Zaitsev Papers), написанная до № 43 в ответ на (тоже единственную известную) открытку Зайцева к нему от 18 января 1943 г. (РАЛ. MS. 1235/25 — ксерокопия хранящегося в парижском архиве Зайцева оригинала).

⁵ См. № 44. После лечения от туберкулеза (см. примеч. 9 к № 19) в октябре 1940 г. Зуров вернулся к Буниным и жил с ними в Грассе до конца войны. После войны переехал вместе с ними в Париж, где (с перерывами) также продолжал жить у них. Бахрах, поселившийся в доме Буниных осенью 1940 г., продолжал жить у них до 23 октября 1944 г. (РАЛ. MS. 1066/535; Устами Буниных. Т. 3. С. 173).

⁶ торговца старинными картинами (*фр.*).

⁷ Среди опубликованных художественных произведений Берберовой нет ни прозаических, ни стихотворных, датированных этим периодом.

⁸ Возможно, отрицательное отношение Берберовой к «Последним новостям» вызвано необходимостью регулярно работать машинисткой в конторе редакции газеты.

⁹ Полонский прокомментировал это место из № 43 восклицательным знаком: «Берберова пишет Бунину, что у нее во всех мировых (!) вопросах полное совпадение с Борисом Константиновичем» (Дневник Полонского II. С. 295 — запись от 2 апреля 1943 г.).

¹⁰ Корвин-Пиотровский Владимир Львович (1891–1966) — поэт, драматург.

¹¹ Присманова Анна (наст. имя Анна Семеновна (Симоновна) Присман; 1892–1960) и ее муж (с 1926), Гингер Александр Самсонович (1897–1965) — поэты.

¹² Судя по характеристике, данной Берберовой Ладинскому (о нем см. примеч. 9 к № 13) в «Курсиве» (С. 321–324), он всегда отличался угрюмостью, которая, по-видимому, усугубилась во время войны. В письме Буниной от 19 февраля 1944 г. Тэффи употребит то же выражение, что и Берберова, описывая рано поседевшего Ладинского: «Недавно видела Ладинского. Вот старый-то! Сед, как лунь, весь сморщенный» (Дiasпора. Вып. 2. С. 504).

¹³ Т.е. поэт Иванов Георгий Владимирович (1894–1958) и его жена, писательница Одоевцева Ирина Владимировна (наст. имя Ираида Густавовна Гейнике; 1895–1990).

¹⁴ Во время войны Ивановы жили в Биаррице, но бывали в Париже наездами. В Биаррице они вели светскую жизнь. Среди их знакомых были представители русского «высшего света» (вел. кн. Борис Владимирович, Гагарины, Голицыны, Нарышкины, Оболенские и др.). В Париже, помимо титулованных русских, они также общались с французскими писателями, сотрудничавшими в ведущей парижской газете «Le Temps» (1861–1942). И от тех и от других Берберова была очень далека, да и к самим Ивановым никогда не была близка, несмотря на то, что с Ивановым они были хорошо знакомы еще по Петрограду (вместе с Гумилевым Иванов принимал ее в Союз поэтов. «Я знала его с 1921 года, <...> но никогда не имела с ним никаких личных дружеских отношений», — писала о нем Берберова (Курсив. С. 531).

¹⁵ Соллогубы.

¹⁶ Очень мало известно о сестре знаменитой артистки оперы и камерной певицы Кошиц Нины Павловны (1891 (по другим данным, 1892 или 1894) — 1965), Марии (род. 1893?). Установить, кто был ее мужем, не удалось. Мария Кошиц тоже была певицей. Сестры выступали вместе в Париже на концерте в День русской культуры 7 июня 1931 г. В одной из статей о концерте отмечается «яркое дарование» Марии Кошиц (День русской культуры. Концерт в Трокадеро // Последние новости. 1931. 7 июня. С. 2).

¹⁷ Не совсем точная цитата из гл. IV, Ч. 2 романа И.А. Гончарова «Обломов» (1859): «В доме уж засветились огни; на кухне стучат в пятеро ножей».

¹⁸ Хотя Бунин и ответил на № 43 (см. № 44), в архиве Бунина соответствующих фотографий не обнаружено, и Берберова, скорее всего, их ему не послала.

¹⁹ См. № 29, 31–34.

²⁰ Houbigant — марка французской косметической фирмы.

²¹ Lanvin — марка французского производителя модной одежды и косметики.

²² Те. Кузнецова. Уехавшие из Грасса 1 апреля 1942 г. (см.: РАЛ. MS. 1066/535; Устами Буниных. Т. 3. С. 130–131) Кузнецова и Маргарита Степун в данное время жили в Ле Каннэ (подробнее см. № 44).

44

И.А. БУНИН — Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ

14 апреля 1943 г. Грасс

14.IV.43

En russe

Дорогая Нина, не сразу отвечаю на Ваше письмо¹ потому, что совсем был никуда, как это часто со мной теперь бывает: ужасно болела правая рука, — ревматизм от зимних холодов в доме и скверное кровообращение от вечного голода, — а главное, недели две страшно болел правый глаз и висок, — все от того же, — плюс отравление «Атофаном»², которым старался убить эти боли. Плох и туп и сейчас и хотя отвечаю, но тоже тупо, плохо и кратко — м<ожет> б<ыть>, напишу как-нибудь получше и побольше. Очень благодарю Вас и Николая Васильевича за Ваши чувства ко мне. Был бы чрезвычайно рад, если бы Вы действительно решились «дернуть к м.»,

боюсь, что не решитесь, а все-таки очень хочется надеяться, что «дернете», что увидимся и поговорим тогда как следует. Как я живу, Вы видите из первых строк этого письма. Кроме того, Вы, в общем, уже давно знаете, какова моя жизнь: плоха, очень плоха во всех смыслах! Зур<ов> и Бах<рах> все еще с нами³ (и нас теперь только четверо — Марга и Г<алина> Н<иколаевна> уже год живут в Le Cannet — Марга ловко села на шею одной богатой и полусумасшедшей старухе⁴). Одиноко мне до безобразия. «Потребность в людях» у меня, увы, еще есть. Пишу я теперь мало и все больше только заметки для всяких предполагаемых рассказов⁵. А вот почему *Вы* пишете «мало, медленно и туго», не понимаю и огорчаюсь — ведь Вы, думается мне, сейчас в полном расцвете всячески. Хорошо хоть то, что живете без наших физических мук и что Н<иколай> В<асильевич> процветает в своем любимом деле (хотя ужели совсем он забросил кисти?). Рад, что Вы так сошлись с Бор<исом> и Верой — вот еще по ком я очень, очень скучаю! Последние дни ужасно беспокоились о них, но нынче, слава Богу, письмо от Веры — что они живы и здоровы⁶.

Целую Вас обоих и повторяю, что очень надеюсь все-таки на Ваш приезд.

Ваш

Ив. Б.

P.S. Очень тронут, что посылали мне посылку (украденную кем-то в пути), и до сих пор жалею, что ее украли. Жаль даже галстуков, хотя оч<ень> не шли бы они к тем лохмотьям штанов, в коих я хожу. Да, да, вспоминаю Одессу 19-го года:

Я остался без подштанников —
И теперь мне все равно:
Правит ли Одессой Санников
Или генерал Энно!⁷

Публикуется по автографу (Beinecke. Berberova. Box 5. Folder 99). Впервые опубликовано с купюрами, сокращениями и мелкими разночтениями: Курсив. С. 303.

¹ № 43.

² Болеутоляющее средство «Атофан» (еще употребляется в наши дни).

³ См. примеч. 5 к № 43.

⁴ Через день после отъезда Кузнецовой и Степун из Грасса (см. примеч. 23 к № 43) Полонский пишет: «Я опустил его <Бунина> рассказ подробный о том, как практически произошло переселение Галины Кузнецовой и Марги Степун в Канны <т.е. Ле Каннэ>. Там они познакомились с какой-то богатой люксембурганкой, van Meersch <т.е. Aline Maugrisch (урожд. de Saint-Hubert; 1874–1947)>, которую они разжалобили, причем в этой истории Марга проявила игру актрисы и добилась того, что там им отпускают по 1200 фр. в мес<яц> на жизнь в Каннах» (Дневник Полонского I. С. 294 — запись от 2 апреля 1942 г.).

⁵ В архиве Бунина сохранилось несколько подборок записей к рассказам, по большей частью недатированных и не использованных, например, «К Парижу» (РАЛ. MS. 1066/639) и «Женщины, девушки, девочки» (РАЛ. MS. 1066/702).

⁶ В ходе начавшейся во Франции еще в 1942 г. систематической бомбежки союзниками стратегических объектов (американцы днем, англичане ночью) 4 апреля 1943 г. «Булонь наша сильно пострадала», — писал Зайцев Бунину в конце того же месяца из временного убежища, которое Макеевы предоставили ему и его жене в своей парижской квартире (тоже временной, по адресу 2, rue Rosa Bonheur) (Письма Б. Зайцева к И. и В. Буниным / Публ. М. Грин // Новый журнал. 1983. № 150. С. 220). Упомянутое более раннее письмо Зайцевой по поводу тех же событий не найдено.

⁷ Автор куплетов не установлен. Санников Александр Сергеевич (1866–1931) — генерал-лейтенант, при гетмане Скоропадском городской голова Одессы. Энно Эмиль (Emile Henno) — французский дипломат, один из «вершителей судьбы» Одессы в конце 1918 г. О нем см.: *Sabara M. Early Revolution and Intervention // The French Government and the Russian Civil War, 1917–1919. Kingston; Montreal: McGill–Queen’s University Press, 1983. С. 118–119.*

45

И.А. БУНИН — Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ

18 декабря 1943 г. Грасс

18.XII.43

Милая Нина,

Вот уже лет 17, как от Вас ни строки! Почему? *Просто* понять этого нельзя, — очевидно, «неспроста». Но что за «неспроста»? Спрашивал Зайцевых: «Не знаете ли, почему Нина не пишет мне?»¹ Не ответили. Ответьте сами, пожалуйста. Где Вы теперь, что с Вами, как живете — ничего не знаю!

Все-таки целую Вас. Не ответите, возьму поцелуй назад. Н<иколаю> В<асильеви>чу сухо кланяюсь — он мне никогда не писал и не пишет².

Ваш (до полного разрыва нашего)

Ив. Б.

Публикуется по автографу (открытка) (Veinecke. Verberova. Vox 5. Folder 99).

¹ В неопубликованном постскриптуме в письме к Зайцеву от 19 ноября 1943 г. Бунин спрашивает: «Почему Нина ни строки мне уже с полгода?» (BAR. Boris Konstantinovich Zaitsev Papers — письмо см.: Письма И. Бунина к Б. Зайцеву / Публ. А. Зверса // Новый журнал. 1979. № 137. С. 127).

² Единственные сохранившиеся в архиве Буниных письма Макеева адресованы Буниной и относятся к периоду до его брака с Берберовой (РАЛ. MS. 1067/4040–4042).

46

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

28 января 1944 г. Париж

6, rue Monceau

28.I

Дорогой Иван Алексеевич,

в начале декабря послала Вам длинное письмо о нашей жизни, о Зайцевых, о моих чувствах к Вам, о Ваших рассказах¹. Это письмо пропало. Не поднимается рука писать опять — письма явно пропадают. Живем мы ничего себе — очень много заняты, много выходит из всего пестроты, настроение хорошее. Тоскуем без Вас. Читали Вас с большой радостью. Николай шлет Вам тысячу приветов. Вчера говорили о Вас: были мои именины (Маклак², Инсарова³, Зайцевы и пр.).

Целую Вас.

Нина

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ. MS. 1066/1866). Год установлен по почтовому штемпелю.

¹ В течение ноября и декабря 1943 г. Бунин посылал копии своих рассказов Зайцеву, который взялся устроить их издание в переводе на французский язык и через которого, по-видимому, Берберова получила возможность ознакомиться с ними.

² Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) — общественно-политический деятель, публицист, юрист.

³ Рощина-Инсарова Екатерина Николаевна (урожд. Пашенная, в браке гр. Игнатьева; 1883–1970) — актриса.

47

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

6 марта 1944 г. Лонгшен

Longchêne

par Bonnelle

S<eine> et O<ise>

le 6 mars.

Cher Ivan Alexeevitch,

hier j'ai vu le prof. Mikhaïloff, qui m'a lu votre dernière carte. Je vous prie de bien vouloir venir chez nous, à Longchêne, commune de Bullion, en S<eine> et O<ise>. Malheureusement, je ne puis loger toute votre famille, car

chez nous ce n'est pas bien grand, mais pour vous, cher ami, il y aura toujours une petite place. Donc, faites tout le possible pour venir — au plus vite. Faites-moi savoir vos décisions; mettez-vous en rapport avec Makovsky (Serge) et le patron de son fils pour pouvoir partir ensemble. J'ai parlé par téléphone avec Eliachévitch. Il espère pouvoir loger Mme. Bounine et Zour, mais j'ai peur qu'il se passera une semaine avant qu'il ne vous écrive, parce qu'il part à Buci et c'est seulement sur place qu'il verra cela. Donc, faites les démarches nécessaires. Mikhaïloff vous envoie votre dernière quittance de loyer, qui doit vous servir de toute utilité.

Je vous embrasse. Nicolas aussi.

Nina

Перевод:

Дорогой Иван Алексеевич,

Вчера видела профессора Михайлова, который мне прочитал Вашу последнюю открытку¹. Я прошу Вас согласиться приехать к нам, в Лонгшен² <...>. К сожалению, я не могу поместить у себя всю Вашу семью, так как у нас не так уж просторно, но для Вас, дорогой друг, всегда найдется местечко. Итак, сделайте все возможное, чтобы приехать — как можно быстрее. Сообщите мне о Вашем решении; свяжитесь с Маковским (Сергеем) и патроном его сына, чтобы отправиться вместе³. Я говорила по телефону с Ельяшевичем. Он надеется, что сможет поселить г-жу Бунину и Зур<ова>, но боюсь, что он сможет написать Вам не раньше, чем через неделю, так как он уезжает в Бюси⁴ и только на месте сможет это решить. Итак, делайте необходимые приготовления. Михайлов посылает Вам Вашу последнюю расписку в получении платы за квартиру, которая Вам, наверное, пригодится.

Я Вас обнимаю. Николай тоже.

Нина

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1867). Год установлен по почтовому штемпелю. Письмо написано по-французски, по-видимому, на тот случай, что формальное приглашение пригодится Бунину в переговорах с властями (см. примеч. 2).

¹ Упомянутая открытка не найдена. По-видимому, в связи с угрозой эвакуации из Грасса (см. примеч. 2) Бунин обратился к своему другу, профессору-юристу Михайлову Павлу Александровичу (1878–1962) (подробнее о нем см.: Диаспора. Вып. 3. С. 355–410), присматривавшему за его парижской квартирой на rue Jacques Offenbach. Ввиду невозможности выселить жильцов из квартиры Буниных (ср. конец письма), Михайлов в свою очередь обратился за помощью к Берберовой. Одновременно Бунины обращались и к другим своим друзьям (например, того же 6 марта 1944 г., в ответе Буниной на ее письмо, Тэффи сообщила ей адрес другого возможного убежища под Парижем) (Диаспора. Вып. 2. С. 507–508).

² Приморские Альпы были оккупированы немецкими войсками в начале сентября 1943 г., а в феврале 1944 г. началась эвакуация иностранцев из приморской зоны, в которую входил Грасс. Бунины готовились к эвакуации, однако — сначала Бунин, а по-

том и Бунина — получили разрешение остаться в Грассе (РАЛ. MS. 1066/535 и 1067/416; Устами Буниных. Т. 3. С. 163–164 — дневниковые записи от 15 февраля — 11 марта 1944; № 48–49).

³ Роль издателя и искусствоведа Маковского Сергея Константиновича (1877–1962), его сына Ивана (1916–1986) и неидентифицированного патрона последнего в предполагаемой эвакуации Буниных не выяснена. Иван Маковский фигурирует в одной из более загадочных неопубликованных дневниковых записей Бунина: «В сумерки визит Клягиной и Ив<ана> Маковского. Оба в африк<анских> шерст<яных> бурнусах» (РАЛ. MS. 1066/535 — запись от 5 июля 1943 г.).

⁴ Берберова путает по созвучию средневековую аристократическую фамилию Buci (известную по парижской улице и гостинице, rue de Buci и Hôtel de Buci) с названием деревни, где находилось имение Ельяшевича, Bussy-en-Othe. См. примеч. 2 к № 26.

48

И.А. БУНИН — Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ И Н.В. МАКЕЕВУ

10 марта 1944 г. Грасс

10.3.44

Дорогие Нина и Николай Васильевич, очень тронут Вашим приглашением¹, очень благодарю. Все еще не теряю надежды, что нас оставят здесь, но если нет и если придется стеснить Вас, если не найду убежища в Париже, — простите, стесню на некоторый малый срок. Все еще — вот уже больше недели — работаю как вол (будучи на него ничуть не похож) над уборкой дома, посему не обессудьте за краткость. Целую.

Ваш

Ив. Б.

Публикуется по автографу (открытка) (Beinecke. Berberova. Box 5. Folder 99). Впервые опубликовано с неправильной датой: Курсив. С. 303–304.

¹ № 47.

49

И.А. БУНИН — Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ И Н.В. МАКЕЕВУ

24 марта 1944 г. Грасс

24.3.44

Милые друзья, еще раз очень благодарю. В предыдущем письме¹, в ответ на Ваше первое дело<во>е², уже сообщил Вам, что мы пока хотим сидеть здесь и что я лично уже получил разрешение на это, и В<ера> Н<и-

колаевна>, надеюсь, получит на днях. Конечно, мало ли что может быть здесь, но пока... Во всяком случае, слава Богу, что, если придется уезжать, поедем в более теплое время...

Целую Вас обоих сердечно.

Ваш

Ив. Б.

Публикуется по автографу (открытка) (Beinecke. Berberova. Box 5. Folder 99).

¹ № 48.

² № 47.

50

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

29 января 1945 г. Париж

21, rue Miromesnil

29.I.45

Дорогой Иван Алексеевич,

Я получила из Америки письмо от близкого мне друга¹, в котором он сообщает мне, что в свое время Вы написали Алданову о моем якобы недостойном поведении во время оккупации². Друг мой просит у меня объяснений, т<ак> к<ак> есть в Нью-Йорке русские, которые находятся в некотором недоумении по поводу клеветы, пятнающей мое имя. Дело идет, поскольку можно понять из письма (весьма туманного — по понятным причинам), — о каком-то «салоне», который не то я имела, не то я посещала. Т<ак> к<ак> я в те годы не только не имела «салона», но даже квартиры, и т<ак> к<ак> я почти нигде не бывала, жила в деревне, не печаталась, не издавалась³, нигде не работала, то прошу Вас, во-первых, объяснить мне, что именно Вы имели в виду, когда писали Алданову — не видя меня так долго и питаясь обо мне слухами⁴. Во-вторых, прошу Вас написать Алданову, что все, ранее Вами написанное, было неверно понято и представлено в искаженном виде, а копию этого Вашего нынешнего письма прислать мне⁵. Зайцев и другие друзья в Париже, кот<орые> прожили бок о бок со мною эти 5 лет, помогут мне отстаивать мое доброе имя. Николай же Васильевич будет действовать прямолинейно и грубо, т.е. собственными силами, при встрече с моими клеветниками.

Я прошу у Вас скорого ответа, т<ак> к<ак> в Америку письма ходят долго, и мне не хотелось бы, чтобы там меня свалили в одну братскую могилу с Сургучевым⁶...

Мне очень жаль, что за всю мою большую, верную и преданную любовь к Вам, не только как к писателю, но и как к человеку, Вы отплатили мне так несправедливо и обидно.

Н. Берберова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1868). В начале письма помета Бунина: «Ответил Exprès recom<mandé> 2.2.45».

¹ Берберова раскрывает имя своего информатора в № 52.

² Опровержения этого обвинения в адрес Бунина см. № 51 и 53 и примеч. 2 к нему.

³ По всей вероятности, единственная известная публикация Берберовой за военные годы (после указанных в примеч. 10 к № 16) состоялась без ее ведома. Это перепечатка последней главы ее «Чайковского» (1936) в посвященных Чайковскому номерах газет «Двинский вестник» (№ 1/67) и «Рижский вестник» (№ 1), вышедших параллельно в Двинске и в Риге 7 ноября 1943 г. (*Абызов Ю.* Русское печатное слово в Латвии... С. 145 (см. примеч. 10 к № 17)).

⁴ Берберова забывает, что в письме к Бунину от 19 марта 1943 г. (№ 43) она сама описывала тот «весьма светский образ жизни», который они с Макеевым вели благодаря «головокружительной карьере» последнего в качестве продавца старинных картин. Предположения о том, как сообщенные ею же сведения превратились в дошедшие до Америки сплетни, см. в примеч. 2 к № 53.

⁵ Бунин проигнорировал это требование Берберовой, так как считал исходное обвинение в свой адрес (о написании им клеветнического письма Алданову) необоснованным.

⁶ Имя драматурга Сургучева Ильи Дмитриевича (1881–1956) сделалось одиозным уже осенью 1940 г., когда он стал председателем правления Объединения русских деятелей литературы и искусства (и одновременно председателем секций писателей, журналистов и драматургов), и он окончательно скомпрометировал себя тем, что выдвинулся в гавани русских писателей-коллаборационистов при «жеребковском» Управлении делами русской эмиграции во Франции и регулярно печатался в «Парижском вестнике». В автобиографическом справочнике «Курсива» Берберова пишет: «В Париже перед войной — реакционный и arrogantный; во время войны — симпатизировал Гитлеру и чувствовал себя при немецкой оккупации, как рыба в воде. Умер после войны — вполне незаметно, и теперь прочно уложен в мусорный ящик истории» (*Курсив.* С. 696).

51

И.А. БУНИН — Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ

2 февраля 1945 г. Грасс

2 февраля 1945 г.

Villa Jeannette, Grasse, A<Ipes> M<aritimes>

Нина Николаевна,

За все те годы, что я сижу здесь с начала июня 1940 года, я *никогда* и *никому* не сказал о Вас *ни единого плохого слова*; некоторые передавали мне и друг другу некоторые слухи о Вас: я всегда отвечал на это, что я слухами, сплетнями никогда не питаюсь, и прекращал разговор.

Алданову я не писал о Вас *никогда ни одного слова* — извольте запросить его самого об этом — вот его адрес: Mr. Marc Aldanov 109 West 84 Street New York 24. Я *вообще* ровно ничего не писал ему о Вас за все время его пребывания в Америке¹. Но вот, оказывается, по словам какого-то Вашего безответственного друга, имя которого Вы должны были бы непременно сообщить мне, раз уж Вы заговорили о нем, — оказывается, что я будто бы, как последний подлец, написал Алданову донос на Вас. Как Вы могли поверить этому — не постигаю. Но еще более не постигаю, как Вы решились еще и грозить мне «прямолинейными и грубыми действиями» Вашего мужа. Это, простите, уже просто стыдно.

Я *спешу* Вам ответить — из этого Вы можете видеть, что я вхожу в Ваше положение, понимаю Ваше волнение и отчасти извиняю Вас. Но только отчасти: все же Вы не должны были давать себе воли так опрометчиво оскорблять меня.

Ив. Бунин

P.S. Верно, уже давно, — до американского «друга», — кто-то что-то сбрехал Вам на меня. Отсюда и Ваше давнее молчание².

Публикуется по автографу (Beinecke. Berberova. Box 5. Folder 99). На отдельном листе, приложенном к № 51, комментарий Берберовой, судя по почерку, написанный спустя много лет: «Ответ на мое письмо-запрос с угрозой Н<иколая> В<асильевича> оскорбить его действием, если он причастен к клевете».

¹ Подробнее см. № 53 и примеч. 2 к нему.

² Ср. № 45–46. Берберова оправдывается в № 52.

52

Н. Н. БЕРБЕРОВА — И. А. БУНИНУ

7 февраля 1945 г. Париж

21, rue Miromesnil

7 февраля 45

Дорогой Иван Алексеевич,

Простите мое письмо¹ и мою горячность. Вы понимаете, что значит сейчас быть оклеветанной². Спешу Вам ответить на Ваше письмо:

1) я не грозила **Вам** «прямолинейными действиями», а грозила **клеветникам**. В письме было неловко сказано — может быть? Неужели Вы могли подумать обо мне такое?! Я Вас не упрекала в клевете — никогда! Я только хотела узнать корень всего недоразумения. Прошу Вас вникнуть в эту фразу и понять ее правильно. Иначе мне придется сейчас же сесть в поезд, ехать к Вам и просить у Вас прощения за неловкость выражения. Клянусь Вам, у меня и в мыслях не было Вам грозить³!..

2) мой «безответственный» друг — мне его незачем от Вас скрывать — это жена Керенского, кот<орая> очень любит меня и вот уже 3 письма шлет мне, прося объяснений⁴. Я сперва не понимала, а когда поняла — очень удивилась. Она пишет, что слухи идут: 1) от Вас, написавшего (в свое время — видимо) письмо Алданову обо мне (?), и 2) от Цвибака, (кот<орого> я не видела около 5-ти лет)⁵. Это все, что она пишет.

3) Никто никогда до «американского друга» ничего мне не говорил о Вашем отношении ко мне. У меня такое впечатление было, что не я перестала Вам писать, а Вы — мне. Я бы не замолчала, а сейчас же бы написала Вам, прося объяснений. Поэтому не думайте, что я «затаила» на Вас что-то уже давно. Клянусь — не виновата в этом.

Дорогой Иван Алексеевич, посудите еще раз хладнокровно: могла ли я не написать Вам своего первого «горячего» письма? Вникните немножко в то, что я почувствовала при моей большой любви к Вам... Ну да все равно! Теперь, боюсь, Вы не захотите со мной и встретиться. И тем не менее... Ну, словом, как Вы решите, так и будет.

Н. Берберова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1869).

¹ № 50.

² Возможно, Берберова намекает на жестокие чистки коллаборационистов во Франции («épuration»), в 1944–1945 гг. еще по большей части стихийные и нередко носившие характер сведения личных счетов.

³ Ср. позднейший комментарий Берберовой в начале примечаний к № 51.

⁴ В архиве Берберовой писем от Нелль Керенской (о ней см. примеч. 2 к № 19) не обнаружено.

⁵ Цвибак Яков Моисеевич (псевд. Андрей Седых; 1902–1994) — журналист, литератор, издатель, редактор. В ноябре–декабре 1933 г. в качестве секретаря Бунина сопровождал Буниных и Кузнецову из Парижа в Стокгольм на Нобелевские торжества. С 1942 г. в США. Сотрудник, затем главный редактор (с 1973) нью-йоркской газеты «Новое русское слово». Из переписки Алданова с Цвибаком весной 1942 г. известно, что последний уже тогда получил от Полонского якобы компрометирующие Берберову сведения (см. вступ. ст.).

Все-таки не понимаю, Нина Николаевна, даже и теперь, получивши Ваше письмо от 7 февраля¹, — не понимаю, как Вы могли подумать, что я мог писать про Вас что-то скверное *в то самое время*, когда так дружески переписывался с Вами! Когда именно я мог писать? Года три

тому назад — очевидно, не позднее, когда всякая переписка с Америкой прекратилась, а возобновилась только прошлой осенью. Что до меня, то первая весть оттуда пришла ко мне *только в декабре* прошлого года (чисто деловая открытка Алданова от 10 октября), на которую я ответил *только в середине января* настоящего года². Очевидно, значит, что Ваша австралийка³ должна была узнать про мои «клеветы» на Вас именно года три тому назад, когда, повторяю, я дружески переписывался с Вами. Хорош же выхожу я!

А за всем тем — «мать дочери велит на эту сказку плюнуть». И не будем больше возвращаться к ней. Когда, Бог даст, встретимся, обложу Вас еще немножко словесно — и запьем ее где-нибудь чем-нибудь покрепче — вместе с драчуном Вашим.

Ив. Бунин

Публикуется по автографу (Beinecke. Berberova. Box 5. Folder 99).

¹ № 52.

² Совокупность имеющихся данных подтверждает то, что Бунин сообщает в № 51 и 53 о своей переписке с Алдановым после отъезда Алданова в США. Переписка действительно прервалась осенью 1942 г. (ср. примеч. 1 к № 27) и возобновилась в октябре 1944 г. (открытка Алданова Бунину от 10 октября дошла до Грасса в середине декабря 1944 г., а телеграмма, написанная Алдановым совместно с М.О. Цетлиным, была получена Буниным 11 декабря 1944 г. — дневниковые записи Бунина от 1 января 1945 г. (РАЛ. MS. 1066/535) и Буниной от 11 декабря 1944 г. (РАЛ. MS. 1067/416)). Бунин ответил Алданову в январе 1945 г. Он действительно ничего не писал Алданову о Берберовой. (См. публикацию их переписки за 1941–1942 и 1945 гг. (письма Бунина полностью, письма Алданова в выдержках): Новый журнал. 1983. № 150. С. 159–191.)

³ Те. Нелль Керенская.

54

Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ

23 февраля 1945 г. Париж

23.П.45

Дорогой Иван Алексеевич,

Спасибо за письмо¹. Написала в Америку², чтобы не приставали ко мне с допросами — *за свои убеждения отвечаю, а сплетни посылаю к черту*. Очень буду рада увидеть Вас после стольких лет — все мы здесь состарились. У Вас, верно, все уже в цвету — здесь зима кончается.

Целую Вас.

Нина

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ. MS. 1066/1870). Текст «за свои убеждения отвечаю, а сплетни посылаю к черту» подчеркнут Буниным.

¹ № 53.

² Возможно, Нелль Керенской.

55

И.А. БУНИН — Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ

4 октября 1945 г. Париж

Вот адрес, милая Нина Николаевна:

New Review

112 W. 72nd Street

New York, 23, N.Y.¹

Кланяюсь и надеюсь быть завтра у Вас².

Ваш

Ив. Б.

Четверг

Публикуется по автографу (открытка) (Beinecke. Berberova. Box 5. Folder 99). Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ Адрес «Нового журнала». Так как после возвращения Буниных в Париж в мае 1945 г. личное общение Бунина и Берберовой вновь стало возможным, в результате чего их переписка (не считая № 55 и 56) сошла на нет, можно лишь предположить, что адрес понадобился Берберовой для того, чтобы отправить Алданову, редактору «Нового журнала», «циркулярное» письмо от 30 сентября 1945 г. (см. Приложение). Ср., однако, № 51, в котором Бунин сообщает Берберовой домашний адрес Алданова — как раз в той части письма, которую Берберова впоследствии цитирует (опуская адрес) в середине своего письма Алданову.

² Сведения о встрече Бунина с Берберовой 5 октября 1945 г. не найдены.

56

И.А. БУНИН — Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ

Конец ноября 1946 г. Париж

Вторник

Дорогая Нина,

Когда Вы уезжаете? Не будете ли добры позвонить мне *завтра* или послезавтра от 12 до 2-х Aut. 33-22 и сообщить, когда именно уезжаете?

Послезавтра, т.е. в четверг, я надеюсь иметь не позднее часа дня мою новую книгу («Темные аллеи»)¹, которую я очень прошу Вас отвезти в Стокгольм Сергею Анатольевичу Циону² (Serge de Cyon, Kungsklippan 22 VIII). Если Вы уезжаете в четверг в 5 часов дня, могу ли я заскочить <к> Вам на *одну* минуту с этой книгой и в какой час? Целую Вашу руку, поклон Николаю Васильевичу.

Ваш

Ив.

Публикуется по автографу (Weinecke. Berberova. Vox 5. Folder 99). Датируется по содержанию и по помете, сделанной Берберовой на отдельном листе, прикрепленном к этому письму: «Конец ноября 1946 г. перед моим отъездом в Стокгольм (последнее письмо)». Впервые опубликовано с купюрами: Курсив. С. 304. После этой или одной из последующих поездок Берберовой в Швецию состоялась ее последняя встреча с Буниным, описанная ею в подчеркнуто уничижительных для Бунина тонах (Курсив. С. 298).

¹ В конце ноября 1946 г. в изд-ве Зелюка Ореста Григорьевича (1888–1951) «La Presse Française et Étrangère» вышло расширенное издание «Темных аллеи» Бунина (РАЛ. MS. 1067/416; Устами Буниных. Т. 3. С. 184 — дневниковая запись Буниной от 2 декабря 1946 г.).

² Подробно о Ционе Сергее Анатольевиче (1874–1947), выступавшем посредником между Буниным и шведскими издателями, а также о контексте № 56 в целом, см. публикацию писем Бунина к Циону от 1940–1947 гг. (И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. С. 285–316 — в частности, письма от 8 и 12 ноября 1946 г. на с. 311–312).

Приложение

«ЦИРКУЛЯРНОЕ» ПИСЬМО Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ М.А. АЛДАНОВУ

30 сентября 1945 г. Париж

Н.Н. Берберова. 21 рю Миромениль.
Париж. 30 сент. 1945

М.А. Алданову. Нью-Йорк.

Копии: В.М. Зензинову, Г.П. Федотову, М.В. Вишняку, С.Ю. Прегель,
М.М. Карповичу, М.О. Цетлину и А.А. Полякову.

Дорогой Марк Александрович,

Я давно хотела писать Вам. Б.К.З<айцев>, получив письмо от Вас в марте и показав мне его, советовал это сделать. Маклаков спрашивал меня: почему я не напишу Вам, чтобы раз навсегда положить конец «всей этой чепухе». Я писала А.Ф.К<еренскому>, писала подробно, послала ему даже стихи свои («гражданские»). Послала также выписку из письма Бунина ко мне, может быть, он Вам ее показывал? Однако теперь, из письма Вашего к Рыссу, я вижу, что Вы все еще настаиваете на прежнем и что со времени Вашего письма к Б.К.З<айцеву> (март 45) ничто Вас еще не разубедило в моих политических преступлениях. Все это время я не решалась Вам писать по одной важной причине: я не могу до сих пор понять, что именно мне ставят в вину в Америке? Я все надеялась, что Вы объясните мне это в письме к Б.К.З<айцеву>, и теперь — в письме к Рыссу. Но дело еще только больше запуталось, потому что в первом Вы пишете о каких-то якобы моих письмах к Рудневу или Рудневой (от 40 г.), а во втором ссылаетесь уже совсем на другое: на привезенный Цвибаком слух (!) о якобы моем сочувствии немцам в 40 году. Затем Вы пишете о каких-то «миллионах» — выражение, часто встречающееся в Ваших письмах, когда дело идет обо мне и Н.В.М<а-

кееве>, причем в письме к Б.К.З<айцеву> Вы только спрашиваете, есть ли они, а в письме к Рыссу уже утверждаете, что они существуют. Когда Вам пишут из Парижа люди, выдавшиеся <так!> меня все эти пять лет из месяца в месяц, что миллионов никаких нет, а в политических преступлениях я не повинна, то Вы отвечаете, что это Вам лучше известно и о том удобнее судить. И все это на основании клеветы, пущенной обо мне мерзавцем, находящимся с Вами в свойстве!

Я считала Вас со времени нашего знакомства (1923 г.) и продолжаю считать человеком абсолютно честным. Отношения наши были безоблачны 16 лет. Я радуюсь Вашим американским успехам, и все это время, когда думала о дорогих мне людях за океаном, думала и о Вас. И это письмо я пишу, чтобы раз навсегда ответить Вам на все, что Вы писали обо мне разным людям. Я знаю, в Америке у меня есть друзья, которые, несмотря на газетную грязь, которой меня обливают (и на которую будет реагировать мой адвокат), до конца уверены во мне. Сюда приехал В.В. Сухомлин, с которым политически я не схожусь, но с которым я ценю давние хорошие отношения. Ему объяснять мне было нечего: он меня знает и во мне не сомневался, но он мне кое-что разъяснил. Он увидел, как мы живем (Н.В.М<акеев> случайно участвовал в «резистанс» вместе и бок о бок с его лучшим другом). Он видел меня перед своим отъездом в 40 г., в самый день разгрома Тургеневской библиотеки, и навсегда запомнил мое отношение к происходившему. Перед ним мне оправдываться было не в чем. Но я вижу, что по вине негодяя, оклеветавшего меня, мне необходимо оправдываться перед Вами. Начну издалека.

Если правда, что опубликованы мои частные письма к Рудневу или Рудневой, то краснеть надо не мне, а тому, кто эти письма обнародовал. Но оставим в стороне этику — возможно, что нынешние литературные нравы это допускают. Это отчасти развязывает руки и мне. Да, в 1940 г., вплоть до осени, т.е. месяца три, до разгрома библиотек и первых арестов, я, как и 9/10 французской интеллигенции, считала возможным, в не слишком близком будущем, кооперацию с Германией. Протестовали тогда одни (или почти одни) эписье* — по случаю того, что мало бифштеков. Мы были слишком разочарованы парламентаризмом, капитализмом, третьей республикой, которая для нас тогда отождествлялась со Стависским. Да и Россия была с Германией в союзе — это тоже обещало что-то новое. Мы увидели идущий в мир не экономический марксизм, и даже не грубый материализм. Когда через год выяснилось, что все в нац<ионал>-соц<иализме> — садизм и грубый империализм, отношение стало другим, и только тогда во Франции появилось «сопротивление» (резистанс). Так судила я, так судили многие вместе со мной, но отсюда было далеко до совершения каких-либо политических поступков: я не печаталась, не выступала на вечерах,

* *épiciers* (фр.) — бакалейщики.

не состояла членом «правого» союза писателей. Да не стоит и говорить об этом: все те, кто печатался, выступал или состоял в союзе — давно «вычищены»; они либо в тюрьме, либо в бегах, либо под бойкотом. Когда-то милейший капитан; чета поэтов; автор «Няни» и сам Сургучев. Бедная Червинская до сих пор в тюрьме!¹

22 июня 1942 г. <т.е. 1941> все изменилось. А еще через год начался тот страшный террор, от которого мы еще и сейчас не совсем оправились. Вы упоминаете в Ваших письмах об О.Б.Х<одасевич>. Увы, я ничего не могла для нее сделать, хотя и пыталась. Марианну услали сейчас же. Оля оставалась в Дранси 2 месяца, потому что взятый нами адвокат доказывал, что ее муж был ариец. Это не помогло, как не помогло и свидетельство о крещении. Меня близко коснулись и другие страшные случаи, но я не люблю о них распространяться, особенно сейчас это звучит как желание оправдаться в чем-то. Передо мною лежит письмо П.А. Берлина (предс<едателя> одной еврейской организации, с ним я была все время в контакте). Оно начинается так: «Позвольте еще раз горячо поблагодарить Вас». Этот человек мог бы кое-что рассказать обо мне хорошее, но сейчас прибегать к нему я считаю для себя унижительным. Кое-что мог бы сказать обо мне и Хейфец, старый сотрудник «П<оследних> Н<овостей>», но его уже нет на свете. Если увидите кого-нибудь из близких ему людей (Изу Кремер), дайте им мой адрес — я могу сообщить им о его последних неделях, которые мне удалось скрасить. Это я пишу не для того, чтобы выставить перед Вами мои заслуги перед евреями, но для того, чтобы Вы знали обо мне правду. Помочь Хейфецу деньгами я, к сожалению, не могла — мы помогали только одному человеку (с ним Вы в переписке), денег у нас было мало. Но мне удалось косвенно облегчить ему жизнь. Также удалось помочь косвенно Вашему брату, который был болен и одинок: баронесса Менаш через мое посредство и по моей просьбе несколько раз посылала ему из По деньги. Об этом негодай, клеветующий на меня, конечно, не имеет понятия, хотя Ваша сестра могла бы ему об этом намекнуть.

Второе Ваше обвинение (или обвинение, поддержанное Вами), касается каких-то слухов (!), привезенных Цвибаком (или кем-то другим) из «свободной» зоны. Если бы Цвибак или кто-нибудь другой видели меня лично и говорили бы со мной, я сказала бы, что это ложь, но так как эти люди имели сведения обо мне, видимо, из третьих рук, то это просто — бабьи сплетни, о которых стыдно говорить. Два имени были упомянуты при этом: писалось, что якобы Бунин и Адамович говорили кому-то о том, что я предлагаю им работать с немцами. На это скажу, что, во-первых, я сама с немцами никогда не работала и ни с одним немцем дела не имела (как и Н.В.М<акеев>), а во-вторых, — и от того, и от другого у меня имеются письма, где они заверяют меня, что никогда обо мне ни с кем не говорили. И с тем, и с другим я была все эти годы в переписке. Бунин бывает у меня; недавно он, Зайцевы и Тэффи у меня завтракали, и мы даже пили за Ваше, Марк Александрович, здо-

ровье. С Адамовичем отношения у меня самые дружественные — он едва не остановился у меня, когда весной приехал из Ниццы, отелей пустых почти нет. Но подвернулась комната у наших знакомых, и обошлось без этого. Выписываю из их писем то, что относится к моему делу:

«3 августа 1945.

Дорогая Н.Н. Только что получил Ваше письмо. Утверждаю формально и категорически, что никогда никому о Вас и Ваших каких-то предполагаемых поступках не писал. Вы пишете: “Вы и Бунин...” В сопоставлении моего имени с Буниным, мне, конечно, лестно, “что-то лежит роковое”. Начинает лежать, по крайней мере. Какие бы письма из Америки я ни получал, всюду мне пишут “Вы и Бунин” — как только дело идет о делах вроде того, которое задело Вас. Мы, по-видимому, попали там в столпы и оплоты резистанса и на нас ссылаются по разным поводам (порой таким курьезным, что Вы и не поверили бы!).

Должен добавить, с полнейшей уверенностью, что никаких действий или выступлений я Вам никогда не приписывал — и что образ мыслей, *каковы бы эти мысли ни были*, никогда в моем представлении не мог и не может быть порочащим. Как мне эти слезки и расспросы надоели, сказать Вам не могу!

Всего доброго. Примите мой сердечный привет. Преданный Вам Г. Адамович»².

2 февр. 1945.

«Нина, за все эти годы, что я сижу здесь, с начала июня 1940 года, я никогда и никому не сказал о Вас ни единого плохого слова! Алданову я не писал о Вас никогда ни единого слова — извольте запросить его самого об этом. Я вообще ровно ничего не писал ему о Вас за все время его пребывания в Америке. Но вот оказывается, что я будто бы, как последний подлец, написал донос на Вас!! Как Вы могли поверить этому — не постигаю! Не понимаю, как Вы могли подумать, что я мог писать про Вас что-то скверное, *в то самое время*, когда так дружески переписывался с Вами. Хорош же выхожу я!

Ив. Бунин»³.

Простите, Марк Александрович, я не могла не улыбнуться, когда читала в Ваших письмах о том, что я звала обоих работать с немцами (хотя смешного в этом ничего нет: за это меня, если бы это была правда, могли посадить, судить и осудить). С 1940 г. (со дня получения гонорара последнего из «П<оследних> Н<овостей>») я не заработала ни копейки, ни с одним немцем никогда не говорила — кроме как в день, когда 12 солдат сделали у меня обыск. Н.В.М<акеев> с 1928 года заказывает себе все те же визитные карточки, где имя его и фамилия написаны на английский (или

американский) лад: Nicholas V. Makeev. Только клеветник и мерзавец может читать это как «фон Макеев», тем более что г-н Полонский видел эти карточки еще на входной двери Макеева, на рю Клод Лоррэн, где они вместе жили. В.А. Зайцева, при всей своей бедности, обещала этому подлецу 1000 фр., если он такую карточку с «фон» ей найдет, — после этого он перестал говорить об этом. Вообще, храбростью он не отличается: «литературно-юмористическая» газета «Честный слон», где он и его жена были вначале единственными сотрудниками, теперь продолжается без него: он ушел на следующий день после того, как на бульваре Монпарнас избili редактора Кобякова, кстати, служившего два года фотографом при немецком генеральном штабе.

Возвращаясь к Н.В.М<акееву>, скажу, что до 1942 г. он почти безвыездно жил у себя в деревне, а с 1942 г. работает при Лувре, от Лувра же ездил в январе 1945 г. в Женеву. Здесь несколько торговцев картинами арестовано, многие оштрафованы за торговлю с немцами. Н.В.М<акеев> по-прежнему продолжает работать с Лувром. Да, у нас в квартире шесть комнат — если уж дело дошло до этого! Но это не больше, чем было у Вас в Вашей парижской квартире, где Вы в четырех комнатах жили вдвоем: мы в шести живем троим, из которых две отданы под контору.

Вы пишете, что так как мы очень богаты, то нам решено не посылать посылок. Я не прошу посылки. Друзья, которым Вы и Ваш комитет посылаете, делятся со мной. Я не так самолюбива, чтобы отказываться от чая и шоколада, которых здесь нет. Я писала А.Ф.К<еренскому>: как десять лет назад, так и сейчас, я сама себе шью платья. В устах негодяя, который клеветает на меня, наш деревенский дом превратился, между прочим, в «шато». Тщетно Зайцевы уверяют его и его жену, что они по несколько раз за эти годы жили в этом «шато» — он упорно твердит о том, что им показывали *другое* и что, кроме того, мы купили дом в Париже. Достаточно, я думаю, провести в нашей квартире сутки, чтобы понять наше материальное положение. Послезавтра из Шамони приезжает к нам гостить Феня Шлезингер — может быть, она сможет Вас разуверить в том, в чем не смогли Вас разуверить ни Б.К.З<айцев>, ни другие корреспонденты.

Есть еще, как слышно, третье обвинение, которое Вы против меня поддерживаете: мое посещение салона Мережковских. Я якобы бывала там и даже что-то там читала. Но, во-первых, я с 1929 года вообще не бывала у них — вплоть до смерти Д<митрия> С<ергеевича>, а, во-вторых, когда стала бывать — после его смерти, зимой 1942 года, то уже салона никакого не было («салон», между прочим, в буквальном смысле был закрыт, сидели вокруг стола в столовой). Бывали изредка Зайцевы, Тэффи, Мамченко (я — раза два в год), да два-три старика из богадельни Сент-Женевьев-де-Буа. С большим трудом (З<инаида> Н<иколаевна> была почти совершенно глуха) велся разговор. Конечно, о том, чтобы что-нибудь кому-нибудь читать, никому и в голову не приходило.

Скажу еще об одном деле: до Вас, быть может, дошли в свое время слухи о том, как немцы предлагали нескольким писателям издать их произведения для оккупированных областей России. Они обратились к Мережковским, а уже они — к Зайцеву, Тэффи, Ремизову, Шмелеву, мне и еще кому-то. Никто рукописей никаких не дал и денег, конечно, не получил. Тогда немцы произвели гораздо более выгодную для них и остроумную операцию: они просто скупили в русских книжных магазинах (за наличные деньги) русские книги, так что в Киеве, Пскове и Одессе продавались и мои, и Ваши, и даже Цвибаковы сочинения! Голод был там на книги отчаянный — об этом писал мне один старый русский литератор, оказавшийся по сю сторону фронта, левый эс-эр, друг Блока, знакомый мне по Петербургу 1922 г. Так что люди буквально плакали от радости, когда держали в руках лоскут «Пос<ледних> нов<остей>», старую книжку «Совр<еменных> зап<исок>», или Ваши, или мои сочинения. Об этом у меня есть очень интересные письма. Конечно, *главным образом* в Россию шла заваль — не разошедшаяся здесь. Мне говорил один издатель (и мой, и Ваш), что романы Корсака грузились «тоннами».

Возвращаясь к Вашим письмам, я скажу еще, что мерзавец, с которым не судятся, но которого при встрече бьют, пользуясь близостью с Вами, сделал все, чтобы клевета его подействовала. Но кто он? Мы что-то не слышали здесь, чтобы он или его взрослый сын отличились за эти годы в «резистанс». Теперь он представитель на Францию «Нового журнала» и получатель на весь Париж посылок в помощь литераторам. Всем ясно — почему. Увы, прикрывшись Вашим именем, он сделает еще не одну подлость — не против меня, я уже не в моде, но против любого не понравившегося ему человека. Вы спросите: почему? Есть у французов словечко, которое все объясняет: в любой среде Вы услышите его. Когда услышите, не настаивайте, не спрашивайте, что оно значит. Это словечко — жалузи*. Кюре убил свою любовницу — жалузи. Старая дева — свою горничную — опять жалузи. Кто-то кому-то написал анонимное письмо — опять и опять жалузи. А большего добиться невозможно. Думаю, что это словечко сейчас пригодилось бы и нам.

Цель этого письма — не только Вам рассказать правду о себе, но и сделать, чтобы как можно большее количество моих друзей ее узнало. Я посылаю десять копий — разным людям, меня знавшим. Я прошу их как можно шире распространить все то, о чем я здесь пишу. Вы продолжаете писать в Париж, что большинство сотрудников «Нового журнала» уйдет, «если журнал напечатает Б<ерберо>ву». Печат<ат>ься я пока не собираюсь, я уже пять лет не печаталась, но я хотела бы, чтобы люди, которые помнят меня, не краснели за меня. У меня есть доброе имя. Я борюсь за него. Подумайте только: Элькин из Лондона запросил Маклакова, что ему думать о доносах

* *jealousie* (фр.) — зависть.

на меня Полонского! Воистину: два континента заняты моей особой, благодаря этому негодяю.

Мне не хочется Вам говорить, чего именно я хотела бы от Вас. Я думаю, что Вы и так это поняли. Вспомните, Марк Александрович, что Вы живете в свободной стране, окруженный единомышленниками, у Вас журнал, у Вас газета. Я же и мои друзья, *согласные с Вами в основном и вечном*, — принуждены жить сейчас в Париже, как если бы мы жили в «маки».

Н.Б.

Печатается по авторизованной машинописной копии, посланной Берберовой М.В. Вишняку (Hoover. M. Vishniak Collection. Box 1. Berberova Folder). Текст письма сверен с такой же машинописной копией, посланной С.П. Мельгунову, в которой к списку адресатов рукой Берберовой добавлены имена С.А. Коновалова, Б.И. Николаевского, Н.С. Тимашева и В.М. Чернова (Melgunov Papers. Special Collections. British Library of Political and Economic Science. London School of Economics and Political Science. London). Известна также авторизованная машинописная копия в архиве С. Ю. Прегель (Sophie Pregel and Vadim Rudnev Collection. University Archives. University of Illinois at Urbana-Champaign. США), по которой «циркулярное» письмо было впервые опубликовано Юлией Гаухман (Из архива С.Ю. Прегель / Публ. Ю. Гаухман // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1995. Т. 4. С. 284–291). Вторая публикация «циркулярного» письма Олегом Будницким основана, как и настоящая, — в которой устранены мелкие неточности в расшифровке текста, — на копии из архива Вишняка (*Будницкий О.В.* «Дело» Нины Берберовой // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 148–153). В отличие от публикации Гаухман, публикация Будницкого прокомментирована (Там же. С. 165–168), и приводимые в ней данные об упомянутых Берберовой лицах здесь не повторяются. Не прокомментированными остались: «когда-то милейший капитан» — писатель и один из домочадцев Буниных с 1926 г., Николай Рошин (Николай Яковлевич Федоров; 1892–1956); «Хейфец» — вероятно, Израиль Моисеевич Хейфец (1867–194?), редактор «Одесских новостей», первый муж Изы Кремер; «баронесса Менаш» (в публикации Будницкого — «баронесса Менем») — предположительно, член богатой еврейской семьи Menasche; «Феня Шлезингер» — часто упоминаемая в письмах Буниной и др. Фанни Самойловна Шлезингер (?–1959); «взрослый сын» Полонского — Александр Яковлевич Полонский (1925–1990).

¹ Судя по выдержкам из этой части письма Берберовой («Да, в 1940 г., вплоть до осени ~ автор “Няни” и сам Сургучев»), которые Алданов цитирует в своем письме к Зайцеву от 22 октября 1945 г. (BAR. Boris Konstantinovich Zaitsev Papers — см. примеч. 71 к вступ. ст.), текст полученного им оригинала слегка отличался от текста «циркулярного» письма (хотя возможно, что он переписал фрагменты письма не вполне точно): после «мало бифштеков» было «Протестовали шкурники»; вместо «грубый капитализм» было «дикий капитализм»; перед «либо в тюрьме» не было «давно вычищены; они»; вместо «под бойкотом. Когда-то» было «под бойкотом: когда-то»; вместо «чета поэтов» было «ЧЕТА ПОЭТОВ».

² Ср. с полным текстом письма (Beinecke. Berberova. Box 2. Folder 16):

14 avenue Fragonard

Nice

3/VIII-45

Дорогая Нина Николаевна.

Только что получил Ваше письмо. Утверждаю формально и категорически, что никогда никому о Вас и Ваших каких-то предполагаемых поступках не писал. Вы пишете: «Вы и Бунин...» В сопоставлении моего имени с Буниным, — мне, конечно, лестно, —

«что-то лежит роковое». Начинает лежать, по крайней мере. Какие бы письма из Америки я ни получал, всюду мне пишут «Вы и Бунин...» — как только дело идет о делах вроде того, которое задело Вас. Мы, по-видимому, попали там в столпы и оплоты резистанса, и на нас ссылаются по разным поводам (порой таким курьезным, что Вы и не поверили бы!)

Есть ли какие-нибудь основания для упоминания моего имени в связи с Вами — или это клевета абсолютная?

Я не хочу от Вас скрывать ничего, даю Вам честное слово, что сообщаю «vérité, rien que la vérité, toute la vérité» <правду, ничего кроме правды, всю правду (фр.)> — и потому делюсь сомнением, которое у меня есть.

Когда-то, года три тому назад, а может быть, и больше, я получил от Вас открытку, где Вы писали, что «многое пересмотрели» и что теперь «мы с Вами во многом бы, вероятно, разошлись». Цитата, конечно, не дословна, но смысл передаю верно. Сознаю, что эти фразы на меня произвели впечатление: я от Вас их не ждал. В то время в Ницце было еще много наших общих друзей, впоследствии переехавших в Америку. *Может быть*, я с ними о Вас говорил, расшифровывая Ваши туманные слова скорей с осуждением, чем с одобрением. Даю, однако, вторично честное слово, что такого разговора ни с кем не помню. Но вполне допускаю возможность того, что при встрече с Алдановым, или Цвибаком, или Полонским, или не знаю еще с кем, на обычный вопрос «какие новости?» этой огорчившей меня новостью поделился.

Должен, однако, добавить с полнейшей уверенностью, что никаких действий или выступлений я Вам никогда не приписывал — и что *образ мыслей*, каковы бы эти мысли ни были, *никогда в моем представлении не мог и не может быть порочащим*. Я мог удивляться, жалеть, что угодно — но наверно не сказал о Вас ничего такого, что касалось Вашей чести.

Voilà. Надеюсь, l'incident est clos. <Вот так... вопрос закрыт (фр.)>

Как мне все эти слежки и расспросы надоели, сказать Вам не могу.

Всего доброго. Примите мой сердечный привет.

Преданный Вам

Г. Адамович.

³ Как показывает сравнение с № 51 и 53, приводимый здесь якобы цельный текст одного письма Бунина достаточно произвольно соткан из выдержек из двух писем.

ПЕРЕПИСКА
И.А. БУНИНА И П.М. БИЦИЛЛИ
(1931–1951)*

Вступительная статья Татьяны Двинятиной**.
Публикация Татьяны Двинятиной и Ричарда Дэвиса***

Переписка Бунина и Бицилли содержит 50 писем (23 письма Бунина и 27 писем Бицилли), написанных в период с 1931 по 1951 г. Двадцать лет переписки — это почти две трети жизни в эмиграции как для Бунина, так и для Бицилли. Оба они покинули Россию в январе 1920 г. (уплыли на разных пароходах из Одессы при последнем отступлении Белой армии), оба умерли в 1953 г.: Бицилли в августе, Бунин в ноябре.

Если говорить о тех, кто в эмиграции писал рецензии на его новые книги, то по количеству писем и продолжительности общения переписка с Бицилли в эпистолярном наследии Бунина уступает только переписке с М. Алдановым, Г. Адамовичем и Ф. Степуном. По-видимому, не все письма, которыми обменивались Бунин и Бицилли, дошли до нас, но и сохранившиеся позволяют судить о целом и дают представление об отношениях адресатов.

Связующим звеном для них, возможно, стал историк и искусствовед Никодим Павлович Кондаков (1844–1925), с которым Бунин был знаком еще по Петербургу и Академии наук: Кондаков был избран в нее в 1898 г., Бунин — в 1909¹. В судьбе Кондакова и Бицилли общим был Новороссийский университет, хотя и в разные годы. Кондаков с 1870 до середины 1890-х гг. был профессором университета, занимая кафедру теории и истории искусства, — Бицилли поступил на историко-филологический факультет университета только в 1900 г., когда Кон-

* Тексты И.А. Бунина и В.Н. Буниной публикуются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate © 2010.

Тексты П.М. Бицилли публикуются с разрешения Е.П. Ивановой-Аначковой (София) © 2010.

** © Татьяна Двинятина, 2010.

*** © Татьяна Двинятина, Richard D. Davies, 2010.

¹ Так, например, подписи и Бунина и Кондакова стоят под коллективной телеграммой, посланной от разряда изящной словесности Д.Н. Мамину-Сибиряку по случаю 40-летней годовщины его литературной деятельности (*Бунин И. Письма 1905–1919*. С. 410–411). Кроме того, как следует из воспоминаний Бунина («О Чехове»), он не раз слышал о Кондакове от Чехова.

даков уже переехал в Петербург. Однако круг их научных интересов во многом совпадал, и, возможно, именно труды Кондакова по Византии и Древней Руси вдохновили Бицилли на дальнейшие занятия античным и средневековым искусством и вопросами взаимопроникновения культур Запада и Востока².

В 1918 г. и Кондаков, и Бицилли, и Бунин оказались в Одессе. Время наиболее тесного общения Бунина и Кондакова пришлось на октябрь—декабрь 1919 г.: в занятой добровольческими войсками Одессе Бунин и Кондаков были соредакторами ежедневной газеты «Южное слово». К этому же времени относится сближение Кондакова и Бицилли: по крайней мере, именно тогда Кондаков пишет рецензию на книгу Бицилли «Элементы средневековой культуры», вышедшую в 1919 г.³ В том же году — на одном из редакционных совещаний «Южного слова» или в доме архитектора А.Н. Клепинина — состоялась единственная встреча Бунина и Бицилли (см. № 2, 3, 46, 47)⁴.

В эмиграции Бунин жил в Париже, Бицилли — в Софии, и в течение первых 10 лет ни один из них не делал попыток к сближению. Ситуация изменилась в 1931 г., когда Бунин решил возобновить знакомство с Бицилли. Первое письмо Бунина нам не известно, и о подлинных причинах этого шага остается только гадать. Возможно, обращение к Бицилли было не вполне бескорыстно и находилось в ряду действий, предпринятых Буниным и его окружением для получения Нобелевской премии.

² Насколько высоко Бицилли ценил Кондакова, «знаменитого, создавшего целую школу, окруженного благоговейным почитанием <...> ученого», можно судить хотя бы по его отзыву на «Воспоминания» Кондакова, вышедшие в Праге в 1927 г.: «В параллель к Кондакову я привел два имени: Пушкина и ославленного от начальства сумасшедшим и забытого обществом Чаадаева. К ним следует присоединить еще два: “не имеющего мировоззрения” Чехова (с ним Кондаков был и лично близок) и известного “врага русского народа” Бунина» (*Бицилли П.* Воспоминания Кондакова // Звено. 1927. № 3. С. 142, 145). В 1920—1923 гг. Кондаков был профессором археологии на историко-филологическом факультете Софийского (1920—1923) и пражского Карлова (1923—1925) университетов, почетным членом Болгарской академии наук. Его учениками в 1925 г. в Праге был создан Семинарий им. Н.П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*), переименованный в 1931 г. в Археологический институт им. Н.П. Кондакова (издавал «Сборники статей по археологии и византиноведению» и «Анналы», до 1940 г. было опубликовано 11 выпусков научных трудов института).

³ Бицилли упоминает рецензию Кондакова в газете «Одесский листок» в своем прошении на имя декана филологического факультета Софийского университета в 1920 г. (*Бицилли П.М.* Трагедия русской культуры: Исследования. Статьи. Рецензии / Сост., вступ. ст., коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 577), однако «Одесский листок» к данному времени уже не выходил, и в какой газете рецензия Кондакова появилась, установить не удалось. В дальнейшем (1924) по ходатайству Кондакова (и В.Н. Златарского) Бицилли смог занять кафедру в Софийском университете. См. об этом также: *Мещерский А.П.* Заметки и материалы к библиографии русских ученых в Болгарии. 1920—1949 // *Бицилли П.М.* Трагедия русской культуры. С. 574—577.

⁴ Обращение к архиву Бицилли в РО ИРЛИ позволяет скорректировать бытовавшее представление о том, что «не позже 1911 года произошло знакомство Бицилли с Буниным», основанное на дате, поставленной Буниным на одной из подаренных им Бицилли фотографий (*Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879—1953). Штрихи к портрету ученого // *Бицилли П.М.* Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 649; воспроизв. на с. 652). В данном случае надпись «Дорогому П.М. Бицилли. Ив. Бунин. Цейлон. 1911 г.» фиксирует не дату дарения, а момент, изображенный на фотографии.

Неожиданная и серьезная надежда на нее появилась в конце декабря 1930 г.: в парижских «Последних новостях» была напечатана статья И.М. Троицкого «Среди нобелевских лауреатов (Письмо из Стокгольма)», в которой Бунин был назван одним из претендентов на будущий год при условии, что «Жизнь Арсеньева» будет переведена на европейские языки и что его кандидатуру выдвинут на премию до января 1931 г.⁵ «Конечно, явилась мысль о необходимости нажать на некоторые кнопки», и уже через день Бунин отправил писем на 45 франков. Так начались «<з>аботы по поводу премии»⁶, в которые сразу включились М. Алданов, С. Поляков-Литовцев, Ф. Степун, И. Фондаминский и др.⁷

3 января 1931 г. Кузнецова записывает в дневнике: «Фондаминские приехали <...> и Илья Исидорович поднялся к нам. <...> Прежде всего сказал, что шансы Бунина в Швеции очень велики и что в Париже к нему взрыв симпатии по этому поводу»⁸. 15 января: «Радостные известия из Швеции. Будто бы проф. Агрель твердо сказал, что все сделает, чтобы премию дали Бунину»⁹.

Но, как уже было замечено, Бунину остро не хватало европейской известности¹⁰, и непременным условием успеха был перевод его книг на иностранные языки. Бицилли — в то время уже профессор Софийского университета (с 1924 г. он руководил кафедрой всеобщей истории), с одной стороны, и критик, постоянно выступающий в печати с рецензиями на самые разнообразные издания, с другой стороны, мог стать для Бунина еще одним посредником на пути к европейскому читателю.

В то же время едва ли не самым значительным событием весны 1931 г. для Бунина стал приезд в Грасс четы Степунов. Федор Августович Степун и его жена Наталья Николаевна в течение почти полутора месяцев гостили у Фондаминских и тесно общались с Буниными. С первой же встречи (10 марта) разговоры Бунина со Степуном производили «такое впечатление, точно <...> на вилле Бельведер в кабинете И.А. был некий словесный балет», в другой раз «<о>ни с И.А. точно фехтовали. <...> Это были как бы широкие арпеджии по всей литературно-философской клавиатуре», — записывала в своем дневнике Кузнецова¹¹. И по словам Буниной, Степун для Бунина «редкий собеседник», они много говорят о Бердяеве, Достоевском, И. Ильине, спорят о А. Белом, З. Гиппиус,

⁵ Последние новости. 1930. 21 декабря. № 3560. С. 2. Слегка отредактированный вариант статьи появился 30 декабря в Риге: *Троицкий И.* Получат ли Бунин и Мережковский Нобелевскую премию? (Письмо из Стокгольма) // *Сегодня.* 1930. 30 декабря. № 360. С. 2. Подробнее об истории получения Буниным Нобелевской премии см. изд.: *Марченко Т.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Köln; Weimar, Wien: Böhlau, 2007. С. 291–491.

⁶ Грасский дневник. С. 196–197 — записи от 20 и 22 декабря 1930 г.

⁷ Видимо, тогда среди прочего были посланы письмо и «Жизнь Арсеньева» Т. Манну, на что он уже 30 декабря отозвался присылкой «Смерти в Венеции» «с очень любезной надписью» (Там же. С. 198).

⁸ Там же. С. 199.

⁹ Там же. С. 202.

¹⁰ В связи с этим см., напр., также вступительную заметку Д. Риникера к публикации переписки Бунина с Г. Брандесом (И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. С. 220–223).

¹¹ Грасский дневник. С. 215, 217 — записи от 11 и 16 марта 1931 г.

А. Блоке, Ап. Григорьеве (о «цыганшине», которую Бунин в нем приемлет, а в Блоке нет), о последних произведениях Б. Зайцева, В. Набокова (Сирина), М. Алданова, о Шаляпине, Горьком и Л. Андрееве. 12 марта, в числе прочих тем, «около часа говорили о религиозной философии Рильке»¹². 21 апреля перед отъездом Степун «заходил прощаться и читал <...> свою статью об И.А., критику на “Божье древо”. <...> Статья интересная, хотя маленькие измышления есть. И.А. остался доволен»¹³.

Это общение с человеком, мнение которого о своих произведениях Бунин всегда высоко ценил¹⁴, также могло привести его к мысли о том, кто еще мог бы стать его критиком. Во всяком случае, когда Бицилли в первом же письме благодарит Бунина за присылку книг, он, по всей вероятности, имеет в виду незадолго до того, в апреле, вышедший сборник рассказов «Божье древо» (и, вероятно, не только его, см. примеч. 1 к № 1). Он и стал первой темой завязавшейся переписки.

В конце 1920-х гг. научные интересы Бицилли сосредоточились на вопросах истории русского языка. Особое внимание он уделял смешению в литературном языке разных стилистических слоев: высокой поэзии и просторечия, архаических пластов и языка массовой литературы. В сентябре 1930 г. Бицилли выступает на V съезде русских академических организаций за границей в Софии с докладом «Язык и народность (К вопросу об образовании русского литературного языка)»¹⁵, в то же самое время он работает над книгой о происхождении русского литературного языка¹⁶. Герой заглавного рассказа бунинского сборника «Божье древо» караульщик Яков разговаривает на том самом языке, сочетающем высокую поэтичность и фольклорную образность, который в это время привлекал Бицилли более всего, и первая пришедшая Буниным книга оказалась в самом фокусе его филологических исканий (№ 1–3).

Уже через месяц, в июне 1931 г., в журнале «Числа» появилась первая рецензия Бицилли: «Мне кажется, — писал он, — что сборник “Божье древо” — самое совершенное из всех творений Бунина и самое показательное. Ни в каком другом нет такого красноречивого лаконизма, такой четкости и тонкости письма, такой творческой свободы, такого поистине царственного господства над материей. <...> Это — то самое, казалось бы, простое, но и самое редкое и

¹² Там же. С. 217.

¹³ Там же. С. 225 — запись от 22 апреля 1931 г.

¹⁴ См. в письме Бунина Степуну от 28 августа 1952 г.: «<...> вот нашел нынче Вашу замечательную статью о “Митиной любви” в “Современных записках” 1926 г. и хочу Вам сказать, до чего я тронут Вашим вниманием ко мне! Благодарю Вас, обнимаю, от всей души!» (Письма И.А. Бунина к Ф.А. Степуну / Публ. А. Зверса // Новый журнал. 1975. № 118. С. 124). На это позднее признание Степун горячо отозвался 14 сентября 1952 г.: «Я очень счастлив тем, что все, написанное мною о Вас, Вы считаете чуть ли не лучшим из всего, что было о Вас сказано» (С двух берегов. С. 136).

¹⁵ *Горьянов А.И., Бирман М.А.* Библиография опубликованных работ П.М. Бицилли и литература о нем, 1912–2003 // *Бицилли П.М.* Избранные труды по средневековой истории. С. 749). Текст опубликован в сб.: Труды V-го съезда русских академических организаций за границей. София, 1932. Ч. I. С. 215–228).

¹⁶ См. № 1.

ценное качество, которое роднит Бунина с наиболее правдивыми русским писателями, с Пушкиным, Толстым, Чеховым: честность, ненависть ко всякой фальши <...>¹⁷. Три отмеченные здесь составляющие: отточенный стиль, предметное описание и честность художника — легли в основу концепции бунинского творчества, оглашенной Бицилли всего через полтора месяца после начала их переписки в речи «Бунин и его место в русской литературе» на праздновании Дня русской культуры в Софии¹⁸ (это и было, видимо, то, что он, как сообщал в первом письме Бунину, «несколько раз принимался писать, хотел выразить» по поводу его творчества). Речь Бицилли была опубликована в парижской газете «Россия и славянство», получила широкую известность в русской эмиграции и встала в один ряд со статьями Г. Адамовича, В. Ходасевича и (пожалуй, наиболее близкого к Бицилли) Ф. Степуна, которые писали о Бунине примерно с тех же позиций и в той же историко-литературной перспективе. При этом отличительной и характерной чертой Бицилли было особенное внимание, которое он всегда оказывал соотношению и взаимопроникновению формы и содержания. Так и в своей оценке Бунина он подчеркивал прежде всего неделимость эстетического целого, уникальное слияние формы и смысла, мастерство стиля. Рассматривая Бунина в одном ряду с Пушкиным, Гоголем и Тургеневым, Бицилли заключал, что «<п>осле “Путешествия в Арзрум”, после “Старосветских помещиков” нет в русской прозе памятника, который можно было бы с точки зрения стиля поставить наряду с “Божьим деревом”»¹⁹.

В том же году Бицилли написал рецензию на сборник путевых очерков Бунина «Тень птицы»²⁰. И в ней, с первых же слов, главное место занимает «магия бунинского слова»: «Вместе с Буниным мы проделываем его паломничество, видим посещенный им Восток так, как если бы он в “самом деле” был нам показан»²¹. По внутреннему чувству, заставляющему человека пускаться в путь, отрываясь от привычных условий, познавая себя и приобщаясь к иным культурам, Бицилли сравнивает «Тень птицы» с «Itinéraire de Paris à Jerusalem» Шатобриана — но тут же оговаривается: «Повторяя Шатобриана, Бунин совершил “романтическое” путешествие по следам Христа — и Христа не нашел. <...> то немного, что говорит о Христе Бунин, навеяно, как кажется, скорее всего, выросшим на почве апокрифической литературы искусством христианского Средневековья, а не Евангелием и не местами, которые он посетил <...>. Зато Ветхий Завет может быть понят всецело лишь тем, кто видел места его возникновения, кто знает по личному опыту, что такое пески пустыни и испепеляю-

¹⁷ Числа. 1931. № 5. С. 223.

¹⁸ Бицилли П. Бунин и его место в русской литературе // Россия и славянство. 1931. 27 июня. № 135. С. 3.

¹⁹ Там же. Сходным образом оценил книгу Бунина В. Ходасевич, написавший, что «“Божье древо” наполнено событиями: только эти события развертываются не в человеческой среде, а в сфере самого языка, который и есть истинный и главный, если не единственный, герой книги» (Возрождение. 1931. 30 апреля. № 2158. С. 2).

²⁰ Можно предположить, что это была вторая книга, которую Бунин послал Бицилли вместе с «Божьим деревом», однако в библиотеке Бицилли (ИРЛИ) она не сохранилась.

²¹ Современные записки. 1931. № 47. С. 493.

шие все живое беспощадные и всюду наступающие лучи Ваала-Солнца. В этом отношении для понимания Библии никакой реально-исторической комментарий к ней не дает столько, сколько маленькая книга Бунина: ибо, повторяю, не может быть никаких сомнений в том, что прочесть ее — это все равно, что увидеть воочию все то, что увидел сам ее автор»²².

Едва ли случайно, что за два следующих года — с июня 1931 по июнь 1933 г. — писем Бунина в архиве Бицилли нет. Только в 1933 г., когда выходит книга Кузнецовой «Пролог», Бунин обращается к Бицилли с просьбой о рецензии. Достоин внимания не только то, что Бунин ищет в Бицилли благожелательного рецензента для своих литературных протее (Бицилли — автор рецензии и на «Древний путь» Зурова²³), но и то, как он пытается руководить критическим пером своего корреспондента. Так, посылая Бицилли «Пролог», Бунин приводит в пример уже напечатанный отзыв К. Зайцева, отмечая в нем удачные и неудачные, с его точки зрения, моменты (№ 5–6).

Бицилли откликнулся на просьбу Бунина (№ 7) и в своей рецензии на «Пролог» написал, что это произведение относится к тем книгам, прочитав которые «мы уже не мыслим их вне нас»²⁴. Далее критик по-своему истолковал женский характер прозы Кузнецовой: «В том, что автор заставляет и нас любить его героиню и с нею вместе тех, кого она любит, хотя мы, подобно ей, почти ничего о них не знаем, как не знаем и о ней, — тайна его искусства, действующего тонкими и безошибочными внушениями. Это — женское в высшей степени искусство. Женское начало и есть начало нерассуждающей, не основанной на выборе, на оценке, обусловленной непосредственным чувством благодати *всякой* жизни, все приемлющей любви, начало чисто душевное, оживляющее, животворящее, но еще не осмысливающее жизни, требующее своего восполнения в начале духовном, мужском, которое в свою очередь нуждается в женском, ибо без него становится безблагодатным, демоническим, мертвящим. Мне кажется, что размножение и повышение качества женской литературы — характерная черта как раз нашего времени, этого поистине жестокого века: жизнь словно сама вносит “поправки” в свою эволюцию»²⁵. Думается, Бунин был благодарен Бицилли за этот отзыв, а вот сама Кузнецова была, скорее, разочарована. 13 октября 1933 г., получив том «Современных записок», она записала: «Рецензия, спору нет, лестная, но беда в том, что о самой книге мало, а больше по поводу»²⁶.

Тем не менее, когда спустя четыре года у Кузнецовой вышла книга стихотворений «Оливковый сад», она была также послана Бицилли, и когда тот замедлил с ответом, его поторопил сам Бунин, подкрепив свою просьбу о рецензии развернутым письмом к нему по этому поводу Вяч. Иванова (№ 22–25).

²² Там же. С. 493–494. Надо отметить, что это был по-своему единственный взгляд на книгу Бунина, другие рецензенты — И. Демидов в газете «Последние новости» (28 мая 1931) и П. Пильский в газете «Сегодня» (1 июня 1931) — не выходили за рамки описательности.

²³ Современные записки. 1934. № 54. С. 460–461.

²⁴ Современные записки. 1933. № 53. С. 453.

²⁵ Там же. С. 454.

²⁶ Грасский дневник. С. 294.

В 1934–1936 гг. в Берлине издавалось одиннадцатитомное посленобелевское собрание сочинений Бунина. По мере выхода томов в свет Бунин посылал их Бицилли: 15 февраля 1935 г. Бицилли благодарил Бунина «за присылку 3-х томов» рассказов (№ 9), а через месяц, 7 марта, получив очередной, 5-й том, написал, что его поразили два рассказа, стоящие как бы особняком, «Старуха» и «Отто Штейн» (№ 10). Вскоре в «Современных записках» появляется третья «бунинская» рецензия Бицилли — на 4-й и 5-й тома берлинского собрания. В ней почти дословно повторяется уже прозвучавшая в первом из этих писем мысль о единстве раннего и зрелого Бунина²⁷, а «коротенькие, “бессюжетные”» рассказы «Старуха» и «Отто Штейн», силу и совершенство словесного внушения которых критик сравнивает с «гоголевским»²⁸, становятся первыми произведениями Бунина, прямо сопоставленными с Толстым: в качестве параллели Бицилли приводит толстовский трактат «Что такое искусство». Для него это уже «лишнее доказательство духовного родства Толстого и Бунина», оно «связано с главной темой их раздумий, тем таинственным, невыразимым, что составляет настоящую, неподвластную Смерти, основу жизни, ее суть и ее правду»²⁹. Бунин услышал эти слова: в следующие годы «толстовская» тема будет главной темой его переписки с Бицилли.

В сентябре 1935 г. Бицилли получил от Бунина 10-й том собрания сочинений и особо отметил в нем литературные воспоминания и «Записки» о Чехове и Толстом (№ 11). В начале 1936 г. Бунин прочел в «Современных записках» статью Бицилли «Заметки о Толстом», которая состояла из эскизов «Толстой и Шопенгауэр», «Толстой и Флобер», «Бунин и Толстой» и «Толстой и Шекспир». В ней утверждалось, что «из толстовского “Дьявола” вышла “Митина любовь”»³⁰. Между двумя книгами действительно существует отчетливое тематическое и стилистическое сходство, однако генетической связи между ними Бунин не признал, акцентировав типологическую близость (впечатлений усадебного быта). Последовал эпистолярный всплеск, много объясняющий если не в самой психологии творчества, то в том, как Бунин желал представить ее читателю, и в то же время продемонстрировавший готовность критика принять авторский взгляд на предмет (№ 12–17). Отныне сквозной темой переписки стали совпадения, подлинные и мнимые, которые то Бунин, то Бицилли находили в произведениях Бунина и Пруста (№ 15–16), Бунина, Чехова и Гоголя (№ 34–35), Бунина и советского писателя А. Соколова (№ 36–37) и даже в текстах друг друга (№ 16–17).

²⁷ См. в № 9: «Перечень подряд напечатанные там вещи — старые и новые — было для меня большой радостью. Когда читаешь так, лучше видно их художественное единство, и “старые” вещи сквозь призму новых уже перестают быть “старыми”; все воспринимается как одно целое». В рецензии: «<...> в свете позднейших вещей яснее видна художественная основа ранних; становится очевидным тематическое единство всего, что он <Бунин. — Т.Д.> писал». И сразу за этим следует прорыв к новому, чрезвычайно важному для Бунина уровню: «Все его вещи — и те, что казались когда-то “бытовыми очерками”, и нынешние, подлинные поэмы в прозе, — в сущности, вариации на одну, толстовскую, сказал бы я, тему — жизни и смерти» (Современные записки. 1935. № 58. С. 471).

²⁸ Таким образом, на новом материале была повторена идея, уже высказанная Бицилли в речи «Бунин и его место в русской литературе».

²⁹ Современные записки. 1935. № 58. С. 471.

³⁰ Современные записки. 1936. № 60. С. 280.

В 1937 г. вышло в свет «Освобождение Толстого». Книга оказалась на перекрестке двух тем, и прежде привлекавших особое внимание Бицилли: с одной стороны — «проблемы жизни и смерти в творчестве Толстого»³¹, с другой — места и роли Бунина в истории русской литературы. Понимая интерес и склонность Бицилли к этим вопросам, Бунин единственный раз прямо попросил его о рецензии на свою книгу, выделив Бицилли из ряда других критиков, — и оказался прав (№ 18–20). Ни Адамович, ни Ходасевич, ни Алданов (о которых Бунин писал в № 20) не оценили главную «тезу» книги. Все они разделили художественный и идейный ее аспекты и, воздав должное изобразительной силе Бунина и ценности его воспоминаний, каждый со своей стороны, признались, что им не вполне ясна выраженная в заглавии основная мысль. В отличие от них, Бицилли смысл заглавия понял, точно передал и, что чрезвычайно важно, связал его с миропониманием самого Бунина. Он увидел в бунинской книге «легенду» о Толстом, а в самом Толстом конфликт двух миропониманий, условно говоря, Шопенгауэра и Руссо, или, по-другому, Будды и св. Франциска. Это был конфликт, над которым и Бунин всю свою жизнь мучился не меньше, чем Толстой: «По человеческому разумению, *или — или*. Или “мир как воля и представление”, или — “исповедание веры савойского викария”. Или “нирвана”, растворение “я” во Всеедином, т.е. отрицание личного бессмертия, *или —* августино-дантовский Град Божий, единение чистых душ в их любви *кличному* Богу. *Разумное* примирение одного с другим исключается. Разум требует выбора. А в то же время человеческое сознание в течение веков мучительно и настойчиво домогается какого-то синтеза — “разума” и “сердца” или, пользуясь древними терминами, сейчас восстановленными, хотя и несколько в ином значении, — освобождения “духа и души”. Толстой этого духовного опыта не пережил. Но если взглянуть на все его творчество в свете удивительной бунинской легенды, станет ясно, что именно к этому опыту он шел»³². К этому же опыту шел Бунин, это был и его собственный путь, — и органичность «идейной» составляющей его «мемуарной» книги для Бицилли не подлежала сомнению.

С не меньшей силой, чем любовь к «героям» своего литературного и личного пространства, в бунинских письмах выражено неприятие тех, кого он считал своими соперниками и антиподами. Письма к Бицилли дают превосходный материал для наблюдения за отношением Бунина к Блоку, Ремизову, Вертинскому, которое Бунин не может сдерживать даже в ситуациях, никак для выражения его отношения не располагающих (как, например, в конце № 14). И здесь, в общем, повторяется тот же рисунок спора, который на протяжении многих лет проходил между Буниным и Степуном, также отстаивавшим за Блоком и символизмом несомненный духовный опыт своего поколения³³.

С 1938 по 1946 г. в переписке Бунина и Бицилли возник перерыв, вызванный, по-видимому, и отсутствием новых бунинских книг, и потрясениями Вто-

³¹ См.: *Бицилли П.М.* Проблема жизни и смерти в творчестве Толстого // *Современные записки.* 1928. № 36. С. 274–304; а также уже упомянутые «Заметки о Толстом» (*Современные записки.* 1936. № 60. С. 276–286).

³² *Русские записки.* 1938 (апрель). № 4. С. 200.

³³ См., напр., изложение Буниной в дневниковой записи от 15 апреля 1931 г. (*Устами Буниных.* Т. 2. С. 241–242).

рой мировой войны. Через полтора года после ее окончания, в 1946 г., первый шаг в возобновлении отношений снова был сделан Буниным: в немногих строчках (№ 26) он дал о себе знать и сообщил о новой книге рассказов. Как только Бицилли отозвался (№ 27), Бунин сразу же послал ему и «Темные аллеи» (Париж, 1946) с дарственной надписью: «Дорогому Петру Михайловичу от старого друга Ив. Бунина. 9 янв. 47 г. Париж»³⁴; и «Речной трактир» (Нью-Йорк, 1945), написав: «Дорогому Петру Михайловичу Бицилли его верный друг и почитатель Ив. Бунин. 10.2.1947. Париж»³⁵.

По всей видимости, благодарное и восторженное письмо, которым откликнулся Бицилли (№ 28), получив бунинские сборники, на фоне многих нелестных мнений, которые пришлось выслушать Бунину по поводу «Темных аллей», было особенно ценным для автора³⁶. Бицилли не только был восхищен выразительным совершенством новых рассказов, но и верно расслышал его главную идею родства любви и смерти («Кто влюбился, стреляет в себя»), — и Бунин ответил ему большим письмом, преодолевая нездоровье и душевную смуту (№ 29).

Начиная с мая 1945 г. Бунин все чаще болел (одно из горьких свидетельств об этом как раз в письме к Бицилли — № 43). Все более трудным становилось и положение Бицилли в послевоенной Болгарии. Он трижды подавал прошения о получении советского гражданства и трижды получал отказы (в 1948 г. принял болгарское подданство). В то же время как педагог «буржуазного» направления он был уволен из университета без пенсионного пособия, его работы практически перестали публиковаться³⁷. Узнав об этом, Бунин, сам очень настороженно относившийся к политической поляризации тех лет, тут же откликнулся, предлагая свою помощь (№ 33). И хотя его поддержка едва ли могла повлиять на судьбу Бицилли в Софии, слова «от старого друга» в дарственной надписи вместе с ностальгическими тонами впитали в себя и чувство общей судьбы.

Один раз за все эмигрантские годы у Бунина и Бицилли был шанс встретиться лично. В августе 1937 г. Бунин ездил в Сербию, собирался заехать в Болгарию, Бицилли предлагал ему свой кров и гостеприимство (№ 20–21). Однако

³⁴ РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 2. Ед. хр. 58. Воспроизведено: *Герашко Л.В., Кудрявцев В.Б.* Фонд профессора П.М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы / Отв. ред. Т.С. Царькова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 57–222. С. 109.

³⁵ РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 2. Ед. хр. 47. Всего в библиотеке Бицилли и А.П. Мещерского сохранилось 17 книг Бунина, шесть из них — с дарственными надписями автора. Описание см.: *Герашко Л.В., Кудрявцев В.Б.* Фонд профессора П.М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома. С. 107–110.

³⁶ Отклики на «Темные аллеи» обсуждались, в частности, в переписке Буниных и Тэффи (Диаспора. Вып. 2. С. 506–512). В то же время, когда Бицилли писал Бунину о «Темных аллеях», их автор мог прочитать, например, что «Зойка и Валерия» — это «далеко не лучший образец бунинского творчества последних лет. Некоторые эротические детали рассказа не оправданы художественной необходимостью, и их подчеркивание разбивает единство впечатления» (*Слоним М.* Литературные заметки: («Русский сборник») // Новоселье. 1947. № 31/32. С. 94).

³⁷ *Васильева М.* Путь интуиции // *Бицилли П.М.* Трагедия русской культуры. С. 24–25; *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879–1953). Штрихи к портрету ученого. С. 706–712.

еще в Сербии Бунин простудился и, по собственным словам, «не совсем погиб, только благодаря “лютой” сливовице, но все-таки сбежал оттуда» (№ 24).

Таким образом, мимолетная встреча в Одессе 1919 г. оказалась единственной, и в течение двадцати лет общение Бунина и Бицилли пребывало исключительно в эпистолярном русле, о чем в конце жизни сожалели оба корреспондента. Их переписку можно рассматривать как один из примеров разговора с отсутствующим собеседником, от которого каждый говорящий ждет более эха, чем ответа, но ответ приходит, и разговор длится, пока позволяют время и расстояние.

Письма Бицилли хранятся в РАЛ. MS. 1066/1893–1919, письма Бунина — в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. (Письма. Т. I))³⁸. Вместе с письмами других видных деятелей русского зарубежья письма Бунина, его фотографии и некоторые другие материалы, фигурирующие в переписке, были помещены зятем Бицилли А.П. Мещерским³⁹ в специальный альбом (лл. 25–53) и разложены по хронологии. При этом он пронумеровал письма и сопроводил их личными пометами «АМ», что в настоящей публикации не воспроизводится.

Все письма публикуются по автографам, с изменением старой орфографии на новую. Единичные случаи вставки слов в тексты писем не оговариваются. Некоторые выдержки из писем Бунина к Бицилли были в свое время напечатаны А.П. Мещерским⁴⁰. В полном объеме переписка публикуется впервые.

Инициатором настоящей публикации был выдающийся специалист по П.М. Бицилли Михаил Абрамович Бирман (Ашдод, Израиль), но по ряду причин организационного характера его участие в ней в качестве соавтора не состоялось, о чем авторы искренне жалеют. Они благодарят Михаила Абрамовича за поддержку и за помощь в решении отдельных вопросов.

Авторы выражают искреннюю признательность администрации РАЛ и РО ИРЛИ за содействие настоящей публикации, а также Любове Герашко за многочисленные консультации в ходе подготовки публикации и Олегу Коростелеву (Москва), Андрею Крусанову (Санкт-Петербург), Татьяне Мисникевич (Санкт-Петербург), Льву Мнухину (Москва), Елене Обатниной (Санкт-Петербург), Евгению Пономареву (Санкт-Петербург), Irina Belobrovceva (Tallinn), Tanya Chebotarev (New York), Jennifer Griffiths (Taylorian Institute, Oxford, Великобритания), Edythe Haber (Cambridge, США), Nicholas Hearn (Oxford, Великобритания), Vladimir Khazan (Иерусалим), Joseph Lenkart (Slavic Reference Service, Urbana-Champaign, США), Magnus Ljunggren (Stockholm), Ekaterina Rogatchevskaia (London), Сергею Рожкову (София), Service Etat Civil (Mairie de Grasse, Франция) за отдельные ценные указания.

³⁸ История поступления архива Бицилли в Пушкинский Дом изложена в публ.: *Герашко Л.В., Кудрявцев В.Б.* Фонд профессора П.М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома. С. 60–63.

³⁹ Андрей Павлович Мещерский был женат на дочери Бицилли Марии (1917–1996). См. о ней: Там же. С. 58.

⁴⁰ Неизвестные письма И. Бунина / Публ. А. Мещерского // *Русская литература.* 1961. № 4. С. 152–158.

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ

10 мая 1931 г. София

София IV, Мусала 16

10 V 1931

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич, мне очень совестно за то, что я до сих пор не поблагодарил Вас за Ваши книги¹: я несколько раз принимался писать, хотел выразить то, что я думаю о Вашем творчестве; но боялся, что Вам мои слова покажутся преувеличением, и поэтому у меня все как-то не выходило. В конце концов бросил. А сейчас позволю себе все же высказать мою радость по поводу одной находки, сделанной мною в первом рассказе «Божьего древа». Это — язык однодворца, сохранивший *литературные* архаизмы XVIII века²! Я отношусь к Вашей записи этого языка как к подлинному документу. И вот для меня ясно, что этот Ваш новый Платон Каратаев не только помнит чувствительные романы времени «Капитанской дочки», но и читал «умные книги» той поры. Оттуда у него «одержать поверхность». Обрадовало же это меня вот почему. Я уже давно стал подходить к вопросу о том, как, когда и при каких обстоятельствах сложился общерусский литературный язык, и, между прочим, пришел к заключению, что русская до-пушкинская и даже до-карамзинская литература продолжала читаться и оказывать свое языковое влияние еще долгое время — в провинции, в низших слоях общества. Знаменитая «Битва русских с кабардинцами, или прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа» была написана в 1840 году, и автор ее, Николай Зряхов, судя по всему, был вовсе не военным писарем, а

профессиональным литератором³. Но язык этого произведения отражает не только Марлинского, которому Зряхов подражал, но также, несомненно, и Эмина, Львова и прочих авторов конца XVIII века. Более того: мне кажется, что даже в прозе Гоголя можно подметить следы влияния этой архаической литературы, еще читавшейся в Русской Провинции в пору, когда Гоголь учился в Нежине. Ваш же документ последний по времени, и тем для меня он особенно важен. О происхождении русск<ого> лит<ературного> яз<ыка> я написал небольшую книгу, которую надеюсь в скором времени напечатать⁴. Я буду усердно просить Вас прочесть ее. Книга, впрочем, вышла однобокая и с большими пробелами — главным образом как раз в той части, о которой я Вам сейчас писал. Здесь у меня очень мало материалов. Существовала целая литература в духе «Битвы русских с кабардинцами». Но этой литературы я за границей достать не мог нигде.

С искренним и глубоким уважением,

П. Бицилли

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1893).

¹ Бунин послал Бицилли сборник рассказов «Божье древо» (Париж: Современные записки, 1931) с дарственной надписью: «Петру Михайловичу Бицилли привет от автора. 7.IV.1931. Grasse, A<lpes> M<aritimes>» (РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 2. Ед. хр. 42). Возможно, вместе с ним была послана и книга путевых очерков «Тень птицы» (Париж: Современные записки, 1931) (см. вступ. ст.).

² Речь идет о персонаже рассказа, давшего название сборнику, садовом стороже Якове (впервые опубли.: Современные записки. 1927. № 33. С. 5–26). На экземпляре сборника, который прислал Бунин, Бицилли карандашом отметил некоторые речевые обороты Якова, такие как «поверхность одержать», «грузный» в смысле «грустный», «эта песня томная» и др.

³ Николай Ильич Зряхов (1782, по др. сведениям, 1786 — конец 1840-х) более 10 лет своей жизни служил в армии, принимал участие в войнах с Персией (1803–1804) и Турцией (1807). Получил известность как автор любовно-исторических романов из русской жизни. Самый популярный из них — «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга. Русская повесть в 2-х частях. С военными маршами и хорами певчих» — с 1840 по 1917 г. выдержал 40 переизданий (включая переделки и подражания). Его успех во многом объяснялся сочетанием «чувствительного стиля», лубочных героев и экзотического места действия. См.: *Рейтблат А.И.* Зряхов Николай Ильич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая рос. энциклопедия; Фианит, 1992. Т. 2. С. 360–361.

⁴ Возможно, речь идет о работе, опубликованной лишь в 1936 г., о которой Бицилли напишет Бунину в № 11 и 13.

2

И.А. БУНИН — П.М. БИЦИЛЛИ

17 мая 1931 г. Грасс

Очень благодарю Вас, дорогой Петр Михайлович, за присылку Ваших статей¹, очень рад Вашему письму как некоторому возобновлению знаком-

ства между нами, — ведь, если помните, мы когда-то с Вами встречались (в Одессе)², — и я очень жалею, что не могу лично побеседовать с Вами о том, весьма интересном и для меня, что затронули Вы в этом письме в связи с языком моего Якова (фигуры, кстати сказать, все-таки вымышленной, собирательной, а не списанной с живого лица, имеющей только *видимость* такового — вследствие одной из моих давних манер писать иногда в форме «записей», дневников, с умышленной протокоальностью, с видимостью пережитого лично). Крепко жму Вашу руку и очень хочу надеяться, что когда-нибудь встретимся еще раз.

Ваш Ив. Бунин

17 мая 1931 г.

Villa Belvédère
Grasse, A<lpes> M<aritimes>

Публикуется по автографу (РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. (Письма. Т. I) — в дальнейшем: РО ИРЛИ).

¹ Сведений о том, какие именно статьи Бицилли послал Бунину, не сохранилось.

² См. вступ. ст. и № 3, 46–47.

3

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ

27 мая 1931 г. София

27 V 1931

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Алексеевич, спасибо за память. Я хорошо помню нашу встречу у незабвенного Н.П. Кондакова, — к сожалению, единственную: я редко заходил к Н<икодиму> П<авлови>чу, боялся его потревожить, а видался с ним постоянно на его лекциях¹, на к<ото>-рые студенты не ходили, а ходили только некоторые унив<ерситетские> преподаватели, да еще покойный священник Флоровский². После лекций Кондаков обычно вел разговоры — замечательные, единственные. «Хотите, я вам скажу, кто такой был ваш Момзен³? Идиот. Да-с, это я вам говорю» — и все в этом же духе.

Что Ваш Яков не фотография, а, т<ак> сказ<ать>, синтез, в этом я ни минуты не сомневался. Но мне важно и ценно то, что Вы считаете, что такой, Вами «построенный», Яков мог говорить языком 18 века и помнить чувствительные романсы из альбомов пушкинских девиц, важно проверить мои отрывочные и чисто, конечно, книжные находки Вашей непогреши-

мой художнической интуицией и Вашим знанием уже, вероятно, окончательно истребленного русского быта.

Жму Вашу руку.

С искренней преданностью и глубоким уважением,

П. Бицилли

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1894).

¹ В Одессе Н.П. Кондаков (1844–1925) был профессором Новороссийского университета, где читал лекции по русской иконописи, а кроме того был помощником редактора по иностранной политике и вопросам образования в белогвардейской газете «Южное слово». По его протекции соредактором газеты стал и Бунин с 21 октября 1919 г. Не зафиксированная в одесских дневниках Буниных встреча с Бицилли, возможно, произошла на одном из редакционных совещаний (ср., однако, № 47). Подробнее см.: *Варнеке Б.В.* Материалы для биографии Н.П. Кондакова / Публ. И.В. Тункиной // *Диаспора*. Вып. 4. С. 72–151.

² Речь идет о прот. Василии Антоновиче Флоровском (1858–1929), настоятеле кафедрального Преображенского собора в Одессе (с 1905), отце богослова Георгия Флоровского (1893–1979) — выпускника (1916) и приват-доцента (1919) Новороссийского университета, уехавшего в 1920 г. с семьей сначала в Софию, затем в Прагу, и историка Антония Флоровского (1884–1968) — также выпускника (1908) и профессора (с 1916) Новороссийского университета, высланного из СССР в 1922 г. и поселившегося в Праге, участника некоторых заседаний Семинария им. Н.П. Кондакова (с 1925) и профессора Карлова университета (с 1933). О дружеских связях Бицилли с Флоровскими см.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879–1953). Штрихи к портрету ученого // *Бицилли П.М.* Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. С. 657–658).

³ Моммзен Теодор (Theodor Mommsen; 1817–1903) — немецкий историк, филолог, юрист, автор многих работ по истории Древнего Рима и лауреат Нобелевский премии по литературе 1902 г. за труд «Римская история».

4

И.А. БУНИН — П.М. БИЦИЛЛИ

3 июля 1931 г. Грасс

Дорогой Петр Михайлович, очень благодарю Вас за доброе внимание, — за Вашу речь, которую я только что прочел в «России и славянстве»¹.

Ив. Бунин

3.VI.1931

Публикуется по автографу (открытка) (РО ИРЛИ). Месяц установлен по содержанию (см. примеч. 1).

¹ Речь идет о статье Бицилли «Бунин и его место в русской литературе», напечатанной 27 июня 1931 г. в парижской газете «Россия и славянство» с примечанием: «Из речи, читанной в Софии в День Русской Культуры, 14 июня 1931 года». Газетные вырезки с ней хранятся в альбоме Бицилли на об. листа с № 2 и в РАЛ. MS. 1066/8207.

И.А. БУНИН — П.М. БИЦИЛЛИ

10 июня 1933 г. Париж

HOTEL RAJOU
20, RUE DES BAUCHES
(AVENUE MOZART)
PARIS, 16-E

10.VI.33

Дорогой Петр Михайлович,

Очень благодарю Вас за приветствие и добрые слова, которые Вы написали Галине Николаевне Кузнецовой по ее и моему адресу¹. Добрые слова теперь редкость — особенно, например, здесь в Париже, со всякими его закулисными делишками. Галина Николаевна уже 6 лет живет у нас — как наша приемная дочь. Так что Вы и нам доставили большое удовольствие, написав ей так хорошо о ее новой книге (это уже вторая — первая, изданная тоже «Соврем<енными> записками», состояла из рассказов и называлась по первому рассказу «Утро»² — видели ли Вы эту книгу?). Я очень верю в развитие ее таланта, и мне, повторяю, было очень приятно Ваше письмо к ней. «Соврем<енные> записки» будут существовать — это я хорошо знаю и от И.И. Фондаминского, живущего рядом с нами в Грассе³, и от Руднева⁴, который только что просил у меня продолжение «Арсеньева» для следующей книги⁵. Было бы чудесно, если бы именно Вы дали туда рецензию о «Прологе»! Выразил желание написать Ф.А. Степун, но я очень сомневаюсь, чтобы он выполнил это желание *теперь* — он, благодаря Гитлеру, сейчас в таком неопределенном (и, думаю, жестоком) положении, что ему, видно, не до писания рецензий⁶! Послезавтра возвращаюсь в Grasse и попрошу, чтобы Фондаминский написал Степуну — будет ли он рецензировать «Пролог». Крепко жму Вашу руку, дорогой Петр Михайлович!

Ваш

Ив. Бунин

Публикуется по автографу (на бланке гостиницы) (РО ИРЛИ). 10 июня 1933 г. Бунин, накануне специально для этого приехавший в Париж, участвовал в посвященном Тургеневу Дне русской культуры (Хроника. Т. 2. С. 440). Он уехал из Парижа 12 июня.

¹ Они были вызваны, по всей вероятности, чтением романа Кузнецовой «Пролог» (Париж: Современные записки, 1933), который был послан Бицилли с надписью: «Глубокоуважаемому Петру Михайловичу Бицилли. Г. Кузнецова» (РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 2. Ед. хр. 133; там же хранится экземпляр книги с дарственной надписью Кузнецовой секретарю Союза русских писателей в Болгарии Г.Ф. Волошину (1892–1937)). Очевидно, этому письму предшествовало не дошедшее до нас письмо Бицилли. См. запись Кузнецовой от 8 июня 1933 г.: «Нежданно-негаданно вдруг письмо от Олейникова с гонора-

ром за мой роман — 200 франков и открытка от Бицилли из Болгарии, в которой он поздравляет меня “с блестящим разрешением задачи, которую Вы себе поставили, — обновление формы автобиографического романа” и пишет, что хотел бы написать о нем в “Современных записках”» (Грасский дневник. С. 291).

² Кузнецова Г. Утро: Рассказы. Париж: Современные записки, 1930.

³ В данное время соредактор журнала «Современные записки» Илья Исидорович Фондаминский (Фундаминский; псевд. Бунаков; 1880–1942) жил при вилле Бельведер в собственной квартире.

⁴ Как и И. И. Фондаминский, Вадим Викторович Руднев (1879–1940) был соредактором журнала «Современные записки» и вел переписку с Буниным о его публикациях в журнале.

⁵ Имеется в виду первая редакция последней части (впоследствии «Книга пятая») романа Бунина «Жизнь Арсеньева», которая была опубликована в 1933 г. в № 52–53 «Современных записок». Под названием «Лица» эта часть романа вышла отдельной книгой в новой редакции в 1939 г. (Брюссель: Петрополис). 31 мая 1933 г. Руднев писал Бунину: «Хотя 52 кн. “С<овременных> з<аписок>” недавно только родилась, и даже присяжные критики еще по-настоящему ее обругать не успели, — начинаем думать о плане 53-й книжки. И тут как раз подоспело письмо Ильи <Фондаминского>, в котором он между прочим, м<ожет> б<ыть>, нарушая Ваш секрет, сообщал, что у Вас быстро идет работа над следующими главами “Арсеньева”... От всей души рад и за Вас, и за жажущих *скорейшего* продолжения читателей. И первая, конечно, мысль: вот бы в “Совр<еменные> зап<иски>” поспел бы роман, — м<ожет> б<ыть>, еще к 53-й книжке?» (РАЛ. MS. 1066/4861).

⁶ Возможно, речь идет о начавшихся с приходом Гитлера к власти преследованиях Федора Августовича Степуна (1884–1965), отрицавшего любые формы диктаторства, что закончилось в 1937 г. его отставкой с поста профессора социологии Дрезденской высшей технической школы без права чтения лекций и публичных выступлений. (Об отношениях и переписке Степуна с Буниным см. публикацию К. Хуфена и Р. Дэвиса в изд.: С двух берегов. С. 82–166.) 27 июня 1933 г. Степун напишет Бунину: «<...> по вопросу о рецензии. Руднев писал, что если я хочу написать статью для этого №, то должен прислать к 15-му июля. Из этого сообщения заключаю, что рецензию можно сдать и к 25-му. Время, значит, есть. Я написать могу и от написания *ни в какой мере* и степени (очень прошу этому верить и Вас и Галину Николаевну) отвиливать не собираюсь. Напишу я без особого труда приблизительно то, что писал в письме, но только поподробнее и пояснее. По совести же я думаю, что для Галины Николаевны выгоднее, если в “Совр<еменных> зап<исках>” напишет Бицилли. Он <...> не известен в качестве “страстного поклонника бунинского творчества”, для которого естественна роль “апологета” писательской школы Бунина. Его рецензия будет, таким образом, убедительнее для литературного Парижа. Итак, распоряжайтесь мною, как хотите» (С двух берегов. С. 101–102; письмо, на которое ссылается Степун, не сохранилось). См. также № 6.

6

И. А. БУНИН — П. М. БИЦИЛЛИ

14 июня 1933 г. Париж

14.VI.1933

Дорогой Петр Михайлович,

Вчера вернулся из Парижа и узнал, что Илья Исидорович уже написал Вам просьбу о рецензии на книгу Г. Н. Кузнецовой¹ — предположения мои

оправдались: Федору Августовичу действительно теперь не до рецензий. Значит, позвольте надеяться на Вас.

Хорошую рецензию на «Пролог» дал К.И. Зайцев в «России и славянстве»² — Вы, верно, видели. Меня немного огорчило только заглавие: «Женская доля». Разве дело в этой «доле»? И ничего не сказано об очень интересном (в смысле «женственности») образе Зины. Впрочем, о женских образах всегда пишут, к сожалению, только тогда, когда они сделаны резко, подчеркнута...

Всего доброго, сердечный привет!

Ваш Ив. Бунин

Villa Belvédère

Grasse, A<Ipes> M<aritimes>

Публикуется по автографу (РО ИРЛИ).

¹ Это письмо Фондаминского в архиве Бицилли не сохранилось.

² Зайцев К. Женская доля // Россия и славянство. 1933 (июнь). № 231. С. 4.

7

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ

19 июня 1933 г. София

София IV, Мусала 16

19 VI

Дорогой Иван Алексеевич, почти одновременно получил 2 Ваших письма¹ и письмо И.И. Фондаминского с поручением его дать рецензию на «Пролог»². Исполню это с величайшим удовольствием, т<ак> к<ак> книга эта мне чрезвычайно понравилась — и оригинальностью своей без оригинальничанья (последнее — редкость у соврем<енных> молодых писателей), и благородством манеры, и правдивостью — одним словом, всеми теми качествами, которые позволяют ее связать с русской классической литературой³. Всякое подобное явление радует как свидетельство, что преемственность русского литературного развития все же, несмотря ни на что, не нарушается. В частности — по поводу «Пролога»: любопытно, как — именно в русск<ой> литературе — прочно держится вид «романа-исповеди», «романа-автобиографии»: в России эта форма имеет гораздо больше образцов, чем в Зап<адных> литературах, укоренилась много прочнее и разрабатывалась в общем много удачнее. Мне кажется, что это следует объяснять тем, что русская литература была всегда значительно более, так сказать, «домашней», нежели «общественной», — литературой дворянских гнезд, а не Горо-

да, — и что генетически русский роман классического периода можно было бы связать с богатейшей, чудесной и до сих пор совершенно нецененной, как литературное явление, русской мемуаристикой 18-го века и начала 19-го. Этот вопрос как раз в последнее время меня сильно заинтересовал.

Очень меня огорчило Ваше сообщение о Степуне. С чего бы, кажется, ему пострадать? Он ведь не «марксист», ни идеологически, ни, насколько я слышал, в «расовом» отношении?

Прошу Вас передать мой поклон Г.Н. Кузнецовой и шлю Вам мой сердечный привет.

Искренно преданный Вам

П. Бицилли

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1895). Год установлен по сопоставлению с № 5–6.

¹ № 5–6.

² См. примеч. 1 к № 6.

³ Рецензия Бицилли была опубликована в следующем выпуске «Современных записок» (1933. № 53. С. 453–454).

8

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ

13 ноября 1933 г. София

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Алексеевич, как раз собирался сесть за письм<енный> стол и поблагодарить Вас за чудесный портрет¹, как пришли «П<оследние> нов<ости>» с сообщением о присуждении Вам Нобел<евской> премии². От всей души поздравляю Вас. Наконец-то догадались г.г. шведы!

Шлю Вам мой сердечный привет и прошу Вас передать мой поклон Вашей супруге, с к<ото>рой я познакомился когда-то, очень давно, в Швейцарии. М<ожет> б<ыть>, она еще помнит меня³.

Жму Вашу руку.

Ваш П. Бицилли

P.S. Я получил от Ваш<его> ближайш<его> соседа, Зурова, его книгу «Древний путь». Отрывки ее читал в «П<оследних> нов<остях>»⁴. Они мне очень понравились. Чрезвычайно приятно будет прочесть целиком⁵.

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ. MS. 1066/1896). Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Вероятно, имеется в виду почтовая карточка с фотографией Бунина, стоящего вполборота на набережной в Ницце в белой одежде и белой шляпе (в альбоме Бицилли

помещена перед письмом Бунина от 5 июня 1936 г.). На фотографии надпись Бунина: «Ив. Бунин. Ницца. 4.VIII.31». На обороте: «Дорогому Петру Михайловичу сердечный привет от Ив. Бунина 6.IX.193 <так!>. Grasse, A<Ipes> M<aritimes>».

² Известие о присуждении Бунину Нобелевской премии было оглашено Шведской академией 9 ноября 1933 г., и первые отклики на него появились в прессе 10 ноября. В данном случае речь идет о статье: <Демидов И.П.> Бунин — нобелевский лауреат // Последние новости. 1933. 10 ноября. № 4615. С. 1. 10 декабря 1933 г. в Стокгольме прошло вручение премий. В софийской газете «Голос» (1933. 14 декабря. № 467) было напечатано несколько статей по этому поводу, среди которых статья Бицилли «Творчество Бунина». См. также его статью «Иван Бунин като художник» (Литературен глас (София). 1933. 26 ноября. № 210).

³ Насколько известно, Бунин единственный раз была в Швейцарии «очень давно» вместе с Буниным и его двоюродным племянником, Николаем Алексеевичем Пушешниковым (1882–1939), проездом из России в Италию в начале ноября (н.с.) 1911 г. Они провели сутки в Люцерне и ночевали в Гёшенене (Göschenen) (см.: Бунин И. Письма 1905–1919. С. 186). Встреча с Бицилли в этот краткий промежуток документально не зафиксирована, а также не установлено, находился ли Бицилли тогда в Швейцарии (о его заграничных путешествиях до 1917 г. см. указ. в примеч. 2 к № 3 статью М.А. Бирмана (С. 652)).

⁴ Следующие фрагменты из романа Зурова «Древний путь» печатались в «Последних новостях» в 1933 г.: «Вечер» (28 января. № 4329. С. 2–3); «Веселое дело» (26 февраля. № 4358. С. 3–4); «Немцы», «Полюнь» (21 мая. № 4442. С. 4); «Конец Тимофея» (1 июля. № 4483. С. 4).

⁵ Рецензия Бицилли на книгу Зурова «Древний путь» (Париж: Современные записки, 1934) опубликована в «Современных записках» (1934. № 54. С. 460–461). В библиотеке Бицилли «Древний путь» отсутствует, но хранится роман Зурова «Поле» (Париж: Парижское объединение писателей, 1938) с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому Петру Михайловичу. Л. Зуров. 1938. Paris» с маргиналиями владельца (РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 2. Ед. хр. 102).

9

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ

15 февраля 1935 г. София

15 II 35

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Алексеевич, я как-то затерял письмо Вадима Викторовича, в котором он дал мне Ваш адрес¹, и поэтому не поблагодарил Вас своевременно за присылку 3-х томов Ваших рассказов² и поджидал оказии, чтобы сделать это. Перечень подряд напечатанные там вещи — старые и новые — было для меня большой радостью. Когда читаешь так, лучше видно их художественное единство, и «старые» вещи сквозь призму новых уже перестают быть «старыми»; все воспринимается как одно целое.

Шлю Вам и Вашей жене мой сердечный привет.

Искренно преданный

П. Бицилли

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1897).

¹ Ср. в письме Бицилли к Рудневу от того же 15 февраля 1935 г.: «Большая просьба к Вам. Я затерял Ваше письмо с адресом Бунина и потому позволяю себе приложить записочку к нему с благодарностью за присылку его книг» (РАЛ. MS. 1500).

² Речь идет о 7-м, 2-м и 3-м томах (вышли в таком порядке в октябре–декабре 1934 г.) собрания сочинений Бунина берлинского издательства «Петрополис». Хранятся (7-й и 3-й с владельческими надписями) в библиотеке Бицилли (РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 2. Ед. хр. 54, 49, 50).

10

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ

7 марта 1935 г. София

7 П 35

Дорогой Иван Алексеевич, примите мою искреннюю благодарность за присылку еще одного (V-го) тома Вашего «Соб<рания> соч<инений>»¹. Там нашел две вещи, которые в оное время прочел без достаточного внимания и которые сейчас прямо-таки потрясли меня: «Старуха» и «Отто Штейн»². До чего это и глубоко, и сильно, и, т<ак> ск<азать,> бьет в самую точку! И по смелости и новизне художеств<енного> замысла — поразительно. Хочется надеяться, что в это издание Вы включите и те литературные воспоминания Ваши, к<отор>ые печатались в «Посл<едних> новостях»³. Жму Вашу руку и шлю сердечный привет Вам и Вашей жене.

Искренно преданный

П. Бицилли

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ. MS. 1066/1898). Месяц установлен по почтовому штемпелю и по сопоставлению с № 9.

¹ *Бунин И.А.* Собрание сочинений. Т. 5: Господин из Сан-Франциско. Берлин: Петрополис, 1935. Дарственная надпись на книге: «Дорогому Петру Михайловичу поклон от автора. 2.III.35. Grasse, A<Ipes> M<aritimes>. Villa Belvédère» (РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 2. Ед. хр. 52).

² Эти же рассказы отмечены в рецензии Бицилли. См. вступ. ст.

³ См. № 11 и примеч. 1 к нему. В парижской газете «Последние новости» печатались воспоминания Бунина: «Чехов» (1928. 7 июня. № 2633. С. 2–3); «Эртель» (1929. 14 февраля. № 2885. С. 2–3); «О Чехове» (1929. 14 июля. № 3035. С. 2); «Заметки» (1929. 19 сентября. № 3102. С. 2–3; 1929. 9 ноября. № 3153. С. 2–3; 1932. 7 января. № 3942. С. 2); «Странствия» (1930. 25 декабря. № 3564. С. 2); «Петр Александров» (1931. 30 августа. № 3812. С. 2–3); «Записи» (1932. 6 марта. № 4001. С. 2–3; 1932. 10 июля. № 4127. С. 2); «Памяти Ивана Савина» (1932. 14 июля. № 4131. С. 3); «О Волошине» (1932. 8 сентября. № 4187. С. 2–3).

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ

26 сентября 1935 г. София

София IV,
ул. Мусала, 16
26 IX 35

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Алексеевич, получил X-ый том Ваш<их> сочинений, который Вы мне прислали, и от души благодарю Вас. Прочел сразу, не отрываясь, и как будто снова пережил весь этот омерзительный ужас, который отпечатлелся в Ваших «Записях». И как хорошо, что именно в этом томе помещены, в конце его, записи о Чехове и Толстом¹. Так получается полная картина русского прошлого: дикость, тупость, безответственность и словоблудие — и наряду с этим такое благородство, такая духовная красота, такое чувство ответственности. Некоторые из Ваших записей для истории русской «интеллигенции» дают больше, чем самые обширные исследования. Напр<имер>, список тех общих мест, которые считались признаками «блестящего изложения» с непременно присущей ему «жгучей иронией», и меня страшно порадовало совпадение: такой список я сам давно уже составил в уме и мог бы дополнить Ваш: «какой, с божьей помощью, поворот», «маленькие недостатки механизма», «сей муж» — когда дело шло о политическом противнике. Также хороши и «теплые» слова: «все лучшее, светлое, сознательное...»; статьи единомышленника всегда «глубокие по содержанию и блестящие по форме», а характер его всегда такой: «...но под этой суровой внешностью *крылась* чистая, младенческая душа, всегда *открытая* всему лучшему...».

Извините, что, кончая, протягиваю руку: у меня теперь имеются все до сих пор вышедшие Ваши томы, кроме XI-ого (1-ая часть «Ж<изни>Арсеньева»)². «Безумно» хочется получить и этот том.

Искренно преданный Вам
П. Бицилли

P.S. Сейчас закончил одну небольшую работу: об архаизмах и «простонародных» словечках в русском литературном и «общем» языке, для которой, между прочим, использовал немало примеров, подмеченных Вами. Надеюсь, что удастся ее напечатать, и тогда позволю себе послать Вам³.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1899). Возможно, этому письму предшествовало не дошедшее до нас письмо или письма Бунина. Во всяком случае, в архиве Бицилли хранятся 4-й и 6-й тома собрания сочинений Бунина с надписями соответ-

ственно: «Петру Михайловичу Бицилли. Ив. Бунин. Париж, 23.III.35» и «Ив. Бунин. 17-V-35. Paris» (РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 2. Ед. хр. 51 и 53).

¹ 10-й том собрания сочинений Бунина в библиотеке Бицилли не сохранился. Он назван по главному произведению «Окаянные дни» и содержит еще воспоминания «Чехов» (С. 211–240) (2-я часть соответствует опубликованным в «Последних новостях» воспоминаниям о Чехове — см. примеч. 3 к № 10) и «Толстой» (С. 241–254).

² Ср. № 15 и примеч. 2 и 4 к нему.

³ См. № 13 и примеч. 4 к нему.

12

И.А. БУНИН — П.М. БИЦИЛЛИ

17 марта 1936 г. Грас

Villa Belvédère,
Grasse, A<lpes> M<aritimes>
17.III.36

Дорогой Петр Михайлович,

А я «Дьявола» как раз и не читал никогда — это очень странно для такого поклонника Толстого, как я, но именно так: когда, чуть не 25 лет тому назад, вышли в свет его «посмертные произведения», мне некоторые из них показались столь неприятны своей детско-старческой поучительностью, добродетельностью и т.д., что мне было просто тяжело их читать: посмотрю и брошу. Хорошо помню, что именно так было и с «Дьяволом»: посмотрел первую страницу и бросил (это было на Капри, в <19>11 или <19>12 году, а издание «Посм<ертных> произв<едений>» было берлинское, Ладыжникова)¹. Так что те строки из «Дьявола», что действительно так похожи на строки о свидании Мити с Аленкой в «Мит<иной> любви», я впервые в жизни прочел только в *Вашей статье*². Как же объяснить это удивительное сходство? Очень просто, конечно: вся деревенская, усадебная жизнь наших мест (а мы ведь совсем земляки с Толстым), нашего среднепомещичьего быта, наших «господ» и их «дворни» была необыкновенно похожа, и мы с Толстым (т.е. я и Т<олстой>) взяли в данном случае нечто вполне «классическое» в смысле сводничества и любовного свидания.

Сердечный привет!

Ваш Ив. Бунин

P.S. Кроме того: свидание Мити с Аленкой (и сводничество старосты) почти «списано с натуры» — приблизительно так произошло «первое падение» одного моего племянника. Я отчасти воспользовался его рассказом об этом «падении» (ничуть, однако, не трагическом)³.

Публикуется по автографу (РО ИРЛИ).

¹ Речь идет об изд.: *Толстой Л.Н.* Посмертные художественные произведения / Пол ред. В.Г. Черткова: В 3 т. Берлин: J. Ladyschnikow Verlag, 1912. Первый том начинается повестью «Дьявол» (С. 7–63).

² По-видимому, это письмо было написано после чтения Буниным «Заметок о Толстом» Бицилли, в одной из которых («Бунин и Толстой») критик писал, главным образом, о связи «Митиной любви» с «Дьяволом» Толстого: «Вот два бьющих в глаза “родимых пятна”: Староста соблазняет Митю, подсмеивается над ним за то, что он “все монахом живет”, и предлагает свести его с девкой. Ср. в “Дьяволе” разговор о том же предмете Иртенева с охотником Данилой. Разница та, что здесь инициатива исходит от “героя”, — и далее Бицилли выписал параллельные фрагменты, относящиеся к «падению» героев Толстого и Бунина, тем и закончив свою заметку (Современные записки. 1936. № 60. С. 280–281).

³ Ср. запись Бунина 28 мая 1912 г.: «Ходили в Колонтаевку. Говорили, что хорошо бы написать историю Е. с Катькой. Как он потребовал, чтобы она, его любовница, подвела ему Настьку, — “а не то брошу тебя”. Лунная ночь, он с Катькой в копнах. Мать подсматривает, а разогнать боится — барин, дает денег» (РАЛ. MS. 1066/505; Устами Буниных. Т. 1. С. 103–104). Колонтаевка, имение Бахтеяровых, прежде принадлежавшее матери Бунина, описано в «Митиной любви» под именем «Шаховское» (об этом см.: *Муромцева-Бунина В.Н.* Жизнь Бунина: 1870–1906. С. 26, 36).

13

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ
20 марта 1936 г. София

София IV, Мусала 16
20 III 36

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Алексеевич, сейчас получил Ваше письмо¹ и приношу Вам за него мою искреннюю благодарность: оно послужило для меня толчком, чтобы освободиться от еще одной издавна привитой мне теории, — теории «родимых пятен», вернее, прийти к убеждению о необходимости продумать ее и обработать по-новому. Я уже давно, на личном опыте, убедился, как трудно, когда речь идет о совпадении в области научных или философских наблюдений и формулировок, ответить на вопрос: чем это объяснить? Заимствованием? влиянием? или параллельным движением мысли? Но я считал, что, для области художественного творчества, последнее предположение маловероятно, потому что здесь средства выражения бесконечно разнообразнее, и поэтому вероятность совпадений гораздо меньшая. Оказывается, что и здесь решающим является конгениальность поэтов, живописцев, музыкантов и т.д. Наличия влияний это, конечно же, не исключает, но факт первостепенной важности, Вами констатируемый, заставляет уточнить и подробнее разработать самое понятие «влияния» и, кажется мне, ввести в литературоведение, и вообще в науку об искусстве, еще одну катего-

рию «влияний». Что за категория — это должно, на мой взгляд, выясниться из Вашего примера. Вы объясняете это разительное совпадение «Мит<иной> любви» и «Дьявола» одинаковостью впечатлений, мировых условий, материалов Вашего и толстовского творчества. Но сколько других людей той же эпохи и той же среды были, наверно, свидетелями подобных случаев, и однако *так* описали их только двое! Я думаю, что конгениальность обуславливает собою то, что Бунину *не надо* было прочесть «Дьявола», чтобы написать «Митину любовь», но все же *надо* было прочесть «Анну Каренину», «Казаков» и «Крейцерову сонату»: иначе — «Митина любовь» не написалась бы. Другими словами: Толстой, т<ак> сказ<ать,> однажды *усвоенный* Буниным, ставший неотъемлемой частью его, Бунина, духовной субстанции, творчески рос и развивался в нем, но уже по-новому, «по-бунински», а не «по-толстовски», однако с известной закономерностью, которая и определила собою параллелизм рядов: от «Казаков» и «В<ойны> и мира» — до «Дьявола» и от «Деревни», «Суходола» — до «Митиной любви» и «Дела корнета Елагина». Считаясь с тем, на что Вы указываете, я делаю вывод, что, может быть, мое предположение о зависимости «Анны Карениной» от «M<ada>me Bovary» тоже ошибочно² и что, во всяком случае, не менее допустимо и другое: конгениальности Флобера и Толстого, благодаря чему Rousseau и Шопенгауэр как-то — не одинаково, но сходным образом — жили и росли в них обоих. Мне очень важно было бы знать, что Вы думаете на этот счет. Вы меня очень обяжете, если позволите мне сослаться на то, что Вы мне написали, в следующей, задуманной мною, статье для «Совр<еменных> записок»: это даст мне возможность исправить сделанную мною ошибку в моих домыслах касательно генезиса «Мит<иной> любви», а также послужит поводом для того, чтобы развить, применительно к некоторым фактам новейшей литературы, те соображения, какие я сейчас высказал. Повторяю, факт, засвидетельствованный Вами, на мой взгляд, исключительно важен: он заставляет пересмотреть всю историю художественного творчества и наставить немало вопросительных знаков там, где все казалось несомненным. Буду ждать Вашего ответа³.

Искренно преданный Вам

П. Бицилли

На днях получу из типографии и пошлю Вам мою небольшую статью о ходе развития русского литерат<урного> языка и литературы, где, между прочим, я широко использовал целый ряд данных о переживаниях, в новое время, языковых архаизмов, приводимых Вами в Ваших «Записях» и в других Ваших вещах⁴.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1900).

¹ № 12.

² В заметке «Бунин и Толстой» (см. примеч. 2 к № 12) Бицилли приводит несколько примеров того, как «чужое произведение — целиком или в отдельных частностях —

служит для художника *темой*, из которой органически, творчески преобразаясь, вырастает собственное, так, однако, что “родимые пятнышки”, выдающие происхождение, сохраняются. <...> Так именно тема “M<ada>me Bovary” развилась в “Анну Каренину”. И точно так же из толстовского “Дьявола” вышла “Митина любовь”.

³ Получив положительный ответ от Бунина (№ 14), Бицилли начал статью «Возрождение Аллегории» (Современные записки. 1936. № 61. С. 191–204) тремя ссылками на Бунина: «<...> И.А. Бунин писал мне <...>»; «Свидетельство И.А. Бунина <...>»; «Факт, достоверный И.А. Буниным <...>» (С. 191).

⁴ Вероятно, речь идет о статье Бицилли «К вопросу о характере русского языкового и литературного развития в новое время» (Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. София, 1936. Т. 32. Ч. 4. С. 1–46), выпущенной также отдельной брошюрой. Сохранился оттиск работы с дарственной надписью: «Дорогому Ивану Алексеевичу Бунину от автора» (РАЛ. MS. 1066/8431). См. начало № 16 о получении оттиска Буниным.

14

И.А. БУНИН — П.М. БИЦИЛЛИ

5 апреля 1936 г. Грасс

5.IV.36

Дорогой Петр Михайлович, сделайте одолжение, пожалуйста, возьмите в Вашу статью из того, что я Вам писал про «Дьявола» и «Митину любовь».

Очень интересно Ваше письмо, очень много сказал бы Вам насчет всего этого устно. А письменно — дело трудное.

«Чтобы написать “M<итину> л<юбовь>”, все же надо было прочесть “Анну К<аренину>”, “Казаков” и “Крейцерову сонату”. Конечно, без Толстого, без Тург<енева>, без Пушкина мы бы не писали так, как пишем. M<ожет> б<ыть>, только в этом смысле? А если говорить про «усвоенность» именно Толстого, то так ли это? Если бы Вы говорили о других моих рассказах, а не о «Мит<иной> л<юбви>», — главное, о прежних, давних, — дело иное; но дух, звук, некая пронзительная лиричность «M<итиной> любви» — и — как бы сказать без нескромности? — некая легкость, «тонкость», «модерность» ее и — стихотворность, что ли, — где ж тут Толстой? Не раз слышал: «от Тургенева что-то...». Но это уже совсем никуда. Йоты похожей, т.е. «родственной» нет!

Кстати: когда на что-нибудь мода, я «на́ зло» отвертываюсь от модного. Так было с Прустом. Только недавно прочел его — и даже испугался: да ведь в «Жизни Арс<еньева>» (и в «Истоках дней» и в том начале II-го тома, что я напечатал три года тому назад в «Совр<емненных> з<аписках>»¹) немало мест совсем прустовских! Поди, доказывай, что я и в глаза не видал Пруста, когда писал и то и другое²!

Обнимаю Вас, если позволите. Я Вас люблю и еще больше бы любил, если бы Вы не любили Блока (хоть он и талантлив, конечно), Ремизова (не-

стерпим и смехотворен при всех его усидчивых способностях) и еще некоторых³.

Ваш Ив. Бунин

Публикуется по автографу (РО ИРЛИ).

¹ См. примеч. 5 к № 5.

² Бунин преувеличивает. Как свидетельствуют дневники Буниной и Кузнецовой, уже летом 1929 г., когда Бунин заканчивал четвертую книгу «Жизни Аресеньева», вокруг него только и делали, что читали, переводили и обсуждали Пруста и книги о нем (27 июля 1929 г. Бунина получила от А.В. Бахраха «сундук» книг о Прусте» — РАЛ. MS. 1067/395). Особенно красноречивы две записи Кузнецовой, от 30 июня и 2 июля 1929 г.: «Мережковский <...> начал говорить со мной о Прусте в таком тоне: / — Да, гениально, гениально... И не художник при этом <...>. И.А. вмешался и сказал, что по его мнению Пруст в некоторых местах именно настоящий художник <...>»; «Все утро переводила Пруста (за чем я это делаю?). Чтобы заставить прочесть это и И.А. и поговорить с ним об этом <...>» (Грасский дневник. С. 110—112). (Кроме их дневников сохранились фрагменты машинописи перевода Пруста Кузнецовой с ее правкой от руки (РАЛ. MS. 1067/323—326) и тетрадь Буниной с выписками из Пруста и книг о нем (РАЛ. MS. 1067/489).)

³ Отрицательное отношение Бунина к Блоку и Ремизову (еще и Достоевскому) было устойчивым на протяжении многих лет и особенно часто проявлялось в его письмах к литературным критикам; см., напр., № 31—32 и некоторые его письма к Адамовичу от 1947—1949 гг. (И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. С. 66, 70, 79—80, 88—90, 92—93). Хвалебные отзывы, на которые намекает Бунин, не известны. См. также № 15—17, 31 и примеч. 1 к № 35.

15

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ

16 апреля 1936 г. София

16 IV 36

Дорогой Иван Алексеевич, шлю Вам и В<ере> Н<иколаевне> мои поздравления с Праздниками и наилучшие пожелания¹. Спасибо за разрешение использовать Ваше письмо. Сделаю это непременно. Вы совершенно правы в том, что письменно очень трудно обменяться мыслями. Но все же попробую. Я нахожу, что в том, что Вы сказали в Ваш<ем> последнем письме, нет никакого противоречия с тем, что я сказал — или хотел сказать — в моем. Конечно же, то, что Вы отметили у Бунина, — и еще многое другое — отсутствует у Толстого. Не будь этого — Бунин был бы не Буниным, а, т<ак> сказ<ать>, вторым изданием Толстого. Но это не исключает влияния одного на другого. Моя мысль была — и остается — такова: чем ярче, чем сильнее, чем своеобразнее творческая индивидуальность, тем открытее она всякого рода влияниям, потому что творческая одаренность неразрывно и в силу необходимости связана со способностью сочувственного понимания — недаром же уже древние поняли, что человек — это «микрокосм», «малый мир», потенциально включаю-

ший в себе «макрокосм». Поэтому чем больше в человеке осуществлено подлинно человеческое начало, тем больше в его творчестве случаев того, что я называю «родимыми пятнами», — и наоборот: у бездарных людей их нет совсем. Ограничимся областью литературы: можно ли найти такие «родимые пятна», *специфические* черточки, позволяющие говорить о духовном сродстве одного с другим, или о прямом влиянии одного на другого, у Боборыкина, Засодимского, Муйжеля, Шеллера-Михайлова и им подобных? Все они друг на дружку похожи, но чем? Общими местами, штампами, вербальными формулами. Они все, можно сказать, едят из общего котла. Совершенно согласен я с Вами в том, что *по духу* трудно найти писателей более несхожих один с другим, чем Бунин и Тургенев. Тургенев ведь наблюдал жизнь, т<ак> сказ<ать>, со стороны и вечно страдал какой-то своего рода душевной анемией. Но все же — в *одном* его можно сблизить с Вами: в мастерстве словесного живописания. В одном из Ваших произведений есть упоминание об этой черте русской литературы, которую Вы зовете «чувственностью», — восприимчивость к краскам, звучаниям, даже запахам, вкусам. Это характерно и для русской живописи. И вот с *этой* точки зрения, мне кажется, что наиболее характерно для русской литературы творчество Державина, Гоголя, Тютчева, Тургенева и Бунина, — хотя во всех других отношениях они между собою столь несхожи.

Вы меня упрекнули в пристрастии к Блоку и — Ремизову. Тут, что касается Ремиз<ова> — недоразумение. Откровенно говоря, читать его для меня мучение: какое-то сплошное — и притом вялое — юродствование. И все же: читаю его — и вот почему: он изумительно владеет всеми тонкостями русской речи самых разнообразных слоев, и он мне нужен в связи с тем, чем я долго занимался и продолжаю заниматься: историей — *реальной*, а не отвлеченной — русского языка.

Что до Блока, то он, признаю это, однообразен, часто небрежен. 0,9 того, что вошло в полное собрание его сочинений, не более как черновые наброски к нескольким стихотворениям, но в этих нескольких он мне кажется одним из величайших поэтических гениев.

Ради Бога, если Вам это не трудно, укажите мне, какие параллели Вы нашли у Proust'a и у себя. Для меня это чрезвычайно важно в связи с тем, на что Вы меня натолкнули: с истолкованием некоторых случаев «родимых пятен», как показателей *совпадений*, и, следовательно, наличия гегелевского «объективного духа», веющего в людях в данную эпоху. Я сам нашел только одну такую параллель: это воспоминания «Арсеньева» и прустовского «я» о том, как они учились наблюдать мир и усматривать аналогии между вещами². Кстати: то же самое Вы могли бы найти в записях Леонардо да Винчи³.

Дорогой Иван Алексеевич, мне очень совестно протягивать руку, но все-таки не могу удержаться: если есть у Вас лишний экземпляр «Жизни Арс<еньева>», подарите мне: у меня есть все тома Ваших сочинений, кроме этого⁴.

Искренно преданный Вам

П. Бицилли

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1901).

¹ В 1936 г. Пасха праздновалась 12 апреля.

² Когда Бицилли получил от Бунина экземпляр 11-го тома его собрания сочинений (Берлин, 1935), в котором была напечатана «Жизнь Арсеньева» (см. конец № 15 и примеч. 4), он отчеркнул последние строки кн. 2, гл. VII: «Это благодаря ей, этой уездной барышне, я и до сих пор не могу без волнения слышать запах табака, а она и понятия не имела никогда обо мне и о том, что я всю жизнь вспоминал от времени до времени и ее, и свежесть фонтана, и звуки военной музыки, как только слышал этот запах...» (С. 96); напротив них карандашная помета: «Proust» (РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 2. Ед. хр. 57).

³ Бицилли — автор введения «Идеен увод в светогледа и творчеството му» / «Идеен увод към светогледа и творчеството на Леонарда» к альбому «Леонардо да Винчи», который выйдет в соавторстве с известным болгарским художником и искусствоведом Кирилом Цоневым (1896–1961) в софийском издательстве «Българска книга» два раза в 1942 г. и третий раз в 1946 г.

⁴ Бунин исполнил просьбу Бицилли (см. примеч. 2), и когда в 1939 г. вышла заключительная часть «Жизни Арсеньева» «Лика», также прислал ее (РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 2. Ед. хр. 43).

16

И.А. БУНИН — П.М. БИЦИЛЛИ

16 мая 1936 г. Грасс

Grasse, A<lpes> M<aritimes>

16.V.36

Дорогой Петр Михайлович, простите, что так поздно отвечаю на Ваше письмо и благодарю за брошюру («К вопросу о характере рус<ского> яз<ыка> и лит<ературного> развития»)¹, которую прочел, конечно, с живейш<им> интересом: я был в Париже, — по пути в Польшу, куда визу мне дали оч<ень> охотно и крайне любезно, но где выступать мне вдруг не разрешили: «неко<торы> иностр<анные> писатели и ученые уже просили о выступлениях в Польше, им было отказано, так что сделать исключение для пана Бунина было бы некуртуазно»². Кроме того, я писал много — все наброски для книги о Толстом, кои, верно, брошу: писать интересно только выдумки. А основа книги такова: обреченность Т<олстого> на «выход из Цепи», на уход из жизни, а не из Ясной Поляны — и доказательства оной обреченности. А вот опять совпадение: *только на днях* нашел книгу «Совр<ременных> записок» 1928 г. со статьями о Т<олстом> — и прочел — впервые — Вашу прекраснейшую статью, столь удивительно кончающуюся³! Это то самое, что я сказал о Толстом в «Цикадах» в 1926 г. Видите, что на свете бывает! Просмотрите «Цик<ады>»⁴.

Тургенев — и я. Нет, опять говорю, нет. «Словесное живописание». У него именно живописание. А у меня — и, простите, — у Толстого та «чувственность», которую Вы цитируете из «Арсеньева».

Простите, что в прошлом письме полушутя (и некстати, неловко) вдруг написал Вам о Бл<оке> и Рем<изове>. Ремизов составляет по областн<ым> словарям (и вообще «из книг сличает», как говорит у меня дворовый в «Свя-тых»⁵) никогда не существовавший и не могущий существовать мерзейший русский язык (да еще и сам выдумывает гадкие и глупые слова), уже за одно за это надо его ненавидеть. «Один из величайш<их> русских поэт<ичес-ких> гениев» Блок — пусть Бог простит Вам это. Сколько в этом гении — ну, Вергинского, что ли. «Золотое, как небо, аи...» Тьфу!

Ваш Ив. Б.

P.S. Напишу как-н<ибудь> о Прусте. Да вот хоть путеш<ествие> Ар-сеньева в Севаст<ополь>, «в молодость отца»...⁶

Публикуется по автографу (РО ИРЛИ). В альбоме Биццлли между № 14 и № 16 находится фотография Бунина с дарственной надписью: «Дорогому Петру Михайловичу Ив. Бунин 23.IV.36 Grasse, Paris II.1936».

¹ См. № 13 и примеч. 4 к нему.

² О так и не состоявшейся поездке Бунина в Польшу см. его письма из Парижа к Буниной от 28 и 30 апреля 1936 г.: «Милая моя, с пол<ьской> визой дело нелегкое: решено *никого* не пускать из эмигрантов, “добьется, говорят, въезда на неделю и не хочет выезжать — мне, мол, некуда!” Для меня хотят сделать *исключение*, но шлют запрос в Варшаву. Завтра (в среду) узнаю результаты, — м<ожет> б<ыть>, посол в Париже разрешит своей волей»; «Милый голубчик, вчера опять мыкался — из Польш<ого> Консул<ства> в Посольство — и все напрасно. А нынче (четверг) внезапно дали визу<,> и я успел взять и транзитн<ые> визы — Бельгия–Германия. Взял и билет — на *вторник* 5-го мая — Nord-Express, выезд в 7 ч. 15 вечера, в Варшаву приезд *в среду* в 5 ч. 35 м. дня. Остановлюсь: *Hôtel Europe, Warszawa, Varsovie, Pologne*. Пиши туда» (РАЛ. MS. 1066A/102, 104); и его дневниковую запись от 8 мая 1936 г.: «Вернулся из Парижа позавчера. / В Польше читать мне не разрешили: “Просили писатели других держав”, — очевидно, русские, советские, — “мы не разрешали, так что разрешить Бунину было бы не курту-азно”» (РАЛ. MS. 1066/528).

³ Статья Биццлли «Проблема жизни и смерти в творчестве Толстого» (Современные записки. 1928. № 36. С. 274–304) кончается следующим образом: «Существует довольно простое объяснение пессимизма, к которому, после “Казачков ” и “Войны и мира”, пришел Толстой: он постарел и утратил вкус к “радостям жизни”. Какая этому объяснению цена, об этом говорит факт написания “Хаджи-Мурата”, этого могучего гимна жизни, после “Смерти Ивана Ильича” и “Крейцеровой сонаты”. До самой смерти Толстой тосковал по сознательно брошенной им работе демиурга, творца миров, брошенной именно потому, что эти миры продолжали для него быть полными “бесовской прелести”. <...> изнемогши в мучительных усилиях сочетать Добро с жизнью путем “тол-стовства”, — Толстой ушел туда, куда его тянуло с самого начала его деятельного и сознательного существования: в Смерть» (С. 303–304).

⁴ Видимо, Бунин имеет в виду фрагмент из «Цикад» (1925), где он сравнивает жизненный путь Будды, Соломона и Толстого с жизнью горилл и заключает, правда, не упоминая Толстого: «Все эти Соломоны и Будды сперва с великой жадностью приемлют мир, а затем с великой страстностью клянут его обманчивые соблазны. Все они сперва великие грешники, а потом великие святые <...>» (Современные записки. 1925. № 26. С. 93).

⁵ В рассказе «Святые» (1914) бывший дворовый слуга, странник и сказитель Арсенич отвечает на вопрос, не выдумал ли он свои истории: «Боже избави! Я все это по народу слышу да из книг сличаю-с».

⁶ См. «Жизнь Арсеньева» (кн. 4, гл. XV).

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ

5 июня 1936 г. София

5 VI 36

Дорогой Иван Алексеевич, спасибо за справку о «Цикадах» и моем произведении¹. Я-то «Цикады», наверно, прочел в свое время, так что очень возможно, что то совпадение, какое Вы нашли, — это у меня было результатом бессознательной реминисценции. Это со мной случается сплошь да рядом: воображаю, что что-то сам придумал, а нередко на поверку выходит, что уже раньше прочел у кого-нибудь. Это — общий психологический закон. Человеку свойственно забывать голые факты (год Полтавской битвы и т<ому> под<обное>); что же относится к области мысли, никогда не забывается в буквальном смысле слова: если кажется забытым, то, значит, вошло, т<ак> сказ<ать>, в плоть и кровь, стало «своим», т.е. лежит где-то на дне сознания и всплывает на поверхность тогда, когда нужно, по связи с ходом собственных мыслей. Если, наоборот, человек помнит, что то-то и то-то прочел там-то, то это значит, что полного усвоения не было.

Вы чересчур разграничиваете «чувственность» и «словесное живописание». Ведь последнее коренится в первом. Не случайно же мастерство «литературного пейзажа» приходится, в Европе, на время романтизма с его возвышением не только «страстей», но и «чувств» и «ощущений» (Bernardin de Saint Pierre, Chateaubriand, английские лирики²). Но только: у Тургенева «чувственность» не переходит в со-чувствование, в симпатию в полном и буквальном значении этого слова. В *этом* отличие его «чувственности» от толстовской. Катюшу Маслову ведут в суд по мостовой — и у Толстого за нее болят натруженные ноги, и он заставляет и нас ощущать то, что ощущает его Маслова и он сам вместе с нею. То же самое и у Вас: когда читаешь «Митину любовь», ощущаешь тяжесть револьвера, который берет в руку Митя. Тургенев же восприимчив исключительно к тонам, звуковым и световым, к запахам и т<ому> под<обному>. Внутри человека он не забирается, а потому, — так, по крайней мере, мне кажется, и душа человека для него закрыта.

Вижу я, что неясно Вам объяснил, что я ценю в Ремизове. Конечно, не художника. И Вы правы: слова он выдумывает уродливые, ненужные. Однако он это делает так, что тем самым вскрывает известные присущие языку *тенденции*. Кривое зеркало, помогающее увидеть, в какую сторону кривится рожа. Это экспериментирование, не доставляющее ни малейшего удовольствия, но все-таки весьма полезное для филолога. Всякое экспериментирование — насилие над материей, ее уродование; но это — вернейший способ постижения ее структуры. Также и по части синтаксиса немало есть у него таких поучительных нелепостей.

Насчет Блока я не могу ничего возразить Вам разумными доводами. Скажу только одно. Вы хорошо — и, конечно, много лучше меня — помните время российской «поэтической весны». Сколько было в начале нынешнего века «великих», «гениальных» поэтов — и какие грандиозные задачи задавали они человечеству! Будем как солнце!¹ — и еще почище этого. И вот, когда я впервые сподобился посвящения во все эти откровения, мне это все показалось словоблудием, кокетничанием, втиранием очков. Блок же сразу покори́л себе. Чем? Правду говоря, чем дальше, тем труднее мне это объяснить самому себе, ибо все очевиднее для меня становится то именно, что Вы говорите: постоянно он сбивается на Вертинского. И все же: за этой его формой, которую так легко окарикатурить, в которой наличествует столько элементов пошлости, есть что-то исключительно ценное, некий абсолютно значимый духовный опыт. Выразить этот опыт удавалось Блоку очень редко, и если бы как следует процедить его наследство, от нескольких томов осталась бы, вероятно, тоненькая тетрадка. «Вертинский» остался бы и в ней, но в меньшей пропорции и не заслонял бы собою настоящего, «умопостигаемого» Блока.

Жму Вашу руку и шлю Вам мой сердечный привет.

Искренно преданный

П. Бицилли

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1902).

¹ См. № 16 и примеч. 4 к нему.

² Имеются в виду, по всей вероятности, Байрон, Вордсворт, Китс, Кольридж и Шелли.

³ Бицилли вспоминает одну из главных символистских деклараций, стихотворение К.Д. Бальмонта (1867–1942) «Будем как Солнце! Забудем о том...» (1902), давшее название его сборнику «Будем как Солнце: Книга символов» (М.: Скорпион, 1903).

18

И.А. БУНИН — П.М. БИЦИЛЛИ

3 августа 1937 г. Париж

1, rue Jacques Offenbach
Paris 16

Дорогой Петр Михайлович,

Был бы очень рад, если бы Вас заинтересовало «Освобождение Толстого»¹ и Вы написали бы о нем в «Русских записках»: в «Совр<еменных> записках» будет отзыв Алданова², а насчет «Русских записок» Фондаминский просит меня обратиться к Вам³.

Сердечно приветствую Вас.

Ив. Бунин

P.S. Первая книга «Рус<ских> зап<исок>» только что пришла в Париж. Вторая выйдет через 2 месяца⁴.

Публикуется по автографу (РО ИРЛИ). Датируется предположительно по дате дарственной надписи в экземпляре «Освобождения Толстого» (см. примеч. 1).

¹ Бунин прислал Бицилли экземпляр книги «Освобождение Толстого» (Париж: YMCA-Press, 1937), подписанное: «Дорогому Петру Михайловичу от Ив. Бунина. 3.VIII. Париж». На этой книге больше, чем на какой-либо другой книге Бунина в библиотеке Бицилли, карандашных помет «NB»; кроме того, в нее вклеена газетная вырезка: *Бунин И.А.* Вера Толстого (Последние новости. 1937. 16 июня. № 5926. С. 2) (РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 2. Ед. хр. 46).

² Рецензия Алданова была напечатана в «Современных записках» (1937. № 64. С. 464–467).

³ О рецензии Бицилли (Русские записки. 1938. № 4. С. 199–200) см. № 19–21, 23–25. Переписка Бунина с редакцией «Современных записок» и «Русских записок» за 1937 г. не сохранилась.

⁴ О выходявших в Шанхае первых книгах журнала «Русские записки» см. примеч. 2 к № 24.

19

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ

11 августа 1937 г. София

11 VIII 37

Дорогой Иван Алексеевич, я был несколько дней в отлучке; возвращаясь в город, нашел Ваше письмо¹ и книгу². От души благодарю Вас за внимание. Книгу прочел в один присест; ничего подобного по глубине и силе о Толстом до сих пор не было писано. Прочитавши, сейчас же попробовал написать о ней — и теперь делюсь с Вами моими опасениями насчет того, что у меня получилось. Вот в чем дело: книга Ваша, на мой, по крайней мере, взгляд, столь значительна, говорит о столь глубоких проблемах — о «последних вещах», — что и в отзыве на нее нельзя не сказать о них. А в обычных рамках рецензии — как это сделать? Вышло у меня 3 страницы* — и я боюсь, что это покажется редакции слишком длинно. Кроме того: насколько я знаю, «Русские записки» предназначены для «широких народных масс», и, стало быть, изложение должно быть «популярным»³. Боюсь, что и с этой точки зрения моей статьей я редакции не ужоу. Впрочем, будь что будет. Попробую послать — авось напечатают. Я только не знаю адреса редакции. С Ильей Исидоровичем Фонд<аминским> давно не переписывался, поэтому не знаю и его адреса⁴. Поэтому,

* Нормального шрифта. Если петитом — будет, конечно, значительно меньше.

будьте добры, попросите его сообщить мне его адрес, или сами дайте его.
Еще раз — спасибо.

Жму Вашу руку и шлю Вам мой сердечный привет.
Искренно преданный
П. Бицилли

Обратите внимание на мой новый адрес⁵.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1903).

¹ № 18.

² См. примеч. 1 к № 18.

³ Ср. № 20.

⁴ Письма Бицилли к Фондаминскому не сохранились (утрачены со всем архивом последнего). В составе переписки Бицилли с другими редакторами «Современных записок» (с М.В. Вишняком и В.В. Рудневым) есть лишь одно (из 128) письмо Фондаминского, более позднего времени и по другому поводу. Письма Бицилли к Вишняку и Рудневу за всю вторую половину 1937 г. не сохранились, а следующее по времени письмо (январь 1938) написано Вишняком, который приглашал Бицилли в реформированные «Русские записки». См. изд.: «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из редакционной переписки: В 4 т. / Под ред. О.А. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Т. 2 (в печати).

⁵ См. начало № 21.

20

И.А. БУНИН — П.М. БИЦИЛЛИ

16 августа 1937 г. Париж

1, rue Jacques Offenbach
Paris 16
16.VIII.37

Дорогой Петр Михайлович, только что получил Ваше письмо, которое доставило мне большую радость: оно, во-первых, исходит от человека, писавшего о Толстом (о главной сути его творений и души) лучше и глубже всех¹ (тут вспоминаю еще Шестого²), а во-вторых, от того из *очень* немногих критиков и читателей, которые отнесутся к моей книге с интересом и вниманием (ибо кому нужно то, что в ней говорится? равнодушному ко всему на свете Адамовичу? на все на свете кисло взирающему Ходасевичу? всему на свете едко улыбающемуся внутренне Алданову?³). Очень благодарю Вас за Ваши добрые слова.

Сейчас говорил с Ильей Исидоровичем <Фондаминским> по телефону. Он просит Вам передать, что размеры Вашей рецензии для «Рус<ских> записок» могут быть какие Вам угодно и что «Рус<ские> зап<иски>» не

имеют ни малейшего желания служить «широким народным массам», быть вообще «популярными», — они будут во всем точь-в-точь как «Современные» зап<иски>». (Я написал бы Вам это и без разговора с ним.) Адрес Ильи Исидоровича — 130, Avenue de Versailles, Paris 16, «Русских записок» — Russian Annals, 118, Museum Road, Shanghai, China. Первую книгу их Вы получите на днях. Я спросил И<лью> И<сидоровича>: «Ну, а что, если Шанхай погибнет в войне⁴?» Он ответил: «Будем издавать “Русские» з<аписки>” в Париже». Кстати: издатель их — Михаил Наумович Павловский, богатый, оч<ень> крупный деловой человек из Шанхая, в свое время проделавший все, что полагалось когда-то русскому левому интеллигенту. Он уже месяца 2 живет в Париже, пробудет здесь до конца сентября⁵.

Сердечно обнимаю Вас — м<ожет> б<ыть>, до свидания: через два-три дня я еду в Сербию, буду там сперва купаться на Адриатическом берегу, потом побываю в Белграде, в Любляне, в Загребе, а потом, *может быть*, заеду в Болгарию. Адрес мой тамошний — на *Струве*: Яворска, 7, Београд⁶.

Ваш Ив. Бунин

P.S. Амфитеатров прислал мне письмо, полной тайной обиды на меня — и явной ненависти к Толстому: «всю жизнь не любил я этого *блажного* Льва!»⁷

P.<P.>S. Рецензию, полагаю, надо прислать в Париж.

Публикуется по автографу (РО ИРЛИ).

¹ См. вступ. ст., примеч. 31.

² Т.е. Шестова. Вероятно, Бунин вспоминает работы Льва Шестова (Льва Исааковича Шварцмана; 1866–1938): «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Нитше. Философия и проповедь» (1900) и «Разрушающий и создающий миры. По поводу 80-летнего юбилея Толстого» (1909).

³ Как бы то ни было, все три критика напечатают рецензии на «Освобождение Толстого»: Адамович — в «Последних новостях» (1937. 23 сентября. № 6025. С. 3), Ходасевич — в «Возрождении» (1937. 1 октября. № 4099. С. 9), Алданов — в «Современных записках» (1937. № 64. С. 464–467). См. также вступ. ст.

⁴ В ходе нападения Японии на Китай в 1937 г. японские военно-морские силы 8 августа начали осаду Шанхая, которая кончилась взятием города 11 ноября.

⁵ Михаил Наумович Павловский (ум. 1963) был издателем не только «Русских записок», но и ряда книг Тэффи (см.: Диаспора. Вып. 3. С. 551) и др.

⁶ Бунин провел последнюю декаду августа 1937 г. в Югославии (Раб, Сплит, Дубровник, Белград, Загреб, Любляна). Поездка отражена в ряде писем к Бунину Петра Бернгардовича Струве (1870–1944) (Переписка И.А. Бунина и П.Б. Струве (1920–1943). К 100-летию со дня их рождения / Публ. Г.П. Струве // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1968. Т. 2. С. 97–99), а также в хранящихся в РАЛ вырезках из рижской газеты «Сегодня» от 1 сентября 1937 г. (*Рыбинский Н.* Писатель о поездке на юг <...>). (Письмо из Белграда) — РАЛ. MS. 1066/8464) и из парижского журнала «Иллюстрированная Россия» от 18 сентября 1937 г. (*Р. И.А. Бунин в Югославии* — РАЛ. MS. 1066/8461). Рыбинскому Бунин скажет: «“Ехал я <...> к теплому морю с единственной целью отдохнуть, полежать на горячем песке под палящим солнцем...”». Но когда оказалось, что «<в> Венеции <...> нельзя было найти ни одной свободной комнаты» и «<до> предела переполненными оказались и все углы югославянского побережья Адриатики», Бунин поехал прямо в Белград. В «Иллюстрированной России» читаем: «Приезд И.А. Бу-

нина, несмотря на свою неожиданность и кратковременность, явился крупным событием в культурной жизни Югославии. / Сербские газеты поместили его портреты и обширные интервью. Югославянский “Пэнклуб” в честь гостя устроил обед, а председатель сербской Академии наук А.И. Белич — чай <...>. Союз русских писателей и журналистов чествовал Нобелевского лауреата завтраком, на котором с речами выступили: П.Б. Струве, А.Л. Погодин, И.Н. Голенищев-Кутузов. / После осмотра Белграда, визита к русским соколам и в другие русские организации И.А. Бунин совершил поездки в Опленец, к усыпальнице короля Александра, и на гору Авала, к могиле “Неизвестного солдата”» (заметка сопровождается фотографией Бунина в саду Русской делегации в Белграде с Беличем, Струве и женой В.Н. Штрандтмана — см. примеч. 1 к № 24).

⁷ Бунин не цитирует, а резюмирует письмо Александра Валентиновича Амфитеатрова (1862–1938) от 10 августа 1937 г. — как оказалось, последнее, полученное от него: «Дорогой Иван Алексеевич, / Спасибо, что вспомнили о моем существовании и прислали мне “Освобождение Толстого”. <...> Ваша книга, конечно, сделана мастерски и, по всей вероятности, подогреет культ Толстого-рассуждателя, в последние годы сильно пошедший на убыль. Не до того теперь миру сему. / Жаль, что Вас самого, — Вас, как Вас — мало слышно в Вашем сборном акафисте блажному Льву. <...> Мне в декабре будет 75 лет. Из них я ровно пятьдесят пять старался полюбить Толстого. Нет, не выходит. Пред гениальным творчеством преклонялся, преклоняюсь и буду преклоняться, а любить — что-то не струятся флюиды. И Ваша книга их не прибавила. Должно быть, для этого надо было сразу, мальчиком, влюбиться, как Вы, а потом поздно: рассудочность не позволяет. Как Вы его ни раскрашивайте толкованиями, а тяжелый был старик. <...> Желая Вам всего хорошего. / Ваш Ал. Амфитеатров». Не исключено, что Бунин особенно задел остроумный постскрипtum к письму — как оказалось, последние слова, адресованные ему Амфитеатровым перед смертью: «Не ирония ли судьбы: писать о Толстом, Будде и пр<очих> аскетах-моралистах, квартируя на улице... Жака Оффенбаха?!» (РАЛ. MS. 1066/1615).

21

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ

5 сентября 1937 г. София

София IV, Върбица 2
5 IX 37

Дорогой Иван Алексеевич, надеюсь, что я рассчитал время правильно и что это мое письмо отправляется Вам как раз вовремя. Хочется верить, что Вы не откажетесь от Вашего намерения и заедете в Софию. От Белграда ведь это — два шага. Моя жена¹ и я очень просим Вас, если приедете, остановиться у нас. Тут Вам будет покойно и удобно; квартира моя — в очень тихой и чистой части города, а вместе с тем — недалеко от центра. Напишите, когда приедете: я Вас встречу. Мой отзыв о Вашей книге послал уже недели две тому назад Илье Исидоровичу заказным пакетом, но он до сих пор не уведомил меня, получена ли моя рукопись и может ли она быть напечатана: как ни сжимался, все же вышло три — с хвостиком — страницы. Итак — ждем Вас².

Сердечный привет Вам и дорогому Петру Бернгардовичу.

Ваш П. Бицилли

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1904).

¹ Мария Тадеушевна (Тимофеевна) (урожд. Полянкевич, в 1-м браке Орехова; 1878–1959). Примерно с 1910 г. жила с Бицилли гражданским браком, обвенчались после смерти ее мужа П.Д. Орехова в 1918 г.

² К данному времени Бунин уже вернулся во Францию. По-видимому, Бицилли отправил письмо на указанный Буниным в № 20 белградский адрес П.Б. Струве, с которым он состоял в переписке (8 писем Струве к Бицилли за 1933–1940 гг. хранятся: РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. (Письма. Т. II)).

22

И.А. БУНИН — П.М. БИЦИЛЛИ

22 декабря 1937 г. Париж

1, rue Jacques Offenbach
Paris 16
22.XII.37

Дорогой Петр Михайлович,

Кланяюсь портретом, сердечно обнимаю. Всех благ к Новому году!

Сделайте мне большое одолжение: Галина Николаевна Кузнецова послала Вам с месяц тому назад книжку своих стихов («Оливковый сад»)¹ — напишите *мне* (совершенно откровенно) Ваше мнение о ней. Пожалуйста! Несколько слов²!

Заранее благодарю.

Ваш Ив. Бунин

Публикуется по автографу (РО ИРЛИ). К письму прилагалась фотография Бунина, на которой он запечатлен в пальто и шляпе, с надписью: «Дорогому Петру Михайловичу сердечно. Ив. Бунин. 22.XII.37. Ivan Bunin. Novembre 1937. Paris».

¹ Сохранился посланный Кузнецовой экземпляр сборника «Оливковый сад» (Париж: Современные записки, 1937) с дарственной надписью: «Многоуважаемому Петру Михайловичу Бицилли от автора. Париж. 1937 г.» (РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 2. Ед. хр. 133).

² См. № 23.

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ

28 декабря 1937 г. София

София IV, Върбица 2

28 XII 37

Дорогой Иван Алексеевич, поздравляю Вас и В<еру> Н<иколаевну> с наступающими праздниками и шлю мой сердечный привет. Спасибо за портрет¹. Письмо Ваше получил как раз тогда, когда сам собирался написать Вам: признаю, что это с моей стороны свинство — получивши уже давно «Оливк<овый> сад», не поблагодарил Г.Н. Кузнецову. Но я предварительно хотел внимательно прочесть ее стихи, а как раз в последнее время было немало разных другого рода неотложных дел. Сейчас все-таки прочел — и нашел много хорошего. Прежде всего — общий — как бы сказать? — тон, колорит, удивительно верно передающий «дух» средиземноморского побережья. Множество на редкость счастливых, оригинальных, смелых и метких метафор — напр<имер>, «сафьяновая кожа»² воды, «сухой шорох»³ фонтанов, вся 1-ая строфа «Ментонск<ого> порта»⁴, «дымный прибой»⁵ — и т.п. (привожу наудачу). Да, еще два места — самые лучшие: «... окаменевшим водопадом в лес текут скалистые отроги...»⁶, «... и в воздухе молчат концы ветвей раскрытыми сердцами нежных почек...»⁷. Кое к чему придрался: «... море под горой лежит внизу лазурным, *полным* дымом...»⁸ — мне неясно, подходит ли к дыму эпитет *полный*. В друг<ом> месте: «... *восходят* звезд сияющие *очи*»⁹. Опять-таки: могут ли *очи* — *восходить*? И похожи ли звезды на *очи*? «В небе *высоком* Лавры на солнце горят кресты...»¹⁰ — *высокий* здесь не условный ли, т.е. ненужный в общей связи, эпитет? Но это — мелочи. Важно то, что в целом «Ол<ивковый> сад» — это, как мне кажется, бесспорно, это чувствуется, — не упражнение в ловком стихотворстве, а настоящая поэзия. Т.е. — от каждого стихотворения там — получается *общее впечатление*; а затем уже добираться, чем и как оно вызвано: ничто не выпячивается, не «ошарашивает» само по себе.

А написать Вам я хотел еще вот о чем: рецензию на «Освоб<ождение> Толстого» я послал в указанный срок И.И. Фондаминскому заказным пакетом. Между тем в «Русск<их> зап<исках>» она так и не появилась. Вообще, как кажется, там упразднили библиографич<еский> отдел — вещь совершенно непонятная. Ведь в периодическом литерат<урном> издании библиографич<еский> отдел естественно является одним из самых важных.

Что же Вы не заехали, как собирались, в Болгарию? Очень это было мне досадно¹¹.

Жму Вашу руку.

Искренно преданный

П. Бицилли

P.S. Мне все же хотелось бы на «Осв<обождение> Толстого» отозваться. Если не суждено вообще моему отзыву появиться в «P<усских> зап<исках>», то я попробовал бы послать его в «Slavische Rundschau» или в «Slavonic Review»¹². Пусть бы И.И. Фондаминский вернул мне мою рукопись. Странно, что он не счел нужным известить меня ни о ее получении, ни о том, что случилось с нею.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1905).

¹ См. № 22.

² Из стихотворения «Мне с каждым часом мир дороже...».

³ Из стихотворения «Осенняя муза».

⁴ Стихотворение «Ментонский порт» начинается: «Средь гор, темнеющих неясно, / Вода струится черным маслом, // И золотым веретеном // Огни судов трепещут в нем».

⁵ Из стихотворения «Глухие слезы по щекам бегут...».

⁶ Из стихотворения «Горы».

⁷ Из стихотворения «И вот уже над кровлями тусклей...».

⁸ Из стихотворения «Сияет даль, и море под горой...».

⁹ Из стихотворения «В прохладной и пустынной синеве...».

¹⁰ Из стихотворения «Город широких улиц...».

¹¹ См. № 24.

¹² Бицилли не печатался в лондонском научном журнале «Slavonic Review/Slavonic and East European Review» (изд. с 1922 г.), но в берлинско-пражском «Slavische Rundschau» (1929–1940) появились его работа «Das Schaffen Čudomirs und der bulgarische Humor» (1938. Bd. 10. S. 167–176) и рецензия на работы Д.Н. Стремоухова о Владимире Соловьеве и Тютчеве (1939. В. 11. S. 82–83).

24

И.А. БУНИН — П.М. БИЦИЛЛИ

3 января 1938 г. Париж

1, rue Jacques Offenbach
Paris 16
3.I.1938

Дорогой Петр Михайлович,

С Новым годом — дай Вам Бог всех благ земных в нем.

Очень, очень благодарю Вас за внимание, с которым Вы отнеслись к книге Г.Н. Кузнецовой, и за радость, которую Вы дали нам с ней Вашим отзывом.

Я и до сих пор жалею, что не заехал из Сербии в Болгарию, и прошу прощения, что не поблагодарил Вас за Ваше любезное приглашение. Но я в Сербии простудился, — было что-то небывалое для такой поры в Сербии — «лютые» холода и дожди, и я не совсем погиб, только благодаря «лютой» сливовице, но все-таки сбежал оттуда, с великим сожалением не восполь-

зовавшись и другим приглашением — Его Высочества Князя Павла — захватить к нему в Блэду¹.

И.И. Фондаминский говорил мне, что получил Вашу рецензию обо мне, но она запоздала во 2-ую и 3-ю книги «Русск<их> зап<исок>» из-за «событий». Теперь слышу, что Павловский (из Шанхая), издающий эти «Р<усские> зап<иски>», хочет их переводить в Париж и издавать — под редакцией Милюкова²!

Сердечно жму Вашу руку, кланяйтесь всему Вашему дому.

Ваш Ив. Бунин

P.S. Насчет «Рус<ских> зап<исок>» напишу Вам на днях точно. Если все это дело с Милюковым выйдет, то, конечно, библиографич<еский> отдел в журнале будет, и даже очень богатый (слова М.А. Алданова). Я был бы очень рад, если бы Вы тогда написали о Г.Н. Кузнецовой рецензию для «Р<усских> записок»³. Не могу не поделиться с Вами тем, что написал мне о ее книжке В.И. Иванов. Прилагаю выдержки из его письма ко мне⁴.

Публикуется по автографу (РО ИРЛИ).

¹ Надо: Брдо. Подробнее об этом эпизоде см. письмо Бунина из Канн от 2 сентября 1937 г. к находящейся в Париже Буниной: «Не сердись, голубчик, что я не писал тебе — уж очень замотали меня в Сербии, да и тут мотают — “поклонниц” оказалось без числа, да и много я езжу повсюду. <...> В Сербии, в день моего отъезда из Белграда, было получено извещение от Двора Князя Регента Павла, что он желает меня видеть, что в Люблянду будет за мной прислан королевский автомобиль, а я взял да сбежал из Любляны: — утром извещения от Двора (он сейчас под Любляной) еще не было, я и воспользовался этим. Получил бы Савву 1-ой степени, да Бог с ними, с орденами» (РАЛ MS. 1066А/145). В середине сентября 1937 г. Бунин послал кн. Павлу одну из своих книг через влиятельного в правительственных кругах Югославии Василия Николаевича Штрандтмана (1877–1963) (см. письмо Штрандтмана к Бунину от 12 сентября 1937 г. — РАЛ. MS. 1066/5210) и получил благодарственное письмо от кн. Павла (РАЛ. MS. 1066/4549).

² На титульном листе № 1–3 журнала «Русские записки» он определяется, по образцу «Современных записок», как «Общественно-политический и литературный журнал. При ближайшем участии Н.Д. Авксентьева, И.И. Бунакова, М.В. Вишняка, В.В. Руднева». Однако с № 4 на титульном листе стоит «Ежемесячный журнал. Под ред. П.Н. Милюкова». Двойное место издания (Париж—Шанхай) тоже заменяется одним Парижем. До 1939 г. вышел 21 номер журнала.

³ Рецензии на «Оливковый сад» в библиографии работ Бицилли нет. В его экземпляре карандашными галочками отмечены следующие стихотворения: «Город широких улиц...», «Дарданеллы», «Турецкое кладбище», «Русь», «И я жила, за днем встречая день...», «Ты привез меня в зубчатый замок...», «Покидаю наш край счастливый...», «Опять, опять в ветвях тяжелых пальм...», «Спокойная и грустная отрада...», «Застыла ночь, над облаком ветвей...», «Горят цветы на сером камне стен...», «Все течет, проходит, блекнет, вянет...», «О, как сегодня ночь смутна, бледна!..», «Колоколов протяжный разговор...», «Выйди на старую площадь...», «Чем так пленяет мрачный мыс...», «Пустое море, дикий светлый мыс...», «В сыром пару теряется гора...», «В большой, тяжелой книге бытия...», «Да, где-то в снах туманных, в старину...», «Я давно ни о чем не прошу, ничего не желаю...», «Я возвращалась в сумерки. Над садом...». Кроме того, в библиотеке Бицилли остался номер «Современных записок» с рецензией на эту книгу

М.О. Цетлина (1937. № 65. С. 430—431). В ней внимание Бицилли остановило одно из начальных предложений: «Прежде всего хочется отметить их неподражаемость» — слово «неподражаемость» Бицилли подчеркнул и напротив поставил «?!» (РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 2. Ед. хр. 515).

⁴ К письму прилагалась машинописная копия (автограф — РАЛ. MS. 1066/3027) письма Вячеслава Ивановича Иванова (1866—1949) с рукописными вставками Бунина (адрес, дата и место написания письма, латиница, подчеркивания) и его пометой: «Подчеркнутое подчеркнуто В.И. Ивановым»:

«Venceslas Ivanov, 61, Via di Monte Tarpeo
Дорогой Иван Алексеевич!

...Книжка Г.Н. Кузнецовой — *весьма талантливая книжка*; немало в ней настоящей поэзии и настоящего чувства форм. Вышла она из Вашей школы: отсюда этот определенный рисунок, этот красочный хроматизм, эта склонность говорить о душевном языке пейзажа. “Ut pictura poesis”. Но, помимо живописи, есть в книжке и то главное, что в собственном смысле делает *стихи стихами*; а именно: звуковая форма. Вот два случайных примера наудачу:

Я распахнула ставни —
Где неба блеск недавний?
Какой неожиданный вид!
Весь сад летучим снегом,
Безмолвным мягким бегом
Куда-то *вниз скользит*.
Что так светло и странно
Вдруг вспыхнуло во мне?
А сад летит в окне
Неслышно и туманно.

Это “светло и странно” — о *звуковой волне*.

Опять на взгорьях тонкая трава,
В пустых аллеях теплый ветер веет,
И мраморной богини голова
Над чашами, где пар и синева,
Узлом высоких кос своих белеет.
И я гляжу на этот синий дым,
На гладкие колонны темных буков,
На темный луг, *легко сходящий* к ним,
И за волненьем сладостным моим —
Рождение мучительное звуков.

И везде почти так: сначала зрительное, пейзажное впечатление; тотчас затем “душа стесняется лирическим волненьем, трепещет и звучит”. Лучшее пробой звуковой формы является, быть может, белый стих, — и он поэтессе хорошо удается:

...что-то грустно
Мне в это лето. Сердце ль стало старше,
Душа ль трезвее от суровых мыслей,
Но сумрачней, спокойней и мудрей
Смотрю на мир, сияющий, прекрасный,
Бессмысленный, как песня соловья.

Вторая часть сборника лучше первой; хороши провансальские описания. Не по душе мне дружба поэтессы с этой *парвеню на Парнасе*, который именуется “ассонанс”. Всякая приблизительность противна строгой технике, и ассонансами позволительно

пользоваться — умело и осторожно — только в том случае, когда они представляют собою особую музыкальную ценность; ибо *порою* они могут звучать пленительно — отзвучием неопределенным и заглушенным, как “шум волны, плеснувшей в берег дальний”. И мне нравятся у Кузнецовой строки:

Покидаю наш край счастливый,
Наших гор серебряный гребень,
Голубое стекло залива,
Эти мачты на светлом небе.
Ты один возвратился в гавань,
Взглянешь: в море маяк сургучный (!) —
О, моя единая слава!
Где ты веешь, мой ветер звучный?

Ну вот Вам мой отчет, дорогой Иван Алексеевич.
Душевно преданный Вам
Вячеслав Иванов».

25

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ

11 января 1938 г. София

11 I 38

Дорогой Иван Алексеевич, большое спасибо за присылку отзыва В. Иванова. Меня очень обрадовало, что мое впечатление от стихов Г.Н. Кузн<ево>вой сходится с впечатлениями таких тонких и компетентных ценителей, каковы В. Иванов и Адамович¹. Это придаст мне смелости, чтобы высказаться в печати — если представится возможность — об «Ол<ивко-вом> саде», что я сделаю, разумеется, с большим удовольствием, т<ак> к<ак> всегда приятно писать о произведениях, которые не только талантливо, но и, т<ак> сказ<ать>, симпатичны — чем? своей искренностью, отсутствием внешнего щегольства, кокетничанья, самолюбования, одним словом — «хорошим тоном», что всегда — а теперь, кажется мне, в особенности — большая редкость. Позволю себе сказать, что придирка Иванова насчет злоупотребления ассонансами кажется мне черезчур педантической и *vieux jeu*². Чем ассонанс хуже рифмы? И к тому же ассонансы давно уже вошли в поэтический обиход — и с полным правом, т<ак> к<ак> ассонанс, пожалуй, еще ярче подчеркивает смысловую сущность слова, выраженную его звуковой оболочкой, чем рифма.

Очень меня заинтересовало Ваше сообщение о дальнейшей судьбе «Русских записок». Было бы хорошо, если бы новые их хозяева поняли, что пора отделаться от устарелого российского предрассудка, будто «хороший» журнал должен быть непременно «толстым». «Худой» журнал может тоже быть «хорошим» — и во всяком случ<ае> одного «толстого» по нынешним

условиям предостаточно. Гораздо было бы лучше, если бы новый русск<ий> журнал был построен по типу «Nouv<elle> Revue Française»³ — выходил бы чаще и не был бы перегружен длинейшими статьями о Блюме, о социал-демократии, о великих чешских мыслителях и т<ому> под<обным>⁴. Это, по-моему, и практичнее: к ежемесячнику читатель скорее привыкнет, нежели к журналу, выходящему как некая случайная редкость; регулярно и часто выпускаемый в свет журнал может для читателя стать потребностью. Надо, наконец, считаться и с тем, что в наше время — спрос на короткие писания, а не на длинные; на последние у читателя просто не хватает времени. Поэтому все, что вне «беллетристики», должно быть, по-моему, облечено в форму «essai»⁵, «записей» — как в большинстве нынешних иностранных журналов.

Жму Вашу руку и шлю Вам мой сердечный привет.

Искренно преданный

П. Бицилли

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1906).

¹ По-видимому, Бицилли успел прочесть краткую рецензию Адамовича на «Оливковый сад», опубликованную после написания № 24: *Г.А. <Адамович Г.В.> «Оливковый сад» // Последние новости. 1938. 6 января. № 6130. С. 3.*

² старомодной (*фр.*).

³ Авторитетнейший в свое время в интеллектуальных кругах Франции журнал «Nouvelle Revue Française» выходит (с перерывами) с 1909 г., когда его первым редактором был Андре Жид. С 1953 г. называется «Nouvelle Nouvelle Revue Française».

⁴ Возможно, Бицилли намекает на такие недавние статьи в «Современных записках», как «Опыт Блюма» (№ 62. С. 344–357) и «О социализме, советском и ином» (№ 64. С. 374–392) М.В. Вишняка и «Масарик — философ демократии» Н.Д. Авксентьева (№ 65. С. 282–287).

⁵ очерка, эссе (*фр.*).

26

И.А. БУНИН — П.М. БИЦИЛЛИ

30 ноября 1946 г. Париж

30.XI.46

Дорогой Петр Михайлович, где Вы? Живы ли, здоровы ли? Страшно буду рад, если отзоветесь! Мы уже 1½ года в Париже, 5½ провели безвыездно в Грассе¹, голодали, холодали ужасно, а я все-таки писал и писал, написал большую книгу рассказов, которая только что вышла по-русски² и выходит по-франц<узски> и англ<ийски>³.

Обнимаю Вас!

Ваш Ив. Бунин

Публикуется по автографу (открытка) (РО ИРЛИ).

¹ Бунины прожили в Грассе сначала на вилле Бельведер с апреля 1939 г., а потом на вилле Жаннетт с конца сентября 1939 г. (за исключением попытки бегства в июне–июле 1940 г.) до конца апреля 1945 г. и с тех пор жили в Париже.

² В Грассе во время войны Бунин написал часть рассказов, составивших сборник «Темные аллеи». Ее первое издание состоялось в Нью-Йорке в 1943 г.; в данном случае Бунин имеет в виду второе, значительно дополненное издание (Париж: La Presse Française et Étrangère, 1946).

³ 20 из 38 рассказов «Темных аллеи» вошли в изд.: *Bunin Ivan. Dark Avenues and Other Stories / Translated from the Russian by R. Hare. London: John Lehmann, 1949*). О несостоявшемся французском издании «Темных аллеи» см.: Диаспора. Вып. 3. С. 614. Подробнее о переводах «Темных аллеи» на английский и французский языки см. изд.: *Reese H. Ein Meisterwerk im Zwielficht. Ivan Bunins narrative Kurzprosa-verknüpfung *Temnye allei* zwischen Akzeptanz und Ablehnung — eine Genrestudie. München: Otto Sagner, 2003. S. 295–304.*

27

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ

19 декабря 1946 г. София

19 XII 46

Дорогой Иван Алексеевич, как же Вы обрадовали меня Вашей открыткой. Уже давно из «Русских новостей» узнал, что Вы в Париже, что выпускаете в свет новый сборник рассказов, участвуете в выходящих там русских альманахах¹, — и сейчас же написал Г.В. Адамовичу, в редакцию этой газеты, с просьбой сообщить мне Ваш адрес, но до сих пор не получил от него ответа. Возможно, что мое письмо к нему — или его ко мне — пропало². Вы спрашиваете, жив ли я. Как Вам сказать? Трудно назвать человеческой жизнью то состояние троглодита, в каком я нахожусь вот уже шестой год, скорее — «существование», прозябание, «survie»³. Единственное, что еще связывает с жизнью, это — Толстой, Пушкин, Бунин, Чехов, Есенин, Некрасов, живущие на моей книжной этажерке и спасающие меня в часы, когда тоска доходит до последнего предела.

Радуюсь за Вас тому, что книга Ваша уже вышла в свет. Я успел напечатать в нашем здешнем университетском ежегоднике несколько статей по русской литературе — о Чехове, о Пушкине и др. (конечно, на русском же языке); постараюсь через французскую легацию переслать Вам их отдельные оттиски⁴.

Очень прошу Вас, если можете, написать мне подробнее о себе, о наших общих знакомых и о Ваших впечатлениях от пережитого за эти страшные, воистину апокалипсические, последние годы.

Я по-прежнему профессорствую в здешнем университете, читаю лекции по истории Европы Нового времени⁵ — правду говоря, с отвращением, потому что убедился, что главный фактор истории — это — человеческая глупость, тупоумие, а подчас — просто безумие.

Большое спасибо Вам за то, что вспомнили обо мне. Шлю мой сердечный привет Вам и Вашей супруге.

Ваш П. Бицилли

NB Мой нынешний адрес: ул. Алеко Константинов, 1⁶.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1907).

¹ Имя Бунина нередко фигурировало в выходящей в Париже с 18 мая 1945 г. газете «Русские новости». Особенно много материалов, посвященных его 75-летию, вошло в № 26 от 9 ноября 1945 г. Возможно, под «альманахами» Бицилли имеет в виду «Русский сборник» (см. № 30 и примеч. 5 к нему).

² Адамович был сотрудником «Русских новостей» в 1945–1949 гг., но писем Бицилли в его бумагах не сохранилось.

³ выживание (*фр.*).

⁴ См. № 28 и 30 (и примеч. 7 к нему).

⁵ Список лекций, которые Бицилли читал в Софийском университете, приводится в изд.: *Мещерский А. П.* Заметки и материалы к библиографии русских ученых в Болгарии. 1920–1949 // *Бицилли П. М.* Трагедия русской культуры: Исследования. Статьи. Рецензии / Сост., вступ. ст., коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 584–586.

⁶ Бунин послал № 26 на довоенный адрес Бицилли (см. начало № 23).

28

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ
30 января 1947 г. София

30 I 47

Дорогой Иван Алексеевич, как же Вы обрадовали меня Вашей посылкой!¹ Читал и изумлялся: такая оригинальность построения — подобно музыкальной «теме с вариациями» — и такое художественное совершенство. Кстати: тут еще для меня одна загадка, которой до сих пор разгадать не могу. Я не знаю в западной литературе — в области художественной прозы — ни одной вещи, которую можно было бы поставить наравне с «Пиковой дамой», «Таманью», «повестью» о соре Ив<ана> Ив<анови>ча с Ив<аном> Никифоровичем, с чеховским «Архиереем», со «Смертью Ив<ана> Ильича», наконец, с «Жизнью Арсеньева» и с «Темными аллеями» — и именно с точки зрения их *совершенства*: нет ни одного слова, которое можно было бы заменить другим; ни одной фразы, которую можно было бы вычеркнуть. Чем это объяснить? Почему именно в России художественная

проза достигла этого совершенства, благодаря которому эти вещи действуют на нас так, как, скажем, прелюдии Баха или луврская «Самофракийская победа»? Позволю себе одно замечание. В том месте, где Вы на полях поставили крест, я бы заменил в слове *подлость* одну букву другою: вместо *д* — *ш*². Это потому, что не только подлец, но и пошляк — а их куда больше на свете, чем подлецов, — ничего не поймет в «Темных аллеях», потому что для пошляка-дурака «все понятно», все «само собою разумеется»; для него не существует «второго плана бытия», той страшной и вместе чарующей загадки этого союза любви и смерти, т.е., в сущности, загадки самой жизни, о которой говорил Баратынский³ и которая с такой яркостью выражена у Вас. Он, разумеется, и не заметит заключительного аккорда, раскрывающего смысл всей этой Вашей вещи, — слов мальчика: «Кто влюбился, стреляет в себя»⁴ (цитирую на память: Ваша книга сейчас у моей дочери⁵).

Сейчас читал дневник Андре Жида за последние годы. Удивило меня место, где он упоминает о своей беседе с Вами: «Son (т.е. Ваш) culte pour Tolstoï me gêne autant que son mépris pour Dostoïevski, pour Chtchédrine, pour Sologoub. Décidément, nous n'avons pas les mêmes saints, les mêmes dieux»⁶. И далее — его замечания о Толстом⁷. Непонятно, как такой умнейший человек, как Gide, и такой тонкий художник, не понял всего величия Толстого. И еще одно: непонятно, как он ставит на одну доску Достоевского и — Сологуба! Думается, к тому же, что он выразился не совсем правильно, говоря о Вашем *презрении* к Достоевскому и Салтыкову. Что до Достоевского, то у меня лично к нему какое-то, так сказать, двойное отношение: я преклоняюсь перед его гениальностью, некоторые вещи его меня потрясают, но *полюбить* его я не могу. Он мне чем-то *антипатичен*. Салтыков же — нет. Читать его сейчас, конечно, мучение: он был чересчур уж журналистом, «очеркистом», и все же не впадал в такую пошлость, что имеется у Достоевского в «Дневн<ике> писателя» или в «Униженных и оскорбленных». Недавно напечатал в здешнем университетском ежегоднике небольшую статью о некоторых аспектах творчества Достоевского. На днях pošлю ее Вам вместе с кое-чем другим, что удалось напечатать там же⁸.

Желаю Вам всего лучшего и шлю Вам мою искреннюю благодарность и мой сердечный привет.

Ваш П. Бицилли

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1908).

¹ Вероятно, речь идет о присланной Буниным книге «Темные аллеи» с дарственной надписью «Дорогому Петру Михайловичу от старого друга Ив. Бунина. 9 янв. 47 г. Париж» (РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 2. Ед. хр. 58).

² В экземпляре «Темных аллеи», присланном Бицилли, Бунин черными чернилами поставил крест напротив следующих строк рассказа «Генрих»: «Сочинитель имеет такое же полное право быть смелым в своих словесных изображениях любви и лиц ее, каковое во все времена предоставлено было в этом случае живописцам и ваятелям: только подлые души видят подлое даже в прекрасном или ужасном» (С. 170).

³ Возможно, Бицилли имеет в виду не Баратынского, а Тютчева, в стихотворении которого «Близнецы» (1851) содержится едва ли не парафраз цитаты, приводимой Бицилли в следующем предложении.

⁴ Ср. в рассказе «Часовня» (1944) из только что полученного Бицилли сборника: «— Он был очень влюблен, а когда очень влюблен, всегда стреляют себя...» (С. 325).

⁵ Дочь Бицилли Мария Петровна (1917–1996), преподаватель русского языка в гимназиях и Софийском университете, была замужем за библиографом и библиофилом Андреем Павловичем Мещерским (1915–1992).

⁶ «Его (т.е. Ваше) преклонение перед Толстым смущает меня так же, как и <Ваше> пренебрежение к Достоевскому, Щедрину, Сологубу. Определенно, у нас разные святы, разные боги» (*фр.*).

⁷ По-видимому, у Бицилли был экземпляр изд.: *Gide A. Journal 1939–1942*. Paris: NRF/Gallimard, 1946. Он цитирует фрагмент записи от 28 августа 1941 г. (С. 152) и ссылается на запись от 10 сентября 1941 г., где Жид размышляет о Толстом после ознакомления с французским переводом «Освобождения Толстого» (*Bounine Ivan. La Délivrance de Tolstoï / Traduit du russe par M. Slonim*. Paris: Gallimard, 1939) (С. 155). О Бунине и Жиде см. также публикацию их переписки, хранящейся в РАЛ (MS. 1066/2770–2783) и парижском архиве Жиды (Bibliothèque Jacques Doucet. Fonds Gide): *Steel D. Conversations a Grasse. André Gide et Ivan Bounine. Avec neuf lettres inédites // Bulletin des Amis d'André Gide*. 2009. Vol. 37. № 164. P. 513–534.

⁸ См. № 30 и примеч. 7 к нему.

29

И.А. БУНИН — П.М. БИЦИЛЛИ

12 февраля 1947 г. Париж

12.2.47

Дорогой Петр Михайлович, я уже месяца полтора *очень* болен — грипп с всякими его осложнениями, от которых только последние дни понемногу прихожу в себя, — простите, пожалуйста, поэтому, что не ответил на Ваше письмо от 19 дек<абря>¹. Вчера получил второе Ваше письмо² — и спешу от всей души поблагодарить Вас за ту большую радость, что доставило мне оно Вашими добрыми словами о «Темн<ых> аллеях». На днях надеюсь уехать на Ривьеру на отдых, на поправку и написать Вам оттуда более толково и подробно³. Пока скажу одно — годы войны мы провели так же, как и Вы, конечно, в смысле моральном, а физически в голоде, в холоде жесточайших (5 лет без выезда, в Грассе, то под итальянцами, то под немцами). Вы, я думаю, остаетесь в Болгарии? Мы остаемся пока во Франции (в надежде перебраться впоследствии в Швецию или в Швейцарию⁴). Нас очень звали в Америку⁵, потом в Россию, сулили много, много благ, но куда ж нам с Верой Ник<олаевной> еще раз ломать жизнь в наши годы⁶! Вы видите эти «Русские новости»⁷ — значит, знаете кое-что о некоторых наших общих друзьях. Умерли в Америке Авксентьев, М.О. Цетлин, Рахманинов, впал в некий род сумасшествия М.И. Ростовцев, — помешан на том, что он ничего не сделал в жизни, — Илья Исидорович увезен немцами в самом

начале войны и погиб где-то в Германии — верно, сожгли его...⁸ Чего только не было на земле! Но изумительнее всего то, что такого, как за последние годы, еще не было!

Знаете ли Вы, что в Нью-Йорке издается уже лет 5 «Новый журнал» — некое подобие «Современных» записок», — который издает теперь, после смерти Михайла Осиповича, Мария Самойловна, его жена⁹? Я напечатал там больше половины «Темных аллея»¹⁰, М.А. Алданов — окончание «Начала конца»¹¹ и новый, очень большой роман «Истоки», кончающийся убийством Александра II¹². И «Истоки», и «Начало конца» имели в Америке огромный успех — М.А. теперь там знаменит и заработал большие деньги. Он уже более полугодом во Франции, но к весне собирается вернуться в Нью-Йорк¹³. Сейчас он поселился в Ницце — 16, Av. Georges Clemenceau, Nice, Alpes Maritimes¹⁴.

Кончаю, очень устал. Сердечно обнимаю Вас.

Ваш Ив. Бунин

P.S. Жив ли А.М. Федоров¹⁵?

Публикуется по автографу (РО ИРЛИ).

¹ № 27.

² № 28.

³ См. № 31 о пребывании Буниных в Жуан-ле-Пене. Их отъезд откладывался до конца марта 1947 г. (см.: Диаспора. Вып. 2. С. 534–537).

⁴ Насколько известно, дальше разговоров этот план не пошел. Шведский вариант не упоминается, например, в письмах Бунина от 1947 г. к проживающему в Стокгольме С.А. Циону (И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I. С. 313–316).

⁵ Летом 1940 г. Алдановы и Цетлины звали Буниных ехать с ними в США, и в своих письмах из Лиссабона от 13 декабря 1940 г. и из Нью-Йорка от 3 февраля и 15 апреля 1941 г. и 29 июня 1942 г. Алданов продолжал, как мог, создавать условия для принятия Буниными решения об отъезде (Edinburgh University Library. Special Collections. Gen 565), но дальше оформления ими нансеновских паспортов с визами через Испанию в Португалию (РАЛ. MS. 1066/1273 и MS. 1067/580 — паспорта выданы в Ницце 26 февраля 1941 г.) дело не пошло. 27 декабря 1942 г. Бунин записал в дневнике: «Тем, что я не уехал с Цетлиным» и Алдановым» в Америку, я подписал себе смертный приговор. Кончить дни в Грассе, в нищете, в холоде, в собачьем голоде!» (РАЛ. MS. 1066/535; Устами Буниных. Т. 3. С. 145). Незадолго до конца войны, когда Францию уже давно освободили, в письме от 2 марта 1945 г., Алданов опять поднял вопрос о целесообразности переезда Буниных в США (Edinburgh University Library. Special Collections. Gen 565).

⁶ Ср. из письма Бунина к С.А. Циону от 5 августа 1946 г.: «Можно было бы стать даже богатым, — мне уже твердо предлагали возвратиться в Россию, издаваться там, — но я на это не решился — слишком стар для того, чтобы столь резко ломать жизнь!» (И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I. С. 311). Подробнее о переговорах и переписке (в частности, с Н.Д. Телешовым) по поводу несостоявшихся изданий произведений Бунина в СССР см. примеч. 2 к приведенному письму к Циону и примеч. 1 к письму ему же от 8 октября 1945 г. (Там же. С. 311 и 307–308).

⁷ Бунин в очередной раз возмущается новой орфографией: «русские» вместо «русскія».

⁸ Николай Дмитриевич Авксентьев умер в Нью-Йорке в 1943 г., а Михаил Осипович Цетлин там же в 1945 г. Сергей Васильевич Рахманинов умер в Калифорнии в 1943 г. Источник слуха о помешательстве историка и археолога Михаила Ивановича Ростов-

цева (1870–1952) не установлен; после выхода на пенсию в 1944 г. он продолжал заниматься наукой в Йельском университете и публиковался до последних месяцев жизни. Фондаминский был арестован в Париже 22 июня 1941 г., содержался в лагерях Компьен, Дранси и Освенцим, где он погиб 11 ноября 1942 г.

⁹ Мария Самойловна Цетлина (урожд. Тумаркина; в 1-м браке Авксентьева; 1882–1976) — вместе с мужем один из учредителей выходящего с 1942 г. «Нового журнала» и в первые годы его существования — администратор и секретарь, продолжала финансировать его издание после смерти М. О. Цетлина.

¹⁰ Бунин преувеличивает. В «Новом журнале» печаталось лишь 10 из 38 рассказов «Темных аллей»: «Руся», «В Париже» (1942. № 1), «Натали» (1942. № 2), «Генрих» (1942. № 3), «Чистый понедельник» (1945. № 10), «“Дубки”», «Параход “Саратов”», «Речной трактир» (1945. № 11), «Месть» (1946. № 12), «Галя Ганская» (1946. № 13).

¹¹ Бунин ошибается. Вышедший в Париже в 1939 г. роман Алданова «Начало конца» не имел продолжения. Он был переведен в Нью-Йорке в 1943 г. и переиздан в Лондоне в 1945 г.: *Aldanov M. The Fifth Seal / Translated by N. Wreden. New York: Charles Scribner's Sons, 1943; London: Jonathan Cape, 1945.*

¹² Роман Алданова «Истоки» печатался в «Новом журнале» в 1943–1946 гг. (№ 4, 6–13) (отдельное изд. в 2 т. — Париж: YMCA-Press, 1950). Он был переведен в Нью-Йорке в 1947 г. и переиздан в Лондоне в 1948 г.: *Aldanov M. Before the Deluge / Translated by C. Routsky. New York: Charles Scribner's Sons, 1947; 2nd ed. London: Jonathan Cape, 1948.*

¹³ Судя по письмам к Бунину от 26 июля 1946 г. из Нью-Йорка и от 15 сентября 1946 г. из Антиб, Алдановы приехали во Францию в августе 1946 г. (Edinburgh University Library. Special Collections. Gen 565). Они вернулись в Нью-Йорк в конце марта — начале апреля 1948 г. (письмо Алданова от 2 апреля 1948 г. — Там же).

¹⁴ Алданов сообщил Бунину о своем приезде в Ниццу и указал свой адрес в письме от 19 января 1947 г. (Там же).

¹⁵ Федоров Александр Митрофанович (1868–1949) — один из ближайших друзей Бунина с 1890-х гг., жил в Болгарии. Сохранились его письма к Бунину от 1920–1934 гг. (РАЛ. MS. 1066/2368–2407). См. № 30.

30

П. М. БИЦИЛЛИ — И. А. БУНИНУ

28 февраля 1947 г. София

28 II 47

Дорогой Иван Алексеевич, спасибо Вам за Ваше письмо. Получил вчера и спешу ответить в надежде, что оно еще застанет Вас в Париже, если же нет — то будет переслано оттуда Вам. Дай Бог Вам поскорее отделаться от проклятого гриппа. Он теперь безобразничает везде. У нас здесь он очень похож на прославившуюся, как Вы помните, в пору Первой мировой войны «испанку»¹. Вы спрашиваете об А. М. Федорове. Он жив и здоров, как-то «мумифицировался», т. е. все такой же, каким я, уже двадцать два года назад, застал его в Софии, рассказывает по улицам с четками в руках — как это было прежде в обычае у здешних старичков (сейчас уже вышло из моды). Мне говорили, что его мемуары печатаются в России². Кто где умер, я уже

знаю. Не могу только понять, за что немцы погубили бедного Илью Исидоровича. Одна моя парижская знакомая писала мне, что это было как-то в связи с Тургеневской библиотекой. Что это может означать³? Знаю и то, что в Америке выходит, т<ак> сказ<ать>, продолжение «Современных записок». К сожалению, продолжение это взяло такой крен, что я не решаюсь выписать его для нашей Универс<итетской> библиотеки или для себя⁴. На днях получил от Пантелеймонова 1-ый (хотелось бы надеяться, что не — и последний) № «Русского сборника» — очень хороший⁵. Насколько я помню, имя Пантелеймонова мне до сих пор ни разу не попадалось. А его «Святой Владимир» — вещь чудесно написанная, очень напоминает раннего Чехова-Чехонте⁶. Получили ли Вы мои статьи о Чехове, Достоевском, Пушкине? Я их послал уже довольно давно заказным пакетом⁷.

Шлю Вам и Вере Николаевне мой сердечный привет.

Ваш П. Бицилли

Спасибо за адрес Алданова. Напишу ему⁸.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1909).

¹ «Испанка», или испанский грипп, которым в 1918–1919 гг. переболело около 500 миллионов человек.

² Насколько известно, мемуары А.М. Федорова в СССР не публиковались. В 1925–1934 гг. он печатал ряд мемуарных очерков и некрологов о Волынском, Комиссаржевской, Короленко, Лескове, Михайловском, Савиной, Юшкевиче и др. в рижской газете «Сегодня» (*Абызов Ю.* Русское печатное слово в Латвии, 1914–1944 гг.: Биобиблиографический справочник. Stanford, CA, 1991. Ч. 4. С. 223–226. (Stanford Slavic Studies; 6)).

³ Бицилли не совсем точно помнит содержание письма Татьяны Алексеевны Осоргиной (урожд. Бакунина; 1905–1995) от 17 декабря 1940 г.: «Знаете ли Вы, что Илья Исидор<ович> так же потерял часть своих книг? И что не существует больше Тургенев<ской> библи<отеки>? О ней ведутся хлопоты, но надежд на благоприятные результаты мало» (РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. (Письма. Т. II)).

⁴ По-видимому, имеется в виду ряд публикаций о судьбах Восточной Европы в условиях советского влияния, появившихся в «Новом журнале» в 1945–1946 гг., в частности статьи М.М. Карповича «После победы» (1945. № 10), Н.С. Тимашева «Мысли о послевоенной Европе» (Там же), Г.П. Федотова «Россия и свобода» (Там же) и «Запад и Россия» (1945. № 11), М.В. Вишняка «Соблазн патриотизма» (1946. № 16) и др.

⁵ Первый выпуск «Русского сборника» (Париж: Подорожник, 1946) оказался-таки последним.

⁶ В «Русском сборнике» был напечатан рассказ Бориса Григорьевича Пантелеймонова (1888–1950) «Святой <так!> Владимир» (С. 95–121). К марту 1947 г. относится начало переписки Пантелеймонова с Бицилли, завязавшейся при посредничестве Бунина. В архиве Бицилли хранится 36 писем Пантелеймонова за 1947–1950 гг. (РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. (Письма. Т. II) — в дальнейшем они цитируются по этому источнику).

⁷ Сохранился экземпляр работы Бицилли: Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. София, 1941/1942. Т. 38. Ч. 6. С. 1–138 (с дарственной надписью: «Дорогому Ивану Алексеичу Бунину от автора») (РАЛ. MS. 1066/10388). По-видимому, Бицилли прислал и другие свои работы, которые не сохранились: Пушкин и проблема чистой поэзии (Там же. 1943/1944. Т. 41. Ч. 11. С. 1–61); К вопросу о внутренней форме романа

Достоевского (Там же. 1945/1946. Т. 42. Ч. 15. С. 1–75). Сохранился также оттиск более ранней работы Бицилли о Пушкине «Путешествие в Арзрум» (Veogradski puškinski zbornik / Под ред. Е.В. Аничкова. Beograd, 1937. С. 247–264; страницы оттиска 1–18) с дарственной надписью: «Дорогому Ивану Алексеевичу Бунину от автора» (РАЛ. MS. 1066/9613).

⁸ Сохранилась открытка Бицилли, отправленная Алданову в Ниццу 26 марта 1947 г. (BAR. Mark Aleksandrovich Aldanov Papers).

31

И.А. БУНИН — П.М. БИЦИЛЛИ

12 мая 1947 г. Жуан-ле-Пен

12.V.1947

Дорогой Петр Михайлович, я уже почти 2 месяца на юге, возле Cannes, немного поправился после своей долгой и тяжелой болезни, 1-го июня возвращаюсь в Париж¹. Буду очень рад, если напишете, как поживаете, над чем работаете. Шлю Вам сердечный привет!

Ваш Ив. Бунин

P.S. Видите ли вы «Рус<ские> новости»? Читали ли Вы, какой мошеннический слух пустил о себе Ремизов? «Воскрешает русский природный лад речи», погубленный Гротом².

Публикуется по автографу (открытка) (РО ИРЛИ).

¹ 19 апреля 1947 г. Пантелеймонов писал Бицилли: «И.А. очень болен» — и сообщал адрес пансиона, в котором отдыхали Бунины (с 23 марта 1947 г.) и Тэффи: «Villa Fournel, Chemin du Fournel, Juan-les-Pins, A<lres> M<aritime>». В мае к ним присоединился и сам Пантелеймонов, до того, 15 мая 1947 г. писавший Бицилли: «Через два дня я уезжаю на Ривьеру, буду жить в одном доме с Буниным и Тэффи <...> Иван Алексеевич, как мне пишут (да и он сам пишет) сильно оправился. Могучий организм. Для примера укажу, что зимой у него было 1 миллион кровяных шариков, а сейчас 4 миллиона (в капле). Такое быстрое восстановление свидетельствует о неутраченной силе сопротивления. Что с ним — сказать трудно. Целый рой болезней, т.е. то состояние, когда влияние одной переплетается с другой и не поддается никакому интегрированию — так что врачи идут наугад».

² К № 31 прилагалась вырезанная из газеты «Русские новости» (1947. 2 мая. № 100. С. 4) заметка, опубликованная под рубрикой «Великий, могучий...» за подписью «Сизиф». Этот псевдоним был здесь же от руки раскрыт Буниным («Г. Адамович»), а в тексте статьи остались его подчеркивания и пометы. Особо выделен следующий фрагмент: «Не так давно Б. Сосинский, человек к Ремизову близкий и едва ли искажающий его мысли о языке, писал в одной из издающихся в Америке русских газет: “Никак не может привыкнуть русский читатель к особому синтаксису Ремизова, не желая понять, что он им *по-новому оживляет нашу серую, по иностранной грамматике Грота* построенную фразу, что Ремизов фактически воскрешает русский природный лад речи”». Работа академика Якова Карловича Грота (1812–1893) «Русское правописание» (СПб., 1885 — в 1916 г. вышло ее 22-е изд.) положила основу унификации русского правописания и считалась образцовой до реформы орфографии 1917–1918 гг. Алексей Михайло-

вич Ремизов (1877–1957) и его языковые эксперименты — постоянная тема негодования в разговорах и письмах Бунина в те годы. Мысль о несоответствии грамматики Грота живой русской речи, вероятно, высказанная Ремизовым в разговоре с Сосинским, спустя два года прозвучит в его статье «Живой воды» (Русские новости. 1949. 3 июня. № 209. С. 5), позже вошедшей в «Огонь вещей» (1954).

32

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ

5 июня 1947 г. София

5/VI 47

Дорогой Иван Алексеевич, спасибо Вам за Ваше письмо и за вырезку из «Р<усских> новостей». Я их получаю аккуратно и, разумеется, в свое время наслаждался этим радостным обещанием «воскресить» убитый Пушкиным, Толстым и всеми прочими русский язык. Было бы, однако, нехудо, если бы — покуда еще это воскрешение не состоялось — кто-нибудь догадался перевести сочинения Ремизова (ведь переводят же его на французский и на английский яз<ыки>¹) на наш мертвый русский. Я давно уже, кстати сказать, ломаю себе голову над одной загадкой: откуда в России этот культ «юродства» и юродивых? Как создалась и почему в такой силе эта традиция? Ведь в русской литературе примеров, подобных ремизовскому, вообще немало.

Очень рад, что Вы уже выздоровели. А как Вам живется сейчас в Париже? В газетах было сообщение, что во Франции страшная жара. Здесь тоже.

Пожалуйста, помогите мне в одном деле: попалась мне в «Отечественных записках» за '64-ый год повесть «Манжажа», подписанная *Вадим*. Написана она в обычном для того времени стиле, хотя и не так уж очень «абличительно». Но в ней есть чудесные отдельные места, на редкость остроумные. Кто же был этот Вадим? Ни в одном из русских словарей и библиографических указателей я не смог найти справки о нем. Быть может, Вы знаете, кто писал под этим псевдонимом²?

Шлю Вам и Вашей супруге мой сердечный привет.

Искренно преданный

П. Бицилли

P.S. Вам шлет поклон один Ваш здешний читатель и почитатель, Малчо Николов. Помните ли Вы его? Он вообще большой знаток русской литературы и человек с настоящим художественным чутьем³.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1910).

¹ Данные о переводах произведений Ремизова на иностранные языки см. в изд.: Bibliographie des œuvres de Alexis Remizov / Établie par H. Sinany. Paris: Institut d'Études Slaves, 1978.

² Псевдонимом Вадим подписал повесть в «Отечественных записках» Евгений Андреевич Салиас-де-Турнемир (1840–1908).

³ Сохранилось письмо болгарского литературоведа и критика Малчо Николова (1883–1965) к Бунину от 16 сентября 1931 г. и экземпляр его книги «Литературни характеристики и паралели. М.Ю. Лермонтовъ, Лермонтовъ у насъ, Панъ-Тадеушъ и Кървава пѣсенъ, Ф. Сологубъ, Ив. Бунинъ, Н. Гумилевъ» (София, [б.г.] с дарственной надписью от той же даты (РАЛ. MS. 1066/4034, 10470). Две работы Николова хранятся и в библиотеке Бицилли (см.: *Герашко Л.В., Кудряцев В.Б.* Фонд профессора П.М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы / Отв. ред. Т.С. Царькова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 218).

33

И.А. БУНИН — П.М. БИЦИЛЛИ

24 июня 1948 г. Париж

1, rue Jacques Offenbach

Paris 16

24 июня 1948 г.

Дорогой Петр Михайлович, узнал, что Вы, — по своему возрасту, — лишаетесь заработка¹. Напишите, пожалуйста, каковы Ваши планы и не можем ли мы как-нибудь помочь Вам?

Ваш верный друг

Ив. Бунин

Публикуется по автографу (РО ИРЛИ).

¹ В 1948 г. истек срок контракта Бицилли с университетом. Бунин мог узнать об этом от Пантелеймонова, который уже прежде предлагал свою помощь Бицилли и 18 июня 1948 г. писал: «Дорогой Петр Михайлович. Получил Ваше письмо, и стало грустно. Положение Ваше действительно тревожное. Человек с Вашей эрудицией, знаниями и умом и вдруг его не надо. <...> немедленно напишу в Колорадо, в Кембридж — к Питириму Сорокину, Галичу в Нью-Йорк, Сысолову в Канаду и Саблину в Лондон. Ответы их Вам сообщу. <...> Еще раз будьте уверены, что я разовью самую бурную деятельность по Вашему устройству». В этом же письме сообщение о Бунине: «И.А. Бунин чувствует себя бодро, мы с ним недавно ели омлет и запивали кальвадосом». И в следующем письме от 24 июня 1948 г.: «Очень меня обрадовал Иван Алексеевич. Когда я рассказал ему о Вашем тяжелом положении, он прямо заволновался. Он смотрит оптимистически. По его мнению, Вам надо попасть во Францию, отсюда Вы можете хлопотать перед той или другой страной и Вашу просьбу все поддержат. “С голоду здесь не умрет”, — говорит И.А. Он будет Вам писать, но как человек старше нас, осторожный, напишет, наверное, дипломатично. При его связях он много может сделать. И он сделает». Данное письмо Бунина и является тем, которое обещал Бицилли Пантелеймонов. Хлопоты самого Пантелеймонова не увенчались успехом: преградой служил преклонный возраст Бицилли, см. в письме Пантелеймонова от 24 июля 1948 г.: «Из Америки получил письма от Питирима Сорокина, Рубисовой и др. университетских работников — ничего с возрастом сделать нельзя (простите, получился каламбур)».

И.А. БУНИН — П.М. БИЦИЛЛИ

7 августа 1948 г. Париж

7/VIII 48. Париж

Дорогой Петр Михайлович, уже очень давно с радостью получил Ваше успокоительное письмо¹ — и не мог ответить: свалился с воспалением в легком в постель, в которой и до сих пор лежу, медленно поправляясь. Пишу Вам сейчас полусидя, с трудом и потому кратко. О совершенстве лучшего в русской литературе говорить мне сейчас не под силу, да и можно ли вообще ответить на Ваш вопрос об этом? Одно скажу: никак не могу считать «Education» Флобера произведением совершенным — там есть страницы изумительные, но, Боже, сколько и лишней, скучной болтовни, сколько ненужных страниц! Перечитывал иногда в постели Вашу «Проблему человека у Гоголя»² — и вот маленькое замечание: на стр. 30-й вы говорите про «случай прямой перефразировки у Чехова одного места у Гоголя»; это начало «В овраге» о дьяконе и икре; но Гоголь тут не при чем: *это я* рассказал однажды Чехову, что на именинах моего отца наш приходской сельский дьякон съел целых два фунта икры, и Чехов закричал, хохоча: «Ах, как это чудесно! Я начну этим один мой рассказ — можно?»³ Что до совпадений в описаниях гроз, то думаю, что тут далеко не всегда влияние одного писателя на другого, а просто *общность* впечатлений от грома и молнии, — *одинаковость* их. У меня, напр<имер>, немало гроз, но я твердо знаю, что, пиша их, я, если и был кое в чем похож на Толст<о>го>, Тургенева, то никак не в зависимости, хотя бы малой, от них. — Сердечно Вас обнимаю.

Ваш Ив. Бунин.

Публикуется по автографу (РО ИРЛИ).

¹ Несохранившееся «успокоительное письмо» Бицилли — вероятно, сообщение о ходатайстве коллег с целью назначения Бицилли пенсии (срок контракта Бицилли с университетом истек летом 1948 г., а «вне университета» он оказался через год, летом 1949 г. — см.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879–1953). Штрихи к портрету ученого // *Бицилли П.М.* Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 709). 24 июля 1948 г. Пантелеймонов писал о том же: «Дорогой Петр Михайлович. Буквально все здесь вздохнули полной грудью, когда узнали, что Вы как-то устроились. Ну слава Богу. <...> И.А. Бунин был очень болен. Все испугались, но слава Богу опять выскочил — могучая натура».

² Не сохранился присланный Бунину оттиск статьи Бицилли «Проблема человека у Гоголя» (Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. 1948. Т. 44. Ч. 4. С. 1–32). Дальше Бунин цитирует фрагмент последнего примечания к статье.

³ Это воспоминание Бунин взял в свою последнюю книгу «О Чехове», ср.: «Необыкновенно радовался он однажды, когда я рассказал ему, что наш сельский дьякон до

крупинки съел как-то на именинах моего отца фунта два икры. Этой историей он начал свою повесть «В овраге» (Бунин И.А. О Чехове: Незаконченная рукопись / Предисл. М.А. Алданова; Вступл. В.Н. Буниной. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. С. 112). Там же Бунин пишет о том, что «В овраге» — «одно из самых замечательных произведений не только Чехова, но и во всей всемирной литературе» (С. 115–116).

35

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ

15 августа 1948 г. София

15 VIII 48

Дорогой Иван Алексеевич, сейчас получил Ваше письмо. О Вашей болезни мне писал Б.Г. Пантелеймонов. Как же это Вы заполучили ее? От простуды? Желая Вам поскорее поправиться¹. Очень обрадовали Вы меня Вашей справкой насчет дьячка, съевшего два фунта икры у Чехова. Обрадовали потому, что это — подтверждение того, что давно уже пришло мне в голову, а именно — что жизнь — поскольку, по крайней мере, дело идет о том, что относится к области смешного, — не отстает от литературы, а подчас, пожалуй, даже обгоняет ее. Вот Вам еще пример. В первый период жизни в зарубежье были мы знакомы с одним семейством: генерал, генеральша и теща — тоже генеральша. У тещи с зятем отношения были обычные, и она нередко жаловалась нам на него: просто, жить не дает; хоть бы он умер! (далее — дословно: сказанное ею врезалось в мою память): «Я каждый день молюсь об этом Богу и надеюсь, что Господь услышит молитву старушки». Умоляю Вас — используйте это; а если не хотите, подарите Надежде Александровне <Тэффи>, — может быть, ей пригодится. Жалко будет, если этот перл пропадет для человечества. Немало еще и других подобных сокровищ сохранилось в запасе моей памяти — все больше как раз из того же периода, а также еще из времени школьной жизни.

Насчет совпадений у писателей, объясняемых общностью впечатлений, Вы, разумеется, правы, но только с одной оговоркой: дело не только в этой общности, но и в общности передачи: а она, эта общность, обусловлена порою «конгениальностью», а в иных случаях — влиянием одного писателя на другого, влиянием, быть может, и неосозанным. А впрочем, и влияние этого рода возможно только в случае творческой опять-таки конгениальности: *je prends mon bien où je le trouve*².

Вот почему я так высоко ставлю «Education sentimentale», — а впрочем, также и «M<ada>me Bovary»: оттого что персонажи этих вещей Флобера, пусть и самые обыкновенные, ничем не выдающиеся люди, все же — в моей, по крайней мере, памяти — живут так, как если бы я встречался с

ними в жизни. Вы, конечно, правы в том, что там, в «Educ<ation> sentimentale», немало лишнего. Но ведь то же самое можно сказать и о «Мертвых душах», и об «Анне Карениной», и даже о «Войне и мире». От этого, думается, не свободен — и не может быть свободен — всякий, так сказать, «общественно-исторический» роман.

Что думаете Вы делать, когда можно будет Вам подняться с постели? Останетесь ли в Париже или отправитесь куда-нибудь подышать чистым воздухом?

Шлю Вам мой сердечный привет.

Ваш П. Бицилли

P.S. Перечел начало «В овраге» и пришел к заключению, что отчасти я все-таки прав. *Материал* Чехов получил от Вас, но *обработка* — гоголевская. Гоголем, думается, подсказано ему было уже и решение *начать* с этого анекдота рассказ. Восхитительно все это еще в одном отношении: ведь Ваш дьячок, сам, конечно, не зная того, последовал методу Собакевича, съевшего на ужине у губернатора целого осетра — еще, стало быть, один пример совпадений в жизни и в литературе. Но и тут есть кое-что, подкрепляющее мою догадку: *Ваш* дьячок съел *два фунта* икры, а у Чехова он съел *всю* икру* — опять-таки, как Собакевич.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1911).

¹ Пантелеймонов писал Бицилли 27 июля 1948 г.: «Был позавчера у Ив<ана> Алексеевича. Он сильно изменился, лицо с кулачок, но встретил меня смехом, анекдотами, прибаутками. Был на волосок от смерти. Спас сульфамид, прекратил начавшееся воспаление легких. Я думаю, теперь он скоро встанет. Сегодня иду опять». В это время Пантелеймонов часто навещал Бунина и писал о его здоровье Бицилли. 13 августа 1948 г.: «И.А. болен, ослаб, лежание месяц истомило. Вчера был у него, но он быстро оживляется, переходит на шутку и пошел смех. А застал я его в стонах (вытянул мышцу, больно), начал играть: “смерть Ивана Ильича”, чего-то о том, что завтра “гроб будет утопать в цветах”, но потом сразу оживился. / Говорили о Ремизове. Я говорю, что по существу он все время пишет на тему — “пупок мой и его переживания”, всем тошно и не жалостливо. А что касается русского языка, то И.А. сказал мне “вам учиться у него русскому, все равно как Потемкину советоваться у евнуха” (это, кажется, у Пушкина)». Через неделю, 20 августа, следующий отчет: «Иван Алексеевич, слава Богу, уже сидит. Позавчера был у него, провел великолепных два часа. Он все время кого-то “изображает” с большим юмором, так что все время иллюстрирует разговор. У него великолепные актерские способности. / Я его спросил: “прошла ли смерть Ивана Ильича?” Это в прошлый раз я у него был, и он, лежа, извиваясь от боли, встретил меня словами: “ну, вот — смерть Ивана Ильича. Завтра гроб утопает в цветах...” и т.д. Оказывается, вытянул себе мышцу, она его мучит, а он по мнительности вообразил сдвиг почти и еще что-то». И далее: «Никто не проник так в его сущность, как я. Он исключительно нежный, добрый человек, очень острого ума (настоящего), но под прикрышкой легкого цинизма и безразличия».

² Я беру свое добро там, где его нахожу (*фр.*) — изречение Мольера.

* *четыре* фунта.

И.А. БУНИН — П.М. БИЦИЛЛИ

25 августа 1948 г. Париж

25 авг. 48 г.

Дорогой Петр Михайлович,

В американской газете «Новое русское слово» перепечатывается роман советского писателя Александра Соколова «Меншиков»¹. И вот я читаю о том, как бежал гетман Мазепа к шведам и новым гетманом был выбран Скоропадский и как сидел он с Меншиковым и Шереметьевым на военном совете:

«Смирный Скоропадский, слегка склонив на бок стриженную ежиком голову, казалось, внимательно слушал, молчал. *Как многие из тех, что никогда не видели добра ни от Бога, ни от начальства, ни от родного брата, он давно мечтал быть подальше от сильных людей: они его не замечали, он их чуждался...*»

(Выписываю по старой орфографии, по-своему, конечно, — мне новая трудна, ведь я 70 лет писал грамотно.)

Так вот, читаю — и, дойдя до тех строк, что выписал я пером², я немного оторопел: где это читал я когда-то что <так!> похожее на эти строки? И вдруг вспоминаю! Беру с полки 4-й том «Собрания сочинений И.А. Бунина», изданного «Петрополисом», нахожу свой рассказ «Ермил», о мужике, лесном караульщике, написанный мной на Капри в 1912 году, — и читаю на первой странице этого рассказа:

«*Как многие из тех, что никогда не видали добра ни от начальника, ни от ближнего, он давно мечтал быть от людей подальше. Они его не любили, он их чуждался...*»

Не правда ли — странная история?

Письмо Ваше получил, спасибо, дорогой Петр Михайлович. Соберусь с силами — отвечу. Понемногу поправляюсь — только понемногу³.

Ваш Ив. Бунин

Публикуется по автографу (РО ИРЛИ).

¹ В РАЛ сохранилась вырезка из газеты «Новое русское слово» (1948. 6 августа. № 13251. С. 4) с соответствующим фрагментом романа Александра Ивановича Соколова (1910–1977) «Меншиков. Историческая хроника» (М.: Советский писатель, 1947) (MS. 1066/9703). Роман перепечатывался в «Новом русском слове» с 16 июня по 28 августа 1948 г. (№ 13200–13273).

² Здесь даны курсивом.

³ В письме Пантелеймонова Бицилли от 31 августа 1948 г. подробнее: «У Ивана Алексеевича был вчера. Он сильно идет на поправку. Уже не лежит, а сидит у стола и начинает даже кое-что пописывать — важное указание на восстановление сил. Говорили о Вас. Он очень высоко ставит Ваше мнение и всегда справляется, получал ли я от Вас письма и что Вы пишете. А когда был период беспокойства за Вас, то он волновался больше всех. Поклоны от него не передаю — это само собой разумеется».

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ

8 сентября 1948 г. София

8 IX 48

Дорогой Иван Алексеевич, спасибо за Ваше письмо и за интереснейшую справку в нем насчет «совпадений». Только я думаю, что здесь не может быть сомнения: Ал<ександр> Соколов стащил эту фразу у И.А. Бунина, чуточку ее переделав: та же структурная схема, — причем ведь это вовсе не какой-нибудь общеупотребительный шаблон; все, что украдено у Бунина — это его собственное, бунинское, и ничье другое.

Теперь, позвольте завести с Вами спор. Вы сказали, что привыкли писать *грамотно*, т.е. по старой орфографии. Однако что значит писать *грамотно*, в строгом смысле слова, т.е. — в согласии с природой и историей языка? Увы, всякое правописание, на самом деле, условно — результат ошибок, игнорирования истории языка, случайностей. В пору Пушкина «грамотно» писать значило, например, писать *щастие*, а не *счастье*, а в наше время — наоборот. В старом правописании существовали, неизвестно зачем, два знака *одного и того же* звука: *и* и *i*. То, что сейчас *i* выгнали вон, — надо приветствовать: *мир* и *мир* — одно и то же слово («Война и *Мир*», «*Мир* Божий»), содержащее в себе различные смысловые оттенки. Но покуда в первом из приведенных контекстов оно писалось с *и*, а во втором с *i*, это препятствовало усмотрению того, что в русском сознании *la paix* и *le monde*, *Friede*<n> и *Welt*¹ связаны друг с другом. И так — во всех языках. Американцы пишут *labor*, англичане *labour*, а раньше и они писали *labor*, что, если угодно, «грамотнее», потому что это слово — латинское *labor*. Для французов в XVIII-ом веке писать «грамотно» значило писать *je faisais*, *j'aimois*, а в XIX-ом *je faisais*, *j'aimais*². Пожалуй, можно было бы сожалеть об увольнении в отставку буквы **ѣ**, так как она напоминает о происхождении, «корне», того или иного слова: это **ѣ**, ведь ничто иное <так!>, как старинный «юс малый», знак носового звука. Но дело в том, что в русском языке давным-давно уже оно утратило это свое значение и стало знаком звука, выражаемого также и знаком *e*. Отсюда — путаница. Напр<имер>, *терпѣние* — по старой орфографии, между тем как, с точки зрения истории языка, терпение было бы «грамотнее», т<ак> к<ак> в старославянском «коренном» языке здесь «носового» звука не было.

Но довольно о сем. Возвращаюсь к совпадениям и позволю себе привести еще один пример «неудобный для печати». В одном письме Чехова мне попало: «погода у нас — настоящее черт знает что». А здесь был у меня приятель, болгарин, но хорошо знающий русский язык, который, в подобных случаях, любил выражаться так: «это же настоящее... его мать».

Рад, что Вы, хотя и медленно, все же поправляетесь. Читал в «Р<усских> новостях», что в октябре будет вечер И.А. Бунина. Значит, Вы будете читать? Что³? Есть ли у Вас какой-нибудь новый рассказ? И будет ли он где-нибудь напечатан⁴?

Шлю Вам мой сердечный привет.

Ваш П. Бицилли

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1912).

¹ мир (как отсутствие войны) и мир (как мировое пространство) (*фр., нем.*).

² В первом случае употреблены старофранцузские формы имперфекта «я делал, я любил», во втором — его современные формы.

³ Вечер Бунина состоится 23 октября 1948 г. в зале Русского музыкального общества. Впечатления от чтения Буниным своих воспоминаний Пантелеймонов опишет 1 ноября 1948 г.: «От И.А. привет Вам. Он хорош, был недавно вечер его, но он увлекся и говорил так, как в личной беседе, — у публики впечатление, что он зверски ругал Чехова, Маяковского, А. Толстого, Горького. За это ему уже попало в газете». Пантелеймонов имеет в виду заметку в газете «Русские новости»: «Традиционный вечер И.А. Бунина собрал в прошлую субботу полный зал. Публика тепло встречала писателя: при появлении его на эстраде все встали — редкое явление для публичных вечеров проявление почтения. / К сожалению, вечер не оправдал ожиданий слушателей. Рассказывая о своих современниках — писателях, художниках и артистах, — И.А. Бунин ограничился их странными или смешными сторонами, а говоря о Чехове, например, остановился лишь на его пьесах, в которых многое ему не по душе. А публика, по-видимому, ждала другого и рассчитывала, что И.А. вспомнит о замечательных или ценных особенностях тех знаменитых людей, с которыми ему пришлось встречаться. Бунин редко выступает, и вполне естественно, что все собравшиеся на вечер славнейшего современного писателя надеялись не только посмеяться вместе с ним, но и услышать слова, которые остались бы в нашей памяти навсегда» (*М. Вечер И.А. Бунина // Русские новости. 1948. 29 октября. № 178. С. 7*).

⁴ В данное время у Бунина «в запасе» был только написанный в 1947 г. рассказ «Полуденный жар», который будет напечатан в 1949 г. в парижском журнале «Возрождение» (№ 1. С. 47–49).

38

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ

15 декабря 1950 г. София

15 XII '50

Дорогой Иван Алексеевич, шлю Вам от себя и от Вашего здешнего знакомого, Малчо Николова — я в последнее время подружился с ним и убедился, что он прекрасный знаток русской литературы, а в частности большой ценитель Вашего творчества, — поздравления с днем Вашего рождения¹. Правду говоря, здорово запоздал я с этим — уже давно получил письмо от Надежды Александровны <Тэффи> об этом, — все собирался написать Вам, и все откладывал, по той причине, что нахожусь в состоянии, какого

до сих пор никогда не испытывал; не знаю, как назвать его — одурение, оцепенение, маразм, одним словом — черт знает что². Писала мне Надежда Александровна и о кончине Пантелеймонова, что меня ужасно опечалило³.

Получил последний № «Новоселья» и пришел в восхищение от Ваших вещей там — особенно от первых двух⁴. Было бы неверно назвать их «стихотворениями в прозе». Вернее, это — поэзия в прозе. А это-то и есть, как мне сейчас приходит в голову, чистая поэзия, более чистая, чем поэзия в стихах, именно оттого, что в ней <много> элементов, приводящих от других искусств, музыки и танца. Эти маленькие, «бессюжетные» вещи — их ведь много есть у Вас, — кажется, Ваша истинная находка. Я не знаю во всей литературе ничего подобного им. Это верх совершенства словесного искусства.

В «Русских новостях», которые изредка попадают мне, нашел объявление о Вашей книге «Воспоминания»⁵. Когда она была выпущена Вами? Теперь или раньше? Очень прошу Вас, если у Вас есть лишний авторский экземпляр, пришлите мне. Ужасно хотелось бы прочесть ее. А иного способа добыть ее нет.

С сердечным приветом
Ваш П. Бицilli

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1913).

¹ Бунину исполнилось 80 лет 10/22 октября 1950 г., но в результате часто встречающегося среди русских эмигрантов неправильного применения «нового стиля» XX в. к датам рождения в XIX в. празднование дня рождения Бунина иногда колебалось между 22 и 23 октября (ср. начало № 39 и конец № 41).

² Неблагоприятные вести о Бицilli приходили в Париж еще весной 1950 г. Тогда, 6 мая, Пантелеймонов послал Бицilli встревоженное письмо: «Милый, дорогой Петр Михайлович. Бунин, Тэффи и я — все мы всполошились: Ремизову будто бы кто-то написал, что 13 апреля с Вами случилось что-то плохое в смысле здоровья. У меня Ваше последнее письмо от 4-го апр<еля>, там нет ни слова о здоровье. / Ради Бога, по получении этого письма, не откладывая, пошлите по авиону хотя бы открытку, хоты бы два слова — жив, здоров. Да хранит Вас Бог, дорогой, Ваш сердечно Б. Пантелеймонов». Тогда Бицilli ответил, и уже 24 мая в Париже был получен утешительный ответ.

³ Пантелеймонов скончался 17 сентября 1950 г. Тэффи писала об этом Бицilli 16 октября 1950 г. В этом же письме — сообщение о Бунине: «22-го октября празднуют 80-летие Бунина. Собирали для него деньги в Америке, но, кажется, не очень удачно. Многие обижены на него за новую книгу, в которой он грубо разделал всех своих бывших друзей-писателей. Операцию простаты он перенес хорошо, но вообще он слаб и очень малокровен, и сердце работает плохо, и легкие не хороши» (РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. (Письма. Т. II)).

⁴ Строенный номер журнала «Новоселье» оказался последним в буквальном смысле слова. Он открывался рассказами Бунина «Un petit accident», «В Альпах», «В такую ночь», опубликованными под общим названием «Три рассказа» (1950. № 42/44. С. 1–4).

⁵ «Воспоминания» Бунина вышли в парижском изд-ве «Возрождение» в сентябре 1950 г. 9 сентября Бунина отметила в дневнике: «Прислали 6 экз<емпляров> “Воспоминаний” Яна. Вид приятный. Ян читает» (РАЛ. MS. 1067/426).

И.А. БУНИН — П.М. БИЦИЛЛИ

22 декабря 1950 г. Париж

22 дек. 50 г.

Дорогой Петр Михайлович, очень рад был узнать, что Вы живы и хоть сравнительно здоровы, очень благодарю Вас и г. Малчо Николова, что вспомнили меня, недавно пережившего печальный «праздник» моей старости (23 окт<ября> 50 г. мне сравнялось 80 лет¹). Я был *смертельно* болен (простата), перенес *ужасающую* операцию, которая спасла меня от верной смерти, а теперь тихо таю — худ *буквально* как мумия, слаб как ребенок, день и ночь погибаю от астмы, перехожу из комнаты в комнату с величайшим трудом, с жестоким сердцебиением, мог бы, — дай Бог не сглазить! — еще писать, но уже нет *физических* сил... Рад, что Вам понравилось то, что появилось в «Новоселье», шлю Вам еще один рассказ, написанный тоже недавно, — *испанский*, хотя я в Испании никогда не был...² Книга моих «Воспоминаний» (литературных) вышла месяца 2 тому назад, но послать ее Вам не могу — в ней много и политики, которая должна быть Вам чужда³. Все прежние мои сочинения и по-русски и на иностр<анных> языках разошлись вполне, но переиздать их теперь нельзя — по дороговизне издательской и потому, что люди стали читать все меньше и меньше — не до того! Так что я и беден теперь до нищеты. А Вы — пишете ли что-нибудь новое? Или и Ваше здоровье *серьезно* пошатнулось?

Обнимаю Вас с неизменной любовью.

Ваш Ив. Бунин.

 Публикуется по автографу (РО ИРЛИ).

¹ Ср. примеч. 1 к № 38.

² По всей вероятности, имеется в виду рассказ «Ночлег», написанный в марте 1949 г. и опубликованный в журнале «Возрождение» (1949. № 3. С. 123–128).

³ Вероятно, Бунин имеет в виду потенциально опасный для Бицилли общий антисоветский пафос книги, в особенности ее глав «Третий Толстой» и «Маяковский», а также «Гегель, фрак, метель...», где, в частности, речь идет о порядках, царивших в Болгарии в 1920 г., когда Бунин вынужден был остановиться в ней проездом в Париж.

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ

9 января 1951 г. София

9 I '51

Дорогой Иван Алексеевич, очень опечалило меня все, что Вы пишете о себе в Вашем письме. Я не думал, что простат может развиваться в таких размерах и что операция его столь мучительна. Но хочется верить, что, раз уж отделавшись от него, Вы сможете поправиться. Не знал я и того, что Ваше материальное положение так ухудшилось. Видно, всюду на свете теперь нелегко живется, и боюсь, что чем дальше, тем все тяжелее и тяжелее будет. Пишете, что посылаете мне еще одну Вашу вещь. До сих пор еще не получил ее. Очень прошу Вас, если можете, пришлите Ваши «Воспоминания» в здешний Библиограф<ический> институт — вот его полный адрес: Български Библиографски Институт, София, ул. Цар Крум, 15-а¹. Случайно нашел здесь одну книгу Вашу, «Начальная любовь», сборник рассказов раннего периода Вашего творчества, которых я раньше не читал². Как они хороши, и какой примиряющей с жизнью грустью веет от них! И замечательно, как все в них — и, т<ак> ск<азать>, «космическое», и «человеческое» — слито в одно целое, — в отличие от вещей, напр<имер>, Тургенева, где описания природы, сами по себе прекрасные, являются, однако, только рамками, в которые вставлено то, что зовется «фабулой». Судя по проставленным там датам, предполагаю, что это все же не первые Ваши вещи: Вы ведь, должно быть, еще раньше начали писать. Как хотелось бы познакомиться и с этими, *первыми*, продуктами Вашего творчества. Они, вероятно, в свое время печатались Вами в каких-нибудь журналах. Не помните ли, в каких и в какие годы?

О себе скажу, что я здоров — хотя проклятый простат дает и мне знать о себе, однако в очень еще умеренной форме, — но ужасно скучаю и тоскую от вынужденного безделья и от полного духовного одиночества. Не пишу ничего, потому что печататься негде.

Шлю Вам и Надежде Александровне <Тэффи> мои поздравления с Новым годом. На днях пойду к Малчо Николову, снесу ему «Начальную любовь» и прочту Ваше письмо.

От души желаю Вам скорейшего выздоровления.

Сердечно преданный Вам

П. Бицилли

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1914).

¹ Български библиографски институт в София был учрежден в 1941 г. стараниями ведущего болгарского специалиста по библиотековедению, библиографа профессора Тодора Борова (1901–1993), который и был директором института до 1964 г.

² Сборник «Начальная любовь» (Прага: Славянское изд-во, 1921) представляет раннее творчество Бунина и состоит из трех разделов: одного прозаического — «Из первой книги рассказов» («Антоновские яблоки», «Над городом», «Эпитафия», «В поле», «На край света», «Учитель», «Сосны», «Мелитон», «Костер», «Осенью», «Надежда») и двух поэтических — «Из книги “Листопад”» и «Из книги “Новые стихотворения”». В библиотеке Бицилли остался неполный экземпляр (до рассказа «Учитель» включительно) с владельческой надписью «П. Иванов» (РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 2. Ед. хр. 45).

41

И.А. БУНИН — П.М. БИЦИЛЛИ

14 января 1951 г. Париж

Известите о получении этого письма.

14 янв. 51 г.

Дорогой Петр Михайлович, мой издатель послал мою книгу в Български библиографически институт, София, ул. Цар Крум 15-а.

Ужасно огорчен, что Вам попала в руки без моего ведома изданная когда-то (кажется, в Праге) книжка моих очень давних рассказов «Начальная любовь»! Благодарю Вас за доброе слово о ней, но мне мои давние рассказы причиняют ужасную боль — так чужды мне они теперь, так кажутся *слабы*, а *это* хуже всего для меня уже давно, давно, ибо чем дальше шел я своим литературн<ым> путем, тем все дороже становилась для меня сила, ловкость, твердость моих писаний. Я вообще редкий писатель: кто *так, как я*, менялся на этом пути? Рассказов, еще более давних, чем эти, у меня нет, — те я уж совсем ненавижу — писал и печатал их ради денег, в молодости часто бывал просто нищий. — Мой поклон г. Малчо Николову.

Шлю Вам с этим письмом вырезку из «Le Figaro», касающуюся дня моего рождения — 23-го [22] окт<ября> прошлого года¹.

Сердечно Ваш

Ив. Бунин

Простата — вещь *серьезная*. Лечитесь заранее.

Публикуется по автографу (РО ИРЛИ).

¹ К № 41 прилагалась газетная вырезка с письмом А. Жида Бунину, посвященным юбилею Бунина (*Gide A. Pour les 80 ans d'un réfractaire // Figaro. 1950. 23 octobre. № 1904. P. 1* — текст воспроизведен в публикации переписки Жида с Буниным; см. примеч. 7 к № 28).

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ

22 января 1951 г. София

22 I '51

Дорогой Иван Алексеевич, очень рад Вашей вести о посылке «Воспоминаний». Жду их с нетерпением¹. Вы слишком несправедливы к автору «Начальной любви». Верно, что там не все еще «чистый Бунин». Так, например, в «Учителе» есть что-то от Чехова, а вместе с тем — как это ни парадоксально — и от Достоевского. Но уже в «Надежде», в «Соснах», в «На край света», «Антоновских яблоках» Вы нашли самого себя, вступили на дорогу, которая привела к «Митиной любви», к «Жизни Арсеньева», ко всему, что у Вас лучшее.

В редакционной заметке к письму Жида назван Ваш рассказ «Le Sacrement de l'Amour», значит — «Таинство любви». Но под таким заглавием нигде нет рассказа в собрании Ваших сочинений. Также и «Тумана» — «La Vgume», — о котором упоминает Жид. Итак, очень прошу, помогите мне в этом². И еще один вопрос. Меня крайне заинтересовало, в чем именно расходится с Вами Жид. «Во всем, абсолютно во всем», говорит он. Догадываюсь, что прежде всего — в отношениях к Достоевскому. Знаю, как любит его сам Жид, и предполагаю, что Вам Достоевский должен быть *антипатичен* — при всей его гениальности, — так же как, сознаюсь, и мне самому. А вот сам Жид, сколь бы ни было сильно влияние Достоевского на него, мне крайне *симпатичен*.

Возвращаюсь к «La Vgume». Жид передает содержание этого рассказа. У меня всегда была прескверная память, а теперь, на старости лет, она становится все хуже и хуже. Мне вспоминается, что я читал его (и даже недавно перечитывал); но у меня обычно сохраняется в памяти *впечатление* от прочитанного, его «дух», тогда как «фабула», «сюжет» из головы выпадает. И вот, пересматривая том за томом собрание Ваших сочинений, ломаю себе голову, — и так и не могу найти этой вещи, которую Жид — а я верю ему — называет «одной из самых захватывающих» у Вас.

Последний вопрос: как сейчас Вы чувствуете себя? Об этом у Вас в письме ни слова.

Шлю Вам мой сердечный привет.

Ваш П. Бицилли

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1915).

¹ Судя по дальнейшим письмам, экземпляр «Воспоминаний» Бунина так никогда и не дошел до Софии.

² См. № 43.

И.А. БУНИН — П.М. БИЦИЛЛИ

30 января 1951 г. Париж

30 янв. 51 г.

Дорогой Петр Михайлович, «La Sacrement de l'Amour» — это заглавие «Митиной любви» во французском переводе и издании¹. «La Vrume» — так озаглавлен во французск<ом> переводе мой рассказ «Сверчок» (прозвище маленького старичка шорника, рассказавшего, как он <с> сыном погибал, замерзал зимней ночью в непроглядном ледяном тумане, как сын замерз, а он, «Сверчок», тащил его на закорках, замерзающего...)². Кстати: какое издание моих писаний есть у Вас? «Петрополиса»? Если да, слава Богу! Это единственное, которое я признаю, — оно довольно хорошо исправлено мною³. (И увы, теперь ни за какие деньги не найдешь ни одного томика этого издания, — все распроданы, а переиздать невозможно — на это надо ухлопать теперь больше миллиона, а покупатель, читатель весьма и весьма уменьшился, разъехался по америкам и даже по всему Божьему свету.)

A. Gide, конечно, ради шутки преувеличил наши несогласия с ним. Главное все же есть — Достоевский. Общение с Gide'ом очень приятно, тут он очарователен, тонок, умен на редкость. Он (A. Gide) очень тронул меня своим письмом ко мне, напечатанном в «Figaro» 23 окт<ября> 1950 г.⁴ Очень сердечно написал мне еще раньше (16 окт<ября>) и François Mauriac:

«Mon cher et illustre Confrère,

Je sais que vos amis vont bientôt fêter votre 80ème anniversaire.

Je tiens a vous exprimer a cette occasion et l'admiration que j'éprouve pour votre œuvre, et la sympathie que m'inspirent votre personne et le destin si dur qu'a été le vôtre.

Permettez-moi de vous serrer très affectueusement les mains,

de tout cœur votre

François Mauriac»⁵.

А здоровье мое, дорогой Петр Михайлович, уже никуда не годится. Все годы войны мы жили на Ривьере в Grass'e (17 километров от Cannes), снимали дачу одной богатой англичанки, уехавшей тотчас после начала войны в Англию, а дача эта была *очень* высоко на горе, почти отвесной, и я бегал с нее в город, вверх и вниз, как молодой козел⁶. Но в начале мая 1945 г. мы вернулись в Париж, где осенью я схватил воспаление легких — и пошла писать губерния! Воспаление за воспалением и откуда ни возьмись астма, удушье, слабость и т.д., и т.д. Теперь я медленно околеваю (пережив еще и ужасную операцию).

Обнимаю Вас сердечно.

Ваш Ив. Бунин

Публикуется по автографу (РО ИРЛИ).

¹ Имеется в виду, по всей вероятности, перевод повести «Митина любовь» (1925) на французский язык, который вышел впервые в том же, 1925 г. и был переиздан в 1933 г.: *Bounine I. Le Sacrement de l'amour / Traduit du russe avec l'autorisation de l'auteur par <Michel> Dumesnil de Gramont. Paris: Stock/Delamain et Boutelleau, 1925.*

² Перевод рассказа «Сверчок» (1911) под названием «La Brume» вошел в сборник: *Bounine I. La Nuit / Traduit du russe par V. de Schlœzer. Paris: Emile-Paul Frères, 1929* (переиздан в 1933 г.).

³ При подготовке собрания сочинений в изд-ве «Петрополис» произведения подверглись основательной авторской редактуре, которая, однако, Бунина до конца не удовлетворила, и после выхода собрания в свет он не только продолжал работать в своих авторских экземплярах, но и вносил небольшую правку в тома, посылавшиеся, например, Бицилли.

⁴ См. примеч. 1 к № 41.

⁵ «Мой дорогой и прославленный собрат, / Я знаю, что Ваши друзья вскоре будут отмечать Ваше 80-летие. / Я очень хочу по этому случаю выразить и восхищение, которое я испытываю от Вашего творчества, и симпатию, которую мне внушают и Ваша личность, и жестокая судьба, выпавшая на Вашу долю. / Позвольте с любовью пожать Вам руки, / от всего сердца Ваш / Франсуа Мориак» (*фр.*). (Текст исправлен по оригиналу (машинопись на бланке газеты «Le Figaro»; последняя строка и подпись — автограф) — РАЛ. MS. 1066/3815.)

⁶ Речь идет о вилле Жаннетт, которая принадлежала Эдит Халберт (Edith Wareing Hulbert, урожд. Bardsley; 1868–1956), вдове скончавшегося там же в 1928 г. Генри Халберта (Henry Louis Powell Hulbert; 1872–1928). 18 сентября 1939 г. Бунина записала в дневнике, что снята вилла «Jeanette на Route Napoléon. Спешно ее сдали англичане, которые завтра едут в Лондон <...> Сдали дешево, за 12 000 в год, она стоит дороже. Вилла чудесная, “с сюрпризами”, но стоит высоко, с кульками подниматься трудно» (РАЛ. MS. 1067/410; Устами Буниных. Т. 3. С. 265). Ср. также из письма Бунина Степуно от 26 марта 1951 г.: «До возвращения в Париж из Грасса, до мая <19>45 г., я молодым козлом носился вверх и вниз по той почти отвесной горе, на которой стоит та английская вилла, где жили мы все время войны <...>» (Письма И.А. Бунина к Ф.А. Степуно / Публ. А. Зверса // Новый журнал. 1975. № 118. С. 121).

44

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ 9–16 февраля 1951 г. София

9 II '51

Дорогой Иван Алексеевич, сейчас получил Ваше письмо от 8 I и спешу ответить¹. Сборник «Начальная любовь» у меня в издании не «Петрополиса», а в пражском — «Славянское издательство»². Если хотите, pošлю его Вам. Кстати, еще на ту же тему. Я очень суеверен и придаю большое значение разного рода совпадениям. И вот недавно, вскоре по получении Вашего письма, в котором Вы жестоко раскритиковали Ваши ранние вещи, случайно нашел здесь два томика «Полного собрания сочинений И.А. Бунина», издательства Маркса, 1915 г. (приложение к «Ниве»), в одном из которых поме-

шены рассказы начала 90-ых годов³. Уверяю Вас, что в некоторых из них — «Перевал», «Кастрюк», «Над городом», «На чужой стороне» — уже сказывается настоящий, подлинный Бунин. Спасибо за выписку письма к Вам от Fr<ançois> Maugiac. Это очень большой писатель, но только и очень страшный. Недавно я собирался взяться перечитывать его, но — духу не хватило. Это не то, что Gide, который, несмотря на то, что он несомненно находится под сильным влиянием Достоевского (итак, я догадался, что Ваш спор с ним был именно о Достоевском), все же действует на нервы успокаивающе, благодаря присущему ему юмору. Я больше всего люблю у него его Дневники и «Les Caves du Vatican»⁴. Что «Le Sacrement de l'Amour» — это «Митина любовь», я догадывался. А интересно, кто и как перевел «La Vrume» — «Сверчка»⁵? Неужели переводчику удалось передать всю потрясающую экспрессивность простонародной речи рассказчика? А видно, что таки удалось, раз именно эта вещь произвела такое сильное впечатление на Gide'a.

Печально все то, что Вы пишете о Вашем здоровье. Хочется все же надеяться, что Вы не отказались от писательской работы. Жаль только, что печататься сейчас, как видно, нелегко. Дело, кажется, не в том, что круг читателей сузился, а главное — в том, что на смену прежних читателей явились новые, с новыми вкусами и требованиями, весьма, в большинстве случаев, грубыми, примитивными. Так, по крайней мере, мне кажется.

Шлю мой сердечный привет Вам и Надежде Александровне <Тэффи>. А как ее здоровье? Она писала мне, что страдает от грудной жабы⁶. Насколько я знаю, это еще похуже, чем Ваша астма.

Ваш П. Бицилли

P.S. А «Воспоминания» Ваши все еще не доехали. До чего теперь медленно работает почта!

16 II. Письмо писано 9 II, а отправляется 16-го! Это оттого, что до сих пор ни гроша не было в кармане. Ведь от моего профессорства остался только титул, да право пользоваться унив<ерситетской> библиотекой, и еще право — но более чем сомнительное (я ведь не считаюсь правоверным) — печататься в унив<ерситетском> Ежегоднике. Живем на заработки младшего поколения моего семейства⁷, и все доходы уходят на удовлетворение требований желудков. Впрочем, сейчас, кажется, горизонт начинает проясняться: есть шансы на то, что мне будет выдана пенсия, которой я дожидаюсь уже третий год.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1916).

¹ Бицилли ошибается в дате № 43.

² См. примеч. 2 к № 40.

³ Рассказы 1892—1902 гг. (в том числе перечисленные ниже Бицилли) составили 2-й том Полного собрания сочинений И.А. Бунина, вышедшего в 1915 г. (Пг.: Изд. товарищества А.Ф. Маркс; Приложение к журналу «Нива» на 1915 г.).

⁴ О дневниках Жида 1939–1942 гг. см. примеч. 7 к № 28. Были изданы и дневники 1889–1939 гг. (1939, 1948) и 1942–1949 гг. (1950). Роман «Les Caves du Vatican» («Подземелья Ватикана») впервые издан в 1914 г.

⁵ См. примеч. 2 к № 43.

⁶ Диагноз грудной жабы (стенокардии) поставили Тэффи уже в 1943 г. (Диаспора. Вып. 2. С. 486). 16 октября 1950 г. (сразу после описания 80-летнего юбилея Бунина и нынешнего состояния его здоровья) она писала Бицилли: «А у меня грудная жаба (и название какое мерзкое!) И ничто не помогает и надоела она мне и замучила меня. Два года тому назад довела меня до infarctus'a (кровоизлияние в сердце). Обыкновенно от этого умирают, но я пролежала полгода и встала» (РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. (Письма. Т. II)).

⁷ См. примеч. 5 к № 28.

45

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ

22 марта 1951 г. София

22 III '51

Дорогой Иван Алексеевич, давно уже писал Вам, и все нет ответа, так что очень беспокоюсь о Вашем здоровье. Писал же вот о чем. Во-первых, — что у меня есть томик Ваших ранних рассказов, — марксистское издание, — который могу, если хотите, послать Вам, т<ак> к<ак> у меня эти рассказы имеются в другом — пражском — издании. Во-вторых, что до сих пор в Библиограф<ическом> институте Ваша книга Воспоминаний не получена, так что я очень прошу Вас, если можете, принажать на издателя, чтобы он отправил ее поскорее. О себе скажу лишь одно — околеваю от тоски.

Шлю Вам мой сердечный привет.

Ваш П. Бицилли

Публикуется по автографу (РАЛ MS. 1066/1917).

46

И.А. БУНИН — П.М. БИЦИЛЛИ

3 апреля 1951 г. Париж

3 апреля 1951 г.

С большим огорчением прочел Ваше грустное письмо, дорогой Петр Михайлович! Ах, если бы повидаться, поговорить! Но уж никогда не увидимся, — ведь уж во всяком случае мне недолго осталось жить на свете. И как-то так вышло, что и прежде мы, кажется, всего только раз встретились...

Издатель не виноват, — книга отправлена месяц тому назад, даже более, насколько помню, и притом заказной бандеролью. Но почта стала везде больно плоха.

Очень буду рад получить от Вас это ужасное издание «Нивы» моих ранних писаний. Спрячу его куда подальше, — все хоть одним экземпляром будет на свете меньше! Очень благодарю за подарок.

Простите, что поздно отвечаю Вам, — зима у нас непогодная, для моего удушья тяжкая. А от удушья — бессонные ночи и страшная слабость, вялость днем.

Обнимаю Вас сердечно.

Ваш Ив. Бунин

Публикуется по автографу (РО ИРЛИ).

47

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ

9 апреля 1951 г. София

9 IV '51

Дорогой Иван Алексеевич, наконец пришло письмо от Вас. Посылаю Вам обещанный томик раннего Бунина и надеюсь, что, перечитав его рассказы, Вы отнесетесь к ним снисходительнее и убедитесь, что они не заслуживают пожизненного заточения. Помню, что, действительно, мы виделись друг с другом один только раз, в Одессе, кажется, у Клепининых, где тогда собирались «сливки» эмигрантов из столиц¹. Был там и Ал<ексей> Толстой². Очень огорчает меня то, что Вы пишете о Вашей астме. Не удастся ли Вам провести лето где-нибудь на чистом воздухе³? Пожалуйста, попросите издателя, если у него сохранилась расписка почтовая, выданная при посылке Вашей книги, сообщить ее номер. А в ось, т<аким> о<бразом> удастся раздобыть ее. Пишете ли вы теперь что-нибудь? Или проклятая астма и этому препятствует? А что Надежда Александровна <Тэффи>? Как ее жаба⁴?

С сердечным приветом Вам и ей,

Ваш П. Бицилли

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1918).

¹ Возможно, имеются в виду жившие в Одессе архитектор Андрей Николаевич Клепинин (1871–1956) и его жена Софья Александровна (урожд. Степанова; 1873–1923), родители известных в эмиграции историка и общественного деятеля Н.А. Клепинина (1899–1941) и священника Д.А. Клепинина (1904–1944).

² В Одессе Алексей Николаевич Толстой (1882–1945) пробыл с сентября 1918 г. по апрель 1919 г.

³ После очередного пребывания в Жуан-ле-Пене в апреле—июне 1950 г. Бунины уже больше никуда не ездили отдыхать.

⁴ См. № 44 и примеч. 6 к нему.

48

И.А. БУНИН — П.М. БИЦИЛЛИ

1 мая 1951 г. Париж

Христос Воскресе!

Поздравляю Вас, дорогой друг, с праздником, трижды целую¹!

Пишу в постели — изнурен слабостью от почти непрерывной астмы.

Почтовой росписки у моего издателя не сохранилось².

Любящий Вас

Ив. Бунин.

1 мая 1951 г.

Публикуется по автографу (РО ИРЛИ).

¹ В 1951 г. Пасха пришлась на 29 апреля.

² См. № 47.

49

И.А. БУНИН — П.М. БИЦИЛЛИ

4 мая 1951 г. Париж

Дорогой Петр Михайлович, получил от Вас книжку моих ранних рассказов, сердечно благодарю¹.

Ваш Ив. Бунин

Публикуется по автографу (открытка) (РО ИРЛИ). Датируется по почтовому штемпелю.

¹ См. № 44–47. Данный экземпляр тома не сохранился в РАЛ. Не исключено, что Бунин его уничтожил (см. № 46).

П.М. БИЦИЛЛИ — И.А. БУНИНУ

11 мая 1951 г. София

11 V 51

Дорогой Иван Алексеевич, спасибо за Ваше письмо и открытку¹. Как мне жаль, что Вас до такой степени изводит Ваша астма! Обращаюсь к Вам от имени Библиографического института. Непонятно, почему ими не была получена Ваша книга. Это единственный случай. Вообще же Институт правильно получает все, что выписывает из-за границы. Директор Института² предлагает следующую комбинацию: не мог ли бы издатель Вашей книги послать в Институт еще один ее экземпляр, а чтобы не претерпеть материального ущерба, выписать из Института что-либо, той же стоимости, из выходящих в России книг? Но только, если согласится, пусть сообщит № расписки и, конечно, сохранит ее.

Шлю Вам и Надежде Александровне <Тэффи> мои поздравления со светлым праздником. О себе не могу сказать ничего хорошего — разве лишь то, что, кажется, скоро начну получать пенсию. Полное одиночество, тоска, скука, томительное безделье и предвкушение приближающегося перехода в Ничто.

С сердечным приветом

Ваш П. Бицилли

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/1919).

¹ № 48–49.

² См. примеч. 1 к № 40.

«ДОРОГОЙ ЕРУСЛАН», «ДОРОГОЙ БОВА»,
«МИЛЫЙ, МИЛЫЙ ЛЕНЯ»:
ПЕРЕПИСКА И.А. БУНИНА С Л.Ф. ЗУРОВЫМ.
ЧАСТЬ II (1933–1953)*

Вступительная статья Ирины Белобровцевой**
Публикация Ирины Белобровцевой и Ричарда Дэвиса***

Зуров приехал во Францию по приглашению Бунина 23 ноября 1929 г. С этого времени на протяжении 24 лет (Бунина не стало 8 ноября 1953 г.) они почти постоянно жили под одной крышей, несмотря на видимое стремление Зурова к самостоятельности. Если не принимать во внимание краткие поездки Бунина в Париж, когда Зуров оставался в Грассе (см., например, № 38), и поездку Бунина в Стокгольм в 1933 г. на торжества в связи с присуждением Нобелевской премии (см. № 39), более или менее длительные расставания можно пересчитать по пальцам: в 1935 г., когда Зуров уезжал в летнюю экспедицию в Эстонию, затем с января 1937 г. до октября 1940 г., когда он пытался жить один (по большей части, в общежитиях, но иногда в пустующей парижской квартире Буниных) или лечился в туберкулезном санатории¹; в 1945–1950 и 1952 гг. они разъезжаются на один-два месяца, когда Бунины отправляются отдыхать в Русский дом в Жуан-ле-Пен или Зуров в Вандею или Шотландию.

Понятно, что жизнь бок о бок не требует переписки, и все же то бунинские, то зуровские отъезды могли бы повлечь за собой значительно более объемный корпус писем и открыток, чем тот, каким располагает сегодня исследователь. Между тем в действительности Бунин постоянно был в курсе дел Зурова, и наоборот, благодаря письмам В.Н. Буниной Зурову и Зурова — ей. По сути, как и в случае с первой частью переписки Бунина с Зуровым, когда в ней активно участвовала Г.Н. Кузнецова, теперь третьей стороной становится Бунина. Возможно, будь переписка Буниной с Зуровым приведена в публикации

* Первую часть переписки см.: И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. С. 232–284.

Тексты И.А. и В.Н. Буниных публикуются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate © 2010.

Тексты Л.Ф. Зурова публикуются с разрешения The Leonid Zurov Estate © 2010.

** © Ирина Белобровцева, 2010.

*** © Ирина Белобровцева, Richard D. Davies, 2010.

¹ Подробнее см. примеч. 20, а также относящееся к послевоенному периоду примеч. 40.

полностью, это придавало бы ей «трехмерный», т.е. более рельефный характер. Однако публикаторы решили сосредоточиться на письмах Бунина, а письма его жены и к ней привлекать по необходимости — для прояснения того или иного факта, детали, обстоятельства.

Часть писем носит явно служебный характер, но только одну записку невозможно атрибутировать: «Милый Леня, спасибо за папиросы! Дай Бог здоровья! Ив. Бунин»².

Отношения Бунина и Зурова заслуживают подробной характеристики. Они очень неровные и переживают несколько стадий: в самом начале налицо искренняя симпатия Бунина к молодому писателю (и безоговорочное восхищение Зурова своим кумиром), затем постепенно накапливаются обоюдные обиды и перерастают во вражду, открыто проявившуюся в конце 1930-х — первой половине 1940-х, и, наконец, после войны вражда сменяется привычными отношениями людей, за долгие годы совместной жизни ставших друг другу родными.

Поведение Зурова в грасском доме Буниных, где он оказался в самом конце 1929 г., и реакция на него Бунина в первые дни и даже годы подробно зафиксирована в дневниках Буниной. Так, уже через несколько дней после приезда Зурова она записывает: «Глупо было обращаться в два места<:> к Зеелеру и Зайцеву, Зурову Зеелер выхлопотал визу вечную, а Зайцев временную, которая и покрыла первую»³. Привлекая дополнительные свидетельства, можно сложить полную картину⁴: Зуров мог легально зарабатывать во Франции деньги только как литератор. Между тем переписка с Буниным, предшествовавшая его появлению в Грассе, свидетельствует о колебаниях молодого писателя и об абсолютной уверенности Бунина в том, что Зуров будет обеспечен работой⁵.

Бунинская просьба о помощи сразу к двоим влиятельным в русской среде Парижа людям — К.И. Зайцеву и В.Ф. Зеелеру — и их почти одновременное

² РАЛ. MS. 1066/6152.

³ РАЛ. MS. 1067/395 — запись от 8 декабря 1929 г.

⁴ См., напр., в воспоминаниях Зурова: «Должен отметить: при приезде во Францию на моих бумагах был поставлен штемпель, лишаящий меня права на физический труд. В выданной мне карт д'идентите было сказано — писатель... Таким образом я сразу же попал в категорию лиц свободной профессии, которые могли существовать только литературным трудом» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 1. Ед. хр. 37. Л. 17).

⁵ Ср.: «Не следует ли пожить в Париже? <...> Нужды Вы, по-видимому, не боитесь, работы, даже черной, тоже, да и не все ли равно, где именно терпеть то и другое?» (письмо Бунина к Зурову от 8 сентября 1929 г.); «Очень соблазнительна для меня поездка в Париж. <...> Одно заставляет меня задумываться — смогу ли я по приезде достать работу, а именно такую, чтобы иметь время от времени возможность прекращать ее для литературных занятий» (письмо Зурова Бунину от 15 сентября 1929 г.); «Из Вашего письма ко мне заключил, что Вы и хотите приехать в Париж, и немножко побаиваетесь: как, мол, я там устроюсь, как буду обходиться без языка и пр. <...> не бойтесь! Язык — вздор, множество не знающих его все-таки устроились в Париже. Работают и т.д. Устройтесь и Вы. Работу тоже найдете, надеюсь, — мы, по крайней мере, приложим к тому все усилия» (письмо Бунина к Зурову от 2 октября 1929 г.) (И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. С. 268, 270–272).

обращение с той же просьбой к В.А. Маклакову спутали все карты и обрекли Зурова на положение приживала в бунинской семье⁶.

Вскоре Бунина отмечает: «Он всему радуется, на все обращает внимание, и это утомляет Яна»⁷. К тому же не оправдались бунинские надежды на быстрое завершение следующего крупного произведения Зурова, работа над романом «Древний путь» продолжалась до октября 1932 г.⁸, деньги он зарабатывал небольшие, изредка публикуя статьи в газетах «Последние новости» и «Сегодня». Материальная зависимость от Бунина не могла не тяготить Зурова, человека прямолинейного, привыкшего с 16 лет к самостоятельности.

Но и Бунина, хотя открыто он своей вины в этом не признавал, тяготила двусмысленность зуровского положения. Так, Бунина фиксировала: «Ян в панике. Сорвал сердце на мне, а потом сделал так, как я хотела. Из-за чего он спорил, горячился. Конечно, устал. Конечно, денег мало. Как жить, а на руках Скобарь⁹»¹⁰. Так в отношениях Бунина и Зурова начала накапливаться напряженность, выплеснувшаяся далеко не сразу.

Как известно, Зуров выступил «благовестником» присуждения Бунину Нобелевской премии, отыскав лауреата после звонка из Стокгольма в грасском кинотеатре¹¹. В своей щедрости той поры Бунин не обошел и Зурова, хотя и не взял его с собой на торжества в Стокгольм: все время бунинской поездки тот жил в парижском отеле «Верне», известно, что из Германии, где Бунины и Кузнецова остановились после Швеции, Бунин написал Зурову несохранившуюся открытку¹², и на «семейном совете» решено было послать ему денег¹³. Однако сразу после возвращения во Францию в жизни обитателей виллы Бельведер

⁶ См. об этом также публикацию первой части переписки Бунина и Зурова. Сожалеея о «перепутанице», В.Ф. Зеелер писал Бунину 5 декабря 1929 г.: «С этим <т.е. с временной визой> нужно считаться и теперь исподволь переходить на постоянное положение, не сразу, а просить об отсрочке пока, и затем уже либо опять об отсрочке, либо о закреплении навсегда» (РАЛ. MS. 1066/6041).

⁷ РАЛ. MS. 1067/395 — запись от 31 декабря 1929 г.

⁸ Ср.: «Леня решил сегодня в ночь, что он кончил свою книгу, назвал ее “Умиление сердец”» (речь идет о романе, позже получившем название «Древний путь»); «Леня сегодня закончил роман свой иначе» (РАЛ. MS. 1067/406 — записи от 16 и 24 октября 1932 г.).

⁹ Шутливое прозвище, данное Буниным Зурову, уроженцу Псковской губернии.

¹⁰ РАЛ. MS. 1067/398 — запись от 30 января 1930 г.

¹¹ См. об этом: Радиоинтервью Зурова, данное З.А. Шаховской в ноябре 1963 г. (РАЛ. MS. 1066/7892–7893). См. также дневник Бунина: «Вчера вечером был с Бахр<ахом> в городе, в том синема, где не был целых 7 лет с лишком, — после того дня, когда сидел в нем с Г<алиной Кузнецовой>, и вдруг в темноте вошел Зуров и сказал: “Телефон из Стокгольма, Ноб<елевская> премия дана вам...”» (РАЛ. MS. 1066/533 — запись от 12 марта 1941 г.).

¹² См. № 39 и примеч. 1 к нему.

¹³ См. из письма Буниной Зурову от 20 декабря 1933 г.: «После долгих обсуждений, как послать Вам деньги, решили это сделать через И.И. Фондаминского. Ян написал ему, чтобы он выдал Вам 1000 франков (тысячу фр.). Оба письма посылаю экспрессом. Надеюсь, что праздники проведете приятно. Значит, завтра вы можете их получить. Поблагодарите Яна отдельным письмом за них» (РАЛ. MS. 1067/7943). Напоминание о необходимости поблагодарить Бунина наводит на размышления о непростых отношениях между ним и Зуровым.

наступает перелом: Г.Н. Кузнецова оставляет Бунина ради М.А. Степун. Обида и желчь импульсивного Бунина проявились, прежде всего, в его письмах к Ф.А. Степуну, который, неожиданно для Бунина, вместо того, чтобы повлиять на сестру, принял ее сторону¹⁴. Можно предположить, что и Зуров, остававшийся в это время в семье, испытал на себе бунинское возмущение неблагодарностью Кузнецовой, во всяком случае, при первой возможности в апреле 1935 г. Зуров на пожертвования, собранные с помощью П.Н. Милюкова, уезжает в Эстонию вести археологические и этнографические разыскания. В Париж он возвращается в октябре, в письмах из Эстонии сообщает Буниной, что прочел «в кругу молодых поэтов» доклад «о жизни И<вана>А<лексеевича> и о его творчестве, рассказывал о русских писателях за рубежом»¹⁵. О сути взаимоотношений Бунина и Зурова с середины 1930-х гг. можно судить, во-первых, по почти полному отсутствию переписки начиная с 1934 и по 1947 г., исключения составляют приписки Бунина на открытке, посланной Зурову Буниной (№ 40), деловые записки, связанные с приездом Бунина в Париж зимой 1940 г. (№ 42–46), и приписка к коллективной открытке, посланной Зурову в санаторий (№ 47). Заочное общение осуществляется через Бунину, которая вела с уезжавшим в Эстонию Зуровым оживленную переписку. Так, отзываясь на сообщение о докладе Зурова, она добавляет и о реакции Бунина: «Очень рада, что вы съездили в Ревель. Напишите подробнее, как Вас встречали, чувствовали... Ян смеялся, но очень добродушно. Вообще он настроен к Вам хорошо»¹⁶. И вновь сама формулировка последней фразы свидетельствует о напряженности отношений Бунин—Зуров¹⁷.

Вернувшись во Францию с богатым собранием материалов, он начинает подготовку следующей экспедиции, которую удастся осуществить в 1937 г. вместе с Б.В. Вильде¹⁸, а затем в 1938 г.¹⁹

Но еще до этого, в январе 1937 г., Зуров съезжает от Буниных и живет отдельно в Париже²⁰. Завершив экспедицию 1938 г., он остается в Париже и обра-

¹⁴ См. об этом: С двух берегов. С. 113–117, 153–156.

¹⁵ РАЛ. MS. 1068/2071 — письмо от начала—середины мая 1935 г. Доклад прочитан, по-видимому, в Таллинском цехе поэтов.

¹⁶ РАЛ. MS. 1067/7955 — письмо от 6 мая 1935 г.

¹⁷ Ср. также: «Когда нет долго от Вас писем, всегда начинаю тревожиться: здоровы ли Вы? Имейте это в виду. Я понимаю, что при той жизни, которую вы ведете <имеются в виду экспедиционные походы, иногда многодневные. — И.Б.>, Вам не до писем, но хоть открытку могли бы прислать.... Даже Ян <курсив мой. — И.Б.> вчера продирает Вас, что Вы ничего не пишете о Ваших планах» (РАЛ. MS. 1067/7964 — письмо от 1 июля 1935 г.).

¹⁸ Эта экспедиция продолжается с июня по октябрь 1937 г.

¹⁹ Зуров уезжает из Парижа в июне 1938 г. и возвращается в конце сентября.

²⁰ См.: «Сегодня утром Леня ушел от нас и поселился в общежитии 43, rue François Gérard <Paris 16-e>» (РАЛ. MS. 1067/412 — запись от 11 января 1937 г.; см. также в одной из адресных книжек Буниной (РАЛ. MS. 1067/832): «Ochar, François Gérard, 43»). Не установлено, о каком общежитии или очаге идет речь. (По указанному адресу значатся амбулатория Христианского союза врачей и Бюро по приисканию труда, и в разные времена, судя по адресным книжкам Зурова (РАЛ. MS. 1068/1853–1854, 1856), там жили Ф.Т. Пьянов и Т.А. Величковская.) После летней экспедиции 1937 г. Зуров поселился в «комнатах для общежития» при Союзе русских сестр милосердия им. Ю. Врев-

батывает собранные в Печорском крае материалы для Музея человека. На приглашения Буниной приехать в Грасс он отвечает письмами о своей занятости. Не возымело силы и приглашение приехавшего в Париж Бунина. Можно говорить о конфликтных отношениях его с Буниным и в эту пору, основываясь на некоторых деталях из писем Буниной. Она всячески стремится сгладить конфликт, не до конца понимая его глубину, которая откроется ей значительно позже. Таким свидетельством становится, например, последняя фраза одного из ее писем: «Да, Вы забыли наклеить марку на письмо к И<вану> А<Алексеевичу>, но он не знает, я заплатила сама 1 ф. 80 с.»²¹, позволяющая говорить о ее желании избежать любых неприятных моментов в отношениях двух самых дорогих ей людей. Впрочем, сам Зуров пишет ей обо всем этом более определенно: «<...> мне на Бельведер ехать теперь нельзя. <...> Если я приеду, то потрачу очень много денег, ничего не сделаю, переволнуюсь: воспоминания, отношение Ив<ана> Алексеев<ича>»²².

В ответном письме Бунина рассказывает о предпринятых шагах, которые позволяют ей надеяться на приезд Зурова в Грасс: «Галя и Марга <...> уверяют, что Вы ни за что сюда ни в каком случае не приедете. Я уже пробовала возражать, но они, не слушая, твердят свое. Тогда я, чтобы понять, в чем дело, поговорила с Яном. Он тоже сначала меня уверял, что Вы ни за что не хотите сюда ехать. <...> Я сказала, что ведь ты с ним не говорил, это тебе они сказали. Он не отрицает. Я сказала ему, что прежде всего Вы не хотите жить на Бельведере “потому, что ты к нему плохо относишься”, он спокойно сказал “я к нему совсем не отношусь плохо, но только ты понимаешь, что ведь и так нас пять человек, и 50 фр. не хватает в день”. Я сказала ему, что если Вы приедете, то будете платить 10 фр. в день. Тогда он сказал, что же, я ничего не имею против»²³.

С началом Второй мировой войны планы Зурова меняются: он намерен пойти добровольцем на фронт и ждет в Париже медицинской комиссии²⁴. Однако этим планам не дано реализоваться, Бунин записывает у себя в дневнике: «Неожиданная новость: письмо от Серова и Зурова — у Зурова туберкулез, коховск<ие> палочки. Вера сперва залилась розовым огнем и заплакала, потом успокоилась, — верно, оттого, что я согласился на ее поездку в Париж и что теперь З<урова> не возьмут в солдаты»²⁵.

ской по адресу 18, boulevard Flandrin, Paris 16-е (Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск. Париж: Librairie des Cinq Continents, 1973. С. 47–48), где он продолжал снимать комнаты до мая 1940 г., когда уехал в туберкулезный санаторий (см. № 41–47). (Судя по косвенным указаниям в письмах Буниной к Зурову от 25 сентября 1937 г. и от 1 и 16 августа 1938 г. (РАЛ. MS. 1067/7989 и 7998–7999), в администрации общежития играл важную роль Федор Федорович Позняков (1891–1953), известный организацией «Русского очага».)

²¹ РАЛ. MS. 1067/8024 — письмо от 25 февраля 1939 г.

²² РАЛ. MS. 1068/2126 — письмо от 10 мая 1939 г.

²³ РАЛ. MS. 1067/8038 — письмо от 23 мая 1939 г.

²⁴ См.: «Вчера письмо от Лени <...> “Ожидаю, когда меня призовут на медицинские осмотры. До этого мне ехать к вам нельзя. Могу пропустить срок. Первые буквы уже вызывают. Осмотрят нас скоро, а когда призовут — неизвестно. Говорят, что в 1940 г. <...> Вы не волнуйтесь, как только будет все ясно — сразу приеду”» (РАЛ. MS. 1067/410 — запись от 20 октября 1939 г.).

²⁵ РАЛ. MS. 1066/352 — запись от 12 апреля 1940 г.

Следующие несколько месяцев Зуров провел в туберкулезном санатории, после которого в октябре 1940 г. приехал в Грасс. Судя по воспоминаниям А. В. Бахраха, Бунин настороженно ждал возвращения Зурова, вдохновенно создавая для непосвященного миф о страшном человеке: «Вот скоро, чуть ли на днях, прикатит сюда “скобарь”, и тогда вы, а заодно с вами все жители “Жан<н>етты”, запоете уже по-другому...»²⁶ Предельно субъективные воспоминания А. Бахраха содержат недоумение по поводу трений между Буниным и Зуровым (Бахрах, не будучи осведомлен о сути проблемы, разделяет общее мнение о неблагодарности Зурова, «выписанного» из Прибалтики, т. е. облагодетельствованного Буниным), но в то же время местами он справедливо очерчивает виденное им на вилле Жаннетт в 1940–1944 гг.: «Отношения между этими двумя людьми, если их можно было бы изобразить графически, шли неравномерными зигзагами, иногда подымаясь, чтобы затем резко упасть. Бывали, конечно, периоды, когда Бунин бывал даже рад обществу Зурова, его присутствию, спорам с ним, несмотря на то, что они всякий раз кончались взаимными пикировками и каждый из них пытался всадить в другого какие-то “бандерильи” и тут же, как полагается по правилам тавромахии, отступить, чтобы подготовиться к новому нападению»²⁷. И хотя изображение Зурова в мемуарах явно страдает предвзятостью, на что указывал, например, знакомый с Зуровым с 1936 г. Н. Е. Андреев в рецензии на первую публикацию мемуаров отдельной книгой, он же признавал, что фактические описания точны²⁸.

Первая запись о прямом столкновении с Зуровым появляется в дневниках Бунина уже в начале 1941 г.²⁹, и хотя летом того же года Бунин считает их отношения нормальными³⁰, в реальности до нормального положения вещей далеко. Бунин пристрастен к Зурову, о чем можно судить хотя бы по его дневниковой записи о своих «нахлебниках»: «Солнечное утро, безоблачно небо. Сейчас десять минут двенадцатого, а Г<алина> и М<арга> и Бахрак <так называл Бахраха Бунин. — И. Б.> только что проснулись. И так почти каждый день. Замечательные мои нахлебники. Бесплатно содержу троих, четвертый, Зуров, платит в сутки 10 фр. — комната, ванна, электричество, прислуга, убирающая ему комнату и приносящая провизию, завтрак и обед, приготовл<енный> или Верой, или Г<алиной> и М<аргой>!»³¹ Предвзятость здесь очевидна: Зуров, в отличие от остальных, платит за проживание, причем именно ту сумму, о кото-

²⁶ Бахрах А. Бунин в халате: По памяти, по записям. Bayville, NJ: Товарищество Зарубежных Писателей, 1979. С. 20.

²⁷ Там же. С. 34.

²⁸ «Не удался ему <Бахраху> и портрет одного из “царедворцев” при Бунине, писателя Леонида Федоровича Зурова, которого он последовательно характеризует отрицательно. <...> У Бахраха чувствуется личное раздражение при каждом упоминании о Зурове. <...> Самое печальное (и тут невольно приходит в голову фрейдизм), Бахрах старается снизить зуровскую прозу» (Андреев Н. «Бунин в халате» Александра Бахраха // Русская мысль. 1979. 15 ноября. № 3282. С. 6).

²⁹ «Дня четыре тому назад скандал с Зуровым (вечером, в комнате Веры) — холуй, злой нахал, “ледокол”. Решил не разговаривать с ним совсем» (РАЛ. MS. 1066/533 — запись от 23 февраля 1941 г.).

³⁰ Ср.: «С Леной они, слава Богу, в мирных отношениях. И третьего дня за прогулкой он <Бунин> хвалил мне его» (РАЛ. MS. 1067/410 — запись от 11 августа 1941 г.).

³¹ РЛ. MS. 1066/533 — запись от 11 марта 1941 г.

рой договорилась Бунина с мужем в середине 1939 г. (см. выше), однако именно он вызывает негодование Бунина, хотя на таких же правах, как и Зуров, но без всякой платы живут Г.Н. Кузнецова, М.А. Степун и А.В. Бахрах. Тот же упрек Бунин повторяет и в начале 1942 г.: «Денежно продолжаю все больше разоряться. Содержу 4-х на всем готовом. Ничего не делают, в дом не дают ни копейки, кроме З<урова>, который живет, как в Grand Hotel'е, за 10 фр. в день»³², и поскольку эта мысль представляет нечто вроде навязчивой идеи, можно предположить, что она была высказана и самому Зурову.

Впрочем, Бунин с раздражением относился к чужому присутствию и когда речь шла не только о Зурове. Возможно, Бахрах изменил бы тон своих мемуаров об отношении Бунина к Зурову, доведись ему прочесть в дневниках нобелиата следующие строки о самом себе, где он фактически отождествляется с Зуровым: «Позавчера был в Ницце, вырвал зуб. Бахр<ах> знал, что приеду, но даже не показался. <...> Бахр<ах> все еще в Ницце. Наглый мерзавец. В воскресенье 3-го З<уров> дико наскандалил из-за занавески»³³. Бунина освободила от иллюзий относительно нормальных отношений Бунина и Зурова и с болью писала в дневнике: «Мне очень тяжело. Всю ночь не сомкнула глаз. Вчерашнее более чем тяжело. Вот обоюдная вражда. Такой я еще не видела. Не могу простить себе, как я проглядела ее. Я не представляла размеров ее. Вероятно, я страдаю сильнее всех, ибо я за всех, а они каждый за себя. И уже в той степени возбуждения, когда человек не способен чувствовать ничего, кроме своей боли. И не верить ни одного в правоте, хотя бы очень небольшой, другого. И все из-за ерунды. Из-за очень тяжелой жизни. Отсутствия просвета»³⁴. Жалобы Бунина выходили за пределы его дневника, накапливаясь в письмах друзьям. Этот, самый серьезный конфликт с Зуровым нашел отражение в переписке с Б.К. Зайцевым: «А теряю кровь на этот раз из-за этого скота и зверя — чуть не умер от бешенства на него дней пять тому назад — сидел возле радио, как вдруг он подходит и повертывает у меня под носом кнопку с криком: “Нельзя пускать так сильно!” — “Позвольте — ведь все-таки эта машина моя!” — “Теперь все *общее!* На драку хотите лезть? Пожалуйста!” — И опять, если бы не Вера, дело на волосок от смертоубийства. “Мерзавец, чекист, палач, с длинной каторжной шеей!” — “Ян, как ты можешь говорить такие вещи в глаза!” — “А он может мне говорить в глаза, что будет бить меня?!” — Милый, есть всякие попытки, но такая, как мне дана, сам Вельзевул не выдержит! *И 14 лет!*»³⁵

³² РАЛ. MS. 1066/534 — запись от 4 января 1942 г.

³³ РАЛ. MS. 1066/535 — запись от 6 мая 1942 г. Примерно то же пишет он месяц спустя, вновь объединяя Бахраха и Зурова: «Бахрак опять в Ницце — нынче неделя, как уехал. Утром нынче уехал в Ниццу Зуров. Мы с В<ерой> одни во всем <доме>. Ну и везет нам — таких наглых жильцов, как у нас, с огнем поискать!» (Там же — запись от 1 июля 1942 г.).

³⁴ РАЛ. MS. 1067/416 — запись от 7 августа 1944 г. Событие описано и в дневнике Бунина от того же 7 августа 1944 г.: «Вчера ужасающий скандал — Зуров орал на В<еру> за ее “идиотские рас<с>просы” о радио; я крикнул ей: “Как ты можешь терпеть это?” После чего раздался<?> его ужасный рев на весь дом, что он посылает меня “к е. м., на х., захватив<?> и эту старую сволочь!”» (РАЛ. MS. 1066/535).

³⁵ Письма И. Бунина к Б. Зайцеву / Публ. А. Зверса // Новый журнал. 1979. № 137. С. 139 — письмо от 11 июля 1944 г.

Безусловно, Бунин пишет в раздражении, обиде, едва ли дословно передавая все сказанное им и Зуровым, и это заставляет вспомнить мемуары Бахраха уже по другому поводу, с рассказом о вспыльчивости Бунина: «Обычно сдержанный, иной раз чего-то недослышав или не разобравшись в том, что ему было сказано, он мог вдруг разъяриться, вспыхнуть, наговорить кучу ненужных слов, приносивших вред только ему самому»³⁶. Любопытно, что именно этим свойством Бунина мемуарист пытается объяснить известную сцену издевательства над пожилым писателем немецких таможенников³⁷.

Той же несдержанностью Бунина можно, думается, объяснить еще один факт, иначе почти необъяснимый: уверенность Б.К. Зайцева в том, что выход Бунина из Союза русских писателей и журналистов в Париже в ноябре 1947 г. произошел под влиянием Зурова. Зайцев, прекрасно знавший независимую натуру Бунина, мог изменить свое мнение о нем именно под воздействием постоянных упоминаний в бунинских письмах Зурова, его наскоков, скандалов, его якобы просоветской настроенности³⁸. Возможно, именно эти письма легли в основу зайцевского суждения о причинах выхода Бунина из возглавлявшегося Зайцевым Союза³⁹.

После окончания войны Зуров вновь уезжает от Буниных в Париж⁴⁰. Однако это оказывается лишь временным решением проблемы — он живет то у одних, то у других знакомых и все же в конце концов оказывается в парижской квартире Буниных. После войны начинается новый этап его взаимоотношений с Буниным: с 1947 г. налаживается переписка, и деловая, и личная. Бунин использует новые обращения к своему корреспонденту: место обычного «Милый Ленья» занимают шуточные «Милый Бова», «Дорогой Еруслан Лазаревич», «Дядя Ленья» и даже «Милый, милый Ленья». Они с Зуровым оказываются на одной стороне в конфликте с М.С. Цетлиной (№ 53), Бунин прочитывает все публикации Зурова и откликается на них, как правило, в хвалебных тонах⁴¹. Дальше — больше, Бунина фиксирует в дневнике: «Ян сказал Лене: “Вы единственный писатель после меня”»⁴². Резительный контраст с каждодневными издевательскими вопросами, о которых пишет в мемуарах Бахрах: «Перед сном, прощаясь с Верой Николаевной, <Бунин> приговаривал: “А, кстати, как подвинулся ‘Зимний дворец’ <незаконченный роман Зу-

³⁶ Бахрах А. Бунин в халате. С. 44.

³⁷ Там же. С. 45. Ту же черту — несдержанность, особенно в письмах, отмечала у Бунина М.Э. Грин (см.: РАЛ. MS. 1065/1531).

³⁸ См., напр.: «Зуров стал все чаще пропадать из дому: он теперь один из важных членов и организаторов в местном (нищском и каннском) Союзе друзей Советского Отечества — Union des Amis de la Patrie Soviétique, завтра опять едет в Cannes — наступают дни празднования октябрьской революции — 7 ноября» (Письма И. Бунина к Б. Зайцеву / Публ. А. Зверера // Новый журнал. 1980. № 138. С. 155 — письмо от 26 октября 1944 г.).

³⁹ См. № 53 и примеч. 2 к нему.

⁴⁰ См.: «В прошлую среду переехал Ленья в дом матери Марии, адреса не оставил и до сих пор его не прислал» (РАЛ. MS. 1067/416 — запись от 28 июля 1946 г.). Речь идет об уже мемориальном Русском доме матери Марии (77, rue de Lourmel, Paris 15-e).

⁴¹ См., напр.: «И.А. сейчас сказал, что он прочитал “Обитель” и что “это не хорошо, а великолепно”» (РАЛ. MS. 1067/8214 — письмо Буниной Зурову от 17 августа 1948 г.).

⁴² РАЛ. MS. 1067/426 — запись от 3 января 1950 г.

рова. — *И.Б.*>, что удалось к нему пристроить?» — и возмущенная Бунина, болезненно переживавшая иронию своего мужа, только бормотала: «Перестань, Ян, ведь он тебя не трогает...»⁴³

Сам Бунин не оставил каких-либо объяснений этих перемен, однако можно предположить, что после войны, а затем и выхода из Союза писателей и журналистов в Париже Бунин остро ощущал свое одиночество. Многие его друзья и знакомые уехали в США, с другими связь была потеряна, и права была М.Э. Грин, решившаяся в какой-то момент ответить недоброжелателям Зурова. Она не довела свой ответ до конца, оборвав его на полуслове, но центральная мысль вполне ясна: «единственный из их <Буниных. — *И.Б.*> непосредственного окружения верный...»⁴⁴. Однако Зуров не просто оказался рядом в ту пору, когда никого другого возле Бунина (за исключением, разумеется, Буниной) не было, он, живя в Париже, не только исполнял разного рода поручения Бунина⁴⁵, но сделался ему необходим⁴⁶. Сам Зуров характеризовал свою роль при Бунине в последние годы его жизни следующим образом: «<Я> находился при И.А. Бунине вместе с Буниной, заменяя сестру милосердия, т.е. я делал ему в течение месяца сложнейшие перевязки, т.е. выполнял все обязанности санитарки, т<ак> к<ак> я и был после расформирования Северо-Западной Армии санитаром в 5 Русском госпитале Красного Креста (о чем и документы имею), а так как болезнь Бунина затянулась на годы и его нельзя уже ни на минуту оставить одного, то мы с Верой Николаевной по очереди дежурили»⁴⁷.

В это время Зуров публикует свои рассказы, и Бунин как будто заново открывает в нем талантливого писателя. Едва ли можно говорить о том, что он просто подбадривает Зурова или же, рассчитывая на его помощь, преувеличивает достоинства зуровских произведений. Бунин всегда оставался чрезвычайно строгим ценителем литературы, и его оценки, чаще всего передаваемые в письмах Буниной, не могли не льстить Зурову:

«Ян вчера Вас очень хвалил, говорил, что Вы единственный владеющий русским языком и вообще все писатели Вашего поколения щенки перед Вами, “как он тонко и верно все понимает!” А раньше восхищался Вашим письмом: “Как Зуров хорошо письма пишет!” Я согласилась и сказала, что это еще не лучшее»⁴⁸. Да и сам Бунин иногда сообщал Зурову свое мнение: «О Вашем рас-

⁴³ Бахрах А. Бунин в халате. С. 48.

⁴⁴ РАЛ. MS. 1065/1531.

⁴⁵ См. письма № 50, 53, 56 и т.д. Возможно, именно это дало основания некоторым исследователям ошибочно утверждать, что Зуров был секретарем Бунина (см., напр., его биографию в энциклопедии «Писатели русского зарубежья» (М.: РОССПЭН, 1997. С. 183), на сайте http://pskovcity.ru/pers_zurov.htm; в энциклопедическом словаре А.И. Серкова «Русское масонство, 1731–2000» (М.: Росспен, 2001. С. 351) и др.).

⁴⁶ См. письма № 62, 71, 76 и др. О том же пишет и Бунина: «Вернулись мы домой <после операции Бунина. — *И.Б.*> 20.IX. Медленно поправляется. Еще слаб. За ним хорошо ухаживает Ляня: перевязки, растирание ноги, пассивная гимнастика и очень вкусные блюда, надо, чтобы Ян хоть немного окреп и пополнил» (Письма Буниных к художнице Т. Муравьевой-Логиновой (1936–1961). Париж: YMCA-Press, 1982 (в дальнейшем: Письма к Муравьевой-Логиновой). С. 127 — письмо от 2 октября 1950 г.).

⁴⁷ Черновик письма В.А. Александровой от весны 1953 г. (РАЛ. MS. 1068/778).

⁴⁸ РАЛ. MS. 1067/8190 — письмо от 18 января 1948 г.

сказе в “Новоселье” Вы знаете мое мнение — много истинно превосходного» (№ 76).

Известие о душевной болезни Зурова Бунин воспринял как семейное несчастье: «Получили ли Вы письмо от Веры, в котором она писала Вам о тяжелой болезни бедного Л<еонида> Ф<едоровича>, которой все так ошеломлены?»⁴⁹

Пик болезни Зурова пришелся на время последней болезни Бунина: из клиники он вернулся уже после его смерти. Последнее письмо Бунину — это трогательное пожелание «здоровья, здоровья и здоровья» ко дню ангела и дню рождения (№ 77). Бунина очередной раз соединяет обоих больных: «Драгоценный мой Ленюшка. Спасибо за письмо. Завтра передам Ваше поздравление Яну»⁵⁰. Это было их последним общением.

* * *

Письма публикуются впервые по оригиналам, хранящимся в РАЛ. Архивный шифр каждого письма указан в начале примечаний к нему.

Тексты печатаются по современным нормам орфографии и пунктуации, при этом сохраняются характерные особенности авторского написания, играющие стилистическую или смысловую роль.

Ценную помощь при подготовке публикации оказали: Наталья Кистерева (Елец), Лев Мнухин (Москва), Тамара Полуектова (Москва), Евгений Пономарев (Санкт-Петербург), Ольга Ростова (Москва), Galina Bradley (Leeds, Великобритания), Tatiana Gladkova (Paris), Thomas Bazin (Paris), Tanya Chebotarev (New York), Roger Davis (Leeds, Великобритания), Nicholas Hearn (Oxford, Великобритания), André de Korvin (Houston, США), Joseph Lenkart (Slavic Reference Service, Urbana-Champaign, США), Rebecca Mitchell (Urbana-Champaign, США), Héléne Ravaisse (Paris), Ekaterina Rogatchevskaia (London).

⁴⁹ Письмо Алданову от 24 июля 1953 г. (Новый журнал. 1984. № 156. С. 158).

⁵⁰ РАЛ. MS. 1067/8311 — письмо от 22 октября 1953 г.

Часть II

38

Л.Ф. ЗУРОВ — И.А. БУНИНУ

7 января 1933 г. Грасс

Милый Иван Алексеевич!

Поздравляю Вас и Галю с Рождеством Христовым. Мы старательно ожидаем Вас, но человек предполагает, а Бог <располагает>.

Все было готово. Кабинет И<вана> А<лексеевича> был чист, как корабельная палуба, для Гали в саду расцвели ирисы и мимоза. В<ера> Н<иколаевна> в отсутствие спала головою на север, [на] звезду [и от этого очень по].

Мы были у Кугушевых¹. Лунная ночь, ледяной ветер, подмерзающая дорога, — а в усадьбе только что заканчивается: ссора супругов, [ужасная] взволнованная Ася[, у которой спина, <?>] в деревенской зеленой кофточке ([с]шитой [глотов<ской> о] елецкой портнихой), надутый и обрюзгший князь, милая рождественская елка в том же углу, выскакивает кукушка, торжественный с плохим вином стол: перемоченная селедка [в эрзац], салат-провансаль из дешевых копченых селедок, консервированной мелко накрошенной ветчины, с пикулями — яйцами, огурцами и грибами — [произв<одство?>] все делал [свет<лейший?>] его сиятельство князь — вышло плохо, но много.

Был сухой жареный очень темный гусь с очаровательно по-балтийски пригот<овленной> яблоками и тушеной капустой, поджаренной с гусиными печенками (гуся приготовила по-ревельски баронесса²). Стол прошел очень скучно. Выручили В<ера> Н<иколаевна> и Самойлов. Жена Самойлова [была] неподвижна и нема³. Князь молчаливо напивался [и говорил,

что] [всех их надо] [врагов надо вешать — у него пропадает парк]. [Усач] Седоусый краснел⁴.

Все ужасно устали. Под конец разочарованная Ася начала устанавливать [свой великоле<пный>] фотографический аппарат [на этой ужасной ломаной]. [Тут они] Они поругались с князем. Князь стал зол, бледен и поджал губы. [Темнота] Ася, волнуясь, наводила объектив, нацеляясь на неподвижно стоящую под елкой бледную Веру Николаевну. Потом мужчины сели, а дамы стали сзади. Князь поджег магний, добежал до стула — и с потолка ударило облако [вонючего, едкого] дыма⁵.

Нужно добавить, что, начиная с 8 часов — до 2-х, мы оставались без движения в столовой, [т<ак> к<ак> в] [Шишкин спал] а [Шишкин] Ася не могла пригласить нас в красную комнату, где Галин портрет⁶ и роляль, [т<ак> к<ак>].

[Самойлов был] Все были огорчены, что Вы не приехали.

Публикуется по автографу (черновик — не восстановлены зачеркнутые повторы) (РАЛ. MS. 1068/2061). Датируется по сопоставлению с дневниковой записью Буниной от 17 января 1933 г., содержащей описание того же Сочельника, проведенного у Кугушевых 6 января 1933 г. без Бунина и Кузнецовой, уехавших 20 декабря 1932 г. в Париж и задержавшихся там до 11 января 1933 г. из-за заболевшей гриппом Кузнецовой: «Кугушевы были, видимо, в ссоре <...> У Аси много неприятностей в этот день: <...> село платье, и ей пришлось быть в самодельной рубашечке <...> Князь был утомлен, зато Самойлов веселился. <...> Князь изобрел новое кушанье: смесь рыбы с ветчиной, яйцами, огурцами и оливками и еще что-то — ничего, вкусно. Был и гусь. Пили главным образом водку и коньяк» (РАЛ. MS. 1067/408).

¹ Кн. Александр Александрович Кугушев (1898–1935) и его жена Ася (Анна) Михайловна (урожд. Лапинская; 1900–1989) жили с маленьким сыном Шурой («Шишкин») (род. 1931) недалеко от Грасса в Ле Рурэ (Le Rouret) на ферме «Дубок», где Кугушев занимался куроводством.

² Возможно, Зуров так в шутку называет А.М. Кугушеву.

³ Федор Яковлевич и Августа Протогеновна Самойловы — приятели Кугушевых и Буниных.

⁴ На фотографии участников праздничного ужина снят, кроме Зурова, Кугушева и Самойлова, четвертый неидентифицированный мужчина. Возможно, это его Зуров называет Седоусым.

⁵ Подаренный, по-видимому, Зурову отпечаток фотографии хранится в его архиве (РАЛ. MS. 1068/4428).

⁶ Предположительно портрет Кузнецовой, написанный С.А. Соринным (1878–1953). Историю создания этого портрета см.: Грасский дневник. С. 135–136, 162–170 (записи от 18 мая, 6 августа — 9 сентября 1930 г.). Сохранилось 2 фотографии Сорина с портретом Кузнецовой на мольберте (РАЛ. MS. 1066/7499, 7501).

Л.Ф. ЗУРОВ — И.А. БУНИНУ

27 декабря 1933 г. Париж

27 декабря 1933 г.

Милый Иван Алексеевич!

Открытку Вашу получил. Сердечно благодарю за деньги (1000 ф<ранков>), кот<орые> я получил вчера у И.И. Фондаминского¹. У него я застал Керенского. Диктовал А<малии> О<сиповне>² очередную боевую статью³, а потом играл с А<малией> О<сиповной> в карты. Февральский вождь немного обрызг.

Посылаю Вам 2 денежных чека. 1) На 800 франков — The Fifth Avenue Bank⁴. 2) На 5 фунтов, 5 шилл<ингов> — Story — 20 E 57, New York⁵.

Посылаю телеграмму Рериха⁶ (за каждую телеграмму я плачу 9 франков — Grasse — Majestic — Vernet)⁷. Просьбы (их почему-то посылают заказными) я оставляю у себя, как и пакеты Argus de la Presse⁸.

У меня бывают просители. Кто их посылает⁹?

Американское издательство прислало 4 больших тома — The Gentleman from San Francisco — Alfred A. Knopf. New York, 1933 (15 прозаических вещей — книга с Вашим автографом — письмо к Кнопфу от 21-IV-1923)¹⁰.

Зензинов просил Вам передать. Он получил из Америки заказ: написать Вашу биографию. Он ждет Вашего приезда в Париж¹¹.

Сегодня утром меня замучили почтальоны. Явилось 3 — один за другим. Каждый принес по календарю и по заказному письму¹². Последний притащил громадную Библию — подарок Вам от баптистов¹³.

Целую Вас крепко и обнимаю. Поздравляю с наступающим Новым годом. Целую Веру Николаевну и Галю.

Привет милым Степунам¹⁴.

Ваш Л. Зуров

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1068/2055). Письмо направлено из Парижа (см. примеч. 7) в Дрезден, где Бунины и Кузнецова провели последнюю декаду декабря 1933 г., после Нобелевских торжеств, в гостях у Ф.А. Степуна (С двух берегов. С. 103–104, 147–148).

¹ Открытка Бунина не сохранилась. Но в письме от 20 декабря 1933 г. Бунина писала Зурову: «После долгих обсуждений, как послать Вам деньги, решили это сделать через И.И. Фондаминского. Ян написал ему, чтобы он выдал Вам 1000 франков (тысяча фр.)» (РАЛ. MS. 1067/7943).

² Амалия Осиповна Фондаминская (урожд. Гавронская; 1882–1935), жена И.И. Фондаминского.

³ Возможно, речь идет об одной из статей, опубликованных А.Ф. Керенским в 1934 г. в журнале «Современные записки», в числе редакторов которого был Фондаминский: «Политика Литвинова» (№ 54), «Союзники и Временное Правительство» (№ 55), «Во власти иллюзий» (№ 56).

⁴ Возможно, плата за переиздание сборника рассказов «The Gentleman from San Francisco» или аванс за издание «The Well of Days» (см. ниже в № 39 и примеч. 10).

⁵ Плата за издание рассказа «Игнат» (1912) в переводе на английский язык в нью-йоркском журнале «Story»: A Simple Peasant / Translated from the Russian by M. Kent and Wh. Burnett // Story. 1934 (January). Vol. IV. № 18. P. 65–92.

⁶ Телеграмма художника Николая Константиновича Рериха (1874–1947) не сохранилась.

⁷ Плата за каждую телеграмму обусловлена тем, что телеграммы с поздравлениями Бунину по поводу получения Нобелевской премии, адресованные в Грасс, пересылались по его просьбе в отель «Мажестик», где он остановился перед поездкой в Стокгольм, а после его отъезда — в отель «Верне», где жил Зуров с 30 ноября 1933 г.

⁸ Argus de la Presse — бюро вырезок, высылавшее все, что появлялось в прессе о Бунине и его награждении. Присуждение Нобелевской премии Бунину представлено в РАЛ вырезками из газет и журналов на 15 языках (в общей сложности свыше 450).

⁹ По всей видимости, Зуров в данном случае выступал в роли «заместителя» Бунина, отсиживавшегося от этих самых просьб в Дрездене у Степуна. Просьбы начались почти сразу же после вручения Бунину Нобелевской премии. В интервью, данном П. М. Пильскому в 1938 г., он сказал, что получил более 2000 просьб (*Пильский П.* В вагоне с Буниным // Сегодня. 1938. 29 апреля. № 118. С. 5). Через два дня после получения премии, в ночь с 12 на 13 декабря 1933 г., Бунина писала Зурову: «Из Парижа неприятности — требования денег, действительно, не успели надеть новых башмаков, как за горло — давай и мне...» (РАЛ. MS. 1067/7940).

¹⁰ Авторизованный перевод сборника рассказов Бунина вышел впервые в нью-йоркском изд-ве «Альфред А. Кнопф» в 1923 г. и переиздавался несколько раз под разными названиями, но с тем же составом из 15 рассказов 1911–1920 гг.: *Bunin I. The Gentleman from San Francisco and Other Stories / Authorized translation from the Russian by V. G. Guernev. New York: Alfred A. Knopf, 1923.* Письмом на французском языке от 21 апреля 1923 г., воспроизведенном в сборнике факсимильно и в переводе на английский язык, Бунин давал Кнопфу исключительное право на издание в США данного сборника и повести «Деревня» (1910). В 1934 г. у Кнопфа же вышел перевод «Жизни Арсеньева. Истоки дней» (1930): *Bunin I. The Well of Days / Translated from the Russian by G. Struve and H. Miles. New York: Alfred A. Knopf, 1934.*

¹¹ 13 марта 1934 г. Владимир Михайлович Зензинов (1880–1953) писал Бунину: «Я как раз Вам собирался писать, чтобы рассказать Вам, какой неожиданный оборот приняло все мое дело с американским изданием Вашей биографии. / Кажется, в свое время я не рассказывал Вам в подробностях, как оно возникло. 25 декабря <1933 г. — И. Б., Р. Д.> я неожиданно получил из Нью-Йорка телеграмму от знакомого журналиста <...>: «ИМЕЮ ДЛЯ ВАС КОНТРАКТ НА БИОГРАФИЮ БУНИНА. МАНУСКРИПТ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПРЕДСТАВЛЕН К 20 ЯНВАРЯ. ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ О СОГЛАСИИ. ДОН-ЛЕВИН». И в тот же день получил письмо от своей приятельницы Струнской, жены редактора «Нью-Йорк Таймс», в котором она сообщила подробности об этом предложении, причем указывала, что издатель согласен выплатить мне 500 долларов аванса. Я немедленно ответил им обоим согласием и приступил к работе. Ровно через месяц, еще до получения от меня рукописи, Струнская неожиданно мне сообщила — в ответ на мои запросы, что издатель взял свое предложение назад, но утешала меня тем, что вступила в переговоры с другим издателем, с которым надеялась заключить еще более выгодные для меня условия. Дальнейшие ее письма тоже поддерживали эту надежду, но ничего определенного в себе не заключали. И наконец, около недели тому назад, я получил от нее новое письмо, написанное ею уже после ознакомления с моей рукописью. / Струнская отнеслась к моей работе гораздо более сурово, чем Вы. Я прилагаю на отдельных листиках <приложенные листики не сохранились. — И. Б., Р. Д.> выдержки как из ее писем, так и из единственного письма Дон-Левина, которое я от него получил — с указаниями, о чем и как надо писать и с подробной критикой самой рукописи. Все мои планы превратились в воздушный замок, а надежды — в мыльный пузырь. Правда, она не отказывается искать издателя, если я соглашусь в корне переделать всю работу — по ее указаниям. Оказывается,

биографию надо драматизировать, внести в нее как можно больше субъективного элемента, как можно меньше цитат... Я сильно сомневаюсь, что это мне удастся, но все же попытаюсь. К сожалению, Ваша жизнь не походит на жизнь Наполеона, никого, насколько я знаю, Вы также не отравили и не задушили, к огорчению американских издателей... Очень характерно также это отношение к цитатам из “Жизни Арсеньева” — книга, мол, только что вышла, нельзя один и тот же ТОВАР продавать на РЫНКЕ дважды. Проклятая страна! Паршивая психология! <...> Около месяца тому назад я обратился с предложением об издании Вашей биографии к Вашему шведскому издателю Геберу. Он ответил мне очень любезным письмом <...>, но сказал, что к нему уже поступило аналогичное предложение от К.О. Зайцева и что он за разъяснениями обратится к Вам. Конечно, конкурировать с К.О. Зайцевым я не хочу. Но я не знал, что К.О. также писал Вашу биографию — я думал, что он был занят работой к цитатам из “Жизни Арсеньева” — критико-литературного характера» (РАЛ. MS. 1066/6050). Зензинов так никогда и не издавал свою биографию Бунина, и даже рукопись ее не сохранилась в его большом архиве в VAR. Вместо нее он опубликовал мемуарный очерк «Иван Алексеевич Бунин» (Новый журнал. 1942. № 3. С. 288–304), а посмертно были изданы в составе публикации «Записи В.М. Зензинова» его «Беседы с И.А. Буниным (1934)» (записаны в Грассе 29 и 31 октября 1934 г.) (Новый журнал. 1981. № 144. С. 133–135).

¹² Поскольку письмо предновогоднее, можно предположить, что речь идет о календарях на будущий, 1934 г., посланных разными фирмами в качестве рекламы.

¹³ Данная Библия не оставила следов в архиве Бунина.

¹⁴ Семья Ф.А. Степуна состояла из его второй жены (с 1911 г.) Натальи Николаевны (урожд. Никольская; 1886–1961), его матери Марии Федоровны (урожд. Аргеландер; 1861–1941) и его младшей сестры, певицы, Маргариты (Марги) (1897–1972).

40

И.А. И В.Н. БУНИНЫ — Л.Ф. ЗУРОВУ

25 мая 1935 г. Париж; 28 мая 1935 г. Грасс

25 мая 1935 г.

Это с выставки¹, где мы были с Бенуа².

Кланяюсь, целую.

И.Б.

28 мая

Она продолжится, может быть, три месяца. Бог даст, и Вы увидите ее. Пишу уже из Грасса.

Доехали хорошо: train bleu!³ Два с половиной дня провели с Маргой⁴. Галя поправилась. Сегодня они уехали в Сен-Рафаэль. Оттуда Марга едет послезавтра в Германию. 5 июня она будет из Лейпцига петь по радио между 10 ч. 50 — 12 ночи. Как заживет голова — мне сделали операцию⁵, — так пойду к Рождественскому⁶.

Целую.

В.⁷

Публикуется по автографу (открытка с репродукцией фрески Джотто «Мадонна с ангелами и святыми» (1308–1310)) (РАЛ. MS. 1066/6115). Обе даты вписаны Буниной перед тем, как отправить открытку Зурову вместе с ее письмом от 29 мая 1935 г.: «Открытку с выставки до сих пор не послала. Посылаю ее с этим письмом» (РАЛ. MS. 1067/7957). Открытка послана Зурову в Эстонию, куда он уехал в археологическую и этнографическую экспедицию 13 апреля до начала октября 1935 г. Бунин и Кузнецова находились в Париже с 15, а Бунина с Зуровым с 27 марта 1935 г. (дневниковая запись Буниной от 25 марта — РАЛ. MS. 1067/410; Устами Буниных. Т. 3. С. 14).

¹ Речь идет о важной в политическом плане (как один из результатов договоров правительства Франции с фашистской Италией в 1935 г.) выставке шедевров итальянского искусства («Exposition d'art italien de Cimabue à Tiepolo»), которая открылась в парижском Малом дворце (Petit Palais) в мае 1935 г. (Выставка итальянского искусства XIX–XX вв. проходила параллельно в галерее Jeu de Paume.) Судя по ее письму Зурову от 18–21 мая 1935 г., Бунина попала на выставку раньше Бунина: «Сегодня <20 мая. — И.Б., Р.Д.> мне удалось побывать на итальянской выставке. Удивительное впечатление. Особенно хороши примитивы Джотто <...>» (РАЛ. MS. 1067/7956).

² Предположительно, художник и историк искусства Александр Николаевич Бенуа (1870–1960).

³ Дословно: синий поезд (*фр.*) — спальный вагон 1-го класса. В 1922–1938 гг. неофициальное название ночного поезда первого класса из Кале в Ментон (ср. в № 74 официальном названии «Pas-de-Calais–Méditerranée»). О привычке Бунина ездить первым классом писала И. Одоевцева: «Бунин, несмотря на скудость средств, всегда путешествует в *train bleu*, в первом классе» (*Одоевцева И.* На берегах Сены. М.: Художественная литература, 1989. С. 240).

⁴ См. примеч. 14 к № 39. О романе Кузнецовой и Степун см.: С двух берегов. С. 86–87 (из предисловия К. Хуфена к публикации писем Ф.А. Степуна к Бунину).

⁵ По-видимому, речь шла о «жировике», т.е. доброкачественной опухоли. В письме к Зурову от 18–21 мая 1935 г. читаем: «Сижу с завязанной головой. Выдержала сегодня <т.е. 20 мая после посещения выставки. — И.Б., Р.Д.> операцию»; «Никуда не могу пойти, так как вся голова забинтована, — ведь в четырех местах пришлось удалять» (написано 21 мая, когда у Буниных, тем не менее, был «писательский обед») (РАЛ. MS. 1067/7956).

⁶ Рождественский Аркадий Илларионович — коммерсант, владелец химической лаборатории в Грассе, где производились парфюмерные товары. Зуров в поисках заработка пообещал Рождественскому найти покупателей на его продукцию в Прибалтийских странах. В рижской газете «Сегодня» 15 апреля 1935 г. была напечатана биографическая справка о прибывающем в Латвию Зурове, где после перечисления его произведений, в частности, говорилось: «Кроме этих беллетристических и исторических трудов, Зуров принимает близкое участие в трудах химической лаборатории города Грасса, где состоит лаборантом» (Сегодня. 1935. 15 апреля. № 105. С. 6). Справка основана на письмах Зурова главному редактору «Сегодня» М.С. Мильруду от 4 и 21 марта 1935 г.: «В Латвию и Эстонию я еду не только как журналист, но и как представитель химической лаборатории, в которой я работаю в качестве лаборанта. Лаборатория желает, чтобы я установил связь с прибалтийскими купцами»; и от 21 марта: «Лаборатория просила меня устроить представительство Лаборатории в Ковно и в Риге. Представитель получает пять процентов с проданных эфирных масел и десять процентов с остальных фабрикатов. Дело представителя — связать лабораторию с купцами и фабрикантами. Лаборатория обслуживает крупные фабрики Грасса и имеет возможность продавать фабрикаты, парфюмерные продукты и композиции по сравнительно низкой цене, конкурируя с другими поставщиками. / Может быть, в Риге и в Ковно найдутся коммерсанты, поддерживающие связь с газетой, которые заинтересуются этим предложением и пожелают быть представителями Лаборатории» (*Абызов Ю., Флейшман Л., Равдин Б.* Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Stanford, CA, 1997. Кн. 4. С. 106–107). В свои коммерческие дела Зуров втянул и семейство Буниных. Из

письма Буниной Зурову от 31 мая 1935 (РАЛ. MS. 1067/7958) понятно, что она в Грассе ходит по его делам в парфюмерную фирму Noël к Рождественскому. Речь идет об экспорте лавандового масла, и образцы посланы тем, чьи имена назвал Рождественскому Зуров. Бунина подозревала, что сам Рождественский ничего не производит, а только покупает по оптовой цене и продает по розничной.

⁷ Бунина.

41

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

20 февраля 1939 г. Босолей

Подписываю, отсылаю, целую¹.

Ив. Бунин

20.II.39

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/6116). № 41–45 посланы Зурову в общежитие по адресу: 18, boulevard Flandrin, Paris 16-е (см. примеч. 20 ко вступ. ст. и примеч. 1 к № 42).

¹ Установить точно, о чем идет речь, не удалось. Бунин находился в Париже с конца декабря 1938 г. по начало февраля 1939 г., занимаясь своими издательскими делами. В письме от 10 февраля 1939 г. Зуров докладывал о выполнении ряда денежных поручений Буниных (РАЛ. MS. 1068/2120), и можно предположить, что № 41 относится к такого же рода поручениям.

42

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

26 января 1940 г. Грасс

26.I.40

Милый Леня, надеюсь быть в Париже в понедельник 29-го утром. Приходите, если можете, часов в одиннадцать. Если поезд опоздает, подождите меня в квартире¹.

Целую, до свидания.

Ив. Бунин

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ. MS. 1066/6117).

¹ Зуров жил отдельно от Буниных в Париже с начала 1937 г. до весны 1940 г. Бунина тщательно призывала его вернуться в Грасс и очень скучала. В ее письме к нему от 28 января 1939 г. (день отъезда Бунина в Париж к врачу) читаем: «Он очень хочет вернуться с Вами вместе, но я уже ни на что не надеюсь» (РАЛ. MS. 1067/8103).

43

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

30 января 1940 г. Париж

Милый Леня, не могу быть дома нынче. Повидаемся завтра или послезавтра — позвоню или напишу.

Ив. Б.

Вторник

Публикуется по автографу (открытка-пневматичка) (РАЛ. MS. 1066/6118). Датируется по почтовому штемпелю.

44

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

14 февраля 1940 г. Париж

Милый Леня, уезжаю — если можете, зайдите *завтра* к часу дня.

Ив. Бунин

Среда

Публикуется по автографу (письмо-пневматичка) (РАЛ. MS. 1066/6119). Датируется по почтовому штемпелю.

45

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

18 февраля 1940 г. Грасс

18.II.40.

Милый Леня, приехав домой¹, я не нашел в чемодане, с которым ехал, [книги из собрания сочинений Тургенева (без переплета, издание «Нивы» и] связочки мелких образков — очевидно, забыл в Париже — [Тургенева] должно быть, [в той комнате, где жили Галя с Маргой², а образки —] в спальне, на ночном столике или в столе возле зеркала. Зайдите, поищите и известите — беспокоюсь.

Целую Вас.

Ив. Б.

Нет, Тургенева нашел.

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ. MS. 1066/6120).

¹ Бунин вернулся из Парижа в Грасс 16 февраля 1940 г.

² Кузнецова и Степун в 1939 г. жили в парижской квартире Буниных, уехав из Грасса сразу после объявления Второй мировой войны.

46

Л.Ф. ЗУРОВ — И.А. БУНИНУ

22 февраля 1940 г. Париж

22/II 1940 г.

Милый Иван Алексеевич!

Вчера получил Вашу открытку¹. Вчера вечером пошел на квартиру и произвел поиски. М<ademois>elle мне помогала². Смотрел в спальне, на ночном столике и на столе возле зеркала. Перевернул все, но тщетно. М<ademois>elle вчера утром убирала комнаты и ничего не нашла. Думаю, что образки Вы увезли и найдете их в своих вещах.

Шлю сердечный привет всем. У нас установилась весенняя погода. Солнечно, мягко, очаровательно.

Целую.

Ваш Л. Зуров

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1068/2056).

¹ № 45.

² Речь идет о соседке, помощнице и советнице Буниных на рю Жак Оффенбах Марии Элизе Амбер (Marie Elise Imbert; 1870–1949). Сохранились ее письма к Буниной от 1939–1945 гг. (РАЛ. MS. 1067/2954–2965). О ее одинокой смерти 24 марта 1949 г. Зуров доложил Буниной в письме от 29 марта 1949 г. (РАЛ. MS. 1068/2230).

47

КОЛЛЕКТИВНАЯ ОТКРЫТКА — Л.Ф. ЗУРОВУ

13 мая 1940 г. Париж

Париж 13/V 40.

Милый Леня,

Как Вы там живете? Без Вас грустно, но слава Богу, что Вы отдыхаете! Всего хорошего!

Ирина¹.

Не беспокойтесь, дорогой, алерты² мы с Яном, слава Богу, переносим спокойно. Сходим в подвал. Никины дела идут. Сегодня она получила за две вещи 200 фр.³

Храни Вас Бог.

Целую.

В.⁴

Очень без Вас пусто, дорогой Леонид Федорович, и «миленький»⁵ Вас все вспоминает. Но рады за Вас, что Вы <на> природе. Поправляйтесь и вернетесь к нам розовеньким и свеженьким, как херувимчик. Господь с Вами! Пишите побольше, не теряйте дорогого времени. И нас не забывайте.

Любящие Вас Власовы⁶.

Милый Леонид Федорович, шлю Вам сердечный привет. Очень без Ленского скучаем. Не с кем «сразиться»! Желаю скорого выздоровления и возвращения.

М. Серова⁷.

Леонтий мой драгоценный, сидим мы целым сборищем и все индивидуально и коллективно Вас любим и целуем, без Вас скучаем. И дома у доктора у Сергея у Михеевича у Серова о Вас только и говорят, стены чувствуют, как все полно Вами. Voilà!

М. Каллаш⁸.

Дорогой мой. Радуюсь за Вас, что Вы находитесь в хорошей обстановке. С Божьей помощью Вы окрепнете скоро.

Обнимаю Вас.

С. Серов⁹.

Целую.

Ив. Бунин¹⁰.

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ. MS. 1066/6121). Открытка послана Зурову в санаторий Красного Креста, куда он уехал из Парижа 1 мая 1940 г. (о его заболевании туберкулезом см. примеч. 9), по адресу: Sanatorium de la Croix Rouge à Oussoulx près Poulhaquet, N<aute> Loire. Бунина находилась в Париже с 17 апреля 1940 г., а Бунин с 9 мая 1940 г. В Грасс они вернулись вместе 22 мая 1940 г. Зуров уехал из санатория 16 октября 1940 г. и приехал в Грасс 17 октября. (Справка составлена на основе сведений из дневников Буниных и их переписки друг с другом и с Зуровым.)

¹ Серова Ирина Сергеевна (в замужестве Мамонтова; 1913–1999) — дочь С.М. Серова (см. примеч. 9) — она и написала адрес на открытке.

² От фр.: alertes — воздушные тревоги.

³ Никины дела — Никой звала Бунину Олечка Жирова (о ней см. № 49 и примеч. 3 к нему), и здесь Вера Николаевна пишет о себе в третьем лице, именуя себя Никой, как нередко делала в письмах того периода к Бунину и Зурову. Иногда с целью помочь кому-нибудь из знакомых Бунина бралась за продажу их вещей. Возможно, на этот раз деньги собирались для Зурова.

⁴ Бунина.

⁵ Неустановленное лицо.

⁶ Неустановленные лица.

⁷ Серова Маргарита Александровна (урожд. Лихонина; 1892–1975) — жена С.М. Серова (см. примеч. 9).

⁸ Каллаш Мария Александровна (1886–1955) — писательница (псевд. Курдюмов), подруга Буниной.

⁹ Серов Сергей Михеевич (1884–1960) — врач, лечивший Буниных и Зурова. 12 апреля 1940 г. Бунин записал в дневнике: «Неожиданная новость: письмо от Серова и Зурова — у Зурова туберкулез, коховск<ие> палочки. Вера сперва залилась розовым огнем и заплакала, потом успокоилась, — верно, оттого, что я согласился на ее поездку в Париж и что теперь З<урова> не возьмут в солдаты» (РАЛ. MS. 1066/532; Устами Буниных. Т. 2. С. 42).

¹⁰ Ответ на открытку Зуров послал Буниной 15 мая 1940 г.: «Открытку получил и сердечно благодарю вдохновительницу и написавших. Ивану Алексеевичу шлю пожелание здоровья, бодрости душевной, Серовым и Власовым я напишу. Каллаш — привет сердечный» (РАЛ. MS. 1068/2166).

48

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

1942–1944 гг. Грасс

Копию <так!> дана Але¹

Средства мои на исходе. Не могу больше оплачивать один Мадлэн². Она получает за 6 дней ее работы в неделю 72 фр. Теперь я буду давать на нее только за нас с В<ерой> Н<иколаевной> — 36 фр. Остальное должны давать вы оба — по 18 фр. с человека в неделю (6 дней).

На хозяйство буду давать на неделю (на 7 дней) за нас с В<ерой> Н<иколаевной> — 140 фр. А каждый из вас двух по 70 фр. с человека в неделю.

Публикуется по автографу РАЛ. MS. 1066/6122. Датируется предположительно: поскольку на вилле Жаннетт живут только четверо — Бунины, Бахрах и Зуров, следовательно, записка была написана после 1 апреля 1942 г., когда Кузнецова и Степун переехали из Грасса в Канны, и до 23 октября 1944 г., когда Бахрах покинул Грасс.

¹ Журналист и критик Александр Васильевич Бахрах (1902–1985). В 1940–1944 гг. Бахрах жил в семье Буниных в Грассе. В своих воспоминаниях А. Седых приводит слова Бунина в 1942 г.: «Живем мы коммуной. Шесть человек. И ни у кого ни гроша за душой, — деньги Нобелевской премии давно уже прожиты. Один вот приехал погостить денька на два... Было это три года назад. С тех пор вот и живет, гостит. Да и уходить ему, по правде говоря, некуда: еврей. Не могу же я его выставить» (*Седых А.* Далекое, близкое. Нью-Йорк: Новое русское слово, 1962. С. 210). Бахрах — автор мемуарных книг «Бунин в халате» (1979) и «По памяти, по записям» (1980). Зуров — один из персонажей воспоминаний Бахраха о жизни в Грассе в 1940–1944 гг. в первой книге. Против тенденциозно воссозданного Бахрахом образа Зурова («царедворца» Бунина) выступил в прессе русского зарубежья знавший Зурова историк и литературный критик Н.Е. Андреев (см. его статьи: По касательной // Новое русское слово. 1979. 4 ноября. № 25031. С. 2; «Бунин в халате» Александра Бахраха // Русская мысль. 1979. 15 ноября. № 3282. С. 6).

² Мадлэн (Madeleine) — приходящая домработница Буниных в Грассе.

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

29 декабря 1947 г. Жуан-ле-Пен

[То же, что здесь, пишу и Ляле нынче — все мои распоряжения слово в слово.]

29 дек. 1947 г.

Милый Леня, Ваш *exrègès*¹ пришел только нынче². Спешу ответить Вам по пунктам. Копию этого письма посылаю Ляле³.

1) В *моей* комнате (т.е. в столовой) можете бывать и заниматься *только Вы* до нашего приезда: никогда и никто другой. Гостей своих Вы, конечно, можете там принимать.

2) В комнате Веры Николаевны *жить* никто посторонний ни в каком случае не может; Алексей Матвеевич может там сидеть отдыхать сколько угодно, завтракать и обедать с Лялей и Олечкой и даже *в случае нужды* когда-нибудь заночевать; Ляля может там, если окажется нужно, принимать своих гостей; Олечка может сидеть в ней и заниматься и даже, если [окажется нужно] хочет, ночевать иногда; может, в случае нужды заночевать там и Марья Карловна⁴ когда-нибудь; *Лялина* *кузина* (или племянница?)⁵ если она приедет, *ни в каком случае не может в этой комнате поселиться даже на несколько дней*: может только переночевать раз или другой *в случае крайней необходимости* [но без ребенка].

Вот и все. Доехали мы, слава Богу, благополучно. У меня кашель и насморк, почти все время лежу в постели.

Целуем и поздравляем с Новым годом, дай Бог хорошо работать, быть здоровым — и ни с кем не ссориться.

Вчера у нас был Алданов⁶. Он думает, что опять могут быть у нас *большие* «неприятности». И тогда нам, конечно, придется сразу, внезапно удирать отсюда назад, в Париж⁷.

Ваш Ив. Бунин

P.S. Не позволяйте, пожалуйста, *никому* дотрагиваться до моих книг, бумаг, чемоданов и шкапов.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/6123). Послано, как и № 50–59, Зурову в Париж на рю Жак Оффенбах из Русского дома в Жуан-ле-Пене (Villa Le Fournel, Chemin du Fournel, Juan-les-Pins), где Бунины прожили с 25 декабря 1947 г. по 23 апреля 1948 г. Рядом с текстами «Вчера у нас был Алданов. ~ назад, в Париж»; «P.S. Не позволяйте ~ чемоданов и шкапов» — пометы Бунина: NB.

¹ Срочное письмо (фр.).

² Письмо Зурова не сохранилось.

³ Жирова Елена Николаевна (урожд. Лишина; 1903–1960) — бывшая жена Н.Я. Рощина (см. № 66), с которым она впервые и появилась у Буниных. В разное время подолгу жила в доме Буниных в Грассе и с начала 1945 г. по апрель 1948 г. — в их парижской квартире с дочерью от брака с Алексеем Матвеевичем Жировым (1897–1982) — Ольгой (в замужестве Колар; 1933–1964).

⁴ Мария Карловна Лишина (урожд. Леммерман; 1878–1966) — мать Е.Н. Жировой.

⁵ Е.Н. Жирова была внучатой племянницей Ольги Константиновны Капнист (урожд. Лишина; 1881–1960) (О.К. Капнист была крестной матерью Ольги Жировой) и общалась с проживающими в Ницце Капнистами, когда они с Ольгой жили у Буниных на юге. Возможно, здесь имеется в виду либо дочь О.К. Капнист, Эмилия Алексеевна Татищева (урожд. Капнист; 1908–1996), либо внучка, Мария Дмитриевна Татищева (в замужестве Иванова; род. 1930), хотя, в любом случае, обозначение «кузина» или «племянница» для таких дальних родственниц достаточно условное.

⁶ В 1947 г. Марк Александрович Алданов (наст. фам. Ландау; 1886–1957) и его жена Татьяна Марковна (урожд. Зайцева; 1893–1968) вернулись во Францию из США, где они спаслись от немцев в 1940 г., и поселились в Ницце. Алданов часто навещал Буниных в Жуан-ле-Пене.

⁷ Описания Алданова не комментируются в дневнике Буниной или в ее письмах Зурову.

50

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

2 января 1948 г. Жуан-ле-Пен

Милый Бова¹, я в отчаянии: забыл дома мою синенькую книжечку с адресами моих друзей и врагов и всех прочих². Пожалуйста, найдите ее — она, верно, в ящиках письменного стола, в тех, что с левой руки сидящего за столом. Найдите и немедленно пришлите в *заказном* пакете. Заранее благодарю.

Ваш Ив. Б.

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ. MS. 1066/6124). Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Увлеченность Зурова древней русской историей, а также некоторая его провинциальность позволили Бунину окарикатурить эти черты в соответствующих прозвищах: Скобарь (т.е. житель Псковской губернии), Лось, Бова и Еруслан Лазаревич (ср. также простонародное «Леонтий» вместо «Леонид» в обращении М. Каллаш в № 47). О том, что в этих прозвищах не было обидного оттенка, свидетельствует хотя бы то, что Бунина в своих дневниках также нередко именовала Зурова Скобарем.

² Адресная книжка Бунина сохранилась (РАЛ. MS. 1066/1400).

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

3 января 1948 г. Жуан-ле-Пен

Суббота

Милый Еруслан Лазаревич, не ищите мою адресную книжечку — я ее нашел.

Alors¹. «Пока»!²

Не нынче, завтра напишем подробно о нашем житье. Очень холодно и голодно!³

Ив. Б.

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ. MS. 1066/6125). Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Ну (*фр.*).

² Кавычки в данном случае выражают иронию Бунина в отношении нового «советского» языка.

³ В тот же день Бунина пишет Зурову об их жизни в Русском доме: «<...> в комнатах бывает очень холодно, а топка стоит бешеных денег <...> Кормят вкусно, но недостаточно, я наедаюсь хлебом, хотя несколько раз на тикеты <от фр.: tickets — продовольственные талоны. — И.Б., Р.Д.> И<вана> А<лексеевича> покупала ему печенье» (РАЛ. MS. 1067/8186).

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

10 января 1948 г. Жуан-ле-Пен

10 янв. 48 г.

Милый Леня, предупреждаю Вас и Лялю *в Ваших и ее интересах* (ибо мне-то все равно — я не буду платить за месяцы нашего отсутствия за электричество): как увидите из прилагаемой газетной вырезки, цена на электричество [будет] идет с 1 янв<аря> новая, страшно повышенная¹ — поэтому нигде не жгите оба свет даром, уходя из комнаты даже на минуту, тушите его.

Что до газа, то тут дело еще серьезнее, гораздо серьезнее: цена на него повышена еще с 24 ноября — и *потому помните*: начиная с 24 ноября я ни в каком случае *не буду больше платить за газ один*: буду платить за нас с Верой одну половину расхода, а вторую половину Вы будете делить пополам (или как там хотите) с Лялей, т.е., точнее говоря, с Алексеем Матвеевичем: скажите это ей и *ему твердо* (во избежание крупных неприятностей между нами).

Пожалуйста, немедля покажите *ей* и *ему* этот листок.

Затем:

Прилагаю вырезку и о повышении квартирной платы — это относится уже к Вам в первую голову: прошу Вас заплатить мне за свою комнату 15 янв<аря> сего года на десять процентов дороже, т.е. не 1500 франков за три месяца, а 1650; таковую же сумму Вы должны будете заплатить мне и 15 апреля — *и так далее*. Помните, что уже давно я плачу и налог за квартиру весьма увеличенный².

Вот пока и все.

«Пока»! Целую Вас.

Ив. Б.

P.S. Мы все платим теперь *за все* все дороже и дороже. И поездка сюда меня разорила, разоряет — совершенно не знаю, чем существовать будем, вернувшись! За топку тут теперь отдельная плата, — в месяц лишних тысячи три, — а не топить нельзя, холодно, пища скудная, вечером уж совсем никуда, — значит, надо все время прикупать, — в среднем не меньше 300 фр. в день... А проезд что стоил и будет стоить! А дикие новые цены на лекарства!

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/6126). Текст «Что до газа ~ покажите ей и ему этот листок» отчеркнут и на полях помета Бунина: NB!

¹ К письму приложены две газетные вырезки (обе с подчеркиваниями и пометами Бунина): из французской газеты о подорожании в Париже электричества и из русской — о повышении квартплаты и цен на табак.

² На требования Бунина Зуров ответил 18 января 1948 г.: «Относительно повышения квартирной платы — согласен. Деньги внес — лежат в письменном столе. Относительно же газа и электричества — договорюсь с Ал<ексеем> М<ихайлови>чем: будем платить, но наша трата газа различная: их трое, а я один» (РАЛ. MS. 1068/2202).

53

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

12 января 1948 г. Жуан-ле-Пен

12 янв. 48 г.

Дорогой Еруслан, спасибо за чудесное письмо Ваше, полученное нами нынче. Вам о нем напишет В<ера> Н<иколаевна>¹ — я не могу, слаб. Вот копия моего ответа М<арии> С<амойловне>². Распространите, пожалуйста, всюду, где можно³.

Целую.

Ив. Б.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/6129).

¹ 12 же января 1948 г. Бунина написала Зурову письмо, где среди прочего подтверждалась реакция Бунина на полученное от него письмо с лапидарной датой «Четверг

1948 г.» (т.е. 8 января 1948 г.) (РАЛ. MS. 1068/2201): «Ему очень понравилось Ваше четверговое письмо» (РАЛ. MS. 1067/8188).

² Мария Самойловна Цетлина (1882–1976) — один из учредителей «Нового журнала», в первые годы его существования — администратор и секретарь. Давний друг Буниных, после выхода Буниных из Союза русских писателей и журналистов в Париже в ноябре–декабре 1947 г. она обратилась к ним с письмом о разрыве отношений (хранится в РАЛ. MS. 1066/5659); полный текст письма опубликован М. Пархомовским (см. ниже). Ответ Бунина на письмо Цетлиной см. в сообщении А. Н. Дубовикова «Выход Бунина из парижского Союза писателей» (Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 398–407; а также: Диаспора. Вып. 2. С. 553–555 — копия, посланная Тэффи того же 12 января 1948 г.). В определенной мере участником этого конфликта можно считать и Зурова, впрочем, вряд ли подозревавшего о приписываемой ему роли агента влияния на Бунина. Ср. письмо Зайцева Цетлиной от 20 декабря 1947 г., в котором, объясняя свое понимание причин выхода Бунина из Союза, Зайцев говорит о его подверженности влияниям извне: «<...> мне показалось, что он настолько болен, слаб и жалок, что ему трудно даже что-нибудь вменить. Вероятно, его припугнул Зуров, погрозился Красной армией (“в полутора переходах от нас...”) или еще чем, и ослабевший старик сделал все ему угодное». Это письмо, однако, едва ли послужило для Цетлиной источником информации (см. в № 54 цитату из письма Цвибака Бунину и острую реакцию последнего на запущенный слух о его старческой немощи), так как на нем есть ее приписка: «Мое письмо к И. А. Бунину [отправлено] до этого письма о состоянии здоровья И. А. Бунина». Позже Зайцев повторил для Цетлиной объяснение выхода Бунина из Союза, видимо, уже обговоренное со своими сторонниками: «Лучшее (для него, более снисходительное) объяснение всего этого в том, что по старости и болезненности он поддался напору окружения (Зурова и компании)...» (письма Зайцева и приписка Цетлиной цит. по публ.: Конфликт М. С. Цетлиной с И. А. Буниным и М. А. Алдановым. По материалам архива М. С. Цетлиной (Еврейский университет в Иерусалиме) / Публ., вступ. заметка и коммент. М. Пархомовского // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1995. Т. 4. С. 314–316). То же Зайцев писал и самому Бунину: «О твоём уходе я написал, конечно, ей <М. С. Цетлиной> в тоне горестного удивления и грусти. Единственным возможным объяснением считал воздействие на тебя окружения. <...> в нем <в письме> ничего агрессивного по отношению к тебе не было. Напротив, тон такой, что из-за болезненности твоей и слабости я просто не хочу объясняться с тобой, чтобы, разволновавшись, тебе еще хуже не сделалось в области здоровья» (Письма Б. К. Зайцева И. А. и В. Н. Буниным / Публ. М. Грин // Новый журнал. 1980. № 140. С. 176).

³ Примером того, как Зуров распространял ответ Бунина Цетлиной, может служить письмо Б. Г. Пантелеймонова, процитированное Буниной в дневнике 15 января 1948 г.: «“Вчера прегелиада была заключена пышным обедом на множество персон. Был этот раз и я. Среди обеда встал автор З<уров> и огласил, что им только что получено от Вас письмо с копией письма уважаемой мамы Цетлин. Действительно, он раздал тут же несколько копий. Я предложил минуту молчания в знак траура по скончавшейся любви мудрой и доброй тети”» (РАЛ. MS. 1067/423).

54

И. А. БУНИН — Л. Ф. ЗУРОВУ

Январь 1948 г. Жуан-ле-Пен

Просьба, дорогой мой: когда придет посылка на наше имя какая-нибудь, не пересылайте ее сюда — по дороге сюда она будет уж наверно раскрадена¹.

Ив. Б.

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ. MS. 1066/6130). Датируется, поскольку почтовый штемпель стерся, по сопоставлению с № 51 (зеленые чернила, стоимость марок) и с откликом Зурова (см. примеч. 1).

¹ В письме от 18 января 1948 г. Зуров пишет: «Посылку Остроградского получил, посыльному уплатил 50 фр. Посылку спрятал — боялся ее посылать. Конечно, развоят. Это просто» (РАЛ. MS. 1068/2202).

55

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

3 февраля 1948 г. Жуан-ле-Пен

3.2.1948

Дорогой Бова, что же Вы так упорно молчите? В<ера> Н<иколаевна> беспокоится — не больны ли Вы?

Получил от Вас «Соврем<енную> литературу» Л. Тимофеева. Очень, очень благодарю. Очень интересная книга — в смысле гнусности (т.е. сознательной глупости). Откуда Вы ее взяли? Если купили для меня, то сколько заплатили¹?

С пятитысячными у нас большое горе: все наше жалкое состояние почти все оказалось в них. Внесли на почту. Когда-то возвратят? А вдруг не скоро? Мы тогда окажемся в ужасном положении!²

Нынче письмо от Цвибака. Между прочим: «Берберова была информатором М<арии> С<амойлов>ны в своей нелепой и клеветнической информации о Вас. Не хочу повторять, что Берб<ерова> писала о Вас, — выходило так, что Бунин за свои поступки не отвечает...»³ Т.е. полуидиот, рамоли⁴?

Какова стерва?

Целуем, отзовитесь скорей.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/6131).

¹ Речь идет о книге: *Тимофеев Л.И.* Современная литература: Учебное пособие для 10 класса средней школы. Рига: Латгосиздат, 1947 <на обложке 1948>. В письме Бунина от 5 февраля 1948 г. Зуров сообщает, что книгу «купил на книжном складе для вас — стоила 120 ф., пересылка — 30» (РАЛ. MS. 1068/2204).

² В связи с валютным кризисом правительство Франции 29 января 1948 г. объявило, что пятитысячные купюры не будут больше действительны, и все банки на два дня закрылись. Ср. аналогичное письмо Бунина Тэффи от 2 февраля 1948 г.: «Последняя неделя прошла у меня <...> еще и в *большой* тревоге из-за денег, — как нарочно, все почти мое «состояние» оказалось состоящим из пятитысячных бумажек! Вера отнесла их нынче на почту, и там ей выдали расписку на них — пока только расписку. Я просто в отчаянии!» (Дiasпора. Вып. 2. С. 561).

³ Цитируемое письмо не сохранилось среди писем к Бунину Якова Моисеевича Цвибака (псевд. А. Седых; 1902–1994), в то время сотрудника нью-йоркской газеты «Но-

вое русское слово» (РАЛ. MS. 1066/5673–5689). Оно цитируется полнее в письме Бунина к Тэффи от 3 же февраля 1948 г. (Диаспора. Вып. 2. С. 563), а еще полнее в письме к Алданову от 4 февраля 1948 г. (Новый журнал. 1983. № 153. С. 136). Эпизод 1948 г. дополняет историю отношений Бунина и Н.Н. Берберовой, изложенную в публикации «Переписка И.А. Бунина и Н.Н. Берберовой (1927–1946)» в наст. изд.

⁴ Человек, впавший в старческое слабоумие.

56

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

6 марта 1948 г. Жуан-ле-Пен

Дорогой Бова, как поживаете? Напишите письмецо. Я последние дни хворая — обычная моя болезнь¹. Рубинштейн пишет, что будет в наших краях в середине марта² — пришлите нам с ним сахару (Элькан не привезла)³. Если будете в «Доме книги», купите и пришлите «Советский отрывной календарь на 48 год»⁴. Целуем и ждем письма.

Ив. Б.

6.3.1948

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ. MS. 1066/6132).

¹ Бунин страдал геморроидальными кровотечениями. 5 марта 1948 г. Бунина записала в дневнике: «Ян много потерял крови. Сейчас сидит на льду. Удалось достать. Очень ослабел. Принимает кровоостанавливающие средства, а результата мало» (РАЛ. MS. 1067/423).

² В письме к Буниной от 23 февраля 1948 г. предприниматель и меценат Анатолий Моисеевич Рубинштейн писал: «Поездка же моя все откладывается. Теперь я мечтаю уже о середине марта» (РАЛ. MS. 1067/6420). Судя по дневнику Буниной и ее письмам к Зурову от марта–апреля 1948 г., приезд Рубинштейна в Жуан-ле-Пен не состоялся. О Рубинштейне известно очень мало, но см. его переписку с Р.Н. Гринбергом из публикации Владимира Хазана в онлайн-журнале «Toronto Slavic Quarterly» (2009. Summer. № 29) (<http://www.utoronto.ca/tsq/29/hazan29.shtml>).

³ Элькан Анна Морисовна (урожд. Абельман; 1899–1962) — хозяйка единственного в послевоенном Париже литературного салона (см.: *Крейд В.* Неточкин салон. О салоне Анны Элькан // Русские евреи во Франции: Статьи, публикации, мемуары и эссе / Ред.-сост. М. Пархомовский, Д. Гузевич. Иерусалим, 2001. Кн. 1. С. 121–130. (Русское еврейство в зарубежье; 3/8); секретарь Союза писателей и поэтов. С Элькан Зуров отправил Буниным посылку, которая пришла на их адрес от Остроградского. Позже Элькан все-таки послала Буниным сахар, как она писала Буниной 10 марта 1948 г.: «По приезде сразу послала Вам сахар, но, не имея ответа, боюсь, что потерялся пакет и сегодня посылаю второй в железной коробке, как в крепости. Черкните, когда получите» (РАЛ. MS. 1067/2161).

⁴ В письме от 22 марта 1948 г. Бунина благодарит Зурова за выполнение просьбы Бунина: «Леня, милый. Спасибо за календарь, но какой он бездарный» (РАЛ. MS. 1067/8205). Сохранились листки из календаря за 14 мая и 31 июля 1948 г. с пометами Бунина (РАЛ. MS. 1066/9800–9801).

57

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

27 марта 1948 г. Жуан-ле-Пен

Суббота
27 марта

Милый Леня, купите и пришлите, пожалуйста, тот № «Русской мысли» (вероятно, это вчерашний 26-го марта), где о Бердяеве¹.

Что не пишете? Как поживаете, кого прижимаете? Мы взяли билеты на 23 апреля.

Целуем.

Ив. Б.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/6133). Год установлен по содержанию (см. примеч. 1).

¹ Н.А. Бердяев скончался 23 марта 1948 г. 26 марта 1948 г. в газете «Русская мысль» появилось краткое сообщение без подписи: «Смерть проф. Н.А. Бердяева» (№ 50. С. 3).

58

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

5 апреля 1948 г. Жуан-ле-Пен

5 апр.

Итак, милый Еруслан Лазаревич, надеемся быть в Париже 24 апр<е-ля> в 9 ч. 15 м. утра.

15-го апр<еля> подадут счет за 3 месяца за квартиру: выслать Вам деньги отсюда не могу, — заплатите, пожалуйста, *всю сумму*, — расплачусь с Вами 25-го апр<еля>.

И еще просьба: купите для топки хотя бы 2–3 связки *fagots*¹ и маленькие растопки (кружки щепочек, связанных проволокой) — это можно купить на дровяном складе почти на углу Place Chopin — если не представляете себе, спросите у Берты Сол<омоновны>² (которой передайте наш поклон).

Заранее благодарю и целую.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/6134). Год установлен по почтовому штемпелю.

¹ вязанок дров (*фр.*).

² Нилус Берта Соломоновна (урожд. Липовская; в 1-м браке Голубовская; 1884–1979) — вдова художника Петра Александровича Нилуса (1869–1943), друга семьи Буниных; жила в соседней с ними квартире на рю Жак Оффенбах.

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

17 апреля 1948 г. Жуан-ле-Пен

Леня, сейчас (утро субботы) дикое, дерзкое письмо от Ляли, вообразившей, что слово «маму́», написанное мною на открытке Вам¹, означает то, которым называет ее Олечка (вместо: «мама́») ².

Отвечаю ей экспрессом, говоря, что она спятила с ума, — не поняла, что «маму» есть безграмотное «моему» («Пишу письмо маму милому...»).

Прочистите ей мозги, *потребуйте, чтобы она дала Вам прочесть мой ответ ей.*

Ив. Б.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/6135). Датируется по почтовому штемпелю.

¹ О несохранившейся «открытке с красавицей жуанской» см. примеч. 2.

² Письмо от Е.Н. Жировой не сохранилось. 17 же апреля 1948 г. Бунина писала Зурову: «Я так ошеломлена ее письмом, так растеряна, что ничего не могу понять. При чем тут она? Ян не только Вам, а всем своим приятелям во главе с Адамовичем разослал эти открытки, которые продаются здесь открыто. И, конечно, когда писал Вам, совершенно не помнил, что Олечка зовет Лялю: “Маму́”. <...> Когда мы читали письмо, мы долго ничего не понимали, не сразу вспомнили и о<б> открытке с красавицей жуанской. / Конечно, это придирка. Она две с половиной страницы написала до того, как написать “будто бы я любовница Лени?” <...> Лялино письмо произвело на нас впечатление не меньше, чем письмо Цетлиной, по своей нелепости и вызывает такое же недоумение» (РАЛ. MS. 1067/8213). Через день, 18 апреля 1949 г. Бунина возвращается к этому инциденту: «К сожалению, наше возвращение домой, которое до вчерашнего дня казалось таким радостным, отравлено этим глупым недоразумением из-за шутливой надписи Вам, неверно понятой Лялей. Я очень жалею, что стала ее письмо читать вслух, иначе я не дала бы его И.А. Уж очень резко и грубо она его написала... И до чего она не понимает И.А.! Прожила рядом девять лет... Она, конечно, больна» (РАЛ. MS. 1067/8214).

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

Начало января 1949 г. Жуан-ле-Пен

Милый Еруслан,

Целую Вас и шлю Вам мое «письмо в редакцию» ¹.

Если можете, наклейте его на бумагу, — чтобы не истерлось, — и *сохраните*².

Ив. Б.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/6136). Дата и место определяются по содержанию и по сопоставлению с № 61–63 (см. примеч. 1). Бунины пробыли в Жуан-ле-Пене с 3 января по 14 мая 1949 г. Зурову они писали на рю Жак Оффенбах.

¹ Речь идет о датированном 8 декабря 1948 г. письме Бунина в редакцию нью-йоркской газеты «Новое русское слово» (М.Е. Вейнбауму), спровоцированном памфлетом С.В. Яблоновского «Ему, Великому», который был анонимно опубликован в газете «Русская мысль» от 10 ноября 1948 г. (текст памфлета см.: Диаспора. Вып. 3. С. 564–565). К письму была сделана приписка: «Очень прошу редакцию не смягчать моих резких выражений — всю вину за них беру на себя! Ив. Б.». В письме Бунин, в частности, мотивировал свой выход из Союза писателей и журналистов нежеланием «оставаться почетным членом Союза, превратившегося в союз кучки сотрудников парижской газеты “Русская мысль”, некоторые из коих были к тому же в свое время большими поклонниками Гитлера» (Новое русское слово. 1948. 30 декабря. № 13397. С. 3; текст письма опубликован в изд.: Бунин И. Публицистика. С. 455–456).

² Наклеенная на бумаге вырезка так и сохранилась (РАЛ. MS. 1066/1108).

61

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

11 января 1949 г. Жуан-ле-Пен

11 янв.

Милый Леня, не скупитесь писать нам, — у Вас есть мои деньги, купите марок, конвертов.

Напишите поскорее:

1) Не взяли ли Вы случайно у меня книгу (французскую) об Южной Америке? Эта книга — Пантелеймонова и нужна ему¹.

2) Получили ли мое письмо с «Письмом в редакцию» «Нов<ого> рус<ского> слова»²? Если да, *давайте его читать* Вашим знакомым.

3) Было ли у Вас Новогоднее собрание³?

4) Как здоровье Конюсов⁴ и Берты Солом<оновны>?

5) Целуем.

Ив. Б.

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ. MS. 1066/6137). Год и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ Пантелеймонов Борис Григорьевич (1888–1950) — ученый-химик, писатель, дружил с Буниным и Тэффи. 4 января 1949 г. Пантелеймонов писал Бунину: «У сестры <так Пантелеймонов называл Тэффи. — И.Б., Р.Д.> какие-то переговоры с Рогнедовым, и я заторопился дать ей свою толстую книгу о Южной Америке. Хвать — и пошли трехэтажные, с вывертом, с матерью, отечеством — книга-то у Вас. Что делать? Не покупать же такую махину во второй раз? Будьте милостивы, пожалуйста нечестивого — нельзя ли попросить Зурова найти и отнести Тэффи?» (РАЛ. MS. 1066/4453). (Об А.П. Рогнедове и его испанском проекте см.: Диаспора. Вып. 3. С. 570–571 и сл.)

² № 60.

³ Имеется в виду новогоднее собрание Объединения русских писателей и поэтов в Париже, председателем которого был избран Зуров. См. № 62 об отмене собрания.

⁴ Конюс Татьяна Сергеевна (урожд. Рахманинова; 1907–1961) — младшая дочь С.В. Рахманинова, которой Зуров посвятил мемуарный очерк в «Новом журнале» (1962. № 69), и ее муж, Борис Юльевич (1904–1988). Зурова связывали с Конюсами дружеские отношения. Так, в 1937 г. они давали ему взаймы деньги на поездку в Эстонию с задачей после получения сумм, обещанных этнографической экспедиции Музеем человека в Париже. Зуров неоднократно отдыхал по их приглашению в усадьбе Сенар (сокращенное *Сергей и Наталья Рахманиновы*) в Швейцарии.

62

Л.Ф. ЗУРОВ — И.А. БУНИНУ

12 января 1949 г. Париж

12 января 1949 г.

Дорогой Иван Алексеевич,

Сегодня утром получил Вашу открытку¹. Отвечаю на вопросы.

1. Нет. Книги этой я не видел. Посмотрел в Вашей комнате, на полках. Ее нет.

2. Вчера на вечере Адамовича² я показал Ваше «письмо в редакцию» Адамовичу, Тэффи, Ступницкому³, Бахраку⁴.

Адамович вежливо пожал плечами. Тэффи сказала: «Напрасно И<ван> А<лексеевич> это сделал». Ступницкий был очень огорчен и показывал письмо многим. Бахрак, что состоял при буфете и помогал ревностно мадам Ступницкой⁵ и ухаживал за Ленькой Лифарем⁶, остался письмом очень недоволен. Общее мнение: «зря Ив<ан> Ал<ексеевич> написал это письмо. Все это было давно. После статьи Галича надо было поставить точку»⁷. Большинство отнеслось весьма равнодушно. Осаждали буфет, как стая стервятников палую лошадь. Одоевцева жадно ела пирожные. Иванов, бледный, как сукин сын,пил водку и закусывал кулебякой. Ладинский был серьезен и мрачен⁸. Прегель письмо Ваше убило⁹. Наташа печально молчала¹⁰.

3. Относительно Новог<однего> собрания. Вчера я решил его отметить.

Наташа Код<рянская> уезжает 13 на юг с мужем¹¹. Пиотровские сегодня отправляются в Англию с сыном¹². Валя Нилус, что хотела с женихом участвовать, — заболела гриппом¹³. Очень много больных. Встречу решили устроить после выхода «Новоселья»¹⁴.

4. Берта Соломоновна очень слаба.

5. Татьяна Сергеевна шлет Вам сердечный привет.

Обнимаю, целую.

Л. Зуров

Публикуется по авторизованной машинописи (в дальнейшем — АМ) (правка, последняя строка и подпись — автограф) (РАЛ. MS. 1068/2057).

¹ № 61.

² Вечер Г.В. Адамовича, организованный Объединением русских писателей и поэтов в Париже, состоялся 11 января 1949 г. Адамович читал на нем лекцию «Перечитывая Толстого и Достоевского».

³ Ступницкий Арсений Федорович (1893–1951) — один из ближайших сотрудников П.Н. Милюкова в газете «Последние новости». После Второй мировой войны редактор газеты «Русские новости», однако ввиду его сближения с движением советских патриотов газета быстро приняла просоветский характер. Об участии Ступницкого в известном походе группы эмигрантов в посольство СССР в 1945 г. см.: *Белобровцева И.* Русская литературная эмиграция о «визите в советское посольство» (1945). Событие и реакция // Блоковский сборник XIII. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1996. С. 233–243.

⁴ Зуров постоянно пишет фамилию Бахраха так, как ее писал и, видимо, произносил Бунин. В 1945–1949 гг. Бахрах был сотрудником газеты «Русские новости».

⁵ Ступницкая Ольга Андреевна (урожд. Катуар; 1893–1977).

⁶ Брат знаменитого танцовщика Сергея Лифаря (1904–1986), Леонид Михайлович Лифарь (1906–1982), типограф.

⁷ Статья Леонида Евгеньевича Галича (наст. фам. Габрилович; 1878–1953) «О приличном и неприличном» в защиту Бунина от нападок С.В. Яблоновского была опубликована в «Новом русском слове» 12 декабря 1948 г. (№ 13379. С. 3).

⁸ Ладинский Антоний Петрович (1896–1961) — поэт, прозаик, автор исторических романов. Один из учредителей и сотрудников газеты «Русский патриот», преобразованной (в 1945 г.) в «Советский патриот». В 1946 г. принял советское гражданство. В 1950 г. после запрещения «Союза советских патриотов» был выслан из Франции, жил в ГДР; в 1955 г. репатриировался в СССР.

⁹ Прегель Софья Юльевна (1897–1972) — поэтесса, прозаик, издатель журнала «Новоселье» (1942–1950), общественная деятельница. Возможно, сильное действие письма Бунина на Прегель отчасти объясняется тем, что ее брат, Борис Юльевич Прегель (1893–1976), был женат на дочери М.С. Цетлиной от ее первого брака, Александре Николаевне (урожд. Авксентьевой; 1907–1984).

¹⁰ Кодрянская Наталья Владимировна (урожд. фон Гернгросс; 1901–1983) — детская писательница, мемуаристка, много помогавшая Буниным и Зурову.

¹¹ Кодрянский Исаак Вениаминович (1894–1980) — представитель фирмы лампочек «Tungsten», меценат.

¹² Имеются в виду писатель и член правления Объединения русских писателей и поэтов в Париже Владимир Львович Корвин-Пиотровский (1891–1966), его жена Нина Алексеевна (урожд. Каплун; 1906–1975) и их сын Андрей (род. 1935), будущий профессор математики в США и поэт, André de Korvin, которого родители везли в Англию подучиться английскому языку в г. Эпсом.

¹³ Голубовская Валентина Лазаревна (1907–1996) — дочь Б.С. Нилус от ее первого мужа, расстрелянного харьковской Чека в 1919 г. Лазаря Борисовича Голубовского. Хотя предстоящая женитьба Голубовской упоминается Буниной и ее корреспондентами и Зуров даже написал Буниной 16 апреля 1949 г., что «Валя вышла замуж» (РАЛ. MS. 1068/2231), имя ее жениха не установлено и не удалось найти документов об их бракеосчетании.

¹⁴ Отложенное собрание состоялось в середине февраля 1949 г. (Хроника. Т. 5. С. 295).

63

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

Середина января 1949 г. Жуан-ле-Пен

Пожалуйста, покупайте и присылайте нам «Русскую мысль» — и среду и пятницу.

Спасибо за письмо о вечере Адамовича¹. Но был ли успех и материальный и в смысле чтения²?

Мое «Письмо в редакцию» *сохраните*.

Целую.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/6138). Датируется предположительно по сопоставлению с № 62.

¹ № 62.

² Отчасти ответ на этот вопрос содержится в письме Б.Г. Пантелеймонова к Бунину от 21 февраля 1949 г.: «Была лекция Адамовича, собрала пять тысяч» (РАЛ. MS. 1066/4462).

64

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

4 февраля 1949 г. Жуан-ле-Пен

Милый Леня, пожалуйста, узнайте и напишите, где Кодрянские? Они у нас не были, а они мне оч<ень> нужны¹.

Целуем.

Ив. Б.

4 февр<аля>

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ. MS. 1066/6139). Год установлен по почтовому штемпелю.

¹ По-видимому, узнав из № 62 о назначенном на 13 января отъезде Кодрянских «на юг», Бунин недоумевает, почему они так долго не дают о себе знать. Оказалось, что они были вынуждены отложить поездку, которая состоялась лишь через 3 месяца. В письме от 19 апреля 1949 г. Бунина сообщает Зурову о первом визите Кодрянских, за которым последовало несколько других (РАЛ. MS. 1067/8248).

65

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

Начало марта 1949 г. Жуан-ле-Пен

Что это такое — не понимаю. Пожалуйста, спросите Берту Сол<омоновну> и Валю — и напишите мне, что они скажут¹.

Передайте им наш сердечный поклон.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/6151). Датируется по сопоставлению с № 67 (см. примеч. 1), а также по сравнению с № 74, написанным той же синей шариковой ручкой на листе такой же бумаги.

¹ В своем ответе (№ 67) Зуров объясняет: «Вы получили смету от архитектора, что производил обмер квартир. <...> Я уже беседовал с Б<ертой> С<оломоновной>. Она узнает подробности <...>».

66

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

6 марта 1949 г. Жуан-ле-Пен

6.3.49

Милый Леня, нежданно-негаданно огромное письмо от Рощина!! Полное неумеренных нежностей — и с извещением, что он послал мне посылку:

- 1) Сухая «Московская» колбаса
- 2) Корейка
- 3) 5 банок рыбных консервов (шпроты, кильки, корюшка)
- 4) Сахар
- 5) Чай
- 6) Какао
- 7) Печенье
- 8) 10 коробок папирос
- 9) Коробка шоколадных конфет.

Насчет этой посылки Рощин пишет: «*Не знаю, справитесь ли Вы с очень, кажется, высокой таможенной оплатой этой посылки, которую, к сожалению, в Москве произвести нельзя*»².

Мы с В<ерой> Н<иколаевной> решили от принятия этой посылки отказаться — прежде всего, потому, что, конечно, пошлину придется платить очень большую, а затем по той простой причине, что «сухую московскую колбасу» я есть не могу (да и не верю в ее доброкачественность), консервов рыбных определенно боюсь, какао, печенье нам без надобности, конфеты тоже, папиросы русские отвык курить... Словом, повторяю,

*надо отказаться. А как это сделать? Точно не знаю. Верно, Вы получите извещение от таможни, и надо на нем написать отказ. Но в каких выражениях? Перешлите мне это извещение. Но если пришлют и посылку, не принимайте*³.

Целую Вас и заранее благодарю.
Ив. Б.

P.S. Письмо Рошина на днях Вам пришлю⁴.

P.P.S. Не говорите никому об этой посылке, а то начнут брехать, что я в какой-то связи с Рошиным⁵.

«Услужливый дурак опаснее врага»

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/6140).

¹ Рошин Николай (наст. фам. Николай Яковлевич Федоров; 1892–1956) — писатель, жил у Буниных в Грассе с 1926 г. (до приезда Зурова в 1929 г., затем периодически приезжал). В Грассе имел шуточные прозвища Капитан и Пека/Пэка. Первый муж Е.Н. Жировой (см. письмо № 49). В конце ноября 1946 г. с первой группой репатриантов вернулся на родину. О реакции Буниных на отъезд Рошина см.: Диаспора. Вып. 2. С. 532.

² Автограф письма Рошина, от 22 февраля 1949 г., сохранился (РАЛ. MS. 1066/4832). Текст письма, без даты и с рядом разночтений и купюр, включен в публикацию: И.А. Бунин — Н.Я. Рошин. История одной переписки / Вступ. заметка, публ. и примеч. Л. Голубевой // Вопросы литературы. 1998. № 3–4. С. 328–331 — источник (черновик или копия?): РГАЛИ. Ф. 2204. Оп. 1. Ед. хр. 128. Приводимая Буниным цитата несколько вольная (в оригинале соответствующее место читается: «Напишите, справитесь ли с дополнительной (кажется, очень высокой) оплатой, которую на месте, к сожалению, произвести нельзя») и эмоциональная (подчеркивание синей и красной шариковыми ручками — бунинское).

³ Развитие и отголоски этого сюжета см. № 67–69, 72.

⁴ Зуров получил письмо Рошина, с пометой карандашом в начале 1-го листа: «*Сохраните* Ив. Б.», лишь 22 апреля 1949 г. (см. № 73).

⁵ Тем не менее 27 марта 1949 г. Бунин отправил Рошину вполне куртуазный ответ: «Спасибо, спасибо, капитан, за Ваше письмо и за посылку. / Не обижайтесь, пожалуйста, что *я не принял ее: ровно ничего* не могу есть из того, что в ней, — все подобное запрещено мне теперь (даже курить запрещают!) <...> P.S. Пожалуйста, не присылайте мне больше ничего, не тратьесь, тут у нас все есть» (Вопросы литературы. 1998. № 3–4. С. 331–332 — источник: РГАЛИ. Ф. 2204. Оп. 1. Ед. хр. 149).

67

Л.Ф. ЗУРОВ — И.А. БУНИНУ

8 марта 1949 г. Париж

Вторник 8-го марта 1949.

Милый Иван Алексеевич,

1. Вы получили смету от архитектора, что производил обмер квартир. Прошел новый закон о квартирной плате. Освобождены от прибавки только

те, что получают в год 120 000 франков. Сколько Вы показали налоговому инспектору? Это очень важно. Если цифра, показанная Вами, превышает 120 000 франков, то Вам автоматически набавит владелец дома плату за квартиру.

2. Это для сведения. К смете архитектора это не относится. Очень важно для фиска — на какую сумму Вы застраховали Вашу квартиру. Ох, эта мадам Хегерович¹: ведь по этой сумме фиск может с Вас содрать (в 1949) пять шкур. Я советую Вам ликвидировать этот страховой лист. Госпожа Кандинская² (у нее в квартире две сотни картин мужа, а картину она продает в Швейцарии за 5 миллионов) застраховала свою квартиру в 100 000. Умная женщина. А Вы свою лачугу оценили в.....

3. Я уже беседовал с Б<ертой> С<оломоновной>. Она узнает подробности, но и Вы расспросите соседей и графа Заглобу-Роговского³. Какие он тут обеды задавал. Я как-то встретил пьяного художника Анненкова⁴. Говорит мне: — Возвращаюсь от Роговского. Кормил и поил Тэффи, Адамовича и меня.

4. Относительно рощинских даров. Я знаю, что целый ряд лиц получил посылки из Москвы. Продукты доброкачественные. Если таможня потребует много денег — я откажусь от посылки*, но если запросят мало — уплачу. Пека достаточно кормился в Грассе и просил колбаски:

— Иван Алексеевич, дайте колбаски.

Это совесть заговорила.

А письмо его интересно будет прочесть.

Обнимаю Вас и целую. Б<ерта> С<оломоновна> шлет сердечный привет.

От Веры Николаевны открытку я получил⁵. Спасибо. Алла прислала письмо⁶. Придет завтра утром и принесет прованское масло. Вашу бутылку я спрячу.

Целую Веру Николаевну. Желаю здоровья. А у нас стоят холода. Снег выпал. Очень паршиво.

Ваш Л. Зуров

P.S. Говорят, что в конце апреля и в начале мая опять наступят холода. Погода будет хорошая только к 15-му маю.

* хотя это ужасная возня и волокита.

Публикуется по АМ (дата, вставки, подчеркивания, подпись, постскрипtum — автограф) (РАЛ. MS. 1068/2058).

¹ Подруга Буниной Анна Львовна Хигерович жила на соседней улице от рю Жак Оффенбах.

² Вдова художника В.В. Кандинского (1866–1944) Нина Николаевна (урожд. Андреевская; 1899–1980).

³ Заглоба — персонаж трилогии Генрика Сенкевича (1846–1916) «Огнем и мечом» (1883–1884), «Потоп» (1884–1886) и «Пан Володыевский» (1887–1888), напоминаю-

щий шекспировского Фальстафа (см. одобрителный отклик Бунина на эпиграмматическое имя в № 68). Роговский Евгений Францевич (1885–1950) — директор Русского дома в Жуан-ле-Пене.

⁴ Юрий Павлович Анненков (1889–1974).

⁵ Открытка не сохранилась.

⁶ Поэтесса Алла Сергеевна Головина (урожд. Штейгер, во 2-м браке Gillès de Pelichy; 1909–1987) навещала Буниных и провела сутки в Русском доме 2–3 марта 1949 г. (письмо Буниной Зурову от 2 марта 1949 г. — РАЛ. MS. 1067/8236), а потом поехала в Париж, откуда она сразу поблагодарила Бунину за прием письмом от 4 марта 1949 г. (РАЛ. MS. 1067/2531). См. также дневниковые записи Буниной от 31 января, 22 февраля и 5 марта 1949 г. (РАЛ. MS. 1067/423).

68

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

10 марта 1949 г. Жуан-ле-Пен

Дорогой Еруслан, я *никогда* не показывал налоговому инспектору большой суммы своих доходов. *Последние годы показываю буквально гроши*. Какие же у меня доходы! Живу милостыней.

О страховке Вам пишет В<ера> Н<иколаевна>¹. Пишет она о том же и г-же Хигерович. Застраховал дорого, потому что в квартире мой *архив*.

Посылку из Москвы я *не принимаю даже и с малой пошлиной*. Она для меня несъедобна.

Целую.

Ив. Б.

P.S. Заглоба-Роговский — очень хорошо!

10 марта

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/6141). Год установлен по почтовому штемпелю. Рядом с текстом «Посылку из Москвы ~ Она для меня несъедобна» помета Бунина: *НВ*.

¹ Бунина в письме от 10 же марта 1949 г. спрашивала Зурова, как можно уменьшить сумму страховки, и в то же время боялась это сделать: «Но ведь если без нас пожар, то мы отвечаем и за убытки соседей» (РАЛ. MS. 1067/8238).

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

19 марта 1949 г. Жуан-ле-Пен

19 марта

Дорогой Бова, как поживаете, кого прижимаете? Давно от Вас ни слуху ни духу! Где Михайлов¹? Писал ему раза три за последнее время — ни слова в ответ! Видно, обиделся, что во время моей довольно тяжелой болезни не ответила на его письмо вместо меня В<ера> Н<иколаевна>. Если так, то это очень, очень глупо. Во всяком случае, напишите мне о нем.

Следующая просьба: Беляев (помните его телефон? Pas. 84-09) едет в Америку 1 апреля². Пишу ему, чтобы он взял у Вас (и отвез в Нью-Йорк, по адресам, кои я ему сообщу) 3 экземпляра моих «Избранных стихов»³ — Вы найдете их немало на полке в плакаре⁴ возле выходной двери. Сговоритесь с ним — когда Вам повидаться с ним. Звонить ему надо до 9 утра.

Нынче суббота, а до сих пор нет от Вас «Русск<ой> мысли» за прошлую среду. Что значит, что значит?

Вышла ли уже замуж Mlle Pregel? Лишил ли ее уже муж невинности⁵? Ждем писем и целуем.

Ив. Б.

Было уже извещение о посылке из Москвы⁶?

Скоро пришлю письмо Рощина.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/6142). Год установлен по почтовому штемпелю.

¹ Павел Александрович Михайлов (1878–1962) — профессор-юрист, приятель Бунина. Биографическая справка о нем см.: Диаспора. Вып. 3. С. 355.

² Борис Никандрович Беляев (1880–1956) — врач в Русском доме в Жуан-ле-Пене; пробовал писать.

³ Имеется в виду издание: *Бунин И.* Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929.

⁴ От фр.: placard — шкаф, комод.

⁵ Замуж С.Ю. Прегель выходила в третий раз 27 апреля 1949 г. за Соломона Георгиевича Равницкого (ум. 1970) (Диаспора. Вып. 3. С. 586).

⁶ Того же 19 марта 1949 г. Зуров сообщает: «Московская посылка пришла (большой ящик), и я ее отказался принять. Отправил обратно. Нужно было заплатить 650 франков» (РАЛ. MS. 1068/2229).

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

24 марта 1949 г. Жуан-ле-Пен

24 марта

Милый Леня, сделайте одолжение:

1) получить по этому чеку — тут надо поехать в этот банк — 26, Rue Laffite; доехать надо *без пересадки* по метро Richelieu Drouot; сесть надо на Murette в последний, т.е. задний, который останавливается против выхода на Richelieu Drouot.

2) заплатить на Paul Doumer по прилагаемому листку налог в 5 тысяч и *взять расписку*¹.

3) остаток денег вложить в Вашу «кассу» для моих расходов.

4) в апреле заплатить за квартиру.

Благодарю, целую.

Ив. Бунин

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/6143). Год установлен по содержанию (см. примеч. 1).

¹ В письме от 29 марта 1949 г. Зуров докладывает: «3. Деньги (5000 франков) я внес. Квитанцию прилагаю. Очередь была большая» (РАЛ. MS. 1068/2230).

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

26 марта 1949 г. Жуан-ле-Пен

26 марта

Милый, милый Леня, горячо прошу — помогите: пишу А.П. Струве¹ — 33, rue Eglanger, тел. Jas. 02-35, — чтобы он немедленно достал мою книгу о Толстом *по-французски* («La Délivrance de Tolstoï»)². Эту книгу надо взять у Струве и передать Беляеву, *чтобы он отвез ее в Америку и передал Цвибаку в «Нов<ом> русском слове»*. Так вот сговоритесь со Струве по телефону (записывайте расходы на меня, или я Берте заплачу), возьмите книгу и передайте Беляеву* и скажите, что он должен передать ее Цвибаку³.

Целую и благодарю. Вера тоже.

Ив. Б.

* вместе с 3-мя экземплярами «Избранных стихов» моих

Про посылку от Волконской Вы *давно* мне писали, что она получена, и я уже благодарил Волконскую⁴. Или это вторая⁵?

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/6144). Год установлен по почтовому штемпелю.

¹ Алексей Петрович Струве (1899–1976) — книготорговец и библиофил.

² Книга Бунина «Освобождение Толстого» (1937) была издана в переводе на французский в 1939 г.: *Bounine I. La Délivrance de Tolstoï / Traduit du russe par M. Slonim.* Paris: Gallimard, 1939.

³ Зуров доложил в письме от 29 марта 1949 г.: «1. Звонил Струве. Звонил в центральный склад Галимара. По моей просьбе крупная книжная торговля навела справки. Ответ: этой книги на складах нет. Сегодня я обошел десяток книжных магазинов. Книга распродана, и найти ее очень трудно. / 2. Три книги избранных стихов я Беляеву передал. <...>» (РАЛ. MS. 1068/2230).

⁴ Речь идет о Софье Петровне Волконской (в 1-м браке Даллас Курз (Dallas Coors), во 2-м — Ванамейкер (Vanamaker); 1925–1968), дочери Ирины Сергеевны (урожд. Рахманиновой; 1903–1969) и Петра Григорьевича Волконских (1897–1925), которая навещала Буниных (в письме от 14 апреля 1949 г. она благодарит Бунину за радушный прием — РАЛ. MS. 1067/7450) и отправляла им продуктовые посылки. Письма Буниных к С.П. Волконской от 24 октября 1949 г. и 27 мая 1950 г. опубликованы С.Д. Островской-Розановой: Русские находки в Коста-Рике. Новое о Рахманинове и Бунине // Наше наследие. 1989. № 5. С. 24–25.

⁵ В письме от 29 марта 1949 г. Зуров подтверждает, что посылка вторая от С.П. Волконской (РАЛ. MS. 1068/2230).

72

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

9 апреля 1949 г. Жуан-ле-Пен

Суббота 9 апр.

Вы ошиблись, дядя Леня: повестка, которую Вы нам переслали, *не на счет посылки Капитана* (от каковой посылки я, как Вам уже писал, отказался официальным письмом начальнику парижской железнодорожной станции)¹: эта повестка как раз о сахаре из Швейцарии — 5 кило 500 экто² и пошлина в 780 фр. Это не дорого, и Вы напрасно отказались. Но Ваш отказ не повредил делу. Шлю Вам повестку, подписанную мной, в открытом конверте, который Вы, просмотревши, *заклейте* и бросьте в почтовый ящик. Когда посылку привезут, заплатите что следует — вероятно, франков 800, кои я Вам возьму, когда хотите³.

Целуем.

Ив. Б.

P.S. В Париже надеемся быть 15 мая.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/6145). Год установлен по почтовому штемпелю.

¹ Письмо Бунина Зурову с сообщением об официальном отказе от посылки Рощина (см. № 66–68) не сохранилось.

² От фр.: hectogramme (сокр. hecto) — гектограмм. По-видимому, описка: надо либо 5 экто, либо 500 грамм.

³ В письме от 16 апреля 1949 г. Зуров сообщил: «Сахарную посылку я взял. Уплатил за нее 990 франков» (РАЛ. MS. 1068/2231).

73

Л.Ф. ЗУРОВ — И.А. И В.Н. БУНИНЫМ

23 апреля 1949 г. Париж

Страстная суббота

Христос Воскресе!

Милые мои, поздравляю, обнимаю, целую троекратно. Рад и счастлив, что Иван Алексеевич поправился. Желаю Вам здоровья и радости.

Эти дни я говел. Причащался на Петель в четверг¹. Вчера, на выносе плащаницы служил митрополит Николай². Было полно. Хорошо говорил. Многие плакали.

Я убрал комнаты³. Аннушка занята у Берты⁴. Несчастливая женщина. У нее зона⁵ седалищного нерва. Страдала она невероятно.

Я уплатил за квартиру 6454 франка — прибавили 1236 ф.

Прошлый раз заплатил 5218 франков.

Михайлов у меня был, и я ему дал все необходимые справки.

Открытку Вашу, Вера Николаевна, и письмо с поздравлениями я получил. Спасибо сердечное⁶. Получил вчера и письмо с летописью Капитана.

Здесь, в Париже, происходят большие дела. Конгресс Мира. Я считаю, что он имеет и будет иметь мировое значение. *Это очень серьезно*. Делегаты съехались со всего мира. Воевать народ не хочет. Завтра, в Париже, произойдет громадная манифестация на стадионе Буффало. Там будут приветствовать делегатов мирового конгресса. Народ съехался для приветствий из Ниццы, Страсбурга, Бреста... целые караваны едут в Париж. Крестьяне приехали на тачанках⁷.

А в Китае идет наступление народной армии⁸.

Целую, обнимаю

Ваш Л. Зуров

Публикуется по АМ (вставки, правка, подчеркивания, подпись — автограф; «Христос Воскресе!» написано красным карандашом) (РАЛ. MS. 1068/2059). Датируется по содержанию.

¹ На рю Петель (Pétel) в 15-м округе Парижа расположен Храм трех святителей (Московской патриархии).

² Николай (Еремин; 1892–1985) — митрополит Корсунский.

³ Ср. письмо Буниной к Т.Д. Муравьевой-Логиновой от 8 мая 1949 г.: «Сейчас Леня, по моей просьбе, приводит в порядок квартиру» (Письма к Т. Муравьевой-Логиновой. С. 120).

⁴ Аннушка — домработница Б.С. Нилус, время от времени убиравшая квартиру Буниных.

⁵ От фр.: zona — опоясывающий лишай.

⁶ Упомянутая Зуровым открытка не сохранилась, но в сохранившихся письмах от 15 и 19 апреля 1949 г. Бунина поздравила его с днем рождения 18 апреля (РАЛ. MS. 1067/8247–8248).

⁷ Всемирный конгресс сторонников мира, организованный инспирируемым и финансируемым СССР Движением сторонников мира, состоялся в Париже (и Праге, для не получивших виз делегатов из коммунистических стран) 20–25 апреля 1949 г. Знаменитая эмблема «голубь мира» была создана Пикассо в 1949 г. для Движения сторонников мира по просьбе Коммунистической партии Франции, членом которой он являлся.

⁸ Через день, 24 апреля 1949 г., войска Коммунистической партии Китая вошли в столицу Гоминьдана, Нанкин, и гражданская война в Китае, тянувшаяся почти четверть века (с 1926), вскоре прекратилась. 1 октября 1949 г. была провозглашена Китайская Народная Республика.

74

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

12 мая 1949 года. Жуан-ле-Пен

Четверг 12 мая

Милый Леня, на просьбы В<еры> Н<иколаевны> встретить нас с машиной (хотя бы чужой, если его все еще не починена) от Жирова нет и нет ответа — верно, он уехал в деревню¹. Как же быть? На Лионском вокзале такси надо ждать, чтобы поймать, час, два! Мы должны прибыть в Париж в воскресенье 15-го мая в 9 часов 5 минут утра — train bleu («Pas-de-Calais—Méditerranée»)². Встретьте нас, пожалуйста, — и *по дороге на Лионский вокзал* (но не близ него!) *поймайте такси*. Я слаб, боюсь простудиться, ожидая на перроне такси³. Если все наши вещи не влезут в такси, мы с Вами уедем домой, а В<ера> Н<иколаевна> останется ждать на вокзале другого таксиста и придет с вещами остальными одна.

Целую Вас.

Ив. Б.

P.S. Если увидите Конюсов, поблагодарите их от нас, — Татьяна Серг<еевна> писала В<ере> Н<иколаев>не, предлагала встретить нас со своей машиной. Но ведь в воскресенье они уезжают обычно в деревню⁴.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/6147). Год установлен по содержанию.

¹ См. № 75 и примеч. 1 к нему.

² См. № 40 и примеч. 3 к нему.

³ Еще за месяц до возвращения в Париж Бунина пишет Зурову 13 апреля 1949 г.: «Опять беда, опять И.А. заболел тем же, чем болел в феврале, ему сказали, что сухой плеврит. <...> Здесь он был здоров недели три из трех с половиной месяцев!!!» (РАЛ. MS. 1067/8246).

⁴ Среди сохранившихся писем от Т.С. Конюс (РАЛ. MS. 1067/3397–3435) нет письма от мая 1949 г.

75

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

13 мая 1949 г. Жуан-ле-Пен

Утро, пятница 13 мая

Милый Леня, сейчас письмо от Жирова (19, Rue Mazarine, Paris 6) — пишет, что машина его еще не исправлена, но что, *м<ожет> б<ыть>*, к воскресенью, к нашему приезду, будет готова, хотя за это ручаться нельзя, и что он *во всяком случае встретит нас*¹. Однако не пишет, *как* встретит — с такси или нет. Напишите ему *рпеи*², сговоритесь. Надеемся, что эта открытка придет к Вам утром в субботу (завтра) — значит, успеете послать тотчас *рпеи*.

Целуем.

Ив. Б.

Впрочем, шлю и ему *exgrès*.

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ. MS. 1066/6148). Год установлен по почтовому штемпелю. Открытка отправлялась срочной почтой (*exgrès*).

¹ Ср. из письма А.М. Жирова от 11 мая 1949 г. «Машина моя до сих пор еще не готова, жду со дня на день. Если паче чаяния машина не будет готова к воскресенью, я все равно приеду на вокзал вас встретить» (РАЛ. MS. 1067/7657).

² «Пневматичку» (*фр.*) — т.е. письмо, открытка и пр., посланное по парижской пневматической почте.

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

24 июня 1950 г. Жуан-ле-Пен

24 июня

Дорогой Еруслан, получили Ваше письмо, спасибо за заботы по дому¹. Приехать мы должны в пятницу 30-го в 8 часов 51 минуту утра. Встретьте нас, пожалуйста. Огорчаюсь, что Жиров, верно, не приедет за нами на своей машине². Это скверно — долго придется стоять на Лионском вокзале, пока поймашь свободное такси. Да в одну машину и не влезем мы, верно, с Вами и с вещами.

Горе, горе!

Я едва жив, — не преувеличиваю! — Вы ведь знаете из писем Веры Ник<олаевны>, каково я провел здесь времечко³. И с питанием замучился, — жду Вашей кухни как ворон крови!⁴

О Вашем рассказе в «Новоселье» Вы знаете мое мнение — много истинно превосходного⁵. Среди сказок Наташи есть некоторые просто прелесть⁶. Очень не плох и Володя, только уж очень густ⁷.

Целую Вас.

Ваш Ив. Бунин

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/6149). Год установлен по содержанию. Бунины пробыли в Жуан-ле-Пене с 29 апреля до 29 июня 1950 г.

¹ В письме от 23 июня 1950 г. Зуров доложил: «Идет уборка и чистка квартиры. Вот уже пятый день» (РАЛ. MS. 1068/2238).

² Буниных, как отмечает Бунина в дневнике 30 июня 1950 г.: «Встретили <...> Леня с креслом на колесах и Жиров» (РАЛ. MS. 1067/426; Устами Буниных. Т. 3. С. 198).

³ На протяжении едва ли не всего пребывания Буниных в Русском доме Вера Николаевна ведет анамнез бунинской болезни, напр., 7 мая: «Вечером задыхается»; 11 мая: «Ночь почти без сна. Зуд. Печень. Утром доктор»; 22 мая: «<...> воспаление в левом легком. Т° 38,8» (РАЛ. MS. 1067/426; Устами Буниных. Т. 3. С. 196–197). Зурову она пишет 18 мая 1950 г.: «“Субъективно” он чувствует себя омерзительно. Иногда кричит “умираю”. Ему всегда холодно» (РАЛ. MS. 1067/8257).

⁴ 23 июня 1950 г. Бунина также писала Зурову: «<...> он мечтает о Вашей кухне» (РАЛ. MS. 1067/8269). Что мечта сбылась, подтверждается в письме Буниной от 2 октября 1950 г.: «Медленно поправляется. Еще слаб. За ним хорошо ухаживает Леня: перевязки, растирание ноги, пассивная гимнастика и очень вкусные блюда, надо, чтобы Ян хоть немного окреп и пополнил» (Письма к Муравьевой-Логиновой. С. 127).

⁵ Имеется в виду рассказ Зурова: Русская повесть // Новоселье. 1950. № 42/44. С. 90–101. Рассказ был высоко оценен современниками. Так, Кузнецова писала Зурову: «Вы все углубляете <...> и это пленяет в “Русской повести”, например, совсем по-новому мной прочитанной и прочувствованной, — есть страницы просто великолепные — говорю это с полным сознанием этого слова» (цит. по подборке отзывов из полученных Зуровым писем — РАЛ. MS. 1068/5108).

⁶ В том же номере журнала «Новоселье» опубликовано пять сказок Н. В. Кодрянской: «Неудавшееся путешествие», «Сказка о короле вермишелей», «Очкчатая мышь», «Старая береза и муха-однодневка» (С. 77–88).

⁷ В том же номере журнала «Новоселье» опубликован рассказ В. С. Варшавского (1906–1978) «Пролог» (С. 110–138).

77

Л. Ф. ЗУРОВ — И. А. БУНИНУ

21 октября 1953 г. Сюрэн

Дорогой Иван Алексеевич,

от всего сердца поздравляю Вас с днем Ангела и с днем рождения¹.
Желаю Вам здоровья, здоровья и здоровья.

Доктор Дюран-Саладен, что делает мне пикюры², а потом кормит огромным количеством сахара³, очень просит Вас дать ему на прочтение «Митину любовь»⁴.

Обнимаю, целую, желаю бодрости и сил.

Ваш Леонид Зуров

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1068/2060). Датируется по содержанию и по сопоставлению с письмом Буниной к Зурову от 22 октября 1953 г.: «Спасибо за письмо. Завтра передам Ваше поздравление Яну» (РАЛ. MS. 1067/8311).

Место определяется по содержанию. 20 июля 1953 г. Бунина записала в дневнике: «Отвезли Леню в клинику» (РАЛ. MS. 1067/428; Устами Буниных. Т. 3. С. 208). Зуров был помещен в частную клинику Château de Suresnes по причине психического заболевания. В письме от 18 октября 1953 г. Бунина писала: «Сейчас он в частной клинике, где дорого — 100 тысяч в месяц. Теперь поднимается вопрос, перевозить ли его в казенную клинику или он поправится? Делаю все возможное, чтобы его дольше держать в частной, там три врача. Директор Перон в своем роде знаменитость. Павильоны, дом барский, домики и дома раскинуты по великолепному запущенному парку, где раз в неделю и я дышу свежим воздухом, это в Suresnes на берегу Сены». Из клиники Зуров вернулся уже после смерти Бунина, 12 декабря 1953 г. (Письма к Муравьевой-Логиновой. С. 129, 132).

¹ Именины Бунина отмечались 12/25 октября, а день рождения — 10/23 (вместо правильного 22) октября.

² От фр.: *piqûres* — инъекции.

³ Dr Jean Durand-Saladin лечил Зурова инсулиновыми шоками. 3 ноября 1953 г. Бунина писала: «Инсулиновые шоки, видимо, идут ему на пользу, но он очень потолстел оттого, что за утренним кофе должен уничтожить фунт сахара» (Письма к Муравьевой-Логиновой. С. 131).

⁴ Имеется в виду, по всей вероятности, перевод повести «Митина любовь» (1925) на французский язык, который вышел впервые в 1925 г. и переиздавался в 1933 г.: *Bounine I. Le Sacrement de l'amour / Traduit du russe avec l'autorisation de l'auteur par <M.> Dumesnil de Gramont. Paris: Stock/Delamain et Boutelleau, 1925.*

«ВЫ... ЗАНИМАЕТЕ В МОЕМ ПАНТЕОНЕ
ОДНО ИЗ ГЛАВЕНСТВУЮЩИХ МЕСТ»:
ПИСЬМА Ю.П. ТРУБЕЦКОГО И.А. И В.Н. БУНИНЫМ
(1948–1961)

Вступительная статья Владимира Хазана*.
Публикация Владимира Хазана и Ричарда Дэвиса**

Публикация писем эмигранта «второй волны» поэта и прозаика Юрия Павловича Нольдена (Нольдена-Меньшикова), известного под псевдонимом Трубецкой (1898–1974)¹, И.А. и В.Н. Буниным важна не только потому, что, как всякое введение в обиход архивных документов, знакомит с новыми фактами подлинной, а не гипотезированной истории, но еще и потому, что затрагивает саму по себе небезынтересную проблему, имеющую некое, что ли, методологическое значение: как быть в тех случаях, если архивный документ не столько помогает раскрыть правду, сколько скрывает, камуфлирует ее, не столько информирует, сколько дезинформирует.

Знавший Трубецкого И.В. Чиннов² писал в его некрологе: «Биография Юрия Павловича мне почти неизвестна. Стоит ли вообще рыться в биографиях? Всякие

* © Владимир Хазан, 2010.

** © Владимир Хазан, Richard D. Davies, 2010.

¹ Ср. с традиционным указанием на 1902 как год рождения Трубецкого, что, скорее всего, неверно: *Вильданова Р.И., Кудрявцев В.Б., Лаппо-Данилевский К.Ю.* Краткий биографический словарь Русского Зарубежья // Струве Г.П. Русская литература в изгнании / Под ред. Р.И. Вильдановой, В.Б. Кудрявцева, К.Ю. Лаппо-Данилевского. 3-е изд., испр. и доп. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. С. 367; Словарь поэтов Русского Зарубежья / Под общ. ред. В. Крейда. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1999. С. 330; *Незабытые могилы: Российское зарубежье: Некрологи 1917–2001: В 6 т. М.: Российская государственная библиотека «Пашков дом», 2006. Т. 6. Кн. 2. С. 478 и др.*

1898 г. как год рождения Ю.П. Нольдена фигурирует в справке, полученной нами из Архива Службы безопасности Украины (27 января 1931 г. он был арестован в Киеве за принадлежность к «нелегальной офицерской организации» и 17 марта приговорен к 10 годам заключения). Более подробно о биографии Ю.П. Нольдена-Трубецкого см.: *Хазан В.* «Но разве это было все на самом деле?» (Комментарий к одной литературно-биографической мистификации) // *A Century's Perspective: Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes* / Edited by L. Fleishman, H. McLean. Stanford, CA: Stanford University Press, 2006. С. 464–489. (Stanford Slavic Studies; 32).

² Письма Трубецкого Чиннову частично опубликованы в кн.: *Письма запрещенных людей: (Литература и жизнь эмиграции. 1950–1980-е годы): По материалам архива И.В. Чиннова* / Сост. О.Ф. Кузнецова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 461–478.

возможны сюрпризы»³. Сказано это, думается, неспроста: автор данной скептической сентенции если не знал, то, по-видимому, предполагал, что основным «сюрпризом», ожидающим всякого, кто начнет углубляться в эту биографию, будет полное или частичное несоответствие между тем, что было в реальности, и тем, что Трубецкой предпочитал рассказывать о себе. Между тем нельзя допустить, чтобы боязнь «сюрпризов» позволила бы мистификациям превалировать над истиной. Вот почему нижеследующая публикация и сопровождающий ее комментарий, помимо раскрытия сугубо биографического контекста отношений Бунина и его менее именитого корреспондента, преследует своего рода «разоблачительную» цель: провести резкую грань между фактической историей и ее деформацией.

Страдавший острейшей формой мифомании, Нольден-Трубецкой измыслил для себя некую биографию-миф, которой — с теми или иными поправками на обстоятельства: кому и по какому поводу данная биография излагалась, — он охотно придавал черты историко-литературного документа⁴. Если учесть, что происходило это не только по частному поводу — не только, скажем, в частной переписке с известными деятелями литературы в изгнании, но и в большом количестве его так называемых «мемуарных» очерков, широко печатавшихся в эмигрантской периодике и рассчитанных на массового читателя, а также в стихах и в «автобиографическом» романе «Нищий принц», следует признать, что фантазии Нольдена-Трубецкого выходят далеко за рамки «персонального мифа» и приобретают значение социально опасной исторической мистификации, апеллирование к которой способно привести к серьезным искажениям исторических фактов. При этом особо подчеркнем, что мифомания Трубецкого мало походила на обычные шуточные розыгрыши и игровые мистификации типа, скажем, чеховских. По неадекватно серьезным воспоминаниям И. Белоусова, Чехов «любил преувеличивать: в письме ко мне писал, что живет на 25-м этаже, что Бунин приходил к нему в 1863 году, когда Бунин только в 1870 году родился»⁵. Мистификации Трубецкого изначально строились в расчете на их принятие за абсолютно непогрешимую против истины реальность.

Биографический миф Нольдена-Трубецкого был закреплен ономастически: отказавшись от настоящей фамилии и взяв, как это делали многие эмигранты, попавшие на Запад в ходе Второй мировой войны, псевдоним, он «выбрал» на роль отца Паоло Трубецкого (1866–1938). Известный скульптор, к тому времени уже почивший и не имевший возможности оказать хоть какое-то сопротивление данному произволу — самозванству и навязыванию «родственных связей», был ловко приспособлен для того, чтобы авторитетно освятить эту экстравагантную фальсификацию. «Вы интересуетесь, из каких я Трубецких?! —

³ Чиннов И. О Юрии Трубецком // Новое русское слово. 1974. 28 июля. № 22380. С. 5.

⁴ О ситуации изгнания как исключительно «удобной» для историографических фальсификаций и предположительных истоках «биографического мифа» Трубецкого см.: Хазан В. Под знаком сна и сказки, или документ в роли антидокумента (О литературных мистификациях писателя-эмигранта «второй волны» Ю.П. Трубецкого) // Studia Rossica XIX: Dzienniki, notatniki, listy pisarzy Rosyjskich / Red. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łuciewicz. Warszawa, 2007. С. 489–503.

⁵ Белоусов И.А. Литературная среда: Воспоминания 1880–1928. М.: Никитинские субботники, 1928. С. 56.

спрашивал Нольден С.П. Мельгунова в письме от 15 ноября 1948 г. в ответ на его законный вопрос о происхождении. — Из петербургских. Неужели Вам по отчеству моему непонятно?»⁶ И в одном из последующих писем ему же (предположительно написанном между 21 и 31 декабря 1948 г.) конфиденциально сообщал: «Мой рѣге⁷ известен своим памятником в России. Но я его не помню (рѣге), ибо он с нами не жил, а обитал в Италии. Об этом я всегда неохотно вспоминаю и очень Вас прошу *сие не афишировать*»⁸. Правда, чтобы без нужды не испытывать судьбу, иных знакомых он в детали не посвящал, конкретного носителя этой высокородной и известной в России фамилии не называл, а, как в публикуемом ниже письме Бунину (№ 1), просто, хотя и не без известной многозначительности, заявлял: «Я — последний младший сын одного из Трубецких», — сами, мол, решайте, какого именно. Упорство, с которым Нольден маскировал себя при помощи чужого имени, давало свои плоды: даже точные и педантичные немцы то ли по небрежности, то ли по незнанию величали его «князь Трубецкой»⁹. Этот претенциозный псевдоним не избежал, впрочем, некоторых недоуменных и даже язвительных реакций.

Предупреждение о том, чтобы читатель не смешивал фамилию Юрия Павловича с княжеской, содержит обзор эмигрантской печати Игоря Опишни в журнале «Возрождение»¹⁰, а Чиннов в упомянутом выше некрологе, зная, что речь идет о псевдониме, не удержался-таки от некоторого не подобающего данному жанру сарказма: «Слышал, что Трубецкой — это псевдоним, а настоящая его фамилия Нольден. Но плохо представляю себе, чтобы можно было взять псевдонимом столь громкую фамилию безо всякого основания. Ведь не мог же Юрий Павлович не знать, что у Ильфа и Петрова выведен смешной одесский репортер, который подписывается княжеской этой фамилией и которого донимают насмешками: послушайте, почему вы Трубецкой?»¹¹

⁶ Сергей Петрович Мельгунов (1879/80–1956) — историк, публицист, издатель; в 1949–1954 гг. редактор журнала «Возрождение», в котором Трубецкой регулярно печатался. Письма Трубецкого к Мельгунову хранятся в архиве последнего (Melgunov Papers. Special Collections. British Library of Political and Economic Science. London School of Economics and Political Science. London— в дальнейшем: Melgunov Papers).

⁷ отец (фр.).

⁸ Melgunov Papers.

⁹ См.: *Kimmich R.* Altenzentrum Altenheim und Altenpflegeheim mit Altenpflegeschule in Dornstadt. Entstehung und Aufbau. Stuttgart: Evangelische Heimstiftung e.V. [1974?]. S. 23.

¹⁰ *Опишня И.* Жизнь и печать // *Возрождение.* 1959. № 87. С. 143. Следует, кстати, иметь в виду, что в эмиграции находились люди, знавшие Нольдена-Трубецкого по прежней, советской, жизни. Так, с ним была знакома бывшая киевлянка Т. Фесенко, писавшая в рецензии на книгу Ю. Терапиано, включавшую очерк, посвященный Трубецкому: «Встречаясь с ним в Киеве, куда он вернулся после пребывания в лагерях, я знала его под настоящей фамилией — Нольден» (*Фесенко Т.* Юрий Терапиано. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1923–1974). Эссе, воспоминания, статьи // *Новый журнал.* 1988. № 171. С. 315).

¹¹ «О Юрии Трубецком» (см. примеч. 3). Ср. в письме Трубецкого к нему от 28 августа 1963 г.: «Всякие злые языки шипят обо мне: “фальшивый Трубецкой”. Но ведь тут просто: по рождению я кн. Трубецкой, но когда мне было три года, отец разошелся с моей матерью, и она вышла замуж за барона г. Nolden-Eberhard, и отчим меня adoptировал. Вот в чем дело. И теперь я хлопочу, но безрезультатно. Единственно добился: двойной фамилии» (Письма запрещенных людей (см. примеч. 2). С. 474).

«Основание» у Юрия Павловича, и по-своему весомое, конечно, было. Если его кратко сформулировать, заключалось оно в том, чтобы любыми средствами утвердить свое имя в русской литературе, и не где-то на ее глухих задворках и скромной периферии, а едва ли не на главных магистралях, — и если не за счет собственных текстов, которые, как видно, на эту роль претендовать не могли, то хотя бы посредством *связи* с великими именами. Отсюда небезопасная, однако утешавшая собственное тщеславие игра в высокородного отпрыска известной дворянской фамилии. Отсюда же малодостоверные «воспоминания» о встречах, знакомстве и даже дружбе едва ли не со всем пантеоном русской литературы, включая Ахматову, Багрицкого, Белого, Блока, Брюсова, Вагинова, Волошина, Гумилева, Есенина, Кузмина, Мандельштама, Маяковского, Пастернака, Вс. Рождественского, Северянина, А. Тинякова, Н. Тихонова, Сологуба, Ходасевича...¹² Наиболее вызывающим диссонансом к такого рода связям и знакомствам служит их «односторонний» характер: полное отсутствие упоминаний о Юрии Павловиче второй стороной, даже самых незначительных, беглых и проходных. Поэтому попытки Нольдена обозначить свое присутствие в русской литературе, причем в соотношении с ее наиболее значимыми именами и сюжетами, выглядят — на фоне тотального «игнорирования» его имени — в особенности странными и труднообъяснимыми.

Мифобиографическая топика Трубецкого при всей своей разумеющейся гротескности не лишена драматических коннотаций, поскольку бесталанным Юрия Павловича назвать никак нельзя. Не лишенный известной поэтической чувствительности и литературного вкуса, Трубецкой оставил немало вполне удачных стихотворных опытов. Другое дело, что его творческие амбиции простирались гораздо далее отмеренного ему дарования. В этом был, по-видимому, источник глубочайшего раздражения на «несправедливую судьбу», которой недоставало воли и усердия для того, чтобы занять более достойное место на литературном Олимпе. Можно предположить, что именно этот конфликт между сновидением и реальностью, тайными грезами и конкретной творческой судьбой явился источником бурных мифологических фантазий Трубецкого на тему «я и русская литература».

Письма Трубецкого Бунину написаны по преимуществу из лагерей DP (Displaced Persons) сначала в Луттензее (Luttensee) (№ 1–9), а потом в находившемся неподалеку Миттенвальде (Mittenwald) (№ 10–22), в горном районе Карвендель на границе Баварии с Австрией, и под Нюрнбергом (№ 23–24) (два последних письма, адресованных вдове писателя Вере Николаевне, Трубецкой написал из Нюрнберга, где жил во второй половине 1950-х — 1960-е гг.). Восстановить детальную биографию их автора, и в особенности то, как он оказался на Западе, пока не представляется возможным. Судя по всему, в Германию Нольден-Трубецкой попал из Киева с отступавшей немецкой армией.

¹² Исключение составляет, пожалуй, Вяч. Иванов, с которым Нольден, судя по всему, действительно встречался весной 1921 г. в Баку, о чем писал в очерке «Отраженный свет (Из литературного дневника)» (Новое русское слово. 1950. 12 ноября. № 14079. С. 8), упоминание об этом см.: *Ланно-Данилевский К.* Вячеслав Иванов и Алексей Крученых в споре о Ницше и Достоевском // *Cahiers du Monde Russe*. 1994. Vol. 35. Fasc. 1–2. P. 401–407.

Большое место в письмах естественным образом занимает тема отъезда Трубецкого в США, который в конце концов не состоялся, по всей видимости, из-за сотрудничества Юрия Павловича с немцами. О своем коллаборационизме Трубецкой хотя и говорил с гордостью (см. в № 19 в предчувствии окончательного отказа американских властей: «Моя Америка пока закрыта. Дело в том, что меня “обвинили” в том, что я был три месяца в русской освободительной армии как военный врач (в чине лейтенанта). Т^аким образом, я не имел право, по их мнению, бороться за освобождение своей родины от коммунизма»¹³), но, разумеется, не был заинтересован в том, чтобы подробно раскрывать перед русским патриотом Буниным детали своей деятельности у немцев. Дело поэтому свелось к трехмесячному, по его словам, пребыванию в РОА, что вряд ли соответствовало истине, хотя эту сторону биографии Трубецкого еще предстоит раскрыть. Обвиняя сначала в своей неудаче «злые языки» и «черную зависть», Юрий Павлович вскоре сменил тактику и недостижимость далекого американского берега объяснял своей болезнью. Так, в письме к Г.П. Струве от 15 мая 1953 г. он пишет: «В Америку я не мог выехать по причине болезни. Астма и какие-то коварные пятна на легких»¹⁴. О том же в письме В.Ф. Маркову (8 сентября 1959 г.): «В Америку я не попал по многим причинам. <П>ервая из них — зарубцованный давний процесс ТВС. Впрочем, в Америке мне нечего делать. Компотные реки с шоколадными побережьями и прибрежными горами из сигарет Кэмеля или Лаки страйк меня не привлекают. Я люблю старушку Европу. Она как-то уютнее. В особенности такая старина, как Нюрнберг»¹⁵.

В письмах к Бунину проявились характерные черты и особенности эпистолярной манеры Трубецкого: «преданность без лести», «признание в любви» и поиск «взаимного чувства», расположение к себе собеседника путем объявления его творчества своей путеводной нитью¹⁶. Следует думать, что в представлении автора этих писем прием поиска нужных психологических струн в письменной беседе — своего рода сонстраивания собственной биографии на тональность биографии собеседника и нахождения общих точек соприкосновения «линий судьбы» — как бы гарантировал психологическую близость с ним и давал шанс быть принятым «за своего». Эта несколько слашаво-риторическая эпистолярная стилистика, как кажется, не только не уберегла Трубецкого от

¹³ Ср. в письме Чиннову от 3 февраля 1960 г.: «А что я офицер РОА — горжусь этим. Я боролся против большевизма» (ИМЛИ РАН. Архив И.В. Чиннова).

¹⁴ Hoover. Gleb Struve Papers. Box 140. Folder 10.

¹⁵ Собрание Жоржа Шерона (Лос-Анджелес).

¹⁶ Ср., к примеру, в письме к В.Г. Лидину еще в доэмигрантский период (датировано 13 декабря 1929 г.): «Ваше мнение для меня чрезвычайно важно, как моего любимого мастера. Мое знакомство с Вашим творчеством исчерпывающее. Я знаю все, вплоть до очерков в газетах. Вплоть до ранних, дореволюционного периода, рассказов. Я анализировал, вдумывался, говорил с другими и даже читал 2 года тому доклад о Вашем творчестве, проводил параллель между Вами и другими современниками. Между Вами и писателями прошлых лет. Доклад назывался “Творчество Вл. Лидина, в связи с эпохой и лит<ературным> наследием”» (РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 789) или в письме к С.К. Маковскому от 1 марта 1950 г.: «Ваши письма и суждения для меня чрезвычайно ценны. Так же, как Ваши стихи, которые до сих пор звучат. Пожалуйста, не лишайте меня этого» (РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 752).

отношения к нему современников как к «подлизе и лгуну» (С.К. Маковский), но, напротив, лишь усугубила его.

Нет ничего более понятного в человеческих отношениях, как момент переживания сходных эмоций: «И со мной то же самое происходило» (ср. в письме Трубецкого Бунину от 21 июня 1949 г. (№ 6), имея в виду рассказ «Таня» из «Темных аллей»: «Удивительно, что моя первая любовь (не детская, а пробужденная плотская) была именно крестьянская девочка с ее *запахами*, с ее “животностью” в самом лучшем понимании. И эту струну я нашел в Вашем рассказе “Таня”»). Однако у Юрия Павловича, если познакомиться с его письмами разным людям, образ психологического сходства приобретал значение приема, с помощью которого устанавливалась некая, что ли, родственность судеб. Нечто похожее он писал когда-то В.Г. Лидину (5 марта 1930 г.): «Прочитал в Н<овом> М<ире> Ваш рассказ “Мужество”, он мне понравился до необычайности. Вы точно подсмотрели мое детство. У меня в детстве был *точно такой* эпизод! Отец навещал меня с подарками, и я не знал, что это отец. Рассказ меня тронул просто так, как трогает колыбельная песня, слышимая в детстве, потом потонувшая и вдруг всплывшая. Сегодня я весь день под этим напевом. Так хорошо, хорошо от этого рассказа. И в этой простоте, м<ожет> б<ыть>, большее, чем во всяких композиционных вывертах наших современников. Только прочтя этот рассказ, я по-настоящему осознал себя, как-то изнутри поднялось ощущение-требование чистоты, теплоты, и Ваш рассказ много помог мне сейчас, фактически стоящему на распутье в эмоционально-этическом и эстетическом смысле. Ваш рассказ помог мне распутать один весьма важный узел, который спутался вокруг меня. Ваш рассказ указал мне этически важный путь для меня. И раньше, читая “Идут корабли”, я черпал оттуда указания на правильность — компасом светилось что-то, от чего хотелось быть лучше, чище, чудесно взят Киев у Вас. Почувствован его дух, его настроение. Спасибо, милый Владимир Германович, за письмо, за “Мужество”, за все. Я теперь тоже *мужественно* все беру и все несу, как подобает внутри, да и внешне»¹⁷.

Едва ли не ритуальным апофеозом в эпистолярной исповеди Нольдена-Трубецкого разным корреспондентам-писателям становилось признание испытанного неотразимого эмоционального потрясения от чтения созданного ими текста — романа, повести, сборника рассказов или стихов. Нет, безусловно, никаких оснований не доверять Трубецкому, когда он пишет Бунину о своих читательских впечатлениях от его произведений, следует лишь иметь в виду обиходный характер этого приема и его типовую стилистику в устах Юрия Павловича. Тому же Лидину, например, он писал 4 января 1930 г.: «Хотел бы побродить по свету. Это Вы виноваты. Ваши книги меня всегда тянут к скитальническим ветрам дороги и России»¹⁸.

Своему комплиментарно-стилевому постоянству Трубецкой не изменял почти никогда, любые плоды пера своих коллег возводя в письмах к ним в венцы творения, которые не просто перевернули его представления о литературе, но и саму его жизнь. Нам почти неизвестны заглазные суждения Трубецкого о

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 789.

¹⁸ Там же.

тех же самых авторах и их текстах, однако есть сильное подозрение, что они резко расходились с высказанными: столько в последних было неискренней приторности. Не столько даже захваливающе-комплиментарным тоном (в этом Юрий Павлович, полагаем, был в литературном мире не одинок), а неким, что ли, клятвенным заверением в твердом единомыслии едва ли не со всеми, с кем он состоял в переписке, отмечено по существу все немалое эпистолярное наследие Трубецкого. За этой навязчивой игрой в лицо, «приятное во всех отношениях», вызванной энергичным стремлением завоевать расположение влиятельных литературных фигур и прослыть в их глазах человеком опытным и бывалым, много видевшим и пережившим, потенциально прошедшим тот же самый путь, что и они сами, переболевшим их болями и передумавшим их думы и лишь в силу определенных обстоятельств не добившимся их славы и известности, стояла, как думается, все та же ущемленность самолюбивого творческого сознания, притязавшего на более значительное место в литературе, нежели то, что ему было отведено талантом и судьбой.

Той же цели служит титулование своего корреспондента Учителем — не только литературы, но и жизни. Бунин был, безусловно, кандидатурой, вполне этого заслуживающей, однако далеко не единственной, кого Трубецкой в течение жизни избирал на эту роль¹⁹.

Столь же привычным был навык посвящать кому-либо свои тексты — не только стихотворные, но и прозаические. Звучащий в письмах к Бунину мотив, что ему будет посвящена автобиографическая повесть, в унисон повторял то, о чем Трубецкой писал двадцать лет назад Лидину: «Замыслил кое-что прозаическое. Попытаю свои силы. Если выйдет что-нибудь путное — твердо решил посвятить Вам и, конечно, прислать. Но боюсь. Боюсь оказаться бессильным».

Это было нечто отличное от вполне естественного и объяснимого повторения привычно-однотипных речевых конструкций, — некая добровольно принятая на себя роль ученика, «подмастерья», которому еще только предстоит выучиться подлинному мастерству. Однако сам учебный курс — и сюда, нужно думать, стягивались главные комбинаторские усилия Трубецкого — как бы осуществлялся опытными и маститыми Учителями. Этим в полной мере объясняется известный «инфантилизм» его писем к Бунину: подкупающее своей открытостью и прямотоушением признание — «это вы меня научили», весьма нередкое в письмах Трубецкого к разным другим литераторам, в случае с нобелевским лауреатом было вроде бы в особенности уместным.

С тем же самым психологическим комплексом «ученика», «младшего», «еще по-настоящему не раскрывшегося, но многообещающего дарования» были, как следует полагать, связаны попытки Трубецкого уменьшить свой возраст, сделать себя в глазах окружающих моложе, «зеленее», чем было на самом деле. «Матросский костюмчик», с которого начинается первое письмо к Бунину, является не только лейтмотивным образом его творчества (см. соответству-

¹⁹ Ср. в письме к Волошину от 13 августа 1924 г.: «Посылая Вам свои стихотворные опыты, прошу Вас, уважаемый учитель, не обойти их молчанием, т<ак> к<ак> Ваше мнение я ценю и почитаю в данное время более всех корифеев слова» (РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 896; опубли.: *Хазан В.* «Но разве это было все на самом деле?». С. 475).

ющее примеч.), но и важным элементом мистифицированной биографии в целом. Подсознательно это выразилось в том, что времени как объективной категории для главного героя романа «Нищий принц» Гриши Вязьмитинова, alter ego автора, как будто бы не существует: в самом начале Первой мировой войны, т.е. в 1914 г., он изображен шестнадцатилетним (его близкий друг идет на фронт)²⁰. Следом наступает вроде бы другая эпоха — приходит революция, рушится прежний мир, а герой остается «вечно юным». Побывав на выступлении Блока, он возвращается домой: «Тогда Грише хотелось плакать. И однажды, идя по пустому городу, он плакал. Плакал о матери, умершей, о веселой, милой Марине, о расстрелянной тете Зине, об умирающем Блоке, о своей голодной жизни. О том, что он, семнадцатилетний <выделено нами. — В.Х.> мальчишка, идет в ободранную комнату, где мяукает полуголодный кот. О том, что Россия уже не Россия, а РСФСР, о том... Мало ли о чем может плакать этот мальчуган»²¹.

Комплекс «мальчугана» — одна из устойчивых психологических маний Трубецкого, сопровождавшая его в течение всей жизни. В письме к Г.П. Струве от 9 июня 1953 г. он описывает свои и Вс. Рождественского (который везде представлен у него близким приятелем²²) посещения петроградского Дома искусств: в эти, послереволюционные годы, по его словам, ему пятнадцать лет²³. В другом письме, к В.Ф. Маркову (8 сентября 1959 г.), сообщает о том, что занимается «стихописаньем с 14 лет, т.е. с 1916 года»²⁴. В письме же к Ю. Марголину от 13 ноября 1953 г. и в недатированном письме С.П. Мельгунову годом его рождения назван 1906²⁵, т.е. от реального возраста отнято целых восемь лет.

Иной раз, впрочем, Трубецкой позволял себе «свое суждение иметь», как в случае с вероятными бунинскими резкостями в адрес Блока (№ 15): здесь Юрий Павлович, высоко Блока почитавший и принадлежавший к блоковской школе, даже дерзнул вступить в деликатную полемику с мэтром, не упустив при этом, однако, случая сообщить о своем якобы дальнем родстве с поэтом. При этом он, по своему обыкновению, свидетельствуя от первого лица прямого и интимного участника событий, сообщает Бунину, что Блок «кался в написании “ХП”». И даже просил уничтожить оставшиеся экземпляры. Сему я свидетель, еще и Георгий Иванов». Зная, что иной раз Трубецкой пускался на легко проверяемую и потому в особенности рискованную ложь²⁶, эпизод с Блоком, кающимся перед мало кому известным стихотворцем (с которым в лучшем слу-

²⁰ Кстати сказать, изображен реальный возраст самого автора.

²¹ Трубецкой Ю. Нищий принц // Новое русское слово. 1960. 3 октября. № 17374. С. 4.

²² По сообщению дочери поэта, М.Вс. Рождественской, в архиве отца нет никаких следов, указывающих на знакомство с Нольденом, хотя о своей дружбе с Вс. Рождественским Трубецкой писал в эмигрантской прессе неоднократно.

²³ Hoover. Gleb Struve Papers. Box 140. Folder 10.

²⁴ Собрание Жоржа Шерона (Лос-Анджелес).

²⁵ Yu. Margolin Collection. Central Zionist Archives (Иерусалим); Melgunov Papers.

²⁶ Ср., к примеру, с его утверждениями о том, что он печатался в бакинском журнале «Искусство» и киевском журнале «Куранты» (письмо Волошину от 13 августа 1924 г. — см.: *Хазан В.* «Но разве это было все на самом деле?». С. 476) или в суворинском «Лукоморье» (Содружество: Из современной поэзии Русского Зарубежья. Вашингтон: Victor Katkin, 1966. С. 549), хотя на самом деле ни в одном из этих изданий не появлялся.

чае был знаком мельком, а скорее всего, не был знаком вовсе) в том, что написал свою знаменитую поэму, вызывает более чем сильные сомнения.

Конечно, при пристальном внимании к биографическим «мифологемам» Трубецкого в них можно было обнаружить немало несоответствий и несообразностей. Так, рассказанная в письме к Бунину от 8 июня 1949 г. (№ 4) история о том, как в их дом якобы ворвалась пьяная революционная матросня (сцена, которая будет потом перенесена в его роман «Нищий принц»), приходит в резкое несоответствие с тем, например, местом в воспоминаниях о Маяковском (см. примеч. 4 к № 24), где Юрий Павлович изображает себя среди посетителей «Привала комедиантов»: примерно в одно и то же время он оказывается «барчуком»-подростком и начинающим поэтом в столице. Список подобного рода несообразностей, которыми он в своих «мемуарных» публикациях щедро потчевал эмигрантского читателя, мог бы стать предметом специального научного расследования. Возможно, легкая тень сомнения закралась у Веры Николаевны Буниной, когда в ответ на фразу Трубецкого из письма к ней — «Я с <Буниним> встречался в Одессе, во время Добровольческой армии» — она, по всей видимости, выразила удивление, почему его образ никак не отложился в цепкой и внимательной бунинской памяти (некоторое, между прочим, предупреждение об опасности фотокарточного обмена в ситуации, когда размашисто эксплуатируется сам дефицит документальных свидетельств). Парирование Трубецким этой реакции достойно того общего, превалировавшего у него над всем духа хлестаковщины: «Что Иван Алексеевич не помнил меня “внешне” — само собой разумеется. В Одессе мне было 18 лет только. А я очень изменился».

Остается только пожалеть о том, что архив Трубецкого, за малым исключением, уничтожен самим хозяином²⁷, поскольку, как писал Ю. Терапиано, будучи изолированным от литературной жизни, Трубецкой «утешал себя перепиской с литераторами всех поколений, и в этой области у него должен был составить огромный архив из книг (многие с авторской подписью), статей разных авторов и бесчисленных писем от поэтов, писателей, критиков и литературоведов»²⁸. Во главе этого перечня, если говорить о биографии самого Трубецкого,

²⁷ См.: «К сожалению, при переезде в старческий дом (так выражались все эмигранты) он большую часть своего рукописного архива уничтожил, сохранив лишь письма Бунина, Зайцева и Георгия Иванова, которые он мне и передал», — пишет Р. Герра, предваряя свою публикацию письма И. Бунина Ю. Трубецкому от 16 ноября 1948 г. («...С именем Бунина у меня связана лучшая пора жизни...») (Неопубликованное письмо И.А. Бунина Юрию Трубецкому) / Вступ. ст. и публ. Р. Герра // *Филологические записки* (Воронеж). 2003. Вып. 20. С. 7); ср. также: *Герра Р.* Они унесли с собой Россию...: Русские эмигранты — писатели и художники во Франции (1920—1970). СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2003. С. 102; *Герра Р.* «Когда мы в Россию вернемся...». СПб.: Росток, 2010. С. 142. Судя по словам самого Трубецкого, помимо фото и книг с дарственными надписями, у него сохранилось 23 бунинских письма, см.: «Я счастлив, что имею от Ив<ана> Ал<ексеевича> двадцать три письма, фотографию с надписью, книги с его ласковыми строчками, написанными уже дрожащей рукой» (*Трубецкой Ю.* Иван Алексеевич Бунин // *Возрождение*. 1954. № 36. С. 163); см. также № 22 и № 2 к Буниной; кроме указанного — от 16 ноября 1948 г. — опубликовано еще одно письмо И. Бунина к Ю. Трубецкому — от 24 января 1949 г. (*Герра Р.* «Когда мы в Россию вернемся...». С. 147).

²⁸ *Терапиано Ю.* Памяти Ю.П. Трубецкого // *Русская мысль*. 1974. 8 августа. № 3011. С. 9.

следовало бы, по-видимому, поставить те безвозвратно утерянные «ключи тайн», без которых крайне затруднительно во всей полноте представить общую картину. Вместе с тем было бы крайне недальновидным удовлетвориться тем мифом, который оставил после себя Нольден-Трубецкой и, всецело ему доверившись, относиться к нему как к документальному свидетельству.

* * *

Корпус писем Трубецкого сохранился не полностью, в письмах не раз упоминаются послания или вложения в них, которых нет в архиве (РАЛ. MS. 1066/5600—5624, 1067/7256—7257). По крайней мере, одним письмом Бунин воспользовался для своих записей (см. № 12). Тексты печатаются по подлинникам в соответствии с современными нормами русского языка, явные описки исправлены, что специально не оговаривается. Выделенные автором слова или словосочетания даны курсивом.

Приносим искреннюю признательность и благодарность тем, кто помогал нам в подготовке данной публикации: Олегу Коростелеву (Москва), Ольге Кузнецовой (Москва), Милене Рождественской (Санкт-Петербург), Elaine Charwat (Leeds, Великобритания / Cork, Ирландия), Georges Cheron (Los Angeles), Svetelana Geyer (Freiburg, Германия), John Gioni (Bratislava/Stupava-Mast, Словакия), Edythe Haber (Cambridge, США), Ruth Kimmich (Dornstadt, Германия), Hella Reese (München), Konrad Ritter (Dornstadt, Германия), Gabriel Superfin (Bremen), Eckhard Weiher (Freiburg, Германия).

Ю.П. ТРУБЕЦКОЙ — И.А. БУНИНУ

1

28 сентября 1948 г. Луттензее

28.IX.48

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич!

Вы, конечно, не помните подростка в матросском костюме, которого представил Вам покойный Вл. Ходасевич¹. Это было давно. Но Ваши книги, в особенности стихи и «Жизнь Арсеньева», сопутствовали мне, до последнего времени, в моих эмигрантских скитаниях. Я — последний младший сын одного из Трубецких. Эмигрировал в 1924 году из Советской России². Потом, при Гитлере, ездил на Украину на 2 мес<яца>. Был свидетелем разрушений³. Но об этом надо много писать, но — не стоит Вас затруднять вещами Вам неинтересными. Я сам давно пишу. Закончил в СПб. Гумилевскую студию⁴. Был свидетелем ареста Ник<олая> Степ<ановича>⁵, был на похоронах Блока⁶. Видел умирающий Петербург. Много писал в те страшные годы (1918—1923)⁷. Вырвался чудом. Писал гл<авным> образом стихи, немного прозу. Люблю Ваш русский пейзаж, Ваши настроения. Сейчас мне обещали прислать из Парижа томик Ваших избр<анных> стихов⁸. Вы по полному праву занимаете в моем Пантеоне одно из главенствующих мест. Живу я в глухой баварской деревушке «Luttensee» как D.P. и как медведь⁹. Что возможно — достаю. Я говорю о литературе. Сам пишу, но скупое, скупое. Взыскательно скупое. Кое-что, кажется, будет в «La Pensée Russe»¹⁰, откуда Влад<имир> Феофилович Зеелер¹¹ любезно сообщил Ваш адрес. Конечно, Вы позабыли подростка в матроске. Но я уже не подросток. Ведь прошло много лет. Имею дерзость надеяться получить от Вас ответ. О какой-нибудь книжке не осмеливаюсь просить. До того ли Вам. Прилагаю

при сем мои стихи. Кажется, я не так уже слаб как поэт. Я все потерял. Родители и близкие расстреляны Сов<етской> властью. Родственники молчат. А я влачу жалкий жребий Д.Р. И моя единственная радость — книги.

С уважением

Юр. Трубецкой (Юр. Павл. Трубецкой)

P.S. Мне очень хотелось бы знать Ваше мнение о моих стихах¹². Я многому у Вас учился.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/5600). Место установлено по содержанию. Подчеркивание сделано Буниными зелеными чернилами, кроме предложения «Я — последний младший сын одного из Трубецких», подчеркнутого красной шариковой ручкой и отмеченного на полях вопросительным знаком.

¹ Матросский костюм — своего рода униформа подростка Нольдена, в которой он, по собственным описаниям, ознакомился с крупнейшими представителями русской литературы, ср. в его воспоминаниях о Блоке, где перед встречей с поэтом он бродит по сестрорецкому берегу, одетый сходным образом: «<...> как изменился худенький рыжеватый подросток, бродивший по песку Сестрорецка. Неужели это был я? В запачканном матросском костюмчике, державший томик, изданный “Мусagetом”. Томик Блока» (*Трубецкой Ю.* Александр Блок (Листки воспоминаний) // Современник. 1960. № 2. С. 49). Эта устойчивая автобиографическая деталь появляется в разных текстах Трубецкого — от романа «Нищий принц» до стихотворения «Рейд безлюдный. Пески Сестрорецка»: «Воротник твоей белой матроски / Тихо треплет морской ветерок» (Петербург в поэзии русской эмиграции (первая и вторая волна) / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Р. Тименчика и В. Хазана. СПб.: Академический проект; Изд-во ДНК, 2006. С. 499).

² Представление о себе как эмигранте «первой волны» Трубецкой поддерживал разными способами, например, ненавязчивой фальсификацией подписей под стихами: так, в подаренном Бунину сборнике «Стихи» (см. примеч. 12) под некоторыми стихотворениями имеются следующие авторские обозначения времени и места их написания: «Я изучил уже давно» (1936, *Цюрих*), «Иди домой! А может дома нету» (1942, *Берн*), «Голландия» (1937, *Роттердам*), «Бывают дни, среди других, такие» (1938, *Котовицы*).

³ Несколько отличную от этой, но столь же недостоверную версию того, как он оказался на Западе, Трубецкой излагает в письме к С.К. Маковскому от 7 декабря 1949 г.: «Вы просите написать о себе. Извольте. Я из тех самых Трубецких. Но не титулуйте меня Бога ради! Меня зовут Юрий Павлович. Бежал из Сов<етской> России в 1924 году, через Польшу. Обстреляли. Пуля оцарапала. Но ничего, вынес. Мотался по белу свету. Польша, Франция, Югославия, Марокко, опять Югославия, оттуда Гитлер вывез в Берлин. В Берлине бомбы, ужас и смерть у порога. Потом бегство в Баварию. Тут — лагеря ДР, служба в UNRRA, потом IRO» (РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 752).

⁴ Ср.: «Всеволод Рождественский знакомит меня с Гумилевым. Гумилев постоянно бывает в Доме искусств (ДИСК). Там у него студия, там он учит писать стихи. Там же Владислав Ходасевич “привязывает <так/> классическую розу к советскому дичку”. Гумилев слегка надменен, глядит разноглазо. Короткий разговор, почти незначущий:

— Пишете стихи? Покажите.

Всеволод Рождественский, близоруко прищуриваясь, отвечает за меня: «Да, он пишет очень неплохие сонеты». Я даю Гумилеву листки с каллиграфически переписанными сонетами (Царское Село, Петергоф, Павел Первый). Гумилев не хвалит, но и не ругает:

— Вот эта строфа прямо-таки хороша, а вот эту строчку надо заменить, она ни к чему, она искусственно пришта к строфе...

Гумилев был, конечно, прав, но тогда я не соглашался. В молодежи всегда есть нечто петушиное, самонадеянное. Кукареку, и больше ничего.

— Читаете Анненского? Чувствуется! Бросьте затертые сравнения.

Я немного разочарован. Потом знакомлюсь с «гумилиятами». Их что-то очень много. Ида и Фредерика Наппельбаум, Смиренский, Константин Вагинов, Михаил Фроман и еще и еще поэты, поэтессы, подающие надежды и не подающие никаких надежд, но самозабвенно любящие стихи» (*Трубецкой Ю.* 1920–1921 // Новое русское слово. 1960. 7 июля. № 17286. С. 3; см. также: *Трубецкой Ю.* Николай Гумилев (1885–1921) (Из литературного дневника) // Новое русское слово. 1950. 29 октября. № 14065. С. 8).

⁵ Чтобы придать своей личности больше притягательного исторического веса, в другом месте Трубецкой писал, что «будучи подростком, являлся дальним свидетелем “таганцевской загадки”», и едва ли не как живой очевидец свидетельствовал о том, что таганцевского заговора не существовало (*Трубецкой Ю.* Блок и Гумилев // Новое русское слово. 1949. 11 декабря. № 13743. С. 8).

⁶ О своей близости с Блоком и о том, что во время похорон он нес его тело, Трубецкой писал неоднократно, см. его статьи: «О Блоке (Из литературного дневника)» (Новое русское слово. 1950. 4 июня. № 13918. С. 8); «Из записных книжек» (Мосты. 1959. № 2. С. 414); «1920–1921» (Новое русское слово. 1960. 7 июля. № 17286. С. 3); «Александр Блок (Листки воспоминаний)» (Современник. 1960. № 2. С. 49–52); «Из записных книжек» (Новое русское слово. 1965. 30 мая. № 19074. С. 8); ср. в его письме к Д.А. Каренн, вдове Н.А. Оцупа, от 1 января 1962 г.: «Я Блока очень любил и бывал в Петербурге у него. Но я был еще подростком, но писал стихи. Был и на его похоронах. После похорон, на обратном пути я шел с Н.А. <Оцупом> и Рождественским (петербургским поэтом), мы говорили о многом» (Institut d'Etudes Slaves (Paris). Archives d'Otsup). Блоковская тема занимает важное место в эпистолярной Трубецкого начиная с советских времен, см. в письмах к В.Г. Лидину (РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 789): «знаком был с Блоком. Это незабываемо» (13 декабря 1929 г.), «Два человека не отнеслись ко мне бездушно-формально. Это — Блок и Вы. Я думаю, потому я и люблю больше всего поэта Блока и писателя Лидина» (до 31 декабря 1929 г.). Эта настойчивость накрепко связать свое имя с блоковским давала определенные результаты, ср., например, в рецензии Ю. Терапиано на сборник его стихов «Двойник», в которой, отмечая близость автора к Блоку, критик пишет, что «Трубецкой в ранней юности лично знал Блока, находился под его очарованием — см. полуавтобиографический роман Ю. Трубецкого “Нищий принц”, печатавшийся в журнале “Возрождение”» (Новое русское слово. 1954. 8 августа. № 15443. С. 8). Позднее, в письме к Бунину от 11 января 1950 г. (см. № 15), Трубецкой объявит себя дальним родственником Блока.

⁷ Петербургские стихи Трубецкого см. в кн.: Петербург в поэзии русской эмиграции... С. 499–518.

⁸ Вместе с ответным письмом, датированным 16 ноября 1948 г., Бунин отправил Трубецкому свою книгу «Избранные стихи 1900–1925» (Париж: Современные записки, 1929), см.: «...С именем Бунина у меня связана лучшая пора жизни...» (Неопубликованное письмо И.А. Бунина Юрию Трубецкому) / Вступ. ст. и публ. Р. Герра // Филологические записки (Воронеж). 2003. Вып. 20. С. 14.

⁹ Здесь Трубецкой пишет правильно «Luttensee», но обычно он, и вслед за ним Бунин (см. примеч. 3 к № 3), писал ошибочно «Lüttensee» и в транскрипции, соответственно, «Люттензее» (см. № 8–10).

¹⁰ Парижская эмигрантская газета «Русская мысль» (1947–), в которой сотрудничал Трубецкой.

¹¹ Зеелер Владимир Феофилович (1874–1954) — общественный деятель, журналист, художественный критик, мемуарист; с 1947 г. член редколлегии «Русской мысли».

¹² Позднее Трубецкой преподнес Бунину рукописный сборник «Стихи» со следующей надписью: «Автору моих самых любимых книг, Поэту России Ивану Алексеевичу Бунину. С глубоким уважением. Юр. Трубецкой. 3.XII.1948. Бавария» (*Морозов С.Н., Иванов Ю.Н.* Дарственные надписи на книгах из парижской библиотеки И.А. Бунина // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. Кн. 2 / Под общ. ред. Е.П. Чельшьева, Д.М. Шаховского. М.: Наследие, 1994. С. 241) (сборник ныне хранится в Литературном музее, Москва).

2

16 апреля 1949 г. Луттензее

Дорогой Иван Алексеевич

Христос Воскресе!

Поздравляю со Светлым Праздником¹. Желаю здоровья и счастья.

Ваш

Юр. Трубецкой

Публикуется по автографу (открытка с репродукцией картины подснежников) (РАЛ. MS. 1066/5601). Дата и место установлены по почтовому штемпелю, на котором указан Миттенвальд — ближайший к Луттензее город.

¹ В 1949 г. православная Пасха отмечалась 11/24 апреля. Возможно, Трубецкой имел в виду католическую Пасху, отмечавшуюся 17 апреля.

3

12 мая 1949 г. Луттензее

12.V.49

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич!

Сердечно рад, что Вы меня не забываете и что Ваше здоровье поправилось¹. По-моему, главное, не нервничайте, не принимайте близко к сердцу всякие мелочи. Я уже давно стараюсь это делать. А у меня неприятностей вагоны, даже составы. Эмиграция моя из Германии не движется. Ибо американских дядюшек нет, а если есть родственники — я для них не представляю интереса, ибо родственники хороши тогда, когда в кармане много. Но все мое имущество «там» (земля и дом, кот<орыми> я должен был владеть), а то, что было здесь, прожито, украдено, разбито бомбами и т.д. Таким обр<азом>, я «лакомого кусочка» для родичей и знакомых (некоторых, конечно) не представляю. В Берлине бомбой разбило дом, в к<ото>ром я жил. Я еле-еле спасся, жена тоже². Но погибли все вещи (костюмы, библиотека, кое-что из ценных вещей). Конечно, в Германии теперь это не восстановишь. И теперь ни у меня, ни у жены, ни в запасе. И заработать невозможно. Но я придерживаюсь взгляда: что нужно человеку? Пара чистых сорочек, один костюм и пара ботинок. И запас иронии, чтобы на все смотреть равнодушно. А мне еще трубка и табак. Сочувствие? Оно редко, да и, пожалуй, ни к чему. Единственно осталось — получу от Вас письмо, прочитаю хорошую книжку, хорошие стихи. Сам вечером что-то напишу. Как видите, у меня есть причины к пессимизму, но я бодрюсь, и мы еще повоюем, черт возьми! Побрыкаемся.

Моя повесть движется трудно³. Ибо все ж надо зарабатывать деньги на прожитье. Если достану пиш<ущую> машину — пришлю Вам 1–2 гла-

вы, на суд. Относительно моей «мундирности» и выучки (гумилевской) Вы правы, конечно⁴. Но увы — себя уже изменить теперь трудно.

Желаю Вам здоровья, духовного равновесия и всех благ. Прошу Вас не забывать уважающего и любящего Вас

Юр. Трубецкого

P.S. У нас в Альпах вчера выпал снег и сегодня зима. Вот ужас-то!

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/5602). Место установлено по контексту.

¹ С начала января по середину мая 1949 г. Бунины находились во второй раз (первый раз был с конца декабря 1947 г. по конец апреля 1948 г.) в Русском доме в Жуан-ле-Пене на Лазурном берегу (около Антиб), где отдых, мягкий климат и медицинский уход благотворно действовали на Бунина. См. дневниковые записи Веры Николаевны, относящиеся к этому времени (РАЛ. MS. 1067/423; Устами Буниных. Т. 3. С. 189–193).

² Елена Федоровна Нольден (урожд. Квятковская; 1899–1975).

³ Речь идет об автобиографической повести Трубецкого «Нищий принц», к написанию которой его подтолкнул Бунин, см. в бунинском письме к нему от 16 ноября 1948 г.: «Позвольте, кроме того, посоветовать Вам начать большую работу в прозе — кратко, просто, без прикрас написать все пережитое Вами с детства вплоть до Lüttensee. Очень советую, даже прошу» («...С именем Бунина у меня связана лучшая пора жизни...». С. 14); ср. в некрологическом очерке Бунина: «С памятью Ив<ана> Ал<ексеевича> у меня много связано. После войны он *первый* приветствовал мое выступление в печати. Он внушил мне мысль написать повесть “Нищий принц”. Написал мне: “Не только советую, но даже прошу писать повесть”» (*Трубецкой Ю.* Иван Алексеевич Бунин // Возрождение. 1954. № 36. С. 163); см. также примеч. 5 к № 18 и примеч. 3 к № 2 к Буниной.

⁴ Фразу Бунина из письма к нему о том, что в его стихах «слишком много гумилевской мундирности», Трубецкой приводит в очерке «Ив. Ал. Бунин (Из литературного дневника)» (Новое русское слово. 1951. 18 ноября. № 14450. С. 8).

4

8 июня 1949 г. Луттензее

8.VI.49

Дорогой Иван Алексеевич!

Только что, утром, прочел Ваш рассказ «Речной трактир» и почувствовал неодолимое желание написать Вам¹. Потому что всем своим существом вонзился в этот рассказ. И почувствовал — что мне просто *необходимо* прочесть еще много раз «Господина из С<ан>-Франциско», «Жизнь Арсеньева», «Суходол»; но как это сделать? Может — Вы мне укажете пути? Сколько я не писал в Париж, в из<дательст>ва — мне отвечают, что из-за валютной системы это невозможно...

И еще: «Речной трактир» вызвал у меня другие картины: я еще в дни первых годов российских потрясений. Помню: голодный, лишенный всего, только что пьяные матросы расправились с моей теткой. Нянька моя

кричала: «Не троньте, дитя! Это мой сын, мой сын. Это не барыни! Это не барчук!» — Она успела разуть меня и одеть на меня посконную рубаху. Я стоял возле няньки и молчал. Я понял, что если заговорю — матросы поймут, что я именно «барчук», и разmozжат мне голову. И старший — очевидно предводитель — матрос сказал: — Не трожь мальчика. Хрен с ним. — И ушли. А нянька моя погладила меня по голове и шептала: — Вывела царица небесная! Выведет, Юрчик, не бойся, иди родной! Храни тебя Пречистая! — дала мне колбасы, хлеба и куртку старую. Сказала, что пойди в то село, где есть ее родичи, позже и вещи мои принесет. И я пошел. Один. В оборванных штанишках, босиком по осенней колючей траве. Пришел. Бездумно прошел пешком, жуя колбасу с хлебом, верст десять, к вечеру в железнодорожную сторожку. Там жили нянины родичи. Шел и смотрел на небо, на золотые деревья. А сзади была смерть. Она шла за мной по пятам, обнюхивая след, как ищейка. Следы ног того, кто уходил от нее под Покровом Пречистой. А я *знал*, что уйду от нее. У меня была воля к жизни, была, и я держал за руку жизнь. Не знаю, почему, это все как *сiнема* промелькнуло передо мной, когда я сегодня утром прочел Ваш рассказ. И мне до боли захотелось еще, еще читать Ваши строки. Читать «Суходол», «Жизнь Арсеньева», «Господина из С<ан>-Франциско». И вот нет их. И захотелось сказать Вам то, что сказал. И еще: живя у железнодорожника, «в похоронках», как няня говорила, — я читал растрепанные приложения к «Ниве», и там были Ваши книжки в желтеньких обложках. И я читал неотрывно. И от них на меня изливалась тишина. И я думал — пусть у меня отнято все, благополучие, комфорт, имя, деньги, но *этого* ощущения озаренной жизни у меня никто не может отнять. Я взял несколько книжек Ваших у железнодорожника. Там был «Суходол», были стихи. Был у меня еще томик Блока, томик Гумилева и томик Анненского. Все это уложил в мешок и решил идти куда-то. Потом все резко изменилось. Мне удалось получить кое-какое золото и вещи, что не успели разграбить. И я поехал в Петербург. Но книги — в желтеньких обложках возил с собой всю жизнь. До Берлина. И там, когда сразу после аларма² — едва успел выскочить — ахнула Luftmine³ в дом, все сгорело. Костюмы, книги, частично вывезенные вещи из всех мытарств. И вот только теперь в комнате, а в окно глядят Баварские Альпы и синее, синее горное небо, понемногу я опять тянусь к тому, что мне сопутствовало.

Извините меня, дорогой Иван Алексеевич, за сумбурное письмо. Я так рад, что мне пришлось переписываться с Вами!

Ваш преданный

Юр. Трубецкой

P.S. Пишите, когда найдете для этого время. Об этом, что я писал, будет и в повести. Она посвящается Вам.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/5603). Место установлено по контексту.

¹ 14 августа 1949 г. Трубецкой напишет Мельгунову: «Ив. Ал. Бунин не забывает меня, я от него получил и стихи <см. примеч. 8 к № 1>, и две книги...» (Melgunov Papers). В данном случае речь идет об издании рассказа «Речной трактир» отдельной книжкой с иллюстрациями М.В. Добужинского (Нью-Йорк: Склад издания М. Zetlin, 1945), см.: «...С именем Бунина у меня связана лучшая пора жизни...». С. 7. (Вторая книга, при- сланная Буниным, см. № 5–7.)

² Alarm — сигнал воздушной тревоги (нем.).

³ Luftmine — бомба (нем.).

5

17 июня 1949 г. Луттензее

17/VI 49

Дорогой Иван Алексеевич!

Только что получил Вашу книгу¹. Не знаю даже, как Вас благодарить. Это огромная радость для меня! Вы так добры ко мне, так тепло ко мне относитесь!.. Как только получил, сейчас же сел за стол и пишу, извещая Вас о получении.

Когда прочту ее всю, обязательно напишу, что больше всего меня тронет, хотя заранее знаю, что у Вас не может быть ничего такого, что бы меня не тронуло. Я рад, что исполнилось мое давнее желание — я имею Ваши книги с Вашими надписями. Об этом я еще мечтал давно, когда прятал жел- тенькие книжечки «Нивы» в свой чемодан и возил их с собой. Мне бы еще хотелось — поговорить с Вами. Кто знает, может, удастся. Еще раз спасибо большое. Желаю Вам здоровья, бодрости, светлого, самого лучшего.

Ваш всегда

Юр. Трубецкой

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/5604). Место установлено по контексту.

¹ Речь идет о книге Бунина «Темные аллеи» (Париж, 1946) (см. № 6).

6

21 июня 1949 г. Луттензее

21/VI 49

Дорогой Иван Алексеевич!

Я уже прочел, вернее проглотил, «Темные аллеи». Больше всего «Балла- да», «Натали», «Чистый понедельник» — меня пронзили. А вообще, конеч- но, все. Но в этой книге для меня открылось нечто новое, для меня незнако-

мое в Вашем творчестве. Вы каким-то крючком выворачиваете наизнанку все внутреннее. Выворачиваете и приговариваете: «Вот смотри, человек, каков ты есть. И сравни себя с Вечным, непреходящим». Удивительнее всего то, что это хотел когда-то сделать Мопассан, но это ему не удалось. Он сбился — вернее, сбивался на пошлость. А у Вас, несмотря на всю нагую откровенность, *никогда и нигде* я не вижу пошлости, скользкости и эротики в самом скверном понимании этого слова. Такие сюжеты так трактовать может только мастер. Конечно, менее всего я хочу льстить Вам, ибо Вы не нуждаетесь ни в чьей лестии. Я только говорю то, что думаю. Я даже *хотел* найти что-нибудь, чтобы резануло, но не нашел. Когда-то, в подростковые годы, я прочел всего Мопассана и очень хорошо помню — отвратило меня надолго его кривое зеркало. У него есть что-то козлиное. Хотя в те годы что-то мне бормотали о кентаврах и фавнах, и Городецкий, и Кондратьев. А Кузьмин <так.> весьма недвусмысленно смотрел на меня в Сестрорецке, как, купаясь, я раздевался на берегу. Но «кузьминство» ко мне не привилось. Хотя его принципиально я не осуждал. Так вот, оборачивая какой-то особой стороной зеркало, Вы дали мне право сказать самому себе те фразы, которые я, м<ожет> б<ыть>, не умел до сих пор сформулировать. Теперь, прочтя эту книгу, я *осмеливаюсь* полнее писать свою злополучную повесть. Вы меня *научили* подходить к определенному моменту человеческой структуры без боязни впасть в «пошлость», ибо пошлость страшнее всего и она запятнала Мопассана. И вот в «Натали» и в «Чистом понедельник» романтика возвышается до самоцели, а не до «приложения бесплатного». Не знаю, как другие читатели (пожалуй, даже мне дела нет), но Ваши рассказы страшны. Не по-андреевски¹, а потому что они вызывают de profundis² — то, что иной раз страшно вспомнить. И когда вызванное воплотится, то перестанет быть страшным, а делается таким, что думаешь: — это так же закономерно, как все, что вокруг.

Впрочем, я что-то разболтался. Даже побаиваюсь, не ударился ли в заумную невнятицу. Удивительно, что моя первая любовь (не детская, а пробужденная плотская) была именно крестьянская девочка с ее *запахами*, с ее «животностью» в самом лучшем понимании. И эту струну я нашел в Вашем рассказе «Таня». Если я когда-нибудь закончу свою повесть — пришлю Вам, Вы прочтете это. Теперь мне легче будет закончить эту главу. Вы меня научили Вашей книгой, *как* писать и так, чтобы не впасть ни в шарж, ни в искусственность обходов, ни в «легкий жанр». До получения Вашей книги, дорогой Иван Алексеевич, я перечитывал «Братья Карамазовы», а сейчас их буду заканчивать новыми глазами. Словом, «Темные аллеи» мне много сказали того, что только нащупывалось. Я бы еще много мог бы сказать Вам. Но скажу в Повести, которая, с Вашего разрешения, будет Вам посвящаться.

Низко кланяюсь Вам за Ваш подарок. Вы мне подарили больше, чем, м<ожет> б<ыть>, хотели. Очень прошу не забывать меня.

Всегда Ваш

Юр. Трубецкой

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/5605). Место установлено по контексту.

¹ Трубецкой ссылается на известную фразу о Леониде Андрееве, приписываемую Л. Толстому: «Он пугает, а мне не страшно».

² De profundis — «Из бездны <взываю>» (*лат.*) (начало заупокойной католической молитвы).

7

5 июля 1949 г. Луттензее

5.VII.49

Дорогой Иван Алексеевич!

Сегодня во второй раз заканчиваю Вашу книгу. Я ее могу читать как стихи. Днем читаю ее. А вечером раскрываю Ваши стихи и, уже лежа в постели, погружаюсь в них. Не знаю почему, но никто из писателей не был мне так близок и так не отвечал мне. Вашу прозу я читал всегда, как читают стихи, перечитывая отдельные фразы и скандируя их так, чтобы они впечатывались, врастали в память. Поистине (я сам не могу себе отдать отчет почему) Вы меня выучили жить. Никто в русской литературе меня так не увлекал. И потому *Бунин* был и будет для меня огнем горящим. Даже не огнем, а неугасимой лампадой.

Дорогой Иван Алексеевич! Мне до боли жалко, что я не могу посетить Вас и прикоснуться к руке, написавшей строки, которыми я жил и живу по сей день.

Посылаю Вам кусочек из повести¹. Не укоряйте меня подражанием. Это не подражание. Я иначе писать не могу и не хочу. Ибо Ваш стиль в прозе слишком близок мне.

Если когда-нибудь Вы сможете прислать мне «Господин из Сан-Франциско», я буду полностью обладать тем, о чем мечтал. Ибо все попытки достать — неудачны. Конечно, с моей стороны неделикатно выпрашивать у Вас книги. Но это Вы мне, конечно, простите². Только что прочел «Чистый понедельник» в третий раз. Благодарю Вас еще раз и знаю, что Вы не рассердитесь на мои, м<ожет> б<ыть>, излишне лиричные ламентации. Да пошлет Вам Господь здоровья, бодрости и счастья!

Всегда Ваш

Юр. Трубецкой

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/5606). Место установлено по контексту.

¹ Не сохранился.

² Судя по № 11, Бунин одолжил Трубецкому экземпляр книги, который тот ему впоследствии вернул.

22 июля 1949 г. Луттензее

22/VII 49

Дорогой Иван Алексеевич!

Я очень беспокоюсь, здоровы ли Вы? М<ожет> б<ыть>, Вы рассердились на меня за то, что я Вам все время писал о Ваших книгах, прося прислать мне? Но Вы представляете себе, что я все время был под их гипнозом и прочел «Темные аллеи» три раза подряд. Мне очень будет горько, если Вы действительно сочли мои иеремиады бестактными. Хотя возможно, что просто насущные дела не дают Вам времени писать ответы. Как Ваши глаза?

Мне очевидно придется переселяться из Люттензее ниже — на 300 метр<ов>. И поэтому, если Вы вздумаете мне писать — пишите по адресу, к<о-то>рый написан на обр<атной> стороне конверта¹. Положение иностранцев-бесподданных в Германии становится все тяжелее и жальче. Баварское пр<авительство>во просто требует их забрать — вывезти. А всякие эмиграционные отделы ставят такие барьеры. Такими обставляют формальностями, что нет уже сил бороться и брать эти барьеры. Я лично стремлюсь в USA, несмотря на то, что не рассчитываю больше ни на что, как на работу грузчика или дворника. Натурализовать мой диплом тяжело. Англ<ийский> язык у меня движется крайне плохо. Латинская Америка тоже ничего хорошего не сулит. Положение русских там незавидное.

Поэтому я почти не пишу. Целые дни провожу в хлопотах, в заполнениях всевозможных формуляров и анкет! —

Желаю Вам здоровья и всего самого лучшего. Прошу не забывать искренне Вам преданного

Юр. Трубецкого

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/5607). Место установлено по содержанию.

¹ Конверт не сохранился.

4 августа 1949 г. Луттензее

4.VIII 49

Дорогой Иван Алексеевич!

Сегодня получил Вашу фотографию¹. Большое, большое Вам спасибо. Я по крайней мере буду иметь возможность беседовать с Вами — хоть и изображенным на фотографии.

Так бы хотелось побывать у Вас в Париже, хоть часок. Но это, к сожалению, невыполнимо. Между прочим, моя жена, будучи учительницей русской школы, постоянно делала диктовки из отрывков Ваших рассказов. Рассказывала русским детишкам о Вас, что Вы живете в Париже, двое маленьких мальчуганов на школьном вечере декламировали Ваши стихи.

Сейчас наша русская колония в Люттензее разъезжается. Немцам нужны помещения под какой-то Betrieb² или Bauanstalt³. Я, с супругой, перебираемся как будто недалеко, в так называемый Pionierkasernen⁴. Но там много украинцев-сепаратистов. Оказывается, тот украинец, о котором я Вам писал⁵, хотел послать Вам свою новеллу на немецком языке и попросить Ваш автограф. Он коллекционирует автографы. Имеет автографы Андре Жида, Поля Валери и еще кого-то из французов. Это а propos⁶.

Мне обещают аффидевит⁷ в USA. Не знаю, на какое амплу. Может быть, дворника, может быть, грузчика, может быть, швейцара. Что ж, такова участь эмигранта, не имеющего ни гроша, а может быть, только совести некоторый запас.

Сейчас я занялся новеллами или, правильнее, короткими рассказами. Если соберу их в книжку — будут посвящены Вам как моему Учителю⁸. Ибо в прозе стараюсь идти по Вашим вехам и Вашим принципам, которые я ясно себе усвоил и представляю. Когда их смогу напечатать, хотя бы на машинке — обязательно пришлю Вам. Как Вы себя чувствуете? Надеюсь, что уже лучше. Когда Вы делали эту фотографию?

Письмо, в котором были воспоминания о Ремизове, Белом и Волошине, получил тогда же. Ремизова видел один раз. Это какая-то нежить или просто позер. Еще раз благодарю Вас за фотографию, за письма, за Вашу теплоту.

Искренне Ваш
Юр. Трубецкой

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/5608). Место установлено по содержанию.

¹ Мотив обмена со своим корреспондентом фотокарточками — ритуально-излюбленный в письмах Трубецкого. Ср. в его письме к Лидину (до 31 декабря 1929 г.): «Хочу затруднить Вас небольшой просьбой: Вы снимаете. Вероятно, у Вас есть автопортреты. Пришлите мне один: мне будет вдвойне приятно — и Ваш портрет и Ваша работа»; ему же в письме от 23 февраля 1930 г.: «Я, между прочим, достал еще Вашу карточку изд. Гиза. В ней я отыскал новые черты в Вашем лице»; еще в одном тому же адресату от 5 марта 1930 г.: «К повести (если можно назвать повестью этот сумбур) прилагаю свой рисунок и фотографическую карточку, хотя вы и не выражали желанья оную иметь. Простите, что навязываю Вам свою, своего двойника — но мне будет приятно знать, что он на Вас будет поглядывать иногда» (РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 789); в недатированном письме к Волошину: «Наипаче всего был бы благодарен за фотографическую карточку. У меня есть только вырезка из какого-то журнала» (РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 896); Маковскому (7 декабря 1949 г.): «Посылаю Вам свою маленькую фотографию, с тайным желанием получить Вашу», в другом письме ему же (14 октября 1953 г.): «Посылаю Вам фотографию “в отместку” за Вашу» (РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 752); Тэффи (27 ноября 1951 г.): «Посылаю Вам, многоуважаемая Надежда Александровна, свою фотографию. Сие означает: хотел бы очень иметь Вашу» (BAR. Teffi Collection); Чиннову (9 апреля 1958 г.): «В одну из рамок я немедленно вставил Вашу фотографию и водрузил между Блоком и Ахматовой» (ИМЛИ РАН. Архив И.В. Чиннова).

Сохранилась фотография Трубецкого с дарственной надписью Бунину: «Глубокоуважаемому Ивану Алексеевичу, Мастеру и художнику, от преданного Юр. Трубецкого. Бавария. 1948 г. 24 ноября» (РАЛ. MS. 1066/7522). Возможно, что свою фотографию Трубецкой послал Бунину вместе с датированным 3 декабря 1948 г. экземпляром своих «Стихов» (см. примеч. 11 к № 1).

² завод, предприятие (*нем.*).

³ строительный объект (*нем.*).

⁴ саперную казарму (*нем.*). Как оказалось, Трубецкого с женой переселили не в саперную казарму, а в казарму альпийских войск (Jägerkaserne) (см. адрес в начале № 10).

⁵ По-видимому, письмо не сохранилось.

⁶ кстати (*фр.*).

⁷ affidavit — ручательство, письменное показание под присягой (*англ.*).

⁸ К титулованию своего эпистолярного собеседника «учителем» Трубецкой прибежал неоднократно, см. приведенный в примеч. 19 ко вступ. ст. фрагмент его письма к М. Волошину от 13 августа 1924 г.

10

11 августа 1949 г. Миттенвальд

11/ VIII

Дорогой Иван Алексеевич!

Сообщаю Вам прежде всего мой новый адрес: (13^b) Frau Nolden (Für G. Trubeckoy) Mittenwald (Karw<endel>geb<irge>) D.P. Camp Jägerkaserne Block A/118. USA Zone Germany.

Русская колония в Люттензее срочно развезена в три места. Я, слава Богу, попал недалеко, лишь за 4 километра и на 250 метр<ов> ниже.

Сейчас льет дождь, я сижу, приткнувшись к чемодану, ибо только что въехал и пишу. Но комнатка ничего себе, меньше люттензейской, в 1 этаже. Пока еще неразбериха и в вещах, и в мыслях. Последнее от хлопот последних 4 дней. Обалдемши, можно сказать. Беженская организация IRO¹ бросается нами как кегельными шариками.

Перед этим 1½ часа сидел на траке² под мокрым брезентом. Сначала перевозил вещи, потом ждал, пока квартирьер отвел мне и жене комнаты.

Будьте здоровы, дорогой Иван Алексеевич, бодры.

Всего самого лучшего.

Очень прошу, не забывайте

Преданного Вам

Юр. Трубецкого

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/5616). Год и место установлены по содержанию.

¹ IRO (International Refugee Organization) (у Трубецкого иногда ИРО) — учрежденная в декабре 1946 г. при ООН временная (действовала до 1952 г.) международная организация, занимавшаяся в послевоенной Европе военнопленными, репатриантами, перемещенными лицами и др.

² truck — грузовик (*англ.*).

11

7 сентября 1949 г. Миттенвальд

7/IX

Дорогой Иван Алексеевич!

Я очень беспокоюсь о Вашем здоровье¹. Как Вы себя чувствуете? Лето в Париже жаркое, это я знаю по газетам, это на Вас влияет, вероятно. Получили ли Вы книгу «Госп<один> из Сан-Франциско», кот<орую> я выслал заказной почтой²? Моя жизнь пока складывается довольно печально. Я живу в колонии, без всякой работы, только на тот скудный рацион, к<ото>рый дается ИРО (беженская международная организация). Но я как-то умею за эти годы укладываться в любой режим и сокращать свои потребности до минимума.

И поэтому вообще не ропшу, хотя временами приходится туговато. В особенности с одеждой. Правда, «Лит<ературный> фонд» из Америки мне кое-что прислал³. Главное, однако, не это. Главное — внутренняя жизнь. Книги, творчество и внутренняя наполненность, которая мне, слава Богу, не изменяет.

Вот только волнует меня Ваше здоровье. И я буду очень благодарен, если Вы мне черкнете пару слов — о Вашем самочувствии.

Храни Вас Бог!

Будьте здоровы, будьте бодры. Желаю Вам света, ясности Вам, всегда присущей.

Ваш, сердечно преданный

Юр. Трубецкой

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/5617). Год и место установлены по содержанию.

¹ 3 сентября 1949 г. Бунина записывает в дневнике: «У Яна летом была сильнейшая кровь. Нужна маленькая операция. <...> Чувствует слабость. Задыхается» (РАЛ. MS. 1067/423; Устами Буниных. Т. 3. С. 193).

² См. № 7 и примеч. 2 к нему.

³ Вероятно, информацию о Литературном фонде и его адрес Трубецкой получил от Б.И. Николаевского, к которому обратился с этой просьбой в письме от 18 июня 1949 г. (Hoover. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 504. Folder 37).

12

Октябрь 1949 г. Миттенвальд

<...>щий Вас человек. Мне очень больно, что Вы себя неважно чувствуете¹. Я уже получил контрактацию в USA, но надеюсь выехать не раньше Рождества. Слишком много формальностей. Не буду Вас утомлять длин-

ным письмом. Пожелаю Вам только здоровья, сил, света. А остальное приложится. Храни Вас Господь на долгие дни.

Сердечно любящий
Юр. Трубецкой

Публикуется по автографу (фрагмент) (РАЛ. MS. 1066/5624). Дата и место установлены предположительно по содержанию и по сопоставлению с № 11, написанным на такой же бумаге. (Бунин воспользовался оборотом № 12 для записей.)

¹ Ср. запись в дневнике Бунина в ночь со 2 на 3 октября 1949 г.: «Все одни и те же думы, воспоминания. И все то же отчаяние: как невозвратно, непоправимо! Много было тяжелого, было и оскорбительное — как допустил себя до этого! И сколько прекрасного, счастливого — и все кажется, что не ценил его. И как много пропустил, прозевал — тупо, идиотски! Ах, если бы воротить! А теперь уже ничего впереди — калека, и смерть почти на пороге» (РАЛ. MS. 1066/541; Устами Буниных. Т. 3. С. 193).

13

8 ноября 1949 г. Миттенвальд

8/XI 49

Дорогой Иван Алексеевич!

Простите, что сразу не написал Вам и не поблагодарил за указания, как можно поехать во Францию. Но у меня уже наладилось дело с отъездом в Америку. Т<ак> к<ак> я занят был хлопотами по этому делу — дома отсутствовал. Пришлось поехать в Мюнхен, где и проболтался неск<олько> времени. Копия контракта в USA уже у меня на руках. Поэтому предпринимать что-то в другом направлении нет смысла. Контракт в Детройт. Но пока до отъезда нужно выполнить миллион формальностей, пройти через Сциллу и Харибду — всякие медицинские и политические комиссии. Тысячи барьеров, через которые мы, бедные беженцы, должны прыгать как скаковые лошади на дерби.

Здесь у нас уже зима. Выпал снег, и Альпы совсем белы. Но сегодня все тает. Сыро, неприглядно. В моей мансарде довольно неуютно. Я, жена и кошка. Мои американские источники что-то иссякли, и посылок, как в прошлом году, я уже не получаю.

Литературный фонд прислал мне из Нью-Йорка костюм, который тонок и мал. А все прочее — ерунда.

Словом, похвастаться своим житьем-бытьем не могу. Но чего-чего, а терпения у меня хватает. Но думаешь невольно: доколе, о, Господи!?

Здоровье у меня неважно. Печень болит. Иногда часами сижу с грелкой и принимаю всякую гадость. Главный мой угнетатель — скука. Книг нет. Немецкая литература не удовлетворяет. Читал Maurois «Edouard VII et son temps»¹, потом De Musset «Confession d'un enfant du siècle»². Мало говорит и уму и сердцу³.

Не забывайте, дорогой Иван Алексеевич, хоть изредка черкайте мне. Вы ведь знаете, как я Вас искренне люблю и дорожу перепиской с Вами. Будьте здоровы. Всего самого лучшего.

Ваш преданный

Юр. Трубецкой

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/5609). Место установлено по содержанию.

¹ Принадлежащая перу Андре Моруа биография английского короля Эдуарда VII (впервые: Paris, 1933).

² «Исповедь сына века» Альфреда де Мюссе (впервые: Paris, 1836).

³ Трубецкой знал французский, переводил Верлена; см. в письме к Лидину от 23 февраля 1930 г.: «Прилагаю к письму мой перевод Верлена, сделанный в прошлом году — когда я возмущался нарочитостью неск<ольких> переводов этого стих<отворения>» (РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 789).

14

28 декабря 1949 г. Миттенвальд

28/XII 49

Дорогой Иван Алексеевич!

Шлю Вам к новому 1950 г. свои поздравления и пожелания всего самого наилучшего. Дай Вам Бог всего, всего. Главное, здоровья и духовного равновесия. Я что-то прихварывал, потому не писал и, кроме того, боялся Вас тревожить. Хотел было послать Вам свои новые стихи, да опять побоюсь Вас тревожить.

В то время, как я пишу Вам это письмо, мне передали Вашу открытку от 18/XII, которая меня очень взволновала и огорчила. Огорчила, потому что я переживаю, когда Вы больны¹. Мне это очень и очень горько. Я так сроднился с Вами, так ценю Ваше расположение, что если Вы плохо себя чувствуете, и я «не в своей тарелке». Ну, да Господь милостив — выздоровеете.

Прошлой воскресеньем я был в церкви и подал просфору о Вашем здравии. Ибо считаю Вас своим учителем (многого, не только литературно!). Я очень прошу Вас, не забывайте меня и изредка — хоть двумя словами — сообщайте мне о своем самочувствии. Берегите себя, ибо парижская зима коварна своей сыростью.

Я живу сейчас очень плохо. Страшные стеснения экономически. И скука, ибо не с кем слова перемолвить. Все ужасный плебс.

Желаю Вам и к Новому Году и к Рождеству здоровья и всего самого лучшего.

Преданный и любящий

Юр. Трубецкой

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/5610). Место установлено по контексту.

¹ Возможно, речь идет о том же трахеите, о котором Бунин писал Алданову 16–17 ноября 1949 г. (Переписка И.А. Бунина с М.А. Алдановым / Публ. А. Зверса // Новый журнал. 1983. № 153. С. 157).

15

11 января 1950 г. Миттенвальд

11/I 1950

Дорогой Иван Алексеевич!

Я, конечно, с Вами в дискуссии не имею права вступать, но все же позволю себе не согласиться. Ибо очень люблю Блока и даже состою (вернее состоял) с ним в дальнем родстве, через Бекетовых и Коваленских¹. То, что Вы мне написали о нем, для меня не ново. Но я не имею права судить Блока. Если я пишу, то я обязан, кроме Вас, еще ему и Гумилеву. Все-таки большевики приложили свою кровавую лапу к его гибели. Он последнее время калялся в написании «ХП»². И даже просил уничтожить оставшиеся экземпляры. Сему я свидетель, еще и Георгий Иванов. Впрочем «De gustibus non disputandum»³. Я очень бы хотел прочесть «Н<овое> р<усское> с<лово>» № 1, 2, 3 — т.е. Ваши фельетоны⁴. Как это сделать? Мне эти г.г. не присылают. Кроме того, я бы очень хотел прочесть Ваш роман (или повесть) «Лика»⁵. У меня пробел — не читал этого. Если Ваше здоровье позволит Вам, буду Вас просить прислать мне упомянутые вещи. А рgoros — я имею два тома Блока в советском издании (купил в Праге, давно)⁶. Издано весьма неважно, с купюрами. Мое здоровье тоже что-то подхрамывает. Мучит порок сердца. Часто — перебои, задышка, спазмы. Какого Вы мнения о № 6 «Возрождения»⁷?

Т<ак> ч<то> не сердитесь на меня за то, что я не соглашаюсь с Вами в отн<ошении> Блока. Все же его «положительное» перевешивает «отрицательное». Меня очень печалит Ваше нездоровье. Хотелось бы знать, что Вы хорошо себя чувствуете. Мне ж пока мои недуги, как говорят баварцы, «das ist mir Wurst»⁸ (причем говорят «вуршт»), сиречь как с гуся вода. Я тренирован в смысле недоеда, недосыпа, перехода etc.

Желаю Вам перешагнуть через Ваши недуги и прошу не забывать

Искренно любящего Вас

Юр. Трубецкого.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/5611). Место установлено по контексту.

¹ Коваленские действительно состояли в родственных отношениях с Бекетовыми и Блоками: детская писательница Александра Григорьевна Коваленская (урожд. Карелина; 1829–1914), бабка поэта С.М. Соловьева, была родной сестрой бабки Блока переводчицы Елизаветы Григорьевны Бекетовой (урожд. Карелина; 1834–1902). Но вписывался ли в эти родословные Трубецкой, сказать трудно.

² Возможно, Трубецкой ссылается на блоковскую «Записку о «Двенадцати»», опубликованную несколько раз (в эсеровском журнале «Знамя» (1922. № 12. С. 27–30), в сборнике «Пути революции: Статьи, материалы, воспоминания» (Берлин, 1923. С. 277–278)), хотя при всей откровенности ни о каком покаянии, разумеется, в ней речь не идет.

³ О вкусах не спорят (*лат.*).

⁴ 1–3 января 1950 г. в «Новом русском слове» (№ 13764–13766) был впервые опубликован вскоре вошедший и в книгу «Воспоминания» (см. № 18 и примеч. 7 к нему) мемуарный очерк Бунина об А.Н. Толстом «Третий Толстой».

⁵ «Лица» — пятая часть романа Бунина «Жизнь Арсеньева», вышедшая отдельной книгой (дополнительным, 12-м томом к 11-томному собранию сочинений писателя) в Брюсселе в 1939 г.

⁶ Возможно, речь идет об одном из двухтомников Блока в серии «Библиотека поэта»: *Блок А. Стихотворения / Вступ. ст., ред. и примеч. Вл. Орлова: В 2 т. Ленинград: Советский писатель, 1938. (Библиотека поэта. Малая серия); Блок А. Полное собрание стихотворений в двух томах / Вступ. ст., ред. и примеч. Вл. Орлова. <М.; Л.>: Советский писатель, 1946. (Библиотека поэта).*

⁷ Шестую тетрадь «Возрождения» Трубецкой получил от Мельгунова в декабре 1949 г. и благодарил за ее присылку в письме от 12 декабря 1949 г. (Melgunov Papers).

⁸ Мне все равно (буквально: Это мне колбаса) (*нем.*).

16

13 февраля 1950 г. Миттенвальд

13.II.50 г.

Дорогой Иван Алексеевич!

Я очень обеспокоен, не имея от Вас известий. Как Ваше здоровье? Я бы очень хотел быть при Вас. Вы, вероятно, скучаете, если не можете выходить. Ваше молчанье меня очень удручает. Я себе Бог знает что представляю, но надеюсь, что это только плод воображения. Я прихварываю от ужасного альпийского климата. Здесь так водится: сегодня мороз, 22 гр<адуса>, завтра метель — света не видно, послезавтра дождь, воды по щиколотку и резкий ветер (фён — Föhn) юго-западный. Рвет порывами, валит снег. А потом вдруг весенний день. Хоть ходи в одном костюме. И опять ерунда. Жизнь моя чрезвычайно тяжела. Иногда даже нет марки купить табаку. Жена работает сестрой в госпитале. Я никак не могу стабильно устроиться. Литература ничего, конечно, не дает. Все костюмы, какие были, или проданы, или сношены. Не хочется опускаться. А ИРО ничего не дает. Питаешься черт знает как. По неделям на одной картошке и хлебе. А тут выдумали опять: будет ездить советская репатриационная миссия «уговаривать» возвращаться. Иными словами, выматывать нервы. Я подписал контракт в Америку — на ферму, ухаживать за цыплятами. А может, и чистить №00. Черт с ним. Только бы какое-то успокоение. Советчики, конечно, получают бенефис. Я первый наговорю им неуютные вещи. Я их не боюсь. Документы у меня в порядке. Бесподанный, нансенист¹. А все же неприятно.

Не сердитесь на меня, что я послал Вам дискуссионное письмо. Вы для меня большой авторитет и большая литературная любовь. За год нашей

переписки я еще больше сроднился с Вами. И неск<олько> недель молчанья с Вашей стороны для меня большое огорченье.

Да хранит Вас Бог, дорогой Иван Алексеевич! Желая Вам всего самого наилучшего.

Любящий Вас и преданный
Юр. Трубецкой.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/5612). Место установлено по контексту. Подчеркивание сделано Буниным красной шариковой ручкой.

¹ Т.е. обладатель так называемого «нансеновского паспорта», выдаваемого Лигой Наций в 1920–1930-е гг. и заменявшего для многих русских эмигрантов старые российские паспорта. «Нансенистом» Трубецкой, конечно, не мог быть.

17

19 апреля 1950 г. Миттенвальд

19.IV.50

Дорогой Иван Алексеевич!

Я надеюсь, что Вы получили мою пасхальную поздравительную открытку¹. Со мной, в день ее отправки, случилась серьезная неприятность. Я вывихнул себе левый коленный сустав. Две недели пролежал в больнице, сначала с льдом на ноге, потом с ежедневным массажем. Вчера выписался, но с костылем. Еле-еле передвигаюсь, но надо ходить, дабы, т<ак> ск<а-зать>, «расхаживать» связки, не давая им быть в состоянии постоянного сокращения. Это новый способ и, кажется, достаточно резонный и действенный. Словом: на бедного Макара и т.д. В больнице, естественно, предавался еще большей хандре. Как Ваше здоровье? Я очень и очень обеспокоен отсутствием известий от Вас. Пожалуйста, черкните пару строк. Кажется, скоро буду вызван на комиссию (медицинскую) для отъезда в США. Прошел уже политич<ески->полицейскую. Отъезд в США меня немного пугает. Ведь ждет там тяжелая работа. А и я, и жена здоровьем не блещем. Здесь у нас позавчера шел снег и был собачий холод. Весна! Посылаю Вам два стихотворения (одно старое, одно новое)². Пишите по возможности. Да хранит Вас Бог! Всего Вам самого лучшего.

Преданный и любящий
Юр. Трубецкой

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/5613). Место установлено по контексту.

¹ Не сохранилась. В 1950 г. православная и католическая Пасха совпала на 9 апреля.

² Не сохранились.

6 мая 1950 г. Миттенвальд

Дорогой Иван Алексеевич!

Меня необыкновенно трогает, что Вы, несмотря на Ваши житейские невзгоды, все же проявляете ко мне такое внимание, не забываете меня и т. д.

В наши мерзкие, прагматические, коммунистические времена поневоле привык видеть кругом оскаленные волчьи хари. И потому проявление простой человечности, дружбы действует как прохладное мыло на обожженную кожу. Блок когда-то говорил, что живет с ободранной кожей¹. А я с обожженной — волдыри какие-то. Болят нестерпимо. Америка! Если бы я знал, когда поеду! Ведь надо еще пройти мытарства с рентгеном, rendez-vous² с консулом. А консулу может моя физиономия не понравиться. Тогда — вон. Сиди на немецкой экономике. А от немцев можно ожидать всего. Вплоть до обмена на немецких военнопленных в СССР³!

Вы на юге, счастливец⁴. А здесь позавчера (3-го мая) было 3 гр<адуса> тепла и падал ночью снег. Это положение тоже не способствует хорошему расположению духа. Сегодня (6/V) получил Ваше письмо. Это был приятный подарок, ибо сегодня мой день Ангела (Георгий Победоносец). Конечно, ни о каких празднованиях не могло быть и речи. Я Вам писал, кажется, что перед Пасхой вывихнул лев<ое> колено. Слава Богу, легче. Хотя еще прихрамываю и тяжело спускаться с лестницы (подыматься — ничего). С «Возрождением» — С.П. Мельгунов имеет много моего материала и обещает периодически печатать стихи. Я ему послал кое-что из прозы — полумемуарной, но, очевидно, это не моя сфера⁵.

Стихами там ведает Георгий Иванов, мы с ним слегка знакомы по Петербургу и Гумилевской студии. Переписывались с С.К. Маковским. Но последнее время он молчит⁶. Когда выйдут Ваши «Воспоминания»? Вероятно, там много о поэтах⁷. Прошу передать мой привет Вашей супруге. Моя супруга тоже приветствует Вас. Я же — крепко обнимаю. Храни Вас Бог!

Искренно любящий Вас

Юр. Трубецкой

P.S. Посылаю неск<олько> стих<отворений>.

ПРЕДКИ

*(Из цикла 1918–21 гг.)*⁸

Имели и не хранили
Расточители и лжецы.
Под рыданья метели
«Погребли своя мертвецы».

Там, в растрескавшихся комнатах
Паутины свинцовый тюль,
А в домах, в киотах иконы
Со следами недавних пуль.

Воздух гнилой и едкий,
Мебель в гробах рогож
И портреты топорных предков
В париках петровских вельмож.

Сдвинуты брови
Екатерининского временщика,
С ненавистью, не с любовью
На эфес оперлась рука.

Именя запаханы в поле,
Волк развалины стережет.
Этот — вместе с Барклай-де-Толли
И с Кутузовым шел в поход.

Даль темнее под тучей мгливой,
Каждую ночь во сне:
Черты скорбного декабриста
На выцветшем полотне.

Скобелева сподвижник,
Александровский генерал,
Он еще неподвижней,
Сосредоточенней стал.

Каин вновь убивает брата,
Стал багряным на реках лед,
Замученный Император
Из могилы к мести зовет.

Облака идут грозовые,
И в кровавых тисках одна
На ложе смертном Россия —
Мать, невеста, жена...

Отче наш! Смертью смерть поправый,
Грешных нас не оставь
И своей осиянной славой
От лукавого избавь!

* * *

Это ль звук трубы отдаленной —
Солнце блещет на киверах.
Ураганом летят эскадроны
И антихрист повержен в прах.

Лик Христов просиял во мраке,
Высока небес синева.
Блещет крест Исаакия,
Благовестит Москва!

Юр. Трубецкой

1925–1949

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/5620–5621). Дата и место установлены по содержанию.

¹ Ср. у Георгия Иванова в «Петербургских зимах» (1928): «Предельно честный с жизнью, с людьми и с самим собой, Блок родился с “ободранной кожей”, с болезненной чувствительностью к несправедливости, страданию, злу» (Иванов Г. Собрание сочинений: В 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 3. С. 164).

² встречей, randevу (*фр.*).

³ Ср. в недатированном письме Трубецкого к Мельгунову: «<...> есть угроза быть обмененным на военнопленных немцев из СССР» (Melgunov Papers). В результате сложнейших переговоров в 1946–1948 гг. подавляющее большинство немецких военнопленных (около 370 000) было репатрировано из СССР в течение 1949 г. Судьба оставшихся в СССР 50 000 военнопленных решалась с большим трудом, и последняя партия военнопленных уехала из СССР лишь в феврале 1956 г.

⁴ С конца апреля по конец июня 1950 г. Бунины находились в третий и, как оказалось, последний раз в Русском доме в Жуан-ле-Пене (см. примеч. 1 к № 3). См. дневниковые записи Веры Николаевны, относящиеся к этому времени (РАЛ. MS. 1067/426; Устами Буниных. Т. 3. С. 196–198).

⁵ Речь идет об автобиографической повести Трубецкого «Нищий принц», отрывки из которой печатались-таки в «Возрождении»: 1951. № 15. С. 36–95; 1953. № 25. С. 60–78; 1953. № 29. С. 69–80; 1953. № 30. С. 34–43; 1954. № 34. С. 66–78.

⁶ Сергей Константинович Маковский (1877–1962) — поэт, литературный и художественный критик, искусствовед, издатель, мемуарист. Не имея в это время писем от Маковского, Трубецкой писал ему 9 мая 1950 г.: «С горечью констатирую, что Вы обо мне забыли... Может быть, Вы предполагаете, что я уехал в USA? Отнюдь нет. Копчу баварское небо. И все меня забыли. И Вы, к сожалению. После Ваших теплых, сердечных писем многомесячное молчание. Я Вам писал. И Вы, очевидно, получили. Ибо в противном случае мне бы вернули обратно письмо» (РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 451). Судя по всему, с вопросом о Маковском Трубецкой обратился к Мельгунову, который 13 июля 1950 отвечал ему: «О Маковском ничего не могу сказать, ибо с этим господином связей не имею — все советизанствующие стоят у меня на отлете» (цит. по черновику — Melgunov Papers).

⁷ «Воспоминания» Бунина вышли в изд-ве журнала «Возрождение» в начале сентября 1950 г. (см. дневниковую запись Буниной от 9 сентября 1950 г. о получении авторских экземпляров — РАЛ. MS. 1067/426; Устами Буниных. Т. 3. С. 200). Отдельных очерков о поэтах в «Воспоминаниях» только два («Волошин», «Маяковский»), но Бальмонту, Блоку, Брюсову, Гумилеву, Есенину, Пастернаку, Хлебникову и другим поэтам тоже «досталось» в главе «Автобиографические заметки» и в очерках «“Третий Толстой”» и «Гегель, фрак, метель».

⁸ В сборники Трубецкого, включая рукописные, стихотворение не входило.

Дорогой Иван Алексеевич!

Несказанно обрадован, получив Ваше письмо, но опечален тем, что Ваше здоровье неважно. Знаю, как неприятно попасть в лапы врачам. И еще всякие уколы¹. Я сам лечусь. У меня часто побаливает печень — меня угощают всякой гадостью. Кроме того, побаливает левая нога, к<ото>рую вывихнул перед пасхой. Это мешает мне делать дальние прогулки в горы. И я удовольствуюсь тем, что хожу на берег Изара² и греюсь на солнце. В этом году в Альпах хорошее лето.

Моя Америка пока закрыта. Дело в том, что меня «обвинили» в том, что я был три месяца в русской освободительной армии как военный врач (в чине лейтенанта)³. Т<аким> обр<азом>, я не имел право, по их мнению, бороться за освобождение своей родины от коммунизма. Но я подал в Женеву апелляцию, но пока будет результат, я должен жить на немецкой экономике. Это значит, мы вдвоем с женой получаем пособие 82 марки. Это на все. Туговато приходится. Гл<авным> обр<азом>, нельзя себе купить ничего из одежды. Хотя мне очень не хотелось — пришлось написать в Литературный фонд, в Нью-Йорк, чтобы мне прислали что-нибудь из вещей.

Положение, строго говоря, весьма неважное. Но я не ропщу.

Наконец взялся писать историю моей жизни. Пишу ab ovo⁴. Т.е. с самого раннего детства. Пишу медленно, по 2–3 стр. в день, процеживая каждую строчку, каждый период. Как будто получается неплохо. С Вашего разрешения, повесть будет посвящена Вам. Ибо в прозе иду — вернее, стараюсь идти — Вашими путями. И Вы посоветовали писать повесть⁵. Плохо, что здесь трудно доставать русские книги. Как-то оторван. Изредка попадают газеты, «Новоселье», «Новый журнал», но очень старые №.

Пока «Н<овое> р<усское> с<лово>» мне не удалось послать № с моими стихами⁶.

Благодарю Вас за то, что Вы не забываете меня. Ваши письма — большая радость. Они ободряют меня, толкают к творчеству.

Храни Вас Бог и Пречистая Матерь Его.

Ваш сердечно любящий

Юр. Трубецкой

P.S. Какого Вы мнения о Георгии Иванове и о С. Маковском? Они мне писали и вдруг прекратили. Непонятно, по какой причине.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/5618). Дата и место установлены предположительно, по содержанию (см. примеч. б) и по сопоставлению с № 18.

¹ Дневник Буниной за июль—сентябрь 1950 г. содержит своего рода «историю болезни» Бунина, который подвергался различным анализам (крови и мочи) и процедурам

(уколы, зондирования, промывания), перед тем как попасть в клинику на операцию (Устами Бунинных. Т. 3. С. 199–201; полный вариант дневника см.: РАЛ. MS. 1067/426).

² Река Изар течет из Альп через Миттенвальд и Мюнхен и впадает в Дунай.

³ В ряде писем своим корреспондентам Трубецкой писал, что получил медицинское образование — окончил медицинский институт в Киеве (письмо Чиннову от 3 февраля 1960 г.); в недатированном письме ему же (после 1957 г.) представляет себя как дипломированного хирурга с 14-летним стажем; свои медицинские познания развивает также в письмах к Чиннову от 27 января и 29 июня 1959 г. (ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Архив И.В. Чиннова). Однако медицинское образование и 14-летний стаж «дипломированного хирурга» Трубецкого вызывают сильное сомнение. По крайней мере, в 1930 г., за год до ареста, ни о какой медицине речь вроде бы не шла: в письме к В.Г. Лидину от 4 января 1930 г. он пишет: «У меня небольшая неприятность. Болят глаза, и поэтому я лишен возможности чертить вечером <...> Но вообще архитектура меня не пленяет. Аллах с ней. Хотел бы побродить по свету», а в другом письме к нему же, от 23 февраля 1930 г., сообщает, что «уволен со службы за реорганизацией» (РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 789). За несколько лет до этого, 27 июня 1927 г., в письме из Киева же к критику В.А. Дынник, бывшей киевлянке, прося ее поспособствовать напечатанию собственных стихов, он так объясняет свое нетерпение: «Для Вас будет ясно, почему мне так хочется, чтобы хоть что-нибудь напечаталось — я сейчас устанавливаю свой листаж для вхождения в местком писателей в Киеве. В прошлом я установил то, что я печатался, но печатных вещей в настоящем у меня нет. Если я пройду в местком, мне обеспечена пост[оянная] работа в газете» (РГАЛИ. Ф. 182. Оп. 1. Ед. хр. 78). Между тем Трубецкой постоянно эксплуатирует медицинскую тему, по крайней мере, ее литературные возможности. Мотивом ареста главного героя его романа «Нищий принц» является отказ ехать врачом в Мурманск. Попадая в лагерь, он выполняет функции медика, а выйдя на волю, становится заведующим районной больницы Запсиблага. В письме к С.Ю. Прегель от 6 ноября 1961 г. Трубецкой рассказывал, что был в лагере врачом, чему вряд ли следует верить, равно как и тому, что из лагеря он бежал, о чем он писал ей же 24 июля 1958 г. (Sophie Pregel and Vadim Rudnev Collection. University Archives. University of Illinois at Urbana-Champaign. США). См., кроме того, его «Рассказ врача» (Новое русское слово. 1960. 3 апреля. № 17181. С. 3, 7), в котором, по словам автора-рассказчика, воспроизведена история врача, проведшего несколько лет в лагерях НКВД. Вместе с тем в лагере Ди-Пи он действительно выполнял обязанности врача: в его личном деле, сохранившемся в Altenheim und Pflegeheim in Dornstadt (доме престарелых в Дорнштадте), имеется справка, датированная 6 апреля 1946 г., выданная комиссией UNRRA (United Nations Relief and Rehabilitation Administration) и удостоверяющая в том, что «Dr. George Nolden is employed as Chief Doctor in the Dispensary of the D.P. Camp Luttensee» («доктор Юрий Нольден выполняет обязанности главного врача в лазарете лагеря Ди-Пи Луттензее»).

⁴ от яйца, т.е. с самого начала (*лат.*).

⁵ См. примеч. 3 к № 3.

⁶ По всей видимости, речь идет о стихах «Месса в Обераммергау», «Послание к другу» и «В наборе случайных стихов...», напечатанных в «Новом русском слове» (1950. 6 августа. № 13981. С. 8).

20

Лето 1950 г. Миттенвальд

Дорогой Иван Алексеевич!

Я Вам очень благодарен за Ваше желание мне помочь. Но я почти уверен, что графиня Толстая ничего не сделает¹. Чем она, собственно, может помочь? Прислать посылку? Конечно, и это хорошо, но... впрочем, пусть

будет, как будет. Меня больше волнует и огорчает Ваше нездоровье. Вы себе *не представляете даже*, как мы здесь живем. Если бы описать фотографически, Вы просто сказали <бы>: — «Фантазирует. Намеренно сгущает краски». Для того, чтобы попасть в Америку, нужно пройти тысячи унижительных мытарств. А милые компатриоты наводняют учреждения доносами — и подписанными, и анонимными. А американцы, мне кажется, плохо отличают истину от лжи. Теперь: ИРО должно обеспечить всем. К примеру: я прихожу в отдел снабжения одеждой и говорю: мне нужны ботинки. И мне, высокому, взрослому мужчине, дают ботинки на 10-летнего мальчугана. — Не хотите — не берите. У нас других нет. И т.д. и т.п. Я бы мог исписать т<ысяч> 10 стр<аниц> об этом. Но не хочу утруждать Вас. Жена работает сестрой милосердия в госпитале. 5 раз в месяц имеет ночное дежурство. Для новорожденных должна сама мыть пеленки. За это она в месяц получает 65 марок. А ботинки в городе стоят 35 марок. Масло 250 гр. 1 м<арка> 30 пф<еннигов>. Это весь наш дебет. За электричество вычитают из жалованья. Но его постоянно нет, и сидим при свечке. За отопление вычитают, но мерзнем и сидим в пальто. Вроде Петербурга 1918 г. Все это было бы ничего (бывало и хуже, я Вам как-то писал!), если бы не мертвящая скука, когда от тоски не знаешь, что делать. Есть одна семья б<ывшего> офицера Самсонова², у к<ото>рых отвожу душу. Да и они уезжают.. Получу от Вас письмо — радуюсь. Читаю Ваши стихи. Недавно попался 1-й том Вашего собрания (Путешествия — «Храм Солнца»)³, будто оторвался на неск<олько> часов от всей этой гадости. Посылаю Вам свое последнее стих<отворен>ие⁴. Там от мрака некуда деваться. А откуда взять свет, если и днем темно? Извините, дорогой Иван Алексеевич, за мрачное письмо. Но духовно близкому Учителю хочется сказать все.

Желаю Вам здоровья! Храни Вас Христос!

Преданный

Юр. Трубецкой

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/5622). дата и место установлены предположительно, по содержанию и по сопоставлению с № 19 и 21.

¹ Имеется в виду Александра Львовна Толстая (1884–1979) — младшая дочь Л.Н. Толстого, основательница (вместе с Т.А. Шауфус) Толстовского фонда в США, который оказывал помощь беженцам из коммунистических стран.

² Среди писем Трубецкого к Мельгунову (см. примеч. 3 к № 18) хранится письмо Георгия Георгиевича Самсонова к Мельгунову же от 31 мая 1950 г. с рекомендательной припиской Трубецкого.

³ Речь идет об 11-томном собрании сочинений Бунина, вышедшем в берлинском издательстве «Петрополис» (1934–1936) (12-й том издан дополнительно, см. примеч. 5 к № 15); в 1-м томе был напечатан «Храм Солнца: Путевые поэмы».

⁴ Не сохранилось.

21

Осень 1950 г. Миттенвальд

Дорогой Иван Алексеевич!

Давно Вам не писал. Простите за невежливое молчание. Мой отъезд в USA не то лопнул, не то отодвинулся очень надолго. Донос и пакости IRO. Но я очень не огорчен. Хотя жизнь в Германии, да еще с немецким паспортом (правда, подданство «apatride»¹) не очень сладка. Я бы Вам описал подробно, как мне преподнесли этот реприманд². Да не стоит затруднять Ваше внимание всякими пустяками. Не в таких передрыгах приходилось бывать. Выкарабкивался. Даст Бог — выкарабкаюсь и теперь. Как Ваше здоровье? Я очень и очень тревожусь. Отдохнули ли Вы в этом «Жуане»³? Я все добиваюсь у разных знакомых, когда Ваш юбилей. Приходится спросить у Вас⁴. Может, сложатся так обстоятельства, что смогу приехать в Париж!!

Ничего не читаю, ибо здесь в Германии русских книг нет.

Может, у Вас что-нибудь найдется и не затруднит послать? А то мне буквально грозит культурная деградация.

Обещал мне С. Маковский. Замолк. Обещал Георг<ий> Иванов помочь издать книжку стихов. Замолк.

Будьте здоровы. Храни Вас Бог.

Всегда искренно любящий

Юр. Трубецкой

P.S. М<ожет> б<ыть>, Вы знаете случайно, каким образом можно выписать из Франции Полн<ое> собр<ание> Пушкина и сколько это стоит?

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/5619). Дата установлена предположительно по содержанию и по сопоставлению с № 22. Место установлено по контексту.

¹ бесподанный (фр.).

² réprimande — выговор, замечание (фр.).

³ См. примеч. 4 к № 18.

⁴ См. № 22 и примеч. 1 к нему.

22

До 24 октября 1950 г. Миттенвальд

Дорогой Иван Алексеевич!

Сердечно поздравляю Вас с Вашим юбилеем!¹

Желаю, конечно, здоровья, счастья и дальше, дальше.

Мне хочется поблагодарить Вас за все, что Вы написали. За все, что Вы дали мне лично, как поэт и писатель. За ту негасимую лампаду, которая

горит уже много лет в Ваших книгах. Ваши книги — немногие, к сожалению — я носил с собой в горькие годы, берег от змеиного жала наших врагов, ношу и сейчас. Ношу также теплоту и русскую приветливость Ваших писем, которые сберегаю и сберегу.

Говорить о Вашем значении вообще для нас «в рассеяньи сущих» не буду. Это сделали и сделают другие.

Живя в глуши, я не мог послать эти скромные строчки точно к дню Вашего юбилея. Прошу Вас великодушно простить мне.

Я бы хотел сказать — написать Вам много.

Но скажу лишь только — да хранит Вас Господь и Пресвятая Богородица. Земно кланяюсь Вам за Ваше все.

Преданный и любящий

Юрий Трубецкой

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/5614). Дата установлена предположительно по содержанию и по помете Бунина в верхнем правом углу: «Получено 24 окт. 50 г.». Место установлено по контексту.

¹ 22 октября 1950 г. Бунину исполнилось 80 лет. О праздновании его юбилея см.: Диаспора. Вып. 3. С. 605–606.

23

После 3 декабря 1950 г. Лагерь «Валка» под Нюрнбергом

Дорогой Иван Алексеевич!

Я хочу рассеять Ваше недоумение по поводу моих статей, так Вам не понравившихся. Прежде всего: De mortibus aut bene, aut nihil¹. Затем, если Вы обратили внимание, название «Принц, путешествующий инкогнито», это вовсе не мое сравнение. Это приведено Ходасевичем в книге «Некрополь»². Другие выражения я тоже в манускрипте взял в кавычки, и если типография «Н<ового> р<усского> с<лова>» — вообще славящаяся своими дикими опечатками — их пропустила, вина не моя. Я знаю, как умер Бальмонт, в одиночестве, забытый и т.д. Этим прощены все его «завитушки». Я не люблю Бальмонта, но перечислять гробницы кладбища Муз все же решил с почтением³. Вот это то, что я Вам хотел бы сказать по этому поводу. Думаю, что Вас это удовлетворит.

Теперь попробую кратко о себе. Место, где я живу, — огромный барачный город с 7 тыс.<ячами> населения. Комната моя 3 кв. метра. Еле-еле влезть можно. Печка — каменный уголь. Или сатанинский холод (печка не топится), или сумасшедшая жара (затопили печь). Население лагеря: 200 ч<еловек> русских, остальные чехи — бандиты, только что перешедшие границу. Постоянные драки, поножовщина, круглые сутки по лагерю эскорты полиции (недавно одному полицейскому выкололи глаза!!!). Кор-

мят: 500 гр. хлеба в день черного, обед: тарелка супа, на второе картофель в мундирах с каким-нибудь соусом. На ужин 100–150 гр. колбасы и квадратик маргарина. Вот и все. Негусто?! Чтобы иметь больше, надо тяжело работать — 12 ч<асов> в сутки. Тогда платят по марке в час. Я, со своим порок-ом сердца, конечно, не могу.

«Н<овое> р<усское> с<лово>» задерживает гонорар. Уже месяца три не получаю. И вырваться отсюда есть только один способ — переехать на частную квартиру. Там надо иметь minimum 300 м<арок> в месяц на двоих. До Нюрнберга 12 км. 15 минут поездом. Был там. Великолепный старый готический собор, в центре города. Магазины полны. Но угроза войны висит над Европой, и эта мысль не дает людям покоя.

Вы мне когда-то обещали прислать еще книг Ваших. Очень бы хотел прочитать как следует «Жизнь Арсеньева», «Лица». Это, вероятно, неисполнимо. Вы в моем Пантеоне имеете прочное и почетное место. Это Вы знаете хорошо. Недавно откопал Ваш очерк «Город Царя Царей»⁴. Какого Вы мнения о Газданове⁵?

Будьте здоровы, храни Вас Бог!

Преданный Юр. Трубецкой.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/5623). Дата установлена предположительно по упомянутой статье Трубецкого (см. примеч. 3). Место установлено по содержанию (Трубецкие переехали из Миттенвальда в лагерь «Валка» (Valka) под Нюрнбергом 1 декабря 1950 г. (см. письмо Трубецкого к Мельгунову от 29 ноября <1950> — Melgunov Papers)). Подчеркивание сделано Буниним синей шариковой ручкой. В верхнем правом углу помета Бунина: «Маяковский».

¹ О мертвых либо хорошо, либо ничего (*лат.*) — правильнее «De mortuis aut bene aut nihil».

² У Ходасевича такого выражения в «Некрополе» нет. Трубецкого или подвела память, или он сознательно направлял Бунина по ложному адресу. Скорей всего, ему запомнилось выражение, которое по отношению к Алданову использовала Тэффи в очерке «Алексей Толстой»: «Недостатки его были такие ясно-определенные, что не видеть их было невозможно. “Алешку” принимали таким, каков он был. Многие не совсем ладное ему прощалось. Даже такой редкий джентльмен, как М. Алданов (недаром прозвала я его “Принц, путешествующий инкогнито”), дружил с ним и часто встречался» (Новое русское слово. 1948. 7 ноября. № 13344. С. 2).

³ Речь идет об очерке Трубецкого «К.Д. Бальмонт (Из литературного дневника)» (Новое русское слово. 1950. 3 декабря. № 14100. С. 8). Бальмонт был один из немногих, кого Трубецкой не зачислил в ряды тех, с кем был лично знаком.

⁴ В основу рассказа Бунина «Город Царя Царей» (1924) легли впечатления его восточного путешествия в декабре 1910 — весной 1911 гг.

⁵ Известно, что Бунин был высокого мнения о первом романе Гайто Газданова (1903–1971) «Вечер у Клэр» (1930) (см. некролог «Памяти Газданова», напечатанный Адамовичем в «Новом русском слове» 11 декабря и в «Русской мысли» 30 декабря 1971 г.).

30 января 1951 г. Лагерь «Валка» под Нюрнбергом

30.I.1951

Дорогой Иван Алексеевич!

Вот когда Вы еще, пожалуй, мягко говорите — это о Маяковском¹. Вот кого я ненавижу! Это тип, который ничего общего с поэзией не имел. Разве можно назвать стихами

Можешь убедиться,
что земля поката, —
Сядь на собственные ягоды
И катись...²

Я, между прочим, однажды с ним столкнулся в одном обществе, — хам, обнаглевший водопроводчик³. Я с наслаждением прочел Вашу статью о нем. То, что в Сов<етском> Союзе его именем называют улицы и пароходы, указывает на то, что живыми именами называть не стоит⁴. Все равно расстреляют или сошлют — придется перемазывать вывески. А краска в СССР товар дорогой. Я уверен, что — не при нашей жизни, а какие-нибудь жители России в 1980 году назовут одну из главных улиц Москвы — улицей Бунина⁵. Не думайте, что я хочу Вам льстить!!!

Я подготавливаю для «Н<ового> р<усского> с<лова>» статью о Маяковском. Боюсь, что она будет чересчур резка⁶. Но, представьте, есть в эмиграции люди, для коих Маяковский — поэт.

Одному из таких я посоветовал подать заявление в IRO о репатриации — безотлагательно...

Вы пишете, что мое положение Вас ужасает. Меня тоже. Но я привык ко всяким qui pro quo⁷. Было когда-то хуже во много раз, но я не роптал, а считал, что плохо бывает перед хорошим, пустой карман перед деньгами, ночь перед днем и т.д.

Сегодня гулял днем по Нюрнбергу, искал русские книги. Leider nichts⁸, как говорят немцы. Но город — сама история: чистая готика Lorenzkirche, Turm XIV века⁹. И тут же американские Джип'ы, мчащиеся как одурелые. Вот так и живу — изредка вентилируя себя большим городом.

Недавно имел Вашу книгу «Крик», изд<анную> в 1921 г. в Берлине «Слово»¹⁰. Там все знакомо. Но «Ночной разговор» — это истоки большевистских настроений русского мужика. Вы в 1911 г. предчувствовали эти «штучки» у милых компатриотов. Вы и тогда знали, что так будет. Для меня очевидно теперь.

Да хранит Вас Бог!
Будьте здоровы.
Прошу не забывать
Искренне преданного
Юр. Трубецкого

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/5615). Место установлено по содержанию.

¹ Имеется в виду очерк «Маяковский» в книге Бунина «Воспоминания» (Париж: Возрождение, 1950. С. 237–247).

² Не совсем точная цитата из стихотворения Маяковского «Юбилейное» (1924).

³ Образ Маяковского, к которому Трубецкой обращался несколько раз, предстает у него в неизменно грубом, сниженно-шаржированном виде: «Мне пришлось с Маяковским познакомиться, но говорить с ним было трудно. Он либо говорил о выпивке и “жратве”, либо о самом себе. Фамильярное похлопыванье по плечу, снисходительное отношение бульдога к маленькой собачке — вот его обращение с молодежью. Джентльменство было для Маяковского “терра инкогнита”. Это был хам, почувствовавший, что ему все можно! Поэтому утверждения Н. Оцупа о какой-то завуалированной лиричности и религиозности я объясняю тем, что *настоящий лирический поэт* Николай Оцуп хотел найти солнечные стороны у “мифического” Маяковского. Их не было» (*Трубецкой Ю.* Из литературного дневника // Новое русское слово. 1957. 17 марта. № 15968. С. 8).

В письме к Чиннову от 3 февраля 1960 г., в связи с возникшими вокруг него разговорами, касающимися, по всей видимости, сотрудничества с немцами, Трубецкой писал: «За глаза пусть шипят <...>, а если зашипят в печати — я сумею ответить, будьте уверены. Так ответчу, что другой раз будут осторожны. Если я, будучи еще почти мальчишкой, сумел отругаться от Маяковского и Бурлюков, то здесь и подавно» (ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Архив И.В. Чиннова).

⁴ Бунин писал в очерке: «Маяковский превознесен в Москве не только как великий поэт. В связи с недавней двадцатилетней годовщиной его самоубийства московская “Литературная газета” заявила, что “имя Маяковского *воплотилось* в пароходы, школы, танки, улицы, театры и другие *долгие* дела. Десять пароходов “Владимир Маяковский” плавают по морям и рекам. “Владимир Маяковский” было начерчено на броне трех танков. Один из них дошел до Берлина, до самого рейхстага. Штурмовик “Владимир Маяковский” разил врага с воздуха. Подводная лодка “Владимир Маяковский” топила корабли в Балтике. Имя поэта носят: площадь в центре Москвы, станция метро, переулок, библиотека, музей, район в Грузии, село в Армении, поселок в Калужской области, горный пик на Памире, клуб литераторов в Ленинграде, улицы в пятнадцати городах, пять театров, три городских парка, школы, колхозы...» (С. 238).

⁵ Относительно самой Москвы пророчество Трубецкого еще не сбылось, но в московском районе Бутovo имеются улица и станция метро «Бунинская аллея». Зато улицы Бунина есть в Ельце, Липецке, Орле, а также в Одессе.

⁶ Статья Трубецкого о Маяковском действительно была написана и напечатана в «Новом русском слове». В ней он, верный своей манере становиться наряду с литературным критиком вездесущим мемуаристом, в частности, «свидетельствовал»: «Мне хочется вспомнить один эпизод. Было это в Петербурге, вскоре после октябрьского переворота. Место действия: известный “Привал комедиантов”. Кто-то что-то читал, кто-то что-то играл на рояле. Вдруг вваливается компания каких-то скуластых парней. Впереди — слишком характерная фигура с лицом, напоминающим бритую гориллу.

— Кто там ерундовщину бормочет? Я буду читать! Кто хочет слушать бесплатно? Читаю “Облако в штанах”. — И немедленно, с места, начинает:

Хотите, буду от мяса бешеный
И как небо меняя тона,

Хотите, буду безукоризненно нежным,
Не мужчина — а облако в штанах

И т.д.

Дочитать Маяковскому не удалось. Не помню почему. Кто-то прервал. Кто-то до-вольно некстати подтащил меня к Маяковскому и представил.

— Поэт?

— Ну да, поэт..

— Это из “гумилят”?

Далее он довольно нелестно упомянул что-то о “неоклассической дряни”.

Помню лапишу Маяковского — потрепал меня фамильярно и изрек: — Коли хо-чешь быть поэтом, пиши под меня, а не под этих самых “акмеистов”. Тут следовало нечто лежащее за пределами не только литературы, но и приличия» (*Трубецкой Ю.* Влади-мир Маяковский (Из литературного дневника) // Новое русское слово. 1951. 11 мар-та. № 14199. С. 5).

⁷ Дословно: одно вместо другого: путаница, недоразумение, смешение понятий (*лат.*).

⁸ К сожалению, ничего нет (*нем.*).

⁹ Трубецкой упоминает достопримечательности Нюрнберга: самую крупную в горо-де готическую церковь св. Лаврентия (Lorenzkirche), строительство которой продол-жалось в течение двух веков (1270–1477), и Weisser Turm (Белую (часовую) башню).

¹⁰ В сборнике «Крик» перепечатывались рассказы Бунина 1911–1912 гг. «Древний человек», «Игнат», «Крик», «Ночной разговор», «Сверчок» и др.

Ю.П. ТРУБЕЦКОЙ — В.Н. БУНИНОЙ

1

30 сентября 1960 г. Нюрнберг

30.9.1960 г.

Глубокоуважаемая Вера Николаевна,

Вы, вероятно, помните мое имя по письмам моим к покойному Ивану Алексеевичу. Потому я взял на себя смелость написать Вам, не будучи Вам представленным.

Память Ивана Алексеевича — ряд его писем и книг с его надписью — хранятся у меня как самая ценная реликвия. Я очень любил Ивана Алексе-евича. И как поэта и лучшего русского писателя, и как человека¹.

Я с ним встречался в Одессе, во время Добровольческой армии. Потом судьба меня увела в другие места и края. В 1947 году я написал Ивану Алек-сеевичу², и несколько лет мы с ним переписывались, что, вероятно, Вам известно. Возможно, Вас интересует то, что я имею в памяти. Возможно, Вас интересует ряд писем, которые у меня хранятся?

В свою очередь, я прошу Вас не отказать мне в моей просьбе, прислать мне те книги, которые Вы издали о жизни покойного Ивана Алексеевича, о его работе, творчестве и т.д.³ В Германии их купить невозможно, потому я

опять беру на себя смелость просить покорно Вас об этом. Надеюсь, что Вы мне не откажете.

Примите мои уверения в совершенном к Вам уважении и почтении.
Ю. Трубецкой
(Юрий Павлович)

Адрес: G. Trubetzkoу
Oppelnerstr. 240/2
Nürnberg
Allemagne Occidentale (West Deutschland)

Публикуется по авторизованной машинописи (подпись и адрес — автограф) (РАЛ. MS. 1067/7256). В верхнем левом углу помета Буниной: «отв<етила> 13 II 61».

¹ Откликаясь на смерть Бунина, Трубецкой в письме к Р.С. Чеквер от 3 декабря 1953 г. писал: «На меня очень подействовала смерть И.А. Бунина. Как-то удручающе. Хотя этой смерти и ждали, но всегда смерть врывается в жизнь нежеланной гостьей» (ВАР. R. Chekver Collection. Вох 3). См. также принадлежащий его перу некрологический очерк «Иван Алексеевич Бунин» (Возрождение. 1954. № 36. С. 163–165).

² Трубецкой ошибается: в 1948 г.

³ См. № 2 и примеч. 1 к нему.

2

17 февраля 1961 г. Нюрнберг

17/2 — 1961

Глубокоуважаемая Вера Николаевна,
сердечно благодарю Вас за присланную мне книгу¹ и Ваше письмо. Все, что связано с памятью Ивана Алексеевича, мне очень ценно и дорого.

Почту своим долгом скопировать точно все письма Ивана Алексеевича и прислать Вам. Может быть, Вас интересуют подлинные? Напишите, тогда пришлю подлинные, но оговорюсь: на время, т<ак> к<ак> мне не хотелось бы с ними расстаться².

Я тоже похвастаться здоровьем не могу. Не дальше как вчера у меня был «очередной» сердечный припадок.

Вы пишете, что не встречали моей прозы. Не так давно, начиная с 19 сент<ября> 1960 г. и далее, в «Нов<ом> рус<ском> слове», из № в № печаталась моя повесть «Нищий принц», уже полностью, а не отрывками, как когда-то в «Возрождении»³. Когда первые главы были напечатаны в «Возр<ождении>» — Иван Алексеевич их приветствовал. Вообще же эта повесть отчасти написана под влиянием Ивана Алексеевича.

Что Иван Алексеевич не помнил меня «внешне» — само собой разумеется. В Одессе мне было 18 лет, только. А я очень изменился. К сожалению,

я не получаю регулярно «Нов<ого> журн<ала>». Иногда мне присылает на прочтение Иг<орь> Вл<адимирович> Чиннов.

Сбоку сообщаю Вам новый адрес — у меня сейчас новая квартира, правда, на той же улице.

С сердечным чувством и благодарностью, а также с лучшими пожеланиями —

Юр. Трубецкой

G. Trubetzkoj. Oppelnerstr. 210/3

Nürnberg 2 и т.д.

Публикуется по авторизованной машинописи (подпись и адрес — автограф) (РАЛ. MS. 1067/7257).

¹ По всей видимости, имеется в виду книга: *Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина: 1870—1906.* Париж, 1958. Бунина также подготовила к печати и написала вступление (предисловие принадлежит М. Алданову) к кн.: *Бунин И.А. О Чехове. Незаконченная рукопись.* Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955.

² См. конец вступ. ст. и примеч. 27 к ней. По-видимому, на предложение Трубецкого Бунина не откликнулась.

³ Полностью повесть «Нищий принц» была напечатана в газете «Новое русское слово» (1960. 19 сентября. № 17360 — 21 октября. № 17392). О публикации отрывков из нее в журнале «Возрождение» см. примеч. 5 к № 18).

«ДРАГОЦЕННАЯ СКУПОСТЬ СЛОВ»:
ПЕРЕПИСКА И.А. И В.Н. БУНИНЫХ
С Ю.Л. САЗОНОВОЙ (СЛОНИМСКОЙ)
(1952–1954)*

Вступительная статья Кита Триббла.

Публикация Кита Триббла, Олега Коростелева и Ричарда Дэвиса**

Иван Алексеевич Бунин был очень скрытным писателем, тщательно сохранявшим тайну своей личной жизни. Ему крайне не нравились попытки критиков выискивать в его произведениях автобиографические подробности. Об этой скрытности писал близко знавший Бунина Александр Бахрах: «Бунин разговоров об источниках своего творчества не переносил, считая их чуть ли не бестактностью, залезанием в его душу»¹. Случаев, когда он сам высказывался об этом, немного. Однако за полтора года до смерти Бунина Юлия Сазонова, писавшая в то время историю русской литературы, обратилась к нему с просьбой поделиться личными воспоминаниями и суждениями о своем творчестве. Бунин откликнулся на просьбу, соблазнившись возможностью донести до читателя свое видение литературного процесса, собственные суждения и оценки. Завязавшаяся переписка продолжалась до конца октября 1953 г. (8 ноября Бунин скончался).

Трудно сказать, почему именно Сазонову Бунин выбрал в качестве своего биографа. Возможно, просто потому, что других предложений не поступало, а здесь Бунин мог быть уверен, что Сазонова адекватно передаст в своей книге его, бунинскую, точку зрения, сохранив ее, таким образом, для потомков.

Иногда отношения знаменитого писателя и его биографа превращаются в антагонизм, как это случилось, например, с В. Набоковым и Э. Филдом. У Бунина с Сазоновой такого не произошло, их отношения до самого конца определялись обоюдной симпатией и уважением: восхищением со стороны Сазоновой и доверием со стороны Бунина. Они были очень разными людьми, однако во взгля-

* Тексты И.А. и В.Н. Буниных публикуются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate © 2010.

Тексты Ю.Л. Сазоновой публикуются с разрешения Дмитрия Сазонова © 2010.

** © Keith Tribble, Олег Коростелев, Richard D. Davies, 2010.

¹ Бахрах А. Бунин в халате: По памяти, по записям. Bayville, NJ: Товарищество Зарубежных Писателей, 1979. С. 117.

дах, жизненном опыте, судьбе находилось и много общего. Еврейка по рождению (о чем узнала лишь в пятнадцатилетнем возрасте), Сазонова стремилась войти в среду русского дворянства. В Голландии в 1926 г. она даже заказала себе визитные карточки, на которых значилось «Баронесса Ю.Л. Сазонова». Родные Сазоновой издевались над ее аристократическими претензиями, но гражданский муж Н.Д. Миллиоти их поощрял. Брат Сазоновой объясняет, что его сестра не чувствовала никакой близости к еврейскому миру, ощущая себя исключительно русской и православной. Ее политические воззрения были скорее монархическими и, во всяком случае, консервативными (особенно в ялтинский период). В Париже она придерживалась центристской позиции, без крайностей правых, печатавшихся в «Возрождении», и без просоветских оттенков тех, кто печатался в левых изданиях. Возможно, в какой-то степени она делала это с учетом трудного положения своих братьев, оставшихся в советской России. Как и Бунин, она нашла свое место в наиболее умеренной газете «Последние новости».

По-видимому, импонировало Бунину и то, что Сазонова оказалась нейтральной стороной, не принимавшей участия в политических распрях и скандалах, сотрясавших русский Париж во время и после войны. Она не была замешана в полемику вокруг ухода Бунина из Союза русских писателей и журналистов, не вставала на сторону «совпатриотов» (хотя иногда очень пронизательно писала о советской литературе), не сотрудничала с оккупационными властями, не была до конца принята как своя в еврейских эмигрантских кругах Нью-Йорка (отчасти оттого, что в этой среде ее великорусские взгляды многим казались антисемитскими). Другими словами, ее литературные оценки были бы восприняты парижской эмиграцией как независимые и объективные, не продиктованные сиюминутной политической конъюнктурой.

Раскол в русской эмиграции не обсуждался в переписке Бунина с Сазоновой, к тому времени он уже принадлежал хотя и очень недавней, но истории. Тем не менее этот раскол — существенная подоплека переписки, именно этим объясняются многие язвительные выпады Бунина. Переписка шла в то время, когда Бунин наиболее остро ощущал свою оторванность от русской эмиграции и нуждался в понимании и сочувствии.

Так или иначе, выбор был сделан в пользу Сазоновой, и Бунин, обычно ворчавший и ругавшийся на критиков, во всем усматривающих автобиографизм, сам принялся вспоминать подробности возникновения замысла того или иного рассказа, устанавливать соответствие художественных деталей жизненной правде и т.д. Насколько объективен он был при этом, вопрос другой, но в любом случае переписка уникальна хотя бы потому, что нигде больше Бунин так обстоятельно не анализировал собственное творчество. Его письма к Сазоновой стали своего рода *ars poetica*, личным манифестом, раскрывающим особенности творческого процесса писателя. Чувствуя приближение конца и понимая, что рано или поздно исследователи будут искать личные источники его творчества, Бунин старается в этих письмах предопределить на свой лад направление будущих исследований.

В письмах много раз, зачастую с дословными повторами, возникает тема творчества как претворения и искажения реальности. Такое старательное отрицание автобиографических моментов как источника творчества нередко зву-

чит неубедительно, и к этим признаниям Бунина приходится относиться скептически.

Ко времени переписки Бунин уже давно прервал отношения с издательством Альфреда Кнопфа, выпустившим до войны большинство переводов его произведений. Так как Сазонова была в личном контакте со многими американскими издателями в Нью-Йорке, Бунина заинтересовало ее предложение устроить переводы его рассказов на английский язык в американском издательстве и выпустить их отдельным сборником. Говоря о достойном переводчике, Сазонова, вероятно, имела в виду профессора Дж. Бринтона, с упоминания о котором и начинается переписка. В одном из писем профессор Бринтон сам предложил Бунину (через посредничество Сазоновой) свои услуги в качестве переводчика. Можно только сожалеть о том, что эта затея не привела к конкретным результатам.

Задуманную книгу о Бунине Сазонова так и не написала, но опубликовала шесть статей и рецензий, в которых частично использовала материалы, присланные ей Буниным. Бунина долго считали литературным консерватором, писателем, продолжавшим традиции XIX в., в первую очередь тургеневскую и толстовскую. В статьях Сазоновой предстает совсем другой Бунин, новатор, создатель уникальной формы миниатюр, в которых воплотился поэтический мир художника.

Краткость рассказов Бунина, их предельная лаконичность и насыщенность имели для Сазоновой определяющее значение. В письмах она вспоминала чеканную латынь «Gesta Romanorum» и мечтала собрать «Геста Бунинорум». В одной из рецензий Сазонова особо выделила «те короткие бунинские произведения, которые составляют его собственный, ни под какое название не подходящий жанр: сжатый на полустранице, переданный в таящих как бы экстракт силы простых словах, так что каждое попадает в цель, кусок “вымысла” создает живое, настоящее и открывает нам то, что остается за пределами рассказа»².

«Темные аллеи» Сазонова считала величайшим достижением Бунина. Это особенно знаменательно, если учесть, что в то время не только советские литературоведы рассматривали творчество Бунина-эмигранта как упадочное, но и эмигрантская публика поначалу отнеслась к «Темным аллеям» с опаской и недоверием. Многие из критических суждений Сазоновой о Бунине были весьма пронизательными, и остается только пожалеть, что ей не удалось написать задуманную книгу о Бунине³. Тем более ценна сохранившаяся переписка.

Имена Сазоновой и Бунина впервые связал французский критик Шарль Ледрэ, процитировавший в своей книге ее слова о пламенной духовной жажде русских писателей⁴. Хотя они переписывались только в последние два года

² Сазонова Ю. Две книги Бунина // Новое русское слово. 1953. 19 апреля. № 14967. С. 8.

³ О договоренности Сазоновой с изд-вом «Оксфорд Университи Пресс» в Нью-Йорке выпустить ее книгу о Бунине см. № 73. Других свидетельств этой договоренности в архиве изд-ва не сохранилось, о чем сообщил публикатору архивист «Оксфорд Университи Пресс» (Великобритания) д-р Мартин Мау (16 марта 2004 г.).

⁴ Ledré Ch. Trois romanciers russes: Ivan Bounine. Alexandre Kouprine. Marc Aldanov. Paris: Nouvelles Editions Latines, 1930. P. 17.

жизни Бунина, интерес к его творчеству Сазонова проявляла и в 1920-е гг.⁵, и в 1930-е⁶.

После смерти Бунина Сазонова продолжает писать о нем: публикует рецензию на сборник рассказов «Петлистые уши»⁷, посылает из Парижа в Нью-Йорк корреспонденцию «Памяти Бунина», в которой описываются встречи друзей и почитателей на квартире писателя, устроенные вдовой ко дню его рождения и второй годовщине смерти, а также освящение памятника над могилой: «В этом последнем поминании участвует и Россия. Каковы бы ни были настроения, слова Бунина раздадутся теперь по всей России, книги его будут в руках у всех и для будущих поколений имя его останется родным и близким»⁸. В 1956 г., за год до своей смерти и незадолго до начала тяжелой болезни, Сазонова посвящает Бунину одну из своих последних статей⁹.

Переписка Бунина с Сазоновой — уникальный документ, позволяющий глубже проникнуть в интимный внутренний мир писательской лаборатории, понять психологию и настроение писателя в его последние годы. Эти письма раскрывают неизвестные моменты творческой биографии Бунина, дают яркий портрет писателя, каким он хотел остаться в памяти потомков. В то же время они дают представление и о его критике, чье наследие мы только начинаем открывать.

Письма Сазоновой публикуются по автографам, хранящимся в фондах Буниных (РАЛ. MS. 1066/4910—4939; MS. 1067/6453—6456), письма И.А. Бунина и В.Н. Буниной — по копиям, списанным Д.П. Сазоновым и сохранившимся в московском архиве его дяди А.Л. Слонимского (РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 188). Публикуются также поздравительная телеграмма Сазоновой (№ 1), отложившаяся среди других телеграмм по поводу присуждения Бунину Нобелевской премии (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 137. Л. 23), и коллективная телеграмма с соболезнованием (№ 70) (РАЛ. MS. 1067/3364).

⁵ Показательно суждение матери Сазоновой о своей дочери, относящееся к 1926 г.: «Она ни в чем современную Россию не признает и считает все проявления искусства и литературы допотопными и отсталыми. Она большая поклонница французов (полная противоположность мне — я их совсем не признаю в массе, конечно не в литературе) — возится исключительно с французами и всячески избегает русскую колонию. Впрочем, со всякими звездами встречается на вечерах “Звена” и в восторге от Бунина. А я его последние произведения с трудом дочитываю» (письмо Фаины Афанасьевны Слонимской к А.Л. Слонимскому от 10 апреля 1926 г. — РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 213. Л. 60б.—7).

⁶ В 1930 г. Сазонова писала о том, что эмигрантские писатели пытаются спасти «прошлое от полного исчезновения», смешивая «заграничные впечатления с воспоминаниями». Исключением из общего правила она назвала недавно изданную «Жизнь Арсеньева», которая своими богатством образов и точностью языка воссоздает прошлое не через туманную дымку, а как нечто живое (Сазонова Ю. Страна воспоминаний: Темы зарубежной беллетристики // Последние новости. 1930. 12 июня. № 3368. С. 3). Бунин читал эту статью, на сохранившейся вырезке помета его рукой: «В архив» (РАЛ. MS. 1066/8200).

⁷ Сазонова Ю. Встреча со смертью. По поводу новой книги рассказов Бунина // Новое русское слово. 1954. 14 ноября. № 15541. С. 8.

⁸ Сазонова Ю. Памяти Бунина // Новое русское слово. 1955. 20 ноября. № 15485. С. 8.

⁹ Сазонова Ю. Бунин // Русская мысль. 1956. 15 ноября. № 978. С. 5.

Всего сохранилось 79 посланий: 36 от Сазоновой и 43 от Буниных. То, каким образом дошли до нас тексты писем Бунина, требует отдельного рассказа.

После смерти Сазоновой ее парижский архив (рукописи, как свои, так и чужие, картины, книги с автографами, переписка, в том числе и письма Бунина) остался на попечении сына Дмитрия, который не смог его сохранить¹⁰. Одной из причин был особый склад личности. Дмитрий Сазонов с раннего возраста проявлял признаки душевной неуравновешенности, а со временем эти черты только обострялись. В 1957 г. Д.П. Сазонов приехал в Париж на похороны матери и поселился в недорогой гостинице в Пасси на рю Гаварни (номер ему помогла найти София Прегель). Когда его средства стали иссякать, ему разрешили работать на полставки в гостинице, чтобы платить за комнату по сниженному тарифу. Архив хранился в подвале гостиницы, и Дмитрий Петрович по просьбе своего дяди А.Л. Слонимского переписывал некоторые документы и посылал ему копии. В этой гостинице Дмитрий Петрович прожил более десяти лет, подружившись с другой ее обитательницей, немкой по имени Мехтхильд, монахиней из монастыря около Клэр-Фонтэн. Когда в 1968 г. гостиницу продали и стали готовить к капитальному ремонту, ему пришлось перебраться в комнату в многоквартирном доме на соседней улице. Но здесь не было места для архива, и Дмитрий Петрович начал такое место подыскивать. От знакомой своей немецкой подруги Мехтхильд Дмитрий Петрович узнал о существовании склада под Версалем, куда и был перевезен архив, включая портрет Сазоновой работы Миллиоти, расписанные Миллиоти вазы, две его куклы к спектаклям 1924–1926 гг. Возможно, среди этих вещей находились и письма Бунина. Об архиве должна была заботиться знакомая Дмитрия Петровича, американка, которая через несколько лет вышла замуж за француза и уехала с ним в Америку, после чего Дмитрий Петрович потерял с ней контакт, а позже узнал, что в 1970-х гг. склад сгорел¹¹.

Близкая знакомая Сазоновой последних десятилетий ее жизни София Прегель писала в своих воспоминаниях о Бунине: «Когда Юлия Леонидовна Сазонова (урожд. Слонимская) предложила Бунину написать о нем, он долго колебался¹². В конце концов это показалось ему приемлемым и даже в какой-то мере необходимым. Победило не только желание Юлии Леонидовны, но и уверенность, что она напишет хорошую, талантливую книгу. Он методически посылал Сазоновой материалы для своей биографии, которые никогда не были опубликованы. Юлия Леонидовна с ними не расставалась. Она привезла в Париж пачку писем Бунина, довольно объемистую. Это было уже после смерти Ивана Алексеевича. К несчастью, сама Юлия Леонидовна тяжело заболела

¹⁰ В 1998–1999 гг. во время академического отпуска публикатор в течение шести месяцев еженедельно встречался в Париже с Дмитрием Петровичем и узнал из первых рук историю об утрате архива Сазоновой, и в том числе писем Бунина.

¹¹ Недавно некоторые документы из архива Сазоновой купил на парижском блошином рынке проживающий во Франции русский исследователь Андрей Корляков, и это внушает надежду, что архив погиб не полностью.

¹² Из публикуемой переписки видно, что дело было не совсем так. Бунин вовсе не колебался, а сразу стал изливать душу в письмах к Сазоновой и чаще всего сам подталкивал Сазонову к написанию статей, рецензий и книги.

и умерла в американском госпитале в Нейи, а письма Бунина исчезли. Не могу сказать, как это произошло, но до настоящего времени все поиски оказались бесплодными. Письма не могли пропасть, и я надеюсь, что их рано или поздно найдут, и это заставит пересмотреть некоторые высказывания о Бунине. То, что Бунин дал Юлии Леонидовне подробные сведения о себе, сегодня кажется почти невероятным. Это можно объяснить лишь его болезнью, предчувствием конца»¹³.

Софии Прегель осталось неизвестным, что Дмитрий Сазонов сделал копии писем Буниных к Сазоновой и отправил списки в Москву своему дяде А.Л. Слонимскому. Сразу после смерти матери он возобновил переписку с дядей (первые письма, хранящиеся в РГАЛИ, относятся еще к 1936 г.). Когда в 1998–1999 автор настоящей публикации навещал Дмитрия Петровича, тот передал для копирования большую пачку писем к нему от московского дяди. Эти письма пестрят ссылками на переписку Бунина с Сазоновой. Например: «1. Пока тебя не выгнали из отеля и не наложили арест на вещи, отдай В.Н. Буниной письма Бунина, а Ник<олаю> Дмитриевичу самые важные бумаги и Дитин портрет¹⁴. У тебя все пропадет, как пропал сундук в Middlebury¹⁵, сундук в Биаррице¹⁶, пишущая машинка, брошенная в поезде, и т.д. Ты не умеешь считать деньги и беречь имущество. 2. Откажись от нью-йоркской квартиры и вышли требуемую нотариальную доверенность на вывоз вещей». Дмитрий решил оставить письма себе, переписав их и послав копии своему дяде. А.Л. Слонимский одобрил намерение племянника переписать письма: «Ты хорошо поступил с письмами Бунина. Это большая культурная ценность. Я еще подумаю об этом, а пока что советую снять копии и присылать постепенно мне. Дружба Дити с Буниным вопрос для биографа. Собрание сочинений Бунина издает гос<ударственное> изд<ательств>во и будет еще переиздавать, и вообще действуй обдуманно и осторожно. <...> Вере Николаевне Буниной ты можешь сказать откровенно, что дорожишь письмами Бунина, как памятью мамы, и отдать не можешь. Можешь также сказать, что перешлешь их в Россию в Пушкинский Дом или мне в копиях, а оригиналы оставишь у себя. Нельзя замазывать дружбу Дити с Буниным. Не может Вера Николаевна на это обидеться. Если ты сразу ей не сообщил, то это легко объяснимо: ты не мог сразу разобраться в Дитином архиве. Вообще взял на себя серьезную заботу о Дитином

¹³ Прегель С.Ю. Из воспоминаний о Бунине // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 356–357.

¹⁴ Семейное прозвище Ю.Л. Сазоновой (Слонимской) — Дитя (с ударением на первом слове).

¹⁵ В колледже Миддлбери (штат Вермонт, США) Д.П. Сазонов учился в 1945–1949 гг. и получил степень бакалавра по специальности «французский язык» в июне 1949 г.

¹⁶ В 1940 г., уезжая из Франции в Португалию на неопределенный срок, Сазонова оставила сундук в подвале гостиницы «Бельведер» в Биаррице, договорившись с хозяином гостиницы, что вещи будут храниться, пока она не вернется. Вернувшись во Францию в 1955 г., Сазонова разыскивала сундук, но перепутала название гостиницы и на конверте написала «Бельвю» вместо «Бельведер». После смерти матери Д.П. Сазонов среди ее бумаг нашел вернувшееся письмо и сам навел справки в гостинице в Биаррице, где ему ответили, что сундук недавно выбросили. В сундуке была ценная переписка и рукописи, в том числе рукопись «Белой стаи», которую А.А. Ахматова подарила Сазоновой незадолго до ее отъезда из Петрограда в феврале 1917 г.

архиве и Дитином литературном наследии. Этот вопрос меня очень волнует. Если выйдет моя книга и позволит здоровье, то я начну хлопоты о поездке в Париж»¹⁷ (17 апреля 1958). Дело, однако, не двигалось еще очень долго, почти полтора года спустя, 28 августа 1959 г., А.Л. Слонимский опять пишет племяннику: «Я послал тебе вырезку о письмах Бунина в Пушк<инском> Доме. Необходимо присоединить письма к Дите. Ты не можешь хранить эти письма. Ты их погубишь, как погубил все мемориальные материалы в Нью-Йорке. Отдай эти письма В.Н. Буниной для пересылки в Пушк<инский> Дом. Это необходимо для памяти Дити. Я бы поручил тебе их переслать самому в Пушкинский Дом, но ведь ты не сумеешь их запаковать». А через два дня он пишет: «Лучше всего передай письма Бунина Mr. André Mazon¹⁸, кот<орый> в постоянной переписке с Пушкинским Домом. Письма Бунина должны быть в России, и посмертная Дитя тоже должна быть в России».

Копии писем Буниных являются частью одного длинного письма Д.П. Сазонова, начатого 30 октября 1961 г. и хранящегося в РГАЛИ в фонде А.Л. Слонимского. В декабре 1961 г. А.Л. Слонимский написал племяннику, что благополучно получил копии.

Д.П. Сазонов переписывал письма в том порядке, в котором они оказались, когда он взялся за работу (некоторые письма или отдельные листы были переложены из конвертов в другие места, иногда к письмам совсем другого года), в настоящей публикации хронология по возможности восстановлена. Заведомые описки и неверные прочтения Д.П. Сазонова исправляются без оговорок. Некоторые ремарки, сделанные им в ходе переписывания, приводятся в примечаниях и предваряются пометой: «Примечание Д.П. Сазонова».

В процессе переписки Бунин присылал Сазоновой книги (чаще в дар, иногда во временное пользование), а в конверты с письмами вкладывал тексты своих рассказов и разного рода библиографические материалы. Особенно много материалов он стал присылать после того, как весной 1952 г. начал разбор своего литературного архива (готовя его к отправке в Нью-Йорк, в результате так и не состоявшейся). В это время Бунин, по-видимому, впервые за много лет начал сплошь просматривать вырезки с критическими статьями о своих произведениях, а также своды выдержек из статей. Вырезки хранились вместе с письмами и тоже перекладывались из одних конвертов в другие, так что, когда Д.П. Сазонов переписывал их, они зачастую оказывались приложенными совсем не к тем письмам, с которыми были присланы, иногда на основании слишком неопределенных или не совсем правильно воспринятых указаний Бунина

¹⁷ Книга вскоре вышла: *Слонимский А.Л.* Мастерство Пушкина. М.: ГИХЛ, 1959, но слабое состояние здоровья после инсульта не позволило А.Л. Слонимскому поехать во Францию, он скончался в 1964 г., так и не увидев ни племянника, ни архива Сазоновой.

¹⁸ «Institut d'Études Slaves, Université de Paris, 9 rue Michelet» (примечание А.Л. Слонимского). Имеется в виду Андре Мазон (1881–1967) — французский филолог-славист, преподаватель Харьковского университета (1905–1909), секретарь Школы восточных языков в Париже (1909–1914), профессор Страсбургского университета (1919–1923), с 1924 профессор Collège de France, где занимал кафедру славянских языков и литератур, профессор парижского Института славянских исследований (Institut d'Études Slaves).

(«К этому письму прилагаю кое-что, — как образцы того, как критиковали меня» (№ 16); «Шлю <...> некоторые *образцы* из того многого, многого, что писали обо мне разные критики» (№ 28)). Из 21 статьи, которые Д.П. Сазонов переписал или которые можно точно идентифицировать по другим источникам, лишь 11 можно теперь с уверенностью ассоциировать с определенными письмами, хотя можно предположить, например, что все пять рецензий на книгу Бунина «Избранные стихи» (1929) были посланы в одной партии, только неизвестно когда. Поэтому перечень выходных данных всех статей (с пометами Бунина на них, также переписанными Д.П. Сазоновым) приводится здесь в алфавитном порядке, с отсылками к соответствующим письмам, если они известны.

Адамович Г. Литературные заметки // Последние новости. 1934. 18 октября. № 4956. С. 2.

Рец. на кн.: *Зайцев К. И.А.* Бунин: Жизнь и творчество. Берлин: Parabola, <1934>. Помета Бунина: «К. Зайцев (теперь священник в Нью-Йорке) писал наспех, торопил издатель».

См. № 27.

Адамович Г. Бунин // Русский сборник (Париж). 1946. С. 5–7.

См. № 47.

Адамович Г. Поклон Бунину // Новое русское слово. 1950. 29 октября. № 14065. С. 8.

Помета Бунина: «В день моего 80-летия».

См. № 47.

Айхенвальд Ю.И. Литературные заметки // Руль. 1928. 4 января. № 2159. С. 2–3.

Рец. на журн.: Современные записки. 1927. № 33 (первую половину рецензии занимает подробный разбор нового рассказа Бунина «Божье древо»).

Алданов М.А. О новой книге Бунина // Последние новости. 1929. 18 июля. № 3039. С. 3.

Рец. на кн.: *Бунин И.* Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929.

Алданов М. Ив. Бунин. Жизнь Арсеньева. Истоки дней. Париж, 1930 // Современные записки. 1930. № 42. С. 523–525.

Сохранилась машинописная копия первого абзаца рецензии с правкой рукой Бунина (РАЛ. MS. 1066/8994).

Письмо Георга Брандеса Ив. Бунину // Возрождение. 1925. 13 декабря. № 194. С. 4.

См. № 17.

Гинт. <Ходасевич В.Ф.??> Заметки читателя // Возрождение. 1931. 22 октября. № 2333. С. 4.

См. № 28.

Зайцев К. Бунин — поэт // Россия и славянство. 1929. 8 июня. № 28. С. 2, 7.
Рец. на кн.: Бунин И. Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929.

Зайцев К. Избранные рассказы Бунина // Россия и славянство. 1930. 11 января. № 59. С. 3.

Рец. на сб.: Бунин И. Грамматика любви: Избранные рассказы. Белград, 1929 <на обложке: 1930>.

Помета Бунина: «Кстати».

Зайцев К. Бунин // Россия и славянство. 1931. 2 мая. № 127. С. 4.
См. № 47.

Кульман Н. «Солнечный удар» Ив. Бунина // Возрождение. 1927. 3 февраля. № 611. С. 2—3.

Львов Л.И. У И.А. Бунина. Беседа // Россия и славянство. 1929. 2 марта. № 14. С. 3.

Пометы Бунина: «П.Б. Струве»; «“Россия и славянство” — тут очень много верного — Много писал и печатал плохого от той, иногда жестокой, бедности, что у меня была в молодости».

Пильский П. Поэт Иван Бунин // Сегодня. 1929. 26 июня. № 174. С. 3.
Рец. на кн.: Бунин И. Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929.

Пильский П. «Божье древо». Новая книга Бунина // Сегодня. 1931. 29 апреля. № 118. С. 3.

Помета Бунина: «Это когда-нибудь возвратите мне».

См. № 47.

Рене Гиль о Буине // Возрождение. 1925. 2 ноября. № 153. С. 2.

Пометы Бунина: «Верный, но корявый перевод! Извините! О русских отзывах и говорить нечего! Простите. Это хвастовство — Вы сами вынудили меня»; «Когда в 1921 и 1922 гг. изданы были мои первые книги во Франции, по-французски, они были встречены, к моему удивлению, наиболее видными критиками французскими и некоторыми такими же французскими писателями (Анри де Ренье, Р. Роллан, Кл. Фаррер, Эдм. Жалу) очень, очень лестно. “Митина любовь” (“Le Sacrement de l’Amour” по-французски) тоже. Посылал ли я Вам отзывы об этой книге? Даже и сам Брандес пришел от нее “в восхищение”, прочитав ее по-французски и по-немецки. Могу Вам послать выдержки из этих отзывов, если не посылал».

См. № 17.

Письмо Рене Гиля от 1924 г. (РАЛ. MS. 1066/2767) с отзывом на французский перевод «Чаши жизни» (1921): *Bounine I. Le Calice de la vie / Traduit du russe par Maurice <Parijanine> <псевд. Мориса Донзеля (1883—1937)>. Paris: Bossard, 1923.* Неверно датированные Буниным 1921 г., правленные им и В.Н. Буниной машинописи публикации хранятся в РАЛ (MS. 1066/9003—9004).

Сирин В. <Набоков В.В.> Ив. Бунин. «Избранные стихи» // Руль. 1929. 22 мая. № 2577. С. 2.

Степун Ф. Литературные заметки. И.А. Бунин. По поводу «Митиной любви» // Современные записки. 1926. № 27. С. 323–345.
См. № 16.

Степун Ф. Ив. Бунин. Избранные стихи. Париж. 1929 // Современные записки. 1929. № 39. С. 528–532.

Ходасевич В. Книги и люди. «Современные записки». Кн. 53-я // Возрождение. 1933. 9 ноября. № 3082. С. 3–4.

В частности, рец. на последнюю часть пятой книги «Жизни Арсеньева».
См. № 47.

Цетлин М.О. «Митина любовь» // Последние новости. 1926. 11 февраля. № 1786. С. 3.
См. № 17.

Авторы выражают искреннюю признательность администрациям РАЛ и РГАЛИ за содействие настоящей публикации и приносят глубокую благодарность всем, кто оказал помощь в ее подготовке: Константин Азадовский (Москва), Татьяна Двинятина (Санкт-Петербург), Нина Жукова (Санкт-Петербург), Людмила Короченецкая (Санкт-Петербург), Елена Миллиоти (Москва), Лев Мнухин (Москва), Евгений Пономарев (Санкт-Петербург), Александр Тимофеев (Санкт-Петербург), Юрий Шестаков (Москва); Giuseppe Aprea (Cargi, Италия), Henri Barral (Monte Carlo, Монако), Irina Belobrovtsseva (Tallinn), Bernard Brinton (Vero Beach, США), Cathy Brinton (Seattle, США), Tanya Chebotarev (New York), Victor Dmitriev (Stillwater, США), Rostislav Doboujinsky (Paris), Miriam Cornman (Cachan, Франция), Tatiana Gladkova (Paris), Edythe Haber (Cambridge, США), Carmen Hendershott (New York), Alice Hoeft (St Petersburg, США), Andrei Korliakov (Paris), Joseph Lenkart (Urbana-Champaign, США), Hugh Maclean (New York), John Malmstad (Cambridge, США), Julia Mansvetov (Chevy Chase, США), Martin Maw (Oxford University Press, Oxford, Великобритания), Dmitry Migunov (Stillwater, США), Rebecca Mitchell (Urbana-Champaign, США), Judith Morse (Dutton-Plume Inc, New York), Rivka Plesser (Иерусалим), Irina Reifman (New York), Harriet Rogers (Putney, США), Dmitri Sazonoff (Paris), Katia Shraga (New York), Greta Slobin (Middletown, США), Thomas Staley (Austin, США), Thomas Tanselle (Guggenheim Foundation, New York), Frank Turner (New Haven, США), Elizabeth Valkenier (New York), Electra Yourke (New York).

К. Триббл считает своим приятным долгом поблагодарить International Research Exchange Board и American Council of Teachers of Russian за финансовую поддержку, оказанную ему во время подготовки публикации.

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

После 9 ноября 1933 г. Париж

HEUREUSE POUR VOUS. POUR LA CAUSE RUSSE. FELICITATIONS
CHALEUREUSES. SAZONOVA

Перевод с французского:

РАДА ЗА ВАС. ЗА РУССКОЕ ДЕЛО. СЕРДЕЧНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ¹.
САЗОНОВА

Публикуется по оригиналу (телеграмма) (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 137. Л. 23).
Датируется по содержанию. На телеграмме имеется дата «16—11», но так как Бунин и
Сазонова, по-видимому, встретились 15 ноября (см. примеч. 2 к № 2), возможно, что
телеграмма была отправлена сначала из Парижа в Грасс, а потом обратно в Париж, куда
Бунин прибыл 14 ноября 1933 г. (Ср. похожую ситуацию в публ. переписки Бунина и
Зурова в наст. изд. № 39 (примеч. 7).)

¹ Сазонова поздравляет Бунина с присуждением Нобелевской премии.

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

22 февраля 1952 г. Нью-Йорк

64 Alta Avenue Park Hill
Yonkers, New York
U.S.A.
22 февраля 1952

Дорогой Иван Алексеевич,

Когда-то мы встречались с Вами во дни «Последних новостей», но не знаю, помните ли Вы меня¹. В сонме юбилейных приветствий мой голос слился с общим хором².

Давно собираюсь написать Вам. Хотелось сообщить Вам, что здесь в Делаваре обитает вернейший Ваш поклонник, заслуженный профессор французского языка, который учился у меня русскому языку³. Из русской литературы, которую он знает отлично, он считает наиболее совершенным Вас одного и очень метко развенчивает многие вещи других классиков, которых свободно читает в подлиннике. Вас он читает и перечитывает множество раз и знает наизусть Ваши вещи так, как ни один пушкинист не знает Пушкина. Меня поразила один случай, когда я говорила ему о разнице значений одного и того же наречия в различном употреблении. Дослушав, он быстро схватил со стола «Темные аллеи», перелистал и тотчас нашел это наречие в первом значении, затем, перелистав, нашел сейчас же и другое значение. А дело ведь шло об одном слове и только о наречии⁴. Это меня поразило, а он считал, что иначе и быть не могло: ведь это Бунин, которого он читает и перечитывает по тридцати и более раз, вдумываясь в каждое бунинское слово. Это prof. G.E. Brinton, 224 Gallow Road, Newark — Delaware. Я предлагала ему написать Вам, но он не решился. — Но это приписка, а сказка впереди. У меня к Вам большая просьба, которую еле решаюсь высказать, так как не знаю, как Вы ее примете. Дело в том, что у меня контракт с англо-американским издательством на Историю русской литературы «от царя Гороха до наших дней», по Вашему выражению⁵. О царе Горохе я уже написала, и первый том выйдет этим летом⁶. Теперь собираю материал по новой литературе. Местом меня не стесняют, история будет подробная, в нескольких томах, и, конечно, я хочу как можно больше написать о Вас. Для этого нужны самые подробные сведения от Вас самого, биографические и литературные, т.е. Ваш собственный взгляд на Ваше творчество, Ваше самоощущение. Все, что напишете, будет мною переведено на английский язык и предварительно показано Вам, как и вся глава о Вас, — самое ценное, это то, что Вы сами скажете о себе. Буду счастлива, если откликнетесь на эту мою просьбу⁷.

Шлю самый сердечный привет Вам и Вере Николаевне и желаю здоровья и всяческих радостей.

Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4910).

¹ Бунин сотрудничал в газете «Последние новости» с 1928 г. Первая статья, написанная Сазоновой для «Последних новостей», была опубликована 2 февраля 1924 г. (*Сазонова Ю.* Дягилевские спектакли в Монте-Карло // *Последние новости.* 1924. 2 февраля. № 1159. С. 4), а с 1929 по 1939 г. в газете регулярно (обычно по субботам) выходили ее фельетоны. В юбилейном сборнике, выпущенном к 10-й годовщине основания газеты, среди портретов сотрудников представлены фотографии Бунина и Сазоновой с краткими биографиями («Последние новости»: Юбилейный сборник 1920–1930. Париж, 1930. С. vii, xxiv).

² По-видимому, в качестве постоянного автора газеты «Последние новости» Сазонова присутствовала в редакции 15 ноября 1933 г., когда состоялся прием Бунина по случаю присуждения ему Нобелевской премии.

³ Бринтон Джордж Элдер (George Elder Brinton; 1893–1964) — профессор Университета штата Делавэр, в 1926–1934 гг. директор программы университета по обучению американских студентов за рубежом, специалист по преподаванию иностранных языков, владел французским и немецким свободно, а также овладел русским и итальянским. В течение пяти лет Бринтон посещал летние курсы русского языка в Колумбийском университете, где среди других его учила Сазонова, а с 1957 г. он сам вел курсы русского языка в своем университете. Архив Бринтона не сохранился.

⁴ Ср. приведенный в примеч. 1 к № 6 фрагмент письма Бринтона к Сазоновой, где речь идет об употреблении Буниным слов в разных значениях в рассказе «Натали».

⁵ Сазонова ссылается на бунинскую рецензию на двухтомник Ивана Ивановича Тхоржевского (1878–1951) «Русская литература» (Париж: Возрождение, 1946): «Чего и кого только нет в его двух увесистых томах (от царя Гороха до советского драматурга Афиногенова), чуть не целая тысяча поэтов и прозаиков русских то проходит, то мелькает в его панораме!» (*Бунин И.* «Панорама» // *Русские новости.* 1946. 30 августа. № 68. С. 4). Судя по № 14, Бунин впоследствии прислал Сазоновой вырезку с рецензией, снабженную характерной для него пометой, как передавал Д.П. Сазонов в своем списке: «После цитируемых в статье слов Тхоржевского: “Бунин часто признавался в неистребимом желании своем как писателя остановить солнце”, Бунин писал в полях: “Солгал, мерзавец! Я написал одно стих<отворение>, где говорится, что дни так летят, что я хотел бы, как И<исус> Навин, остановить солнце”».

⁶ В декабре 1949 г. Сазонова подписала контракт с нью-йоркским изд-вом Э.П. Даттона (E.P. Dutton) на книгу «A History of Russian Literature» («История русской литературы»), обязуясь предоставить готовый к изданию первый том в английском переводе до 1 марта 1950 г. Ни первый, ни последующие тома англоязычного издания ее истории русской литературы не вышли (подробнее см. в Приложении).

⁷ Уже 27 февраля 1952 г. Бунин откликнулся на просьбу Сазоновой посылкой неизвестного содержания, отправленной заказной почтой (сохранилась расписка — РАЛ. MS. 1066/4909).

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

10 марта 1952 г. Париж

10 марта 1952 года

Дорогая Юлия Леонидовна,

Простите, диктую, потому что лежу в постели (воспаление легких), которое, кажется, уже удалось одолеть уколами пенициллина. Очень, очень рад был Вашему письму во всех смыслах, благодарю Вас за него сердечно. Что до истории русской литературы, то есть той части, которая будет касаться меня, сделаю все возможное, надеюсь написать Вам немало заметок относительно моих писаний и моей оценки их. Будьте добры передать мой нижайший поклон моему читателю-другу, профессору Бринтону. Я напишу ему еще отдельно, как только буду чувствовать себя крепче.

В фордовском «Издательстве имени Чехова» вышло первое издание «Юности Арсеньева»¹. Мне бы очень хотелось, чтобы в следующей книге «Нового журнала» написали бы о ней *Вы*². Вы пишете, что читали мои «Темные аллеи». Но Вы, вероятно, читали только треть этой книги, изданной несколько лет тому назад по-русски в Америке³. Я Вам пришлю *полное* издание, парижское⁴. Вообще, напишите мне, пожалуйста, читали ли Вы мои произведения в берлинском издании «Петрополис»? (1934 и 35 годы)⁵. Если нет, я попрошу Галину Ник<олаевну> Кузнецову посылать Вам постепенно том за томом именно это издание, берлинское; оно тоже страдает многими недостатками, потому что мне не давали второй корректуры его, но Вы будете получать исправленное моей рукой⁶.

Вот пока все.

Целую Вашу руку.

Ив. Бунин

Вера Николаевна просит передать ее дружеский привет Вам.

Адрес Галины Николаевны Кузнецовой⁷:

Mrs. G. Kuznetzova

43—42, 164 Street, Flushing, L<ong> I<sland> New York

телефон Flushing 8-37,55

Публикуется по списку Д.П. Сазонова (РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 188) (в дальнейшем архивный источник не указывается).

¹ Издательство имени Чехова (Chekhov Publishing House) было основано в Нью-Йорке в 1951 г. в условиях «холодной войны» на ассигнования фонда Форда и с негласным участием ЦРУ. Первое полное издание «Жизни Арсеньева» в последней авторской редакции вышло в Изд-ве им. Чехова 28 февраля 1952 г.

² Рецензия Сазоновой появилась не в весеннем выпуске (№ 29), как надеялся Бунин, а в осеннем: *Сазонова Ю. И.А. Бунин. «Жизнь Арсеньева»*. Первое полное издание. Изд-во имени Чехова. Нью-Йорк, 1952 // Новый журнал. 1952. № 30. С. 287–290.

³ *Бунин И.А. Темные аллеи*. Нью-Йорк: Новая земля, 1943. В сборник, вышедший тиражом 600 экземпляров, были включены рассказы: «Темные аллеи», «Кавказ», «Баллада», «Апрель», «Степа», «Муза», «Поздний час», «Руся», «Таня», «В Париже», «Натали».

⁴ *Бунин И.А. Темные аллеи*. Париж: La Presse Française et Étrangère, 1946. В это издание вошло 38 рассказов.

⁵ Последнее прижизненное собрание сочинений Бунина вышло в 11 томах в берлинском изд-ве «Петрополис» в 1934–1936 гг. (В 1939 г., когда изд-во уже перебазировалось из Берлина в Брюссель, последовал 12-й том с заключительной книгой «Жизни Арсеньева» под названием «Лица».)

⁶ См. также № 4, где речь идет о книгах, которые Бунин присылал Сазоновой во временное пользование. (В РАЛ и российских архивах хранятся экземпляры томов изд-ва «Петрополис» с правкой Бунина. Иногда в разных экземплярах одного и того же тома правка различается.)

⁷ Кузнецова и М.А. Степун жили в США в 1949–1959 гг., работая в издательском отделе секретариата ООН.

4

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

25 марта 1952 г. Париж

25 марта 1952 года

Дорогая Юлия Леонидовна!

Месяц тому назад я получил Ваше письмо от 22 февраля и тотчас же ответил Вам благодарностью за Ваше внимание ко мне и моей готовностью помочь Вам в Вашей работе обо мне насколько могу. *Получили ли Вы это письмо?* Я в нем обратился к Вам с некоторыми вопросами, но вот уже месяц, как от Вас нет ни слова, и мне начинает казаться, что, может быть, мое письмо к Вам пропало. Между прочим, я спрашивал Вас, какие Вы имеете мои книги, и *главное, каких изданий?* Я чрезвычайно прошу Вас пользоваться только собранием моих сочинений, изданным (в 1934 году) в Берлине «Петрополисом». В этом издании есть тоже немало не до конца исправленных мною текстов, но *все же, пиша обо мне, надо держаться только этого издания*. Я хочу послать Вам это издание с моими поправками. Мне, вероятно, удастся послать эти книги с кем-нибудь едущим из Парижа в Нью-Йорк для передачи Галине Николаевне Кузнецовой, которая в свою очередь будет передавать Вам их¹. А Вы будете возвращать ей после того, как их используете.

Чрезвычайно тронут я профессором Brinton; сделайте одолжение, передайте ему мой самый сердечный поклон и прилагаемый портрет². Вам я

посылаю фотографический снимок с меня и Чехова в его кабинете в Ялтинском доме³. Часто случалось, что я играл перед ним кого-нибудь, притворялся пьяным, и он чрезвычайно любил такие наши штучки и хохотал от всей души.

Целую Вашу руку и жду письма от Вас.

В<ера> Н<иколаевна> шлет Вам и Мите⁴ свой привет.

Ваш Ив. Бунин

Адрес Г.Н. Кузнецовой: Mrs. G. Kuznetzova 43—42 164th Street, Flushing, New York. Телефон Flushing 8-37,55.

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ См. № 5.

² Портрет не сохранился (см. примеч. 3 к № 2).

³ Фотография воспроизведена в зеркально перевернутом изображении в изд.: *Бабореко А.*

⁴ Д.П. Сазонов.

5

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

26 марта 1952 г. Париж

26 марта, среда

Нынче узнал, дорогая Юлия Леонидовна, что в воскресенье 30 марта вылетает из Парижа в Нью-Йорк Татьяна Сергеевна Конюс (дочь покойного Рахманинова)¹, с которой я отправляю три своих книги для Вас: она эти книги передаст Галине Николаевне Кузнецовой, а та перешлет их Вам (для Вашей работы обо мне) немедленно.

Ваш

Ив. Бунин

Публикуется по списку Д.П. Сазонова. Год установлен по сопоставлению с № 4, 7 и 8.

¹ Конюс Татьяна Сергеевна (урожд. Рахманинова; 1907—1961).

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ
Конец марта — начало апреля 1952 г. Нью-Йорк

<...>¹ передать Вам его деловое предложение. К письму он приложил двадцать долларов в виде чека на мое имя. Я вкладываю в это письмо десять долларов и как только получу от Вас подтверждение, что они дошли, тотчас вышлю вторые десять. Я думаю, что это простейший способ пересылки. — Сегодня я послала Бринтону Вашу фотографию и сообщила ему текст тех строчек, которые Вы ему посвящаете в Вашем письме. Он, вероятно, будет совершенно счастлив.

Надеюсь, что здоровье Ваше теперь поправилось и что Вы вполне окрепли. Я сердечно благодарна за Ваш отклик на мое письмо и за Вашу готовность помочь мне в работе. Первая же присланная Вами сегодня заметка дает очень много². Издатель пока не стесняет меня местом, так что можно будет использовать весь материал.

Я получила от Чеховского издательства «Жизнь Арсеньева» и думаю, что за это должна благодарить Вас³. Едва развернув пакет, раскрыла книгу, — и сразу попала в лунный сад, — так и простояла у двери, пока не дочитала главы. Теперь с нетерпением жду получения трех томов⁴.

Вопрос об изданиях самый трудный, так как требует чистосердечного признания: книг Ваших в хороших изданиях у меня здесь нет, так как библиотека моя осталась в Париже, а здесь я покупала случайные издания и пользовалась библиотекой Колумбийского университета. Парижского издания «Темных аллей» у меня нет. Не сердитесь на это признание, которое объясняется невольным «передвижничеством»⁵.

Еще раз благодарю за письмо и за фотографии⁶. Шлю сердечный привет Вам и Вере Николаевне и прошу извинить невольную задержку в ответе на первое письмо от 10-го марта.

Желаю Вам скорейшего поправления здоровья.

Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4939). Датируется по сопоставлению с № 3–5 и 7 и с приведенным в примеч. 3 письмом от В.А. Александровой.

¹ Начало письма не сохранилось, но сохранился перепечатанный Сазоновой на идентичном листе бумаги фрагмент письма к ней от Бринтона, о содержании которого она, по-видимому, докладывала Бунину (см. № 7): «Вот что пишет профессор Бринтон: “Я помню разговор об употреблении Буниным слов ‘не то — не то’, это было при описании утреннего завтрака, когда молодой человек впервые видит Натали. У меня здесь нет ‘Темных аллей’, но я пришлю Вам указание страницы и строчки. Я продолжаю заниматься русским языком, хотя у меня нет для этого достаточно времени. Сейчас я занят переводом ‘Дуни’ с английского на русский. (Для изучения текста он сначала переводит с русского на английский, а потом обратно с английского на русский. — Примеч. Ю. Сазоновой.) Я собираюсь поехать в Париж и постараюсь увидеть г. Бунина.

Как Вы знаете, А. Кнопф издал том рассказов, включая 'Господина из Сан-Франциско'. Теперь он хочет издать другой сборник 'Little Book of Russian Stories' <Маленькая книжка русских рассказов (англ.)>. Я думаю, что этот том будет иметь большее распространение и принесет больше пользы г. Бунину. Выбор хороший: 1) 'Господин из Сан-Франциско', 2) 'Митина любовь', 3) 'Натали' и, вероятно, еще два или три рассказа из 'Темных аллей'. Я буду рад сделать перевод даром. Я был бы рад все сделать, чтобы этому помочь. Пожалуйста, перешлите г. Бунину наличность прилагаемого чека с лучшими ему пожеланиями» (РАЛ. MS. 1066/1982).

Бринтон не в первый раз оказывал материальную помощь Бунину. В 1945 г. редакция газеты «Новое русское слово» собирала пожертвования в пользу Бунина в связи с празднованием его 75-летия. На призыв Бринтон откликнулся 19 ноября 1945 г. письмом к М.С. Цетлиной (приводится в переводе с английского языка) и чеком на 10 долларов: «Дорогая госпожа Цетлин, / Рад послать при сем этот небольшой чек в фонд Бунина, доставившего мне огромное удовольствие. Желаю Вам всяческого успеха в Вашем шелдром предприятии. / Искренне Ваш, / Джордж Э. Бринтон» (Рукописный отдел Национальной библиотеки Еврейского университета в Иерусалиме. Arc. Ms. Var. 401/51).

² Не установлено, о какой заметке идет речь.

³ 3 апреля 1952 г. сотрудница Изд-ва им. Чехова Вера Александровна Александрова (урожд. Мордвинова; по мужу Шварц; 1895–1966) писала Бунину: «Спасибо за письмо от 27-го марта. Спешу откликнуться на него. Книга Ваша Ю.Л. Сазоновой уже послана» (РАЛ. MS. 1066/1487).

⁴ См. № 3 и 4 о намерении Бунина одолжить Сазоновой тома собрания его сочинений изд-ва «Петрополис».

⁵ Когда Сазонова ликвидировала свою парижскую квартиру в феврале 1940 г., она перенесла свой архив и прочее имущество в подвал, где они и сохранились до ее возвращения во Францию в 1955 г.

⁶ № 4.

7

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

4–5 апреля 1952 г. Париж

4 апр. 1952 г. (ночь на 5-ое апреля)

Дорогая Юлия Леонидовна,

Отвечаю Вам на Ваше письмо (с вложением того, что сказал обо мне профессор Бринтон) наспех, кратко. Рад, что доставил Вам удовольствие. Не понять, почему профессор шлет мне деньги: объясните мне. Издать «little book»¹ не плохо. Но зачем «Госп<один> из С<ан->Фр<анциско>» и «Митина любовь» (которая, кстати сказать, вовсе не «little», а целая книга)? «Господин» издавался и в Англии и в Америке *много* раз², «Натали» тоже, может, была издана (не помню, издана ли³?) — ведь *не один Кнопф меня издавал в Америке*⁴. Надо взять что-нибудь другое, — что именно, напишу Вам завтра, сейчас уже поздняя ночь⁵.

Целую Вашу руку и прошу передать мой поклон профессору.

То, что я послал с Татьяной Сергеевной (дочерью Рахманинова) Галине Николаевне Кузнецовой для передачи Вам, Вы, надеюсь, уже получили?

Ваш Ив. Бунин

Публикуется по списку Д.П. Сазонова. Судя по примечанию Д.П. Сазонова, вместе с письмом Бунин прислал экземпляр снятого московским фотографом К. Фишером в декабре 1902 г. и широко известного по многотиражным открыткам начала XX в. группового портрета членов московской «Среды» (Андреев, Бунин, Горький, Скиталец, Телешов, Чириков, Шаляпин).

¹ маленькую книжку (*англ.*). В данном случае имеется в виду сборник или антология карманного формата.

² Между 1916 и 1950 гг. «Господин из Сан-Франциско» издавался и переиздавался в переводах на английский язык свыше 30 раз (см. библиографию: *Fetzer L. Ivan Bunin in English, 1916–1983. A Checklist // Russian Literature Triquarterly (Ann Arbor, MI). 1988. № 21. P. 223–232.*

³ В 1943–1949 гг. было опубликовано 2 перевода рассказа «Натали» (один из них два раза) (Там же).

⁴ Формально Бунин прав, но отдельные рассказы в антологиях, опубликованные другими издателями, не идут ни в какое сравнение с большими сборниками бунинских рассказов и отдельными изданиями его более крупных произведений, выпущенными (и неоднократно переиздававшимися) в 1920–1940-х гг. крупнейшим американским издателем Альфредом Кнопфом (1892–1984).

⁵ Возможно, очередной приступ болезни помешал Бунину написать обещанное письмо (см. № 9).

8

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

11 апреля 1952 г. Нью-Йорк

11 апреля 1952

Дорогой Иван Алексеевич,

Спасибо сердечное за Ваше ночное письмо¹, такое живое, как будто слышен Ваш голос.

На днях увижу Галину Николаевну Кузнецову и получу от нее книги, за которые заранее Вас благодарю.

Проф. Бринтон упоминал о Кнопфе, так как это издательство выпускает *Little Book*². Я тотчас передам ему Ваши указания, как только получу их от Вас. Посылка объясняется его желанием оказать внимание и невозможностью из-за высоких пошлин послать ее в ином виде. Я рада, что Вы получили, и посылаю теперь вторую половину.

Еще раз благодарю Вас за доставившую мне большую радость «Жизнь Арсеньева». Мне очень совестно Вас об этом просить, но я была бы счастлива, если бы Вы сделали на отдельном листе надпись, которую я вложила бы в книгу³.

Как только получу книги, тотчас извещу Вас и расскажу о свидании.

А пока шлю привет самый сердечный Вам и Вере Николаевне.

Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4911).

¹ № 7.

² Издание не состоялось.

³ Ср. № 38—39 и 48.

9

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

3 мая 1952 г. Париж

3 мая 1952

Дорогая Юлия Леонидовна,

Дней десять я особенно и всячески болен, испытываю всякие исследования, бактериологические¹ и проч., пенициллин и многое другое... Будьте добры передать моему другу-читателю профессору, что я бесконечно тронут его желанием помочь мне материально, крепко жму ему руку, посылаю ему одну книжечку с надписью, чтобы хоть как-нибудь выразить свою благодарность².

Тут был у меня перед моей болезнью проф. М.М. Карпович, и мы оба просим Вас для следующей книжки «Нового журнала» написать хоть небольшой отзыв о моей книге «Жизнь Арсеньева», которую Вы, как я знаю, получили³. Об этой книге в «Новом русском слове» была, среди прочих реклам, реклама по «Жизни Арсеньева», глупость, которой я не знаю равной⁴. Теперь прошу Вас, если можно, устроить издание сборника моих рассказов на английском языке, но не у Кнопфа (он жулик и скряга)⁵, а у издателя Дубледэй, который полгода тому назад выпустил в свет мои «Memories and Portraits» с хорошим успехом⁶. Я предполагаю дать сборник под следующим заглавием:

«Весной, в Иудее, и другие маленькие романы»⁷.

Рассказ «Весной, в Иудее» здесь прилагаю⁸. На днях извещу Вас, какие нужно прибавить еще маленькие романы. Следующий рассказ, верно, pošлю Вам на днях, действие его происходит в Испании⁹. Можно будет взять еще несколько «маленьких романов» из «Темных аллей»: «Натали», «Чистый понедельник», для американского издания вместо «Чистый понедельник» придется выдумать что-нибудь другое, например «Канун Великого поста»¹⁰. Подробнее обо всем, надеюсь, мы еще спишемся.

В глупой рекламе Чеховского издательства есть даже просто брехня: начало моей юности и продолжение ее прошли вовсе не в тех местах, где жили Фет, Тургенев, Лесков, а в Харькове, Полтаве, в странствии по Малороссии.

Пока кончаю. Уже очень устал.

Целую Вашу руку.

Ваш Ив. Бунин

[Приписка от В.Н. Буниной на отдельном листе:]

Дорогая Юлия Леонидовна,
Напишите мне, что случилось с Митей? Я очень любила его, когда он жил в Клозоне¹¹.

Поздравляю с праздником. Христос Воскресе!

Ваша В. Бунина

Публикуются по списку Д.П. Сазонова. Судя по примечанию Д.П. Сазонова, приписка Буниной (машинопись) была вложена в один конверт с письмом Бунина, и она датируется соответственно началом мая 1952 г. (В 1952 г. Пасха приходилась на 20 апреля.)

¹ В списке Д.П. Сазонова: «бактериологические».

² Книга с дарственной надписью Бринтону не обнаружена.

³ См. № 3 и примеч. 1 и 2 к нему, а также № 6 и примеч. 3 к нему. Историк и профессор Гарвардского университета (с 1927 г.) Михаил Михайлович Карпович (1887–1959) был редактором «Нового журнала» с 1945 г. При упоминании его Д.П. Сазонов сделал примеч.: «мамину книгу о литературе очень хвалил».

⁴ Объявление, вызвавшее негодование Бунина, гласило: «И. Бунин — Жизнь Арсеньева. Роман. Первое полное издание. 388 стр. Цена \$2.75. Иван Бунин — единственный русский писатель, удостоившийся Нобелевской премии. Рукой большого мастера в “Жизни Арсеньева” запечатлены детство и юность писателя в местах, где жили Лермонтов, Тургенев, Толстой и Фет» (Новое русское слово. 1952. 23 марта. № 14576. С. 8).

⁵ В качестве иллюстраций к этому утверждению можно привести данные из переписки Бунина и его литературного агента для Европы, М.Л. Слонима, с его литературным агентом для Америки, Уильямом Брэдли. В 1927 г., например, Бунин получил от Кнопфа за проданные экземпляры сборника «Господин из Сан-Франциско» 100 долларов минус 5% федерального налога и 10% комиссии, т.е. всего 85 долларов; а в 1934 г. Кнопф заплатил Бунину за новый сборник рассказов аванс в 500 долларов плюс 10% с продажи первых 5000 экземпляров и 15% с продажи дальнейшего тиража (письма Брэдли Бунину и Слонима Брэдли от 13 апреля 1927 г. и февраля 1934 г.; письмо Слонима Бунину от 18 октября 1934 г. — William Bradley Agency Collection. Box 7. Harry Ransom Humanities Research Center. The University of Texas at Austin. США; PAJ. MS. 1066/5239–5240).

⁶ Самое крупное в те годы американское изд-во «Doubleday» выпустило перевод «Воспоминаний» Бунина, впервые опубликованный английским изд-вом «John Lehmann»: *Bunin I. Memories and Portraits / Translated by V. Traill and R. Chancellor. Garden City, NY: Doubleday, 1951.* (См. также № 54.)

⁷ Ср. № 10. Издание предполагаемого англоязычного сборника не состоялось.

⁸ Рассказ «Весной, в Иудее» впервые появился в парижской газете «Русские новости» (1946. 19 апреля. № 49).

⁹ Т.е. «Ночлег» (ср. № 10).

¹⁰ Бунин, вероятно, забыл, что в переводе Ричарда Хэра рассказ «Чистый понедельник» уже печатался под названием «Ash Wednesday», т.е. в полном соответствии со значением, именно первый день Великого поста: *Bunin I. Dark Avenues and Other Stories / Translated from the Russian by R. Hare. London: John Lehmann, 1949.*

¹¹ Примечание Д.П. Сазонова: «Chateau Funel de Clausonnes, детский “preventorium” против чахотки, под управлением Ол<ьги> Львовн<ы> Еремеевой и Ек<атерины> Мих<айловны> Лопатиной, у кого жил я в 1930–33-м годах около деревни Biot, средиземноморской области Alpes-Maritimes, на полпути между Nice и Cannes — вблизи Grasse, мировой столицы духов, где в имении проживали Бунины». Подробнее см. публ. писем Миллиоти к Бунину в наст. изд.: № 6 (примеч. 2), № 13 (примеч. 20), № 15 (примеч. 3 и 4).

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

14 мая 1952 г. Париж

14 мая 1952 года

Дорогая Юлия Леонидовна,

Давно нет от Вас никаких вестей. Надеюсь, Вы получили два моих рассказа: «Весной, в Иудее» и «Ночлег», которые, как я полагал, Вы поставите в сборник моих произведений для перевода на английский язык и предложите какому-нибудь американскому издательству. Предлагаю и теперь этот сборник с таким заглавием:

ВЕСНОЙ, В ИУДЕЕ, И ДРУГИЕ НОВЕЛЛЫ.

Думаю, однако, что из этого ничего не выйдет, ибо кто же будет переводить? Ведь это большая *работа*. К названным рассказам ведь надо прибавить еще рассказов десять, которые надо взять из парижского издания моих «Темных аллей» — «Поздний час», «Натали», «Чистый понедельник» — и т.д.

Сейчас возвращаюсь к Вашей работе обо мне для Вашей истории русской литературы. Прилагаю листы, на которых обозначены *роды* моих произведений. *То, что я считаю наиболее значительным, я отмечаю розовым карандашом*¹.

Я еще очень слаб после моей тяжелой болезни, поэтому диктую.

Целую Вашу руку.

. Ваш Ив. Бунин

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ Сохранились списки произведений Бунина, распределенных им по «родам» («О любви», «О народе», «Мистические», «О смерти», «Россия», «Разные») (РАЛ. MS. 1066/648–653). Первый из них, рукописный, с заглавием «Мои рассказы и повести» (РАЛ. MS. 1066/648), частично опубликован М.Э. Грин в составе ее публикации «Бунин о себе и своем творчестве. Архивные материалы» (Новый журнал. 1972. № 107. С. 168–169). Второй список, машинописный, но с заглавием («Роды моих произведений»), дополнениями, правкой и пометами от руки (РАЛ. MS. 1066/649), значительно отличается от первого и является самым полным из хранящихся в РАЛ, хотя в нем отсутствует раздел «Россия» (соответствующая часть листа оторвана или отрезана). Остальные списки представляют собой копии машинописного «остова» второго, основного, но с разного характера правкой и пометами (РАЛ. MS. 1066/650–653). Так как список «родов» не фигурирует в списке Д.П. Сазонова, невозможно установить, был ли он на самом деле приложен Буниным к данному письму (или же прислан Буниной после его смерти — см. № 78), и если был, то в какой редакции.

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

20 мая 1952 г. Нью-Йорк

64 Alta Avenue Park Hill
Yonkers, NY
20 мая 1952

Дорогой Иван Алексеевич, спасибо, сердечное спасибо за письмо и за сведения о Вас для «Истории литературы». Не могу слов найти, чтобы сказать, как это ценно и как теперь жду я дальнейшего.

Я получила «Ночлег» и «В Иудее» и тогда же ответила, но обычно опускаю сама на почте, а это письмо дала другому и, может быть, оно задержалось или затерялось. — Не помню, писала ли я о нашей встрече с Галиной Николаевной. Ни я ее, ни она меня не знали, а встретиться мы должны были в кафе, и она обещала держать на виду Вашу книгу, но я книги не заметила издали, а увидела даму русского облика, кого-то ищущую глазами; тогда я вынула взятый с собой Ваш портрет и пошла на нее через кафе, держа перед собою портрет. Так мы и встретились, будто на параде с портретами. — За книги я Вас уже благодарила, но теперь, когда я наслаждалась и наслаждаюсь ими, хочется поблагодарить за радость еще раз. — Ваш портрет я переслала проф. Бринтону, но не получила ответа, — может быть, он уехал куда-нибудь ненадолго. Надеюсь, что Вы получили полностью его посылку в 20 долларов, которую я послала в два приема. Ваш портрет с надписью его наверно очастливит, так что Вы больше ни о чем в этом смысле не беспокойтесь.

Я получила письмо из «Нового журнала» насчет рецензии и постараюсь это сделать. Я думала дать в «Новое русское слово», которое читается многими, но теперь дам в журнал.

Относительно издания томика Ваших рассказов в Doubleday я уже начала хлопоты. Но возникает два вопроса. Меня спросят, уполномочена ли я Вами вести формальные переговоры об издании, но такого полномочия у меня нет, а есть только письмо, которое я показать не могу. Это главное: иметь от Вас письмо хотя бы по-русски (я могу сделать нотариальный перевод) о том, что я Вами уполномочена вести переговоры. Конечно, я не буду ничего решать, а тотчас буду все Вам сообщать. Второе — ограничиваете ли Вы возможность издания только Doubleday или можно говорить с другими, напр<имер> со Скрибнером или с Norton¹. И третье, как поступить с переводом рассказов, и поручаете ли Вы мне найти переводчика или имеете кого-либо в виду. У меня теперь есть издание «Темных аллей» и два присланных Вами рассказа, но я бы хотела знать, какие из других рассказов Вы считаете достойными издания и как их разыскать. Вот, кажется, все относящееся к изданию. Идея меня увлекает, и я сделаю для ее осуществления все, от меня зависящее.

Все, Вами присланное, бесконечно интересно, и я жадно жду дальнейших сокровищ.

Надеюсь, здоровье Ваше поправляется, и летом Вы сможете отдыхать от всех пенициллинов.

Благодарю Веру Николаевну за ласковую приписку и вопрос о моем сыне². Он ветеран американской армии (здесь это все юноши) и готовится к степени в Колумбийском университете³. Он просил передать его благодарность за память, — он отлично помнит посещения Веры Николаевны в Клозонне в его детстве и просил передать привет.

Еще раз сердечное спасибо за все радости, какие Вы мне доставили письмами и фотографиями и книгами — Вы даже и представить себе не можете, как я этим наслаждаюсь.

Всего, всего лучшего.

Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4912).

¹ «Charles Scribner's Sons» (1846–) и «W.W. Norton and Company» (1923–) — крупные американские изд-ва.

² Приписка Буниной к № 9.

³ Д.П. Сазонов был призван в американскую армию 30 апреля 1943 г., а в декабре 1943 г. его уволили по состоянию здоровья, а также по той причине, что он был единственным сыном пожилой женщины, которой в случае его гибели пришлось бы платить пособие в размере 10 000 долларов. (Во время военной службы Сазонов стал американским гражданином.) Увольнение с положительной характеристикой давало право обучения в университетах за государственный счет, и Сазонов воспользовался этим правом, чтобы поступить в колледж Миддлбери (штат Вермонт), где специализировался по французскому языку и литературе. По окончании колледжа в 1949 г. он поступил в докторантуру Колумбийского университета и числился магистром кафедры французского языка и литературы до 1955 г., но когда его мать уехала во Францию, на основной работе перешел на полную ставку и бросил учебу.

12

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

15 июня 1952 г. Париж

15 июня 1952 г.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Сделайте одолжение, верните мне, пожалуйста, те 2 рассказа, что я Вам послал в свое время: «Весной, в Иудее» и «Ночлег». Они мне сейчас очень нужны¹. Заранее благодарю.

Поедете ли куда-нибудь отдохнуть? А когда? Верно, скоро, — ведь жизнь в Вашем ужасном климате уже замирает до сентября?

Целую Вашу руку.

Ваш Ив. Бунин

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ По-видимому, Бунин намеревался включить данные тексты в рукопись своего нового сборника для Изд-ва им. Чехова (см. письмо Бунина к Н.Р. Вредену от 24 июня 1952 г. в примеч. 1 к № 14).

13

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

19 июня 1952 г. Нью-Йорк

64 Alta Avenue Park Hill

Yonkers, NY

tel. Y05-8790

19 июня 1952

Дорогой Иван Алексеевич, спешу вернуть «Ночлег» и «В Иудее», письмо Ваше получила сию минуту¹. Я беспокоилась, не получая от Вас ответа на мое письмо, посланное в начале мая, в котором я задавала ряд вопросов относительно издания рассказов². Я сделала подготовительные шаги, но без Вашей записки вести переговоры было неудобно, так как я даже не знала в точности Ваших предварительных условий. Судя по сегодняшнему письму, вопросы эти отпадают, так как «В Иудее» Вы хотели поставить во главе сборника.

Но в силе остается один из заданных мною вопросов: где и как найти рассказы, напечатанные в периодических изданиях и в сборники не вошедшие? Не решаюсь об этом просить; но если бы я могла иметь список изданий, где печатались Ваши произведения, то это было бы счастьем.

С Романом Гулем я сговорила счет статьи о «Жизни Арсеньева» для осенней книжки³, а пока дам статью на ту же тему в один из ближайших воскресных номеров «Нового русского слова»⁴.

Сердечное спасибо за письмо. Очень была рада получить от Вас весть.

Шлю сердечный привет и прошу передать мой привет Вере Николаевне.

Желаю всяческих благ.

Ваша Ю. Сазонова

P.S. Я на лето остаюсь в Yonkers'е, где у меня есть сад, и никуда не уезжаю, так как связана с Нью-Йорком. Адрес на лето тот же⁵.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4913).

¹ № 12.

² Может быть, имеется в виду написанное ближе к концу мая № 11 или же упомянутое в нем более раннее письмо, которое Сазонова «дала другому и, может быть, оно задержалось или затерялось».

³ См. примеч. 2 к № 3. Роман Борисович Гуль (1896–1986) начал работать в редакции «Нового журнала» в 1952 г.

⁴ Рецензия появилась через 3 месяца: *Сазонова Ю. Жизнь Арсеньева // Новое русское слово*. 1952. 28 сентября. № 14764. С. 8.

⁵ Сазонова переехала в пригород Йонкерс, в нескольких километрах к северу от Нью-Йорка, когда она была очень больна в 1952 г., по приглашению ее подруги Ольги Всеволодовны Юркевич, жены знаменитого кораблестроителя, Владимира Ивановича Юркевича (1885–1964); у Юркевичей за домом был прекрасный сад (письмо Д.П. Сазонова к А.Л. Слонимскому от 23 июля 1960 г. — РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 78).

14

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

29 июня 1952 г. Париж

Париж

29-го июня 1952 г.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Получил от Вас те рассказы, которые просил Вас вернуть мне. Подумавши, пришел к заключению, что тот сборник рассказов, который решило издать вскоре Чеховское издательство¹, для американцев совсем не годится; *эти рассказы* будут непонятны, неинтересны, а некоторые просто невозможны для перевода. Благодарю Вас очень и огорчен, что Вам пришлось истратить на это целый доллар.

Благодарю и за то, что хотите написать о «Юности Арсеньева», помимо «Нового журнала», еще и в «Н<овом> р<усском> с<лове>».

Здоровье мое все еще очень плохо.

Целую Вашу руку.

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ В письме от 24 июня 1952 г. Бунин сообщил директору Изд-ва им. Чехова Н.Р. Вредену: «Я предлагаю сборник рассказов, написанных мною в последние, недавние годы и еще не изданных донныне отдельной книгой. Сборник этот должен иметь такое заглавие (по первому рассказу): / Весной, в Иудее. / По размерам этот сборник равен приблизительно двум третям “Юности Арсеньева”, изданной Вами. / Будьте добры, сообщите мне, когда именно намерены Вы приступить к набору этого сборника» (BAR. Chekhov Publishing House Collection).

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

9 июля 1952 г. Нью-Йорк

64 Alta Avenue
Park Hill, Yonkers, NY
9 июля 1952

Дорогой Иван Алексеевич,

Одновременно получила оба Ваши письма¹ и почти в то же самое время вырезку упоминательной Вашей статьи о Тхоржевском². Спасибо сердечное — слов у меня нет, чтобы передать, как я рада и благодарна. Материалы, присылаемые Вами, бесконечно ценны, и теперь жду с нетерпением обещанного в письме изложения Ваших взглядов на свое творчество.

Огорчила меня только приписка о здоровье, но я надеюсь, что Вам уже стало лучше. Это лето какое-то сумасшедшее — от бешеной жары сразу переход к холоду, так что приспособиться к этому трудно.

Пока спешу ответить на коротенькое Ваше письмо насчет сборника рассказов в Чеховском издательстве³. Сборник предназначается для русской публики, и если я верно Вас поняла, Вы считаете, что для английского сборника надо выбрать другие рассказы. Я не знаю, какие именно составляют русский сборник, и мнения своего не имею. Большинство Ваших произведений, а вернее сказать все, близки и понятны каждому читателю и не только русскому. Конечно, они требуют достойного их перевода.

На днях я видела Вредена⁴, и он говорил мне относительно Вашей второй книги. Узнав, что я буду писать Вам, он просил передать, что как только Вы пришлете рукопись рассказов, она будет, конечно, немедленно принята к напечатанию и тотчас высланы будут деньги⁵. Он также просил передать Вам, что и он сам, и Чеховское издательство всей душой расположены к Вам, а об его личном отношении к Вам и Вашему творчеству, конечно, и говорить не приходится.

Мне хочется написать Вам о том, как мне рисуется план работы о Вас, но это смогу только, когда получу Ваше собственное мнение о целях художественного творчества.

Обо всем этом напишу Вам потом, когда все будет подготовлено для работы.

А пока еще раз сердечно благодарю за письмо и материалы и желаю здоровья и сил. Привет Вере Николаевне.

Простите за хаотическое письмо, за окном потоки ливня и порывы ветра сгибают деревья⁶.

Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4914). Так как в ряде мест в письме Сазонова как будто откликается на моменты из № 16 («материалы, присылаемые Вами» — «к этому письму прилагаю кое-что, — как образцы того, как критиковали меня»; «обещанное в письме изложение Ваших взглядов на свое творчество», «Ваше собственное мнение о целях художественного творчества» — «мое мнение о себе самом как о писателе», «на днях напишу Вам свое мнение о всей моей литературной деятельности»; «приписка о здоровье» — «был опять болен»), могут возникнуть сомнения в правильной датировке этих писем. Однако и в № 16 есть момент, не соответствующий предыдущим письмам от Сазоновой (см. начало № 16 и № 18), что приводит к предположению, что не сохранились несколько писем, которыми адресаты обменялись в июне 1952 г.

¹ Из этих двух писем Бунина сохранилось лишь одно.

² См. примеч. 5 к № 2.

³ № 14.

⁴ Вреден Николай Романович (Nicholas Wreden; 1901–1955) — сын лейб-медика, кадет Императорского военно-морского училища в Петрограде, участник Белого движения в армии Юденича, в эмиграции в США с 1920 г., с 1939 г. управляющий книжным магазином Скрибнеров в Нью-Йорке, в 1944–1955 гг. главный редактор (позже вице-президент и член совета директоров) нью-йоркского изд-ва Даттона (E.P. Dutton), директор Изд-ва им. Чехова со времени его основания в 1951 г., с 1954 г. главный редактор изд-ва «Литтл-Браун» («Little-Brown»), автор автобиографии на английском языке «The Unmaking of a Russian» (New York, 1935), переводчик на английский язык книг Тихона Полнера — «Tolstoy and His Wife» (New York, 1945); Алданова — «The Fifth Seal» (New York, 1943), «For Thee the Best» (New York, 1945), «To Live As We Wish» (New York, 1952); Газданова — «Buddha's Return» (New York, 1951), «The Specter of Alexander Wolf» (New York, 1950); Елагина — «The Taming of the Arts» (New York, 1951). См. некрологи: Новое русское слово. 1955. 9 августа. № 15809. С. 2; Россия (Нью-Йорк). 1955. 9 августа. № 5446. С. 1; а также кн.: *Randall D.A. Dukedom Large Enough*. New York: Random House, 1969. P. 292, 294.

⁵ Таким образом, по-видимому, Вреден отвечал на письмо Бунина от 24 июня 1952 г. (см. примеч. 1 к № 14).

⁶ Что 9 июля 1952 г. была именно такая погода, подтверждается метеорологическими бюллетенями газеты «Нью-Йорк Таймс».

16

И. А. БУНИН — Ю. Л. САЗОНОВОЙ

16–23 августа 1952 г. Париж

16 августа 1952 г.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Недели три тому назад был в Париже весьма любимый мной Александр Иванович Назаров (из «Голоса Америки»)¹, и я послал с ним для Вас мою книжечку «Тень птицы» и статью обо мне Ф. А. Степуна². Надеюсь, он переслал Вам и то и другое из Нью-Йорка по почте³.

Вы просили меня высказать *без скромности* мое мнение о себе самом как о писателе⁴. Быть нескромным в этом отношении мне *теперь* уже воз-

можно: я уже смотрю на себя как посторонний — по своей старости и уже ответить не пугает⁵. Вот поэтому и послал: чтобы Вы, когда будете писать обо мне, помнили, что я не только стихи, рассказы и повести писал, но и кое-что вроде этой «Тень птицы» (где есть главы *очень* хорошие). *А в статье Степуна сказано, по-моему, нечто очень важное обо мне.*

Я скоро отправлю в Нью-Йорк, в архив при Колумбийском университете, свой архивчик⁶, и в последнее время, когда у меня, просто погибающего от астмы и сердечной слабости, от парижской жары и духоты, бывают хоть какие-нибудь силы, разбираю целый *сундук* с эмигрантскими статьями и рецензиями о моих писаниях, и — простите! — дивлюсь: так только о Л. Толстом писали! Но статья Степуна выделяется оригинальностью, вот почему я и послал Вам ее. К этому письму прилагаю кое-что, — как образцы того, как критиковали меня⁷.

Живу я очень плохо и по другим причинам — помимо болезней и жары. В бешенстве от книги Б. Зайцева о Жуковском; — точнее говоря, о Василии Афанасьевиче Бунине, — этого нагло-спокойного болвана, всем осточертевшего своей вечной Италией и стервой женой, — ведь он уже лет 50 пишет о ней во всех своих рассказах и романах, — и в не меньшем бешенстве от этого гада Ремизова, чудовищного графомана и такого шарлатана, какого не было *ни в одной литературе*⁸.

Прилагаю начало Зайцевской подлости и пошлости о Жуковском. А.И. Бунин был прекрасный хозяин, предводитель дворянства, а у Зайцева — «охота, водочка, развлечения деревенские». И каким нагло-расхлябанным тоном все это говорится! И с очень определенной целью: чтобы показать, что и Жуковский был рохля, «прекраснодушный» и «незатейливый»⁹...

23 авг<уста> 1952 г.

Был опять болен, почему и не кончил в свое время это письмо.

Целую Вашу руку.

Ив. Бунин

P.S. — Вот Вам история написания мною «Господина из Сан-Франциско»¹⁰. Летом 1915 г. я почему-то приехал на несколько дней в Москву из деревни, из орловского имения одной моей родственницы, где нередко живал подолгу, и, проходя мимо книжного магазина Готье на Кузнецком мосту, увидел в витрине только что вышедшую тогда в свет книгу Томаса Манна «Смерть в Венеции»¹¹, не купил ее, но случайно вспомнил о ней в деревне в начале осени и тотчас сел писать «Смерть на Капри», и написал в четыре дня то, что потом озаглавил иначе: «Господин из Сан-Франциско». Писал не спеша: напишу немного, поточу перо, оденусь, возьму ружье и пойду на гумно за садом стрелять голубей, слетавшихся туда клевать зерно, оставшееся кое-где после молотбы, сдавал в кухню на жаркое к вечеру настрелянных голубей, а воротясь в дом, опять сажил-

ся за письменный стол. Обычно я пишу быстро и спокойно, хорошо владея своими мыслями и чувствами, но на этот раз писал, повторяю, не спеша и порою очень волнуюсь.

«Смерть в Венеции» я прочел в Москве лишь в конце осени. Это, оказалось, очень неприятная книга: немецкий писатель, купавшийся на Лидо, влюбился в мальчика лет двенадцати, очень красивого полячка, и умер в жаркой (и зловонной) Венеции от холеры.

Надеюсь вскоре начать посылать в Архив Колумбийского университета мой небольшой архив на хранение. Среди того, что пошлю, будет одиннадцать книг собрания моих сочинений, изданных в 1934—1935 гг. (в Берлине) «Петрополисом» (теперь это уже библиографическая редкость)¹². Думаю, что Вам было бы небезынтересно прочитать кое-что из этих книг (Вам, думаю, совершенно неведомых). Если захотите это сделать, обратитесь к Льву Флориановичу Магеровскому, хранителю этого Архива, — я ему напишу о Вашем желании¹³.

На днях напишу Вам свое мнение о всей моей литературной деятельности¹⁴.

Сборник «Темные аллеи» озаглавлен так по первому рассказу. А происхождение этого первого рассказа — случайно и даже для <меня> самого неожиданно, как многих, многих моих рассказов; однажды почему-то вспомнилось стихотворение Огарева:

«Была чудесная весна,
Они на берегу сидели,
Во цвете лет была она,
Его усы едва чернели,
Кругом шиповник алый цвел,
Стояла темных лип аллея...»

И вот вдруг вообразился мне старый генерал в тарантасе, на тройке, большая дорога, ненастный день, постоялый двор, где он решил отдохнуть, — и неожиданная встреча его с той, которую он любил в ранней молодости, — и которой читал стихи «о темных аллеях», как она напоминает ему не без ядовитой грусти...¹⁵

Так, кстати сказать, выдумал я рассказ «Легкое дыхание», вспомнив, что однажды случайно зашел на маленькое кладбище на Капри и увидел на одном кресте выпуклый фарфоровый медальон, а в нем фотографический портрет девушки с поразительно живыми, милыми глазами¹⁶.

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ Назаров Александр Иванович (1898—1981) — писатель, журналист, сотрудник основанной в Нью-Йорке в 1942 г. радиостанции «Голос Америки» с учреждения ее русской службы в 1947 г. до 1954 г., когда радиостанция перебазировалась в Вашингтон.

1 августа 1952 г. Бунин повторил большую часть своего письма Н.Р. Вредену (см. примеч. 1 к № 14) в письме к его помощнице, Татьяне Георгиевне Терентьевой (1908–1986), и добавил: «Рукопись этого сборника я послал с А.И. Назаровым (из “Голоса Америки”), вчера улетевшим из Парижа в Нью-Йорк; он передает эту рукопись Галине Николаевне Кузнецовой (Mrs. G. Kuznetzova, 43-42, 164 Street, Flushing, New York City, Тел.: Flushing 8-37,55), а она немедленно доставит эту рукопись Вам для сдачи в типографию. *Будьте добры прислать мне контракт издательства относительно этого сборника*» (BAR. Chekhov Publishing House Collection). Сохранились немногочисленные письма четы Назаровых к Буниным (РАЛ. MS. 1066/3971–3974; MS. 1067/5467).

² Сборник «Тень птицы» (Париж, 1931). Судя по письму Бунина к Степуну от 28 августа 1952 г. (Письма И.А. Бунина к Ф.А. Степуну / Публ. А. Зверса // Новый журнал. 1975. № 118. С. 124), речь идет здесь о его статье «Литературные заметки. И.А. Бунин. По поводу “Митиной любви”» (Современные записки. 1926. № 27. С. 323–345).

³ См. № 18.

⁴ Фраза «без скромности» не встречается в сохранившихся письмах Сазоновой. Ср. в № 2 и 15: «Ваш собственный взгляд на Ваше творчество, Ваше самоощущение»; «изложение Ваших взглядов на свое творчество»; «Ваше собственное мнение о целях художественного творчества». См. начало примеч. к № 15 о возможной пропаже предыдущих писем.

⁵ Примеч. Д.П. Сазонова: «Последние два слова неразборчивы; к тому же бумага прозрачна, фраза написана и с обратной стороны, так что, с этой, впечатление зачеркивания “палочками”, м<ожет> б<ыть>, так и есть, но чудится, что читать надо: “и ответить не пугает”».

⁶ В июне 1952 г. Колумбийский университет заплатил Бунину за упаковку и пересылку архива в Нью-Йорк на хранение в VAR. О дальнейшем развитии этого сюжета см.: Диаспора. Вып. 3. С. 623–624.

⁷ См. конец вступ. ст. и перечень критических статей, которые Бунин начал посылать Сазоновой летом 1952 г. Неизвестно, о каких именно статьях здесь идет речь.

⁸ Употребляемое Буниным определение «бешенство» очень точно характеризует его отношение в последние годы жизни к своему старому и близкому другу Борису Константиновичу Зайцеву (1881–1972), к еще более старой и близкой подруге Буниной Вере Алексеевне Зайцевой (урожд. Орешникова; в 1-м браке Смирнова; 1878–1965) и к Алексею Михайловичу Ремизову (1877–1957). Относительно Зайцева уже здесь, а еще больше в дальнейшем, Бунин доходит до явной клеветы в своих безосновательных обвинениях (см. 2-ю часть примеч. 9 и № 63). Что касается Ремизова, Бунин впоследствии понял, что такая резкость может быть неприятной дружившей с ним Сазоновой, но тут же возобновил свою атаку (см. № 55–56).

⁹ Главы «беллетризованной биографии» Зайцева печатались в 1947–1949 гг. в «Новом журнале» и в газете «Русская мысль», затем появилось отдельное издание (*Зайцев Б.К. Жуковский*. Париж: YMCA-Press, 1951), выписки из которого Бунин сделал на отдельном листе с обычными для него пометами («NB», «?», «?!») и подчеркиваниями (пометы здесь опускаются, подчеркивания даны курсивом; текст выписок восстановлен, и страницы указаны по изданию 1951 г.):

«<...> между Орлом и Калугою <...> / Ничего выдающегося, но хороший край, Окою украшенный <...> / А всего в трех верстах от Белева, в том же соседстве Оки неторопливо-прозрачной, село Мишенское, в конце XVIII века принадлежавшее Афанасию Ивановичу Бунину, одно из многих его поместий. <...> дом с флигелями, оранжереи, пруды, парк, *роща дубовая*. <...> *Речушка, конечно, в Оку впадающая*. <...> *Просторная, бессвязная, во многом бестолковая помещицья жизнь*. / Сам Афанасий Иванович человек добрый и благородный, ничего в нем сурового, несмотря на суровое крепостное время. Конечно, все довольно просто: охота, водочка, развлечения деревенские» <С. 5–6>.

“Так среди девочек, в тишине и раздольи барской России, под благословением Оки, начал свою жизнь мальчик Жуковский» <С. 10>.

“Женская половина, конечно, и более просвещенна, и духовно культурнее: без аранников и доезжачих, пейзанок и водочки” <С. 6>.

“<...> юные дети дворян российских” <С. 20>.

Первые стихи Жуковского:<: “По форме — первый намек на летучий, сквозной строй Жуковского взрослого” <С. 27>.

Жуковский приезжал из Москвы (из пансиона в Мишенское)<: “начиненный возвышенностями и прекраснотушим <...>” <С. 29>.

“В 1800 году основалось в Москве избранною молодежью Дружеское Литературное Общество” и в нем:<: “странный и жуткий тип, странным образом затесавшийся к юношам-энтузиастам и сентименталистам: Воейков <...>” <С. 32>.

Одна из первых элегий Жуковского:<: “ <...> длинна, певуча, есть в ней нежное колыхание стихов <...>” <С. 35>».

В списке Д.П. Сазонова после слова «“незатейливый”» (несмотря на кавычки, не встречающегося в книге Зайцева) в конце первой части письма имеется примеч.: «Здесь в полях приписка Бунина: “Жуковский-Бунин начал с Карамзиным ту литературу, которая кончается с Иваном Буниным”». Так как почти идентичное утверждение повторяется в приведенном ниже фрагменте, к которому Д.П. Сазонов сделал в своем списке примеч. «Без обращения (м<ожет> б<ыть>, доказывающее переложение или потерю мамой начального листа)», предполагается, что Бунин прислал фрагмент вместе со сводом выписок из книги Зайцева, может быть, даже в качестве дополнительного «усиливающего» введения к нему. За помещение фрагмента среди материалов 1952 г. так или иначе говорят упомянутые в нем столетие со смерти Жуковского и «недавно» отмеченный юбилей Зайцева (его 70-летие праздновалось редакцией газеты «Русская мысль» и Союзом русских писателей и журналистов в Париже 11 февраля 1951 г.). Однако надо отметить, что самые яростные обвинения Бунина по адресу Зайцева (и раньше не упоминаемого Зеелера) повторяются через год в № 63:

«Простите мне нижеследующее: сто лет тому назад (в 1852 г.) умер Василий Афанасьевич Бунин, родной, но незаконный сын Афанасия Ивановича Бунина от его возлюбленной, турчанки, и по незаконности своей получивший при крещении отчество и фамилию Жуковского, приятеля внука Бунина. / Этот Василий Афанасьевич Бунин начал рядом с Карамзиным ту русскую литературу, которая кончается теперь Иваном Алексеевичем Буниным. И вот я лежу и в ярости читаю книжку “Жуковский”, написанную Борисом Зайцевым, юбилей которого справляла недавно черносотенно-“религиозная” “Русская мысль” во главе с пещерным скотом Зеелером — тем в одно и то же время наглым и елейным Зайцевым, подколодным ягненком, который во время мировой войны с Гитлером называл американцев и англичан, бомбивших парижские заводы, занятые немцами. *Черчилльевскими молодцами* (на манер: “суворинские молодцы”) и был свой человек у Жеребкова, парижского “молодца” Гитлеровского. Этот Зайцев со своей стервой женой и Зеелером распускал все последние годы слух, что я большевик, но мне на это наплевать. Меня бесит, что и как этот с.с. о Жуковском написал, каким *елеем его облил!*»

¹⁰ Далее («Летом 1915 г. ~ Венеции от холеры») Бунин приводит версию «канонического» текста о происхождении рассказа, который Бунина опубликовала в «Новом журнале» (см. примеч. 4 к № 75). Сохранилась машинопись этой версии в 2 экземплярах (РАЛ. MS. 1066/669).

¹¹ 5-й том Полного собрания сочинений Томаса Манна (1875–1955) с заголовком «Смерть в Венеции» вышел в переводе Михаила К<адиша?> двумя изданиями в московском изд-ве «Современные проблемы» в 1915 г.

¹² См. примеч. 5 к № 3.

¹³ Бывший сотрудник Русского заграничного исторического архива в Праге Лев Флорианович Магеровский (1896–1986) эмигрировал в США в 1948 г. и был куратором VAR со времени его основания в 1951 г. Нет следов обещанного обращения Бунина к Магеровскому, о котором Сазонова ему напоминает в № 19, в их переписке за лето 1952 г., когда обсуждались, главным образом, перечисление денег из Нью-Йорка (см. примеч. 6) и так и не состоявшаяся перевозка архивных материалов из Парижа в Нью-Йорк (письма Бунина — VAR; письма Магеровского — РАЛ. MS. 1066/3728, 3731–3734).

¹⁴ См. № 17.

¹⁵ Текст «Сборник “Темные аллеи” ~ ядовитой грусти» приводится Буниной во второй партии записей, присланной Сазоновой вместе с № 76, и он отличается от «канонической» версии в первой партии и в публикации Буниной (см. примеч. 4 к № 75).

¹⁶ Бунин приводит версию центральной части «канонического» текста о происхождении рассказа «Легкое дыхание», который Бунина прислала Сазоновой в первой партии записей вместе с № 75 и включила в свою публикацию в «Новом журнале».

17

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

7 сентября 1952 г. Париж

7 сент. 1952

Дорогая Юлия Леонидовна,

Кое-как с помощью Веры Ник<олаевны> продолжаю (почти кончаю) разборку своего архивчика для отправки в Архив Колумбийского университета, читаю хвалы (и хулы, — слава Богу, уже давние) и вот, шлю Вам одну хвалу — Адамовича¹. В ней есть кое-что горячо сказанное. Это опять нескромно, но Вы просили меня быть нескромным — и я продолжаю им быть. Вы меня спрашивали: что я сам думаю о себе как о писателе. Думаю, что я, слава Богу, ни на кого не похож, что я очень разнообразен в своих писаниях, что я не плохой (право, очень не плохой!) стихотворец, отличный переводчик, что в совершенстве владею многими русскими языками — языками весьма разных сословий... «Капитан» яхты Мопассана, умирая, сказал: «Благодаря Богу, я был не плохой моряк!» Могу и я сказать про себя подобное². Небрежно, слабовато писал только в молодости.

Будьте здоровы, дорогая, кончаю, — уже устал — и целую Вашу руку.
Ваш Ив. Б.

При случае, будьте добры возвратить мне листок с отзывами разных лиц о «Митиной любви». Он начинается Брандесом³.

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ В своем списке Д.П. Сазонов сюда включает статью Адамовича 1950 г. «Поклон Бунину» (см. перечень статей в конце вступ. ст.). Однако вырезку с этой статьей Бунин послал вместе с № 47.

² Бунин резюмирует свой рассказ «Бернар» (1929), последняя редакция которого вошла в готовящийся тогда к изданию сборник «Весной, в Иудее. Роза Иерихона». В рассказе последние слова Бернара: «Думаю, что я был хороший моряк. Je crois bien que j'étais un bon marin»; а последние слова автора: «Мне кажется, что я, как художник, заслужил право сказать о себе, в свои последние дни, нечто подобное тому, что сказал, умирая, Бернар».

³ Бунин предлагает Сазоновой свод критических отзывов о «Митиной любви» в помете на вырезке с публикацией «Рене Гиль о Бунине» (см. перечень статей в конце вступ.

ст.), но неизвестно, когда он его прислал. В частности, здесь имеется в виду публикация фрагмента письма к Бунину датского критика Георга Брандеса (1842–1927) (см.: Там же). (Подробнее о переписке Бунина с Брандесом см.: И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. С. 220–231.)

18

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

8 сентября 1952 г. Нью-Йорк

8 сентября 1952

Дорогой Иван Алексеевич,

За письмо большое спасибо¹. Устыдилась я бесконечно. Неужели я не поблагодарила Вас за доставившую мне такую радость посылку? Я все получила, и «Тень птицы», и статью Степуна — и была уверена, что тотчас написала Вам. Мне даже сейчас кажется, что письмо я написала, а оно где-то затерялось. Простите, ради Бога!

Как ни интересна статья Степуна, она мне не заменяет Вашего слова о Вашем творчестве. И если когда-нибудь явится у Вас охота написать об этом, то, конечно, буду счастлива. Много, конечно, нахожу в «Жизни Арсеньева». Читаю ее, как советовал Калугер в «Изборнике», возвращаясь снова и снова к прочитанному². Книга необычайная и совсем особенная, параллели ей не найти. Вся она слитная и нераздельная, а отдельные места живут своей особой прелестью — ребенок на «холодеющей» траве и миниатюры ласточки, жука — возвращение с поля и сколько таких отдельных моментов. И смерти такой, как Писарева, я ни у кого не вспомню даже приблизительно, в смысле не только живописном, но и внутреннего настроения³. Говорю это к тому, что сравнения даже с самыми высокими литературными именами не раскрывают для меня особой прелести этой книги. А если уж брать сравнения, то из древности, когда еще было цельное восприятие России. Сегодня провела день в саду с «Жизнью Арсеньева». Но сроки подошли и придется оторваться от книги, чтобы попытаться в меру моих сил сказать о ней. Я в каком-то очаровании от испытанного и тем труднее об этом рассказать.

Спасибо еще раз. Надеюсь, здоровье Ваше лучше. Письмо Ваше пылает гневом против иных, и это дополняет «Жизнь Арсеньева», который не мог быть равнодушным.

Сердечный привет Вере Николаевне. Желаю Вам всяких, всяких благ и здоровья.

Ваша Ю. Сазонова

P.S. А как обстоит дело с Вашей книгой рассказов? Мне говорили в издательстве, что только ждут Вашей рукописи.

Если будете теперь посылать Ваш архив в Колумбийский университет, то было бы чудесно, если бы, как Вы предполагали раньше, Вы одновременно написали бы о допущении меня к работе над этим материалом. Иначе будет еще возня, которая задержит, особенно теперь, когда директор отдела в отпуску⁴.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4915). В начале письма помета Бунина: «О Т. Манне» (ср. № 20 и примеч. 2 к нему).

¹ № 16 с вложениями.

² Ср. место об «Изборнике» в двухтомнике Сазоновой о древнерусской литературе: «Слово некоего Калугера о чътии книгъ» определяет отношение ранней эпохи Киевской Руси к просвещению, выраженное и в летописи об Ярославе Мудром. Калугер советует не торопиться, а читать внимательно, стараясь все понять и возвращаясь трижды к той же главе для полного ее уяснения: «Красота воину оружие, кораблю ветрила, так и праведному почитание книжное»» (Сазонова Ю. История русской литературы. Древний период. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. Т. 1. С. 289).

³ Ср.: «Почему же остались в моей памяти только минуты полного одиночества? Вот вечерет летний день. Солнце уже за домом, за садом, пустой, широкий двор в тени, а я (совсем, совсем один в мире) лежу на его зеленой холодеющей траве, глядя в бездонное синее небо, как в чьи-то дивные и родные глаза, в отчее лоно свое. <...> Вокруг меня, куда ни кинь взгляд, колосистые ржи, овсы, а в них, в густой чаще склоненных стеблей, — затаенная жизнь перепелов. Сейчас они еще молчат да и все молчит, только порой загудит, угрюмо зажужжит запутавшийся в колосьях хлебный рыжий жучок. Я освобождаю его и с жадностью, с удивленьем разглядываю: что это такое, кто он, этот рыжий жук, где он живет, куда и зачем летел, что он думает и чувствует? Он сердит, серьезен: возится в пальцах, шуршит жесткими надкрыльями, из-под которых выпущено что-то тончайшее, палевое, — и вдруг шитки этих надкрылий разделяются, раскрываются, палевое тоже распускается, — и как изяшно! — и жук подымается в воздух, гудя уже с удовольствием, с облегчением, и навсегда покидает меня, теряется в небе, обогащая меня новым чувством: оставляя во мне грусть разлуки...»;

«Ласточки непрестанно сновали черными стрелами взад и вперед, то из сарая в голубой небесный простор, то опять в ворота сарая, под его крышу, где они лепили свои известковые гнездышки, страшно приятные своей твердостью, выпуклостью, искусством лепки. Часто приходит теперь в голову: «Вот умрешь и никогда не увидишь больше неба, деревьев, птиц и еще многого, многого, к чему так привык, с чем так сроднился и с чем так жалко будет расставаться!» Что до ласточек, то их будет особенно жалко: какая это милая, ласковая, чистая красота, какое изящество, эти «касаточки» с их молниеносным летом, с розово-белыми грудками, с черно-синими головками и такими же черно-синими, острыми, длинными, крест накрест складывающимися крылышками и неизменно счастливым щебетаньем!»;

«Полдень помню такой: жаркое солнце, волнующие кухонные запахи, бодрое предвкушение уже готового обеда у всех возвращающихся с поля, — у отца, у загорелого, с кудрявой рыжей бородой старосты, крупно и валко едущего на потном иноходце, у работников, косивших с косцами и теперь въезжающих во двор на возу подкошенной вместе с цветами на межах травы, на которой лежат сверкающие косы, и у тех, что пригнали с пруда выкупанных, зеркально блещущих лошадей, с темных хвостов и грив которых струится вода...»;

«Мы все собрались ехать в Васильевское и уже вышли садиться в тарантас, как вдруг в воротах показалась лошадь, за ней беговые дрожки, а на них наш двоюродный брат Петр Петрович Арсеньев. / — Христос воскрес, — сказал он, подъезжая, с каким-то преувеличенным спокойствием. — Вы в Васильевское? Как нельзя более вовремя. Писарев приказал долго жить. Проснулся нынче, вошел к сестре, сел вдруг в кресло — и каюк... / Писарева только что обмыли и убрали, когда мы вошли в его дом, он лежал,

являя обычную картину покойника, только что положенного на стол, — картину, поражавшую еще только своей странностью, — в том самом зале, где две недели тому назад он стоял и улыбался на пороге, щурясь от вечернего солнца и своей папиросы. Он лежал с закрытыми глазами, — до сих пор вижу их лиловато-смуглую выпуклость, — но пока совсем как живой, с великолепно расчесанными, еще мокрыми смольными волосами и такой же бородой, в новом сюртуке, в крахмальной рубашке, с хорошо завязанным черным галстуком, по пояс прикрытый простыней, под которой обозначились его прямо стоящие связанные ступни. Я спокойно и тупо глядел на него, даже пробовал его лоб и руки — они были почти теплы... К вечеру, однако, все очень изменилось. Я уже понял, что случилось, и сам не свой вошел в зал, когда позвали на первую панихиду» (*Бунин И. Жизнь Арсеньева*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. С. 11—12, 26, 29, 140).

⁴ См. № 16 и примеч. 13 к нему.

19

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

20 сентября 1952 г. Нью-Йорк

64 Alta Avenue Park Hill

Yonkers, NY

20 сентября 1952

Дорогой Иван Алексеевич, спасибо за письмо и за вырезку¹. Я позволила себе привести в статье, сданной «Новому русскому слову», Ваши слова о знании русских языков, так как я ведь спрашивала для работы Ваши собственные мысли о самом себе². За эти мысли я очень благодарна и за то, что Вы не похожи ни на кого другого. Я так боюсь сравнений и действительно так невозможно сравнить Вас с кем бы то ни было. «Жизнь Арсеньева» — книга необычайная, я так и не могла найти иного выражения. До того необычайная, что уж не только нельзя найти никаких сравнений, но кажется, что с нее все по-новому начинается.

В «Новом русском слове» статья должна появиться 28-го сентября, в воскресенье, — так, по крайней мере, сказал мне Вейнбаум³.

С «Новым журналом» произошло недоразумение: сначала мне сказали, что можно к концу сентября, а понадобилось раньше, и теперь я не знаю, попадет ли в эту книжку или в следующую.

Отказываясь от всяких сравнений, я все-таки чувствую, что Вы ближе к пушкинской линии, и мне иногда представляется, что если бы Вы встретились с Пушкиным, то Вам легче всего было бы именно с ним, да и он сразу нашел бы, о чем с Вами говорить. Ни у кого другого нельзя найти такой близости к Пушкину. Есть и формальная близость: знание разных русских языков, любовь к народу без «народности», к Климу живому, а не собирательно-му, отсутствие нравоучительности и подталкивания читателя, чтобы он не заблудился, и разбросанные, как маяки, намеки, по которым можно найти

верный путь понимания. И та необыкновенная возможность, любя и радуясь жизни, ощущать смерть. Пушкинское мне в Вас виделось всегда, — хотя бы даже в этой любви к точности, у Пушкина нет приблизительного. Об этом пушкинском и хотелось сказать подробнее в «Новом журнале»⁴.

У нас стоит чудесная осень. Надеюсь, что парижская погода не хуже нашей и что у Вас тепло. А главное, что здоровье Ваше лучше.

Шлю сердечный привет и самые искренние пожелания. Привет Вере Николаевне.

Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4916).

¹ № 17.

² Ср. в упоминаемой статье: «В одном из последних своих писем Бунин говорит, что в совершенстве владеет “многими русскими языками — языками весьма разных слоев”» (Сазонова Ю. Жизнь Арсеньева // Новое русское слово. 1952. 28 сентября. № 14764. С. 8).

³ Редактор «Нового русского слова» Марк Ефимович Вейнбаум (1890–1973).

⁴ Ср. в рецензии Сазоновой: «Ослепительный блеск жизни озаряет малейшее явление у Бунина. Это радостное ощущение жизни, при постоянном “чувстве смерти”, роднит бунинский мир с Пушкиным. Сознывая, что “чей-нибудь уж близок час”, Бунин сохраняет в своем творчестве пушкинскую ясность и веру в то, чего не может коснуться смерть. В самом языке Бунина сохранился пушкинский металл. <...> И при всей разнице между ними, не странно ли, что именно к Бунину бывают обращены упреки в нескромности при выборе тем, какими осыпали некогда Пушкина. Литература, приняв тяжелый груз общественных забот, уходила от пушкинского пути. Бунин нашел свою тропу, которая вела его к пушкинской свободе / Быть может, не случайно и то, что подобно пушкинской близости к народу, вне теории народности, у Бунина являются Климь живые, а не созданные отвлеченной идеей автора» (Новый журнал. 1952. № 30. С. 288).

20

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

11 октября 1952 г. Париж

Суббота

Дорогая Юлия Леонидовна!

Очень благодарю Вас за Вашу статью об «Арсеньеве» в «Н<овом> р<усском> с<лове>»¹. Делаю это так поздно только потому, что был (да и есть) очень болен гриппом.

Если можете, будьте добры возвратить мне тот листок, где я описал, как и почему явился на свет Божий мой «Господин из С<ан>-Франциско»². Там, кстати сказать, я нехорошо отозвался о Т. Манне: не берите это, когда будете писать об этом «Госп<одине> из С<ан>-Франциско».

Целую Вашу руку.

Сердечно Ваш

Ив. Бунин

Публикуется по списку Д.П. Сазонова. Датируется Сазоновым по почтовому штемпелю (11 октября 1952 г. пало на субботу).

¹ См. № 19 и примеч. 2 к нему.

² См. постскрипtum к № 16. Возможно, помета Бунина на № 18 относится к данной просьбе.

21

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

13 октября 1952 г. Нью-Йорк

13 октября

Дорогой Иван Алексеевич,

Только что получила Ваше письмо¹ и сердечно Вас за него благодарю. Меня очень огорчает Ваш затянувшийся грипп, и я надеюсь, что Вам теперь лучше.

Посылаю копию моей статьи, которую предполагается поместить в ближайшей книге «Нового журнала». Пожалуйста, не говорите им об этой копии, так как это не полагается, и я нарушаю правила².

Листок о «Господине из Сан-Франциско» составляет часть письма — P.S., а на обороте написано письмо. Поэтому я его переписала и тщательно сверила с подлинником. У меня имеется старая машинка, и хоть она пишет не так красиво, как новая, но мне не хотелось переписывать Ваш листок по новой орфографии.

В конце этого листка, в письме Вы пишете: «На днях напишу Вам свое мнение о всей моей литературной деятельности».

И вот по этому поводу хотелось спросить Вас, считаете ли Вы возможным разбор отдельных черт созданного Вами мира, попытку указания пути к Вам, или же Вам это представляется нарушением незыблемой цельности созданной Вами гармонии, как бы «критической бестактностью». В газетной и журнальной статье можно было лишь указать некоторые черты, но вопрос этот важен для работы. «Жизнь Арсеньева» казалась и кажется мне единственной в литературе, и она поглотила меня так, что мне трудно было выйти из этого мира. Но я поистине влюблена в Ваши «Темные аллеи», мне они кажутся непревзойденным совершенством и тут нет ни с кем даже параллели. Это граничит с чудом. И вот тут и возникает вопрос, можно ли только преклониться перед чудом возникновения целых жизней из нескольких коротких строк, или должно попытаться разъяснить некоторые особенности.

Пишу Вам ночью в глубокой деревенской тишине. Боюсь, что письмо вышло длинным и утомит Вас.

Шлю сердечный привет Вам и прошу передать мой искренний привет
Вере Николаевне. Желаю здоровья и сил.

Ваша Ю. Сазонова

P.S. «Ночлег» и «В Иудее» я вернула Вам, не успев снять копии, так что
теперь у меня их нет. Оставили ли Вы мысль об издании по-английски сбор-
ника рассказов?

Я не знаю также, есть ли возможность найти список всех напечатан-
ных Ваших рассказов, у меня его нет.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4917). Год установлен по сопоставлению
с № 20 и 22. В начале письма помета Бунина: «Чехов — Чернозем». Возможно, Бунин
приложил к своему ответу (№ 22) выписку из письма Чехова к Амфитеатрову, которую
он «во второй раз» приложил к № 28.

¹ № 20.

² Машинопись статьи сохранилась (РАЛ. MS. 1066/9018).

22

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

20 октября 1952 г. Париж

Воскресенье 20 окт. 52 г.

Дорогая Юлия Леонидовна,

От всей души благодарю Вас, целую Вашу руку за Вашу чудесную статью
для «Нов<ого> ж<урнала>» — никто о ней не узнает до поры до времени,
кроме Веры Николаевны¹, — и за большую, большую радость, которую Вы
дали мне, сказав, как цените Вы мои «Темные аллеи». Да, это не только
самая лучшая книга моя, это, — простите меня за такую откровенность! —
нечто новое и замечательное в русской литературе (в некоторых отношени-
ях). И за Вашу статью об «Арсеньеве» в «Н<овом> р<усском> с<лове>» кла-
няюсь Вам низко, — как раз нынче перечитал ее.

На этом и кончаю, грипп мой возвратился, прошлую ночь до рассвета
не спал от кашля. Больна и В<ера> Н<иколаевна> — весь Париж болен!

Ваш Ив. Б.

P.S. Точнее говоря, я ведь беспрерывно болен. Поэтому прошу дорого-
го друга моих писаний, профессора G.E. Brinton'a, очень прошу простить
меня, что я давным-давно не писал ему. Передайте это ему, дорогая Юлия
Леонидовна, и то, что я скоро, как только хоть немного поправлюсь, — на-
пишу ему. Надеюсь поправиться, потому что дом наш на днях начнут то-

пить. А то ведь главная причина нашего с В<ерой> Н<иколаевной> гриппа, м<ожет> б<ыть>, именно в том, что мы совершенно мерзнем, — холода у нас небывалые!

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ См. № 21 и примеч. 2 к нему.

23

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

27 октября 1952 г. Нью-Йорк

27 октября

Дорогой Иван Алексеевич,

Не знаю, как передать Вам мою радость при получении ласкового Вашего письма по поводу моих двух статей о «Жизни Арсеньева»¹. Сердечно Вас за это благодарю.

У меня зародилась смелая мысль, которую и предлагаю на Ваше рассмотрение. Захотелось написать Книгу о Бунине, посвященную и истокам Вашего творчества, и биографии, и обзору того огромного богатства, которое Вы дали русской литературе, и тому, какие пути открываются из данного Вами нового чувства литературы. Хотелось бы именно любимым моим «Темным аллеям» дать особое место, так как это поистине явление небывалое. Перебирая в памяти всех лучших мастеров рассказа, я не могу найти ничего схожего с этим даром передачи огромного содержания в сжатых до экстракта словах. Только в летописи встречается такой творческий лаконизм: трагедия княгини Евпраксии, которая «заразилась» до смерти, выбросившись из окна при вести о гибели мужа². Но образ ее не достигает личной отчетливости, как в отдельных фигурах «Темных аллея». Это выход из всех перегружений, многословий, ложных лицемерий и проч. в новую Светлую аллею. Прочтя раз, помнишь навсегда. И будь этот вопрос о книге решен, можно было бы заняться всецело изысканием всех Ваших разбросанных по разным изданиям вещей, как замечательный «Ночлег» и такая неожиданная по форме «В Иудее». Мне кажется, интересно было бы установить и долгий путь от давшего³ первую жизненную ноту неавантюрного рассказа Сервантеса в его вдохновивших Пушкина новеллах и до предельной творческой чистоты «Темных аллея»⁴.

Пишу это, еще не обдумав полностью, а под первым влиянием этой мысли. Эта книга могла бы быть отдельно от подробной главы в «Истории литературы», которая идет своим чередом. Пишу Вам, так как мне хочется знать Ваше отношение к подобной мысли.

Надеюсь, Ваше здоровье поправилось и в Вашей квартире стало тепло. У нас погода безумствует, переходя от райски-осенних дней к внезапным северным бурям. Сейчас за окном шумят деревья, буйствует ветер и кажется, вот-вот пойдет снег. Шлю сердечный привет и желаю скорейшего выздоровления Вере Николаевне.

Еще раз благодарю за письмо и желаю здоровья, сил и всяческих радостей.

Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4918). Год установлен по сопоставлению с № 22 и 24.

¹ № 22.

² В «Повести о разорении Рязани Батыем» рассказывается о том, как в 1237 г. князь Федор Юрьевич Рязанский умолял Батю пощадить Рязань. Батый просил «любоваться» красотой его жены Евпраксии, а когда Федор отказал, Батый велел его убить. Услышав, что муж погиб, Евпраксия покончила с собой, бросившись с крыши с маленьким ребенком на руках. Сазонова разбирает «Повесть» в первой главе второго тома своей «Истории русской литературы» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. Т. 2. С. 5–10).

³ В рукописи: «давших».

⁴ О Пушкине и Сервантесе Сазонова написала статью в период ее особенно интенсивного интереса к Испании, когда она туда ездила в качестве корреспондента французской газеты «L'Intransigeant» в 1930–1931 гг.: Сазонова Ю. Тема пушкинских «Цыган» в изложении Сервантеса // Последние новости. 1931. 10 октября. № 3853. С. 2.

24

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

4 ноября 1952 г. Париж

4 ноября 1952 г.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Получил нынче Ваше письмо о Вашем намерении написать книгу обо мне¹. Благодарю сердечно, весьма рад этому. В работе Вашей готов помогать Вам всячески, всяческими сведениями о себе и о моих писаниях, о их происхождении и исполнении, — тут немало будет интересного, странного (особенно, кажется, относительно книги «Темные аллеи»).

Кончаю, ибо В<ера> Н<иколаевна> идет на почту.

Целую Вашу руку.

Ваш Ив. Бунин

Прилагаю выписку из письма Горького к Осоргину (о «Жизни и творчестве» которого так великолепно пишут в «Н<овом> р<усском> с<лове>»²). Когда он писал столь глупо и нелепо обо мне Горькому, мы были

даже незнакомы с ним, и только его злой и завистливой натурой можно объяснить его отказ признать меня писателем — в то время, когда я был уже четвертый год «Почетным Академиком Российской Императорской Академии Наук» и автором «Деревни», «Суходола» и многих рассказов из числа моих наилучших, — таких, как, например, «Братья»³.

Публикуется по списку Д. П. Сазонова.

¹ № 23.

² Бунин имеет в виду появившуюся незадолго до того статью, вырезка с которой сохранилась в РАЛ (MS. 1066/9737): *Забезжинский Г.* Жизнь и творчество М. А. Осоргина. К десятилетию со дня его смерти // Новое русское слово. 1952. 5 октября. № 14771. С. 7–8.

³ Речь идет о публикации письма Горького 1913 г. к «Неизвестному — Михаилу Андреевичу» в 1-м выпуске серии «М. Горький: Материалы и исследования» (Л.: Изд-во АН СССР, 1934). В своем экземпляре книги (РАЛ. MS. 1066/10383) Бунин атрибутировал письмо и отметил часть, посвященную ему (копию этой части он, по-видимому, приложил к № 24): «Наконец, я решительно протестую против вашей оценки трудов и значения И. А. Бунина, — извините меня, но я должен сказать, что эта оценка унижает вас, а многоточие, поставленное вами перед словом “писатель”, оскорбительно для меня, ибо я считаю И. А. Бунина именно писателем, не менее талантливым, чем А. П. Чехов, и более культурным, чем последний. / Можете быть уверены, что в близком будущем это мнение станет общим мнением всех, кто умеет любить и ценить русскую литературу» (Указ. изд. С. 329). Опубликованная И. А. Бочаровой переписка М. А. Осоргина (наст. фам. Ильин; 1878–1942) и Горького позволяет определить, чем именно было вызвано негодование последнего («К сожалению этого примера я Вам привести не успел, так как беседа наша была нарушена приходом... писателя, для которого подобных вопросов не существует» — из письма Осоргина от 18 марта 1913 г.), а также содержит любопытный рассказ Осоргина о более ранней вспышке гнева со стороны Бунина («Вы, конечно, не подозреваете, какой скандал закатил мне нобелевский лауреат по поводу опубликования Вами Вашего ко мне письма, весьма давно написанного. Но я его пристыдил, и дело кончилось довольно мирно» — из письма от 31 декабря 1935 г.) (С двух берегов. С. 432–433, 486).

25

И. А. БУНИН — Ю. Л. САЗОНОВОЙ

18 ноября 1952 г. Париж

18-го ноября 1952 г.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Я думаю, что для Вашей книги обо мне, если Вы не отказались от мысли писать ее, хорошо было бы, если бы Вы кое-что перечитали из моих «сочинений». В Чеховском издательстве выйдут, Бог даст, две мои книги к Рождеству¹, и я попрошу И <здательст>во немедля послать Вам их, а кроме того пошлю Вам и от себя 2–3 книги («Деревню», «Суходол», «Аглаю», «Петлистые уши» и еще что-нибудь). Напишу и о себе кое-что. С удовольствием буду отвечать Вам на все вопросы, если Вы будете задавать мне их.

Простите краткость этой записочки — у нас настали холода, дом наш топят напропалую, и от сухого жара этой топки я чувствую себя порой в Гитлеровской газовой камере.

Целую Вашу руку.
Сердечно Ваш,
«старушек»² Бунин

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ Ср. № 32 и примеч. 1 к нему.

² Примеч. Д.П. Сазонова: «Приписка Бунина на полях: “По-польски старик: старушек”».

26

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

19 ноября 1952 г. Нью-Йорк

19 ноября

Дорогой Иван Алексеевич,

Спасибо за Ваше письмо по поводу моего намерения написать Книгу о Бунине¹. Вчера я виделась с Вреденом, и ему эта мысль понравилась. Он готов взять эту книгу для Чеховского издательства. Я начинаю всерьез об этом думать и подготавливать материалы. Буду бесконечно благодарна за помощь в этом деле. Всякое слово от Вас и о Вас будет чрезвычайно ценно для меня. Я представляю себе эту книгу не только в виде биографии и критики. Мне хотелось бы указать основы Вашего творчества, его новизну и в смысле формы, и в смысле внутреннего содержания, истоки которого теряются во тьме времен. Драгоценная скупость слов, которой Вы владеете, была утеряна еще в XVIII веке и размыта потоком XIX века. Ею пользовались в средневековье и в древности. Сколько понадобилось слов Данте, чтобы рассказать историю двух любовников? а ведь все, что потом добавляли к этой, данной им теме, по существу ничего к ней не прибавило.

Вы возвращаете литературе эту скупость слов, заключающих в себе богатое содержание. Это, конечно, яснее всего в «Темных аллеях». «Жизнь Арсеньева» содержит в себе неистощимое содержание. На днях я раскрыла ее на главе об отъезде брата, и показалось мне, что я никогда ее не читала, — а ведь я думала, что хорошо ее знаю. Но захватило это по-новому почти до слез, когда мать заплакала именно от слов утешения². Книгу эту, как Библию, прочесть нельзя, совершенный вид глагола ей не подходит, ее можно только читать.

Кончаю длинное письмо, пишу у окна с видом на скалы, побуревший лес и недавно срубленное столетнее дерево, которое не поддавалось ни то-

порам, ни веревкам, но все же повалилось, впрочем, не задавив приказчика. Я так злилась, что готова была этого пожелать ему.

Надеюсь, здоровье Ваше и Веры Николаевны поправилось и вы оба чувствуете себя хорошо. Грипп теперь перешел к нам, и мы все ему отдали дань.

Желаю здоровья и всяческих радостей.

Шлю сердечный привет Вам и Вере Николаевне.

Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4919). Год установлен по сопоставлению с № 24.

¹ № 24.

² В 13-й главе 2-й книги «Жизни Арсеньева» описывается арест брата Арсеньева и проводы его на вокзал, где один из жандармов «с ласковой и снисходительной усмешкой сказал нашей матери: / — Не беспокойтесь, сударыня, все, Бог даст, обойдется... Пожалуйте, посидите с ними, до поезда еще минут двадцать... Вот младший сейчас пойдет запасется кипятком, купит им на дорогу, какой прикажете, закуски... Это вы хорошо сделали, что шубу им дали, — в вагоне ночью прохладно будет... / Помню, что тут мать наконец заплакала, — села на скамейку возле брата и вдруг зарыдала, зажимая рот платком <...>» (С. 117–118).

27

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

21 ноября 1952 г. Париж

21 ноября 1952 г.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Думаю, что книга К. Зайцева (все-таки в 100 раз более умного, чем Бор<ис> Зайцев!) пригодится Вам, поэтому шлю Вам отзыв (увы, правильный!) о ней Адамовича¹. Больше нынче не могу писать, — простите, ужасно задыхался ночью. Напишу, м<ожет> б<ыть>, завтра.

Ваш Ив. Б.

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ К письму была приложена вырезка с рецензией Адамовича на книгу Кирилла Иосифовича (Осиповича) Зайцева (1887–1975) о Бунине (см. перечень статей в конце вступ. ст.).

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

3 декабря 1952 г. Париж

3 дек. 1952

Дорогая Юлия Леонидовна,

Я думаю, что, если Вы напишете книгу обо мне, издатель для нее найдется, даже в случае том, что не издаст ее Вреден. Дай Бог мне еще пожить, невзирая на ужасные лишения, в коих доживаем мы с Верой Ник<олаевной> наши жизни, но ведь все-таки я сравнительно скоро обязан буду исполнить эту мерзость — смерть, — а смерть поднимет интерес ко мне.

Я все собираюсь многое написать Вам о себе и написал бы уже давно, если бы не слабость, не болезнь, не холода, не дожди, — словом, как писала мне покойная Н.А. Тэффи незадолго до своей смерти, «если бы да кабы корова стала на дыбы»¹! Я хотел бы — по Вашему приказанию — продолжать хвалить себя без всякого стыда, — сказать, что, помимо прозы, я хороший стихотворец и, — простите! — замечательный переводчик (не хуже Василия Афанасьевича Бунина, ставшего волею судьбы Василием Андреевичем Жуковским): докажу это, приславши Вам хотя бы только три мистерии Байрона (Каин, Манфред, Небо и Земля), переведенные мною отличными стихами, что, казалось бы, сделать хорошо под силу разве дьяволу. Мне обещали доставить издание *этих мистерий берлинское*, «Слова», и я пришлю Вам его². Сейчас Вера Ник<олаевна> с помощью одной нашей знакомой (и моей немножко)³ кончает приведение в порядок *остатков*, — многое погибло за время нашего пятилетнего отсутствия из Парижа, при немцах⁴, — *остатков* моего архива (то, что я когда-то дал в Прагу, увезли русские⁵) для отсылки в Архив Колумбийского университета, и вот я иногда скрежещу остатками зубов, натываясь на ложь некоторых негодяев, будто я «холодный и терпеливый мастер», будто я «оттачиваю» свои фразы, слог моих рассказов! «Клянусь собакой», как любил говорить Сократ, *никогда, никогда* я в этом не был повинен (откуда и произошло то, что так скверно, по-моему, написаны мои ранние рассказы). В молодости я писал как попало по своей молодой беспечности (и печатал много, много дурного по причине ужасной бедности. Писать лучше — но легко — я стал лет с 35 (хотя иногда хвалили меня и раньше, — даже Чехов, например: — простите, если посылаю во второй раз то, что он писал Амфитеатрову обо мне весной 1904 г.)⁶.

Вижу, что письмо это нелепо, — отравился нынче ночью особенно усыпительными средствами, от моих бессонниц (нервных и астматических), и потому кончаю.

Кланяюсь, целую Вашу руку и ставлю точку.

Преданный Вам

Ив. Бунин

P.S. Шлю Вам заказным пакетом (но не по воздушной почте) некоторые образцы из того многого, многого, что писали обо мне разные критики⁷.

P.<P.>S. Еще несколько слов.

У меня, как Вы знаете, есть немало того, что я называл «Краткими рассказами» — иногда даже в три, пять, десять строк. И вот, я чуть не плачу, когда какой-нибудь критик называет их подобием «Стихотворений в прозе» Тургенева. Уже одно это <название> — «Стихотворения в прозе» — мне ненавистно. А кроме того, эти мои рассказы *совершенно не похожи* на тургеневские. И нигде я их не подслушивал, не «заносил в записную книжку». Я не раз заводил записные книжки и очень мало ими пользовался, а если что отмечал в них, то в двух, трех словах. У меня страсть *выдумывать*. Ходасевич однажды написал, что «В черновой работе писателей остаются отрывки, заметки, не вошедшие в произведение». И прибавляет: «Не из таких ли отрывков образовались “Краткие рассказы” Бунина?»⁸ Нет, никак нет! Я сознательно создавал *такой род* моих писаний. Вообще: 9/10 моих писаний — вымысел. Кроме ранних⁹.

Публикуется по списку Д.П. Сазонова. Сохранилось резюме письма: «Посылаю завтра (3 дек. 1952 г.) довольно большое письмо Сазоновой: об издании ее книги обо мне, если она ее напишет, — чему может помочь (если Вреден ее не возьмет) моя смерть, все-таки неминуемая! — Пишу о себе как о замеч<ательном> переводчике, обещаю прислать мои мистери Байрона, о том, что скоро пошлю свой архив (остатки погибшего) в Америку, о том, что я никогда не “оттачивал” своих произведений, что в молодости я писал из-за нужды и небрежности как попало, — стал как следует лет с 35, выписываю ей то, что Чехов писал Амф<итеатрову> о моем “Черноземе”, — и о том, что шлю ей образцы того много<го>, что писали мои критики, о том, что мои “Краткие рассказы” не тургеневские, что я их не “подслушивал” и не заносил в “записную книжку”, которой страшно мало пользовался, что 9/10 моих сочинений — вымысел, о глупости Ходасевича (“обрезки не вошедшего в произведения”). / Пошлю завтра ей и пакет образцов критик обо мне — *не по авиону*» (РАЛ. MS. 1066/459).

¹ См.: Диаспора. Вып. 3. С. 593–594, 596.

² *Байрон*. Каин. Манфред. Небо и земля / Пер. И.А. Бунина. Берлин: Слово, 1921.

³ Разбирать архив помогала Буниной Татьяна Ивановна Алексинская (урожд. Евтихьева; 1886–1968).

⁴ Не ясно, какие утерянные материалы Бунин имеет в виду, потому что благодаря ряду лиц (Берберова, Зайцев, мать Мария и др.) основной его архив, хранящийся в 9 чемоданах, уцелел-таки. (Подробно об этом см. вступ. ст. к публ. переписки Бунина и Берберовой в наст. изд. и № 32–33 в ней.) Версия о гибели архива повторялась и в других письмах этого времени, и Магеровский, например, сделал соответствующий вывод в своем ответе Бунину от 24 июня 1952 г.: «Потрясен злой судьбой Вашего архива, оставленного во время войны в Париже. Какой это ужас! И как необходимо теперь — поскорее сдавать все ценное для истории в надежное и сохранное место» (РАЛ. MS. 1066/3732).

⁵ В 1935 г. Бунин передал в Русский культурно-исторический музей при Русском свободном университете в Праге рукопись рассказа «История с чемоданом» (1931), фотографии, книги, переводы и другие печатные материалы (см. датированный 7 октября 1935 г. «Список предметов, принятых Русским культурно-историческим музеем в Праге в дар от Ив.А. Бунина» — РАЛ. MS. 1066/4244). На сопроводительном письме представителей университета и музея от той же даты Бунин в начале 1950-х гг. сделал поме-

ту: «Пришли в Прагу русские, подданные Сталина, и все увезли в Москву. Ив. Б.» (РАЛ. MS. 1066/4243). О судьбе рукописного отдела и библиотеки музея см. изд.: Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель / Отв. ред. Т.Ф. Павлова. М.: РОССПЭН, 1999. С. 16.

⁶ К письму была приложена выписка из опубликованного в Полном собрании сочинений Чехова (см. примеч. 1 к № 37) письма его к А.В. Амфитеатрову от 13 апреля 1904 г.: «Пишу я теперь мало, читаю много. Сегодня читал “Сборник” (первый) изд. “Знания”, между прочим Горьковского “Человека”, очень напоминавшего мне молодого попа, безбородого, говорящего на “о”, басом, прочел и великолепный рассказ Бунина “Чернозем”. Это в самом деле превосходный рассказ, есть места просто на удивление!» (Т. 20. С. 268).

⁷ См. конец вступ. ст. и перечень критических статей, посланных Буниным Сазоновой. Неизвестно, о каких именно статьях здесь идет речь.

⁸ Дословно таких высказываний в статьях Ходасевича нет, скорее всего, Бунин по памяти воспроизвел фрагмент рецензии Ходасевича на сборник «Божье древо» (1931), в которой тот писал: «Отрывки, почти или вовсе лишённые сюжета, небольшие размерами, порой содержащие всего лишь несколько строк, собраны Буниным в недавно вышедшей его книге. Все они более или менее похоже на мимолетные записи, на заметки из записной книжки, сделанные “для себя” и лишь случайно опубликованные. Читатель может, пожалуй, и в самом деле принять их либо за подготовительные наброски, предназначенные служить какому-то более обширному замыслу, либо — наоборот — за те остатки, обрезки, не пошедшие в дело куски материала, которые непременно скопляются в литературном хозяйстве каждого писателя, как у столяра скопляются планки, дощечки, стружки, и у сапожника — причудливые обрезки кожи. Вполне возможно, что таково и было происхождение хотя бы некоторых отрывков, ныне образующих эту книгу. До нас, однако ж, они доходят только теперь, после того, как подверглись строгой и мастерской обработке» (*Ходасевич В.* Книги и люди // *Возрождение.* 1931. 30 апреля. № 2158. С. 2).

⁹ В списке Д.П. Сазонова этот постскриптум сопровождался примечаниями: «Следующее (из того же конверта) не носит ни названия газеты, ни подписи (Ходасевича ли, возможно, так как рецензент упоминает имена К. Зайцева, Ф. Степуна и Г. Адамовича); в полях Бунин дал только дату (причем, с неуверенностью): 22 окт<ября> (1930?), и надписал: “При случае, возвратите мне, пожалуйста”»; «На вырезке, приклеенной к бумаге возле слов: “В черновой работе каждого писателя всегда остаются отрывки, материалы, которые, по соображениям композиции или иным, не могли войти в произведение. Не из таких ли отрывков образовались «Краткие рассказы» Ив. Бунина?”, на полях рукой Бунина написано: “Никак нет”. На вырезке Буниным написано “22 окт<ября> 1930? Ходасевич?”. Судя по этим примечаниям, к листу с текстом P.<P.>S. была приклеена газетная вырезка с обзором критических отзывов о сборнике «Божье древо» (*Гитт.* Заметки читателя // *Возрождение.* 1931. 22 октября. № 2333. С. 4) (подробнее об этой публикации см. обмен письмами Ходасевича и Бунина в октябре 1931 г.: И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. С. 196–198).

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

22 декабря 1952 г. Нью-Йорк

22 декабря 1952

Дорогой Иван Алексеевич, шлю сердечные поздравления Вам и Вере Николаевне к наступающему Рождеству. Желаю здоровья и всяческих радостей Вам обоим.

Спасибо за письмо и за присланный ценный материал¹. Пометки Ваши на полях читаю с упоением. Как я Вам писала, я говорила с Вреденом о книге и он был заинтересован. Думаю, что это удастся оформить в новом году и что это уладится без затруднений. Меня очень увлекают Ваши краткие рассказы вроде того, который приводится в одном из отзывов². Лев Толстой пытался возродить этот почти исчезнувший (если не совсем исчезнувший) жанр, но у него получалось длинно и как-то расплывчато, да и сюжеты были заимствованы. Вы возрождаете краткий рассказ времен *Gesta Romanorum*, в котором дано все в немногих строках, включая не только самую тему, но и ее психологическую окраску³. Но даете Вы совершенно новый жанр этих кратких рассказов, свободный от морализирования басенных вставок Бидпая и дидактики *Gesta Romanorum*⁴. Конечно, ни о каких «стихотворениях в прозе» тут не может быть речи. Мне скорее представляется, что в Ваших рассказах дан как бы экстракт, какого хватило бы на длинную повесть у иного, но написано это так, что размазать нельзя — и даже разбавить невозможно, как разбавляют экстракты *Grasse*'а⁵ — тут все кристаллизовано навеки, как сияющий насквозь камень. Мне очень хотелось бы, чтобы все эти рассказы были бы собраны в особую книгу, своего рода *Gesta Buninorum*, а не раскиданы по разным чужим местам, и тогда самый смысл и значение их были бы очевидны.

Мне очень горестно, что холод влияет на Ваше здоровье и самочувствие. Надеюсь, что здоровье Ваше лучше и что Вы хорошо проведете праздники. Я побывала вчера ненадолго в Париже Мольера в театре Барро и так захотелось побыть в нем на самом деле⁶.

Шлю сердечный привет и самые искренние пожелания всего, всего лучшего.

Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4920).

¹ № 28 и упомянутая в постскриптуме к нему партия вырезок.

² Не установлено, какая из присланных вместе с № 28 статей имеется в виду.

³ «Римские деяния» — средневековый сборник поучительных рассказов на латыни греческого, римского и восточного происхождения, составленный около 1300 г. неизвестным автором. Сборник широко использовался разными писателями в качестве источника и оказал большое влияние на позднейшую повествовательную литературу.

⁴ Бидпай — индийский брахман, которому приписывается авторство знаменитого пятикнижия назидательных басен, рассказов и стихов «Панчатантра» (III в.).

⁵ Грасс является одним из главных мировых центров по производству духов.

⁶ В ноябре—декабре 1952 г. парижская театральная труппа Мадлен Рено (Madeleine Renaud; 1900—1994) и Жана-Луи Барро (Jean-Louis Barrault; 1910—1994) ставила в Нью-Йорке двойной мольеровский спектакль («Амфитрион» и «Скапен»).

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

23 декабря 1952 г. Париж

23 XII 1952

Дорогая Юлия Леонидовна,

С Новым годом! Дай Бог здоровья и всяческого благополучия! Это говорит и В<ера> Н<иколаевна>.

Давно от Вас нет ни словечка. Я тоже не писал Вам, опять так был слаб, что осматривали меня целых два доктора.

Сейчас понемногу прихожу в себя. Отзовитесь.

Целую Вашу руку.

Преданный Вам

Ив. Бунин

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

7 января 1953 г. Нью-Йорк

25 декабря — 7 января

Дорогой Иван Алексеевич, спасибо за ласковое письмецо¹. Вы верно уже получили мое новогоднее письмо насчет *Gesta Buninorum*, отправленное до получения Вашего последнего².

На днях повидалась с Вреденом, чтобы поговорить обо всех делах.

У нас настала настоящая снежная зима с заносами, и от этого в доме светло и особенно уютно. У меня есть дерзкий замысел поехать весной в Париж и повидаться с Вами, но все, конечно, зависит от разных дел. Мечтаю не только просто повидаться, но и лично поговорить о бунинском творчестве, что очень помогло бы книге. За все посланное благодарю и жажду, конечно, все больше и больше. Если поеду, то расскажу Вам план работы, если нет, то напишу Вам о нем. Но поехать смогу во всяком случае не раньше апреля, так как раньше не успею справиться с обязательными работами.

Шлю Вам и Вере Николаевне сердечные поздравления и пожелания к русскому Рождеству. Буду ждать от Вас вестей и желаю здоровья и всяческих радостей.

Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4921). Год установлен по сопоставлению с № 29.

¹ № 30.

² № 29.

32

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

7 января 1953 г. Париж

7 января 1953

Дорогая Юлия Леонидовна,

С Праздником и Новым Годом! Дай Бог Вам здоровья и всяческого благополучия!

Я не писал Вам, будучи болен (чуть не полтора месяца уже) своей прежней, долголетней болезнью, которая прежде была хороша, ибо обновляла организм, а теперь, внезапно вернувшись ко мне, лишила меня и без того слабых сил моих уже совсем жестоко. Простите — я говорю о потере крови геморроидальной. Теперь это, кажется, понемногу кончается...

В Чеховском и <здательст>ве скоро выйдут 2 мои новые книжки¹. Надеюсь, будете добры покритиковать их печатно. Будьте добры, дорогая! Вам их доставят вскоре².

Для книги обо мне, если Вы не оставили мысли о ней, было бы, мне кажется, лучше всего, если бы Вы сами присылали мне те или иные вопросы; я бы Вам отвечал с большой охотой, с радостью на них.

Целую Вашу руку, передаю наилучшие чувства В<еры> Н<иколаевны>.

Ваш Ив. Бунин

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ Последние прижизненные сборники рассказов Бунина («Весной, в Иудее. Роза Иерихона», «Митина любовь. Солнечный удар») вышли в Изд-ве им. Чехова в конце февраля 1953 г. (в письме к Т.Г. Терентьевой от 22 декабря 1952 г. (РАЛ. MS. 1066/5530) говорится об официальной дате выхода 28 февраля, но, судя по № 36, они вышли немного раньше).

² 3 января 1953 г. Бунин писал Т.Г. Терентьевой: «Пусть и <здательст>во Ваше исполняет свое (для меня непостижимое!) намерение пустить в продажу обе мои книжки 28 февраля, но нельзя ли разослать их (негласно) некоторым — тем, кто будет критиковать их — ранее? (А то ведь когда еще появятся рецензии на них!) Имею в виду Адамовича (пришлю Вам на днях его лондонский адрес), Ю.Л. Сазонову, Ф.А. Степуна (он будет читать обо мне лекции в Германии), Ржевского (редактора “Граней”» (BAR. Chekhov Publishing House Collection). В письмах от 21 и 27 января 1953 г. Терентьева уверяла Бунина: «Я думаю, что книги будут готовы в первую неделю февраля. Тогда пошлем их Вам и тем, кого Вы указали»; «Как только Ваши две книги придут из типографии, мы пошлем их Вам и тем лицам, которых Вы указали <...>» (РАЛ. MS. 1066/5533–5534). Свои экземпляры Бунин получил 23 февраля 1953 г. (РАЛ. MS. 1066/10211 и 10244).

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

14 января 1953 г. Нью-Йорк

1/14 января 1953 г.

Дорогой Иван Алексеевич, за ласковое новогоднее письмецо сердечное спасибо¹. Пишу Вам в русский Новый год и шлю еще раз все пожелания, какие только можно придумать. Надеюсь, Вы уже поправились и хорошо встретили Новый год, и русский, и французский. У нас прояснилась погода, кончилось снежное заточение и горестная беготня белок по саду в поисках пропитания. За посылку двух новых книг благодарю сердечно. Я их еще не получила, но, вероятно, они скоро придут. Поднимать вопрос об издании Книги о Бунине пока нельзя, так как до конца года новых контрактов Чеховское издательство не может заключать, ибо кончаются фордовские ассигновки, а новые ожидаются к 1954 г. Думаю, что книгу можно устроить, когда она будет готова.

Задавать вопросы я как-то не умею, гораздо ценнее то, что Вы сами о себе скажете и что сами находите более значительным. Но вопросы я все же задавала и один из них в последнем письме — о *Gesta Buninorum*. У Вас имеются такие эпопеи, как «Жизнь Арсеньева», и в то же время необычной сжатости экстракты, вроде духов *Grasse*, из которых можно вывести целое повествование. Секрет этих экстрактов был утерян чуть ли не со времен Ренессанса — а «Стихотворения в прозе» Тургенева ничего общего с этим не имеют по содержанию и написаны тем же стилем, что и романы, отнюдь не сжатым. Ваши *Gesta* встречаются и в эпопее или в виде эпизодов или примеров, вроде встречи с мастеровым на дороге². Очень интересно Ваше собственное творческое ощущение этих двух течений в бунинском мире. И возможно ли составить книгу только из этих рассказов-экстрактов? Есть у Вас особенность — все разъяснить не словом, а коротким внешним указанием, вроде красным чернилом на полях в Иудее, из которой видно, что женщина сама была увлечена, а не прельстилась монетой³, — что совершенно по-новому освещает весь рассказ. О Ваших двух книгах могу написать в «Новый журнал» (откуда я как раз получила письмо Р. Гуля с просьбой написать что-либо для мартовской книги), или в газету, или и туда, и сюда⁴.

Буду ждать от Вас весточки. Шлю сердечный привет Вам и Вере Николаевне. Желаю вам обоим всяческих благополучий и радостей и здоровья.
Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4922).

¹ № 32.

² Возможно, речь об эпизоде главки III первой книги: «В дороге случилось вот что: в одной лошине, — а дело было уже к вечеру, и места были очень глухие, — густо рос дубовый кустарник, темно-зеленый и кудрявый, и по ее противоположному склону пробирался среди кустарника “разбойник”, с топором, засунутым за пояс, — самый, может быть, таинственный и страшный из всех мужиков, виденных мной не только до той поры, но и вообще за всю мою жизнь» (*Бунин И. Жизнь Арсеньева*. С. 13).

³ Сазонова, вероятно, имеет в виду помету Бунина на полях вторично присланного рассказа (ср. постскрипtum к № 21).

⁴ Так и получилось: *Сазонова Ю.* Две книги Бунина // Новое русское слово. 1953. 19 апреля. № 14967. С. 8; *Сазонова Ю. И.А. Бунин.* Весной, в Иудее, и Митина любовь. Изд-во имени Чехова. 1953 // Новый журнал. 1953. № 33. С. 298–299.

34

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

29 января 1953 г. Париж

29 января 1953 г.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Получили Ваше письмо от 1/14 января. Отвечаю нынче на него частично — по мере слабых сил своих. Новые года мы встречали очень, очень скромно — мы бедные. Встретили, точнее сказать, только один, французский, — выпили по стаканчику белого плохенького винца, только и всего.

«Стихотворения в прозе» Тургенева не люблю. «Краткие рассказы» мои, слава Богу, ничуть на них не похожи. Писал их в силу потребности всего моего существа. Для отдельной книги их пока слишком мало. Но у меня есть еще немало замыслов в этом роде, — м<ожет> б<ыть>, Бог даст, напишу.

Боюсь только загадывать. Всегда был суеверен, а теперь стал особенно. Ведь мало, мало дней осталось мне! И очень горько это!

Целую Вашу милую руку.

До завтра! (Надеюсь)¹.

Ваш Ив. Бунин

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ См. примеч. 1 к № 47 о начале 2 февраля 1953 г. письме.

35

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

26 февраля 1953 г. Париж

26 февраля 1953 г.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Давно от Вас нет ни словечка, — верно, и Вы болели или болеете гриппом, «свирепствующим» и у Вас и у нас. Я пострадал и этим, простите, пожалуйста, поэтому мое молчание. Надеюсь написать Вам более или менее, лучше и больше, вот-вот. Вы писали, что, м<ожет> б<ыть>, приедете в Париж, — был бы ужасно рад. Не приедете ли? Ведь это ужас как дорого — и переезд и жизнь здесь! Отзовитесь, дорогая, возможно скорее: как Вы и что? Получили ли от Чеховского и <здательст>ва мои две новые книги? Напишите ли о них? И где! ?

Шлю Вам самый сердечный поклон. Вера тоже.

Целую Вашу дорогую руку.

Ваш Ив. Бунин

Ах, как много хотелось бы Вам сказать! Надеюсь — все-таки скажу, если Бог даст.

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ См. № 32 и примеч. 1 к нему; № 33 и примеч. 4 к нему.

36

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

26 февраля 1953 г. Нью-Йорк

MRS JULIA SAZONOVA
64 ALTA AVENUE PARK HILLS
YONKERS, NEW YORK

26 февраля 1953 г.

Дорогой Иван Алексеевич, простите, что не сразу написала Вам. Я была больна и месяц пролежала в постели под докторским запретом. Книги Ваши только что вышли, и я еще даже их не получила, так что задержки не вышло. Я сговорила с газетой и с «Новым журналом» написать об обеих книгах. В ближайшую книгу журнала отзыв уже попасть не может, а до выхода следующей книги пройдет достаточно времени, чтобы газетная статья не

могла журналу мешать. Радуюсь, что во главе книги помещена «В Иудее», как Вы предполагали раньше. Этот рассказ замечателен по напряжению и незабываем во всех деталях.

Давно не имела от Вас вестей. Надеюсь, здоровье Ваше лучше и добавочная болезнь Вами забыта, силы восстановлены¹.

Буду счастлива получить от Вас несколько строк о здоровье и планах. У меня есть дерзкая мечта приехать осенью, сдав здесь срочные работы, но не знаю, удастся ли ее осуществить.

Шлю сердечный привет Вам и Вере Николаевне и желаю здоровья и всяких благополучий.

Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4923).

¹ См. № 32.

37

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

5 марта 1953 г. Париж

5 марта 1953 г.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Получил Ваше письмо о Вашей болезни, — мое предположение, что Вы больны, оказалось, к несчастью, правильно! Но, слава Богу, Вы уже здоровы и, надеюсь, вполне. А мой грипп, увы, перешел в воспаление легких. И уже 4 раза мне закатали пенициллин, от которого я совсем вне себя, все время как тяжело пьяный, но температура понизилась и, кажется, мне лучше. Дай Бог не сглазить, еще *очень* не хочется умирать.

Получили ли Вы мои новые книги? И если да, напишите два словечка, как Вы их находите.

Целую Вашу руку, передаю сердечный поклон Вам от В<еры> Н<иколаевны>.

Преданный Вам,

Ив. Бунин

Пишу, полусидя в постели. Здоров ли профессор Бринтон? Будьте добры передать ему мои наилучшие чувства.

Перечитываю письма и рассказы Чехова¹. Затеял было написать о нем книжечку к 50-летию со дня смерти*, да заболел не шутя².

* Летом 1904 г. <подстрочное примеч. Бунина>

Фотография И.А. Бунина с надписью его рукой:
«Ив. Бунин. Ницца. 4. VIII. 31».

Надпись на обороте фотографии:
«Дорогому Петру Михайловичу сердечный привет
от Ив. Бунина. 6. IX. 193 <так!>. Grasse, A. M.»

Фотопортрет И.А. Бунина, присланный им П.М. Бицилли, с надписью: «Дорогому Петру Михайловичу. Ив. Бун. 23. IV. 36. Grasse / Paris. II. 1936»

П.М. Бицилли с женой Марией Тимофеевной. София, 1920-е гг.

П.М. Бицилли. София, вторая половина 1930-х гг.

На этой и следующей страницах фотографии из личного архива внучки П.М. Бицилли профессора Елизаветы Ивановой-Аначковой публикуются с ее любезного разрешения

П.М. Бицилли в день рождения
внучки Елизаветы.
София, 25 октября 1937 г.

П.М. Бицилли, К.В. Флоровская,
П.М. Любошинский,
С.Н. Любошинская. Персенк
(Болгария), конец 1930-х гг.

П.М. Бицилли. София, 1943 г.

П.М. Бицилли с семьей.
София, первая половина 1920-х гг.

П.М. Бицилли и А.М. Бакунин.
Княжево (Болгария), 1920-е гг.

П.М. Бицилли с внучкой Елизаветой.
София, начало 1940 х гг.

Н.Н. Берберова и И.А. Бунин.
Грасс, 1928 г.

Н.Н. Берберова, Г.Н. Кузнецова
и И.А. Бунин. Грасс, 1928 г.

№ 1066/1854
ATTENTION
Carte exclusivement réservée à la correspondance familiale

Il est permis d'écrire ci-dessous une correspondance de caractère familial de sept lignes mais il est strictement interdit d'écrire entre les lignes ou de donner des nouvelles qui n'auraient pas ce caractère. Il est indispensable d'écrire très lisiblement pour faciliter le contrôle des autorités allemandes.

Toute carte irrégulière dans la forme ou dans le fond ne sera pas acheminée; sa valeur d'achat ne sera pas remboursée.

Cher ami, sommes un peu inquiets à votre sujet après votre carte du 12 mai. Voudrions avoir ici vos nouvelles contes et le petit roman. Le serait-ce pas possible? Nous travaillons au jardin, avons un cochon et des abeilles. T'écrit peu. Je joue beaucoup du piano. Mon père est d'aller en septembre pour 2 jours, vous voir. Gardez

Signature:
Nina Makeev.

№ 1066/1854

Après avoir complété cette carte strictement réservée à la correspondance d'ordre familial, noter les indications suivantes — de raser l'étranger en dehors des lignes.

ATTENTION. — Votre carte doit être lue et ne doit pas être utilisée d'ordre familial ne sera pas acheminée et sera probablement détruite.

Langensien le 24 oct 1940

Vous êtes en bonne santé? fatigué

également, gravement malade, blessé

tué

prisonnier.

Kulmanov décédé il y a 2 jours. Sans nouvelles.

de Kassi et autres. La famille 2 ans et 20 jours va bien.

de nous. besoin de provisions d'argent.

nouvelles, dépenses. Shic est de retour à Paris

Nicolas ne travaille plus depuis hier. va entrer

à l'école de nous travaillons la terre, et les jours

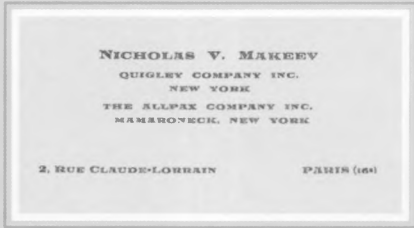
il nous rarement à Paris, restons ici.

Vous priez de nous donner de vos nouvelles. Pensons à vous très souvent

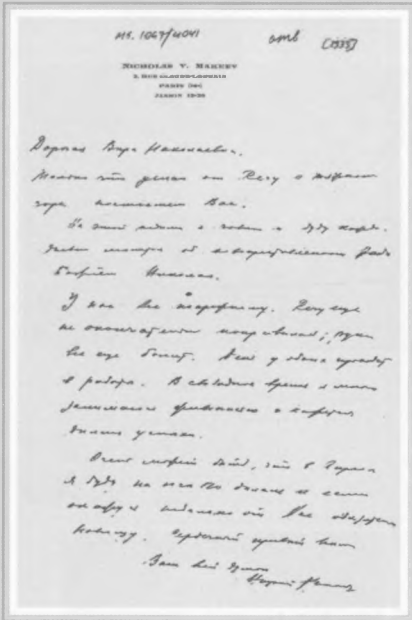
Affectueuses pensées. Baisers. Voudrions vous voir ici.

Nina Makeev

Открытки, посланные Н.Н. Берберовой (за подписью
Nina Makeev) из Лонгшена в Грасс в 1940 и 1941 гг.

Визитная карточка Н.В. Макеева

Письмо Н.В. Макеева В.Н. Буниной на его личном бланке. 1933 г.

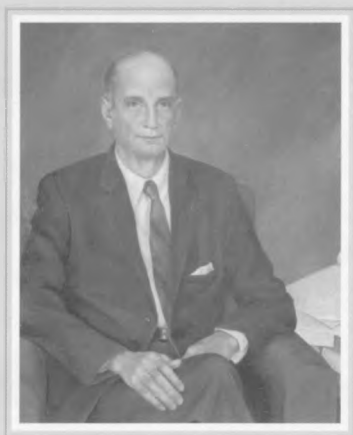
Н.В. Макеев и И.А. Бунин. Лонгшен, 1939 г.

Виды виллы «Жаннет». Грасс. Фотографии 1930-х гг.

Кадры из фильма «Выборгская сторона»
(1938, режиссеры Г.М. Козинцев, Л.З. Трауберг)
с участием Н.И. Берберова

Портрет Джорджа Бринтона
работы Элен Пайл Лоуренс.
Делавэр, 1950-е гг.
*Permanent Collection
of the University of Delaware*

Н.Д. Миллиоти. Париж, 1950-е гг.

Н.Д. Миллиоти.
Париж, 1930-е гг.

Д.П. Сазонов.
Нью-Йорк, 1940-е гг.

Работы Н.Д. Миллиоти из собрания Е.Ю. Миллиоти (Москва):

Портрет Н.В. Миллиоти. Мюнхен, 1928 г. (слева)

Эскиз портрета М.С. Муромцевой-Брюан. Париж, 1920-е гг. (в центре)

Эскиз портрета Д.П. Сазонова. Шато де Клозон, Биот, январь 1933 г. (справа)

Портрет Ю.Л. Сазоновой
работы Н.Д. Миллиоти.
Париж, 1930-е гг.

Ю.Л. Сазонова.
Нью-Йорк, 1947 г.
*Из собрания Электры Йорк
(Нью-Йорк)*

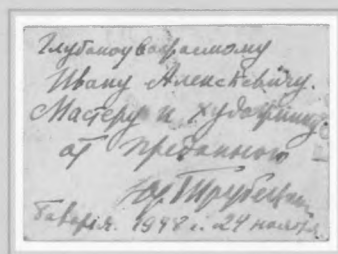

Крест на могиле
Ю.Л. Сазоновой.
Фото К. Триббла
(2004 г.)

Елка у Кугушевых. Слева направо,
стоят: А.М. Кугушева,
<А.П. Самойлова?>, В.Н. Бунина;
сидят: Л.Ф. Зуров,
<Ф.Я. Самойлов?>, неизв.,
А.А. Кугушев. Ле Рурэ (Франция),
6 января 1933 г.
РАЛ. MS.1068/4428

Фотография
Ю.П. Трубцкого,
присланная Бунину,
с надписью на обороте:
«Глубокоуважаемому
Ивану Алексеичу,
Мастеру и художнику,
от преданного
Юр. Трубцкого.
Бавария. 1948 г.
24 ноября».
РАЛ. MS.1066/7522

Шато XVII в. в Ле Монтей,
где М.В. Раскольников
провела военные годы.
Фотография 1974 г.

М.В. Раскольников.
Страсбург, 1979 г.

М.В. Раскольников с мужем Андре
Канивезом и дочерью
М.Ф. Раскольниковой-Канивез.
Страсбург, 1974 г.

Публикуется по списку Д.П. Сазонова. Судя по примеч. Д.П. Сазонова, к письму была приложена запись Бунина с его комментарием (запись опубликована в книге Бунина «Освобождение Толстого» (Париж: YMCA-Press, 1937. С. 175–176) и приводится по ней): «Лейбниц называл “вечную часть нашей нравственной природы” монадой, Гете — энтелехией и говорил, что гении переживают две молодости, меж тем как прочие бывают только раз молоды. “Если энтелехия принадлежит к низшему разбору, то она во время своего телесного затмения (в земной жизни) подчиняется господству тела и, когда тело начинает стареть, не в силах препятствовать его старости. Если же энтелехия могущественна, то она, в то время, когда проникает тело, не только укрепляет и облагораживает его, но и придает ему ту вечную юность, которой обладает сама. Вот почему у людей особенно одаренных мы наблюдаем эпохи особой продуктивности: у них вновь наступает пора молодения, вторая молодость...” <...> Это отчасти относится ко мне: я написал в эмиграции (которую начал 50 лет — весной 1920 г. во Франции!) “Темные аллеи” *парижского* издания — лучшее из всего написанного мною. (Кстати, — есть ли у Вас это издание?)». Ср. лапидарные записи Бунина в тетрадах: «Моя энтелехия»; «Энтелехия. — Моя старость — и последн<ие> рассказы. Я был чудом!»; «Мои писания в старости. Это было чудо» (РАЛ. MS. 1066/550 и 553).

¹ Сохранились тома писем (13–20) из Полного собрания сочинений Чехова (М.: ГИХЛ, 1948–1951) со множеством помет Бунина (РАЛ. MS. 1066/10487–10494).

² В 1952–1953 гг. Бунин приступил к переработке и дополнению своих воспоминаний о Чехове. Эта оставшаяся неоконченной работа была опубликована посмертно Буниной: *Бунин И.А. О Чехове: Незаконченная рукопись* / Предисл. М. Алданова; Вступл. В.Н. Буниной. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955.

38

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

7 марта 1953 г. Нью-Йорк

MRS JULIA SAZONOVA
64 ALTA AVENUE PARK HILLS
YONKERS, NEW YORK

7 марта 1953

Дорогой Иван Алексеевич, спасибо за ласковое письмо¹. Я как раз до того писала Вам и ответила на Ваш вопрос о книгах². Они вышли, и мне обещали их послать, но я еще не получила. Писать уговорилась в газету и в журнал, который выходит только через два-три месяца.

Я действительно отдала дань гриппу, который поступил со мной коварно, надолго ослабив деятельность сердца, так что больше месяца пришлось лежать и ничего не делать³. Это, конечно, запутало все дела и сроки, но я еще и сейчас работаю *au galenti*⁴. В этом году грипп какой-то ехидный. Погода тоже с придурью — чуть было не наступила весна, а потом вдруг пошли ветры со снегом.

Я рада, что грипп и невзгоды отпустили Вас и что здоровье лучше. Мы уже в преддверии весны, несмотря на все выходы марта, и тогда Вам, надеюсь, будет совсем хорошо.

О поездке пока только составляю проекты. Жизнь и здесь дорога, надо только покрыть расход на переезд; для этого и стараюсь подработать. Собиралась весной, отложила на осень. Даст Бог, не отложу на будущую весну.

Книг Ваших жду с нетерпением. Надеюсь получить на будущей неделе. У меня есть просьба, которую совестно выговорить. У меня Ваши новые книги без надписей, а хотелось бы, — и вот придумала, нельзя ли на вкладном листе сделать отдельно надпись, — а если просьба покажется Вам слишком детской и глупой, то забудьте о ней⁵.

Шлю сердечный дружеский привет Вам и Вере Николаевне и желаю здоровья и радостей и весенней красоты, как в Ваших описаниях.

Привет!

Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4924).

¹ № 37.

² № 36.

³ Сазонова страдала от болезни сердца (расширение аорты, опухоль в сердце) с середины 1930-х гг. В недатированном, но относящемся, судя по содержанию, к 1953 г. письме к брату Н.Л. Слонимскому она пишет: «Я тебе уже писала, что гриппа не оказалось, а только сердце. <...> Слабость большая. Пока трудно сидеть. Но я ем и принимаю лекарство. Почти все время лежу. <...> Я отложила сдачу рукописи Чех<овскому> изд<атель>ству из-за сердечного состояния» (Nicolas Slonimsky Collection. ML31.S6. Box 157. Music Division. Library of Congress. Washington, США).

⁴ замедленно (*фр.*).

⁵ См. № 39, а также № 48.

39

И. А. БУНИН — Ю. Л. САЗОНОВОЙ

10 марта 1953 г. Париж

10 марта 1953 г.

Дорогая Юлия Леонидовна!

Получил Ваше письмо от 7 марта. Рад, что Вы все-таки оправились после гриппа, — слабость, Бог даст, пройдет. А вот я едва пишу, полусидя в постели: Вы, я вижу, не получили моего письма, где я сообщал Вам, что мой грипп перешел в воспаление легких и что я опять — в который раз! — пережил муку и дурман пенициллина и всего прочего, что в этих случаях подается¹. И можете себе представить мою *слабость*, старческую, после всего этого!

То, что Вы *до сих пор* не получили моих новых книг, даже и *официально* вышедших в свет еще *28 февраля*, совершенно возмутительно. А ведь я уже давным-давно просил это милое «И<здательст>во Чехова» послать Вам их (так же как Степу в Мюнхен, Ржевскому в Германию — в журнал «Грани», Адамовичу в Англию)².

Ну, да что же делать, по бедности все стерпишь! Дай бы Бог увидеть Вас осенью!

Посвящение Вам на моих книгах сделаю с радостью — пришлю листочки, которые Вы налепите на них.

Целую Вашу руку, передаю поклон Вам от В<еры> Н<иколаевны>,
Ваш

Ив. Бунин

¹ № 37.

² См. примеч. 2 к № 32. Адамовичу и Леониду Денисовичу Ржевскому (до 1969 г. Суражевский; 1905–1986) книги были посланы для отзыва, и их рецензии последовали: *Адамович Г.* Читая Бунина // Новое русское слово. 1953. 31 мая. № 15009. С. 8; *Л.Р.* Новые издания И.А. Бунина // Грани. 1953. № 18. С. 133–134. Степу книги нужны были для чтения курса лекций в Мюнхенском университете (см. письмо Степуна к Бунину от 14 сентября 1952 г. (С двух берегов. С. 136, 166); ответ Бунина от 12 октября 1952 г. (Письма И.А. Бунина к Ф.А. Степу / Публ. А. Зверса // Новый журнал. 1975. № 118. С. 125) и письмо Бунина от того же дня к Т.Г. Терентьевой с просьбой послать Степуна экземпляр «Жизни Арсеньева» (BAR. Chekhov Publishing House Collection)).

40

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

14 марта 1953 г. Нью-Йорк

MRS JULIA SAZONOVA
64 ALTA AVENUE PARK HILLS
YONKERS, NEW YORK

14 марта 1953

Дорогой Иван Алексеевич, не беспокойтесь о книгах. Их должна была послать газета, а не издательство, и они посланы, но здешняя почта настолько медлительна, что получу я их только на будущей неделе. А думать я о них начала, как только сговорилась. В «Митиной любви»¹ меня восхищает конец, столь непохожий на все самоубийства в русской литературе: когда совершилось последнее надругательство, в котором погиб даже ее образ, то ему хочется просто убежать, и он торопится, чтобы не опоздать к поезду, не подводя никаких итогов и не ощущая никаких общих чувств или отворачиваний, как Анна Каренина. И это желание убежать, может быть, и есть

главное у самоубийц, и подмечено, как мне кажется, впервые Вами. Да и любовь Мити особенно разрушительная в Вашем цикле любвей — это какая-то остановка его жизни, завороченность в древнем простом смысле, и освобождение от этого хоть на миг разрушает его телесную оболочку, приводит к самоубийству. Не знаю, верно ли я думаю. Если Вам кажется это ошибочным, скажите. Когда-то, когда я впервые читала «Митину любовь», меня глубоко поразил этот конец, — и я запомнила сразу все до мелочей, до разостланного пледа, и до его поспешного собирания в путь, — как преддверие, чистка ягоды с ее матерью и ее наставления. Это один из образов любви — любви отнимающей. И весь облик Мити поразительный, в своей кротости говорящий больше, чем все нарочитые Алеши².

Я очень огорчилась Вашими новыми бедами. От пенициллина мне до сих пор удавалось отвертеться и, как это ни странно, я никогда его не испытала, при всех моих болезнях. Но знаю, как он неприятен, хоть и целителен. Надеюсь, что Вы скоро оправитесь. О Вашей книге о Чехове мечтаю страстно — о нем ничего толком не было написано и все как-то мимо. Вы сказали бы изнутри, так как видите зоркими глазами, бунинскими. От Книги о Бунине я не отказалась и примусь за нее, когда соберется материал. Не удастся устроить здесь, всегда могу устроить в Париже. Но думаю, что можно устроить и здесь. Во всяком случае, независимо от устройства, хочется ее написать. Об осенней поездке мечтаю ежечасно и надеюсь ее осуществить. Пока же шлю сердечный привет Вам и Вере Николаевне и пожелания здоровья и радостей.

Спасибо за письмо.

Ваша Ю. Сазонова

P.S. Книги пришли! Как раз когда я шла на почту опустить это письмо, подали пакет с книгами. Спасибо.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4925).

¹ Все, что далее пишет Сазонова в этом абзаце («В “Митиной любви” ~ все нарочитые Алеши»), является содержанием не «Митиной любви», а рассказа «Зойка и Валерия» (сопоставление этих произведений см. также в № 45).

² Имеются в виду идеализированные герои вроде Алеши Карамазова у нелюбимого Буниным Достоевского.

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

До 5 апреля 1953 г. Нью-Йорк

MRS JULIA SAZONOVA
64 ALTA AVENUE PARK HILLS
YONKERS, NEW YORK

Христос Воскресе, дорогой Иван Алексеевич! Шлю Вам и Вере Николаевне самые нежные пожелания здоровья и радостей и надеюсь, что вы оба счастливо проведете пасхальные дни.

Я живу в бунинском мире, погружаясь в чтение рассказов. Поразил меня рикша и его как бы некоторая связь с «Митиной любовью» — оба погибают от той же непостижимой и всеобъемлющей любви¹. И твердой поступью навсегда вошел в мою память тот безвестный священник, который шел по дороге ночью порой². Я все еще не написала, хочу дать отстояться чувствам и дать всем этим новым людям, которых Вы породили на свет Божий, обжить у меня в душе. Но после Пасхи серьезно примусь за работу. Я все еще не в форме после чересчур затянувшейся болезни, и этим тоже объясняется моя невольная задержка в работе. Весною приехать не удалось из-за разных здешних обязательств, но осенью твердо надеюсь встретиться в Париже.

А пока шлю сердечный привет Вам и Вере Николаевне и пожелания всяких благ.

Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4926). В начале письма помета Бунина: «апрель 1953 г.». Датируется с учетом пометы Бунина по содержанию (Пасха в 1953 г. приходилась на 5 апреля) и по сопоставлению с № 44.

¹ Рассказ «Братья» (1914) с его безымянным героем «рикшей» вошел в сборник «Митина любовь. Солнечный удар» (С. 116–143).

² Ср. в вошедшем в сборник «Весной, в Иудее. Роза Иерихона» рассказе «В Альпах» (1949): «<...> черная фигура размашисто шагающего, развевая подол рясы, молодого кюрэ в больших грубых башмаках...» (С. 22). В списке Д.П. Сазонова имеется недатированная запись («Листочек без даты, неизвестно, относится ли к письму 52-го или 53-го <...>»), возможно, приложенная Буниным к своему ответу (№ 44): «В Альпах — ночь, одинокий молодой кюрэ... Это выдуманно: в 1923 году я ездил на плохеньком автомобиле одного моего знакомого в Верхние Альпы <...>, доехали мы туда только очень поздно ночью... Вот, вспомнив это, я и выдумал в 1949 году страничку “В Альпах”, очень, очень хорошую. Читали ли Вы мои “Петлистые уши”? Выше этого я, кажется, никогда не поднимался». (16 июля 1923 г. Бунина записала в дневнике: «Ян уехал на два дня с Моисеенко на автомобиле в горы» — РАЛ. MS. 1067/379.)

42

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

5 апреля 1953 г. Париж

5 апреля 1953 г.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Не писал Вам давно, ибо пережил повторное воспаление легкого. Но и от Вас давно нет ни словечка. Здоровы ли Вы? И если да, то написали ли о моих книгах новых в «Н<овом> р<усском> с<лове>»? Если написали и уже напечатали, пришлите, пожалуйста, по воздуху вырезку. Заранее благодарю.

Целую Вашу руку.

Ив. Бунин

Мои писания музыкальны — вот мое отличие от других писателей.

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

43

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

6 апреля 1953 г. Париж

6 апреля 1953 г.

Христос Воскресе, дорогая Юлия Леонидовна!

Вчера послал Вам открытку¹, сообщая причину того, что долго не писал Вам, — пережил начало возвратного воспаления легкого, и опять, опять пенициллин, — и спрашивая Вас о причине и Вашего долгого молчания: здоровы ли Вы? На этой открытке неумело приписал о «музыкальности» моих писаний; хотел сказать, что почти все эти писания ритмичны, лиричны *в разных родах* и делают меня не похожим на других русских писателей, ибо у кого другого есть это? Только у Лермонтова (в начале «Героя нашего времени», и, *главное, в «Тамани»*), да в «Страшной мести» у Гоголя, да у Тургенева в «Поездке в Полесье» (так называемые «стихотворения в прозе» и у него и у всякого другого *ненавижу*). Сам дивлюсь, как эта лиричность, ритмичность (никогда, слава Богу, не чувствуемая *даже мало-мальски* грубо, явно) сочетается с моей манерой писать так убедительно, что, вероятно, ни один мой читатель не верит, что это вымысел, вымыслы — (Кстати: в «Жизни Арсеньева» почти всё *правда* моей жизни, — хотя и романсированная, — а героиня, Лика, не имеет ничего общего с той девушкой, с которой я был в любовной связи года три и жил в Полтаве:

Лица — вымысел, а та, *настоящая*, бежала от меня из Полтавы, чтобы выйти замуж за приятеля моей молодости Бибикова, ибо у него было хоть жалкое, но именишко, и умерла она только весной 1918 года)².

Не бросайте, дорогая Юлия Леонидовна, писать книжечку обо мне, только позвольте посоветовать Вам писать ее *не связно*: Толстой говорил: «если писать связно, выходит пошло» (хотя сам писал довольно связно)³. Пишите отрывками, многое возьмите из книжки К. Зайцева, изданной в 3000 экз<емпляров> в 1934 году и быстро распроданной⁴, прибавляя к этому свое и то, что я сообщаю (и надеюсь сообщать) Вам о себе.

Отец мой *ненавидел ложь*, я тоже, но в отрочестве у меня был год самой дикой лживости, — что в людскую избу ворвался в открытое окно волк, — а потом эта лживость сразу исчезла, а возвратилась в юности — в форме писательства. С тех пор я всю жизнь лгу — в своих писаниях, — писать не выдуманное, не ложь, совершенно не могу — скучно ужасно!

Еще: как часто писали обо мне: «Какая у Бунина удивительная память! Как помнит он в своем прошлом цвета, запахи, лица, пейзажи» — и т.д. Так, да не так: я плохо помню *частности* пережитого, виденного, зато воспринимаю очень сильно *общее*, из которого и рождаются мои вымыслы...

(Простите: пишу в постели, *очень* плохо, но, надеюсь, все-таки понятно то, что хочу сказать.)

А как создаются мои писания? Как-то помимо меня — свидетель Бог, что говорю правду. Если придет в голову что-нибудь обдуманно, тотчас запутаюсь и потеряю интерес писать. Вот, например, гляжу на какую-нибудь картинку: горный пейзаж Италии, кипарисы, волхвы в средневековых итальянских одеяниях несут дары Младенцу в яслях — и вдруг хочется написать в этом роде что-то... и пишу заглавие: Бегство в Египет. А дальше что? А дальше пишу вполне бессознательно — то, что как будто кто-то диктует мне, не знаю ни единой строки заранее, — и выходит как-то *само собой* следующее (нечто изумительно прекрасное).

Бегство в Египет⁵ — Чего стоит тут одна *кунья шубка*⁶! А вот истинно Бог послал мне ее!

Кончаю, едва жив от усталости.

Целую Вашу руку.

Иван Бунин

Написали ли Вы в «Н<овом> р<усском> с<лове>» о моих новых книгах?

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ № 42.

² Имеются в виду Варвара Владимировна Пашенко (1870–1918), любовница Бунина в 1890–1894 гг., и Арсений Николаевич Бибилов (1873–1918).

³ Источник высказывания Толстого не установлен. Может быть, Бунин вспоминает личный разговор с Толстым, которого навещал в 1894 г.

⁴ См. № 27 и примеч. 1 к нему.

⁵ Судя по примеч. Д.П. Сазонова, в этом месте в № 43 был наклеен печатный текст стихотворения «Бегство в Египет» (1915) с пометами Бунина.

⁶ Имеется в виду 2-я строка стихотворения «Бегство в Египет»: «Куньей шубкой запахнув младенца».

44

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

7 апреля 1953 г. Париж

7 апреля 1953 г.

Воистину Воскресе!

Пришло Ваше письмо, дорогая Юлия Леонидовна¹.

Я и Вера Николаевна целуем Вас троекратно!

Шлю Вам мои пометки того, что я считаю лучшим в моих новых книгах (хотя, м<ожет> б<ыть>, Вам это не нужно)².

Продолжаю, по вашему желанию, говорить о себе; должен сказать, что я совершенно не похож на прочих русских писателей редким разнообразием моих рассказов и редкой *силой, напряженностью* некоторых из них. И почти во всех родах рассказов я одинаково ловок, одинаково мастер своего дела. Я говорю бесстыдно, но, во-первых, это Вы вынудили меня на это, а во-вторых, я говорю о себе уже как посторонний: ведь уже недалеко моя смерть! Не приемлет ее моя душа, да ведь ей, смерти, это совершенно все равно! И еще одно извинительно для меня: *никогда я прежде не ценил себя особенно*. Нередко радовался, когда видел, что мне удалось то и другое, гордость чувствовал, но никогда не уподоблялся ни Горькому, ни Андрееву. Горький даже о Льве Толстом говорил с презрительной усмешкой: «*Ум небольшой, но беспокойный*»³. Андреев был убежден, что он выше Толстого⁴. Только теперь я понял, что я такое — я, написавший:

Жизнь Арсеньева

Петлистые уши

Деревню

Суходол

Игнат<а>

При дороге

Книгу «Темные аллеи».

«Ночлег» очень замечательная вещь. А написал его вот почему: пристал ко мне некий знаменитый жулик *Рогнедов* (до чего пошлейшая фамилия!), чтобы я написал рассказ из испанской жизни. Я отбиваюсь: — Да я никогда не был в Испании! — Это не важно. Врите, что хотите. И вот вам задаток: 40 тысяч франков.

Я не устоял — взял. Сел читать «Дон Кихот» — не помогает! Все бьют его — только и всего! Но ведь, думаю, Прованс (и особенно за Марселем) похож на некоторые места Испании... И раз ночью (в Juan-les-Pins) сел писать этот «Ночлег» и написал в две ночи. А в комнате было так холодно, что получил плеврит⁵.

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ № 41.

² К письму приложены перечни произведений из сборников «Митина любовь. Солнечный удар» и «Весной, в Иудее. Роза Иерихона»:

«То, что я ценю особенно:
“Митина любовь” и “Солнечный удар”:

(NB)	x	Солнечный удар	
	x	Последнее свидание (главное — первая часть)	
	x	Грамматика любви	
		Неизвестный друг	
		В ночном море	
(NB)	x	<i>Святые</i>	(NB) }
(NB)	x	<i>Чаша жизни</i>	(NB) } Самые лучшие!
	x	Братья (особенно первые страницы и до рассуждения на пароходе)	
	x	Митина любовь (вторая часть, начиная с Алеши)	

Отмеченные крестиком и (NB) — самое ценное, по-моему.

В “Солнечном ударе” опечатка: она говорит “Сумасшествие...”, а не “Сумасшедший”. Сумасшедший — пошло!

В “Чаше жизни”, вместо “Жолудь” (прозвище старика водовоза), идиотское: “Желудь”.

Во второй строке начала “Чаши жизни” напечатано “Стрелец” вместо “*Стрелецк*” (название города)».

«То, что я ценю особенно:
“Весной, в Иудее” и “Роза Иерихона”:

	x	Господин Порогов	
	x	“Un petit accident” (замечательная картина парижского вечера)	
NB	x	“В Альпах”	
		Легенда	
NB	x	Ночлег	
NB	x	В такую ночь	
NB		Полуденный жар	
		Ловчий	
NB		<i>Возвращаясь в Рим</i>	
		Ночь (стихи)	
		Мистраль	
		Роза Иерихона	
NB		Прекраснейшая солнца	
		Темир-Аксак-Хан	
NB		Ушелье	

		Легкое дыхание
NB		<i>Готами</i>
NB		<i>Казимир Станиславович</i>
		Слон
		Идол
		Телячья головка
NB		Пингвины
NB		<i>Безумный художник</i>
NB		<i>Сны Чанга</i>
NB		<i>Лирник Родион</i>
NB		<i>Жертва</i>
NB		Марья
NB		На Базарной
		Убийца
NB		Святитель
	x	Косцы
		Сестрица
NB	x	<i>Конец</i>
		Под серпом и молотом

Отмеченное крестиком и NB — самое ценное, по-моему».

Сохранился недописанный вариант перечня «В книге “Митина любовь” и “Солнечный удар” мое наиболее любимое, ценное для меня», в котором отсутствуют рассказы «Неизвестный друг» и «В ночном море», но включен рассказ «Полуночная зарница», а специально отмечено: «*“Святые” больше всего*» (РАЛ. MS. 1066/714 (21)).

³ Возможно, Бунин ссылается на слова, сказанные ему Горьким в личной беседе. Эта фраза встречается в записной книжке, начатой в ноябре 1952 г. и содержащей много записей о письмах Чехова (см. конец № 37) (РАЛ. MS. 1066/556); а в подборке расшифровок бунинских записей, составленной Буниной после его смерти, фраза комментируется с характерным сарказмом: «Ум небольшой, но беспокойный». Так определил ум Льва Толстого некто, назвавший себя Максимом Горьким, прославившийся на всю Россию стишками о “Буревестнике” <...>» (РАЛ. MS. 1066/557).

⁴ Это утверждение тоже повторяется в записях и записных книжках Бунина (см. примеч. 3).

⁵ Подробнее об испанском сборнике импресарио и предпринимателя Александра Павловича Рогнедова (?–1958) и об участии в нем Бунина (и Тэффи) см.: Диаспора. Вып. 3. С. 570–580; а также: «Русский Дон-Жуан» И.А. Бунина / Публ. М.Н. Алексеевой; Вступ. ст. и примеч. В.Е. Багно // Русская литература. 1991. № 4. С. 184–192; *Морозов С.Н.* Как фамилия Бунина стала псевдонимом Алданова. История одной литературно-критической мистификации // Библиофил. 2002. № 1 (6). С. 200–203; *Чернышев А.* Алданов в Америке // Новый журнал. 2006. № 244. С. 81–96 (С. 85–86 о Бунине). Рассказ «Ночлег» оказался неподходящим для сборника Рогнедова и был опубликован в парижском журнале «Возрождение» (1949. № 3. С. 123–128).

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

10 апреля 1953 г. Нью-Йорк

MRS JULIA SAZONOVA
64 ALTA AVENUE PARK HILLS
YONKERS, NEW YORK

10 апреля 1953 г.

Дорогой Иван Алексеевич, сердечно благодарю Вас за чудесное письмо, которое получила вчера¹. Я счастлива, что Вы начали поправляться, и надеюсь, что теперь, с наступлением теплого времени, Вы отдохнете и наберетесь сил.

Вы угадали, я действительно была больна. Это запутало мою работу. Я и сейчас еще не могу как следует приняться за дело. Но двухтомник мой сдан Чеховскому издательству, а английская рукопись у Dutton'a. Так что думать об этом мне больше не надо².

Все это время я читала и вчитывалась в Ваши две, такие весенние, книжки³. Некоторые рассказы пронзают незабываемой болью, почти до слез, как Казимир Станиславович. Но рикша, при всей его горечи, светел, потому что в нем чиста любовь. Мне представляется, что мысль о том, что единственно существующее — это любовь, как бы ни было смертельно ее жало, составляет основу Ваших рассказов. Там, где любовь не признана, а отстранена, «Чаша жизни» оказывается пустой. Обман плотского сближения, без внутреннего озарения любви, оказывается смертельным и для Левицкого, который еще мог бы спастись до того, и для Мити с Аленкой. Помнится, я писала Вам о том, что ощущение поруганности сближает спешащего на велосипеде Левицкого с Митей⁴. Странно, что некоторые так ложно восприняли «Темные аллеи», одушевленные тем же сознанием единственности любви. Вы, вероятно, получили мое письмо, посланное к Пасхе⁵. — Эти дни я еще лежала, но на днях, вероятно, смогу сесть за машинку.

Мысль о Книге о Бунине меня отнюдь не оставила. Мне очень хочется ее написать. За все, что Вы пишете о себе, благодарю бесконечно.

Профессору Бринтону переслала вложенную в Ваше письмо записку⁶.

Шлю сердечный привет Вам и Вере Николаевне и желаю здоровья и радостей.

Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4927).

¹ № 43.

² Об англоязычном издании труда Сазоновой см. № 2 и примеч. 6 к нему. Что касается русской версии, в «Меморандуме издательского отдела о работе Ю.Л. Сазоно-

вой» от 16 сентября 1953 г. В.А. Александрова отметила, что 25 июля 1952 г. Сазонова заключила второй контракт с изд-вом на двухтомную «Историю русской литературы» и что первую часть (состоящую из двух тетрадей) прочитал сотрудник изд-ва В.Д. Самарин, который считал невозможным включение официально признанного советского фольклора, тогда как не отражен неподцензурный фольклор. В результате Сазонова переработала первую часть и представила ее изд-ву «только в июле 1953 года», т.е. через два-три месяца после написания № 45. Далее Александрова советовала сократить текст, изменить название, добавить библиографию и исправить большое количество непоследовательностей, неточностей, ошибок в данных и названиях. В итоге работа Сазоновой принималась к изданию условно, и 10 сентября 1953 г. рукопись была возвращена автору на доработку (Hoover. Papers of V.A. Shvarts-Aleksandrova. Box 261. Folders 1–7).

³ Далее Сазонова ведет речь о рассказах и повести, вошедших в сборники «Весной, в Иудее. Роза Иерихона» и «Митина любовь. Солнечный удар» («Казимир Станиславович», «Братья», «Чаша жизни», «Митина любовь»), а также о вошедшем в сборник «Темные аллеи» рассказе «Зойка и Валерия», который она и в дальнейшем сопоставляла с «Митиной любовью»: «В рассказе “Зойка и Валерия” Левицкий торопится “не опоздать” к скорому поезду, навстречу которому он мчится по рельсам после осквернения его чистой и долгой любви. Так “с наслаждением” убивает себя Митя в “Митиной любви” не только из-за измены любимой, но и из-за собственного падения» (Сазонова Ю. Бунин // Русская мысль. 1956. 15 ноября. № 978. С. 5).

⁴ Сазонова имеет в виду № 40, но см. примеч. 1 к нему.

⁵ № 41.

⁶ Записка не сохранилась (см. примеч. 3 к № 2).

46

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

19 апреля 1953 г. Нью-Йорк

MRS JULIA SAZONOVA
64 ALTA AVENUE PARK HILLS
YONKERS, NEW YORK

19 апреля 1953 г.

Дорогой Иван Алексеевич, прилагаю вырезку воскресной статьи о Ваших двух книгах. Открытку Вашу получила и тотчас исполняю Ваше желание¹. В «Новом журнале» отзыв будет, вероятно, в следующем номере, — когда книги вышли из печати, теперешний номер был уже готов. — Я очень тронута тем, что Вы спрашиваете о моем здоровье. Я действительно была больна и все еще не поправилась вполне. У меня было какое-то скверное подобие гриппа, вызвавшее осложнение с сердцем. Погода у нас зверская, отнюдь не апрельская — ветры и дожди самого неприятного свойства, и это, конечно, не содействует поправлению здоровья.

Надеюсь, что Вы теперь поправились. Где Вы будете летом? Я твердо решила приехать осенью, как только выйдет у Dutton'a моя английская кни-

га, назначенная на сентябрь. Русский двухтомник я так задержала из-за болезни, что он выйдет лишь в начале 1954 г. и ждать я его не буду. Лето постараюсь использовать для докторской диссертации² и для подготовки Книги о Бунине, а заканчивать ее надеюсь в Париже. Тема очень меня увлекает, и чем больше я вчитываюсь, тем больше меня она захватывает. Должна Вам сознаться, что, скупая на слезы, я иногда их проливала, роняя книгу, — и не над теми, кто любил и погибал, как Митя и совершенно покоровивший меня своею прелестью рикша, а над теми, кто прожил без любви, как Казимир Станиславович. Вы не поместили его в числе Ваших любимых, а мне он полюбился чрезвычайно. Никогда не могла бы я почувствовать такую боль от униженных Достоевского³, — слишком они сами себя жалеют и подробно себя объясняют, почему и отчего несчастны — глаза мои становятся тогда суше и сердце холоднее. Но Ваши герои не жалуется, и Вы тоже на них пальцем не указываете в пример, — оттого и раздирается сердце чувством.

Шлю нежный сердечный привет Вам и Вере Николаевне.

Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4928).

¹ Ср. № 42.

² О перипетиях написания диссертации Сазоновой в Колумбийском университете в 1947–1953 гг. см. Приложение.

³ В рецензии Сазонова писала: «В русской литературе, где столько униженных и оскорбленных, “Казимир Станиславович” занимает совсем особое место» (Сазонова Ю. Две книги Бунина // Новое русское слово. 1953. 19 апреля. № 14967. С. 8).

47

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

24 апреля 1953 г. Париж

24 апреля 1953 г.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Нынче напряг свои жалкие силы и вот шлю Вам то, что давно собирался послать и что давно надо было написать¹. М<ожет> б<ыть>, эти статьи (вырезки) Вам пригодятся².

С большой, большой радостью перечитал то, что Вы писали мне о «Темных аллеях»³! Да, — простите! — это редкая книга. (Надо только вычеркнуть в ней несколько слишком резких и неумных строк, не в меру, как думаю теперь, грубых, написанных сгоряча.)

Очень, очень буду рад увидеть Вас в Париже! Дал бы только Бог дожить до осени! Тогда и поговорим об издании некоторых моих писаний по-английски (еще не переведенных доньше). И доверенность тогда Вам дам.

Вчера о Вас много, много хорошего говорила мне Наталья Кодрянская⁴.

Нынче получил Вашу статью «Две книги Бунина» (вырезка из «Н<о-вого> р<усского> с<лова>»). Прекрасная статья, благодарю от всей души.

В<ера> Н<иколаевна> Вам кланяется, я целую Вашу руку горячо и почтительно.

Ваш Ив. Бунин

Дивлюсь, что не упомянул Вам про «Казимира Станиславовича» — это один из *самых лучших* моих рассказов.

В двух моих новых книгах есть дикие опечатки: в «Чаше жизни» — старичок водовоз по прозвищу Жолудь, а напечатано «Жёлудь»; во второй строке начала этой «Чаши» город Стрелецк назван Стрелец, в рассказе «Старый Порт» отель высится «страшно» вместо *странно* (во второй строке начала этого рассказа) — и т.п.⁵

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ К письму была приложена машинописная копия автобиографической записи, которую Бунин сначала предполагал послать Сазоновой в виде письма в феврале 1953 г., но из-за болезни отправил только в конце апреля вместе с партией вырезок (см. примеч. 2) и № 48. Запись опубликована М.Э. Грин (Бунин о себе и своем творчестве. Архивные материалы // Новый журнал. 1972. № 107. С. 166–167), приводится ниже по сохранившемуся черновику первоначального письма (РАЛ. MS. 1066/462):

«Копия.

[2 февр. 1953 г.] [10 февраля]

[Дорогая Юлия Леонидовна,

Дай Бог не сглазить — я поправляюсь, но, конечно, весьма медленно. <Сглазил все-таки! — Помета Бунина.>] Надеюсь посылать Вам и впредь от времени до времени происхождение моих рассказов — нечто интересное с точки зрения “психологии словесного художественного творчества”. Мой отец ненавидел всякую ложь и особенно корыстную, прибыльную, говорил брезгливо:

— Лгут только лакеи!

И я был *ровно* отца с детства, с отрочества, был правдив до глупости. Как вдруг случилось со мной что-то непостижимое: будучи лет восьми, я вдруг предался ни с того ни с сего страстной и бесцельной, даже идиотской лживости: ворвусь, например, из сада или со двора в дом, крича благим матом, что на гумне у нас горит рига или что бешеный волк примчался с поля и вскочил в открытое окно людской кухни и выскочил в другое, — крича подобное уже с горячей верой и в пожар, и в волка. И длилась эта лживость с год и кончилась столь же внезапно, как началась. А возвратилась, — точнее говоря, начала возвращаться в форме той “лжи”, которая и есть художественная литература, ставшая моей второй натурой с той ранней поры, когда я начал писать и стал как-то совершенно само собой на всю жизнь *только писателем*. Я начал писать рано, но одновременно и стихи и рассказы, — никогда не был только стихотворцем. А ведь для рассказов непременно [нужен] нужна хоть [какой-нибудь сюжет] какая-нибудь фабула, выдумка хоть какого-нибудь действия, какая-нибудь “ложь” сюжетная. И вот тут дело мое было плохо[, откуда] долгое время: жизненного опыта весьма мало было у меня, [выросшего] в юности, в молодости жившего довольно необычно, рано бросившего гимназию, не учившегося в университете, [да и] весьма беспутно тратившего себя [примерно до тридцати] лет до тридцати и даже позднее, писавшего весьма часто как

попало и что попало ради грошового заработка. <NB Послал Саз<оновой> 25 апр. — Помета Бунина>».

Сохранилась и более полная редакция записи (РАЛ. MS. 1066/461), первая часть которой приведена Буниной в биографии мужа (*Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина: 1870—1906. Париж, 1958. С. 12*), а последняя в публикации М.Э. Грин (С. 167), она включает еще одну реплику отца Бунина, к которой относится, по-видимому, помета на № 54: «Я не червонец, чтобы всем нравиться!»

М.Э. Грин публикует еще несколько записей Бунина о «лжи» и о роли памяти в его творчестве (С. 167—168). Хотя они не отражены в списке Д.П. Сазонова, возможно, что они были посланы Сазоновой вместе с другими записями, потому что в конце перечня материалов, предназначенных ей (см. примеч. 2), имеется еще запись: «Моя память».

² М.Э. Грин также включила в свою публикацию (см. примеч. 1) перечень материалов с указанием «Послать Сазоновой — заказной avion» (С. 165—166 — оригинал: РАЛ. MS. 1066/460). Поскольку в 6-й позиции упоминается «Мое письмо Сазоновой: о моей годовой лживости в отрочестве и т.д.», а в 7-й — «Я не червонец», можно предположить, что вырезки с перечисленными в первых пяти позициях критическими статьями Адамовича (2 статьи), К. Зайцева, Пильского и Ходасевича тоже были посланы с этим письмом.

³ См. № 45 («Странно, что некоторые ~ сознанием единственности любви»).

⁴ Кодрянская Наталья Владимировна (урожд. фон Гернгросс; 1901—1983) — писательница, автор книг о Ремизове. Сазонова высоко оценила книгу Кодрянской «Сказки», с иллюстрациями Н.С. Гончаровой и предисловием Ремизова (Париж, 1950) (см.: *Сазонова Ю. Сказка // Новое русское слово. 1951. 4 ноября. № 14436. С. 8*). Кодрянская и ее муж, Исаак Вениаминович (1894—1980), представитель фирмы лампочек «Tungsten», часто оказывали Буниным практическую и финансовую помощь, особенно в их делах, имеющих отношение к США. Относительно данной переписки, например, см. в письме Буниной к Кодрянскому от 10 марта 1952 г.: «Иван Алексеевич очень просит вас, дорогой Исаак Вениаминович, опять прийти к нам на помощь, и еще вот что: в счет этих денег дать Галине Николаевне <Кузнецовой> десять долларов — ей нужны будут деньги на расходы по посылке некоторых книг Сазоновой, которая пишет для Америки историю литературы и хочет уделить немало страниц произведениям Бунина» (*Кодрянская Н.В. Встречи с Буниным // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 348—349*).

⁵ Все указанные опечатки в сборнике «Митина любовь. Солнечный удар» (С. 39, 91, 96). Ср. конец перечня произведений из этого сборника в примеч. 2 к № 44, где приведена еще одна опечатка в рассказе «Солнечный удар» (С. 8).

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

24 апреля 1953 г. Париж

Париж

24 IV 1953

Милая Юлия Леонидовна,

Мой дорогой добрый друг, сделайте одолжение наклеить этот листок на какую-нибудь мою книгу из тех, что есть у Вас¹. Ведь нет возможности выразить Вам иначе мою благодарность за все Ваше сердечное отношение ко мне, <чем>² надписью на книге.

Публикуется по списку Д.П. Сазонова. Судя по началу № 49, лист с дарственной надписью был отправлен вместе с № 47 и приложенными к нему материалами.

¹ Ср. № 8, 38–39.

² Примеч. Д.П. Сазонова: «Не пропустил ли Бунин слово “чем”?»

49

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

27 апреля 1953 г. Нью-Йорк

MRS JULIA SAZONOVA
64 ALTA AVENUE PARK HILLS
YONKERS, NEW YORK

27 апреля 1953

Дорогой Иван Алексеевич, спасибо от всей души за Ваше письмо¹. Я счастлива, что моя статья Вам понравилась. То, что Вы пишете о себе, и все присланное Вами бесконечно для меня ценно. Я не могу Вам выразить, как меня обрадовала Ваша посылка и милый листок отдельный, который я бережно сохраняю². Так безумно захотелось мне уехать в Париж, не дожидаясь осени, и провести лето не в йонкерской духоте, а в блаженстве французской деревни где-нибудь под Парижем, что я начинаю перестраивать все мои планы. Не глупо ли откладывать сегодняшнюю радость во имя какой-то завтрашней? Все, что я откладывала, не удавалось, а задуманное внезапно бывало наилучшим. Но раньше, чем срываться с места, хочу спросить Вас, где Вы будете летом и каковы вообще Ваши планы на летние месяцы. При медлительности здешних паспортов и трудностях получения билета, я не могу уехать в мае и вряд ли смогу получить билет на июнь, даже если пушу в ход «корабельные» связи. Но я могу поехать обходным путем, через мою милую Португалию, что не многим дороже³. Как видите, Вы пробудили во мне мечты самые смелые и я готова лезть пешком через Пиренеи, чтобы только добраться до Парижа. Обязательную работу могу взять с собою, а все срочное успела сдать, включая двухтомник о Царе Горохе<, > в Чеховское издательство⁴. А Книга о Бунине сделалась настолько упрямой и настойчивой, что, как капризный ребенок, дергает меня за юбку и зовет с нею вместо скучного сидения здесь. Но, конечно, суть не только в «Книге о...», а в самом Бунине, которого мне очень хочется повидать в сияющее летнее время вместе с Верой Николаевной.

Напишите же, где Вы будете в разные времена. Сердечно кланяюсь Веры Николаевне и шлю Вам обоим нежный привет.

Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4929).

¹ № 47.

² № 48.

³ См. в Приложении о двух годах (1940–1942), проведенных Сазоновой с сыном в Португалии.

⁴ Ср. № 45 и примеч. 2 к нему.

50

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

6 мая 1953 г. Париж

6 мая 1953 г.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Думал не раз о Вашем приезде в Париж, и ясно вижу, что приехать Вам гораздо лучше к началу осени. *Очень* рад буду повидаться с Вами, но гожусь я для этого, конечно, позднее, ибо надеюсь, что за лето я поправлюсь, подышав наконец воздухом и побыв на солнце после моего зимнего лежания в постели, с той или иной болезнью почти непрерывно, не смея даже окна открыть. А кроме того, ведь в июне будет в Лондоне коронация¹, и не только Лондон, но и Париж вот-вот будут так полны иностранцами, что за миллион не найдешь угла даже под лестницей ни в гостинице, ни в частном доме. Так вот подумайте, прежде чем решиться ехать в Европу.

Пишу в постели, поэтому простите, что так кратко и убого. (Очень ослабело сердце.)

Целую Вашу руку и передаю сердечный поклон Вам от Веры Ник<олаевны>, которая и побудила меня написать Вам все вышесказанное.

Ваш

Ив. Бунин

P.S. Будет ли Ваша рецензия о моих книгах в «Новом журнале»? И если да, то в какой книге его? Боюсь, что нет, — опять будет Ремизов²!

Вчера продиктовал В<ере> Н<иколаевне> о Чехове и послал ее в «Н<о-вое> р<усское> с<лово>»³. Прочтите, пожалуйста, если ее напечатают.

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ Коронация Елизаветы II состоялась 2 июня 1953 г.

² Публикации Ремизова и о нем в принадлежащих Бунину экземплярах «Нового журнала» за 1951–1952 гг. снабжены характерными для него неодобрительными пометами. Например, на первой странице публикации Ремизова «Четыре рассказа (Из книги “Подстриженными глазами”» (Новый журнал. 1951. № 27. С. 5) Бунин написал: «Непонятное, идиотское (и преднамеренное) косноязычие» (в том же номере углы стра-

ниц с рецензией Берберовой на эту книгу решительно загнуты и ряд мест помечен (РАЛ. MS. 1066/10591); и в конце подписанной инициалами «Н.Б.» рецензии на книгу Ремизова «В розовом блеске» (Новый журнал. 1952. № 31. С. 323) он написал «Старая кобыла Берберова» (РАЛ. MS. 1066/10594).

³ 6-го же мая 1953 г. Бунин отправил М.Е. Вейнбауму «статейку» с просьбой ее напечатать немедленно без изменений или сокращений (Письма И.А. Бунина к М.Е. Вейнбауму / Публ. А. Раннита // Новый журнал. 1978. № 133. С. 187–188). Ответ Вейнбаума не сохранился, и статья не была опубликована, но можно предположить, что она вошла в той или иной форме в посмертную книгу Бунина «О Чехове».

51

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

9 мая 1953 г. Нью-Йорк

MRS JULIA SAZONOVA
64 ALTA AVENUE PARK HILLS
YONKERS, NEW YORK

9-ое мая 1953 г.

Дорогой Иван Алексеевич,

Я очень была тронута Вашим письмом относительно моего приезда¹. Конечно, в Париж надо ехать осенью, да теперь уже и поздно думать о летней поездке. У меня на лето оказалась спешная большая работа, которую все же надеюсь закончить к осени. Да и здесь начинает быть очень хорошо, — наконец установилась весенняя погода и все расцвело вокруг.

Я рада, что Вы собираетесь летом надышаться воздухом после зимнего комнатного заточения. В понедельник буду говорить о Вас на закрытой лекции в Колумбийском университете и укажу Ваши новые книги². С «Новым журналом» было условлено, что отзыв нужен для следующей книги, так как вышедший (32-ой) номер был уже готов, когда появились Ваши книги. — С нетерпением жду статьи о Чехове³.

Сердечно благодарю Вас и Веру Николаевну за внимание и за совет. Я, правда, очень была тронута.

Шлю сердечный привет вам обоим и желаю отдохнуть и поправиться.
Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4930).

¹ № 50.

² Уйдя из Колумбийского университета, Сазонова продолжала изредка выступать там с лекциями, чаще всего в качестве гостя на занятиях по русской литературе Елены Могилат. По всей вероятности, на одном из этих занятий Сазонова и прочитала лекцию о Бунине. В письме к Могилат от 26 февраля 1953 г. Сазонова писала: «Ваше предложение прочесть у Вас в классе лекцию о современной литературе мне вполне подходит, но, конечно, только в случае согласия на это Симмонса. Он раньше прямо сказал,

что не желает участия посторонних в преподавании и приглашения кого бы то ни было помимо него. Вступать с ним в конфликт по этому поводу я бы не желала. Я не хотела бы создавать впечатления “втируши”, которая, если не удалось войти прямым путем, пролезает косвенным. Вот почему, в принципе с удовольствием принимая Ваше предложение, я могу прочесть лекцию только с ведома Симмонса и с его согласия» (BAR. Elena Mogilat Collection. Box 8. File S 1950's).

³ См. постскрипtum к № 50.

52

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

20 мая 1953 г. Париж

Париж, 20 мая 1953 г.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Посылаю Вам с этим письмом часть обложки лондонского издания некоторых рассказов из моей книги «Темные аллеи»¹ (изданной в Париже, по-русски в 1946 году). Буду весьма благодарен Вам, если Вы предложите какому-либо американскому издателю издать наилучшие рассказы (наилучшие *по Вашему выбору*) из этой книги. Если кто-либо из американских издателей заинтересуется моим и Вашим предложением по этому поводу, мы с Вами вступим в переговоры с ним.

Заранее сердечно благодарю Вас, целую Вашу руку.

Иван Бунин

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ Речь идет об обложке работы английского художника Хемфри Спендера (Humphrey Spender; 1910–2005) для сборника, содержащего 20 рассказов из «Темных аллей»: *Bunin I. Dark Avenues and Other Stories / Translated from the Russian by R. Hare. London: John Lehmann, 1949.*

53

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

1 июня 1953 г. Париж

1 июня 1953 г.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Простите, — вышло так, что я напрасно писал Вам об издании в Америке по-английски сборника рассказов из «Темных аллей». Это, конечно, была бы почти полная перепечатка того сборника их, что издан в Лондоне

(ибо ничего нового я добавить для Америки не имею, Лондонское издание составлено из *парижского* русского, т.е. полного, а не из того, что вышло когда-то в Америке, весьма бедного, кое-как составленного из очень немногих рассказов). Но я думал, что эта *почти полная перепечатка* возможна: ведь сделана же так моя книга «Memories and Portraits», тождественно изданная в Лондоне (John Lehmann¹) и в Нью-Йорке (Doubleday)².

За всем тем поставил крест на этом деле. Поговорим о другом, но завтра — сейчас я уже очень устал.

Сердечно Ваш

Ив. Б.

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ Английский издатель Джон Леманн (John Lehmann; 1907–1987) еще до создания в 1946 г. собственного изд-ва, в котором вышли переводы «Темных аллеи» (см. примеч. 1 к № 52) и «Воспоминаний» (см. примеч. 6 к № 9) и переиздание перевода «Жизни Арсеньева», был причастен к изданию ряда переводов произведений Бунина на английский язык изд-вом «Хогарт Пресс» («Hogarth Press»), сотрудником которого он был в 1931–1940 гг.

² См. № 9 и примеч. 6 к нему.

54

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

3 июня 1953 г. Нью-Йорк

MRS JULIA SAZONOVA
64 ALTA AVENUE PARK HILLS
YONKERS, NEW YORK

3 июня 1953

Дорогой Иван Алексеевич, я только что получила Ваше письмо насчет издания Ваших рассказов¹. Я не поняла, желательно ли Вам издание рассказов, не включенных в «Темные аллеи». Вы в первом письме² думали о новом подборе рассказов, а не о воспроизведении издания Lehmann'a. Я успела пока только навести справки и собиралась пойти к Knopf'у и Viking'у³, а может быть, также и запросить Doubleday. Если Lehmann не обращался к здешним издателям с предложением перепечатки в Америке, то это вполне возможно, как Вы справедливо указываете. Неудобно это было бы только в том случае, если бы Lehmann такие разговоры вел⁴.

Во всяком случае я к Вашим услугам, если Вы что-либо надумаете. Пока же воздержусь до Вашего нового пожелания начать переговоры.

Как Ваше здоровье? Едете ли в Грасс⁵? Очень хотелось бы знать побольше о Вас и о том, как Вы себя чувствуете. Буду ждать Вашего оконча-

тельного решения насчет издания и пока никаких шагов предпринимать не буду.

Шлю сердечный привет Вам и Вере Николаевне и желаю здоровья и радости.

Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4931). На конверте пометы Бунина: «ей о Ремизове» (см. № 55–56); «я не червонец» (ср. примеч. 1 к № 47); «разные крови»; «Сазоновой о премии» (см. № 57 и 59). Третья помета, по-видимому, относится к воспоминаниям Бунина об А.М. Жемчужникове, говорившем ему: « — Я поэт не Бог вещь какой <...>. Думаю, что уж я очень разных кровей со многими теперешними» (Заметки // Последние новости. 1929. 9 ноября. № 3153. С. 2; см. также: *Бунин И.А.* Собрание сочинений. Берлин: Петрополис, 1936. Т. 1. С. 46).

¹ № 53.

² № 52.

³ «Viking Press» — американское изд-во, основанное в Нью-Йорке в 1925 г.

⁴ См. начало № 55.

⁵ После отъезда из Грасса в Париж в мае 1945 г. Бунины больше туда не вернулись.

55

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

10 июня 1953 г. Париж

10 июня 1953 г.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Простите — отвечаю на Ваше письмо от 3 июня не сразу по случаю очередной моей болезни — была у нас великая жара, я взял ванну — и тотчас у нас дикий холод настал, а квартиру уже не топят. Нынче собрал все свои жалкие силы — и вот первое, что хочу сказать: с Кнопф³ом нельзя дела иметь, он вполне мошенник¹. Лондон (Lehmann) не имел права обращаться в Америку с предложением перепечатки его издания «Темных аллей» — *я дал ему права только на Англию*. Так что для Америки я свободен. И к тем рассказам из русского (парижского) издания «Темных аллей», что вошли в лондонское издание, можно прибавить два рассказа, еще нигде в переводе не бывшие, — «Весной, в Иудее» и «Ночлег» (о марокканце, ночевавшем в глухом городишке, на постоялом дворе, и о собаке, разорвавшей ему глотку). Но ведь у Вас сейчас уже мертвый сезон, — значит, надо отложить это дело до сентября?

Вы, верно, поедете куда-нибудь отдохнуть и спастись от мокрой жары Нью-Йорка? А мы с В<ерой> Н<иколаевной> будем сидеть, если Бог даст нам еще немного жизни, в Париже, конечно: ведь мы очень, очень бедны, жили последние годы только «Чеховским издательством». Это И<здательство>, кстати сказать, должно было взять, как обещал мне Вреден — мою

третью книгу («Весной, в Иудее» и «Митина любовь» считались за одну, хотя это были две книжки), но возьмет ли теперь? Там что-то неладно: ждут, даст ли Форд денег на *продолжение* дела? Таковы слухи, да и В. Александрова, снова взявшая И<здательст>во в свои руки, написала мне так². (*Впрочем, все это между нами, дорогая Юлия Леонидовна.*) Предлагал я им к будущему лету (50 лет со времени смерти Чехова) небольшую книжку о нем, ответили уклончиво (тоже по денежным — фордовским — соображениям).

Будет ли Ваша рецензия о моих новых книжках в «Новом журнале»?

А Ремизовым Вы меня огорчили. «Ремизовская Россия»³! Что это значит? Подлее и наглее не знаю этого гада! Всю жизнь дурачит людей направо-ляво! Читали ли, что он сказал Адамовичу, когда тот явился поздравлять его с его 70-летием (или с 75-летием): «Воскрешать допетровскую речь я не хочу. Ничего я воскрешать не хочу. *Я хочу только перестроить современную русскую речь на исконный русский лад, хочу, чтобы она звучала по-русски, только и всего*». (Это было напечатано Адамовичем в «Н<овом> р<усском> с<лове>» 22 июня 1952 года⁴.) Каков наглец! Он, видите ли, только один знает «исконный русский лад русской речи»! И бесчинствует, подлый старик, над русским языком уже лет 50! И прослыл у умных болванов «кудесником этого языка»⁵. А недавно рассказывал писателю Емельянову⁶, что в отрочестве, в юности любил втискиваться в толпу в церкви, когда какая-нибудь церковь была особенно набита народом, и мочиться в картузы и шапки, что держит народ сбоку.

Простите, дорогая, что пишу Вам все это.

Целую Вашу руку.

Ив. Б.

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ Ср. № 9 и примеч. 5 к нему.

² В письме от 28 мая 1953 г. В.А. Александрова (о ней см. примеч. 3 к № 6) сообщала Бунину: «Сейчас положение, в некотором отношении, даже хуже, чем в январе <...>: дело в том, что у нас до сих пор не утверждены новые ассигновки от Фордовского фонда. Зимой речь шла о том, что новые ассигновки будут утверждены в конце мая, а в начале мая стало известно, что они будут утверждены только осенью, а может быть, и того позже. Это поставило нас в трудное положение, так как мы не можем, впредь до утверждения этих ассигновок, заключать какие бы то ни было контракты» (РАЛ. MS. 1066/1489).

³ По-видимому, Бунин имеет в виду статью Сазоновой «Алексей Михайлович Ремизов. К 75-летию его рождения 24 июня и 50-летию его литературной деятельности 8 сентября. Ремизовская Россия» (Новое русское слово. 1952. 22 июня. № 14666. С. 2).

⁴ В статье Адамовича в том же «ремизовском» номере газеты (сохранился экземпляр со множеством характерно несдержанных помет Бунина — РАЛ. MS. 1066/9726) читаем: «Ремизов отвергает приписываемое ему стремление воскресить былую, допетровскую речь. / — Ничего воскрешать я не хочу. Воскресить ничего невозможно. Я хочу только перестроить нашу современную речь на исконный русский лад... хочу, чтобы она звучала по-русски, только и всего» (Адамович Г. У Ремизова // Новое русское слово. 1952. 22 июня. № 14666. С. 8).

⁵ Ср. название другой статьи на одной странице со статьей Сазоновой все в том же номере газеты: *Завалишин В.* Кудесник слова // Новое русское слово. 1952. 22 июня. № 14666. С. 2.

⁶ Емельянов Виктор Николаевич (1899–1963) — прозаик, в эмиграции во Франции с 1923 г., участник литературных собраний «Круга», завсегдатай салона Мережковских, автор повести «Свидание Джима» (1939). Сохранились письма и открытки Емельянова и его жены, поэтессы Ольги Николаевны Можайской (1896–1973), к Буниным и Зурову (РАЛ. MS. 1066/2348–2349, 1067/2165–2175, 1068/2435–2437).

56

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

12 июня 1953 г. Париж

12 июня 1953 г.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Вчера послал Вам письмо, где говорил между прочим немало о Ремизове с той резкостью, которая, м<ожет> б<ыть>, будет Вам неприятна. Простите, войдите в мое положение, как смеет этот *книжный червь* учить какому-то «исконному русскому языку» ну хотя бы меня, с детства знавшего языка наших прежних дворовых, мужиков самых разных местностей, и нищих и богатых, однодворцев, мещан всяческих званий и положений, базаров, ярмарок, постоянных дворов, уездных трактиров, до самых гнусных из них, странников, странниц, — и так далее и так далее, всего того, вероятно, о чем даже понятия не имел не только этот мерзкий урод, Председатель Вольной Обезьяньей Палаты¹, но даже *никто* из современных мне писателей, за исключением, кажется, одного Пришвина²!

Кроме того, писал я Вам, волнуясь и по другой причине: подозревал, что неладное творится что-то в этом удивительном «И<здательст>ве имени Чехова», ждал: что-то ответит мне В. Александрова относительно издания очередного тома моих произведений? *И нынче* этот ответ пришел; пишет, что *ничего* не может сказать мне до осени: «только осенью надеемся получить новую ассигновку Форда на продолжение дела» — таков смысл письма В. Александровой³. И мы с В<ерой> Н<иколаевной> нынче в большой печали. Боимся, что Форд откажет... Впрочем, пусть и *это* письмо останется тайной между нами, дорогая Юлия Леонидовна, — до поры до времени, — ведь, вероятно, все это вскоре станет всем известно.

Целую Вашу руку,

Ваш Ив. Б.

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ Обезьянья Великая и Вольная Палата — шуточная организация, созданная Ремизовым в начале века, членов которой он награждал причудливыми знаками и «собственноручными» грамотами. См. обстоятельное исследование: *Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах.* СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001.

² Михаила Михайловича Пришвина (1873–1954) сближало с Буниным многое (почти ровесники, земляки, учились в одной и той же елецкой мужской гимназии и не окончили курса), однако в жизни они почти не встречались. Подробнее см.: *Варламов А. «Двух соловьев поединок»: И. А. Бунин и М. М. Пришвин: точки сближения и разделения // Подъем. 2001. № 5. С. 164–190; Борисова Н. В. Бунин и Пришвин // Творчество И. А. Бунина и философско-художественные искания на рубеже XX–XXI веков: Материалы Международной научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения писателя. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2006. С. 151–164.*

³ Ср. из письма Александровой к Бунину от 8 июня 1953 г.: «<...> мы <...> еще не получили новых ассигновок. Заседание Совета перенесено на осень нынешнего года, и поэтому, впредь до утверждения новых ассигновок, мы никаких контрактов заключать не можем» (РАЛ. MS. 1066/1490).

57

Ю. Л. САЗОНОВА — И. А. БУНИНУ

13 июня 1953 г. Нью-Йорк

MRS JULIA SAZONOVA
64 ALTA AVENUE PARK HILLS
YONKERS, NEW YORK

13 мая, пятница

Дорогой Иван Алексеевич, получила Ваше письмо¹ и немедленно отвечаю. Прилагаю копию статьи, отправленной мною в «Новый журнал» для этой книжки². Я очень рада, что Вы предупредили меня насчет Вашего нежелания иметь дело с Кнопфом. Я именно к нему хотела идти, по совету главы Славянского отдела Колумбийского университета³. Вреден советoval мне обратиться также к Викингу. Как Вы к этому относитесь? Я понимаю, что Lehmann не имел прав на американское издание, но важно знать, мог ли он предлагать американским издательствам и если предлагал, то каким; это нужно для ведения переговоров и лучше, конечно, не обращаться к тем же самым. Из первого письма я поняла, что Вы хотите сделать новый выбор рассказов, еще неизвестных английской публике, и с этой целью справлялась о переводчиках. Теперь вижу, что Вы хотите переиздать «Темные аллеи» с добавлением двух новых <рассказов>.

О Чеховском издательстве и невозможности заключения новых контрактов до решения вопроса о продлении фондов я знала от Вредена. Ассигновки на следующие два года будут решены в августе, и тогда, конечно, возобновятся переговоры о контрактах. Я уверена, что Вы в конце лета будете иметь контракт, и с нетерпением жду Ваших книг. Жалко, что Ваши две книги были сочтены за двухтомник, как это у них обычно делается. Я все же уверена, что Вам удастся на август уехать из Парижа. Очень грушу, что Вы опять были нездоровы.

Я читала с большим чувством часть письма, касающуюся Ремизова. Ваши гневные строки так хорошо написаны, что, восхищаясь ими, я почти забывала, что на этот раз гнев Ваш направлен против меня, и как направлен! Если я действительно употребила такое пошлое выражение, как «кудесник русского языка», то мне достается поделом и я достойна высшей меры наказания. «Кудесника» я всегда избегала, разве только если речь шла о цитате, и тогда уж с неодобрением. Так что прямо не понимаю, как меня угораздило такое ляпнуть. Но, может быть, это была не я? Пересмотрю вырезки, хотя они у меня, к несчастью, неполны. Насчет «Ремизовской России» заметьте, что, говоря о Вас, я пишу просто «Россия» — тут есть отенок. У Ремизова, несомненно, есть своего рода «театр для себя»⁴ — и Ваше чувство я насчет этого понимаю, — именно в силу остроты Вашего слуха насчет этого. Очень хочется еще поговорить с Вами на эту тему, ибо она не только о Ремизове, а касается сути. По существу я Вас понимаю, Ремизов для Вас неприемлем.

Я надеюсь попасть в Париж, но летнюю поездку отменила, а зимою надо быть здесь до выпуска книги у Dutton'a и вряд ли попаду до Рождества. Шлю сердечный привет Вам и Вере Николаевне и пожелания.

Ваша Ю. Сазонова

P.S. Я очень ценю то, что Вы откровенно мне все высказали. Умолчание самое худшее для человеческих отношений, и я рада от души Вашей откровенности.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4932). Месяц и год установлены по сопоставлению с № 56 и 58 и с учетом пометы Бунина («1953») рядом с имеющейся датой. Указанное Сазоновой число принимается условно, поскольку она ошиблась либо числом, либо днем недели. В начале письма помета Бунина: «20 лет, о премии» (см. № 59).

¹ № 55.

² Машинописная копия текста рецензии (см. примеч. 4 к № 33) сохранилась (РАЛ. MS. 1066/9019). Об одобрительной реакции Бунина на рецензию в несохранившемся письме к Сазоновой см. № 60.

³ Ведущий американский славист Эрнест Джозеф Симмонс (Ernest Joseph Simmons; 1903–1972) заведовал кафедрой славистики Колумбийского университета в 1946–1960 гг.

⁴ Выражение, отсылающее к известной теории Н.Н. Евреинова, подчеркнуто Буниным и снабжено пометой: «Нет, не для себя!!» У Сазоновой с Евреиновым по поводу этой теории была интересная полемика в печати и в парижской переписке 1930-х гг. См. об этом: История одной полемики. Переписка Николая Евреинова и Анны Кашиной с Юлией Сазоновой. 1937–1954. Статья Юлии Сазоновой «Уличный театр» / Публ., предисл. и примеч. К. Триббла // Мнемозина: Документы и факты из истории отечественного театра XX века / Ред.-сост. В. Иванов. М.: «Артист. Режиссер. Театр», 2004. Вып. 3. С. 313–332, 598–602.

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

15 июня 1953 г. Нью-Йорк

MRS JULIA SAZONOVA
64 ALTA AVENUE PARK HILLS
YONKERS, NEW YORK

15 июня 1953

Дорогой Иван Алексеевич, только что получила Ваше письмо, посланное вослед предыдущему¹, и очень была тронута. А перечень языков, Вам ведомых, так замечателен, что хотелось бы взять его эпиграфом для Книги о Бунине, мысль о которой не оставляет меня². А ведь это не только языки, которые Вы перечисляете, а знание людей, которые языками этими пользуются, — и все они у Вас появляются живые. Вы, верно, уже получили мой ответ на предыдущее письмо со вложением статьи, которая в этой книжке «Нового журнала» будет напечатана — журнал уже в верстке, но копию все же послала Вам заранее³. Ваше письмо было такое удивительное, что самая резкость его была для меня ценной, и очень Вас прошу никогда не прикрывать рта, ибо ведь это Ваши чувства и мысли, которые меня более всего интересуют. А спор о Ремизове Ваш не случаен и как раз отвечает подлинному Вашему. Вас почему-то иногда называют «хранителем», чуть не сторожем прошлого, а Вы самый буйный новатор, какого можно назвать в русской литературе. И не в том, чтобы строчки по-разному расставлять, или прозу нарубить коротенькой расстановкой, как сейчас печатают «Слово о полку Игореве», а в том, чтобы создать нечто небывалое новое, чему и названия еще нет. И какой же Вы «последний» из былого, когда Вы первый из грядущего. Меня поразило Ваше сегодняшнее «книжный червь» — ведь это Епифаний Премудрый, Пахомий Логофет, все эти книжники, пришедшие на Русь. И тогда все понятно. Я лично сама горюю о ремизовских переделках старых русских повестей и внесении в них чуждого им материала — они хороши так как были без перемен, — но ведь так переписывались книжниками Жития древние, и сколько их исчезло под обновленными текстами. Я Ваше письмо очень оценила и из-за Вашего неизменного блеска во всем — и в этой исторической борьбе с книжниками. А сколько Вы уже создали нового! И сколько приняли за это борьбы! Одни «Темные аллеи» чего стоят. А новый Ваш жанр таких вещей, как «В Альпах». Названия им еще нет — как Вы их назовете? — Я очень-очень огорчена задержкой в выпуске новых Ваших книг, которые так нужны. Мне говорили, что фонды будут в августе, и я надеюсь, что Ваш контракт будет из первых. Пришла мне в голову мысль. Что если до решения вопроса о выпуске по-английски сборника рассказов

перевести заново и отдать в хороший журнал один или два рассказа? Мне кажется, что «Братья» имели бы по-английски такой же успех, как «Господин из Сан-Франциско»⁴, и, простите за дерзость, с легким сокращением дидактической части в конце, которая как-то замедляет силу течения. Этот рассказ совершенно неотразимо побеждает читателя. И другим мне кажется — «Сны Чанга»⁵. Не потому, что оба не из русской жизни, а по их новизне и силе. Переводчика можно найти настоящего, т.е. с поэтическим пониманием, а не только знающего язык. И такой журнал, как, напр<имер>, *Atlantic Monthly*, был бы интересен и в финансовом отношении⁶. Очень хотелось бы, чтобы эти рассказы были распространены среди широкой публики.

Шлю сердечный привет и пожелания здоровья Вам и Вере Николаевне.

Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4933). В начале письма помета Бунина: «Подстр<иженными> глазами». По-видимому, Бунин намеревался продолжить свои филиппики против Ремизова на примере его книги: *Ремизов А.М. Подстриженными глазами: Книга узлов и закрут памяти*. Париж: YMCA-Press, 1951.

¹ № 56.

² Вместо эпиграфа к так и не написанной книге Сазонова воспроизвела слова Бунина в обзорной статье о нем: «Писал Бунин легко, с восхитительной быстротою, и знал он все языки: “наших прежних дворовых, мужиков самых разных местностей, и нищих, и богатых, однодворцев, мещан всяческих званий и положений, базаров, ярмарок, постоянных дворов, уездных трактиров до самых гнусных из них, странников, странниц”» (*Сазонова Ю. Бунин // Русская мысль*. 1956. 15 ноября. № 978. С. 5).

³ См. № 57 и примеч. 2 к нему.

⁴ Как Сазонова вскоре узнала (см. № 60), перевод рассказа «Братья» уже имелся в составе изданного в Лондоне в 1949 г. сборника «*Dark Avenues*», а впоследствии (см. № 64) Бунин обратил ее внимание и на существование более раннего американского перевода.

⁵ Рассказ «Сны Чанга» вошел в самый известный и часто переиздававшийся в 1920–40-е гг. сборник рассказов Бунина на английском языке: *Bunin I. The Gentleman from San Francisco and Other Stories / Authorized translation from the Russian by V.G. Guerney*. New York: Alfred A. Knopf, 1923. (В 1923 и 1935 гг. заглавие рассказа послужило названием сборника при очередных переизданиях: «*The Dreams of Chang and Other Stories*».)

⁶ К 1957 г. тираж основанного в Бостоне в 1857 г. и выходящего по сегодняшний день ежемесячного литературного журнала «*Atlantic Monthly*» достигал четверти миллиона экземпляров (см.: *Weeks E., Flint E. Jubilee: One Hundred Years of The Atlantic*. Boston; Toronto: Little, Brown and Company, 1957. P. xiii).

59

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

4 июля 1953 г. Париж

4 июля 1953 г.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Беспокоюсь — здоровы ли Вы? Давно нет от Вас ни слуху ни духу! Получили ли мое письмо с Вашей статейкой и стихами Д<он>-Аминадо («Посл<едние> нов<ости>». 1931 г.)¹?

Ваш Ив. Бунин

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ Ни упоминаемое письмо Бунина (по-видимому, ответ на № 57 и 58), ни ответ на него Сазоновой не сохранились (см. начало № 60). Судя по пометам в начале № 54 и 57 (см. примеч. к ним) и по реакции Сазоновой в № 60, Бунин вложил в письмо вырезку с ее статьей 20-летней давности по поводу присуждения ему Нобелевской премии, однако не удалось установить, какая статья имелась в виду. В 1931 г. Дон-Аминадо (наст. фам. Аминад Петрович Шполянский; 1888—1957) опубликовал в «Последних новостях» более полутора сотен стихотворений.

60

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

10 июля 1953 г. Нью-Йорк

MRS JULIA SAZONOVA
64 ALTA AVENUE PARK HILLS
YONKERS, NEW YORK

10 июля 1953 г.

Дорогой Иван Алексеевич, я тронута Вашей открыткой¹ — и смущена. Неужели я не ответила на Ваше чудесное письмо? Я была уверена, что тотчас написала Вам и даже упомянула о встрече с породистым афганом, который был так умен и молчалив, что показался мне Вашим Чангом. Но, очевидно, письмо осталось неотправленным. Я действительно была больна и даже пролежала некоторое время, и потому все так вышло. Простите.

Сердечное спасибо за то, что Вы одобрили мою статью в «Новом журнале». Это большая для меня радость. Стихи Дон-Аминадо действительно очень хороши. Какое расстояние прошла за истекшие годы газетная юмористика — от Аминадо до Аргуса². Спасибо за присылку моей статейки! Я

искренно обрадовалась тому, что Вы вернулись к мысли об издании сборника Ваших рассказов. «Братья» я нашла в числе переведенных для лондонского сборника. Для тех, что еще не переведены, можно найти переводчиков здесь. Вас здесь знают и любят, и сборник несомненно будет иметь распространение. В том, как Вас знают и любят, я лишней раз убедилась, читая лекцию в Колумбийском университете и говоря о Вас³. После лекции задавали вопросы, обнаружившие знание Ваших вещей и большой к ним интерес. Лекция была только для студентов, но народу было много, так как пришли с других курсов. Лекция будет теперь повторена в летнем семестре, когда съезжаются студенты из других университетов. — Сейчас для издательств мертвый сезон, так как многие разъезжаются. После Labor Day в начале сентября⁴ ретиво примусь за дело, а пока навожу справки. У меня есть рекомендация к Кнопфу — можно ли обращаться к нему?

Не могу не похвалиться в заключение, что на дереве возле моего окна в гнезде вывелись дрозды и теперь гуляют по полянке в саду перед моим столом вчетвером — родители с дроздятами. Очень красивое зрелище, и я уверена, что Вам оно бы понравилось. Есть ли слово дрозденек? И почему его нет? Простите за неожиданный поворот мыслей.

Шлю сердечный привет и пожелания здоровья Вам и Вере Николаевне. Сердечное спасибо за письмо.

Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4934).

¹ № 59.

² Аргус (наст. имя Михаил Константинович Айзенштадт; 1900–1970) выступал регулярно на страницах «Нового русского слова» с фельетонами в стихах.

³ См. № 51 и примеч. 2 к нему.

⁴ День Труда (*англ.*) — празднуется в США (и Канаде) в первый понедельник сентября.

61

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

26 июля 1953 г. Нью-Йорк

MRS JULIA SAZONOVA
64 ALTA AVENUE PARK HILLS
YONKERS, NEW YORK

26 июля 1953

Дорогой Иван Алексеевич, меня очень беспокоит Ваше молчание. Давно-давно не было ни слова от Вас. Вы меня избаловали быстрыми ответами, и я каждое утро шарю в почтовом ящике в тщетной надежде увидеть

Ваш почерк. Вспоминаю мое последнее письмо — может быть, было что-нибудь, что Вам захотелось «перемолоть», но не думаю, да и непохоже на Вас: Вы бы прямо сказали.

Очень тревожусь о Вашем здоровье. Как переносите жару? Какое самочувствие? Остаетесь ли до осени в Париже? Или все же уезжаете на юг? Каковы вести из Чеховского издательства? Там как будто все налаживается благополучно.

Здесь жара была ненормальная даже для этих мест, и мы чувствовали себя какими-то тропическими животными на индейской широкой тропе к океану. Океан, впрочем, пролился грозами на наши головы. Я надеюсь, что подобной жары у Вас не было и что Париж оставался Парижем, хотя и наводненным иностранцами.

Я переживаю август, чтобы начать хлопоты о Вашем издании. Теперь я рисковала бы попасть на какого-нибудь заместителя и испортить дело. Я еще не получила Вашего ответа насчет возможности включить в сборник непереуевденные вещи, поручив перевод кому-либо из молодых, не связанных привычными формами. Переведен ли «Казимир Станиславович»¹?

В заключение хочется спросить у Вас мнение насчет заглавия, которое я хочу дать первому тому «Истории русской литературы», выходящему по-английски у Dutton и по-русски в Чеховском издательстве. Первый том включает фольклор и древнюю письменность до конца династии Рюриковичей. Я хочу назвать: «И страна наречется Светлая Россия» из старца Филофея о третьем Риме². Не претенциозно ли? Не сладко ли? Это отвечает основным стремлениям данного периода.

Шлю сердечный привет Вам и Вере Ник<олаевне>.

Желаю вам обоим здоровья и всего, всего лучшего.

Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4935).

¹ Как и в случае с рассказами «Братья» и «Сны Чанга» (см. № 58 и 60), «Казимир Станиславович» был уже давно переведен на английский язык и неоднократно напечатан в составе сборника: *Bunin I. The Gentleman from San Francisco and Other Stories / Translated by D.H. Lawrence, S.S. Koteliansky and L. Woolf. Richmond, UK: Hogarth Press, 1922.*

² В опубликованной версии двухтомника Сазоновой (История русской литературы. Древний период) такого заглавия нет, но понравившаяся, по-видимому, Сазоновой фраза приводится ей в статье о Бунине 1956 г. (см. примеч. 2 к № 58): «Перед Буниным стояла Россия, о которой говорит древняя легенда — “И наречется страна Светлая Россия”, — и ей посвящал Бунин каждый час, каждый вздох своей уходящей жизни».

62

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

27 июля 1953 г. Париж

27 июля 1953 г.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Где Вы? Где-нибудь отдыхаете? Напишите два словечка. Я последнее время особенно тяжело болен (астма!), поэтому и не писал.

Целую руку.

Ваш Ив. Бунин

Публикуется по списку Д.П. Сазонова. Сазонов указывает, что оригинал — открытка.

63

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

3 августа 1953 г. Париж

3 авг. 1953 г.

Дорогая Юлия Леонидовна!

Получил Ваше письмо от 26 июля. Вас беспокоило мое молчание? А меня Ваше. Я даже написал Вам каракулями открытку об этом¹, — спрашивая о причине этого молчания, — хотя было письмо от Вас², о котором я забыл в моем шальном состоянии, в котором был (и есть) — по разным причинам и прежде всего по причине особенно скверного нынешнего парижского лета: то была духота, грозовая, не разрешающаяся, потом ливни с грозами, теперь же у нас (уже недели две) собачий холод. И вот и то и другое для моей астмы чистое бедствие. А к этому прибавьте нечто уж совсем дикое: уже много лет живущий у нас писатель Зуров, которого бездетная Вера Николаевна полюбила горячей материнской любовью, сошел с ума и находится сейчас в психиатрической клинике³: он и всегда был психопат, сын польки, почему-то застрелившейся, и пьяницы отца из купеческого рода, а теперь одержим (слава Богу, пока не буйно)⁴. Можете себе представить, что я испытывал и испытываю, глядя на несчастную едва живую В<еру> Н<иколаевну>! А что до нашего с Вами предполагаемого отъезда на юг, то он все равно был бы не мыслим ни при каких обстоятельствах: прежде мы ездили в Juan-les-Pins, когда там существовал некий «Русский дом» Роговского, но теперь он уже не существует за смертью этого Роговского⁵ (оказавшегося, кстати сказать, двойным шпионом — и советским и француз-

ским). Да теперь — и существуй этот дом, мы бы не могли поехать: и не из-за Зурова только, а прежде всего потому, что мы стали уж совсем нищи, живем кое-как (при чудовищной дороговизне жизни теперешней во Франции) только «Чеховским Издательством», а это милое Издательство выпускает меня только единый раз в год, — хотя мои книги идут не плохо, дай Бог не сглазить! — не дает мне ни в чем преимущества перед, например, Терапиано, редким болваном, или перед позорным перепечатыванием идиотских «12 стульев»⁶ (в прошлом году перепечатанных в паскудной парижской «Русской мысли»⁷, возглавляемой гориллой Зеелером⁸ и Борисом Зайцевым, бывшим в свое время чуть не другом Жеребкова во время немцев⁹, называвшим англичан и американцев, «бомбивших» парижские заводы, работавшие на немцев, «Черчилльевскими молодцами», как когда-то говорили: «Суворинские молодцы», охотнорядские молодцы).

Все, все это пишу Вам, дорогая Юлия Леонидовна, в строжайшем секрете от всех, в том числе и от В<еры> Н<иколаевны>.

Поехать куда-нибудь мы не могли бы теперь еще и потому, что теперь *большой труд* для меня добраться в соседнюю комнату или умыться: после операции, перенесенной мною три года тому назад, ноги почти не служат мне. И вообще... «Се аз отхожу света сего», как сказал в своем завещании Великий Князь Ярослав¹⁰.

Дай Бог Вам, дорогая, здоровья и всяческого преуспевания в работах Ваших. «И страна наречется Светлая Россия» — заглавие это мне нравится. Но как оно будет звучать по-английски¹¹?

Целую Вашу руку с большой любовью.

Преданный Вам сердечно

Ив. Бунин

P.S. То, что Вы не спешите говорить обо мне с американскими издателями в такое мертвое время, хорошо.

Завтра надеюсь послать Вам список того, что издано из моих вещей в Америке¹².

Публикуется по списку Д.П. Сазонова. Примеч. Д.П. Сазонова: «<...> Бунин ее глаз не пощадил: на прозрачной бумаге, с одной стороны почерк красный, с другой синий, и, как говорится по-французски: “a cheval”, “chevauchant” <скачущие, налезавшие друг на друга — фр.>, точно толчая на пляже в разгаре лета».

¹ № 62.

² № 60.

³ О помещении Зурова в психиатрическую клинику 20 июля 1953 г. см. публ. переписки Бунина и Зурова в наст. изд. № 77 (примечания).

⁴ О Зурове Д.П. Сазонов отозвался в своих примечаниях: «Хорошо мне лично знакомый, близкий друг Буниных, автор романа “Марьянка”, навестивший меня на юге в 1930—1933 годах»; «Не верится: так спокоен, когда с ним побеседуешь изредка, заговорит, чтобы сказать умное, а слушает очень терпеливо, лишь пунктуируя каждую мою фразу как фельдшер “Хирургии”: “М-да... да... да...” (вот, значит, объяснение моего

впечатления, что красивое его лицо с большим орлиным и доблестным носом и с глубокими пронзительными серыми глазами скорее польское, чем русское».

⁵ В 1947–1950 гг. Бунины несколько раз отдыхали в Русском доме в Жуан-ле-Пене, которым заведовал Евгений Францевич Роговский (1885–1950). См. о нем: *Звягин С.П. Эсер Е.Ф. Роговский. Попытка реконструкции биографии // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества. Опыт уходящего столетия: Материалы конференции. Омск, 2000. Ч. 1. С. 113–120.*

⁶ Литературные воспоминания Юрия Константиновича Терапиано (1892–1980) «Встречи» и переиздание романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» вышли в Изд-ве им. Чехова в 1953 г.

⁷ Роман «Двенадцать стульев» печатался в парижской газете «Русская мысль» на протяжении почти всего 1951 г. (9 февраля. № 344 – 12 декабря. № 403).

⁸ Зеелер Владимир Феофилович (1874–1954) — секретарь Союза русских писателей и журналистов в Париже. (См. также примеч. 9 к № 16.)

⁹ Бунин здесь опять (ср. примеч. 8 к № 16) без какого бы то ни было основания причисляет Зайцева к приближенным Юрия Сергеевича Жеребкова (1908 – после 1980), главы Управления делами русских эмигрантов во Франции во время немецкой оккупации, что равняется обвинению в коллаборационизме.

¹⁰ Из завещания великого князя Киевского Ярослава Мудрого (978–1054). (Подробнее см.: *Завещание Ярослава Мудрого / Пер. с древнерус. Д.С. Лихачева // О, Русская земля! / Сост., вступ. ст. и примеч. В.И. Грихин. М.: Советская Россия, 1982. С. 209.*)

¹¹ См. конец № 61.

¹² В списке Д.П. Сазонова только его копия статейки о Бунине (с его пометой: «Вот кое-что переведенное») из изданного в Лондоне справочника «Who's Who» за 1952 г. дает приблизительное представление о книжных изданиях переводов произведений Бунина на английский язык: «Bunin Ivan; born Voronezh 1870. Hon. Nobel Prize for Literature for 1933. Publications: "The Village", 1911 (in English 1923); "The Brothers"; "The Gentleman from San Francisco"; "An Evening in the Spring", "The Rose of Jericho", "The Well of Days" 1933; "Grammar of Love" 1935; "She" 1936; "Tolstoy's Liberation" 1937; "Dark Avenues (and other stories)" 1949; etc. Address: 1, Rue Jacques Offenbach, Paris 16, France». (Бунин значился в «Who's Who» с 1925 по 1954 г.)

64

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

5 сентября 1953 г. Париж

5 сентября 1953 г.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Где вы? Как живете-можете? Давно, давно, нет от Вас ни словечка! Я просто околеваю от удушья, да это не ново...

Мертвый сезон у Вас кончается — будете ли Вы столь добры, чтобы поговорить теперь с американскими издателями относительно издания моих «Темных аллей» (с добавлением к ним «Весной, в Иудее» и «Ночлега») по-английски? Кнопфа я боюсь, — он жулик. Дубльдей не хочу — он доносит французскому правительству о контрактах с ним авторов, живущих во Франции, а французское правительство дерет с них налог за это. О других издателях Вам лучше знать.

Вы мне писали, кажется, о моем рассказе «Братья», но «Братья» уже были переведены в Америке¹.

Отзовитесь, дорогая Юлия Леонидовна.

Целую Вашу руку, всего доброго.

Ваш Ив. Бунин

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ См. № 58 и примеч. 4 к нему.

65

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

Середина сентября 1953 г. Нью-Йорк

MRS JULIA SAZONOVA
[64 ALTA AVENUE PARK HILLS
YONKERS, NEW YORK]

Новый адрес.
640 West 231 Street, Apt 7J
Riverdale, Bronx 63
New York

Дорогой Иван Алексеевич,

Простите, ради Бога, за мое молчание. Не писала, так как знала, что письма не ходят¹. Ваше письмо² было задержано забастовкой и пришло почти одновременно с Вашим вторым³. А оба они еще были задержаны медлительной Yonkers'кой почтой при пересылке сюда на 231 улицу, куда я переехала неделю тому назад⁴. Это в городе, но в зеленой его части — вокруг нас роши и из окон видно только безбрежное море деревьев и полный горизонт, так что восходы особенно красиво <так!>. Все это отняло время, и я только сейчас возвращаюсь к нормальной рабочей жизни. Я собираюсь тотчас начать розыски издателя для Ваших рассказов — Вы знаете, как это близко меня интересует и с какой охотой я этим займусь. Имеете ли новый контракт с Чех<овским> изд<атель>ством⁵? У них, кажется, все еще не получены новые фонды, а Вреден болен (у него была операция грыжи) и вернется к своим обязанностям не ранее 15-го октября.

Иду сейчас завтракать с милой Кодрянской и будем говорить о Вас: я еще не видала ее как следует со времени ее возвращения, так как она тотчас уехала во Флориду и мы виделись перед ее отъездом туда лишь на один или два часа⁶.

При переезде на новую квартиру первые книги, которые были поставлены мною на полку, были Ваши, — и это машинально, так как я дорожила

тем, чтобы они были сразу в чистоте и сохранности, — а уже потом был водружен Пушкин. Сейчас все в порядке, и я пишу Вам, поглядываю на уютную Вашу полочку.

Я очень беспокоилась и беспокоюсь о Ваших печальных событиях.

Привет сердечный Вере Николаевне от меня и Мити, который ее помнит хорошо со времен Clausonne'a.

Шлю Вам пожелания здоровья и надеюсь, что тяжелые беды теперь уже миновали и все стало лучше. — Нежный привет.

Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4936). Датируется по содержанию и по сопоставлению с № 67.

¹ 5 августа 1953 г. во Франции началась волна забастовок рабочих самых разных профессий. В частности, работники почтовых служб бастовали до последней недели августа, и лишь после этого постепенно нормализовалась работа почты.

² № 63.

³ № 64.

⁴ В сентябре 1953 г. Сазонова совершила последний из своих многочисленных американских переездов — из дома Юркевичей в Йонкерсе в квартиру по указанному в начале письма адресу.

⁵ Речь идет о сборнике «Петлистые уши». Только через 4 месяца после смерти Бунина Александра сообщила Буниной в письме от 3 марта 1954 г.: «<...> скоро, может быть, в начале будущей недели Вам будет послан контракт» (РАЛ. MS. 1067/1006).

⁶ Судя по письму Ремизова к Кодрянским от 1 сентября 1953 г., последние отправились из Франции в США в начале августа непосредственно перед началом забастовки (см. примеч. 1): «Вы уехали, и все двери закрылись. Ни почты, ни метро, как в оккупацию. Вся улица от почты до Суханова была завалена мешками — не песок, как в войну, а с письмами» (Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 325).

66

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

21 сентября 1953 г. Париж

21 сентября 1953 г.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Я просто в отчаянии. Где Вы, что с Вами. Сто лет от Вас ни словечка! Уже несколько раз писал Вам подобное — ни звука в ответ!! Пишу еще раз и еще раз воплю: отзовитесь!

И В<ера> Н<иколаевна> очень беспокоится.

Целую Вашу руку.

Безнадежно полюбивший Вас

Ив. Бунин

Публикуется по списку Д.П. Сазонова. Сазонов указывает, что оригинал — открытка.

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

Конец сентября 1953 г. Нью-Йорк

MRS JULIA SAZONOVA
[64 ALTA AVENUE PARK HILLS
YONKERS, NEW YORK]

640 West 231 Street
Kingsbridge Riverdale,
Bronx 63, New York
telephone: 8-3180

Дорогой и надежно любимый Иван Алексеевич, получила Вашу милую открыточку¹ и сейчас же откликаюсь. Вы верно уже получили мое письмо с новым адресом, посланное тотчас после нашего переселения в эти живописные места². Переезд с книгами и бумагами был нелегкий, но это миновало, и я чувствую себя более или менее оседло, хотя часть книг и бумаг еще лежит на полу без пристанища. Я уже писала Вам, что сейчас же после переезда я открыла первый ящик с книгами и Ваши прыгнули первыми на полочку, чтобы смотреть в полной неприкосновенности сверху на первоначальный хаос.

Была в Чеховском издательстве. Все имеет благополучный вид и фонды, вероятно, будут. Вреден 15-го октября возвращается к работе, и я уверена, что первым подписанным контрактом будет Ваш. Да иначе и быть не может.

Думаю и тревожусь о Вас постоянно. Знаю сравнительно мало о Вашем здоровье и самочувствии. Зурову, как мне передавали, теперь лучше; я всем сердцем сочувствую Вере Николаевне и Вам и радуюсь тому, что наступило облегчение³. Напишите побольше о себе.

О сборнике начну хлопотать теперь же самым решительным образом. Вы знаете, как я дорожу этим и как хочу, чтобы удалось.

Мечтаю о весенней поездке в Париж и о *gue Jacques Offenbach*. Этой весной я совсем было собралась, да удержали непредвиденные обстоятельства, а сейчас возня с книгами, которые назначены к выходу в начале 1954 г. Думаю к весне быть свободной и перебежать через Океан. Вы и представить себе не можете, как этого хочется.

А пока шлю нежный-нежный привет от всей души и всего сердца, желаю здоровья и всех радостей. Передайте мои сердечные приветы Вере Николаевне.

Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4937). Датируется по сопоставлению с № 65–66 и 68, а также по приведенному в примеч. 3 письму Кодрянского.

¹ № 66.

² № 65.

³ По-видимому, источник сведений о здоровье Зурова — Кодрянские. 23 сентября 1953 г. Кодрянский ответил Буниной на ее письмо от 20 сентября: «Я рад, что здоровье Лени лучше и что доктора надеются и на дальнейшее улучшение» (РАЛ. MS. 1067/3363).

68

И.А. БУНИН — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

20 октября 1953 г. Париж

20 октября 1953

Очень рад был, дорогая Юлия Леонидовна, получив Ваше письмо¹ и узнав из него, что все у Вас благополучно (а то *очень* беспокоился). Не отвечал Вам на него, п<отому> ч<то> у меня было воспаление легкого. Теперь медленно поправляюсь, но пишу еще в постели, полусидя. Завтра надеюсь написать Вам больше и лучше.

Целую Вашу руку.

Храни Вас Бог.

Ив. Бунин

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ № 67.

69

Ю.Л. САЗОНОВА — И.А. БУНИНУ

Конец октября — начало ноября 1953 г. Нью-Йорк

MRS JULIA SAZONOVA
[64 ALTA AVENUE PARK HILLS
YONKERS, NEW YORK]

640 West 231 Street
Riverdale, Bronx 63,
New York, U.S.A.
tel. KI-83180

Дорогой Иван Алексеевич,

Очень тревожусь о Вашей болезни и жду вестей. Запутавшись между двумя календарями, я запоздала с поздравлением и теперь шлю его от всей души, хоть и с запозданием, которое прошу простить великодушно. Надеюсь, что здоровье Ваше лучше и что Вы провели Ваш день рождения хорошо¹. Как жаль, что нельзя перепрыгнуть через океан, чтобы приветство-

вать Вас на tue Offenbach. Перо, если оно не бунинское, плохо передает чувство и мысли. С радостью узнала, что Вы пишете книгу о Чехове для Чеховского издательства² — о нем наконец будет сказано настоящее слово. Даже в короткой главе воспоминаний Ваших о нем было сказано больше, чем во всех написанных о нем книгах³.

Я была нездорова, схватила гуляющую здесь простуду очень неприятную и еще не вполне оправилась. Погода совсем обезумела: три дня тому назад было жарко и нельзя было ходить в пальто, а вчера была самая невероятная зимняя вьюга в пору Сибири⁴. Я живу теперь в городе, но все же в полудеревенском месте, и переход от осенней раскраски леса к снежным сугробам был удивителен.

Простите, что еще не могу дать Вам никаких точных ответов насчет выпуска Ваших рассказов по-английски, хотя и стараюсь в этом направлении. Я должна лично повидать нескольких издателей, но моя болезнь этому помешала. Не сердитесь на меня за эту невольную проволочку.

Шлю Вам и Вере Николаевне мой сердечный привет и пожелания здоровья и радостей. Буду счастлива иметь от Вас весточку.

Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/4938). Датируется по содержанию (см. примеч. 1 и 4).

¹ День рождения Бунина отмечался 10/23 (вместо правильного 22) октября. Скорее всего, в 1953 г. состояние здоровья Бунина исключало какое бы то ни было празднество.

² Возможно, об этом говорили Сазоновой в Изд-ве им. Чехова во время упоминаемого в № 67 визита.

³ Очерк «Чехов» (1928–1929) вошел в кн.: *Бунин И.А. Воспоминания*. Париж: Возрождение, 1950. С. 78–104.

⁴ Газета «Нью-Йорк Таймс» описывает такую резкую перемену погоды в период с 30 октября по 3 ноября 1953 г.

70

И.В. И Н.В. КОДРЯНСКИЕ, В.С. И Т.Г. ВАРШАВСКИЕ,
Ю.Л. САЗОНОВА — В.Н. БУНИНОЙ

9 ноября 1953 г. Нью-Йорк

SOMMES AVEC VOUS DANS LE MALHEUR QUI NOUS FRAPPE
TOUS. VOUS EMBRASSONS TENDREMENT. KODRIANSKY VARSAVSKY
SASONOVA

Перевод с французского:

МЫ С ВАМИ В ГОРЕ КОТОРОЕ НАС ВСЕХ СРАЗИЛО. ОБНИМАЕМ
ВАС НЕЖНО. КОДРЯНСКИЕ ВАРШАВСКИЕ¹ САЗОНОВА

Публикуется по оригиналу (телеграмма) (РАЛ. MS. 1067/3364). Судя по отметкам и почтовому штемпелю на обороте телеграммы, она была получена в Париже и доставлена Буниной рано утром 10 ноября 1953 г. Предполагается поэтому, что она была отправлена предыдущим вечером.

¹ Писатель Владимир Сергеевич Варшавский (1906–1978) и его жена Татьяна Георгиевна (урожд. Дерюгина; род. 1922), которые жили в США с 1950 г.

71

Ю.Л. САЗОНОВА — В.Н. БУНИНОЙ

9 ноября 1953 г. Нью-Йорк

MRS JULIA SAZONOVA
[64 ALTA AVENUE PARK HILLS
YONKERS, NEW YORK]

640 W. 231 Street
Riverdale, Bronx 63
New York, USA
9 ноября 1933

Дорогая Вера Николаевна,

Я не могу ничего сказать, я плачу об Иване Алексеевиче, как о родном. Я полюбила его всей душой и чувствую себя вместе с Вами в горе. Мы все покинуты им, мы все были с ним, и то, что он теперь не с нами, такое горе, что не выговорить.

Я послала ему два письма, которых он, может быть, не успел получить¹. Но он, верно, знал, как я была ему предана всем сердцем и как я люблю вас обоих.

Целую Вас крепко. Дай Бог Вам бодрости и сил.
Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/6453). Год дается по содержанию. Описание Сазоновой в дате, возможно, объясняется памятью о том, что ровно 20 лет тому назад, 9 ноября 1933 г., стало известно, что Бунину присудили Нобелевскую премию.

¹ Бунин поблагодарил Сазонову за № 67 (см. № 68), но № 69 он мог, действительно, не получить перед смертью.

В.Н. БУНИНА — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

24 декабря 1953 г. Париж

24.XI.53

Дорогая Юлия Леонидовна,

Наконец собралась с силами написать Вам, поблагодарить за то, как Вы радовали всегда Ивана Алексеевича. Последнее время он готовил для Вас материалы, чтобы Вы могли взять их, когда будете писать о нем книгу. Там есть под таким заглавием: «О происхождении моих рассказов», может быть, не совсем так¹. О «Г<осподине> из С<ан->Фр<анциско>» он, кажется, Вам сообщил². Как только разберусь, так и вышлю. Помнится, был конверт большой, куда мы складывали все, что он намеревался Вам отправить. Эта работа отвлекала его от книги о Чехове. Ведь у него было очень мало сил, а под конец его жизни осталось у него их «на доньшке»... И все же мне не верилось, что конец так близок; уж очень свежа была у него голова. И как иногда он хорошо говорил, читал наизусть стихи Лермонтова, Пушкина, и с какой силой, особенно часто: «Выхожу один я на дорогу». «Ну, конец писал мальчишка, но каково начало! И после этого хотят, чтобы я Есениным восторгался!..» Вообще со смертью Пушкина и Лермонтова он так и не примирился. Все говорил, что живи долго Лермонтов, он, м<ожет> б<ыть>, был бы значительней Пушкина... Много говорил о Чехове. Если я приду в себя, то, м<ожет> б<ыть>, подберу материал его мнений и воспоминаний о Антоне Павловиче.

Я чувствую себя плохо. Обострилось малокровие — оно у меня бывает на нервной почве, предельная усталость, тоска. При этом трудно напряженно работать. Вчера второй раз был у меня врач, дал укрепляющее, предписал правильный образ жизни³. Это легко: вернулся Зуров домой⁴. Врачи ему приказали ложиться в 9 ч. вечера, гулять только днем, работать не утомляясь. Он совсем поправился. На целый год запрещен алкоголь и настоящий кофе, так что у нас не просто дом, а дом отдыха. Сегодня особенно тяжело, как всегда это бывает в праздничные дни.

Был у меня Ник<олай> Дм<итриевич>⁵... Вид у него для его возраста хороший. Был он и в сороковой день на панихиде⁶. Очень милый.

Желаю Вам всяких успехов и возможных радостей, а главное здоровья.

Праздничный и новогодний привет Мите. Напишите подробно о нем, какой он.

Обнимаю Вас. Вы плакали, а я плакать не могу.

Ваша В. Бунина

Публикуется по списку Д.П. Сазонова. Месяц установлен по содержанию.

¹ См. № 75 и 76.

² См. постскрипtum к № 16.

³ О первом визите доктора Владимира Михайловича Зернова (1904–1990) Бунина писала Кузнецовой 22 декабря 1953 г. (Исторический архив Института Восточной Европы при Бременском университете (Германия). Фонд Г.Н. Кузнецовой).

⁴ Зуров вернулся из психиатрической клиники 12 декабря 1953 г. (см. публ. переписки Бунина и Зурова в наст. изд. № 77).

⁵ Миллиоти.

⁶ См. публ. писем Миллиоти к Буниной в наст. изд. № 24.

73

Ю.Л. САЗОНОВА — В.Н. БУНИНОЙ

26 января 1954 г. Нью-Йорк

26 января 1954

Дорогая Вера Николаевна, от всего сердца благодарю за Ваше письмо¹. Прочла с волнением то, что пишете об Иване Алексеевиче. Как грустно, что он не написал всего, что думал о Лермонтове. Лермонтов был ближе и любила я его нежнее — и слова Ивана Алексеевича очень меня обрадовали. Я была поражена тем, что Иван Алексеевич собирал материалы для моей о нем книги. Книгу эту согласилось принять одно хорошее издательство, и я могу продолжать над нею работать². Если удастся приехать в Париж, как много хочется узнать от Вас.

Я надеюсь, что Вы напишете об Иване Алексеевиче, сохранив для нас и для будущего все его мысли, слова, движения, передав самый голос его, как это можете сделать только Вы. Это было бы ценнейшим памятником Ивану Алексеевичу и сохранило бы навсегда его настоящий образ. Я верю, что Вы уже теперь начали это³.

Радуюсь, что Зуров поправился и уже дома. Надеюсь, что Вы будете следовать его режиму. О Вашем здоровье очень беспокоюсь. Лечитесь ли Вы серьезно? Можете ли отдыхать?

Я передала Мите Ваш ласковый привет, он тронут Вашей памятью о нем и благодарит Вас.

Мне хотелось бы сказать Вам, как много и часто я думаю о Вас и об Иване Алексеевиче и как хочется мне Вас увидеть.

Шлю сердечные пожелания здоровья и бодрости. Митя Вам кланяется.

Ваша всей душой,
Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/6454).

¹ № 72.

² В письме к Мамаи Шлецер, написанном в 1955–1957 гг., Сазонова сообщает (в переводе с французского): «Госпожа Бунина живет рядом, я смогу подготовить книгу о Буниной, которую мне заказали в Нью-Йорке для издательства Оксфорд Юниверсити Пресс — как видите, у меня еще есть планы!!» (Bibliothèque Louis Notari, Monte Carlo).

³ См. № 76.

74

Ю.Л. САЗОНОВА — В.Н. БУНИНОЙ

18 мая 1954 г. Нью-Йорк

640 West 231 Street
Riverdale, Bronx 63, NY
18-го мая 1954

Дорогая Вера Николаевна,

Давно собиралась написать Вам. Хотя я знаю от других¹, но хотелось бы знать от Вас самой, как Вы живете, отдохнули ли физически, поправилось ли Ваше здоровье. Часто думаю о Вас. Время ничего не меняет, и жутко при мысли, что то, о чем писал Иван Алексеевич, уже совершилось с ним. Вчера я слушала стихи Ивана Алексеевича в исполнении Л. Гатовой, и дрогнуло сердце, когда она начала чтение с «куней шубки», — вспомнилось письмо Ивана Алексеевича о том, как создавалось это стихотворение².

Мне очень хотелось бы теперь иметь заметки, приготовленные Иваном Алексеевичем для моей о нем работы. Я думала, что сама возьму их, когда приеду в Париж, но поездка не состоялась, так как выходит книга и надо править корректуры. Я буду бесконечно Вам благодарна, если Вы сможете прислать пакет по почте, но, во избежание потери, заказным. Вы говорили, что это большой пакет. Если это возможно, то, может быть, хорошо было бы послать воздушной почтой. Но думаю, что вернее всего послать заказным пакетом. Очень Вас прошу разрешить мне погасить издержки за пересылку, — я не знаю, во сколько это обойдется, и потому не могу сделать это заранее.

Я только что сговорила с редакцией «Нового журнала» относительно большой статьи об Иване Алексеевиче для следующей, сентябрьской книжки³, и для нее хотелось бы использовать заметки Ивана Алексеевича, которые он составлял для моей будущей работы. Эта его готовность помочь меня бесконечно тронула и поразила. Вы так хорошо об этом написали.

Еще раз сердечно Вас благодарю за присылку «Вестника» с палестинскими очерками Ивана Алексеевича⁴, — я их использовала для своего выс-

тупления на вечере его памяти, так как они очень ценны для понимания его творчества⁵.

Статья для «Нового журнала», конечно, не исключает книги для американского издательства, но она более срочная, так как сдать ее надо через месяц.

Я рада, что будет выпущен Чеховским издательством еще том произведений Ивана Алексеевича, и надеюсь, что будет издано полное собрание, том за томом⁶.

Где Вы будете проводить лето? У нас сейчас прохладно, а во Франции, по слухам, жара, обычно бывает наоборот.

Еще раз сердечно благодарю за письмо и присылку «Вестника» и прошу простить меня за то, что обременяю новой просьбой. Буду очень благодарна за вести о Вас.

Сердечный привет от меня и Мити, который Вас помнит.

Ваша всей душой,

Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/6455).

¹ Возможно, речь идет о Кодрянских (ср. № 47, 65 и 67).

² № 43. Актриса Лариса Андреевна Гатова (1894 — после 1971) читала стихи Бунина, в том числе упоминаемое Сазоновой «Бегство в Египет», в Нью-Йорке на его юбилейном вечере 25 марта 1951 г. (*Бутенко В.* Вечер Бунина // Новое русское слово. 1951. 28 марта. № 14216. С. 2). В данном случае речь идет об открытии ее студии, по-видимому, 17 мая 1954 г.: «В небольшом кругу друзей, писателей и поэтов состоялось на днях неофициальное открытие Студии Ларисы Гатовой, б. актрисы МХТ, неоднократно выступавшей перед нью-йоркской аудиторией со своими вечерами художественного чтения. Программа и характер деятельности новой студии определится к началу осеннего сезона. / Лариса Гатова прочитала драматическую поэму “Золушка” С. Кирсанова. Чтение поэмы вызвало подлинный восторг присутствующих. После перерыва, во время которого было предложено угощение, г-жа Гатова прочитала ряд стихотворений И. Бунина» (*Н.Н.* Открытие студии Ларисы Гатовой // Новое русское слово. 1954. 23 мая. № 15366. С. 4). Через 3 года Бунина сама имела возможность послушать чтение приехавшей в Париж Гатовой, как она писала Степун 8 августа 1957 г.: «На днях была у артистки Гатовой, слушала в ее исполнении стихи Бунина и других поэтов. Для артистки она читает прекрасно, но я избалована чтением Ивана Алексеевича. Мне легче было слушать других поэтов и писателей. Она по первому знакомству производит приятное впечатление, выбор стихов тоже удачный» (Исторический архив Института Восточной Европы при Бременском университете (Германия). Фонд Г.Н. Кузнецовой).

³ В данном выпуске «Нового журнала» (1954. № 38. С. 300–302) Сазонова опубликовала лишь рецензию на «Письма о незначительном» М.А. Осоргина.

⁴ *Бунин И.А.* Путевые записки. Путешествие во Святую землю, апрель-май 1907 г. // Вестник РСХД. 1953. № 30. С. 38–42.

⁵ Вечер памяти Бунина, устроенный Русским литературным кружком, состоялся в Нью-Йорке 26 февраля 1954 г. На нем Сазонова читал доклад, который «являл собой критический разбор творчества Бунина, связанный с личными воспоминаниями» и выдержки из которого приводятся в отчете о вечере: «Восьмого ноября прошлого года Бунин склонил на плечо голову и перестал дышать. Он ушел так тихо, что бывшие при нем не поняли и старались привести его в чувство. Душа Бунина была прекрасна. Она жива в его произведениях. Бунин не испытывал влияния старости. Его творческая сила не слабела,

а крепла с годами. За два часа до смерти он работал над книгой о Чехове. Одна из лучших его книг “Темные аллеи” была написана в поздние годы. “Жизнь Арсеньева” в окончательной редакции вышла за год до его смерти. О смерти Бунин помнил всегда, думал и писал о ней всю жизнь, испытывая не ужас, а недоумение, почти отвращение к ней. Во всем бунинском творении нет картин умирания, длительной болезни, агонии. Смерть врывается на миг, отнимая и разрушая, но не в силах нарушить победного движения жизни. Черный фон смерти лишь выделяет ослепительный блеск жизни, основой которой служит любовь. Любовь всегда трагична у Бунина. Ее обрывают смерть или разлука. Значит ли это, что Бунин пессимист и что в мире его царит печаль? Творца “Митиной любви” и “Темных аллей” так же неуместно причислять к категории пессимистов, как и поэтов, воспевавших Тристана и Изольду или Ромео и Джульетту. / Ю.Л. Сазонова подробно останавливается на творческом процессе Бунина. / — Как создаются мои писания? — спрашивает он в одном из писем к ней. — Они складываются как-то помимо меня. Свидетель Бог, что говорю правду. Если придет в голову написать что-либо обдуманное, тотчас запутаюсь и потеряю интерес писать. Вот, например, гляжу на какуюнибудь картинку, горный пейзаж Италии, волхвы в средневековых итальянских одеяниях несут дары Младенцу в яслях и вдруг хочется написать в этом роде что-то, и пишу заглавие: “Бегство в Египет”. А дальше что? Дальше пишу вполне бессознательно то, что кто-то как будто диктует мне. Так зародилось известное стихотворение:

По лесам бежала Божья Мать,
Куньей шубкой запахнув Младенца,
Стлалось в небе Божье полотенце,
Чтобы ей не сбиться, не сплутать.

Такое же мимолетное впечатление породило “Господина из Сан-Франциско” или “Темные аллеи”.

Все творчество Бунина было отдано России — той, для которой нет ни времени, ни делений на годы, исконной, забытой или благословенной Богом, вечной и страстно им любимой России» (Вечер памяти И.А. Бунина // Новое русское слово. 1954. 2 марта. № 16284. С. 3).

⁶ Сборник «Петлистые уши» (1954), подготовленный Буниным к печати перед смертью (см. № 78), и подготовленная В.Н. Буниной его незаконченная книга «О Чехове» (1955) оказались последними книгами Бунина, выпущенными Изд-вом им. Чехова перед его закрытием в 1956 г.

75

В.Н. БУНИНА — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

30 мая 1954 г. Париж

30 V.53

Дорогая Юлия Леонидовна,

Простите, что мгновенно не исполнила Вашей просьбы¹: не могла найти то, что я переписывала о «Происхождении моих рассказов». Это было незадолго до кончины И<вана> А<лексеевича> и не все было им мне продиктовано, поэтому лежало на его письменном столе.

9 ноября утром пришла моя близкая приятельница и стала убирать его комнату², тело его находилось в столовой, и она, как я теперь увидела, со

стола все спрятала в картонку, в которой некогда была прислана «Посылка из Америки»³. Я эту картонку поставила под кресло. И только на днях я обнаружила «Происхождение моих рассказов». К сожалению, это не все, но я продолжаю поиски. А пока посылаю, что нашла⁴. Как найду еще, мгновенно пришлю по авиону⁵.

За это время я немного поболела — легкий грипп и слабость, слабость все клонит в сон. А дел у меня уйма. Главное — разборка «литературного наследства». Есть интересные записи, новые стихи. Много заметок и дневников разной поры⁶.

Меня очень опечалило, что Вы опять отложили Ваш приезд в Европу. Хотела кой о чем посоветоваться. А как Вас ждал Иван Алексеевич!

Последнее время несколько раз виделись с Ник<олаем> Дм<итриевичем>⁷. Он был на обоих вечерах памяти И<вана> А<лексеевича>, а затем у нас⁸. Слава Богу, вид у него хороший и пока здоров. Много рассказывал Зурову о войне⁹. А Зуров показывал ему снимки с церкви, которую реставрировал в Печерах, и еще много другого, чем очень заинтересовал Н<иколая> Д<митриевича>¹⁰. Вероятно, он скоро опять будет у нас.

Мне хотелось бы о многом побеседовать с Вами, многое показать. Лето проведу в Париже, так как а sec¹¹ до осени. Я живу в числах, то есть всегда что в какой день было, а осенью мы оба родились и дни Ангела тоже, и вот начнутся всякие годовщины.

Ну да что писать, — нужно искать, разбирать рукописи.

Обнимаю Вас. Зуров кланяется. Привет Мите.

Ваша В. Бунина

Публикуется по списку Д.П. Сазонова. Год установлен по содержанию и по сопоставлению с № 74 и 76.

¹ № 74.

² Возможно, имеется в виду соседка Буниных Берта Соломоновна Нилус (урожд. Липовская; в 1-м браке Голубовская; 1884–1979), которая помогала Буниной после смерти Бунина ночью 8 ноября 1953 г. (см.: Болезнь и смерть Бунина. Письмо В.Н. Буниной // Новое русское слово. 1953. 21 ноября. № 15183. С. 2).

³ Возможно, большая продуктовая посылка, за которую Бунина благодарит Кузнецову в письмах от 9 и 30 октября 1950 г. (Исторический архив Института Восточной Европы при Бременском университете (Германия). Фонд Г.Н. Кузнецовой).

⁴ В приложенной первой партии были записи, относящиеся к 9 рассказам Бунина в следующем порядке (если список Д.П. Сазонова достоверен): «Господин из Сан-Франциско», «Легкое дыхание», «Натали», «Второй кофейник», «Темные аллеи», «Муза», «Кавказ», «Визитная карточка», «Про обезьяну». Только запись о «Господине из Сан-Франциско» значительно отличается от текстов публикации, подготовленной Буниной: <Бунина И.А.> Происхождение моих рассказов // Новый журнал. 1958. № 53. С. 5–11. Вместо «канонической» записи о «Господине из Сан-Франциско», которую она приводит в своей публикации (ср. также версию в постскрипуме к № 16), здесь Бунина дает расшифровку записи военного периода на отдельном листе из тетради «Копилка» (РАЛ. MS. 1066/550): «Сентябрь 1944 г., Grasse, A<Ips> M<aritime>». / Вспоминаю происхождение моих рассказов: / «Господин из С<ан->Франциско». / С трудом перечитывал на днях (по-французски) «La mort à Venise» Томаса Ман<н>а — так плохо, что стыдно читать. Но когда-то

написал, благодаря этой книжке, “Господин из С<ан->Франциско”: увидел русский перевод ее в 1915 г. в витрине какого-то книжного магазина на Кузнецком в Москве и забыл о ней; но осенью того года, в Васильевском, вспомнил ее заглавие (самой книжки тогда еще не читал), и мелькнула мысль написать “Смерть на Капри” — так сперва и хотел озаглавить “Господин из С<ан->Ф<ранциско>”. / В том отеле на Капри (“Квисисана”), где мы с В<ерой> Н<иколаевной> и моим племянником Н.А. П<ушешниковым> жили три зимы, действительно умер однажды от удара какой-то американец, но совсем небогатый. / Вернувшись в деревню, в начале осени сел писать “Смерть на Капри” и написал в четыре дня то, что потом озаглавил иначе: “Г<осподин> из С<ан->Ф<ранциско>” (РАЛ. MS. 1066/665). (Текст присланной Сазоновой расшифровки исправлен по оригиналу, в котором отсутствует, однако, последнее предложение, что очень характерно для этого текстологически крайне проблематичного свода «автокомментариев» Бунина к своим произведениям.) Упомянутый Буниным американец, ставший прототипом «Господина из Сан-Франциско», был уроженец Сан-Франциско Альберт ле Бретон (Albert le Breton; 1851–1914), который остановился в отеле «Квисисана» с женой Нопи (Norie) и скончался там 3 марта 1914 г. (Centro Documentale, Isola di Capri).

⁵ См. начало № 77.

⁶ Серия публикаций архивных материалов, подготовленная для «Нового журнала» Буниной, так и называется «Из литературного наследия И.А. Бунина» (Новый журнал. 1959–1960. № 57–62).

⁷ Миллиоти.

⁸ Вечера памяти Бунина были организованы в Париже 11 апреля 1954 г. Объединением русских писателей и поэтов (Хроника. Т. 1 (5). С. 626–627) и 10 мая 1954 г. Международным ПЕН-клубом (И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. С. 122).

⁹ Об участии Миллиоти в Первой мировой войне см. Приложение к публ. его писем к Буниной в наст. изд.

¹⁰ Об этнографических и археологических экспедициях Зурова в Эстонии в 1930-е гг. см. вступ. ст. к публ. переписки Бунина и Зурова в наст. изд.

¹¹ На мели (*фр.*).

76

В.Н. БУНИНА — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

7 июня 1954 г. Париж

7 июня 1954

Дорогая Юлия Леонидовна,

Посылаю еще несколько страничек, — вчера вечером отыскала их. К сожалению, сегодня праздник и заказных писем не принимают, пошлю завтра утром¹. О двух рассказах написала я по памяти². К сожалению, И<ван> А<лексеевич> был очень скрытен относительно процесса своего творчества, и только последние годы стал об этом говорить. А незадолго до смерти, так за месяц, полтора диктовал мне «Происхождение моих рассказов». Но делал это из-за слабости и удушья редко и «по столовой ложке», — много он унес от нас навсегда.

Сегодня едем на кладбище — здесь Алдановы, и они захотели побывать там³. Завтра 7 месяцев, как он ушел.

Я почти все разобрала из его бумаг, — осталось немного писем.

Думаю приступить к его «биографии», но это не может быть биографией за неимением всех материалов до встречи со мной, то есть больше тридцати лет его жизни до меня⁴. Конечно, я очень о многом знаю, слышала, но ведь в биографии нужны точные даты. А я, например, не знаю года, когда он бросил гимназию, кроме того, не знаю года его «первой женитьбы», не на Цакни⁵, а на «Лике», которая только в первых главах была похожа на его первую большую влюбленность, а затем он уже от нее отошел⁶. Мне кажется, в Лике много женщин, с которыми у него были те или другие отношения. Между прочим, есть некоторые материалы продолжения «Жизни Арсеньева», которые он хотел озаглавить «Дни и годы»⁷...

Простите, что сразу всего не послала, я еще далеко не поправилась и, конечно, не примирилась, что, может быть, и грешно.

Привет Мите. Обнимаю Вас, жалею, что скоро Вас не увижу.

Ваша В. Бунина

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ С 1886 г. во Франции понедельник после Пятидесятницы (Lundi de Pentecôte) (в 1954 г. — 7 июня) — дополнительный выходной.

² Вторая партия записей содержит записи об 11 рассказах, 3 из которых представлены и в первой партии записей (ср. перечень в примеч. 4 к № 75): «Метеор», «Косцы», «Темные аллеи», «Натали», «Муза», «Песня о гоце», «Сверчок», «Жертва», «Степа», «Баллада», «Второй кофейник». Тексты восьми записей совпадают с текстами в публикации Буниной в «Новом журнале» (см. там же), но рассказ «Темные аллеи» здесь представлен версией, которую Бунин прислал Сазоновой в постскрипуме к № 16, и, как Бунина пишет Сазоновой, о двух рассказах она приводит свои собственные воспоминания: «“Гоца” я задумал писать в Индийском океане по пути на Цейлон, но написал только начало. “Как странно”, — сказал Ян задумчиво. / 22 июля 1953 года. Из моего дневника <Бунина цитирует свой дневник — РАЛ. MS. 1067/428> / Помню я, как был задуман и написан “Сверчок”. Мы приехали на Капри в 1911 году в ноябре месяце. С нами был и племянник И<вана> А<лексеевича> Н.А. Пушешников. / Добравшись до Капри, мы увидели, что денег мало, нужно посылать рассказ к Сытину в газету “Русское Слово”. Был вечер, как всегда перед сном пошла прогуляться. Холодно. Дошли до площади, откуда открывается вид на Неаполь. Встали у парапета. Неаполя не видно — туман. Стали почему-то говорить о том, что сейчас в деревне. И кто-то из моих спутников сказал: “А какие туманы бывают у нас зимой!” — “Разве зимой бывают туманы?” — с удивлением спросила я. / — “Да еще какие!” — ответили оба в один голос. / — “А помнишь, — спросил И<ван> А<лексеевич> у племянника, — слыхал, как однажды в такой зимний туман замерз мужик на плечах у своего маленького хилого отца?”... / А на следующий день был почти готов рассказ, который был озаглавлен “Сверчок”. И через день был послан в газету. / Помню еще рассказ Ивана Алексеевича, как возникла “Жертва”. — В юности он раз возвращался из Эльца на подводе с кирпичами. И их застала гроза, ужасная; И<ван> А<лексеевич> лежал под рогожей, на твердых кирпичах, выглянул и увидел, как при молнии осветились стружки на каком-то дворе, кажется, в деревне Овсяный Брод. И это воспоминание дало рассказ “Жертва”. Все выдуманно, кроме того, что у нас на деревне Глогово молния попала в избу и опалила чепчик девочки, а она осталась невредима. Малого и грудную девочку же пришлось закапывать в землю. Мы были в этой избе и видели этот чепчик.

³ 9 июня 1954 г. Бунина записала в дневнике: «Третьего дня были с Алдановыми <...> на кладбище. М<арк> А<лександрович> был очень взволнован. Купили с ним цветов и поставили на могилу» (РАЛ. MS. 1067/431).

⁴ В конечном итоге опубликованная Буниной биография мужа (*Муромцева-Бунина В.Н.* Жизнь Бунина: 1870–1906. Париж, 1958) охватывает только период до их знакомства и сближения, недостающие сведения она установила в процессе «разборки «литературного наследства»» (см. № 75).

⁵ На Анне Николаевне Цакни (1879–1957) Бунин женился в 1898 г. и после 18 месяцев супружеской жизни с ней и рождения сына Николая (скончавшегося от скарлатины в 1904 г. в пять лет) от нее ушел. Так как она отказалась дать развод, их брак был расторгнут лишь в 1922 г., когда Бунин официально женился на В.Н. Муромцевой, которая к тому времени была его спутницей уже 16 лет.

⁶ Ср. № 43 и примеч. 2 к нему.

⁷ Сохранилась подборка фрагментов и записей, частично набело переписанных Буниным, с заглавием: «К «Жизни Арсеньева» (Том второй. «Дни и годы») [Записи Арсеньева]» (РАЛ. MS. 1066/309). Часть записей опубликована Зуровым: Заметки И.А. Бунина (Новый журнал. 1965. № 79. С. 143–149); Записи (Новый журнал. 1966. № 82. С. 120–122).

77

Ю.Л. САЗОНОВА — В.Н. БУНИНОЙ

4 июля 1954 г. Нью-Йорк

640 W. 231 Street, Riverdale
Bronx 63 NY.
4-го июля 1954

Дорогая Вера Николаевна,

Сердечное спасибо за присылку заметок о Происхождении произведений Ивана Алексеевича. Я бесконечно тронута этим. Заметки Ивана Алексеевича представляют огромный интерес. Я получила от Вас три письма со вложением печатных листков: два обыкновенной почтой и одно воздушной¹. Все ли это, что составляло пакет, о котором Вы писали мне в первом письме после кончины Ивана Алексеевича² и сообщали, что он для этих записок отрывался от своей книги о Чехове, или Вы думаете, что есть еще что-либо оставшееся от этого «большого пакета»? Спрашиваю об этом, так как хочу по-настоящему приняться за работу, когда все, относящееся к вопросу о зарождении его вещей, уже будет собрано у меня. Возможно, что найдется еще что-либо среди заметок, и, конечно, буду бесконечно благодарна Вам за посылку.

Безгранично радуюсь тому, что Вы теперь принимаетесь за писание биографии³. Я убеждена, что это не только будет лучшее, что написано об Иване Алексеевиче, но и вообще лучшая биография писателя. У Вас есть редкий дар выражения и та способность искреннего, естественного чувства, которая пронзает сердце читателя. Ваши письма, такие простые, нельзя читать без волнения. А уж кто лучше Вас знает и понимает жизнь Ивана Алексеевича. Думаю и надеюсь, что это возрождение в памяти всего прожитого поможет Вам провести дни годовщин, о которых Вы мне писали. Я жду, как и многие вместе со мной, этой биографии, написанной Вами, с

большим нетерпением. Жизнь Ивана Алексеевича может служить примером внутренней цельности и спокойной, без громких заявлений, верности себе, — тому, что он считал правдой и что он передал в своих писаниях. Мы можем это сказать об очень немногих.

Надеюсь, что Ваше здоровье лучше и что лето в Париже не слишком Вас утомляет. У нас в этом году не очень жарко и живем мы на горе, где всегда ветерок и относительная прохлада, так как много зелени — еще недавно тут был сплошной лес.

Митя сердечно Вам кланяется и тронут тем, что Вы его еще помните.

Радуюсь вестям о Зурове и шлю ему пожелания продуктивной работы. Начал ли он какую-нибудь новую вещь⁴? Передайте ему, пожалуйста, привет от меня.

Желаю Вам бодрости, сил, здоровья и полного успеха в нужной для нас всех работе. Иван Алексеевич для меня всегда живой, я еще не могу понять совершившегося, — но он действительно отошел в вечность, так как пока будет литература и литература русская, он всегда будет живой для всех.

Мой сердечный, искренний привет.

Ваша Ю. Сазонова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/6456).

¹ № 75–76 и, предположительно, упомянутое в № 75 дополнительное послание.

² № 72.

³ См. № 76.

⁴ См. № 78 и примеч. 9 к нему.

78

В.Н. БУНИНА — Ю.Л. САЗОНОВОЙ

7 сентября 1954 г. Париж

7 сентября 1954

Дорогая Юлия Леонидовна,

Я просила «Чеховское издательство» послать Вам «Петлистые уши»¹. Надеюсь, Вы получили. Буду счастлива, если Вы о них напишете. Может быть, в «Новом журнале»²? Я перечитала всю книгу³. «Худая трава» вызывала на глазах слезы, — последние годы Иван Алексеевич часто называл себя Аверкием⁴... Да и вообще это рассказ несказанно трогательный. Очень волновалась, читая «Воды многие» — как это написано! А кроме того, ведь мы вместе шли на «Юнан»⁵. Разрывало сердце и «Город Царя Царей»! Неужели все это было? И как он был жив, подвижен в ту пору: бывало, видишь его на носу, не успеешь оглянуться, а он уже на корме — стройный, ловкий, изящный! Это было одно из самых значительных наших путешествий. Мы и на Цейлон, и

оттуда в Одессу, были единственными пассажирами и жили одной жизнью с моряками, туда с французами, оттуда с русскими, и почти каждый рассказывал мне свою жизнь, делился своими мечтами... И все кануло в Лету! Много и других пронзительных рассказов, недаром он с такой тщательностью подбирал и редактировал их... Первые — жестокие, вторые — благостные⁶. Посылал ли И<ван> А<лексеевич> Вам названия рассказов по категории: «О любви», «Мистические», «О народе»? Если нет, я пришлю Вам⁷. Как бы хотелось видеть Вас и поговорить с Вами о нем! Он любил и ценил Вас.

Сейчас привожу в порядок материалы его для неоконченной книги о Чехове. Очень жаль, что она в целом не написана. Зайцевская с высоты, и есть ошибки. А главное ничего своего и нового. Я все знала. Презрение у Зайцева даже к Захарьину⁸... Обнимаю и целую Вас. Привет Мите.

Л<еонид> Ф<едорович> низко кланяется. Он много пишет⁹.

Ваша В. Бунина

Мы часто вспоминаем Вас с Софьей Юльевной¹⁰ и Натальей Владимировной¹¹, которые ко мне очень добры, как и к Л<еониду> Ф<едоровичу>, — настоящие друзья!

Публикуется по списку Д.П. Сазонова.

¹ 2 сентября 1954 г. Александрова сообщила Буниной, что 1 сентября экземпляры сборника «Петлистые уши» были отправлены Адамовичу, Степуну и Сазоновой (РАЛ. MS. 1067/1008). Свой экземпляр Бунина получила 28 августа 1954 г. (РАЛ. MS. 1066/10221).

² Рецензия Сазоновой под названием «Встреча со смертью» появилась не в «Новом журнале», а в «Новом русском слове» (1954. 14 ноября. № 15541. С. 8).

³ Далее Бунина пишет о вошедших в сборник рассказах.

⁴ Рассказ «Худая трава» (1913) посвящен описанию постепенного умирания мужика Аверкия.

⁵ На пароходе «Юнан» («S.S. Yunan») Бунины плыли из Египта на Цейлон в феврале 1911 г. Бунин опубликовал свой дневник этого путешествия под названием «Воды многие» (1925–1926).

⁶ Сборник «Петлистые уши» состоит из двух главных частей, в которые вошли соответственно 12 и 14 рассказов, выбранных, по-видимому, по описываемым Буниной критериям, и третьей части, состоящей из рассказа «Сны» (1904).

⁷ Ср. № 10 и примеч. 1 к нему.

⁸ Бунина ссылается на описание Зайцевым медицинской учебы Чехова: «Он усердно учился, посещал разные практические занятия, благоговел пред самоуверенными, с самодурством Захарьинными <...>» (*Зайцев Б.* Чехов: Литературная биография. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 32). Григорий Антонович Захарьин (1829–1898) был выдающимся профессором диагностики Московского университета.

⁹ В данное время Зуров был занят, главным образом, своим последним крупным произведением, не опубликованной при его жизни повестью «Иван-да-Марья», которая недавно увидела-таки свет в редакции, подготовленной И.З. Белобровцевой на основе хранящихся в архиве Зурова рукописей (Звезда. 2005. № 8–9).

¹⁰ С.Ю. Прегель (1897–1972) — поэтесса, прозаик, издатель журнала «Новоселье» (1942–1950), общественная деятельница.

¹¹ Кодрянская.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Материалы к летописи жизни и творчества Ю.Л. Сазоновой

Актриса, танцовщица, журналистка, театральная, балетная и литературный критик, директор кукольных театров, преподавательница, писательница, человек глубокой эрудиции, блестящая собеседница — Юлия Леонидовна Сазонова-Слонимская принадлежит к числу наиболее ярких представителей русской культуры первой половины XX столетия. Однако это имя, забытое на долгое время¹, до сих пор остается в тени и не занимает должного места в истории². Николай

¹ Настолько забытое, что знаток русской литературы Глеб Струве поставил неправильную дату ее смерти в первых изданиях своей «Русской литературы в изгнании»; а В.А. Знаменская, ведя переписку со Струве из Советского Союза, не знала, что Юлия Сазонова и Юлия Слонимская — это одно и то же лицо. И до сих пор почти все источники указывают неправильную дату ее рождения.

² До настоящего времени Сазоновой-Слонимской были посвящены следующие научные работы: *Jurkowski H.* Dzieje teatru lalek: od romantyzmu do wilkiej reformy teatr. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1976. P. 234–244; *Сазонов П.* О первом кукольном театре (1962) // Конечный А.М., Мордерер В.Я., Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Артистическое кабаре «Привал комедиантов». Памятники культуры. Новые открытия. М.: Наука, 1989. С. 119–120; *Tribble K.* The Last Symbolist Marionette Theater (Sazonova-Slonimskaja) // Tribble K. European Symbolist Theater: Conventions and Innovations: Doctoral Dissertation. University of Washington, Seattle, 1990. P. 911–938; *Сазонов П.* О театре Ю. Слонимской // Что же такое театр кукол?: Сборник статей / Под ред. О. Поляковой, Н.Б. Филина. М.: Союз театральных деятелей РСФСР, 1990. С. 19–26; *Зыкова Е., Иванова А.* «Нас возвышающий обман...»: Марионеточный театр Юлии Слонимской // Кукольные в Петербурге / Под ред. А.Л. Кулиша. СПб.: Санкт-Петербургская академия театрального искусства, 1995. С. 107–127; *Азадовский К.* «Совершенные существа» (Райнер Мария Рильке и Русский Театр Марионеток) // Marionette Theater of the Symbolist Era / Edited by K. Tribble. Lewiston, NY: Edwin Mellen Press, 2002. P. 289–325. (Mellen Studies in Puppetry; 3); *Posner D.N.* «Theatre des Petits Comediens de Bois»: Slonimskaja's «Puppet Theatre» // Posner D.N. Little Wooden Actors: Puppet Theatre in Russia during the Silver Age, 1905–1920: Master of Arts Thesis. Tufts University, 2003. P. 60–94; *Войскун Л.* «Все образует в жизни круг...»: О Юлии Сазоновой (Слонимской) и ее «Театре маленьких деревянных комедиантов» в Париже // Русское еврейство в зарубежье. 2003. Т. 5 (10). С. 433–450; *Шуклина Е.В.* Ю.Л. Сазонова-Слонимская: феномен эмиграции первой волны. Проблемы творческой биографии: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2004; *Tribble K.* The Puppet Theaters of Julia Sazonova-Slonimskaja // The Puppetry Yearbook / Edited by J. Fisher. Lewiston, NY: Edwin Mellen Press, 2005. Vol. 6. P. 161–208.

Миллиоти в дневнике писал: «Ю.Л.С<азонова> мой друг долгих беженских годов скитаний и парижской зрелой жизни, еврейка, не терпящая евреев³, много страдавший, чудесно умный, замечательный глубокий человек, мать милого Мити»⁴, и еще при жизни назвал ее, наряду с Зинаидой Гиппиус и Тэффи, одной «из 3-х умнейших женщин русской эмиграции»⁵. Ростислав Добужинский, хорошо знавший Сазонову, охарактеризовал ее как «большого энтузиаста»⁶. Красноречива лаконичность ее мужа П.П. Сазонова⁷ по адресу покойной жены в разговорах с ее братом уже в конце 1950-х гг. в Москве: «Часто бывает у нас Петр Павлович <Сазонов. — К.Т.>, с которым мы беседуем о прошлом, настоящем, будущем, и когда заходит разговор о Дите, то он с важностью произносит своим басистым звучным голосом: “Да, Дитя, конечно...”»⁸. Старший брат Сазоновой, пушкинист Александр Слонимский⁹, вспоминает ее жизнь в Петербурге в начале века: «Дитя была блестящей хозяйкой литературного салона, где сходились лучшие представители театра и литературы»¹⁰. В их числе — если верить словам ее сына Д.П. Сазонова — были поэты Осип Манделштам и Александр Блок, причем последний настолько увлекся привлекательной хозяйкой, что Петр Сазонов отказывался оставлять их наедине¹¹.

Причины забвения, которому история предала имя Ю.Л. Сазоновой, понять нетрудно. Четыре книги, которые она опубликовала, давно считаются библиографической редкостью, еще две книги, написанные ею, вообще не появились в печати — их выходу помешала Вторая мировая война. Обосновавшись в Париже в середине 1920-х гг., после безуспешной попытки зарабатывать на жизнь своим кукольным театром, Сазонова далеко не сразу получила признание в качестве литератора. Самые видные посты газетных обозревателей были

³ Несмотря на то, что Миллиоти был окружен любящими его евреями, у него подчас проявлялись антисемитские настроения. См., напр., в письме Д.П. Сазонова к А.Л. Слонимскому от 18 октября 1958: «Н<иколай> Д<митриевич> почти всегда отклонял бабушкины приглашения на обед, п<отому> ч<то> она еврейка» (РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 127об.).

⁴ *Миллиоти Н.Д.* Дневник № 33 за 1933 г. (Собрание Е.Ю. Миллиоти, Москва — в дальнейшем: ЕЮМ). Запись за 26 декабря 1933 г.

⁵ *Миллиоти Н.Д.* Дневник (нумерованный) за 1951–1952 гг. (ЕЮМ). Запись за 9 октября 1952 г.

⁶ В 1916 г. тринадцатилетним юношей Ростислав Добужинский (1903–2000) ходил на кукольный спектакль четы Сазоновых со своим школьным товарищем Юрием Гаушем и до конца жизни хранил яркие воспоминания о виртуозности и пышности спектакля (Личное сообщение публикатору).

⁷ Сазонов Петр Павлович (1883–1969) — актер, режиссер, в первом браке женатый на Слонимской с 1908 г., во втором браке был женат на Елизавете Григорьевне Аджемовой.

⁸ Из недатированного письма А.Л. Слонимского к Д.П. Сазонову (Собрание Д.П. Сазонова, Париж). По почтовому штемпелю можно установить, что письмо было послано в июле 1959 г.

⁹ Слонимский Александр Леонидович (1881–1964) — автор диссертации «Политические взгляды Пушкина» (1906), киносценария «Юность Пушкина» (1936), книги «Мастерство Пушкина» (1959; 2-е изд. 1963).

¹⁰ Из недатированного письма А.Л. Слонимского к Д.П. Сазонову (Собрание Д.П. Сазонова, Париж).

¹¹ Личное сообщение публикатору.

заняты такими мэтрами, как Адамович, Ходасевич, Светлов, Левинсон. При этом, читая фельетоны Даманской, изо дня в день появлявшиеся на страницах «Последних новостей», Сазонова нередко выражала обескураженность по поводу своей писательской карьеры. Ее стали считать авторитетным балетным критиком лишь после смерти Левинсона и Светлова, к середине 30-х гг., а в иерархии литературных критиков она так и не смогла занять видное положение. Много позже Георгий Иванов, ее бывший сотрудник по петербургскому кукольному театру, пренебрежительно назвал ее «Терапианцем в юбке»¹². Вдобавок эмигрантские издания платили плохо, а ее знание французского языка не было безупречным. Только бескорыстная помощь наиболее близких друзей — четы Шлецеров¹³, регулярно редактировавших ее франкоязычные тексты в течение всего парижского десятилетия, а потом еще пару лет после ее возвращения из Нью-Йорка, позволяла Сазоновой занимать заметное место во французском литературном мире.

Статьи и рецензии, напечатанные Сазоновой на русском, болгарском, польском, французском, итальянском и английском языках, разбросаны по всему миру, и только их полное собрание в научно подготовленном издании восстановит ее имя на должном месте в истории культуры XX в. В России ее произведения, написанные в эмиграции, не упоминались до самой перестройки. О напечатанных до эмиграции статьях иногда вспоминали (особенно статью об Островском), но они все были опубликованы под ее девичьей фамилией, а в эмиграции она пользовалась фамилией мужа. Поэтому ее часто путали с балетоведом Ю.Л. Слонимским, который даже не был ее родственником. Подлинный внутренний мир Сазоновой открывается только при знакомстве с ее большим, но до сих пор почти не известным читателям¹⁴ эпистолярным наследием. Настоящая публикация представляет собой скромный, но, как надеется автор, значимый вклад в знакомство читателей с этим наследием.

Ю.Л. Слонимская родилась в Санкт-Петербурге **19 сентября 1884 г.**¹⁵ (а не в 1887 г., как часто пишут¹⁶). Семья Слонимских проживала на Васильевском

¹² В письме к Р.Б. Гулю от 10 марта 1955 г.: *Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции*. Т. III: Россия в Америке / Предисл. и развернутый указатель имен О. Коростелева. М.: БСГ-Пресс, 2001. С. 215.

¹³ Музыковед, переводчик и философ Борис Федорович Шлецер (1881–1969) и его жена (с 1929 г.) Мари Шлецер (урожд. Marie Marguerite Boulian; 1900–1990).

¹⁴ Опубликована пока что лишь ее переписка с Евреиновым: *История одной полемики. Переписка Николая Евреинова и Анны Кашиной с Юлией Сазоновой. 1937–1954*. Статья Юлии Сазоновой «Уличный театр» / Публ., предисл. и примеч. К. Триббла // *Мнемозина: Документы и факты из истории отечественного театра XX века* / Ред.-сост. В. Иванов. М.: «Артист. Режиссер. Театр», 2004. Вып. 3. С. 313–332, 598–602.

¹⁵ Старшего брата Ю.Л. Слонимской — А.Л. Слонимского — крестили в церкви «Введения во Храм Пресвятой Богородицы» в Санкт-Петербурге в 1881 г. Метрическая книга этой церкви за 1884 г. в Центральный государственный архив Санкт-Петербурга на хранение не поступала. В метрических книгах петербургского собора Св. Андрея Первозванного за 1883–1885 гг. и церкви Св. Великомученика Пантелеймона г. Санкт-Петербурга, где в 1894 г. был крещен ее младший брат Николай Леонидович, за 1883–1885 гг. сведений о рождении Слонимской Юлии Леонидовны не имеется (любезно сообщено 4.8.2000 директором архива Л.А. Короченецкой и главным архи-

острове, 2-я линия, д. 11. Следуя примеру своей тети, пианистки и педагога Изабеллы Венгеровой¹⁷, Сазонова по приезду в Америку уменьшала свой возраст из опасения, что преклонный возраст помешает ей найти хорошую работу в новой стране (опасения оказались не напрасными, именно из-за возраста ее научный руководитель Э.Д. Симмонс отказался рекомендовать Сазонову на должность преподавателя). После смерти матери Д.П. Сазонов настаивал на дате ее рождения, соответствующей данным американского паспорта. Именно эта дата (1887) значится на деревянном кресте, установленном на ее могиле на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа¹⁸.

Как и всех ее братьев, Слонимскую крестили по православному обряду (родители приняли православие для получения права на жительство и работу в столице). Юлия Леонидовна узнала о своем еврейском происхождении только в возрасте 15 лет. Страсть к театру проявилась у нее в отрочестве, во время летних каникул, проведенных на даче в Сакуловке, недалеко от Павловска, где Слонимские отдыхали в летнее время с 1896 до 1904 г. Здесь Слонимская часто выступала в любительских спектаклях: сохранилась фотогра-

вистом Н.Г. Жуковой). Заявление Ю.Л. Слонимской о поступлении на учебу в Санкт-Петербургское театральное училище отец сопроводил письмом: «Разрешаю своей дочери Юлии Леонидовне Слонимской, 18 лет, посещать драматические курсы при театральном училище. Коллежский секретарь Леонид Зиновьевич Слонимский. СПб. 2 сентября 1902» (РГИА СПб. Ф. 498. Оп. 1. Д. 5185. Л. 2). См. также: *Slonimsky N. Perfect Pitch: A Life Story*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1988. P. 1. «Год рождения Дити, имей в виду, не есть предмет дискуссии. Тут не может быть никаких “по-моему” и “по-твоему”, пот<ому> что я, Коля и Петр Павл<ович> раньше познакомились с Дитей, чем ты, и лучше знаем, когда именно она родилась. Дитин день рождения — 19 сентября (1 октября) 1884 г. Пожалуйста, усвой это и не лезь в спор» (письмо А.Л. Слонимского к Д.П. Сазонову от 3 марта 1960 г. — Собрание Д.П. Сазонова, Париж). Подтверждают это и семейные обстоятельства Слонимских того времени. В конце 1886 г. заболел отец Сазоновой Л.З. Слонимский и после операции поехал лечиться во Францию в г. По у подножья Пиренеев. Туда поехала с двумя своими детьми (Юлией и Александром) ее мать Ф.А. Слонимская, чтобы ухаживать за больным мужем. Там в 1887 г. она родила тройню «французов» (как о них говорили в семье), все младенцы умерли при родах. Старший брат Сазоновой, шестилетний А.Л. Слонимский, в 1886–1887 гг. учился в лицее г. По (по адресу: рю де Лисэ, 24), З.А. Венгерова поехала в По на помощь сестре (откуда 18 апреля 1888 г. писала брату С.А. Венгерова в Петербург). См. письмо А.Л. Слонимского к Н.Л. Слонимскому (Nicolas Slonimsky Collection. ML31.S6. Box 159. Music Division. Library of Congress. Washington, США).

¹⁶ Вслед за Глебом Струве, неверно указавшим даты рождения и смерти Ю.Л. Сазоновой в первой истории эмигрантской литературы, большинство исследователей повторяют те же ошибки. См.: *Конечный А.М. и др.* Артистическое кабаре «Привал комедиантов». С. 154; *Ремизов А.М.* Неизданный «Мерлог» / Под ред. А. д'Амелиа // *Минувшее*. Вып. 3. С. 244; *Струве Г.* Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. / Под ред. Р.И. Вильдановой, В.Б. Кудрявцева, К.Ю. Лаппо-Данилевского. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. С. 356; *Гуль Р.* Я унес Россию. С. 472.

¹⁷ См. о ней в статье: *Берлинер-Тавгер Б.* Вечно юный Николас (Николай) Слонимский // *Евреи в культуре русского зарубежья*. Иерусалим, 1995. Т. 4. С. 471.

¹⁸ См.: *Grezine I.* Inventaire nominatif des sepultures russes du cimetiere de Ste-Genevieve-des-Bois. Paris, 1995. P. 337.

фия 1903 г., на которой она танцует тарантеллу в пьесе «Нора» Г. Ибсена¹⁹, а с сорокалетним лысым актером-любителем и фотографом Иосифом Ивановичем Глебовским она играла в чеховской пьесе «Медведь». Решающую роль в профессиональном и личном развитии Слонимской сыграли ее тети Зинаида и Изабелла Венгерovy. Для Нового театра Л.Б. Яворской (жены драматурга князя Барятинского) тетка Сазоновой Зинаида Венгерова переводила на русский язык пьесы многих современных английских драматургов, включая Бернарда Шоу. Это она познакомила племянницу с директором театра князем Барятинским, который оставался другом Сазоновой все долгие годы парижской эмиграции. Поступив в труппу, Юлия Слонимская познакомилась с молодым актером и будущим режиссером Петром Павловичем Сазоновым и вышла за него замуж в Петербурге **12 ноября 1908 г.**²⁰ Бесконечные театральные скитания по России мешали ее семейной жизни, и она сменила профессию.

Начала печататься Слонимская в **мае 1909 г.**, но не в «Аполлоне» или в «Речи», как иногда пишут²¹, а в петербургской газете «Слово»²², в которой к тому времени уже давно появлялись литературные фельетоны ее тети З.А. Венгеровой.

С мужем она основала первый профессиональный литературный кукольный театр в России, открывшийся **15 февраля 1916 г.**²³ После первого театрального сезона Сазонова уехала в Крым лечиться от туберкулеза. Вернувшись в последний раз в Петербург перед самой революцией в 1917 г.²⁴, она встретилась с Анной Ахматовой, некогда посетившей спектакль театра марионеток Сазоновой в «Привале комедиантов»²⁵. Ахматова подарила ей рукопись своей «Белой стаи», которая оставалась с Сазоновой до отъезда из Франции в Португалию в мае 1940 г. В Крыму Сазонова жила в Алуште сначала в пансионе Шульц,

¹⁹ Письмо А.Л. Слонимского к Д.П. Сазонову от 20 февраля 1960 г. (Собрание Д.П. Сазонова, Париж).

²⁰ Дата указана в ее заявлении на получение американского гражданства: Declaration of Intention. № 538423. Petition for Naturalization № 560958. National Archives and Records Administration. Northeast Region. New York.

²¹ *Лифарь С. Ю.Л. Сазонова и наука о танце // Русская мысль. 1957. 3 декабря. № 1142. С. 5; Зыкова Е., Иванова А. «Нас возвышающий обман...». С. 111; Войскун Л. «Все образует в жизни круг...». С. 435.*

²² *Ю.С. Театр и музыка. Малый театр. «Губернская Kleопатра», комедия в 3-х д. В.В. Туношевского [рецензия] // Слово. 1909. 21 мая (4 июня). № 803. С. 5. В мае 1909 г. Слонимская сменила Л. Гуревич на посту театрального рецензента газеты «Слово», но в июне газета закрылась. Старший брат писал ей 10 июля 1909 г.: «Очень огорчительно было узнать, что “Слово” в самом деле прикончилось. Куда же ты денешься, и что будет с твоей едва расцветшей рецензентской славой?» (РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 35). После закрытия «Слова» его подписчики получали газету «Речь», и Сазонова перешла туда с осени 1909 г.*

²³ Подробнее об этом см. статью: *Tribble K. The Puppet Theaters of Julia Sazonova-Slonimskaja // The Puppetry Yearbook. Vol. 6. P. 161–193.*

²⁴ *Шевеленко И. Материалы о русской эмиграции 1920–1930-х гг. в собрании баронессы М.Д. Врангель (Архив Гуверовского института в Стэнфорде). Stanford, CA, 1995. С. 163. (Stanford Slavic Studies; 9).*

²⁵ *Конечный А.М. и др. Артистическое кабаре «Привал комедиантов». С. 119–120.*

а потом с четой Недоброво (незадолго до своей смерти²⁶ Н.В. Недоброво дал ей рукопись пьесы «Юдифь», которую Сазонова позже опубликовала, сопроводив обстоятельным биографическим очерком²⁷). Затем в Ялте писала монархические статьи для газеты «Ялтинский курьер», а потом, когда не осталось никакого другого источника дохода, нелегально продавала алкогольные напитки вместе с Л.А. Недоброво²⁸.

В 1920 г. в Ялте Сазонова влюбилась в художника мирискусника-голубо-розца, «стройного и красивого»²⁹ Николая Миллиоти. Миллиоти стал единственной любовью Юлии Леонидовны, ее творческим сотрудником по парижскому театру марионеток и, в хорошие дни, источником финансовой поддержки. Однако он на ней никогда не женился (по той формальной причине, что его брак с оставшейся в Москве женой не был расторгнут) и не принял официальную ответственность за воспитание их сына.

В октябре 1920 г. на французском корабле «Рион» Сазонова, уже беременная, уехала из Севастополя в Константинополь³⁰, а оттуда вскоре переехала в Болгарию. В Софии 30 мая 1921 г. родился их сын Дмитрий Петрович Сазонов. Роды принимал доктор Стаматиев, крестил ребенка протопресвитер о. Георгий Шавельский³¹ в соборе Александра Невского. На крещении кроме Миллиоти и брата Сазоновой Николая Слонимского присутствовали ее близкие друзья, крестными отцами были византинист Андрей Грабарь и литературовед Константин Мочульский, искавший по всему городу, как писал Дмитрий Петрович, «ванночку» для ребенка. В это время Сазоновы с Л.А. Недоброво проживали на квартире ее подруги Друмевой по адресу: улица Ивайло, 30³². Врачи говорили, что нет никакой надежды на то, что ребенок выживет. Первые тринадцать месяцев Сазонова кормила слабого ребенка грудью, а потом перешла к козьему молоку.

²⁶ Н.В. Недоброво скончался в Ялте от туберкулеза 3 декабря 1919 г.

²⁷ *Сазонова-Слонимская Ю.* Николай Владимирович Недоброво. Опыт портрета // Русская мысль. 1923. № 6/8. С. 288–301.

²⁸ *Кравцова И.Г., Обатнин Г.В.* Материалы Н.В. Недоброво в Пушкинском Доме // Шестые Тыняновские чтения. Рига; М., 1992. С. 96.

²⁹ Об этом сообщил А.Л. Слонимскому муж Сазоновой — Петр Павлович. См. письмо А.Л. Слонимского к Д.П. Сазонову от 5 января 1960 г. (Собрание Д.П. Сазонова, Париж).

³⁰ См. недатированное письмо Сазоновой своей матери Фаине Слонимской (РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 494). В письме к М. Врангель Сазонова пишет «октябрь 1920», а в одном из своих резюме указывает «ноябрь 1920».

³¹ Шавельский Георгий Иванович (1871–1951) — протопресвитер военного и морского духовенства Российской империи, перебравшийся из Крыма в Болгарию в апреле 1920 г., автор двухтомных «Воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954). В это время в Софии кроме кафедрального собора Александра Невского существовала русская православная церковь, где до войны хранились метрические книги с перечислением крещений (до нашего времени они не дошли — во время Второй мировой войны в церковь попала бомба). Копию акта о крещении Дмитрия Петровича сохранил Н.А. Бирюков (Torgowska, 50, Dobovo, Bulgaria); рядом с его именем в адресной книжке написано рукой Сазоновой: «Митино свидетельство метрическое (адрес дан Гольденвейзером)».

³² Во время войны в многоквартирный дом попала бомба, и он не был восстановлен; на этом месте сейчас парк отдыха.

В 1922 г. Сазонова с сыном и смертельно больной Л.А. Недоброво уехала из Софии сначала в Белград, потом в Мюнхен к матери Миллиоти³³, в Баден-Баден, Фрайбург, Титезей и затем в Санкт-Блазиен в немецком Шварцвальде, на курорт около водопада, некогда описанного Карамзиным. В Санкт-Блазиене к ним присоединилась эльзасская няня Герта Кюртцке³⁴, наездами бывали Николай Слонимский и Миллиоти. Здесь Сазонова писала статьи для газеты «Руль», выходившей в Берлине, где тогда проживали ее мать, тетя Зинаида Венгерова и (до осени 1923 г.) Изабелла Венгерова.

В 1923 г. из-за слабого здоровья Л.А. Недоброво пришлось (после долгого периода ожидания виз) перебраться в Италию, сначала в Сан-Ремо, а потом в менее дорогой соседний городок Оспедалетти. Л.А. Недоброво получала финансовую поддержку — ежемесячный чек от американских филантропов, друзей ее родственников, на эти деньги обе женщины с ребенком и существовали вплоть до смерти Л.А. Недоброво от туберкулеза в 1924 г.³⁵

Оставшись без средств к существованию, Сазонова решила создать новый кукольный театр под названием «Театр маленьких деревянных комедиантов» и отправилась в Париж. После первой пробной импровизации под названием «Испанское мгновение со львом» на Олимпийском балу 11 июля 1924 (макет костюмов и куклы Н.С. Гончаровой), театр дебютировал **24 декабря 1924 г.** в Театре «Старой голубятни», которым тогда руководил будущий кинорежиссер Жан Тедеско (до этого именно здесь выступала труппа Жака Копо)³⁶. В репертуаре: написанный для театра Николаем Черепниным балет «Деревенское утро», оперная интермедия Перголези (на текст Томмазо Мариани, переделанный для кукольного театра) «Ливьетта и Траколло», антракт для марионеточного оркестра, со-

³³ Миллиоти Надежда Васильевна (урожд. Неймарк; баронесса фон Фейсинг; 1844—1928) проживала в Мюнхене по адресу: Терезиенштрассе, 80, умерла в больнице *Staatliches Krankenhaus Rechts der Isar*. Миллиоти, приехавший из Висбадена в Мюнхен перед смертью матери, писал ее портрет (ЕЮМ).

³⁴ Kurtzke Hertha (1902—1975?) — няня Д.П. Сазонова в Санкт-Блазиене, а затем в Сан-Ремо. Впоследствии вышла замуж за немецкого хирурга Оддей, погибшего на войне 15 апреля 1945 г. Ее стараниями Дмитрий Петрович произнес свое первое слово не на русском, а на немецком языке: «милх». Сазоновы уехали из Германии без нее, но 20 декабря 1923 она написала Сазоновой, прося вновь взять ее на работу в качестве няни. По сообщению Д.П. Сазонова, погибла в автомобильной катастрофе в Париже.

³⁵ По воспоминаниям Сазоновой, Любовь Александровна Недоброво (урожд. Олхина; 1875—1924) скончалась 18 февраля 1924 г. и похоронена 22 февраля на католическом кладбище в Сан-Ремо (православного кладбища не было), участок № 23, захоронение № 1917. Сазонова подробно описала могилу в письмах брату и, позже, Глебу Струве, опубликовавшему ее описание; в настоящее время кладбище находится в крайне неухоженном состоянии, могила не сохранилась (по сообщению Готфреда Шюбба (*Gottfred Sciubba*), дьячка епархии Вентимильи — Сан-Ремо, в письме автору настоящей публикации от 21 октября 2000 г.). В реестре кладбищенского архива значится другая дата смерти — 20.11.1924 (см.: *Талалай М.Г.* Российский некрополь в Неаполе, Венеции и Сан-Ремо // Русско-итальянский архив. Салерно, 2002. Т. 2. С. 432), но возможно, что при описании латинская цифра II была принята за арабскую 11.

³⁶ Подробнее о театре см.: *Tribble K.* The Puppet Theaters of Julia Sazonova-Slonimskaia // *The Puppetry Yearbook*. Vol. 6. P. 161—193; см. также: *Азадовский К.* «Совершенные существа»... P. 289—325.

зданного Миллиоти на музыку Франка Мартена, и его же оркестровка сюиты Скарлатти, позже добавились номера «Три часа утра, сцена с танцами» и «В мюзик-холле, действие для акробатов на трапеции с клоунами». Объявленная в программе премьеры пьесы Михаила Ларионова «Карагёз, хранитель чести своего друга» (на музыку Марселя Михаловичи) не была показана из-за неготовности декораций и теневых кукол. Позже (весной 1925 г.) в театре Шарля Дюллэна «Ателье» шла пьеса «Карагёз» в декорации Ларионова, но с новым либретто Андрея Секретана и музыкой Франка Мартена, вместо партитуры Михаловичи. Пьеса Лесажа «Принцесса Каризм» с куклами и декорациями Миллиоти была показана только на закрытых выступлениях труппы в ее студии³⁷. Был ангажемент театра в Милане, намечился ангажемент в Лондоне, но деятельность театра была прервана болезнью Сазоновой летом и осенью 1925 г. и возобновилась лишь весной 1926 г., когда театр совершил турне по Голландии. После этого театр окончательно закрылся из-за множества неоплаченных счетов.

С закрытием театра Сазонова вновь оказалась в таком же плачевном финансовом состоянии, как и после смерти Л. А. Недоброво. Часто приходилось обращаться к Комитету помощи писателям и ученым за пособиями, без которых она с больным ребенком просто не выжила бы. В 1924 и 1926 гг. она изредка печаталась в недолго существовавшей газете (потом журнале) «Звено», в 1927 г. устроилась на тяжелую работу в известное издательство Ашетт, где таскала горы книг. Однако расширение аорты привело к болезни сердца, Сазонова вынуждена была много недель пролежать дома, и в этот период получала зарплату не полностью. Ее двоюродный брат польский поэт Антони Слонимский во время своего визита в Париж в 1928 г. предлагал Сазоновой сотрудничать в варшавской газете «Wiadomości Literackie», членом редакции которой он состоял. В это же время она стала публиковаться в журналах «Современные записки» и «Путь», а годом позже в «Числах». С 1929 г. началось ее постоянное сотрудничество в газете «Последние новости», где статьи Сазоновой печатались до самой войны.

С помощью Шлецеров она вошла в круг французских журналистов. Хотя Сазонова занималась французским языком с детства (дома вместе с братом Александром Леонидовичем брала частные уроки у мадемуазель Фалке), она не владела языком в совершенстве. Так как Шлецер (окончивший в 1901 г. философский факультет Брюссельского университета) с начала 1920-х гг. работал профессиональным переводчиком в издательстве «Галлимар», а его жена была француженкой, они решили вносить стилистические поправки во все статьи Сазоновой, намеченные для франкоязычной прессы. Вместе с Сазоновой у них был общий финансовый фонд, в который они вносили свои гонорары. Так Сазонова стала сотрудницей французских журналов «Mercure de France», «Les Cahiers de l'Étoile», «Cahiers 1930», «La Nouvelle revue française». В 1929–1930 гг.

³⁷ Пьеса «La Princesse de Carizme» была написана Лесажем и впервые поставлена на ярмарке Сен-Лорен в 1718 г. с сопровождением музыкальной партитуры композитора La Coste. См. публикацию текста пьесы в сборнике: *Il teatro della Foire / Redattore M. Spaziani. Roma: Edizioni dell'Ateneo, 1965. P. 303–384.* Сазонова не упоминает этой пьесы, но Миллиоти ее перечислял среди вещей, поставленных театром марионеток Сазоновой в Париже, когда выставлял свои многочисленные эскизы к этому спектаклю.

она участвовала в вечерах Франко-русской студии³⁸, основанной Всеволодом Фохтом³⁹: ее выступление на втором вечере (29 ноября 1929 г.), посвященное влиянию французской литературы на русских писателей, было опубликовано сначала в журнале, а потом в сборнике⁴⁰. О Бунине Сазонова в докладе сказала: «Бунин, проживающий в настоящее время во Франции, видит, как его произведения изучаются в русских школах в качестве образцов классической беллетристики, продолжающих большую национальную традицию» (Р. 45). 4 ноября 1930 г. Сазонова выступила с докладом о проблемах жизни в литературе и стала соредактором публикации материалов этого вечера, вышедших отдельной книжкой⁴¹.

Занятия балетом в юные годы, в Петербурге, послужили Сазоновой прекрасной основой, чтобы завоевать авторитет историка балета. Вступив в общество «Международные архивы танца», Сазонова подружилась со знаменитой аргентинской исполнительницей испанских танцев Аржентиной⁴², о которой написала множество статей. Во второй половине 1920-х гг. она подружилась с артистами балета Сергеем Лифарем и Ольгой Спесивцевой, о которых много писала, а также с Фернаном Дивуаром⁴³, главным редактором самой распространенной французской газеты «L'Intransigeant»⁴⁴, где она печатала рецензии на

³⁸ О Франко-русской студии см.: *Вейдле В.* Франко-русские встречи / С примеч. Р. Герра // Русский альманах / Ред. З. Шаховская, Р. Герра, Е. Терновский. Париж, 1981. С. 397–400; *Le Studio Franco-Russe, 1929–1931 / Textes réunis et présentés par L. Livak; Sous la rédaction de G. Tassis.* Toronto, 2005. (Toronto Slavic Library; 1).

³⁹ Фохт Всеволод Борисович (1895–1941) — поэт, журналист, переводчик и литературный критик, вдохновитель Франко-русской студии (Париж, 1929–1931), умер на Афоне. Вместе с женой-француженкой Бланш де Фохт — сотрудник газеты «L'Intransigeant», где печаталась и Сазонова.

⁴⁰ *Sazonova J.* L'Influence de la littérature française sur les écrivains russes depuis 1900 // Cahiers de la Quinzaine. 1930. 1 cahier. XX série. P. 43–59; *Sébastien R., Vogt W. de.* Rencontres: Textes, interventions et lettres. Paris: Cahiers de la Quinzaine, 1930. P. 43–59.

⁴¹ *Sazonova J.* Les grands problèmes de la vie dans la littérature // Cahiers de la Quinzaine. 1931. 1 cahier. XXI série. P. 11–25; *Sazonova J., Beucler A.* La littérature soviétique: Textes suivis de débats. Paris: Cahiers de la Quinzaine, 1930. P. 11–25.

⁴² Mercé Antonia (псевд. La Argentina; 1888; Буэнос-Айрес — 1936; вблизи Биаррица) — аргентинская танцовщица, приехала во Францию в 1905 г. См. о ней: *Cordelier Suzanne F.* La Vie brève de la Argentina. Paris: Plon, 1936; *Bennahum N.D.* Antonia Mercé, la Argentina: Flamenco and the Spanish Avant-Garde. Hanover, NH: University Press of New England, 2000.

⁴³ Divoire Fernand Jacques Paul (1883–1950) — поэт, журналист, в течение 25 лет секретарь редакции, потом главный редактор газеты «L'Intransigeant» (откуда ушел в 1932 г.), секретарь газеты «Le Temps», главный редактор газеты «Paris-Midi», критик танца, сотрудник журнала «La Revue musicale», газеты «La Semaine a Paris», автор книг «Découverte de la danse» (1924), «Pour la danse» (1925), «La Danse. Avec une préface de Serge Lifar» (1951), а также трудов об Айседоре Дункан, Мечникове и др. Близкий друг Сергея Лифаря. См. о нем: *Fiumi L.* Fernand Divoire. Ancona, 1928; Fernand Divoire. Poèmes choisis / Préface de P. Jamati. Paris: Eugène Figuière, 1932.

⁴⁴ В 1930 г. газета «L'Intransigeant» издавалась тиражом в 400 000 экземпляров. Издатель газеты Леон Байлби (Léon Bailby), уже очень больной, ушел в 1932 г., когда газета находилась в плохом финансовом положении, и новый издатель Луи-Дрейфус решил приблизить издание к левому (социалистическому) лагерю. Когда пришла новая администрация, Дивуар ушел из газеты. См.: *Bellanger C., Godechot J., Guiral P., Terrou F.* Histoire générale de la presse française. T. III: De 1871 a 1940. Paris: Presses Universitaires de France, 1972. P. 535–537.

кинофильмы, статьи об Аргентине, о беспризорных детях. Летом—осенью 1930 г. редакция газеты «L'Intransigeant» отправила Сазонову в командировку в Испанию, откуда она присылала корреспонденции о бое быков, о матадоре Марсиале Лаланде, о городах Мадрид, Толедо, Гренада, Кордова, Севилья, Барселона. Заручившись рекомендательными письмами танцовщицы Аргентины, адресованными видным деятелям испанской культуры, она брала много интервью и заслужила признание испанской культурной элиты. После появления ее статьи о беспризорных детях в Генуе (в итальянском переводе) и проповедей двух итальянских священников⁴⁵, в которых те ссылались на ее статью, Сазонова получила от папы римского Пия XI медаль с выражением благодарности и письмо от архиепископа в Генуе⁴⁶. Пий XI благословил Сазонову на новую поездку в Испанию (по ее словам, не пришли папа благословение, она не поехала бы). Летом 1931 г. она снова приехала в Испанию в качестве корреспондента парижских газет. Оба раза с ней ездил и Миллиоти, написавший в Испании многие из своих известных полотен, в частности виды Толедо. Когда началась гражданская война в Испании, Сазонову вновь командировали в Испанию давать военные корреспонденции из Ируна. Незадолго до начала Второй мировой войны она заключила контракт на издание книги об Испании, о выходе которой в свет появилось объявление в парижской прессе. К сожалению, из-за войны книга так и не вышла.

В 1937 г. издательство «Деноэл» (Les Éditions Denoël) выпустило книгу Сазоновой «Жизнь танца», заставившую пересмотреть традиционное понимание роли классического балета во французском театре XVII в. В течение века, до появления книги Сазоновой, историки путали эстетику романтического балета, основанную на аллегории, с классическим балетом, как он понимался в эпоху Людовика XIV. Интереснейшая часть книги посвящена вопросу о влиянии балетной постановки с участием Людовика XIV на написание Мольером пьесы «Мещанин во дворянстве» (именно Сазонова обнаружила этот ранее не замеченный балетный источник). Сазонова показывает, насколько обедняет драматургию Мольера игнорирование балетной сцены⁴⁷. В главе, посвященной реформам Новерра, Сазонова воспользовалась случаем, чтобы вернуться к разговору о рукописном экземпляре трактата Новерра, обнаруженном ею до войны в Петербургской академии художеств. Этот экземпляр роскошно иллюстрирован 445 эскизами (на которые ранее исследователи не обращали внимания) балетных движений, принадлежащими кисти художника Боке. В начале века на основе этой одиннадцатитомной рукописи Сазонова полемизировала с Андреем Левинсоном в серии статей, доказывая, что Новерр имел прямую связь с русским балетом и что Карло Блазис преподавал в Москве. Вопреки утверж-

⁴⁵ Проповеди вписывались в канву мирового протеста против гонений на религию в Советском Союзе. См.: Мировой протест против гонений на веру // Борьба за Россию. 1930. № 164–165. Второе приложение. С. 26–33.

⁴⁶ Письмо (с вложенным жизнеописанием) от Ю. Сазоновой к Антонио Ферро от 3 ноября 1939 г. находится в семейном архиве его наследников (Эсториль, Португалия).

⁴⁷ Mornet D. Julie Sazonova. La Vie de la danse. Du ballet comique de la reine à Icare [рецензия] // Revue d'Histoire Littéraire de la France. 1938. Vol. 33. № 10974. P. 537–538.

дениям Левинсона о невозможности воссоздать конкретное содержание балетов Новерра, Сазонова считала, что идеи Новерра ярко выражены в эскизах Боке⁴⁸. Рукопись Новерра с иллюстрациями Боке вскоре возвратилась из Советской России в Польшу⁴⁹, и Сазонова вернулась к этой теме еще раз в своей парижской книге 1937 г. (здесь свои тезисы она повторила в менее полемической форме — к тому времени Левинсон уже умер). Последняя треть книги посвящена балетному и хореографическому искусству Сергея Лифаря⁵⁰.

Начало Второй мировой войны застало Сазонову в Биаррице. На следующий день после вторжения немецких войск во Францию, **14 мая 1940 г.**, она уехала в Лиссабон. Весной того же года с помощью посла Португалии в Бордо Аристиды Суса-Мендеса она получила португальские визы для себя и своего девятнадцатилетнего сына. Она была командирована в Португалию издателем журнала «Revue Musicale» Робером Бернаром для написания серии статей о местном фольклоре и народном танце. Португальский министр пропаганды Антонио Ферро подписал с ней контракт на издание книги о фольклорных танцах (книга была написана, но до сих пор не издана). Сазонова договорилась с сестрой Миллиоти, жившей тогда на ферме в Пенсильвании, чтобы та поручилась за Дмитрия Петровича. Но у него не было визы⁵¹. Эмиграция в Америку не входила в планы Сазоновой. «Я отсюда не уеду, я не поеду в Америку»⁵², — писала она младшему брату. Однако, согласно новому американскому постановлению, визы не могли получить те, у кого в Европе оставались родители. За визы для двоих американский консул в Португалии просил 4000 долларов, которых, естественно, у Юлии Леонидовны не было. Американские родственники были озабочены необходимостью спонсировать еще двух беженцев (к этому времени Изабелла Венгерова уже поручилась за свою сестру Зинаиду Венгерову, эмигрировавшую в 1937 г., а Николай Слонимский пригласил свою мать к себе в Бостон в 1938 г.). Изабелла Афанасьевна уговаривала брата Сазоновой и его

⁴⁸ *Слонимская Ю.* Неизданная рукопись Новерра (По поводу книги А.Я. Левинсона «Мастера балета») // Аполлон. 1915 (январь). № 1. С. 33–45; *Левинсон А.* Новерр и Боке (Ответ на статью Ю. Слонимской) // Аполлон. 1915 (февраль). № 2. С. 50–57; *Слонимская Ю.* Еще о Новерре и Боке // Аполлон. 1915 (апрель–май). № 4–5. С. 120–122.

⁴⁹ В 1766 г. рукопись была послана Новерром последнему польскому королю Станиславу в Варшаву. После того как Польша перестала существовать как суверенное государство, рукопись была передана в российскую столицу. В 1923 г. она была возвращена Польше, где и сейчас хранится в Кабинете Рыцина при Варшавском университете. Любопытно, что ни в одной из посвященных этой рукописи работ второй половины XX в. не упоминается о ее открытии Сазоновой в 1915 г. См.: *Szyfman A.* Osalony rękopis i znalezienie listy Noverre'a // *Pamiętnik teatralny*. 1954. № 3–4. P. 63–98; *Wierzbicka K.* Jeszcze o warszawskich projektach Noverre'a // *Pamiętnik teatralny*. 1956. № 1. S. 102–104; *Noverre J.G.* Teoria i praktyka tanca prostego i komponowanego, sztuki baletowej, muzyki, kostiumu i dekoracji / *Przełożyła i opracowała I. Turska; Wstęp napisał J. Rey; Teksty źródłowe do historii dramatu i teatru; Pod redakcją G. Sinki.* Wrocław: Państwowy Instytut Sztuki, 1959. T. V.

⁵⁰ *Sazonova J.* La Vie de la danse. Paris: Édition Denoël, 1937.

⁵¹ Визу Дмитрий Петрович впервые запросил в Биаррице в 1939 г. — см. письмо Ю.Л. Сазоновой к Н.Л. Слонимскому от 11 сентября 1939 (Nicolas Slonimsky Collection. ML31.S6. Box 157. Music Division. Library of Congress. Washington, США).

⁵² Письмо от 10 июня 1940 (Там же).

супругу американку поручиться за Юлию Леонидовну: «Сравнивать положение Д<ити> в Лиссабоне в 1941 с мамочкиным в Париже в 1938 может только дурак, и писать грошовые тирады о сходстве концентрационных лаг<ерей> с консулами может только идиот и трус. <...> Такую аморальную сволочь, как ты, мне стыдно считать своим родственником»⁵³. Тем временем 30 июня 1941 г. в Нью-Йорке умерла другая тетя Сазоновой — Зинаида Венгерова⁵⁴, — и Изабелла Афанасьевна оказалась без иждивенцев. В конце концов она сама поручилась за свою племянницу и ее сына. М.С. Цетлина и певец Максим Каролик⁵⁵ собрали средства на билеты до Нью-Йорка для Сазоновой с сыном⁵⁶, а адвокат Роберт Рокмор подписал affidavit, необходимый для приглашения Дмитрия Петровича.

18 мая 1942 г. Ю.Л. Сазонова с сыном уплыли из Лиссабона на португальском корабле «Гуине». Они плыли через Касабланку, Бермудские острова, мексиканский Вера-Крус и Южную Каролину и, наконец, в пять часов вечера **30 июня 1942 г.**, в день первой годовщины смерти З.А. Венгеровой, прибыли в Нью-Йорк. В первые дни после приезда жили на квартире Изабеллы Венгеровой⁵⁷. Летом Дмитрий Петрович устроился на сезонную работу на основанной А.Л. Толстой ферме «Рид» в г. Наяк неподалеку от Нью-Йорка. К осени его отправили к сестре Миллиоти, Наталье Шеффель, в Пенсильванию, где он продолжал обучение в г. Эруйн.

Русская писательница скоро окунулась в бурлящую культурную жизнь русского Нью-Йорка. В **июле 1942 г.** газета «Новое русское слово» предложила ей печатать по два фельетона в неделю за пять долларов. В течение тринадцати лет статьи Сазоновой на страницах газеты отражали широкий диапазон ее интересов: русская литература (журналы «Новоселье» и «Новый журнал», Осоргин, Мицкевич, Недоброво, Симонов, Сологуб, Тэффи, Тредьяковский, Цветаева, М. Цетлин), балет (Петипа, Роллан Пети, Мордкин, Б. Романов, Спесивцева, Туманова), композиторы (Гартман, Гречанинов), режиссеры (Немирович-Данченко, Коммиссаржевский), художники (Добужинский, Шагал), антрепренер Юрок, артистка Балиева, японский театр кабуки, кинематограф, театр марионеток, первые русские в Америке. Сазонова изредка писала и на политические темы (Гитлер, взятие Дакара нацистами, вступление русских в Польшу, политические эмигранты). Она также писала огромное количество рецензий на те-

⁵³ Письмо от 11 мая 1941 г. (Там же. Вох 168).

⁵⁴ См. некролог: З.А. Венгерова-Минская // Новое русское слово. 1941. 2 июля. № 10371. С. 3.

⁵⁵ Максим Каролик (1893–1963) — оперный певец, коллекционер, в эмиграции с 1922 г., со 2 февраля 1928 г. муж американской миллионерши Марфи Кодман (1858–1948).

⁵⁶ Письмо Изабеллы Венгеровой к Николаю Слонимскому (Nicolas Slonimsky Collection. ML31.S6. Вох 168. File 16. Music Division. Library of Congress. Washington, США).

⁵⁷ Прибытие на корабле «SS Guine» подтверждает сертификат, заверенный 15 февраля 1943 г.: U.S. Department of Justice. Immigration and Naturalization Service. Certificate of Arrival № 2 1021409. Документ хранится в National Archives and Records Administration. Northeast Region. New York. Д.П. Сазонов вспоминает: «Белла <И.А. Венгерова> нас встретила у порога <...> Она и мама прослезилась, а я был по-детски счастлив» (письмо к А.Л. Слонимскому от 13 октября 1958. — РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 48).

атральные спектакли, на концерты пианистов, скрипачей, певцов, хора донских казаков, на балеты Баланчина и Лифаря⁵⁸. Она участвовала и в других русскоязычных изданиях, прежде всего в «Новом журнале» и «Новоселье». На страницах первого из них регулярно появлялись рецензии Сазоновой, а также ее статьи о философе В. Соловьеве, некогда написавшем четверостишие в ее девичий альбом, воспоминания о посещении Райнером Марией Рильке ее парижского театра марионеток (в воспоминаниях использовались, в частности, письма Рильке к Сазоновой, которые она через год после выхода статьи продала бостонскому профессору и коллекционеру Рихарду фон Мизесу). В «Новоселье» появились ее статьи о русском театре, литературе, балете, искусстве, о Софье Ковалевской, а также беллетризованные путевые заметки о поездках в Иркутск в 1908 г., в Кунгурские пещеры Пермской области и в татарский городок Мамымыш. Летом 1944 г. Сазонова переводила тексты с английского на русский для китайского номера «Новоселья».

В 1943 г. Сазонова занялась редактированием и устройством в нью-йоркской прессе очерков своей матери Фаины Слонимской, ранее нигде не публиковавшейся. Первая публикация появилась за несколько дней до смерти матери в январе 1944 г. По заказу Сазоновой ее друг художник М. Добужинский написал девять эскизов креста для каменного надгробья Ф.А. Слонимской на кладбище в Квинсе под Нью-Йорком.

В общественных клубах Сазонова иногда выступала с докладами. В ноябре 1942 г. в клубе «Горизонт» она прочла лекцию о Франции под названием «Конец перемирия»⁵⁹. На вечере «Новоселья» в марте 1943 г. в ее «насыщенной содержанием речи» о «Душе Петербурга» «духовно-культурный облик Петербурга ожил перед глазами слушателей»⁶⁰. В мае 1943 г. она выступила с докладом о Немировиче-Данченко в клубе Общества приехавших из Европы⁶¹. 12 февраля 1954 г. на вечере, посвященном памяти И.А. Бунина, она выступила с докладом⁶², подвергшимся резкой критике профессора И.Л. Тартака⁶³.

Однако завоевание русского Нью-Йорка не могло удовлетворить Сазонову полностью. Русскоязычные издания платили такие мизерные гонорары, что на первых порах ей пришлось подрабатывать уроками русского языка по три доллара в час. Как раньше в Париже, где Сазонова публиковалась во франкоязычных журналах и газетах, в Америке она пыталась войти в новый для нее культурный мир. Во Франции ей на выручку приходило знание с детства французского языка, а также постоянная помощь Шлецеров. В Америке же обстановка и условия жизни были иными. Хотя до войны Сазонова опубли-

⁵⁸ Нами в настоящее время готовится к изданию библиография Ю.Л. Сазоновой.

⁵⁹ Доклад Ю.Л. Сазоновой в «Горизонте» // Новое русское слово. 1942. 15 ноября. № 10859. С. 5.

⁶⁰ Вечер «Новоселья» // Новое русское слово. 1943. 10 марта. № 10974. С. 3.

⁶¹ В клубе об-ва приехавших из Европы // Новое русское слово. 1943. 7 мая. № 11032. С. 3.

⁶² Вечер памяти И.А. Бунина // Новое русское слово. 1954. 12 февраля. № 15266. С. 3.

⁶³ Тартак Илья Львович (Tartak E.L.; 1889–1981) — педагог, критик, учился в гимназии в Вознесенске, в 1916–1917 гг. еще студентом читал первые курсы по русскому языку в университете Макгилл в Монреале (Канада), который сам окончил в 1918 г. (любезно

ковала на английском языке одну статью о Станиславском (1939), всерьез она взялась за английский язык только по приезде в Нью-Йорк. Тем не менее в 1943 г. ей удалось опубликовать статью о португальском фольклоре и танце в иллюстрированном англоязычном журнале «Dance Magazine», редактором которого в 1940–50-х гг. была полька Елена Ермолинска (Helen Dzhermolińska). Вскоре Сазонова занялась переводом на английский более полной версии статьи об образе немца в русской литературе, опубликованной ранее в «Новоселье». Тема о немцах, вскормленных Россией, но не любящих ее, была созвучна Америке военной эпохи. По совету брата Сазонова сначала предложила статью издателю старейшего толстого литературного журнала «Atlantic Monthly», но в конце концов статья появилась в 1945 г. в академическом «The American Slavic and East European Review».

В 1935 г. Кармелита Чейс Хинтон⁶⁴ основала частную школу на ферме в маленьком вермонтском городке Патни. В этой школе с нетрадиционными методами обучения стремились выявлять индивидуальность учеников, поощрять творческие наклонности, прививать чувство свободы и ответственности. Все студенты работали на ферме, а после начала Второй мировой войны в школе появилось немало преподавателей-беженцев из европейских стран. В своей методике преподавания Хинтон, будучи матерью четырех детей, использовала собственный опыт, а также руководствовалась учением известного педагога Джона Дьюи и психолога Уильяма Джеймса. Летом 1944 г. окончивший докторантуру Колумбийского университета Евгений Москов отказался от предложения преподавать русский язык в Патни и порекомендовал на эту должность Сазонову. В этом его поддержала преподавательница Колумбийского университета Елена Могилат, дружившая с Сазоновой. В начале сентября директор школы предложила Сазоновой в течение десяти месяцев вести четыре курса (три по французскому и один по русскому языку) с оплатой в размере двухсот долларов в месяц. К преподаванию добавлялись вечерние занятия кукольным те-

сообщено Kathi Murphy, архивистом университета). С 1926 г. литературный критик «Нового русского слова», в 1946–1976 гг. преподаватель Новой школы социальных исследований (New School of Social Research; теперь New School University) в Нью-Йорке. Также преподавал русский язык и литературу в Колледже города Нью-Йорка (CCNY), в Корнельском университете (любезно сообщено Carmen Hendershott, Archival Reference Librarian, New School University). Тартак написал рецензию, резко критикующую исследование Сазоновой «История русской литературы. Древний период». В записной книжке Сазоновой против его фамилии Д.П. Сазонов отметил: «написал против маминной книги» (Собрание Д.П. Сазонова, Париж). Об этой рецензии писала в письме к Н. Кодрянской С. Прегель: «Насчет рецензии и пр. Вы совершенно правы. Статья о Сазоновой бесконечно глупая и наглая. Настолько глупая, что огорчить не может» (письмо от 28 мая 1956 г. — РАЛ. MS. 1408). Переписывался с И.А. и В.Н. Буниными (РАЛ. MS. 1066/5397–5399, 1067/7081). Подробнее о нем см. некролог: New York Times. 1981. June 17. P. B5.

⁶⁴ Хинтон Кармелита Чейс (1890–1983) — второй ребенок из четырех детей в семье Пулы Белл Эдуарде (из шт. Кентукки) и Клемента Чейса (из Новой Англии), редактора двух газет. Кармелита Хинтон окончила колледж «Брин Мар» в Пенсильвании и в 1916 г. вышла замуж за Себастьяна Хинтона (?–1923). Ушла с должности директора школы в 1955 г. См. о ней статью: *Lloyd S. Carmelita Hinton and the Putney School // Founding Mothers and Others*. New York: Palgrave Macmillan, 2002. P. 111–124.

атром⁶⁵. Биограф основательницы школы пишет, что «следуя собственному вдохновению, Хинтон часто нанимала преподавателей-неофитов с уверенностью в том, что опыт необычной жизни можно обратить в умение преподавать. Чаще всего такое вдохновение вознаграждалось успехом»⁶⁶. Сазонова оказалась в числе таких «вдохновений» Кармелиты Хинтон. Она приехала в Патни 8 сентября, а занятия начались 12-го. В 1944–1945 гг. Сазонова жила в пансионате, а в 1945–1946 гг. снимала комнату в доме Брета Гарта⁶⁷ на нижнем этаже во флигеле.

Одна из учениц Сазоновой вспоминает ее пышный облик, длинные широкие юбки, косу серо-стального цвета. Так как в школе царил принцип равенства, ученики обращались к учителям (или, скорее, наставникам) по имени, а при обращении к Сазоновой всегда говорили «Мадам Сазонова»⁶⁸. Один ученик вспоминал «цветистую старуху» с сильным акцентом и темноволосого стройного Дмитрия с квадратным лицом⁶⁹.

Сазонова помогала ученикам создать кукольный театр, директором которого стала. Первый спектакль был показан перед Рождеством 1944 г. Поздней весной 1945 г. ученики построили большой мост на сцене ввиду предстоящей постановки «Руслана и Людмилы» по Пушкину под аккомпанемент музыки Глинки, которая звучала с грампластинки. Сазонова дала студентам размеры моста, который быстро построили: длиной в десять футов, высотой в четыре фута, а шириной в два фута. Марионетки были ростом в два фута. Она написала Добужинскому письмо с просьбой оценить пропорции. Кроме того, Сазонова заказала ширму из вишневого дерева, состоявшую из трех частей, высотой в пять футов (задник плюс две боковые стены). Балюстраду оклеили декоративным штофом. Ученики очень старались продемонстрировать свои способности, и Сазонова вновь увлеклась театром. Кроме Пушкина, ставили инсценировку «Рип ван Винкль» по повести Вашингтона Ирвинга⁷⁰. В это время в Нью-Йорке работал Пол Макфарлин, основатель ежегодника «The Puppetry». О том, что Сазонова находилась в контакте с ним, свидетельствует пометка «марионетки» рядом с его адресом в ее записной книжке⁷¹. Макфарлин устроил для журнала интервью с Сазоновой⁷². В этой короткой заметке рассказывается о ее

⁶⁵ Письмо Кармелиты Хинтон к Юлии Сазоновой от 2 сентября 1944 г. (The Putney School Archive. Putney, Vermont, США).

⁶⁶ *Lloyd S. Carmelita Hinton and the Putney School*. P. 119.

⁶⁷ Гарт Джеффри Брет — внук известного американского писателя, в школе Патни преподавал историю.

⁶⁸ Сообщение Роджерс Харриет, ученицы Сазоновой в 1945–1946 гг., ныне руководителя архива школы.

⁶⁹ Сообщение Джона Колдуэлла, выпускника школы Патни 1946 г., позже преподававшего там латынь.

⁷⁰ Инсценировка принадлежала Сазоновой. См. письмо Д.П. Сазонова к А.Л. Слонимскому от 17 октября 1958 г. (РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 81).

⁷¹ «Paul McPharlin (marionетки) Carr's Architect Office, Miss Vota Cochran 400 W 119 NYC Apt 5H» (Собрание Д.П. Сазонова, Париж).

⁷² 24 августа 1945 г. Сазонова писала Кармелите Хинтон об интервью для журнала «The Puppetry»: «Хотели знать про мои марионетки в России и во Франции, а я что-то добавила про наши куклы в Патни» (The Putney School Archive. Putney, Vermont, США).

первом театре в Петербурге, статье о марионетках, парижском театре и его турне по Голландии, а также о первых кукольных представлениях под руководством Сазоновой в Патни⁷³. Когда летом 1945 г. на лекции в Миддлбери Сазонова упомянула о кукольном театре в Патни, ее уговаривали показать его в Миддлбери. Культурную жизнь в Патни обогащали и другие мероприятия, наверняка под-сказанные Сазоновой: в декабре 1945 г. в школе выступил Кукольный театр Уилкинсонов, а весной 1946 г. был показан фильм «Александр Невский»⁷⁴. Первые занятия по русскому языку в Патни были проведены Сазоновой осенью 1944 г. На смену Сазоновой пришли другие учителя русского языка — в 1946 г. Владимир Усачевский, в 1947 г. Ольга Шимановская⁷⁵.

Осенью 1944 г. Д. П. Сазонов окончил курс стенографии в Нью-Йорке и преподавал французский язык в школе Патни вплоть до поступления осенью 1945 г. в колледж Миддлбери, где специализировался на французской литературе и участвовал в студенческом Французском клубе⁷⁶.

Русскую школу при колледже Миддлбери основал 30 июня 1945 г. Михаил Фейер⁷⁷, остававшийся ее директором до 1967 г.⁷⁸ Здесь летом 1945 г. Сазонова выступила с двумя лекциями о кукольном театре, и ее пригласили на повторные лекции следующим летом. Ее летний курс по театру в Миддлбери в 1947 г. прошел успешно, и она получила предложение опубликовать его. Летом того же года она вела там занятия по сочинению на русском языке. Летние лекции в Вермонте дали ей возможность пробыть среди красивой природы вместе с сыном, который продолжал там учиться.

Сазонова очень быстро поняла, что не сделает и шагу в академическом мире США без ученой степени, полученной в американском университете. В последнее время в России и за рубежом появилось немало упоминаний о преподавании Сазоновой в Колумбийском университете с 1942 по 1955 г. и о получении ею докторской степени⁷⁹. Но на самом деле Сазонова читала курсы в Ко-

⁷³ The Marionettes of Julia Sazonova // Pupperty. 1944–1945. P. 7. Статья не подписана, но, судя по вышеупомянутой пометке Сазоновой в записной книжке, можно предположить, что автором был Пол Макфарлин.

⁷⁴ См. школьный журнал «Putney» (December 1945. P. 33). Фильм Эйзенштейна был показан 9 марта 1946 г.

⁷⁵ Lloyd S.M. The Putney School: A Progressive Experiment. New Haven, CT: Yale University Press, 1987. P. 267.

⁷⁶ The 1948 Kaleidoscope. Middlebury, VT: Middlebury College, 1948. P. 102.

⁷⁷ Фейер Михаил Максимович (Fayer Mischa Harry; 1902—?) — сын эмигрантов из России. В 1902 г. привезен родителями в Россию, где окончил гимназию в Бессарабии, в 1924 г. вернулся в Америку и получил докторскую степень в Колумбийском университете в 1945 г.

⁷⁸ Freeman S.A. The Middlebury College Foreign Language Schools. 1915–1970. The Story of a Unique Idea. Middlebury: Middlebury, VT: College Press, 1975. P. 133.

⁷⁹ Сазонова Ю. Гибель Нижинского / Публ. и коммент. И. Хабарова // Московский наблюдатель. 1992. № 4. С. 61–63; Шевеленко И. Материалы о русской эмиграции 1920–1930-х гг. в собрании баронессы М.Д. Врангель... С. 16; Вильданова Р.И., Кудрявцев В.Б., Лаппо-Данилевский К.Ю. Краткий биографический словарь русского зарубежья // Струве Г. Русская литература в изгнании. С. 263–415; Коростелев О.А. Указатель имен // Гуль Р. Я унес Россию. С. 472; Войскун Л. «Все образует в жизни круг...». С. 444.

лумбийском университете всего три семестра в 1946–1947 гг., а ученой степени так и не получила.

Летом 1945 г. Сазонова поступила в педагогический колледж⁸⁰ при Колумбийском университете, где изучала фонетику и сочинение на английском языке, записалась на курс по преподаванию иностранных языков в школе и впервые выступила с лекцией на английском языке.

Первую лекцию в Колумбийском университете Сазонова прочитала 22 августа 1943 г. не в качестве преподавателя университета, а как приглашенный лектор. В своем выступлении Сазонова рассказывала о русских женщинах, их роли в войне, борьбе за равноправие, о Софье Ковалевской. За двухчасовую лекцию ей заплатили пять долларов. Летом 1946 г. (с 8 июля по 16 августа) Сазоновой, уже имеющей двухлетний опыт преподавания в Вермонте, предложили должность преподавателя русского языка на кафедре восточноевропейских языков в Колумбийском университете. Ее коллегами были профессора Маннинг, Гроничка, Москов, преподавательницы Бешарова и Могилат. На осенний семестр (с 26 сентября 1946 г. по 1 февраля 1947 г.) и весенний семестр (с 3 февраля по 3 июня 1947 г.) ее контракт был продлен. Она проводила занятия по русскому языку с двумя группами начинающих студентов⁸¹. Этим ограничилась официальная деятельность Сазоновой в качестве преподавателя Колумбийского университета, хотя она продолжала иногда выступать с лекциями, обычно на занятиях ее приятельницы Елены Могилат⁸². Заведующий кафедрой Э.Д. Симмонс⁸³ объявил Сазоновой, что преклонный возраст исключает возможность предоставить ей постоянное место лектора. Сазонова просила дать ей возможность преподавать хотя бы по самой низкой ставке, но он не мог нарушить университетские правила.

⁸⁰ Колумбийский педагогический колледж (Columbia Teachers' College) был основан в 1893 г.

⁸¹ Преподавательское удостоверение хранится в Архиве Колумбийского университета. О курсах лекций см.: Columbia University. Bulletin of Information. 1945–1946. 46 Series. Announcements 1946–1947. № 15 (9 March, 1946). P. 27; № 40 (31 August, 1946). P. 30. О том, что Сазонову взяли на эту работу в последнюю минуту, свидетельствует примечание, сделанное в бюллетене по поводу курсов русского языка для начинающих: «О преподавателе будет объявлено позже».

⁸² Могилат Елена Тихоновна (1896–1980) — лингвист, преподавательница русского языка в Колумбийском университете с 1921 по 1965 г., организатор Славянского общества и Русского кружка (см.: Русский кружок при Колумбийском университете // Новоселье. 1946. № 24/25. С. 113), одна из организаторов Общества помощи русским детям за границей (1926).

⁸³ Симмонс Эрнест Джозеф (Simmons; 1903–1972) — американский славист, защитил докторскую диссертацию в Гарвардском университете в 1928, доцент (1945), затем профессор (1946), первый заведующий славянской кафедрой (1946–1960) Колумбийского университета, с 1960 г. в отставке. Автор книг на английском языке: «Английская литература в России» (Кембридж, 1931), «Пушкин» (Лондон, 1937), «Достоевский, становление романиста» (Нью-Йорк, 1940), «Лев Толстой» (Бостон, 1946), «Русская художественная литература и советская идеология, введение в изучение творчества Федина, Леонова, Шолохова» (Нью-Йорк, 1958), «Чехов, биография» (Бостон, 1962), «Введение в русский реализм» (Блумингтон, 1965). С 1948 г. редактор журнала «Slavic and East European Review». См. некролог: Dr. Ernest Simmons Dies at 68; Backed Wider Russian Studies // New York Times. 1972. 5 May. P. 45.

В сентябре 1946 г. по рекомендации Колумбийского университета Сазонова получила от Организации Объединенных Наций приглашение на работу, связанную с русским языком, и в письме к Кармелите Хинтон просила письменно подтвердить ее квалификацию. Однако в архивах ООН не содержится никаких упоминаний о Сазоновой; возможно, что она вообще не приступала к работе там.

Осенью 1946 г. Сазонова подала заявку на стипендию фонда Джона Саймона Гуггенхайма. Рекомендательные письма в поддержку заявки подписали Кармелита Хинтон, профессор Колумбийского университета Борис Бахметьев и Елена Могилат. План заявки был озаглавлен амбициозно: «История русской литературы с древних времен до наших дней (включая древнюю устную литературу и фольклор)». Она заявила, что предполагаемый объем работы составит «тысячу страниц или больше» и что несколько глав уже были написаны. Сохранившийся план, написанный по-английски на девяти машинописных страницах, дает представление о большом труде, который Сазонова планировала выпустить в издательстве Э.П. Даттона (E.P. Dutton⁸⁴), где редактором был ее давний друг Николай Вреден. Тысячестраничный труд должен был содержать всю историю русской литературы от былин и народной поэзии до Бунина, Ремизова и Поплавского⁸⁵. Первая часть этого труда была опубликована Издательством имени Чехова в 1955 г.

В этом масштабном плане сказалась семейная традиция Слонимских-Венгеровых (достаточно вспомнить справочники по русской литературе, составленные дядей Сазоновой Семеном Венгеровым, и многотомный словарь музыковедения под редакцией ее брата Николая Слонимского). «Цель книги заключается в создании в ясной и яркой манере, на основе точного научного знания самой полной и добросовестной картины развития русской литературы в связи с русской культурой и историческими условиями в России, а также в описании основных черт, характеризующих русскую литературу и русских писателей. Автор дает свою собственную интерпретацию литературных событий и определение целей литературных произведений. Эта интерпретация представлена на основе личного исследования. Книга написана не только для ограниченного круга университетских студентов, но и для более широкого круга культурных читателей»⁸⁶.

Получение гранта освободило бы Сазонову от необходимости писать за гроши еженедельные фельетоны в газетах и от преподавательской работы. Сазонова конкурс не прошла, но продолжала писать свой труд в соот-

⁸⁴ Изд-во «E. P. Dutton and Company, Inc.» было основано Эдуардом Пейсоном Даттоном (1831–1923), см. некролог в газете «New York Times» (7 сентября 1923). Историю изд-ва см.: *Bevan E., Jr. E. P. Dutton and Company // American Literary Publishing Houses, 1638–1899. Part A: A-M. Dictionary of Literary Biography; Vol. 49 / Edited by P. Dzwonkoski. Detroit, MI: Brucoli Clark/Gale Research Company, 1986. С. 147–151; Tebbel J. A History of Book Publishing in the United States. Vol. IV: The Great Change, 1940–1980. New York; London: R.R. Bowker Company, 1981. С. 153–157.*

⁸⁵ *Sazonova J. History of Russian Literature. Concise Statement of Project (Plan) (Archive of the John Simon Guggenheim Foundation, New York).* Кроме плана в архиве хранятся резюме Сазоновой и выписки из рекомендательных писем.

⁸⁶ Там же.

ветствии с планом, который она изложила в заявке (проспект книги для издательства Э.П. Даттона не сохранился, но, по-видимому, он совпадал с содержанием заявки в фонд Гуггенхайма). В заявке Сазонова объявила, что могла бы закончить работу в течение года, но на самом деле у нее ушло на это восемь лет.

Весной 1947 г. профессор Марк Слоним, коллега по «Новоселью», привез Сазонову в Sarah Lawrence College в Бронксвиле, пригороде Нью-Йорка. Был устроен обед, на котором среди гостей присутствовал сэр Бернард Пэрс. С ним Сазонова уже была знакома по лондонскому славистскому журналу. Президент колледжа в письме от 26 мая 1947 г. предложил ей годовой оклад в одну тысячу двести долларов для проведения курса занятий по русскому языку в группе из семи студентов два раза в неделю, на что Сазонова согласилась. Однако интерес к русскому языку среди студентов был невелик, и 8 марта 1948 г. президент сообщил Сазоновой, что не сможет продлить ее контракт на следующий год. К этому времени Сазонова уже заключила выгодный контракт на издание книги, работе над которой и решила посвятить все свое время⁸⁷. Если не считать нескольких лекций, которые Сазонова прочитала в последующие годы в Колумбийском университете в качестве лектора, ее педагогическая карьера завершилась весной 1948 г.

Осенью 1947 г. Сазонова поступила в аспирантуру на славянское отделение Колумбийского университета, о чем свидетельствует разрешение записаться на курсы, датированное 24 сентября 1947 г. и подписанное директором приемной комиссии Чарльзом Хурдом. Приемная комиссия учла не только русский диплом 1904 г., но и степень, эквивалентную степени бакалавра, полученную Сазоновой в Сорбонне в 1928 г.⁸⁸ В течение учебных семестров 1947–1949 гг. Сазонова посещала лекции по славянской филологии, русской литературе, английскому и польскому языкам; на этих курсах она получала хорошие отметки.

17 октября 1947 г. Сазонова подала в американский суд южного округа Нью-Йорка заявление о получении американского гражданства⁸⁹. Свидетелями были два студента из Колумбийского университета, а письменное показание под присягой о нравственных качествах Сазоновой вместо Кармелиты Хинтон подписала сотрудница школы «Патни» Эстер Моррис⁹⁰.

⁸⁷ Меморандум от 16 мая 1947 г. от М. Миллигана к Гарольду Тэйлору, «президенту» (т.е. ректору) колледжа; переписка Ю.Л. Сазоновой с Г. Тэйлором в Sarah Lawrence College (Bronxville, NY).

⁸⁸ Сведения из личной папки Сазоновой, сохранившейся на славянской кафедре Колумбийского университета: Columbia University in the City of New York Registration Permit (September 24, 1947). Автор выражает глубокую благодарность заведующей кафедрой профессору Ирине Рейфман за предоставление копий документов из этой папки и разрешение их опубликовать.

⁸⁹ Petition for Naturalization. № 560958. 17 October 1947. United States District Court. Southern District of New York. Заявление о намерении принять американское гражданство Сазонова подала 7 апреля 1943 г. (Declaration of Intention. № 538423) (National Archives and Records Administration. Northeast Region. New York).

⁹⁰ Письмо Ю.Л. Сазоновой к Кармелите Хинтон от 18 октября 1947 г. (The Putney School Archive. Putney, Vermont, США).

В 1947–1949 гг. Сазонова слушала лекции Р.О. Якобсона в Колумбийском университете⁹¹. До приезда в Нью-Йорк Сазонова не была знакома с Якобсоном, но ее старший брат Александр Слонимский, близкий в свое время к группировке ОПОЯЗ, был с ним знаком и по его рекомендации печатался в «*Slavische Rundschau*»⁹². Неизвестно, когда Сазонова впервые встретила Якобсона, но вполне вероятно, что их познакомила Софья Прегель, редактор «Новоселья», где была опубликована одна из первых его работ, написанных в Америке⁹³.

В мае 1948 г. заведующий кафедрой Э.Д. Симмонс написал директору приемной комиссии о том, что, хотя формально Сазонова удовлетворяла всем требованиям университета для поступления в аспирантуру, по его личному мнению, «она просто слишком стара, чтобы начать такого рода подготовку, даже несмотря на ее значительный опыт в этой области». В письме Симмонс объяснил, что Сазонова просит, чтобы ее учеба в Санкт-Петербургском университете была приравнена не только к американскому высшему образованию, но и к началу аспирантуры в Америке. При этом Симмонс признал, что Санкт-Петербургский университет являлся учебным заведением самого высокого уровня и что объем работы, проделанной там Сазоновой, более чем эквивалентен требованиям американской системы. В дальнейшей переписке заведующий признал, что занятия в Петербурге по русской православной культуре равнялись курсу по русской православной церкви, прочитанному в Колумбийском университете профессором Маннингом. Однако, по мнению Симмонса, количество часов по немецкому языку не соответствовало уровню аспирантуры Колумбийского университета, и он просил директора комиссии учесть это обстоятельство. В конце письма Симмонс пожаловался: «Учеба в аспирантуре должна иметь срок давности, например десять лет! Она же слушала эти

⁹¹ Роман Осипович Якобсон (1896–1982) прибыл в Нью-Йорк 4 июня 1941 г., а в 1942 г. стал профессором французского университета в Нью-Йорке (Вольной школы высших исследований). Это были бурные дни в интеллектуальном мире Нью-Йорка. Здесь лекции Якобсона слушал французский антрополог Клод Леви-Строс, позже сотрудничавший с ним и основавший под влиянием Якобсона школу структуральной антропологии. В известном смысле структурализм появился именно в Нью-Йорке в годы Второй мировой войны. С 1933 г. в школе преподавало немало беженцев, а с начала 40-х гг. в их число вошли Борис Миркин-Гецевич и Александр Койранский (*Mehlman J. Émigré New York. French Intellectuals in Wartime Manhattan, 1940–1944. Baltimore, MD; London: Johns Hopkins Press, 2000. P. 25–30, 133, 182, 190–192*). В 1943 г. президент колледжа Суартмор назвал Вольную школу «первым значительным вкладом Гитлера в американское образование» (*Nason J.W. Speech in Honor of Dr. Alvin Johnson // The New School. 1919–1944. Twenty-fifth Anniversary. New York: New School for Social Research, [1944]*). Якобсон был назначен лектором сравнительной лингвистики в Колумбийском университете 3 июня 1943 г., профессором в 1945 г., а с 1946 г. занимал кафедру чешских исследований им. Томаша Масарика. Профессор Хью Маклин, бывший тогда аспирантом на кафедре славистики, вспоминает, что лекции Якобсона проходили в почти театральной обстановке, их посещали многие русские эмигранты, не связанные с университетом (Личное сообщение автору публикации).

⁹² А.Л. Слонимский писал своему племяннику о Якобсоне: «В прошлом году он был в Москве на съезде лингвистов. Вероятно, помнит меня как автора “Техника комического у Гоголя”. Когда-то я, по его приглашению, и что-то рецензировал для “*Slavische Rundschau*”. Посоветуйся с ним относительно Дитиного архива» (письмо от 12 мая 1958 г. — Собрание Д.П. Сазонова, Париж).

⁹³ Якобсон Р. Неизвестные стихи Маяковского // Новоселье. 1942 (март). № 2. С. 60–62.

курсы более сорока четырех лет назад»⁹⁴. В декабре того же года Симмонс написал заместителю директора приемной комиссии письмо с просьбой признать учебу Сазоновой в педагогическом институте летом 1945 г. по преподаванию иностранного языка, но не засчитывать другие прослушанные ею курсы⁹⁵.

В мае 1949 г. Сазонова получила от Симмонса извещение об исключении ее из университета. В ответном письме она написала, что «эта мера была очень редкой в истории университета» и она сама была «удивлена и обижена, что к ней применили такую меру». Выяснилось, что она провалилась на квалификационных экзаменах по немецкому и польскому языкам. «Я говорю и читаю по-немецки с детства и в своей литературной и ученой работе пользуюсь немецкими источниками всю жизнь». Сазонова сослалась на конспект немецкой книги, который она написала в ходе занятий на курсе профессора Менгеса и который был оценен как удовлетворительный. Согласно правилам, экзамен по польскому языку и литературе она могла сдать позже. В своих экзаменационных ответах на вопросы о «романтизме в Польше и его отношении к русским поэтам» и о «ведущих писателях Польши после 1918 г.» Сазонова пишет, что она опиралась на книгу профессора Кридла⁹⁶. Несмотря на то, что ей дали меньше времени, чем на экзамене по французскому языку, а текст был длиннее, Сазонова перевела весь заданный текст, передав его смысл. Поэтому Сазонова попросила Симмонса разрешить ей еще раз сдать эти экзамены летом или в начале осени.

Однако до сдачи всех экзаменов ей пришлось ждать еще три с половиной года. Экзамен по польскому языку она пересдала, на этот раз успешно, в феврале 1950 г., а по немецкому языку в феврале 1951 г. Последний экзамен на получение докторской степени (по специальности «русская и польская литература») Сазонова сдала 13 декабря 1952 г.⁹⁷ На экзамене в тот день присутствовали профессоры Менгес, Харкинз, Кридл, Маннинг и Стильман⁹⁸. В сохранившихся

⁹⁴ Письма Эрнеста Симмонса к Чарльзу Херду (Charles R. Hurd), Assistant Director, Office of Admissions от 13 мая и августа 1948 г. (Columbia University in the City of New York Registration Permit).

⁹⁵ Письма Ганса Розенгаупта (Hans W. Rosenhaupt) от 16 декабря 1948 г. и Эрнеста Симмонса от 17 декабря 1948 г.

⁹⁶ Кридл Манфред (1882–1957) — польский литературовед, профессор Университета им. Стефана Батория в Вильно (Вильнюсе) до Первой мировой войны, в Smith College в шт. Массачусетс с 1941 г., с 1948 до своей кончины занимал новую кафедру польского языка и литературы им. Адама Мицкевича в Колумбийском университете, первоначально финансировавшуюся коммунистическим правительством Польши; автор монографии о Мицкевиче и истории польской литературы на польском и английском языках. Кридл переписывался с двоюродным братом Сазоновой польским поэтом Антониєм Слонимским. Вероятно, здесь имеется в виду: *Kridl M. Literatura polska wieku XIX: podręcznik dla szkół średnich*. Warszawa: M. Arct, 1926.

⁹⁷ Недавно писали, что «Сазонова получила степень кандидата литературы в Колумбийском университете» в 1952 г. (*Войскун Л.* «Все образует в жизни круг...». С. 444), но такой степени в Америке нет. Колумбийский университет не присваивал Сазоновой никакой степени. Сдача экзаменов просто дала ей право писать докторскую диссертацию.

⁹⁸ Менгес Карл Хэйрих (1908–1999) — тюрколог, автор книг о тюркизмах в «Слове»; Харкинз Уильям Эдуард (род. 1921) — автор учебника по чешскому языку и исследований о чешской литературе, в Колумбийском университете защитил диссертацию под научным руководством Якобсона в 1949 г.; Маннинг Кларенс Огустус (1893–1972) — автор истории Украины, а также истории славистики в США; Стильман Леон (Штильман Лев; 1902–1986) — автор популярного учебника по русскому языку, переводчик.

ся ответах на экзаменах по языку чувствуется недостаточное владение Сазоновой синтаксисом английского языка. Представление об экзамене по русской литературе дает ее письмо к Симмонсу, в котором она ссылается на короткий срок, торопливость, с которой она писала и, как следствие, возможную неразборчивость почерка. Один из вопросов касался социалистического реализма в романе «Тихий Дон», другой — «Серапионовых братьев»⁹⁹. Но, хотя она сдала экзамены без замечаний, профессора оценили ее работу по русской литературе XIX в. и по советской литературе как очень слабую.

Предполагаемую тему своей диссертации Сазонова меняла несколько раз. К письму заведующему кафедрой от 17 мая 1947 г. она приложила «конспект диссертации о Третьяковском»¹⁰⁰, делая упор на то, что этот русский поэт основал русское тоническое стихосложение и ввел разговорный язык в русскую поэзию. «Стихи Третьяковского, — пишет она, — незаслуженно отвергнутые, являются первым опытом беззаботной светской поэзии»¹⁰¹. О том, что она собирается писать о Третьяковском, Сазонова сообщила в письме от 18 ноября 1948 г. Р.О. Якобсону¹⁰², у которого училась в аспирантуре. Кому не понравилась тема о Третьяковском — Симмонсу или самой Сазоновой — неизвестно, однако в 1953 г. она предоставила заведующему кафедрой новую тему диссертации: «Сумароков и его роль в развитии русского театра»¹⁰³. На этот раз Сазонова намеревалась «показать роль Сумарокова в создании и развитии русского театра и доказать независимый характер творчества Сумарокова, которое обычно толкуется как «тупик классического метода» и «переделки французских пьес». По мнению Сазоновой, Сумароков «пользовался классической формой, но наполнял ее своим содержанием»¹⁰⁴. Комитет, руководивший работой Сазоновой над диссертацией, первоначально состоял из профессоров Симмонса, Маннинга и Якобсона¹⁰⁵. Когда в 1949 г. Якобсон стал профессором Гарвардского университета и уехал из Нью-Йорка, его место в комитете занял профессор Манфред Кридл. Весной 1953 г. Симмонс обратился в письме к Кридлу с просьбой оценить план Сазоновой и сообщить, есть ли у него претензии к нему. Кридл ответил в письме от 20 мая 1953 г.: «Тема диссертации г-жи Сазоновой, на мой взгляд, приемлема. Предлагаемый ею план содержит новые идеи, демонстрирующие оригинальность дея-

⁹⁹ К литературной группе «Серапионовы братья» принадлежал младший брат Сазоновой — Михаил Слонимский (1897–1972).

¹⁰⁰ «Бедный Третьяковский! Он в маме потерял лучшего защитника» (письмо Д.П. Сазонова к А.Л. Слонимскому от 27 декабря 1958. — РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 157).

¹⁰¹ [Ю.Л. Сазонова]. План диссертации: Василий Кириллович Третьяковский (1703–1769). Написанный — в отличие от последующего плана — на русском языке, этот план занимает три машинописные страницы и больше напоминает биографическую заметку для энциклопедии.

¹⁰² Archive of Roman O. Jakobson. MC 72. Box 45. Folder 17. Correspondence S4 (Saw-Sche). Massachusetts Institute of Technology. Cambridge, Massachusetts, США.

¹⁰³ BAR. MS Coll. Manfred Kridl. Box 17.

¹⁰⁴ Sumarokov and His Role in the Development of Russian Theater. Dissertation Brief by Julia L. Sazonova. Напечатанный на пяти страницах план имеет более традиционную академическую форму, чем предыдущий.

¹⁰⁵ Department of Slavic Languages: Student Record. Office Duplicate. Sazonova Julia. Первоначально ее научным руководителем был Симмонс, однако, согласно этому документу, он был заменен Маннингом (на бланке фамилия Симмонс вычеркнута).

тельности Сумарокова; было бы интересно почитать об этом, когда это будет тщательно исследовано и изложено в документированном виде. В библиографии приводится только общая история литературы без упоминания работ, посвященных самому Сумарокову. Что касается французского классицизма, то было бы целесообразно обращаться к другим авторам, помимо Морнэ¹⁰⁶»¹⁰⁷.

В некрологе Сергей Лифарь ошибочно написал, что Сазонова защитила диссертацию о Мицкевиче¹⁰⁸. До защиты дело так и не дошло, но тему диссертации Сазонова, по-видимому, пыталась поменять и в третий раз. Мицкевичем Сазонова интересовалась, еще в 1951 г. опубликовала статью о нем¹⁰⁹, в Колумбийском университете училась у специалистов по польской литературе Стендера-Петерсена¹¹⁰ и Кридла, дружила с основателем (в 1942 г.) Польского института в Нью-Йорке Крыжановским¹¹¹. Д.П. Сазонов пишет: «Мама знала польский язык <...> и такую диссертацию написала о “Pan Tadeusz” Mickiewicz’a, что специалист по польской литературе покойный — мама об этом узнала и глубоко жалела, — профессор Kridl даже обомлел, отнесся с раздражением и ревностью»¹¹².

Стремление Сазоновой найти себе нишу в академическом мире не соответствовало материальным потребностям матери-одиночки в новой стране. В поисках куска хлеба она предприняла новую серию походов в американский культурный мир. Сазонова работала на «Голосе Америки» с момента открытия русского отдела в Нью-Йорке в 1947 г., писала тексты передач о С. Лифаре, Якобсоне, славянском отделении Колумбийского университета. В 1953 г. она пишет Лифарю о новой передаче «Голоса Америки», в которой говорилось о нем¹¹³.

22 декабря 1949 г. Сазонова подписала с издательством Э.П. Даттона новый контракт на издание первого тома книги «A History of Russian Literature»,

¹⁰⁶ Морнэ Даниель (Daniel Mornet; 1878–1954) — писатель, профессор французской литературы, сменивший Лансона в Сорбонне, преподавал в Университете Чикаго во время войны, читал отдельные лекции в Колумбийском университете. Морнэ написал восторженную рецензию на труд Сазоновой «Жизнь танца» (Revue d’Histoire Littéraire de la France. 1938. Vol. 33. № 10974. P. 537–538).

¹⁰⁷ BAR. MS Coll. Manfred Kridl. Box 17. Folder «Dissertations at Columbia».

¹⁰⁸ Лифарь С. Ю.Л. Сазонова и наука о танце // Русская мысль. 1957. 3 декабря. № 1142. С. 5.

¹⁰⁹ Сазонова Ю. Адам Мицкевич // Новое русское слово. 1951. 16 декабря. № 14478. С. 8.

¹¹⁰ Стендер-Петерсен Адольф (1893–1957) — филолог-славист, специалист по русской и польской литературе, профессор Колумбийского университета в 1949–1950 гг.

¹¹¹ Крыжановский Юлиан (1907–1986) — преподаватель Нью-Йоркского университета, с 1954 г. редактор «Польского журнала», с 1957 г. (после смерти М. Кридла) профессор Колумбийского университета, где занимал должность профессора, субсидируемую сначала польским правительством, а позже специальным американским фондом и носящую имя Адама Мицкевича (Adam Mickiewicz Endowed Chair). Д.П. Сазонов пишет про свою мать: «Ее другом был другой польский профессор Колумбийского университета, Kryzanowski — Крыжановский — очень ее уважающий» (письмо Д.П. Сазонова к А.Л. Слонимскому от 17 октября 1958 г. — РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 59).

¹¹² Письмо Д.П. Сазонова к А.Л. Слонимскому от 17 октября 1958 г. (РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 58).

¹¹³ Письмо Ю.Л. Сазоновой к С.М. Лифарю от 19 ноября 1953 г. (Les Archives de la Ville de Lausanne, Швейцария).

соглашаясь представить готовую к изданию книгу в английском переводе до 1 марта 1950 г.

Свою «Историю литературы» Сазонова писала, естественно, на русском языке. По свидетельству Н.Л. Слонимского, она работала над переводом вместе с британским профессором, который не очень хорошо знал русский язык¹¹⁴. Но совместная работа не ладилась, и перевод не был доведен до конца. Д.П. Сазонов пишет: «Мама лишилась \$500 (долларов), п<отому> ч<то> нуждалась в помощнике для английского языка, а мою помощь не хотела, боялась прервать мои занятия, а помощник, женщина, так <...> скандалила, была психопаткой, что из-за нее не вышел в печать английский текст, а теперь вся работа как будто пропала»¹¹⁵.

Русский вариант книги Сазонова готовила параллельно для Издательства имени Чехова — его директором был Н. Вреден, ранее работавший управляющим книжным магазином Скрибнеров на Пятой авеню и главным редактором издательства Э.П. Даттона, с которым Сазонова подписала в 1951 г. контракт на издание истории русской литературы допетровского периода. **25 июля 1952 г.** Сазонова заключила второй контракт с издательством на двухтомную «Историю русской литературы». Первую часть (состоящую из двух тетрадей) просмотрел сотрудник издательства В.Д. Самарин, впоследствии обративший внимание Сазоновой на невозможность включения в работу официального советского фольклора, в то время как в ней не отражен неофициальный современный фольклор. В результате Сазонова переработала первую часть и представила ее издательству (редактору В. Александровой) только в июле 1953 г. Александрова требовала сократить текст, изменить название, добавить библиографию и исправить большое количество непоследовательностей, неточностей, ошибок в данных и названиях. Работа была принята к изданию условно, но 10 сентября 1953 г. рукопись была возвращена Сазоновой для доработки¹¹⁶.

Последняя корректура была выполнена осенью 1954 г., машинописная версия текста сдана в набор в декабре, и двухтомник вышел в **начале 1955 г.** Отзывы о книге были разные. В «Русской мысли» отозвался давний друг со времен сотрудничества в парижском «Звене» Георгий Адамович: «Написана книга с такой непосредственностью и с таким увлечением, что с первых же страниц забываешь о ее образовательных целях и с головой уходишь в мир далекий и вместе с тем близкий, мертвый и живой, таинственно глубокий, неисчерпаемо богатый»¹¹⁷. Владимир Рудинский писал в «Возрождении»: «Это — если не самая лучшая из книг, выпущенных Чеховским издательством за все время его деятельности, то во всяком случае одна из лучших. При том, вероятно, самая

¹¹⁴ *Slonimsky N.* Perfect Pitch. P. 185.

¹¹⁵ Письмо Д.П. Сазонова к А.Л. Слонимскому от 6 октября 1958 г. (РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 6). Разные версии истории с переводчиком объясняются, скорее всего, тем, что живший в Бостоне Н.Л. Слонимский мог не знать всех подробностей. Впрочем, Сазонова могла пробовать работать с разными переводчиками.

¹¹⁶ См. «Меморандум издательского отдела о работе Ю.Л. Сазоновой», написанный 16 сентября 1953 г. главным редактором Изд-ва им. Чехова В.А. Александровой (Hoover. Papers of V.A. Shvarts-Aleksandrova. Box 261. Folder 1).

¹¹⁷ *Адамович Г.* Древняя Россия // Русская мысль. 1956. 18 октября. № 966. С. 4–5.

полезная. <...> Автор показывает себя не только большим специалистом в своей области, но и настоящим русским человеком с живой любовью к Родине, с высоким и горячим чувством патриотизма и с нашим народным чувством юмора»¹¹⁸. Однако было немало и отрицательных рецензий. Ростислав Плетнев в «Новом журнале» указал на неверные сведения, пропуски в списке цитируемой литературы, ошибки и опечатки¹¹⁹. Самой уничтожающей была критика Дмитрия Чижевского в «American Slavic and East European Review». По мнению Чижевского, книга не только не отвечала минимальным требованиям точности и ясности, но включала много ненужных студентам-славистам деталей, фантастические утверждения и ложные теории. Сазонова «часто не замечает, что взгляды различных авторов, представленных рядом, противоречат друг другу, и пользуется и этими и теми»¹²⁰.

Судьба английского варианта книги сложилась не так удачно. По желанию Сазоновой контракт был аннулирован 6 января 1956 г.¹²¹, вице-президент компании Джон Эдмондсон вернул рукопись Д.П. Сазонову, тот послал ее в Париж, где Сазонова передала ее Брису Парэну¹²², секретарю издательства «Галлимар» и знатоку русской литературы, для перевода на французский, но издательство книгу не приняло¹²³. В 1956 г. Сазонова собиралась съездить в Лондон, надеясь, что ее давний друг Малькольм Маггеридж поможет ей устроить британское издание книги, но в это время серьезно заболела.

Последние два с половиной года жизни в США, с сентября 1953 по февраль 1955 г. Сазонова провела в Ривердейле¹²⁴ (640 West 231 Street, Riverdale, Bronx 63, New York)¹²⁵, продолжая вести переписку с заокеанскими друзьями:

¹¹⁸ В.Р. <Рудинский В.> Среди книг и журналов. Юлия Сазонова: «История русской литературы» // Возрождение. 1955. № 47. С. 142–143.

¹¹⁹ Новый журнал. 1956. № 33. С. 289–293.

¹²⁰ American Slavic and East European Review. 1955. Vol. XIV. P. 564–566.

¹²¹ 25 ноября 1955 г. Сазонова писала из Парижа директору изд-ва: «Относительно нашего последнего разговора в декабре 1954 г. по поводу Вашего решения аннулировать контракт на публикацию моей книги ИСТОРИЯ РАННЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ прошу Вас дать подтверждение в письменной форме. Я бы также очень хотела, чтобы Вы выслали на мой нью-йоркский адрес: 640 West 231 Street Riverdale N.Y. рукопись первого тома и главы второго».

¹²² Парэн Брис (Parain; 1897–1971) — французский философ, славист, переводчик, атташе по культуре французского посольства в Москве (1925–1926), секретарь изд-ва «Галлимар» с 1927 г., член коммунистической партии (1929–1933).

¹²³ Письмо Д.П. Сазонова к А.Л. Слонимскому от 6 октября 1958 г. (РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 6). В 2002 г. по просьбе автора этой публикации секретарь издательства «Галлимар» Албан Серезье пытался найти рукопись и переписку Сазоновой с Парэном, но поиски не увенчались успехом.

¹²⁴ После возвращения из Вермонта в Нью-Йорк в 1946 г. Сазонова жила в гостинице «Невада» на Бродвее, а в 1952 г. в связи с болезнью сердца переехала по приглашению Ольги Всеволодовны Юркевич в Йонкерс.

¹²⁵ После отъезда Ю.Л. Сазоновой из Нью-Йорка в Париж 5 февраля 1955 г. в этой квартире продолжал жить ее сын Дмитрий Петрович, работавший в то время в телеграфной компании «Western Union». Он считал, что квартира досталась ему от матери по наследству (письмо Д.П. Сазонова автору настоящей публикации от 4 февраля 1999 г.), хотя квартира ей не принадлежала, она снимала ее и никак кому-либо завещать. Улетая 19 ноября 1957 г. из Нью-Йорка, который он больше не увидит, в Париж, Дмит-

Борисом и Мамаи Шлецерями, братьями Сергеем и Леонидом Лифарями, Надеждой Тэффи, Сергеем Маковским, Николаем Евреиновым, Анной Кашиной-Евреиновой, Зинаидой Спесивцевой и, конечно, Николаем Миллиоти. В течение долгих лет доминантой переписки было ее возвращение к друзьям в благословенный Париж. После шума и одиночества чуждого ей Нью-Йорка Франция манила к себе. Бесконечные корректуры «Истории русской литературы» совершенно измучили ее физически и духовно. Именно в нью-йоркский период жизни у Сазоновой появились горькие мысли о бессельности ее существования и сомнения в значимости ее достижений. «Скачу в перегонку со временем, — писала она Шлецеру в 1944 г., — и думаю об укорачивающемся расстоянии до финиша и о необходимости что-то до финиша “поспеть” — а собственно почему? Стоит только начать планировать надолго вперед, как останавливает мысль: поспею ли? И начинаю торопиться». В 1947 г., думая о том, чего не удалось достичь, она с грустью размышляла о своей судьбе и предчувствовала приближающийся конец: «Жизнь прожита, и поправлять ее — все равно что исправлять уже вышедшую из печати книгу — пропало. Но, перелистывая ее, можно иногда удивиться своему безделью и своей глупости, чтобы так исключительно бездарно написать эту книгу — а ведь какая была дана тема и какие возможности. Теперь, в испуге перед концом, что-то пытаюсь сделать, прибавить какую-то главу, но как только начинаю планировать что-либо, наталкиваюсь на неумолимые цифры, на окончательную невозможность осуществить что-либо, требующее длительной работы — а ведь время было дано! и как. <...> в сущности не имеет значения, поспею или не поспею, и почему-то хочется все же записать, хотя, конечно, не переоцениваю записанного»¹²⁶. Осуществить «что-то» ей дал возможность Сергей Лифарь, пригласивший Сазонову в Париж от имени Парижской оперы для написания книги о своем балетном искусстве, которая была издана уже после ее смерти.

5 февраля 1955 г. Сазонова отправилась во Францию на французском корабле «Liberté». Во Франции она снова строила разнообразные планы на будущее: заключила контракт с издательством «Оксфорд Университи Пресс» написание книги о Бунине, в 1956 г. договорилась с Антонио Ферро об издании в Париже своей книги о португальском фольклоре и танце, наметились поездки в Лондон и к старшему брату в Советский Союз. В Париже Сазонова успела отредактировать мемуары Кшесинской и перевести на французский «Жизнь за Царя». Но здоровье не позволило ей реализовать все намеченное.

рий Петрович оставил квартиру, в которой хранился архив Сазоновой (включая письма к ней, рукописи других писателей, картины известных русских художников, книги из ее библиотеки и огромной библиотеки ее тети З.А. Венгеровой). В течение двух лет Д.П. Сазонов платил по 100 долларов в месяц за пустующую квартиру в Нью-Йорке, пока не иссякли деньги, полученные им в наследство от И.А. Венгеровой. На мольбы своего дяди А.Л. Слонимского о том, чтобы Д.П. Сазонов подписал Н.Л. Слонимскому доверенность на ликвидацию квартиры и сохранение находящейся в ней собственности, Д.П. Сазонов не реагировал. По мнению дочери Н.Л. Слонимского Электры Йорк и самого Д.П. Сазонова, оставшиеся в квартире вещи и архив были выброшены.

¹²⁶ Письма к Б.Ф. Шлецеру от 26 сентября 1944 и 22 октября <1947> (последнее из них датировано предположительно) (Bibliothèque Louis Notari, Monte Carlo).

В конце 1956 г. Сазонова тяжело заболела. В середине февраля 1957 г. С.Ю. Прегель отвезла ее в американский госпиталь в Нейи-сюр-Сен. Незадолго до этого В.Н. Бунина записала в дневнике: «Вечером зашла к Ю.Л., она задыхалась почти 2 часа сряду»¹²⁷. Бунина вскоре навестила Сазонову в госпитале и записала в дневнике: «Была в американском госпитале: Сазонова, поху-девшая, но похорошевшая, очень слаба. Ей трудно было сидеть. Ее посадили в первый раз. За нее страшно. Одна надежда на ее выносливость»¹²⁸. Позже Бунина еще несколько раз навещала Сазонову по воскресеньям¹²⁹. Несмотря на болезнь, Сазонова продолжала работать и закончила книгу о Лифаре в июле 1957 г. Последние пять месяцев жизни она провела в госпитале, опухшая, слепая, с сердечной болезнью и пневмонией. София Прегель писала в письме к Миллиоти: «жизнь еле теплится» в ней.

18 ноября 1957 г. Сазонова скончалась. 22 ноября ее отпевали в соборе Александра Невского на рю Дарю. В похоронном кортеже за гробом шли под дождем близкие, преданные, любящие: Миллиоти с прилетевшим 20 ноября из Нью-Йорка сыном Дмитрием¹³⁰, С. Прегель, В. Бунина, Лифари, Э. Йорк и Ю. Юркевич, о. Александр Чекан. Над могилой, по заказу Леонида Лифаря, был установлен деревянный крест. В.Н. Бунина, сопровождавшая похоронный кортеж в Сент-Женевьев-де-Буа, записала в дневнике: «Погребение Ю.Л. Сазоновой — погода ужасная, такой не было за весь месяц»¹³¹. После смерти матери Дмитрий Петрович писал Вере Николаевне: «Я Вам очень благодарен за то, что Вы были так милы с моей мамой, заходили к ней в госпиталь и проводили ее с нами в последний путь, а до войны, когда я был маленьким мальчиком в Viot около Grasse, приглашали маму к себе»¹³².

¹²⁷ Запись от 13 февраля 1957 г. (РАЛ. MS. 1067/436).

¹²⁸ Запись от 22 февраля 1957 г. (Там же).

¹²⁹ См., напр., дневниковые записи от 3 и 24 марта, 21 апреля 1957 г. (Там же).

¹³⁰ См. дневниковую запись Буниной от 20 ноября 1957 г. (Там же).

¹³¹ Запись от 22 ноября 1957 г. (Там же).

¹³² Поздравительная открытка с Рождеством и Новым годом (<январь 1958 г.>) (РАЛ. MS. 1067/6451).

ПИСЬМА Н.Д. МИЛЛИОТИ К В.Н. БУНИНОЙ (1927–1958)*

Вступительная статья и приложение Кита Триббла**.

Публикация Кита Триббла и Ричарда Дэвиса***

Имя Николая Дмитриевича Миллиоти (1874–1962) хорошо известно специалистам по русскому искусству первой половины XX в.: он был членом «Союза русских художников», объединений «Мир искусства» и «Голубая роза» (вместе с младшим братом Василием, заведующим художественным отделом журнала «Золотое руно»). Годы, проведенные Миллиоти за рубежом, до сих пор не привлекали внимания исследователей как в России, так и на Западе. Между тем такой авторитетный знаток искусства, как Константин Сомов, считал лучшим, что Миллиоти когда-либо сделал, портрет Т.Л. Сухотиной-Толстой, выставленный в 1938 г., назвав его «особенно замечательным, безупречным»¹. В эмиграции Миллиоти получил признание прежде всего как портретист: «Мое имя как портретиста известно не только в Париже, но и в Италии, и в Америке»². В составленном самим художником, но далеко не полном списке его работ эмигрантского периода перечислены 92 портрета — как русских, так и иностранцев³. В их числе писатели, художники, композиторы, танцовщики, певцы, фотографы, киноактрисы, врачи, аристократы и представители европейского бомонда⁴.

Миллиоти находился на периферии круга знакомых и корреспондентов И.А. Бунина. Однако он был его большим поклонником, и публикуемые письма от ноября 1933 г. свидетельствуют о том, какое большое значение имело для него

* Тексты Н.Д. Миллиоти публикуются с разрешения Дмитрия Сазонова © 2010.

Тексты В.Н. Буниной публикуются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate © 2010.

** © Keith Tribble, 2010.

*** © Keith Tribble, Richard D. Davies, 2010.

¹ Слова Сомова приводятся Миллиоти в письме к А.П. Остроумовой-Лебедевой от 20 июня 1949 г. (РНБ. Ф. 1015. № 731. Л. 6).

² Там же.

³ Дневник № 30 bis за 1934 г. (Собрание Е.Ю. Миллиоти, Москва — в дальнейшем: ЕЮМ).

⁴ Подробнее о творческом пути Миллиоти см. Приложение.

лично и, по его мнению, для всей русской эмиграции присуждение Нобелевской премии впервые русскому писателю. К тому же, как только Миллиоти узнал о присвоении Бунину премии, ему захотелось стать автором первого портрета нового лауреата (№ 16–17). Высокое мнение Миллиоти о Бунине-писателе подтверждается через много лет в единственном сохранившемся письме его к Бунину, написанном 21 октября 1950 г. по случаю восьмидесятилетия последнего:

«Дорогой Иван Алексеевич,

Я сижу дома простуженный и не смогу прийти сегодня, чтобы лично поздравить Вас и сказать, как почитаю Ваш великий талант. От души желаю Вам здоровья и очень долгой жизни.

Низкий поклон милой В<ере> Н<иколаевне>.

Искренно Вам преданный

Н. Миллиоти»⁵.

Но близости между ними никогда не было. Более того, в своих письмах к В.Н. Буниной Миллиоти неоднократно утверждает, что Бунин его не любит (№ 8–9). Характер их взаимоотношений хорошо раскрывается в письме Миллиоти от 28 ноября 1936 г. к его римской приятельнице художнице Т.Л. Сухотиной-Толстой:

«Как-то на днях я долго заработался и очень поздно вышел, чтобы где-нибудь позавтракать. Есть около Montparnasse'a такой бар русский — "Dominique"⁶, верно названный так во славу старого петербургского⁷. Я сидел там в сторонке, один, и кончал свой завтрак, когда вдруг шумно распахнулась дверь и ворвался некий странный маленький человек, в желтеньком, застегнутом доверху и с поднятым воротником пальтишке и надвинутой на нос, как у заправского гавроша⁸, кепке и скандально громким голосом закричал: "Я тут у вас вчера ключ забыл!" Все кругом засуетились, и так до конца он и кричал для всех во всеуслышание нобелевским своим голосом; а 2 рюмки коньяку (которые, я думаю, он выпивал во всех встречах быстро и без всякого ключа) объяснялись отчасти, надо правду сказать, ужасным холодом. Увидав меня, он замахал ручкой и закричал: "Стыдно, стыдно, батенька"⁹, в нашем возрасте по кабакам шляться!" — и подсел ко мне. Вы догадываетесь, конечно, что этот гаврош был русский писатель и только что потрепанный немецкими пограничниками¹⁰

⁵ РAL. MS. 1066/3875. См. также № 7, 20–21, 24–25.

⁶ Популярный среди русских эмигрантов ресторан «Доминик» был открыт театральным критиком Львом Адольфовичем Аронсоном (1893–1984) на перекрестке бульваров Распай и Монпарнас (19, rue Vg a). Подробнее о нем см.: *Носик Б.* «На бульваре Распай господин Доминик у руля» // Евреи в культуре русского зарубежья: Статьи, публ., мемуары и эссе. 1939–1960 гг. Иерусалим, 1995. Т. 4. С. 504–512.

⁷ Первое в России кафе (трактирное заведение нового типа «для удовольствия публики высшего класса») было открыто в 1841 г. в Петербурге на Невском проспекте мастером кондитерского цеха Домиником Риц-а-Порто и получило название от имени своего владельца (существовало до 1917 г.).

⁸ От фр. *gavroche* — парижский уличный мальчишка.

⁹ В оригинале: батюшка.

¹⁰ 26 октября 1936 г. на обратном пути из поездки в Германию и Чехословакию Бунин был задержан в немецком пограничном городе Линдау и подвергся унижительному обыску.

нобелевский лауреат Ив<ан> Ал<ексеевич> Бунин. Вот от него я узнал, что делается в Риме и как Вы живете¹¹.

Я рад был узнать, что Вы здоровы и прежняя и как хорошо у Вас там в Риме. Рассказывая мне о Риме, Б<унин> не мог, конечно, не говорить и для притихнувших гарсонов: “Да, батенька, за такую рекламу (история его в Линдау) какая-ниб<удь> стар¹² миллионы бы дала! Да, так вот жил я в дорогой гостинице в Риме, но скука там — я ведь не люблю это: сидят в hall’e¹³ какие-то старухи, газеты читают! Мне дай, чтобы девочки ходили, чтобы выпить можно было!” И все в этом роде. Но все же это Бунин, и есть что-то в нем не только значительное, но и трогательное. Я рад был этой встрече, а особенно тому, что узнал новое о Вас»¹⁴.

Не исключено, что неприязнь, которую Бунин испытывал по отношению к Миллиоти в 20-е гг., объясняется репутацией донжуана и ловеласа, которая давно укрепилась за ним. Молодой Миллиоти был необычайно красив, строен, высокого роста, атлетичен, воплощая собой некий идеал мужественности. Он рано стал известным покорителем женских сердец и однажды даже дрался на дуэли в Крыму, защищая репутацию любимой женщины. Художник сам признавал, что многие считали его «поверхностным в искусстве и фатом в личной жизни»¹⁵. В старости он отдавал себе отчет в том, что по сути предавал своих возлюбленных, отмечая в дневнике 30 апреля 1952 г.: «Я похож на этот довольно банальный образ Дон Жуана. Don Juan aux enfers¹⁶ окружен десятком своих жертв»¹⁷.

Насколько Миллиоти ощущал неприятие его личности самим Буниным — настолько он чувствовал симпатию со стороны Буниной, личные и эпистолярные отношения с которой были у него намного теснее. Поводом для сближения Миллиоти с Буниной послужила, по-видимому, большая дружба художника с ее двоюродной сестрой — певицей Марией Сергеевной Муромцевой-Брюан, в которую Миллиоти влюбился в 1927 г. — год первых сохранившихся писем его к Буниной (№ 1–2)¹⁸. Некоторые женщины остерегались появляться на людях в компании Миллиоти из-за его репутации донжуана, считая, что это может их скомпрометировать. В числе таких женщин оказалась и Бунина, как явствует из описания Ходасевичем ее встречи с Миллиоти 4 апреля 1928 г. (в письме к Берберовой от 5 апреля 1928 г.):

¹¹ Бунин недавно вернулся из Рима (он находился там с 11 по 16 ноября 1936 г.), где дважды посещал Т.Л. Сухотину-Толстую по ее приглашению.

¹² От англ. star — кинозвезда.

¹³ вестибюле (*англ.*).

¹⁴ Государственный музей Л.Н. Толстого (Москва). Ф. 42. Оп. 7.

¹⁵ Письмо к А.П. Остроумовой-Лебедевой от 20 июня 1949 г. (РНБ. Ф. 1015. № 731. Л. 2об.).

¹⁶ Дон Жуан в аду (*фр.*).

¹⁷ Дневник (нумерованный) за 1951–1952 гг. (ЕЮМ).

¹⁸ Летом 1927 г. Миллиоти сделал три карандашных эскиза портрета Муромцевой-Брюан в своем дневнике (Дневник № 20 за 1927 г. — ЕЮМ), а 29 декабря 1927 г. он записал в дневнике: «В жизнь вошло несколько иных, и значительных для меня, лиц. Особенно наполнила ее дружба с маленькой, сильной, содержательной М.С.Б.» (Дневник № 20 bis за 1927–1928 гг. — ЕЮМ).

«Потом я был в Select¹⁹, где в полутьме накрыл Верочку Бунину с Мил<л>иоти. Она адски сконфузилась. Тогда я сказал:

– Я живу в Версале, а здесь на ½ часа incognito. Никому не говорите, что меня видели.

– Хорошо, хорошо! — Она буквально захлопала в ладоши. — А вы не говорите, что меня видели. Ах, как смешно. У нас с вами теперь будет тайна»²⁰.

(Отметим в этой связи, что через два с половиной года Ходасевич напишет Берберовой в письме от 5 ноября 1930 г., что «мил<л>иотная муха меня и укусила», и он категорически запрещает ей встречаться с Миллиоти: «<...> чтоб ты никогда и нигде вдвоем с ним не являлась и чтоб он не являлся ни к нам, ни к тебе. В нейтральном месте — да, но в нашей квартире я не подам ему руки, о чем предупреждаю. Не сердись на меня, но не вижу нужды играть роль великодушного рогоносца, в которого он меня сознательно рядит. Да думаю — и ты не захочешь этого. Допустим, своей репутации ты хозяйка, но и я своей — тоже»²¹.)

Сознательно ли или случайно, Бунина оставила очень мало документальных следов своего знакомства с Миллиоти. Только первое письмо, полученное от него, упоминается в ее дневнике (см. примеч. 1 к № 1), а после описания совместной поездки в Шантйи с Миллиоти и Муромцевой-Брюан в конце февраля 1928 г. (см. примеч. 3 к № 2) переписка и встречи с ним больше не упоминаются в дневниковых записях за соответствующие дни (правда, большинство из писем и датированных встреч падает на периоды, за которые нет записей в дневниках). Это особенно примечательно в случае с письмом Миллиоти после потрясшей всех ее родных и друзей смерти Муромцевой-Брюан в декабре 1930 г. (№ 13). Бунина не включила письма Миллиоти в списки полученных по этому поводу писем в ее дневнике, но, по-видимому, она читала или показывала его другим, потому что цитата из него приводится Кузнецовой без указания источника в своем дневнике (см. ниже и примеч. 18 к № 13). Имя Миллиоти также не фигурирует в многочисленных списках друзей и благодетелей, подписчиков на книги и журналы и покупателей билетов на литературные вечера, которыми Бунина заполняла много страниц в своих дневниках, особенно в послевоенные годы. Кроме публикуемых писем Миллиоти к Буниной его «присутствие» в ее архиве исчерпывается рисунком в ее альбоме, сделанным 29 марта 1930 г.²², и несколько ироническим описанием случайной встречи с ним у парижского врача в письме к мужу от 5 апреля 1932 г.:

«Там столкнулась с... Миллиоти. Что с ним стало! Весь раздулся, и всякая красота куда-то пропала. Настроение самое мрачное. В пятницу в 4 ч. иду к нему “смотреть” его “новые картины”»²³.

Не исключено, что причиной длительного перерыва в переписке Миллиоти с Буниной после его второго письма по поводу присуждения Нобелевской

¹⁹ Café Le Select — популярное в среде литераторов русского зарубежья монпарнасское кафе.

²⁰ Письма В. Ходасевича к Н. Берберовой / Публ. Д. Бетеа // Минувшее. Вып. 5. С. 245.

²¹ Там же. С. 279.

²² РАЛ. MS. 1067/843.

²³ РАЛ. MS. 1067A/10.

премии Бунину в 1933 г. был неприкрытый антисемитизм его выпада против Я. М. Цвибака (№ 17). К таким проявлениям «широты» русской души Бунины были нетерпимы. Как бы то ни было, до возобновления переписки в 1950 г. (№ 18) известны только случайные контакты Миллиоти с Буниными, как, например, упомянутая в начале настоящей статьи встреча с Буниным у «Доминика» в ноябре 1936 г. или сообщение в письме к Магде Баллака в июне 1945 г. о его намерении идти на вечер недавно вернувшегося в Париж из Грасса Бунина²⁴.

* * *

Мария Сергеевна Муромцева-Брюан (1888–1930), недолгий роман с которой дал толчок к знакомству и переписке Миллиоти с Буниной и которая часто упоминается в его письмах к ней в 1927–1932 гг. (№ 2, 5, 8, 10–14), была младшей дочерью знаменитого председателя Первой Государственной думы и родного дяди Буниной Сергея Андреевича Муромцева (1850–1910) и его жены, известной в молодости оперной певицы, Марии Николаевны (урожд. Климентова; 1856–1946). Она сама стала профессиональной певицей в 1910-х гг., но ее карьера была прервана войной, революцией и эмиграцией во Францию вместе с матерью в начале 1920-х гг.²⁵ Брюан — фамилия ее второго мужа (в первом браке (до 1910 г.) она была Венявская), французского банкира, Теофиля Белинера Гастона Брюана (Théophile Bélineaire Gaston Bruyant; 1883–?).

В сохранившихся письмах к Буниной от 1926–1930 гг.²⁶ Муромцева-Брюан часто приглашает Бунину навестить ее в Шантийи, недалеко от Парижа, но известен только упомянутый выше приезд Буниной в Шантийи в начале 1928 г. Вместо этого Муромцева-Брюан приезжала к Буниным на юг. Согласно дневнику Кузнецовой ее приезд 25 сентября 1928 г. взбудоражил бунинский дом:

«Приехала кузина В<еры> Н<иколаевны> Маня Брюан. Целый день по этому поводу суета, ходят по всем комнатам, даже И<ван> А<лексеевич> не так упорно сидит у себя. Наблюдаю Маню из своего угла. Кажется, основное ее качество — спокойная уверенность в том, что мир вращается вокруг нее. Но есть для меня что-то жуткое в ее неумении прожить сутки без декорации, в просто обставленной комнате, не забавляя себя натаскиванием в нее ковров, безделушек, ваз, цветов. Точно без этого неммыслимо переночевать в отеле. Я сама люблю все красивое, но в ней это доходит до смешного.

Они заняты рядом с И<ваном> А<лексеевичем>. Каждый эгоцентричен, и они невольно сталкиваются в этом, хотя бы это выражалось в куске курицы, или кисти винограда, или в самом удобном кресле. Она так же, как и он, любит все самое лучшее и считает, что оно сотворено для нее. И вот тут интересно, как он бранит в ней то, что есть в нем самом, и почти боится посягательства на свою тарелку, свою комнату...

²⁴ Вечер Бунина состоялся 19 июня 1945 г. в зале Шопен-Плейель (Хроника. Т. 5. С. 91). Письмо к Магде Баллака хранится в РГАЛИ (Ф. 803. Оп. 2. Ед. хр. 113. Л. 4).

²⁵ Об этой ветви семьи Муромцевых с фотографиями членов семьи см. автобиографию племянницы Муромцевой-Брюан: *Mouromzoff T. A la recherche de ma Russie*. Lille, 2006. (Фотография Муромцевой-Брюан помещена на с. 42.)

²⁶ РАЛ. MS. 1067/1703–1731.

Она приехала на своем автомобиле с шофером, бывшим русским офицером. Собирается поездить по окрестностям»²⁷.

В январе 1930 г. Муромцева-Брюан вновь навещает Буниных, но на этот раз останавливается в отеле. Кузнецова опять описывает визит в несколько шаржированном тоне:

«Когда потом приехали в Грасс и зашли в Гранд-Отель, казалось, что перенесли на другую планету. Ковры, тепло, азалия в цвету, туфельки с лебяжьим пухом на ковре, зеленый, расшитый, как риза, халат без рукавов на лежащей в кресле во всей своей “идольской неподвижности” Мане...»²⁸

Когда распался брак с Брюаном (об этом см. № 13), Муромцева-Брюан пыталась возобновить свою музыкальную карьеру. В том же 1930 г. она писала Буниной:

«Продолжаю все лечить горло. Теперь скоро кончатся прижигания, и я начну готовить программу для издания дисков для фонографа. Не хочу умереть, не оставив после себя хотя бы звука своего голоса»²⁹.

К сожалению, ей не суждено было реализовать эту мечту. Вскоре у нее обнаружили рак, и второй операции она не пережила.

Смерть Муромцевой-Брюан, о которой узнали в Грассе из траурных объявлений в парижских газетах, потрясла всех в доме Буниных³⁰. Их реакцию описала Кузнецова:

«Мы все были поражены этим известием. И.А. не знал, как сообщить об этом В.Н., и сначала сказал подвернувшемуся Л.³¹, потом мне. У него было при этом такое расстроенное лицо, что я не знала, что подумать. Он сказал: “Маня отравилась!” — хотя ничего об этом не известно, предположив это, очевидно, в связи с ее семейной драмой. Целый день мы точно пришибленные. Смерти идут как-то гроздьями, сразу смерть нескольких знакомых. Кроме того, я никак не могу освоиться и связать с Маней, жившей здесь в прошлом году в Гранд-Отеле, с Маней, великолепно певшей нам еще этой зимой “Ich grolle nicht”³², эту смерть и похороны. Ничего не могу записать толком. Все путается и трудно складывать фразы. Это так нелепо и никак не связывается с Маней — гроб, панихиды, свечи. А теперь она уже в могиле»³³.

Ближе всех приняла к сердцу известие, конечно, Бунина, о чем свидетельствуют записи в ее дневнике за декабрь 1930 г. 20 декабря Кузнецова отметила:

«В.Н. уже несколько дней чувствует на себе последствия всех бывших тяжелых переживаний. Она бледна, нервна, легко раздражается. О Мане ей пи-

²⁷ Грасский дневник. С. 75–76.

²⁸ Там же. С. 128 (запись за 17 января 1930 г.).

²⁹ РАЛ. MS. 1067/1712.

³⁰ «Муж и мать извещают друзей и знакомых, что 3-го декабря скончалась Мария Сергеевна Брюан, урожденная Муромцева. Панихида будет в пятницу в 5 часов в русской церкви на rue Daug. Отпевание и вынос тела почившей состоится в пятницу» (Последние новости. 1930. 5 декабря. № 3544. С. 1; см. также: Возрождение. 1930. 5 декабря. № 2012. С. 1).

³¹ Л.Ф. Зурову.

³² «Я не сержусь» (нем.) — романс Шумана на слова Гейне.

³³ Грасский дневник. С. 193 (запись за 6 декабря 1930 г.).

шут до сих пор. Маня умерла, сделав распоряжения по отношению к матери. О В.Н. ничего. Муж ее якобы уже год совершенно разорен, и она, зная это, скрывала от всех. Мать, эта коренастая старуха, “могуче, по-цыгански, переносит горе”»³⁴.

* * *

Поводом для нескольких писем Миллиоти к Буниной послужило его желание отдохнуть на юге Франции после болезни и операции (№ 6–12). Местом для отдыха был выбран расположенный неподалеку от Грасса детский санаторий под управлением Е.М. Лопатиной и О.Л. Еремеевой в Шато де Клозон. Просьба Миллиоти устроить его погостить за плату в Шато де Клозон не увенчалась желанным результатом. Однако два года спустя его и Ю.Л. Сазоновой девятилетний сын Дмитрий Сазонов переехал туда жить (№ 13 и 15)³⁵. До этого Митя Сазонов, воспитанный французскими католическими монахинями, едва говорил по-русски, а в Шато де Клозон он научился русскому языку и церковному песнопению. В неопубликованном очерке «Как хорошо в Шато Клозоне» Бунина вспоминает его участие во всеобщей в «полутемн<ой> церк<ви>, освещенн<ой> только несколькими свечечками. <...> Меня удивляли дети, даже Митя Сазонов стоял изумительно хорошо»³⁶.

* * *

Письма Миллиоти к В.Н. Буниной хранятся в РАЛ (MS. 1067/4446–4470). Писем Буниной к Миллиоти нет в фондах последнего в РГАЛИ (Ф. 803) и Отделе рукописей РГБ (Ф. 494) и приходится считать их утраченными.

Неоценимую помощь в подготовке настоящей публикации оказал А.Г. Тимофеев (Санкт-Петербург), которому выражается особая признательность. Благодарность выражается также следующим лицам: Наталья Калинина (Москва), Елена Миллиоти (Москва), Лев Мнухин (Москва), Воля Стойчева (Национальная галерея за чуждестранно искусство, София), Вера Федорина (Музей-заповедник Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»); Serge Aslanov (Institut d'Études Slaves, Paris), Monique Beaulieu (Archives de la Ville de Biarritz, Франция), Katia Bonneau-Tcherniaeff (Anglet, Франция), Kunsthandlung Julius Boehler (München), Sheila Bumgartner (Public Library of Charlotte and Mecklenburg County, Charlotte, США), Elaine Charwat (Leeds, Великобритания), Gilbert Desport (Saint Pierre d'Irube, Франция), Jochen Dollwet (Stadtarchiv, Wiesbaden), Armin & Wolfgang Emmerz (Murnau, Германия), Sandrine Falchero (Mairie de la Ville d'Antibes, Juan-les-Pins, Antibes, Франция), Mark Gamsa (Tel Aviv/Zürich), Elda Garetto (Milano), René Guerra (Paris), Edythe Haber (Cambridge, США), Frédérique Hamm (Archives départementales de la Somme, Amiens, Франция), David Jackson (Leeds, Великобритания), Andrei Korliakov (Paris), Eberhard Kugler (Lorch, Германия), Sabine Lewis (Stillwater, США), Cornelius Lochschmidt (Bayerische Staatsbibliothek,

³⁴ Там же. С. 197 (запись за 20 декабря 1930 г.).

³⁵ О Ю.Л. Сазоновой и ее гражданском браке с Миллиоти см. Приложение к публикации ее переписки с Буниными в наст. изд.

³⁶ РАЛ. MS. 1067/15. См. также примеч. 3 к № 15.

München), Ruth Loughner (Irwin, США), Cyrille Makhroff (Paris), Cyril Muromcev (Washington, США), Wolfgang Nestlern (Heidelberg, Германия), Inge Neumeyer (Hessische Staatsbibliothek, Wiesbaden), Patrice Novelli (Mairie de Menton, Франция), Lydie Ouspensky (Sainte Geneviève des Bois, Франция), Alex Rabinowitch (New York), Hélène Ravaisse (Paris), Therese Rawson (Berwyn, США), Rosalie Reynolds (Charlotte, США), Prince Michel Romanoff (Neuilly-sur-Seine, Франция), Service Etat Civil (Mairie de Neuilly-sur-Seine, Франция), Arno George Sheffel (Redondo Beach, США), Tomas Sekyrka (Národní galerie, Прага), Marcela Spackova (Národní galerie, Прага), Jacques Staes (Archives départementales des Pyrénées Atlantiques, Pau, Франция), Serge Stommels (Nijmegen, Нидерланды), Ginny Thompson (Henderson County Genealogical and Historical Society, Hendersonville, США), Dani Torilloux (Pertain, Франция), Francisca Vandepitte (Musées Royaux des Beaux-Arts de Belgique, Bruxelles), Electra Yourke (New York).

11 февраля 1927 г. Париж

11 févr. 27

Дорогая Вера Николаевна,

Быть так близко и не видеть Вас! Я пишу Вам это от Анны Львовны, к которой зашел, не зная, можно ли зайти к Вам вечером¹; и вот, оказывается, сейчас уже 10½ час<ов>, и я думаю, что невозможно к Вам идти, особенно если у Вас народ². Выберите, милая В<ера> Н<иколаевна>, сами день и час и черкните мне открытку, я очень хочу Вас видеть.

Надеюсь, что Вы совсем приходите в себя после перенесенного и сделаетесь, если это только возможно, еще красивее и милее³.

Искр<енне> Ваш
Ник. Миллиоти

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4446).

¹ 12 февраля 1927 г. Бунина записала в дневнике: «Вчера вечером у двери я нашла письмо от Ник<олая> Дм<итриевича> Миллиоти. Был у Хигерович. Хотелось зайти ко мне, но побоялся. Досадно! Письмо очень милое» (РАЛ. MS. 1067/390). Подруга Буниной А.Л. Хигерович жила на рю Антуан Арно (rue Antoine Arnauld) в нескольких шагах от квартиры Буниных на рю Жак Оффенбах.

² Судя по дневниковой записи Буниной от 11 февраля 1927 г., к данному времени она была либо одна, либо в компании соседки Берты Нилус: «Около пяти пришли ко мне Алданов и С<ергей> Ан<дреевич> Иванов. С<ергей> А<ндреевич> приготовил чай, Алданов принес пирожных. Мы очень оживленно и весело говорили. Мне хотелось их оставить обедать, да обеда не было. Около семи вернулся Ян. Мы все вышли вместе. Зашли в колбасную и купили себе обед. Немного погуляли.

Ян уехал на весь вечер к Ходасевичам. Ко мне пришла Берта» (Там же).

³ 18 января 1927 г. Бунину оперировали, удалив из печени и желчного пузыря причинявшие ей сильные боли камни. Домой она вернулась 3 февраля.

2

27 июня 1927 г. Париж

Paris. 27 juin 27

Милая Вера Николаевна,

Я пишу Вам наспех на уголке заваленного бумагами и рисунками стола, прежде всего для того, чтобы только подать Вам голос и ответить на Ваше хоть и короткое, но милое письмо¹. Я и сейчас еще завален делами закрывшейся выставки² и всякими препротивными заботами, и когда успокоюсь и смогу сказать — могу жить, думать и работать для себя, т<о> ес<ть> по-серьезному, право, еще не предвижу; кажется иногда, что никогда. Я умел раньше как-то скидывать с себя все разом, верно, иногда заодно и жизненный долг, и, не заботясь об укорах жизни, уходить в природу, в свой мир и свое одиночество; а сейчас, оттого ли, что груз уж очень велик, не сбросишь, оттого ли, что серьезнее стал, оттого ли, что буйности меньше — не умею; боюсь пропустить солнце и лето, а как бы хотелось услышать соловьев и нанюхаться вот этих лилий, о которых Вы так хорошо пишете, и набродиться, належаться на солнце — сказать не могу.

Если и удастся уехать, то, думаю, не раньше августа — тянет ужасно в Италию или Provence, которого совсем не знаю. Я довольно часто вижу Вашу маленькую кузину и недавно еще ездил с ней в Chantilly, где Вы, верно, уже были с ней³. Там очень хорошо. Жаль, что Вас не было на «М<ире> иск<усства>»⁴. Прошел он неплохо, но мало дал в смысле практических результатов: однако я лично, несмотря на кучу забот, трат и неприятностей, рад, что выставка была; необходимо выставлять от времени до времени, это чудесный контроль своих сил и, главное, проверка своего пути и соотношения своих сил к внешнему миру. Ходишь по выставке и так чувствуешь: вот как надо было сделать, вот это дать, а не то; и то, что надо из себя дать впереди, понимаешь. Трезвеешь сразу. Я рад, что Ваше здоровье и самочувствие лучше; по-моему, Вы мало думаете о себе, как большинство чистых и хороших женщин; впрочем, такой и будьте — ведь без жертв настоящих ничего нет прекрасного в жизни; лишь бы более прозаические и самообольщенные люди не очень этим «законно» пользовались. Говорю это потому, что сам в жизни очень часто был вдохновенно-прозаическим эгоистом. Впрочем, морализирование не идет мне; я все тот же грешный Миллиоти, и одно мне утешение, что я все же лучше, чем многие обо мне думают со злобой. Как бы хотелось мне попасть в Ваше соседство, походить с Вами по

солнцу, пописать Вас и поговорить с Вами. Мож<ет> б<ыть>, и выйдет еще это. Главное, пишите мне. Я очень верно и с радостью большой буду отвечать Вам.

Целую Ваши руки и остаюсь искр<енно> Вам преданный
Ник. Миллиоти

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4447).

¹ Это и другие письма Буниной, упоминаемые в дальнейшем Миллиоти, не сохранились.

² Миллиоти представил 10 работ на выставке объединения «Мир искусства» 7–19 июня 1927 г. в парижской галерее Гастона Бернхейма-младшего. (Подробнее об участии Миллиоти в этой и других упоминаемых в его письмах выставках см. Приложение.)

³ О переезде в расположенный к северу от Парижа городок Шантийи Муромцева-Брюан написала Буниной в двух недатированных письмах: «Мы наняли дом в Chantilly. Я его устраиваю, по мере сил. Подписала контракт на 15 мес<яцев>. Вид дивный, комнаты просторные. Тишина, сад. Gaston его обожает и мечтает поскорей туда переехать»; «Контракт готовится и будет подписан на днях. Насколько я еще могу чему-нибудь радоваться. Я очень довольна. Дом имеет вид русской каменной усадьбы и находится в прелестном месте. Villa Saïd. Это в конце Avenue du Bois, маленький частный заезд с деревьями и тишиной. За домом двор-сад с конюшнями и домиком для прислуги» (РАЛ. MS. 1067/1707 и 1721).

Не установлено, ездила ли Бунина с Муромцевой-Брюан в Шантийи в 1927 г., но сохранилось описание совместной поездки с Муромцевой-Брюан и Миллиоти в 1928 г.: «А на другой день я ездила с Маней и Миллиоти в Шантийи.

Маня вся в творчестве своего дома. Она страстно украшает его. Стиль Louis XV и XVI. Он к ней подходит. В ней сочетаются художественность и цыганство, и, м<ожет> б<ыть>, это ее удовлетворяет больше, чем слава артистки.

Миллиоти имеет вид болезненный. Все такой же нежный, заботливый, приятный и все так же больше всего интересуется собой. В этом он родственен с Маней, и мне было забавно следить за этим дуэтом.

Шантийи — прелестное место. Замок кажется небольшим, очень изящный, пруд с утками и лебедями. Интересная архитектура конюшен, луг и лес. Манина квартира — часть огромного корпуса, разделенного на отдельные квартиры, перед каждой сад более длинный, чем широкий. Дом толстостенный, у Мани 9 комнат. Огромный салон, 2 ванн<ые комнаты>. Вид на луг, окаймляющийся лесом. Мне все же мало простора. Я люблю больше, чтобы даль терялась, но Мане очень нравится.

Гуляли в виллах, видели павлинов. У Мани С. Бернар» (запись от 23 февраля 1928 г. — РАЛ. MS. 1067/392). Одна картина, написанная Миллиоти в Шантийи в 1931 г., воспроизведена в изд.: «Они унесли с собой Россию...»: Русские художники-эмигранты во Франции. 1920-е — 1970-е. Из собрания Ренэ Герра: Каталог выставки. М.: Авангард, 1995. С. 98. Другая хранится в собрании Е.Ю. Миллиоти (Москва), а третья, принадлежащая Центру Помпиду (Париж), хранится в запаснике г. Компьен.

⁴ Ко времени проведения выставки «Мир искусства» Бунины уже находились на юге Франции.

3

21 марта 1928 г. Париж

21 mars 28
3 bis pl<ace> de la Sorbonne¹
Paris

Дорогая Вера Николавна,

Конечно, очень хочу повидать Вас и с Вами Лувр. Приходите в субботу *около 2-ух*, как Вы сами назначили, прямо *ко мне в мастерскую* (3-ий этаж, дверь на мостик, налево) — я покажу Вам несколько неконченных вещей, уезжающих через 10 дней в Grand Palais de Bruxelles, на выставку, и которых после, верно, в Париже уже не будет². От меня проедем с Вами в Лувр.

Итак, жду Вас и благодарю за память.

Искренно Вам преданный

Ник. Миллиоти

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4448).

¹ Миллиоти жил и работал в мастерской на площади Сорбонны напротив одноименной церкви (см. № 5) с возвращения из Америки летом 1925 г. до конца своей жизни.

² Миллиоти представил 10 работ на состоявшейся в мае–июне 1928 г. выставке древнего и современного русского искусства во Дворце изящных искусств в Брюсселе.

4

29 марта 1928 г. Париж

Ce jeudi
5 h<eures>¹

Дорогая Вера Николавна,

Как жаль, что мы не встретились сегодня! Не пеняйте, что я не ждал Вас дольше 5 (я думал, что Вы будете, как сговорились, в 4), т<ак> к<ак> за мной зашли и *увели* меня на заседание комитета по выставке, от чего я *не мог* отказаться². Очень хочу повидать Вас.

Оставьте, Бога ради, Ваш адрес или телефон — я напишу или позволю, и мы сговоримся.

Или сами назначьте день и час, дня за два³.

Целую Ваши руки и остаюсь пред<анный> Вам

Н. Миллиоти

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4468). Датируется предположительно по содержанию и по сопоставлению с № 3. Не установлено, состоялась ли встреча, назначенная в № 3 на субботу 24 марта 1928 г. Следующий четверг приходился на 29 марта 1928 г.

¹ Четверг, 5 часов (*фр.*).

² Ср. примеч. 2 к № 3.

³ Возможно, Бунина и Миллиоти так и договорились о встрече 4 апреля 1928 г., которую Ходасевич описывает в приводимом во вступ. ст. письме к Берберовой.

5

21 мая 1928 г. Париж

21 mai 28

Paris

Милая Вера Николаевна,

Я беру перо в руки как раз в то время, как на часах Сорбонны бьет полночь. Я не вижу в этом ничего знаменательного, но, сев писать Вам и услышав первый удар, взглянул на часы и нашел, что при желании это можно как-то фантастически истолковать, тем более что вот уж, кажется, 2 месяца, что я каждый день собираюсь писать Вам¹. Но не вините меня очень; Вы знаете, что такое парижская жизнь весной — страшно быстро и мучительно пролетающий сумбур, из которого не выйдешь и в котором как-то принято резюмировать весь год; а когда, кроме того, много *личной* переполненности жизни, то просто часто не принадлежишь себе. Вы, верно, знаете из газет, что недавно открылась прекрасная Брюссельская выставка. Думаю, что Вас, как моего друга, огорчило место, которое мне уделил в своей критике С. Маковский². Я критик не читаю и этой не видел, но мне передавали возмущенные доброжелатели. Человек этот аморальный совершенно; когда-то после неопрятных его дел я не скрыл от него своего пренебрежения, и вот теперь, оперившись, он показал мне свои зубы. К счастью, уже поздно делать из меня *quantité négligeable*³, и я остался к его бормотанью глубоко равнодушен.

Моя поездка в Брюссель (я был на открытии с королем⁴ и всякими онёрами⁵) была очень приятна. Брюссель для меня всю жизнь был радостным и ласковым городом. Там получил я медаль на Всемирной выставке <1>910 года⁶, там еще в <1>907 был сделан (и первый из русских) членом *Libre Esthétique de Bruxelles*, исчезнувшей после войны⁷, там была у меня в <1>908 г. своя выставка⁸, но главное, там я был молодой и счастливый, т<ак> к<ак> любил. Теперь я как-то не почувствовал особой перемены в своих чувствах — я ведь всегда тот же и умру, верно, таким, — но как-то я

прожил меньше «во сне». Как хорошо умеете Вы в письмах описывать в нескольких словах вещи! Даже, пожалуй, чересчур хорошо, т<ак> к<ак> я, как Пушкин (да простит мне Небо это сравнение), очень люблю грамматические ошибки в румяных, как и бледных, но милых, устах⁹. Я очень тронут, что Вы мне написали; я боюсь, что был очень скучный и плохой с Вами — такой был период, как бывает это, — ни то, ни се. Вы же были милая, и когда я думаю о Вас, то вспоминаю с большой, очень большой нежностью. Милая Вы! Как-то было мне ужасно грустно из-за отношения к себе несправедливого, пошлого людей, и помню, как захотелось написать Вам. И б<ыть> мож<ет>, потому и не написал, что боялся, что Вам будет это скучно и потому что мы с Вами как-то недостаточно сдружились за наши свидания в Париже. Портрет Ваш надо кончить, когда Вы пр<и>едете, а сейчас я никому его не показываю, хотя сказал М<арии> С<ергеевне>, что писал Вас и просил не говорить об этом¹⁰. С этой маленькой женщиной я часто вижусь; должен сказать, что настолько же, насколько раньше не любил ее, нахожу часто удовольствие в ее обществе, б<ыть> мож<ет> особенно от нашей полной непохожести, и поездках с ней в Chantilly. Тут погода ужасна; мрачная, ледяная, губительная весна; я верю, что мы накануне еще более страшных мировых катаклизм<ов>, чем уже пережили; что-то вроде тысячного года переживаем — еще хуже, быть мож<ет>. Одно утешение то, чего никто не вынет из души, из сердца.

Пишите мне почаще и как настоящий друг — я заслуживаю этого. Очень нежно целую Ваши руки.

Ваш НМ

P.S. Только сейчас догадался, что значил для меня этот бой часов на Сорбонне — наступил день моего Ангела, 9 мая русское! НМ

Мой привет Ив<ану> Ал<ексеевичу>.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4449).

¹ Т.е. после встречи с Буниной 4 апреля 1928 г.

² В своей рецензии «Победа русского искусства. Письма из Брюсселя» (Возрождение. 1928. 9 мая. № 1072. С. 2) старый петербургский знакомый Миллиоти Сергей Константинович Маковский (1877–1962) вообще не упоминает его, а в другой рецензии, «Русские художники в Брюсселе» (Возрождение. 1928. 15 мая. № 1078. С. 3–4), лишь называет 2 его картины.

³ нечто, не стоящее внимания (*фр.*).

⁴ Альбер I (1875–1934) — король Бельгии с 1909 г.

⁵ От фр. honneurs — почести.

⁶ За 3 работы, представленные Миллиоти на Универсальной международной выставке в Брюсселе в 1910 г., он получил бронзовую медаль.

⁷ На четвертой выставке брюссельского художественного объединения «La Libre Esthétique» («Свободная эстетика») (1894–1914) в 1907 г. Миллиоти представил 6 работ.

⁸ В письме к А.П. Остроумовой-Лебедевой от 20 июня 1949 г. (РНБ. Ф. 1015. Ед. хр. 731) Миллиоти писал о своей персональной выставке, устроенной в Брюсселе в

1908 г. основателем художественного объединения «La Libre Esthétique» Октавом Маусом (Octave Maus; 1856–1919).

⁹ Ср. строки «Евгения Онегина» (3 глава. Строфы XXVII–XXVIII): «Не все ли, русским языком / Владея слабо и с трудом, Его так мило искажали <...>»; «Как уст румяных без улыбки, / Без грамматической ошибки / Я русской речи не люблю».

¹⁰ Портрет Буниной работы Миллиоти (возможно, незаконченный) не разыскан. В недатированном письме из Шантийи Муромцева-Брюан упоминает проект портрета: «Бывает Н<иколай> Дмит<риеви>. Много тут пишет. Главным образом, букеты цветов. Я его визиты люблю. Пока он работает, я вожусь по своим делам и им могу совсем не заниматься. Потом гуляем вместе. Будет тебя писать, кажется» (РАЛ. MS. 1067/1730).

6

9 августа 1928 г. Париж

9 août 28

3 bis, pl<ace> de la Sorbonne (V)

Paris

Дорогая Вера Николаевна,

Целую вечность мы не писали друг другу — почему Вы это делали, не знаю; почему в этом грешен я, Вам объяснит отчасти содержание моего письма. Я уже больше месяца лежу, отравленный до последнего атома, в постели; случилось это дико, возмутительно. Доктор, делавший мне простую операцию, влил в меня N-ое количество какого-то нового анестезирующего, неизвестного этому болвану средства. 2 недели подряд после этого мне делали по несколько уколов камфары в день, т<ак> к<ак> отказывалось работать сердце; да и весь организм оказался отравленным, и особенно моя очень уязвимая нервная система, и я сейчас слабый, дрожащий от слабости и мучительно нервный выздоравливающий. 2 недели я пролежал в Maison de Santé de St. Jean de Dieu, пока сейчас у себя, но не сегодня-завтра уеду куда-ниб<удь> в санаторию¹. Стоила мне эта болезнь несколько тыс<яч> — мой летний отдых. Дело это возмутительное и возможное только во Франции, где совершенно отсутствует коллегияльная этика и вообще всякая дисциплина. Возможно, что я и не оставлю этого дела. Но это после. А вот пока через несколько дней, когда я начну более или менее оправляться, меня усылают на солнце в деревню. Тут Вы можете мне быть очень полезны, хотя уже кое-что в этом направлении и сделано.

Недалеко от вас есть Лопатинский детский château; правда ведь это? Правда ли, что эти добрые женщины иногда сдавали свои свободные комнаты порядочным и известным им людям? Я совсем не собираюсь жить там даром. Но если бы я мог там иметь комнату и пансион за невысокую цену и 2–3 недели тишины, а иногда, мож<ет> б<ыть>, и прогулок с Вами, — мне кажется, я скорее бы оправился². Родзянки написали Люд<миле> В<ладимировне> де Опик, ее матери, живущей у Гавриловых, обо всем этом³. Помогите ей в этих

démarches⁴; если можно, порекомендуйте меня, а мне посоветуйте и напишите полную правду, зная мою гордыню и скверный характер. Как было бы хорошо, если б все это было бы возможно, Париж опротивел мне!

Ответьте мне поскорей. Кланяйтесь от меня Ив<ану> Алексеевичу. Вам почтительно целую руки.

Ваш Н. Миллиоти

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4450).

¹ Бунина уже знала о болезни и неудачном лечении Миллиоти из относящихся к июню–июлю 1928 г. недатированных писем Муромцевой-Брюан: «Наш общий друг Н.Дм. Мил<лиоти> довольно серьезно болен — дань буйно проведенной жизни. Живет он один — грустно болеть при таких условиях. Говорим о тебе, когда встречаемся, с большой нежностью» (РАЛ. MS. 1067/1706); «Николай Дмитриевич был очень болен. Ему какой-то доктор впрыснул лекарство, которое сам пробовал в первый раз, — чуть не отправил его на тот свет. Он еще в Maison de Santé, и когда выздоровеет, совсем нельзя предвидеть. Конечно, очень удручен и озабочен» (РАЛ. MS. 1067/1723). (Бунина повторила содержание второго письма в дневниковой записи от 1 августа 1928 г.: «Получила письма: <...> 3) от Мани: Миллиоти чуть не умер от какого-то впрыскивания, все еще в Maison de Santé. Когда поправится — неизвестно» (РАЛ. MS. 1067/393).) Миллиоти находился в парижской частной лечебнице Иоанна Богослова с 19 июня до 25 июля 1928 г. (Дневник № 21 за 1928 г. — ЕЮМ).

² Речь идет о доме отдыха «на открытом воздухе», учрежденном, главным образом, для больных туберкулезом детей Екатериной Михайловной Лопатиной (1865–1935) и Ольгой Львовной Еремеевой, недалеко от Грасса в Шато де Клозон (Château de Clausonnes) (см. недатированный очерк Буниной «Как хорошо в Шато Клозоне» — РАЛ. MS. 1067/15). Хотя план Миллиоти отдохнуть в Шато де Клозон или в другом месте по соседству с Буниными не осуществился, он продолжал писать Буниной о нем (см. № 7–12), и в 1930–1933 гг. его сын Д.П. Сазонов воспитывался в Шато де Клозон (см. № 15).

³ Миллиоти помогали его друзья Николай Михайлович Родзянко (1888–1941) (сын последнего председателя Государственной думы М.В. Родзянко) и его жена художница Лидия Эрастовна (урожд. де Опи́к de Hautpic; 1898–1975), мать которой, Людмила Владимировна де Опи́к (урожд. Рапп; 1876–1963), по-видимому, находилась в то время на юге Франции вместе с семейством преподавателя русской словесности и автора работ о религии Михаила Николаевича Гаврилова (1893–1954).

⁴ хлопотах (*фр.*).

7

3 сентября 1928 г. Висбаден

3 spt. 28
Sanatorium Pr<eventorium> Determann
Paulinen str<aße>, 4
Wiesbaden

Вот видите, Вы какая, милая Вера Николаевна, не удалось Вам устроить меня в детский приют (где, по правде сказать, мне самое место было), Вы и бросили писать и даже не ответили. О том, что не удалось, я узнал от матери Мме Родзянко, которая тоже старалась меня туда устроить.

Сейчас я лежу в очень дорогой, увы, но чудесной санатории, которую я знаю еще с <19>25 года, когда я был богат, и где отдыхал от Америки, в Wiesbaden'e¹. Как все показалось мне, не любящему так немецкую жизнь, тут хорошо, в моем состоянии, когда каждый шорох доставлял мне страдание (не знаю даже, как я доехал); Париж, особенно после Америки, за последние 3 года, просто съел меня; какое вечное невыносимое напряжение нервов, какая бесполезная трата нервной энергии, у меня особенно; себя я не жалел; отучился *абсолютно* спать; десять жизней сразу жил, и, должен сказать искренно, — *бесплодно*. Как иногда больше делаешь в тишине и собранности, еще немножко, не будь этого толчка с отравлением, который усугубил, но и выяснил все, я просто бы душевно заболел в такой атмосфере перевозбуждения. Мне отсюда Париж кажется мясорубкой какой-то, точно богатеи-автомобильщики безнаказанно ездят по мирным пешеходам, задыхающимся от вони бензиновой и грохота моторного; и всё безнаказанно — на самом же деле ведь это просто уголовщина какая-то! Немцы как-то умеют быть благоразумны; я старался и стараюсь не смотреть на уродство, отсутствие вкуса во всем, которое меня всегда так возмущало; но какой порядок! Какая чистота! Какая спокойная обдуманность всей жизни! Как кажется почти странно, что слабый старик, подпираясь палочкой, может спокойно, без трагических жалких прыжков и ужаса в глазах, переходить идеально мощенные, чистые, с игрушечным, но живым солдатиком, улицы и знать, что не обязательно, раз он не может шмыгнуть, раздавят его. Люди тут продолжают жить и, пусть тяжело, думать. Когда я вспомню, что я израсходовал 5 тыс<яч> фр<анков> только на то, чтобы *искать* докторов, пробовать способы лечения, придумывать, где бы мне не умереть или, вернее, умереть, а тут сразу попал в руки серьезного, спокойного профессора, лежу в огромной комнате со всеми удобствами, в тишине и чистоте и могу опомниться, я считаю, что иногда немцы имеют право, чтобы не видели, не замечали их уродства и безвкусыя, а заметили, что по-своему они замечательны и, главное, *сильны*, крепки, непобедимы в своей верности себе. Вот видите, заставили немцы меня такую защитительную речь сказать за себя. Нет, правда, милая Вера Николаевна, пишу Вам и вижу верхушки деревьев парка за балконом и слышу настоящую тишину! И почти ненавижу Париж и так не хочу туда вернуться! Мой план был провести тут месяц, но сегодня мне подали счет — *300 мар<ок>* за неделю! Ясно, что я пробуду максимум тут еще неделю, и то огорчен ужасно. Огорчен, главное, вот почему. Я сейчас живу в 8 часах ж<елезной> дор<оги> от своей 84-летней мамы, бывшей еще месяц назад бодрой, с ясной головой, и живущей совершенно одинокой в Мюнхене² — Наташа, сестра, с кот<орой> она не расставалась 40 лет, должна была уехать в Америку³, куда людей старше 70 не пускают⁴. Внезапно пришло это несчастье — у нее нашли раковую опухоль у желудка, и сразу (оттого, что уже месяц она не может есть) она стала умирать. Пишет мне уже другим почерком: «Воля во мне жива, но интерес к жизни пропал; да и

я ни о чем не думаю, лежу на кушетке, закрыв глаза; не езди ко мне, я знаю, как это трудно, и не жалею меня, я так мучаюсь, что мне будет легче». У меня ото всего этого разрывается сердце, но сейчас я еще совсем не в состоянии, физически, поехать, а через неделю даже — смогу ли?

Мы все сейчас живем, как рабы, до которых никому и никакого нет дела. Одно утешение, что раньше жили мы всегда рядом с людьми, жившими так же, и до которых так же никому не было дела.

Как мог спокойно думать о прекрасном и только о прекрасном, да еще о какой-то величественной, но, о, какой по-нашему детской борьбе, И.С. Тургенев, великолепный русский барин, одетый от английского портного и могший в любой момент зайти в банк, и тихо гулявший вот по этим самым чистым дорожкам под прекрасными гром<адными> деревьями, и говоривший с каким-ниб<удь> высококультурным немцем о философских вопросах, и не могший не чувствовать своего превосходства, и так ничего вперед не выдавший. Вот до чего дописался. Я все-таки хотел бы на юг.

Подумайте обо мне и тотчас напишите; если доставит Вам удовольствие.

Мой искр<енный> привет Ивану Алексеичу.

Вам почтительно целую руки.

Ваш

Н. Миллиоти

P.S. Одно у меня утешение — лежу и перечитываю в сотый раз Стендаля — *Chartreuse de Parme*⁵. Жаль, что не могу тут достать послед<него> тома «Совре<менных> зап<исок>». Какая прелесть и какое благородство — Жизнь Арсеньева! Каким сластолюбивым мещанством веет после этого от Шмелева⁶. Не забывайте меня и пишите сюда, еще успеете.

Ваш НМ

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4451).

¹ Не установлено, когда точно Миллиоти, приехавший из Америки в конце июля 1925 г. (подробнее о пребывании Миллиоти в США в 1925 г. см. Приложение) и уехавший из Парижа в Берлин в конце октября, прошел первый курс лечения в Висбадене, но можно предположить, что это было в сентябре–октябре 1925 г. (Дневник № 18 за 1925–1926 гг. — ЕЮМ). Возможно, что Миллиоти выбрал основанный 25 марта 1925 г. невропатологом профессором Германом Августом Детерманом (1865–1935?) санаторий для лечения внутренних и нервных болезней потому, что его мать хорошо знала еще по Москве жену Детермана.

² Мать Миллиоти, Надежда Васильевна (урожд. Неймарк; 1844–1928), жила в Мюнхене с 1912 г. Отношения Миллиоти с матерью были нелегкие, он считал ее «эгоистичной» и впоследствии написал: «Я унаследовал от моей матери определенную высокопарность и, может быть, жестокость. Она была великолепное существо, но часто преследуемое ревностью (по отношению к Наташе и ее мужу) и подозрениями относительно меня» (из письма к Магде Валлака от 4 июня 1952 г. — РГАЛИ. Ф. 803. Оп. 2. Д. 7. Л. 15 (оригинал на фр. яз.)).

³ Младшая сестра Миллиоти, Наталья (1886–1975), с 1912 г. проживала в Берлине, выйдя замуж за Пауля Шеффеля (Scheffel; 1890–1981), немца, выросшего в Одес-

се. В 1923 г. Шеффель был приглашен работать инженером в США, жена и сын Юрий (Agno George; род. 1921) приехали к нему из Германии в 1926 г. и в Европу не возвращались.

⁴ В действующем в США с 1924 г. новом «ожесточенном» иммиграционном законе возрастной ценз не фигурировал как таковой, но пожилых людей могли не впускать в страну под предлогом, что они могли представлять собой обузу для государства.

⁵ 5 февраля 1936 г. Миллиоти записал в дневнике: «Моя настольная книга это "Chartreuse de Parme" <"Пармская обитель" (1839)> и Stendhal — мой любимый писатель. И то, что я узнал о смерти этого замечательного и милого мне человека, как трагично и как утешительно для нас, для меня в тяжелых наших испытаниях!» (Дневник № 33 за 1936—1937 гг. — ЕЮМ).

⁶ Миллиоти, возможно, предполагал, что в летнем выпуске «Современных записок» за 1928 г. (№ 36) будет напечатано продолжение «Жизни Арсеньева», первые 2 книги которой появились в зимнем и весеннем выпусках (№ 34—35). Однако № 36 был посвящен столетию Л.Н. Толстого, и печатание «Жизни Арсеньева» (3-я книга) возобновилось в осеннем выпуске (№ 37). Вслед за «Жизнью Арсеньева» в № 34—35 шли последние части романа Шмелева «История любовная», что, по-видимому, подтолкнуло Миллиоти к сопоставлению двух писателей.

8

5 сентября 1928 г. Висбаден

5 spt. 28

Милая Вера Николавна,

Какое прекрасное Ваше коротенькое письмо; как умеете Вы вспоминать все эти такие милые, такие недавние и давно умершие вещи.

Одним словом, чтобы быть галантным, оставаясь искренним, скажу Вам, что письмо это цвета Ваших глаз — просто (вариант: скромно) и идеально.

Никакого письма от О.Л. Еремеевой я не получил, а, как писал Вам, узнал о невозможности поселиться среди детей от матери Mme Rodzianko¹. Я только что послал Вам письмо²: все зависит от моей главной теперь болезни — моих нервов, не просто капризных нервов, а мучительных припадков тоски от болезни ваготонического и симпатического нервов, кот<орые> проходят от облатки уротропина, но мучительно возвращаются. Мне нужна *тишина*, природа, добрые люди, понимающие, но не охающие, все это вместе не идет с теми внезапностями, как болезнь, боюсь, смертельная, моей матери, которые готовит нам наша мачеха — жизнь. Я во всяком случае пробуду и пролечусь в Германии еще недели 2—3, а Вы, если хотите быть другом, посоветуйте мне Nachkur³, но не курортный, а какой-ниб<удь> тихий и солнечный провинциальный городок, да еще недалеко от такого человека, как Вы (не бойтесь — когда я нервный — я сам ухожу); куда бы мне поехать? Может б<ыть>, у Вас же в Грассе можно тихо жить? Напишите по немецкому адресу — мне было бы, конечно, очень приятно. Винтерфель-

довский пансион я знаю и в первые дни написал туда и оттуда получил почти радостное, милейшее, немецко-московского гостеприимного тона, письмо, но, конечно, мне совсем тогда не это надо было, а правильное лечение, как сейчас⁴. Самое подходящее — Ваш пансион около Грасса и Лопатина; узнайте еще у нее; раз не писали — стало б<ыть>, по-моему, не улыбаются! — беспристрастно посмотрите, обдумайте меня, дорогая В<ера> Н<иколаевна>; я скажу Вам откровенно, что я чувствую, что надо мне; вот оберж⁵ какую-ниб<удь> с большими, чистыми комнатами и Богородицами, как в маленьких городках, какие Вы мне описывали так хорошо в прошлом году; с большим деревом на площади и стариками; свобода чтоб была и работать где-то в деревне, где оливковые деревья растут или пинии.

Когда я поправляюсь, как хочется работать! Очень хороший и умный профессор немецкий мне еще вчера очень хорошо говорил — что «есть люди, которым работать надо, как есть, а другие, которым надо много иметь *свободных дней*, а делать можно то же, и с тем же результатом», — вот я такой.

Что-то хочется новое, красивое, не очень заселенное, или заселенное людьми, на которых смотришь, как на траву или деревья, солнце, свободу и тишину. Вы мне писали про Ниццу — туда хорошо съездить, но жить там надо великолепно, по-моему, как в Париже, а то не стоит. Написали мне про милую Над<жду> Александр<овну>⁶, и хочется мне несколько злых слов по поводу этого сказать. Как можете Вы жить в писательской *касте* (мож<ет>, я и не прав, и в этом моя жизненная слабость); я люблю 3–4 художников и очень не люблю их *всех*. Я позволяю себе роскошь так просто выбирать людей разных; такая чудесная кунс<т>камера получается. Чтобы назвать тех русских, кого Вы знаете (а французов тьма настоящих), скажу, что страшно мне интересно встретить Бунина, хоть он и не любит меня (должно быть, за то, что меня хвалят, а мож<ет> б<ыть>, и за то, что Вы как-ниб<удь> хвалили), потому что искренно считаю его лучшим замечательным русским писателем. Вас очень люблю; за что, не стану писать, — не надо гордыню развивать; Родзянок люблю, милых друзей моих, за то, что породисты, несчастливы, они и никогда не жалуются, Ю.Л. Сазонову совсем не за то, за что Вы уже готовы подсказать, а за то, что она одна из самых по-настоящему гордо, серьезно умных женщин, да и дружен я с ней чуть ли не 15 лет⁷, Г.Л. Гиришман, которую Вы не любите, за удивительную ровность, красоту ее души и внутренней жизни ее⁸ — и столько таких дружб неразрывных! (забыл маленькую Маню Брюан, ну, как-ниб<удь> скажу, за что); но как можно наслаждаться общением с милой, талантливой, умной и безвкусной, безвкусной Тэффи, не могущей почувствовать какого-ниб<удь> четверостишия Гафиза, а подыгрывающей на гитаре «Верблюды, мои красные зори» или что-то в эт<ом> роде, непонятно⁹; а как можно долго говорить с таким убожеством, как Потресов, еще непонятнее¹⁰! Я это говорю, потому что знаю, что так, стайками, и живут — разница только в том,

что один орел, а другой — ворона (орел — Ваш муж, конечно). Не возражайте мне — я еще болен, но уверяю Вас, что это правда. Главное, любите меня немножко. Уверяю Вас, что у меня много есть настоящих качеств, и ищите, ищите, придумайте что-ниб<удь> для меня. За то, что я смею писать Вам такие дерзости, прошу <у> Вас прощения и позволения очень преданно поцеловать Ваши руки.

Кланяйтесь Ив<ану> Ал<ексеевичу>.

Преданный Вам

Н. Миллиоти

P.S. Посылаю Вам письмо и искушение эту страницу вырвать, вечно пишу злое и с самыми доброжелательными людьми ссорюсь; остроумн<ый> один человек сказал мне раз: раз навсегда простите все человечество, и лучше будет, но не могу, ибо печень!

P.<P.>S. Ваша крошечная кухня, так дружившая со мной, исчезла из моей жизни; думаю, что ее вообще похитил Лурье¹¹! НМ

Кланяйтесь И<вану> А<лексеевичу> и не забывайте преданного Вам
Н. Миллиоти

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4452). Строки «оберж какую-ниб<удь> с большими, чистыми комнатами ~ где оливковые деревья растут или пинии» и фраза «работать надо, как есть» — подчеркнуты синим карандашом, скорее всего, Буниной.

¹ См. № 6 и примеч. 2 и 3 к нему.

² № 7.

³ <место для> отдыха после курса лечения (*нем.*).

⁴ Василий (Вильгельм) Георгиевич Винтерфельд (1878–1937) и его жена Ева (урожд. Лорентц) содержали пансион в Жуан-ле-Пене.

⁵ От фр. *auberge* — гостиница.

⁶ Те Тэффи.

⁷ О Ю.Л. Сазоновой и ее гражданском браке с Миллиоти см. Приложение к публикации ее переписки с Буниными в наст. изд.

⁸ С Генриеттой (Евгенией) Леопольдовной Гиршман (урожд. Леон; 1885–1970) Миллиоти связывали многолетние личные и профессиональные отношения. Сама художница и меценатка, она стояла у истоков «Общества свободной эстетики», в котором участвовал Миллиоти, а также служила моделью для него. В парижской галерее ее мужа Владимира Осиповича (1867–1936) Миллиоти провел три персональные выставки в 1929, 1930 и 1931 гг.

⁹ Миллиоти неточно цитирует первую строку стихотворения Тэффи «Красные верблюды — зори мои, зори...» (Современные записки. 1928. № 34. С. 225). Он противопоставляет настоящий восток Гафиза стилизации Тэффи на восточные темы.

¹⁰ Миллиоти отвечает, по-видимому, на сообщение в несохранившемся письме Буниной о назначенной встрече в Ницце с Тэффи и П.А. Тикстоном и о планируемом приезде из Ниццы в Грасс Сергея Викторовича Яблоновского (наст. фам. Потресов; 1870–1953). (Бунина и Кузнецова обе пишут о предстоящей встрече с Тэффи в дневниковых записях от 3 сентября 1928 г., а Бунина там же пишет о визите Яблоновского — РАЛ. MS. 1067/392; Грасский дневник. С. 70.) Не исключено, что совпадение южных

визитов Тэффи и Яблоновского напомнило Миллиоти о праздновании 35-летия литературной деятельности Яблоновского в Париже 18 мая 1928 г.: Бунин был председателем комитета по организации чествования, а Тэффи председательствовала на банкете (Хроника. Т. 1. С. 453).

¹¹ Сближение Муромцевой-Брюан с композитором Артуром Сергеевичем Лурье (1891–1966), по-видимому, отчасти связано с ее попыткой возобновить музыкальную карьеру после распада брака с Гастоном Брюаном.

9

6 сентября 1928 г. Висбаден

6 сент. 28
4, Paulinen Str<аße>
Sanatorium Dr. Determann
Wiesbaden

Милая Вера Николавна,

Сегодня мне принесли Ваше письмо; с тех пор я написал Вам уже второе, т<ак> к<ак> то Ваше коротенькое, запоздалое, пришло, пересланное из Парижа. Спасибо Вам за милое Ваше отношение к моей болезни и моим горечам. Не все даже более близкие люди так делают, хоть и считается, что все меня балуют. Сказать мне *tañitum*¹ того, что я могу платить за пансион, мне очень трудно — перед началом моей болезни я продал более чем порядочно и имел много денег, но знаете ли, что моя болезнь уже стоила мне 12 тыс<яч> фр<анков,> а мож<ет> б<ыть>, и гораздо больше! Несмотря на дороговизну моей санатории, съел непроизводительно больше всего Париж, где болеть *нельзя*: надо быть или очень богатым, или *семейным парижанином*. Все зависит от того, сколько проживу я в Мюнхене и что там ждет меня; мож<ет> б<ыть> и так, что просто надо вернуться будет в Париж; а вообще я предполагал фр<анков> 50, 60 и даже 70, и даже 80. У Вас я был бы совершенно готов соблюдать всяческую тишину и налаженность жизни, спасибо Вам большое; но, во-первых, зачем буду я нарушать личную установленность Вашей жизни?? Больше всего терпеть не могу, чтобы смотрели на меня, как на бедненького, которого приютить надо, а второе — приятно, можно сказать, *необходимо*, быть для всех радостным, а бог у Вас в доме один, да еще ко мне не очень милостивый, — Иван Алексеевич, а я больше всего на свете люблю свободу, так что сам иногда чувствую себя богом. Но жить со всеми вами <...>

P.S. Мама моя погибает медленно, гордо (от голоду просто) и утешается тем, что через 5 лет ей было бы 90, а жить всегда нельзя, увы, увы!

Адрес пока тот же.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4453). Окончание письма не сохранилось (приписки расположены рядом с адресом в начале письма).

¹ максимум (*лат.*).

10

30 сентября 1928 г. Висбаден

30 spt.
Sanatorium Determann
4, Paulinen Strasse
Wiesbaden

Милая Вера Николавна,

Я только сегодня утром вернулся из Мюнхена; Вы меня спрашиваете, что я нашел там. Я провел две таких недели прогрессивных в смысле величайшей душевной печали, т<ак> к<ак> последний день было прощание навсегда с еще не умершим, но долженствующим через несколько времени (никто не знает — от 6 нед<ель> до 2—3 месяц<ев>), милым, родным и одиноким человеком, знающим, что он умирает. (Что мне кажется, что я еще никогда не видал, не знал, что такое смерть.) Я сделал *все во всех смыслах*, что от меня зависело; эти 2 недели громадны, незабвенны в моей жизни! Суть моей натуры, и всей великолепно прожитой жизни, радостная беспечность. Я, кажется, первый раз подумал об отвратительности не мочь зайти в банк, чтобы исправить свирепую неумолимость жизни простым чеком. Моя поездка в Мюнхен (мне пришлось там все сделать — проявить невероятные твердость духа и изобретательность) с моей 3-месячной болезнью мне стоили 25 тыс<яч> фр<анков> — без преувеличения. Я поеду на юг, я хочу работать; это одно, что искупает ужас переживаемого, но я думаю, что поеду в первую попавшуюся маленькую оберж Авиньона и<ли> какого-нибудь хорошего южного города; не все ли равно, какое небо, когда скоро все мы исчезнем и когда можно сделать его прекрасным? Ваша открытка огорчила меня, как огорчают только женские дружбы. «Бахрах доволен столом Винтерфельда¹»? Как я рад этому!! Я так был доволен простому придуманному Вами разрешению вопроса: «Приезжайте, остановитесь в любой гостинице (мало мы видали клопов на Балканах, а как умели быть счастливы²), и выберем Вам что-нибудь». Конечно, не аппетит Бахраха, прелюбезного юноши, разрешил этот вопрос, а что-ниб<удь> более важное, ну, скажем, письмо Вашей Мани³. Не все ли равно!

Мне хочется, если удастся, на юг и видеть людей, у которых есть сердце. Дальше этого не идут мои планы... Величайшим моим утешением в

Мюнхене было несколько невиданных мною до сего чудесных *Греко*, особенно одна маленькая смертельно бледная, почти лиловатая, с огромными черными глазами, коричневыми кружевами и огненно-зеленым платьем Мадонна⁴ в дивной раме в стиле Luca de la Robbia⁵. Я успел написать этюд со своей матери⁶.

Я еще никогда так мало не знал, что ждет меня в ближайшие дни. Одно я почувствовал: когда переживаешь *огромное*, что, как ответа, как раз требует самого *простого*, человеческого доброго, не больше, как-то все жмутся, как лошади при виде падали.

Впрочем, простите, милая, благожелательная и прекрасная В<ера> Н<иколаевна>, за неприятное письмо — это всё нервы.

Привет Ивану Алексеевичу.

Вам целую почтительно руки.

Ваш Н. Миллиоти

Ваша кухня, мой друг, помогла мне через мужа продать в нужный момент lot⁷ картин⁸, но сама исчезла из моей жизни. Меня до сих пор (как глупо!) огорчают т<акие> вещи!

P.S. Еще я сделал открытие, что ничто так близко не дополняет од<но> друг<ое> и <не> утешает при виде последних содроганий исчезающей жизни, как любовь со смер<тью>. Как рука спасения на краю неумолимейшей бездны. НМ

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4454). Год установлен по сопоставлению с № 9.

¹ Среди знакомых Буниных не только Александр Васильевич Бахрах (1902–1985) отдавал предпочтение пансиону Винтерфельдов (см. примеч. 5 к № 8). 1 августа 1928 г. Бунина записала в дневнике, что ее знакомая, Софья Николаевна Васильева (жена врача С.Н. Васильева), «отдыхает у Винтерфельда, приглашает к себе к 3 ч<асам> — чайку попить» (РАЛ. MS. 1067/392); а 30 июня 1930 г. Кузнецова записала: «Обедал Алданов. Он был в Жуан-ле-Пен, где, кажется, облюбовал себе местечко в пансионе Винтерфельда» (Грасский дневник. С. 151). Миллиоти был знаком с Бахрахом по берлинскому Дому искусств (*Бахрах А.* О берлинском Доме искусств // Новое русское слово. 1981. 29 ноября. № 25679. С. 5).

² Т.е. по дороге из Константинополя в Париж в начале 1920 г.

³ Ко времени написания № 10 Муромцева-Брюан сама навестила Буниных (25 сентября 1928 г. — см. описание ее визита в Грасском дневнике. С. 75–76), а в ее письме по этому поводу от середины августа Миллиоти не упоминается (РАЛ. MS. 1067/1716).

⁴ Описываемая картина не входит в число полотен Эль Греко, которые хранятся в мюнхенской Старой Пинакотеке и которые Миллиоти мог видеть во время своего посещения музея 19 сентября 1928 г. (Дневник № 22 за 1928 г. — ЕЮМ). По-видимому, речь идет о картине «Mater dolorosa» («Мать Скорбящая»), которая в 1928 г. выставилась в мюнхенской коммерческой галерее Э.А. Флайшмана (E.A. Fleischmann) и была атрибутируема Эль Греко авторитетным в те годы искусствоведом Аугустом Майером (*Mayer August L.* An Unknown *Mater dolorosa* by El Greco // Burlington Magazine (London). 1928. № 52. P. 182–185). (Хотя составители научных каталогов произведений Эль Греко отвергают атрибуцию этой картины Эль Греко, она теперь является гордостью церкви

Stella Maris в Порто-Черво (Porto Cervo) на Сардинии и выставляется на сайте прихода церкви: www.stellamarisportocervo.com.) В 1930–1931 гг. в Испании (особенно в Толедо, где с 1577 г. проживал Эль Греко) Миллиоти ознакомился с большим количеством его работ, которые оказали на него определенное воздействие.

⁵ Лука делла Роббиа (1400–1482) — флорентийский художник.

⁶ Портрет умирающей Н.В. Миллиоти сохранился (ЕЮМ).

⁷ лот (*фр.*).

⁸ Подробнее об обстоятельствах продажи картин Миллиоти с помощью Гастона Брюана см. № 12.

11

6 октября 1928 г. Висбаден

Wiesbaden

6 oct. 28

Милая Вера Николавна,

Я буду в Париже 10-го и уже 12-го могу уехать (простите за карандаш, пишу на почте).

Скажите мне коротко все — какая у вас погода, хотите ли Вы, чтобы я приехал (я, как помнится, написал злое письмо. Это не значит, что я собираюсь висеть на Вас, но вообще), обязательно ли общество Бахраха, можно ли там где-то спокойно и много работать, была ли у Вас Mme Bruyant¹ etc.

Тут уже холод и дождь, и я зябну в imperméable².

Если б было больше денег, то прямо поехал бы опять в Мюнхен, но *надо* на солнце и работать.

Привет Ив<ану> Ал<ексеевичу>.

Нежно целую Ваши руки.

Ваш Н. Миллиоти

Думаю, смысл имеет написать

3 bis, pl<ace> de la Sorbonne (attendre l'arrivée de M<onsieur> M<illioti>³).

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4455).

¹ О приезде Муромцевой-Брюан в Грасс 25 сентября 1928 г. см. приведенную во вступ. ст. дневниковую запись Кузнецовой за тот день.

² непромокаемом плаще (*фр.*).

³ ждать приезда м<сье> М<иллиоти> (*фр.*).

26 октября 1928 г. Париж

26 oct. 28
Paris

Милая Вера Николавна,

Ради Бога, не осуждайте меня за то, что так нелюбезно замолчал я. За это время многое произошло. Когда я приехал, я думал остаться 3–4 дня и уже получил письмо от д<окто>ра Блюм<енфель>дта¹; но бюллетени, котор<ые> посылала мне каждый день из Мюнхена о маме Соф<ия> Петр<овна> Дурново, стали тревожить. Я так ожидал, мыкался по Парижу, чувствуя, что приближается катастрофа, и казалось, нельзя пока жить для себя, на что-ниб<удь> решиться; в ночь на 22 нашел я, вернувшись поздно, телеграмму о маминой кончине, и горе мое было такое, что вообще отложи-лась жизнь²; особенно к вечеру ее похорон — первую ночь³. Чувство у меня нехристианское — большого ожесточения против жестокости этой, общей нашей обреченности. Нашлись родственники, которые по телефону сказа-ли «мерси», когда я сообщил им о кончине мамы, но зато дождем полились на меня нежные, добрые письма людей, не знавших мамы, как Родзянок, Сухотиных⁴ и др., и даже Маклаковой, которая так раньше не любила меня⁵; я, правда, почувствовал, что не один и что есть прекрасные души у людей⁶. Сейчас и пусто стало, но как-то прошла острота; уже не чувствуешь этого ужаса: милого существа в знакомых, пахнувших жизнью одеждах, завален-ных землей; человек уходит в свое прошлое, в жизнь опять. Я как будто на-писал Вам злое письмо? Если правда, простите. Вы ужасно, ужасно милая, и если мне не придется увидеть Вас на юге — я за то, верно, буду наказан. Сейчас со всеми этими событиями, болезнями, поездками, безумно доро-гими, я как-то запутался с деньгами, а т<ак> к<ак> я еще хочу уехать из этой мастерской, то не знаю, *смогу* ли и стоит ли (в смысле Nachkur) ехать мне — не знаю, до каких пор, все-таки еще не холод, ветер и дождь? Вы писали мне, что я почему-то особенное значение придаю пребыванию М<арии> С<ергеевны> на юге и приписываю ей какое-то влияние. Я объяс-ню Вам сейчас, и Вы, верно, поймете меня. Я решительно ни в чем М<а-рию> С<ергеевну> не виню. Даже когда я заболел и мне это было нужно, она через всемогущего своего мужа, в самое невозможное время, устроила мне продажу; правда, 10 лучших вещей (я уже не смотрел, что давал) за гро-ши. Я истратил на свою и мам<ину> болезнь и поездку тыс<яч> 30 фр<ан-ков>, а то были сравнительно крохи. Да и кто из нас не делал этого для друзей? Мне и сейчас должны десятки тысяч: дело совсем не в этом. Я ей очень благодарен, ценю и люблю ее за многое; но психология ее для меня ужасна. Почти 2 года мы с ней, не разлучаясь, проводили весело жизнь;

когда я веселый, со мной, конечно, веселее; но дружба непосредственно как-то обязывает *сердце*; *откупиться* от этого нельзя. М<ария> С<ергеевна> уехала, исчезла и никогда ни на одно мое письмо и даже телеграмму не ответила; страх искорректировать свою жизнь. Это я ей всегда говорил. Эту психологию, очаровательно жизненную, но жадную, цыганскую, я знал, и меня это не удивило и даже не восстановило против нее. Но она оказалась *единственным убежавшим* из близких мне людей, и к этому нельзя относиться равнодушно. Одно утешение, что органически у крошечных людей, как у крошечных собачек, своя психология. Не сердитесь за все, что пишу. Я ведь ее очень люблю. Про Вас не сомневаюсь, что Вы сочувствуете моему горю.

Искренно Ваш

НМ

Прив<ет> Ив<ану> Ал<ексеевичу>.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4456).

¹ Фриц Блюменфельд — врач матери Миллиоти в Мюнхене, специалист по женским болезням.

² И телеграмма была от С.П. Дурново (урожд. светлейшая княжна Волконская; в 1-м браке Давыдова; 1885—1943). 21 октября 1928 г. Миллиоти записал в дневнике: «Жил беспутно, запутанно. Не видел, не знал ничего. Хуже, чем всегда. Ждал мучительно. 3 дня не было вестей. Думал, что умирает в своей чистой белой рубашечке с оренбургским платком. <...> Зажег камин, полный ужаса, снял жилет и пиджак, знал уже все, встал на колени, молился, говорил с ней, просил простить мне все; потом открыл телеграмму и сразу увидел непонятное слово “*décédée*”, потом прочел “*mère décédée, viendrez vous enterrement — Durnovo*” <мать скончалась, приедете ли вы на похороны? — Дурново (фр.)>» (Дневник № 22 за 1928 г. — ЕЮМ).

³ Похороны Н.В. Миллиоти на старом Швабингском кладбище в Мюнхене состоялись 23 октября 1928 г.

⁴ Друзья Миллиоти — старшая дочь Л.Н. Толстого Татьяна Львовна Сухотина-Толстая (1864—1950) и ее дочь Татьяна Михайловна Сухотина (1905—1996).

⁵ Мария Алексеевна Маклакова (1878—1957) — общественная деятельница, сестра В.А. Маклакова.

⁶ Однако к Муромцевой-Брюан у Миллиоти были по этому поводу претензии, скорее всего несправедливые, судя по ее очередному недатированному письму к Буниной: «У Миллиоти умерла мать. Я получила от него только что длинное, с упреками письмо. За то, что не написала ему по этому случаю. А узнала об этом я только из этого же письма. Я его еще не видала. Собирается на юг, а может быть, только пугает» (РАЛ. MS. 1067/1729).

17 декабря 1930 г. Париж

17 déc. 30

Paris

Дорогая Вера Николаевна,

Пишу Вам, лежа в постели, с чем-то вроде воспаления легких; сейчас мне лучше как будто; но на душе тяжело, как и Вам, и все кажется тоскливым и безнадежным — и еда, и люди, и книги (вот только что прочел в эти 2 дня «Philippine» Беделя — веселая книга показалась — да и есть, думаю, — пошлостью, а «La Voie Royale» André Malraux — нудно тоскливой¹). Я не смогу сказать Вам многого о смерти милой маленькой М<арии> С<ергеевны>. Я только собирался после похорон повидать ее друзей Mario Me<u>nier и его жену, как раз чтобы подробно расспросить обо всем, как и слег сам². Смерть ее я как-то «учел» с ужасом и печалью в душе, но до сих пор не «понял». Все случилось как во сне. Знаете, бывают такие сны, когда, долго днем вспоминая, задаешь себе вопрос, по-настоящему не помня, — что это *было*, или я во сне видел? Когда я получил телеграмму от М.Г. Лист³ и вырезку из газеты⁴, присланную мне Ю.Л. Саоновой, первая моя мысль была, что М<ария> С<ергеевна> покончила с собой⁵. Я до сих пор думаю, что такой конец, как и всякий другой accident⁶, был бы более логичным, чем эта ужасная, нелепая, случайная (если есть что-ниб<удь> случайное) смерть, полная уродства и страданий. Я помню, что в дни нашей большой дружбы М<ария> С<ергеевна> говорила мне, что у нее всегда есть яд и что, если будет очень плохо, она без колебаний покончит с собой. А ведь ей и было очень плохо. Вы, верно, знаете все, как и я. Ведь она одна годы не хотела верить, что Gaston изменяет ей направо и налево, и как понимал я весь этот обман, когда она уверяла, что она наверное это знает, т<ак> к<ак> Gaston болен и не *может* ей изменять. Как наивна была она. И вот в один день она узнала, что у него *две семьи*, дети и любящие жены и что он не может больше содержать ее; он сам написал ей об этом. Разорение его было последнее время полное, и М<арии> С<ергеевне> было не легко. Она великолепно делала *bonne mine au mauvais jeu*⁷, все думали, что она опять занялась пением и просто исчезла с горизонта на время⁸.

Я очень рад, что наша с ней временная ссора рассосалась как-то сама собой. Мы с ней встретились раза два, и я должен был прийти к ней скоро. Я очень всегда помнил ее и писал ей еще недавно из Toledo, где я прожил октябрь месяц⁹. Знаю, что она устроила себе новую прелестную квартирку в районе Champs de Mars¹⁰ с целью сделать из нее артистический Салон — как сумела бы она все это сделать! какая потеря для всех просто уж одним этим — смерть ее! Ужасно то, что верила она в свое *goucheau*¹¹ совершенно

и даже операция эта — совсем не столь нужная, — она могла бы лечиться — как говорили мне — исподволь, — была вызвана этим желанием кончить все прежде, совсем новым человеком начать жизнь. М.Г. Лист, чаще всех выдавшая ее, говорила мне, что Gaston все-таки не мог без нее обходиться и каждый день приходил к ней вечером за советами и ободрением¹². Вы правы, что она как-то по-матерински любила его и, говорят, просила всех не мстить ему за все зло, кот<орое> он сделал ей. Он очень был потрясен ее смертью и превратился в эти дни в настоящую развалину: его изуродованное горем, заплаканное лицо очень мирило с ним. Вы, верно, знаете всю возмутительную, как настоящее убийство, обстановку 2-х яковцевских операций (в комнате, где за несколько дней перед тем от *такой же операции* умерла Холодовская¹³); заражение крови, ужасные ее страдания (О.А.¹⁴ видела ее тотчас после кончины; говорит, что ужасно был раздут живот, но личико кругленько и, как она сказала, — глаза закрытые, огромные, окруженные темным, как «два мира»), мольбы избавить ее от них, спасти от смерти — она только за полчаса до конца потеряла сознание¹⁵. Что сказать Вам о панихиде, о похоронах¹⁶? Я ее не видел в эти минуты, знал, но не мог почувствовать. Не верил, что этот великолепный, громадный (было 2 гроба), полированный дубовый ящик с прибитой сверху как на *настоящем доме*, металлической доскою с ее именем и внизу № и печатью комиссара, заделанный, завинченный *навек*, содержал ее маленькое, такое раньше живое, полное сил и своеобразной мудрости тело. Говорю Вам все это, *как сон*, неосуществимо, почти нереально, совсем неправдоподобно. Слезы выступают у меня на глазах, когда я вспоминаю ее в милые ее минуты и понимаю, что ее нет, но в церкви я не понимал этого. Поразило меня еще то, что т<ак> к<ак> много было французов и евреев в церкви, то во время «Со святыми упокой» и «Вечной памяти» только 2–3 человека опустились на колени. Но служба была прекрасная — чудесный хор, освещенная церковь, торжественный и красивый от<ец> Спасский¹⁷. Я подумал, помню, что ее с ее любовью к красивому и не банальному — так именно надо было отпевать.

Я сейчас лежу и не могу Вам узнать теперешнего адреса Gaston; Вы добрая, м<ожет> б<ыть> и надо написать ему, но я думаю все же, что он очень «француз», что мог он быть нам близок только через маленькую исчезнувшую М<арию> С<ергеевну>, но что он мало поймет в словах Ваших.

Бедную М<арию> Н<иколаевну> очень жалко. Она как-то мощно, «поцыгански» переносит горе; мало говорит, сидит грузно, точно думает, совсем не рисуется горем своим¹⁸. Говорят, М<ария> С<ергеевна> умела составить завещание в ее пользу, б<олее> или м<енее> обеспечить ее. Все время болезни и похорон был около нее и много хлопотал и, кажется, помог во всем какой-то новый друг М<арии> С<ергеевны> Тверской, так внешне мало видный человек с маловыразительным лицом и легкой лысиной, кот<орого> все едва знают¹⁹. Но будем ему благодарны и позавидуем ему, что он был дольше всех около нее, был ей полезен и облегчил ей последние минуты.

Очень рад, что Вам понравился Митя Сазонов, — мне он тоже *очень* нравится²⁰. Никаких поручений, касающихся Юл<ии> Л<еонидовны>, я не беру на себя, во-первых, потому что довольно редко ее вижу, хотя я очень ее ценю и люблю, во-вторых, как я Вам уже говорил, потому что никому и никогда не делал о ней никаких конфиденций²¹.

Буду очень счастлив получить от Вас еще письмо.

Передайте мой привет Ив<ану> Ал<ексеевичу>.

С большой преданностью целую Ваши руки и остаюсь

Искренне Ваш

Н. Миллиоти

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4457).

¹ В эти годы Сазонова работала в парижском изд-ве «Nachette» и имела доступ к последним новинкам французской литературы; в чтении, о котором рассказывает Миллиоти в этом письме, сказываются книжные интересы Сазоновой. «Филиппина» («Philippine») (Париж, 1930) — исторический роман лауреата Гонкуровской премии (1927) Мориса Беделя (1884–1954); «Королевский путь» («La Voie royale») (Париж, 1930) — роман Андре Мальро (1901–1976), о котором Сазонова писала в рецензии: «<...> подлинность романа, взятого из действительной археологической поездки Андре Мальро в Индокитай, составляет одну из его неотъемлемых прелестей» (Числа. 1930/1931. № 4. С. 277).

² Французский писатель, эллинист и переводчик Марио Мёнье (1880–1960) и его жена Жанна упоминаются Муромцевой-Брюан в письме к Буниной, написанном осенью 1928 г.: «В St. Étienne застала Jeanne Meunier уже выздоравливающей, но еще в постели. Они были оба очень тронуты моим посещением и с тех пор пишут милые хорошие письма» (РАЛ. MS. 1067/1729).

³ Мария Григорьевна Лист (урожд. Крестовникова; ум. 1956) доводилась дальней родственницей Миллиоти — ее бабушка, София Юрьевна (урожд. Миллиоти), была его тетей. (См. также Приложение.)

⁴ 5 декабря 1930 г. траурные объявления были помещены в обеих парижских газетах, «Последние новости» (№ 3544. С. 1) и «Возрождение» (№ 2012. С. 1). В первой сообщалось: «Муж и мать извещают друзей и знакомых, что 3-го декабря скончалась Мария Сергеевна Брюан, урожденная Муромцева. Панихида будет в пятницу в 5 часов в русской церкви на rue Daug. Отпевание и вынос тела почившей состоится в пятницу».

⁵ Судя по дневниковым записям Буниной и Кузнецовой от 6 декабря 1930 г., у Буниных была похожая реакция на известие о смерти Муромцевой-Брюан: «В голове кавардак. Всякие предположения: самоубийство, кровотечение, несчастный случай, операция» (РАЛ. MS. 1067/398); «Он сказал: “Маня отравилась!” — хотя ничего об этом не известно, предположив это, очевидно, в связи с ее семейной драмой» (Грасский дневник. С. 193).

⁶ несчастный случай (фр.).

⁷ хорошую мину при плохой игре (фр.).

⁸ Ср. из писем Муромцевой-Брюан к Буниной от осени 1930 г.: «Сестрам можно сказать, что я с мужем разъехалась, но без подробностей. Gaston очень мил и ухаживает. От своих всех жен — левых — отмазывается и живет холостой светской жизнью» (РАЛ. MS. 1067/1711); «Я ишу наскоро квартиру куда подешевле, чтоб жить без вечных страхов и заниматься с наслаждением “художника”, а не обанкротившейся и оставленной жены легкомысленного банкира. У всех все кругом скверно. Эти американские крахи совсем разорили Францию, все остановилось, замерло, люди только охают, и заработка никакого нет. Моя жизнь, конечно, от этого продолжает быть чем-то неопределенным, во всех отношениях. И расходиться открыто еще нельзя. Поэтому пока ничего никому не говори. Даже сестрам. Ни общей жизни с Gaston никакой уже больше нет,

видаю я его 10 минут в день, когда я в Париже. Ни свободы действий у меня тоже нет, т<ак> к<ак> денег он почти не дает, да и положение его жены очень связывает. Я все же занимаюсь много, готовлю репертуар, а главное, привожу себя к отношению к самой себе как к профессиональной артистке» (РАЛ. MS. 1067/1718).

⁹ Летом и осенью 1930 г. Сазонова была командирована в Испанию редакцией французской газеты «L'Intransigeant». Миллиоти устроил себе поездку в Испанию приблизительно в то же время, однако их маршруты пересекались лишь от случая к случаю. Его передвижения и переживания зафиксированы в его дневнике (№ 24 за 1930 г. — ЕЮМ). Одна картина, написанная Миллиоти в Толедо в 1930 г., воспроизведена в изд.: «Они унесли с собой Россию...» (см. примеч. 3 к № 2).

¹⁰ Ср. в недатированном письме Муромцевой-Брюан к Буниной: «Нашла в 7-ом этаже с большим балконом квартиру на Champs de Mars <Марсовом поле> против École Militaire <Военной школы> в новом доме. Вид на весь Париж. Квартира небольшая, но не имеет мещанского вида. Одна очень большая комната, две других маленьких, ванна, кухня, а главное — балкон. Весною и к лету разукрашу его цветами, и будет очень приятно» (РАЛ. MS. 1067/1711).

¹¹ возрождение (*фр.*).

¹² Ср. в письме Муромцевой-Брюан к Буниной от 6 октября 1930 г.: «Тут рядом с банком Gaston, и он забегает ко мне хоть на десять минут несколько раз в день. Мне это приятно — но очень уж этот образ жизни порабощает» (РАЛ. MS. 1067/1712).

¹³ 11 ноября 1930 г. в Нейи-сюр-Сэн умерла почти ровесница Муромцевой-Брюан Вера Николаевна Холодовская (урожд. Фест; 1889—1930).

¹⁴ Неустановленное лицо.

¹⁵ Муромцева-Брюан «несколько месяцев лечилась у Яковцева. Не видя улучшения, она решила на операцию» (из дневниковой записи Буниной от 13 декабря 1930 г. — РАЛ. MS. 1067/398). 18 ноября 1930 г. ее перевезли в русский госпиталь в Нейи, где 19 ноября врачи (В.Л. Яковцев и И.П. Алексинский) успешно оперировали ей фиброму матки. Однако в результате операции образовалась закупорка кишки, и вторую операцию (31 ноября) она не выдержала. 3 декабря в 2 часа 20 минут утра она скончалась. (Подробнее о последних днях Муромцевой-Брюан см. письмо от 10 декабря 1930 г. к Буниной от очевидца М.М. Тверского (о нем см. ниже примеч. 19) — РАЛ. MS. 1067/7313.)

¹⁶ Муромцева-Брюан была похоронена на Новом кладбище в Нейи в семейном склепе, приготовленном для нее самой, матери и мужа (он там не был похоронен).

¹⁷ С 1925 г. отец Георгий Спасский (1877—1934) был штатным священником собора св. Александра Невского на рю Дарю в Париже.

¹⁸ Мать Муромцевой-Брюан и тетя Буниной, Мария Николаевна Муромцева (урожд. Климентова; 1856—1946) была в юности известной певицей, которая в 1879 г. исполняла партию Татьяны на московской премьере «Евгения Онегина» П.И. Чайковского. В дневниковой записи за 20 декабря 1930 г. Кузнецова цитирует, не указывая источника, фразу из, по-видимому, только что дошедшего до Грасса письма Миллиоти: «Мать, эта коренастая старуха, “могуче <у Миллиоти: мощно>, по-цыгански, переносит горе”» (Грасский дневник. С. 197).

¹⁹ В «Хронике» Михаил Михайлович Тверской значится членом Союза сценических и кинематографических деятелей в Париже (Т. 1. С. 425), Российского музыкального общества (Т. 2. С. 152, 302—303), а также Зарубежного союза инвалидов (Т. 2. С. 240) (на своей визитной карточке он называет себя председателем союза — РАЛ. MS. 1067/7331). Согласно парижской телефонной книжке за 1932 г., он зарабатывал себе на жизнь в области рекламы. Летом 1930 г. он стал последним любовником Муромцевой-Брюан, которая в письме к именинам Буниной в сентябре 1930 г. написала о нем: «М<ихаил> М<ихайлович> шлет тебе и привет, и поздравления. Хотел написать сам, но я отговорила, чтобы не обращать на нас внимания» (РАЛ. MS. 1067/1711). В начале письма о смерти Муромцевой-Брюан к Буниной от 10 декабря 1930 г. Тверской писал: «Вы были единственным человеком, которого она искренне любила» (РАЛ. MS. 1067/7313).

²⁰ 21 сентября 1930 г. Бунина посетила Шато де Клозон, где воспитывался сын Миллиоти и Сазоновой, Дмитрий Петрович Сазонов (1921—2008) (см. № 6 и примеч. 2 к

нему), и на следующий день записала в дневнике: «Там Митя Сазонов, говорить по-русски не умеет, глаза, ресницы, волосы напоминают отца, есть ласковость и приветливость, хороша улыбка» (РАЛ. MS. 1067/398). По-видимому, в несохранившемся письме к Миллиоти Бунина высказала ему свое положительное впечатление о его сыне.

²¹ От фр. *confidences* — здесь: тайны. После приведенного в примеч. 20 отзыва о Д.П. Сазонове Бунина продолжала: «Мать его пишет сумасшедшие письма в неподобающем тоне, так как не получает известий о сыне. Вероятно, почта испанская ходит очень плохо, а она все переезжает из города в город...» (Там же). Бунина, возможно, не знала, что ко времени обмена письмами с Миллиоти в декабре 1930 г. Сазонова уже вернулась из Испании (см. примеч. 9), но как бы то ни было, реакция Миллиоти определенно в духе установленного им с Сазоновой с самого начала их интимной связи согласия в том, что их сын будет носить фамилию ее первого мужа, с которым она никогда официально не разводилась, и что Миллиоти не примет на себя никаких материальных обязательств в отношении воспитания ребенка. (На самом же деле он помогал Сазоновой и сыну материально, когда только мог; например, вернувшись из Америки в 1925 г., погасил ее долги.)

14

21 января 1932 г. Париж

21 janvier 32
Paris

Дорогая Вера Николаевна,

Не сетуйте на меня, ради Бога, что так неласково молчу в ответ на Ваше милое письмо; скажу Вам только, что это *первое* письмо, которое я пишу в этом году, так загромождена сейчас жизнь всякими заботами и работой, которая одна еще спасает и позволяет держаться на поверхности. В Париже тревога за переживаемое время, за будущее, ощущается с особенной остротой — кругом смерть, болезнь, нужда просто косят наше поколение. Самые крепкие люди сдаются, напоминая об общей нашей обреченности, — уж на что была Г.Л. Гиршман человек крепкий — как много людей по ней равнялось, — а и она сдала так, что грусть смотреть на нее. Против рожна, видно, не пойдешь. У меня кругом один за другим исчезают или готовятся исчезнуть люди моей жизни; после М<арии> С<ергеевны> через 2 месяца умерла — так внезапно, в одну неделю — Н.Р. Адельгейм, с кот<орой> я был очень дружен, и я узнал о ее смерти в день кремации, и когда приехал на Pêre Lachaise, то увидел только последний дымок, выходящий из трубы крематория, — на глазах расплылся, растаял этот остаток целой жизни¹. И сейчас кругом столько готовится к печальной развязке, что лучше и не говорить; Вы, верно, знаете про страшных 2 операции, кот<орые> перенесла Ю.Л. Сазонова, кот<орую> я очень люблю. Эти операции спасли ее от смерти *тогда*, но поправляется она плохо, и я думаю, что у всех ее друзей одинаково щемит сердце, глядя на нее². Я уже не говорю про вести из Москвы от моих, кот<орые> в другой атмосфере тоже медленно погибают³. Все это я пишу Вам, чтобы Вы не очень пеняли за мое молчание.

Как ни плохи дела, я как-то ухитрился этой осенью съездить в Испанию. Я был снова в Toledo, в Мадриде, Аранхуезе и Сеговии⁴. Поехал я поздно, особенно оттого, что *русским* туда почти невозможно попасть; несмотря на все мои связи — я просидел целую неделю в Hendaye в ожидании разрешения⁵. А когда получил его, в первом же испанском городе Irun'e подвергся такому ужасному сыску и слежке, что, бросив мысль о Segovia, куда ехал, прямо поехал (все время в сопровождении шпииков) в Madrid в Segurida<d>⁶, чтобы отпустили мою душу на покаяние. Дал телегр<амму> своим друзьям в Madrid'e из Irun'a, жаловался в Segurida<d>, там извинялись, и после было, конечно, легче. Но они так боятся большевиков и так наивно относятся к русским паспортам (как будто большевик поедет с *нансеновским* паспортом!), что беда там русским, да, кроме того, были холода, дожди, ветры — вообще незадача. Все же Испания прекрасна, и народа такого другого нет. Привез я оттуда несколько неплохих вещей. Работал я страшно много и думаю, что как художн<ик> окончательно зрею и выражаюсь, — а насчет «толпы», то она бранит, и если бы был треножник, чего в наш убогий век не полагается, то, конечно, колебала бы и мой треножник⁷.

Я еще не видал склепа М<арии> С<ергеевны>⁸. Слышал, что Gaston (какой вид mauvais sujet⁹ у него сейчас!) ничего не платил, и М<ария> Н<иколаевна> сделала все на свои деньги. Собираюсь пойти, сговориться с М<арией> Н<иколаевной>, когда можно увидеть этот склеп, — тогда напишу. М<ария> Н<иколаевна> *страшно постарела* — угрюмое, окаменевшее лицо с проваленным ртом; мало говорит, мало всем интересуется.

Как хорошо написали Вы о Вашем житье; как позавидовал я, что живете в такой комнате, что можете выйти в тепло, в сад, что видите цветы на своем столе! Пишите мне, пожалуйста, — я буду аккуратнее отвечать, чем этот раз. Когда же приедете в Париж¹⁰?

Мой искрен<ний> привет Ив<ану> Ал<ексеевичу>.

Вам целую руки и остаюсь серд<ечно> Вам преданный
Н. Миллиоти

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4458).

¹ О кончине похороненной на знаменитом парижском кладбище Пер-Лашез Надежды Робертовны Адельгейм (1892–1931), дочери известного актера Роберта Львовича Адельгейма (1860–1934) и хозяйки артистического салона в дореволюционной Москве, было объявлено в газете «Последние новости» 8 апреля 1931 г. (№ 3668).

² Сазонову оперировали 5 ноября 1931 г., вырезали 71 см кишечника, после этого у нее на животе остался большой шрам.

³ Миллиоти переписывался со своим братом, художником Василием Дмитриевичем Миллиоти (1875–1943), с женой другого брата Юрия, актрисой Мариной Ивановной Миллиоти, и со своей женой Еленой Дмитриевной Миллиоти. Его письма хранятся в РО РГБ (Ф. 494. Карт. 1. Ед. хр. 9–11) и в РО Третьяковской галереи (Ф. 80).

⁴ Как и в 1930 г. (см. № 13 и примеч. 9 к нему), поездка Миллиоти в Испанию в октябре–ноябре 1931 г. совпала с очередной командировкой туда же Сазоновой. В Мадриде Миллиоти был с 24 октября до 7 ноября 1931 г. с заездами в Сеговию, Толедо и Авила. 29 октября он записал в дневнике: «Эта моя поездка в Испанию была внешне

одной сплошной неудачей — погода, всякие неожиданности помешали мне сделать то, что было моей задачей. Но она, как всегда, освежила, поставила вещи на место. Она уничтожила так много иллюзий. Как всегда, предпочитаю я правду!» (Дневник № 27 за 1931 г. — ЕЮМ).

⁵ Андай (Hendaye) — французский городок в провинции Байонна на реке Бидасоа — границе с Испанией.

⁶ Servicio de Seguridad — испанская служба безопасности.

⁷ Ср. строки из пушкинского «Поэту» (1830): «Доволен? Так пускай толпа его бранит / И плюет на алтарь, где твой огонь горит, / И в детской резвости колеблет твой треножник».

⁸ См. примеч. 16 к № 13.

⁹ шалопаю (*фр.*).

¹⁰ Бунина и Кузнецова провели апрель и первую половину мая 1932 г. в Париже; к концу апреля Бунин и Зуров присоединились к ним.

15

30 декабря 1932 г. Рим

2, Via S. Anselmo
Roma
30 дек. 32

Меня очень тронуло Ваше письмо, которое мне переслали из Парижа, милая Вера Николавна!

Оно, как все Ваши письма, красиво и благородно; на Вас самое похоже.

Я, как видите, в Риме, и уже больше двух недель¹; сделать это было в этом году особенно трудно — я, как все кругом, погибаю от забот и долгов. А все-таки я вырвал у жизни много прекрасных, но и грустных минут. Рим ужасно, и, увы, к худшему, изменился; грохот и вонь неистово носящихся машин покрывает все, проглатывает милый ритм прежней римской улицы, не позволяет дышать, слышать колокола. Весь тон римской жизни переменялся. Но небо над Римом, над Авентинским холмом, где живу, прекрасно, как нигде в мире, и прекрасны профили священных холмов и чудесные силуэты пиний в наполненном голубым серебром воздухе. Есть вещи вечные в Риме, и в этом еще нашел я какое-то утешение. Но я был тут 32 года назад, молодым, здоровым, упоенным, опьяненным жизнью мечтателем и своих видений не нашел больше в зрелости и усталости своей². Как я хотел бы, возвращаясь, заехать в Грасс и повидаться со всеми Вами. Но надо торопиться, и я вряд ли смогу сделать это.

Хорошо было бы посмотреть и Митю, о котором Ваши известия меня очень обрадовали³, — я очень люблю мальчика этого, но вряд ли все это осуществимо. Во всяком случае, я возвращаюсь уже на будущей неделе⁴. Я думал тут в Риме нащупать почву насчет выставки, как предлагали мне, — но антихудожественность этого общества не поддается описанию. Я бываю

в самом ай-лайфе (high-life⁵) среди маркиз, графов и principe⁶ и устал от обедов, чаев и чествований. Вчера я побил рекорд — завтракал у герцогини Colonna-Cesaro с 4 герцогами, Mme Wanderbild⁷ и еще какой-то флорентийской дамой. Так и сидело нас за узеньким столом без скатерти (c'est le dernier cri⁸), покрытом кактусами и стеклянными деревцами и кружевными салфетками, 7 человек, и я рядом с хозяйкой (люди эти сразу говорят по-английски, итальянски, французски и даже русски)⁹; будь я снобом, долж<ен> был бы сказать: «Довольно, теперь надо помирать!» Но мне все уже осточертело, и я хочу побольше людей, человек, а потому уезжаю через 4 дня. Жил тут все же я очень хорошо, в какой-то чудесной довоенной (точно в Хамовниках¹⁰) квартире Т.Л. Толстой, где прислугу даже зовут Феня. И все это рядом с монастырем бенедикт<инцев> S. Anselmo и домом мальгйских рыцарей¹¹.

Ну пока еще раз Вам спасибо, милая В<ера> Н<иколаевна>. То, что пишете о милой М<арии> С<ергеевне>, грустно, но верно.

Привет И<вану> Ал<ексеевичу>.

Целую Ваши руки и остаюсь пред<анный> Вам

Н. Миллиоти

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4459).

¹ Миллиоти ездил в Рим по приглашению Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой, с которой он особенно дружил со времени основания ею в 1929 г. парижской Русской художественной академии, где он преподавал живопись. Когда Русская художественная академия закрылась в 1930 г., Сухотина-Толстая уехала жить в Рим, где ее дочь (см. примеч. 4 к № 12) незадолго до того вышла замуж за итальянского юриста Леонардо Джузеппе Альбертини (1903–1980). Миллиоти находился в Риме с 15 декабря 1932 г. по 6 января 1933 г.

² Миллиоти провел в Риме месяц с конца апреля 1900 г., работал в «огромной и светлой» мастерской на Виа Систина и писал эскизы бюстов на Пинчио, вилле Боргезе, Форуме и Палатине, куда «получил позволение входить даром» (см. письма Н.Д. Миллиоти к старшему брату Юрию — РГБ. Ф. 494. Карт. 1. Ед. хр. 11. Л. 11–31).

³ Насколько известно, в данный период Бунина не посещала Шато де Клозон, но она переписывалась с Е.К. Лопатиной, которая в письме, предположительно датированном серединой декабря 1932 г., описала участие Д.П. Сазонова в церковном хоре в Николин день: «Обедня шла как-то весело, спокойно, легко, пели радостно, старательно, надо было видеть Митьку Сазонова, как он пел, закинув голову и полузакрыв глаза. Даже когда врали, ничуть не смущались» (РАЛ. MS. 1069/74). Возможно, эту деталь Бунина сообщила Миллиоти в несохранившемся письме, на которое он откликается.

⁴ Миллиоти навестил-таки своего сына в Шато де Клозон 8 января 1933 г. и набросал в дневнике эскиз его портрета, подписав его: «Митя. Biot янв. 33»; а на следующий день записал: «Я болен и лежу в Biot'e, в милой гостинице — Mas des Orangers. Вчера видел прелестного и какого тревожного, какого жуткого в своей необычности ребенка — Митю, как узнал глаза эти, голос трепетный и нежный. Наивность, грешность, чистота, осужденность. Как трудно представить себе эту жизнь!» (Дневник № 28 bis за 1932–1933 гг. — ЕЮМ).

⁵ светском обществе (англ.).

⁶ князей (ит.).

⁷ Возможно, имеется в виду Энн (Anne Harriman Sands Rutherford Vanderbilt; 1864–1940), вторая жена Вильяма Киссама Вандербильта (William Kissam Vanderbilt; 1849–

1920) из знаменитой американской семьи железнодорожных магнатов. В эти годы Энн Вандербилт проживала в Париже.

⁸ это последний крик моды (фр.).

⁹ Надгробная надпись Варвары Павловны Колонна ди Чезаро (урожд. Антонелли; 1880–1969) на римском кладбище Тестаччо гласит: «Дочь русской матери. Она всегда считала Россию своей второй родиной» (оригинал на ит. яз.) (*Гасперович В., Катин-Ярцев М., Талалай М., Шумков А.* Тестаччо: Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме: Алфавитный список русских захоронений. СПб.: ВИРД, 2000. С. 70). Подробнее о ней, ее муже, Джованни Антонио Колонна ди Чезаро (Giovanni Antonio Colonna di Cesaro; 1878–1940), и их римском салоне см.: *Комолова Н.П.* Италия в русской культуре Серебряного века: Времена и судьбы. М.: Наука, 2005. С. 62–63 (автор ошибочно называет герцогиню Ниной).

¹⁰ С 1880-х гг. Толстые жили в Москве в Большом Хамовническом переулке.

¹¹ В первые годы после переезда в Рим Сухотина-Толстая жила на Виа ди Сант-Ансельмо поблизости от бенедиктинской семинарии того же имени и дворца мальтийских рыцарей на Виа Кондотти.

16

11 ноября 1933 г. Париж

11 nov. 33

3 bis, place de la Sorbonne (V)

Paris

Милая Вера Николаевна,

Я сегодня утром с чувством огромного удовлетворения прочел известие о присуждении Бунину Нобелевской премии¹. Я рад не только за него и за Вас, но и за всю *подлинную* Россию; а как много это для погибающего престижа российской эмиграции, и сказать нельзя!

Поздравьте и обнимите его от меня. Вам почтительно целую руки. Не забывайте. Напишите о себе.

Ваш Н. Миллиоти

P.S. Только, чур! Писать портрет с нового лауреата будет не кто другой как Миллиоти, «qui est devenue par excellence, — как писал обо мне Arsène Alexandre, — le portraitiste des célèbres gens de lettres»². Я только что кончил Поля Валери, самый трудный и неблагодарный из «знаменитых» портретов³. Если, как в прошлом году, поеду в Рим, приеду по дороге нарочно в Грасс.

Чур, чтобы другие не писали⁴.

Ваш НМ

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4460).

¹ О присуждении Бунину Нобелевской премии стало известно 9 ноября 1933 г., и первые отклики в прессе появились 10 ноября.

² «который стал по преимуществу портретистом знаменитых литераторов» (*фр.*). Ср. второе предисловие к каталогу состоявшейся в Париже в июне 1932 г. выставки русского искусства: «Il est peu étonnant que Millioti soit devenu le portraitiste des hommes de lettres français» («Неудивительно, что Миллиоти стал портретистом французских литераторов») (*Catalogue. Exposition d'art russe. Paris, 2–15 Juin 1932. Paris: Galérie «La Renaissance», 1932. P. 20*). Однако фраза, неточно процитированная Миллиоти, принадлежит не искусствоведу Арсену Александру (*Arsène Alexandre; 1859–1937*), автору первого предисловия к каталогу (*De 1906 à 1932. P. 9–16*), а Дени Рошу (*Denis Roche; 1868 — после 1949*), автору второго предисловия (*Aperçu d'une nouvelle exposition générale d'art russe à Paris. P. 17–27*).

³ Портрет французского поэта Поля Валери (*Paul Valéry; 1871–1945*) работы Миллиоти был выставлен на указанной в примеч. 2 выставке. Портрет воспроизведен в изд.: «Они унесли с собой Россию...» (см. примеч. 3 к № 2).

⁴ Ни Миллиоти, ни кто-либо другой из именитых русских художников не писал портрет Бунина в нобелевские дни.

17

30 ноября 1933 г. Париж

30 ноября 33
Paris

Милая Вера Николавна,

Спасибо за Ваше милое письмо. Пишу Вам эти несколько слов, чтобы объяснить, почему не мог с Вами повидаться вчера¹. Во-первых, получил Ваше письмо только сегод<ня> утром и не знал, что Вы будете там, а главное, за 2 часа до вечера случилась со мной пренеприятная история, которая могла кончиться плохо. Снимая со шкафа у себя в ателье очень тяжелый и огромный портрет *Vony de Castellane*'а², задел тяжелую дубовую обшивку огромного бретонского шкапа, и обшивка эта с 2½ метров высоты упала мне на голову. Кровь хлынула из раны на голове фонтаном, залила мне лицо и всю одежду; ничем нельзя было остановить. Только в аптеке смогли с трудом остановить кровотечение — получилась большая рассеченная рана. И все-таки через 2 часа, надев на повязку берет, я пошел на вечер и просидел в задних рядах (т<ак> к<ак> был в шапке) часть вечера. Сейчас как будто лучше, но ослабел от потери крови, и возможны осложнения. Но слава Богу, что так кончилось. Как выдержала моя голова такой страшный удар — не понимаю сам.

Согласен с Вами, а со мной и вся «настоящая» эмиграция, что в вечере в *Champs Elysées* не все было хорошо³. Нехорошо, что из нашего общего русского праздника сделали *платный спектакль*. Билеты на сцену рассылались знакомым *Мме Цейтлин и Кульмана*⁴. Из художн<иков> почему-то там был только *Билибин*, хотя это и мое место обыкновенно⁵. Я должен был взять билет и сидел во втором ряду. Я нашел, что Бунин был очень прост и трогателен — как, верно, устал он за это время! Ваше место было, конечно, на сцене.

У нас у всех такое впечатление, что Ив<ан> Ал<ексеевич> попал по добродушию или усталости в какие-то предприимчивые жи<дов>ские⁶ руки. Этот «спектакль» еще ничего, но как мог он взять своим спутником и *homme d'affaires*⁷ и, так сказ<ать>, «послом» Яшу Цвибака⁸! Когда десятки великолепных русских людей, представительных, образованных, светских, могли бы занять это амплуа! А ведь Яша со своей платинированной жидовкой⁹, цилиндром, тросточкой, нахальством и мордой (если бы Вы видели его на балетных премьерах!) — настоящее посмешище в русской *доброй* эмиграции. Он-то, конечно, на этой поездке себе карьеру сделает!

Впрочем, это все, конечно, меня не касается. Я очень жалею, что мы с Вами не повидались. Я очень искренно хотел бы повидать Вас, а худую особенно.

Ну, счастливого Вам пути, и привет от меня Ив<ану> Ал<ексеевичу>. Когда захотите и сможете, черкните и скажите, как и где нам увидиться.

Искренно Вам преданный

Н. Миллиоти

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4461).

¹ 29 ноября 1933 г. в Париже состоялось чествование Бунина, устроенное редакцией газеты «Россия и славянство», Русским национальным комитетом и Центральным комитетом по обеспечению высшего образования русского юношества за границей (Хроника. Т. 2. С. 492).

² Миллиоти писал портрет французского политического деятеля и законодателя художественной моды, маркиза и графа Бонифаса де Кастеллана (Boniface Marie Louis Jay Georges Paul Ernest de Castellane; 1867–1932) в costume для бала-маскарада в 1927 г. (Портрет воспроизведен в каталоге аукциона, состоявшегося в Париже в декабре 1996 г.: *La Gazette de l'Hôtel Drouot*. 1996. 1 novembre. № 39. P. 37.)

³ Самое большое чествование Бунина состоялось 26 ноября 1933 г. в *Théâtre des Champs-Élysées* (Хроника. Т. 2. С. 491).

⁴ Т.е. меценатки и друга Буниных Марии Самойловны Цетлиной (урожд. Тумаркина; в 1-м браке Авксентьева; 1882–1976) и профессора-филолога Николая Карловича Кульмана (1871–1940).

⁵ Не установлено, имел ли Миллиоти основание для утверждения, что он часто занимал почетное место на эмигрантских культурных мероприятиях наряду с Иваном Яковлевичем Билибиным (1876–1942), его коллегой по объединениям «Мир искусства», «Союз русских художников» и др. и по ряду зарубежных выставок.

⁶ У Миллиоти «жи...ские».

⁷ Здесь: секретарем (*фр.*).

⁸ В декабре 1933 г. журналист Яков Моисеевич Цвибак (псевд. Андрей Седых; 1902–1994) сопровождал Буниных и Кузнецову в Стокгольм для участия в торжествах по поводу получения Нобелевской премии, став на время секретарем и помощником Бунина. 1 декабря 1933 г. Кузнецова писала о нем в дневнике: «Яша, “le magnifique” <великолепный (*фр.*)> <...> принимает все более командорский вид. Временами у него бывают жесты почти полководца. На И<вана> А<лексеевича> он имеет большое влияние, и недаром. Сегодня он <...> за три часа купил все, что нужно, включая чемоданы» (Грасский дневник. С. 301).

⁹ В 1932 г. Цвибак женился на актрисе и певице Евгении Липовской (псевд. Женни Грэй/Jenny Grey; 1902–1988).

24 марта 1950 г. Париж

Ce 24 mars 50
Paris

Милая Вера Николаевна,

Простите, что не отвечаю сразу на Ваше письмо — меня эти дни не было в Париже.

Маша Лист (она никогда официально не звалась Винокуровой; и в жизни, и в телеф<онной> книжке она Mme List¹) живет на *rue Montessuy* (17 или 19²), под самой Эйфелевой башней; телефон ее есть в *annuaire*'e³. Я вижу ее довольно редко; она, конечно, будет рада телефону г. Петунникова⁴.

Мне бы очень хотелось перед Вашим отъездом повидать Вас и Ив<а-на> Ал<ексеевича>⁵. Постараюсь, если еще буду в Париже (собираюсь уехать по делу в Biarritz⁶), попасть к Вам в четверг 30 м<арта>⁷.

Пока передайте от меня привет И<вану> А<лексеевичу> и Л<еоиду> Ф<едоровичу>.

Искренно Вам преданный

Н. Миллиоти

P. S. Какое несчастье то, что случилось с А.А. Каном! Все они в антураже бедной Генр<иетты> Леоп<ольдовны> — как-то особенно несчастны, и исчезновение 2-х ее милых братьев и бедность и болезни ее сестер⁸.

М.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4462).

¹ По-видимому, М.Г. Лист (о ней см. № 13 и примеч. 3 к нему) была гражданской женой адвоката Федора Дмитриевича Винокурова (1875–1930).

² В действительности — 18.

³ телефонной книжке (*фр.*).

⁴ Неустановленное лицо.

⁵ Бунины отправились из Парижа в Жуан-ле-Пен 29 апреля 1950 г.

⁶ Вероятно, Миллиоти собирался в Биарриц в связи с судебной тяжбой. В 1940–1949 гг. он провел в Биаррице четыре выставки, а уезжая в Париж во время войны, вынужден был оставить три огромные картины на хранение владельцу антикварного магазина Беррогэну (Berrogain). Когда г. Беррогэн умер, его дочь потеряла картины Миллиоти, и тот возбудил судебное дело против нее и выиграл его в 1952 г. Перед началом процесса Миллиоти написал своей подруге Магде Валлака 20 февраля 1951 г.: «Боюсь, я не сумею справиться в Биаррице со всеми нюансами французской юриспруденции. У меня в руках нет неоспоримого документа, а прошло больше шести лет. <...> Я буду делать все возможное, чтобы решить эту проблему, но сомневаюсь, что увижу в моем ателье красивый портрет графини Греффюль и большую Венеру, которая мне еще дороже» (РГАЛИ. Ф. 803. Оп. 2. Д. 7. Л. 45. Оригинал на фр. яз.).

⁷ После войны Бунины устраивали у себя на рю Жак Оффенбах «четверги».

⁸ Один из братьев Г.Л. Гиршман (о ней см. № 8 и примеч. 9 к нему), Павел Леопольдович Леон (1893–1942), погиб в Освенциме (о нем см.: *Струве Н.* В оккупированном

Париже (Крупницы почти детских воспоминаний) // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1996. Т. 5. С. 20–21). Судьба второго упоминаемого брата не установлена. Известна только одна сестра Г.Л. Гиршман, Екатерина Леопольдовна Берлин (урожд. Леон; 1890–1986), но подробности о ее ситуации в 1950 г. не установлены. Также не установлено, что связывало с Г.Л. Гиршман французского театрального агента А.А. Кана (о нем см.: Диаспора. Вып. 5. С. 116).

19

30 сентября 1952 г. Париж

Ce 30 spt. 52
Paris

Дорогая Вера Николаевна,

Я терпеть не могу «*делать визиты*», потому, верно, мы и видимся так редко; все это не мешает мне никогда не забывать Вас. Искренно Вас поздравляю с днем Вашего ангела¹ и желаю Вам всяких благ.

Кланяйтесь от меня Ивану Алексеевичу.

Целую Ваши руки и остаюсь искренно Вам преданный
Н. Миллиоти

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4463).

¹ 17/30 сентября — именины Веры, Надежды, Любви и Софии.

20

Начало декабря 1953 г. Париж

Ce dimanche¹
Paris

Милая Вера Николаевна,

Я не доехал до Вашего Лёни². Хотя я с утра чувствовал себя нездоровым и было холодно, я все-таки поехал к нему в 4 часа. Но на P<or>te de S<ain>t-Cloud мне пришлось ждать 20 минут № 175, мне сказали, что до Quai Galliéni еще полчаса езды³, а я был уже усталый и замерзлый <так!> и вернулся в métro⁴ и поехал домой. Mais la bonne volonté y était⁵ — отложим до будущего воскресенья или навещу его уже на rue Offenbach. Не сердитесь на меня и, чтобы сказать мне, что не сердитесь, обклейте бандеролью забытую мною книжку Ив<ана> Ал<ексеевича>, кот<орую> очень хочу иметь с надписью Вашей «На память об Ив<ане> Ал<ексеевиче>», и перешлите мне ее⁶.

Пока целую Ваши руки и остаюсь искр<енно> Вас любящий
Н. Миллиоти

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4469). Датируется предположительно по содержанию (см. примеч. 2).

¹ Воскресенье (*фр.*).

² Т.е. Зурова. В 1953 г. у Зурова было обострение душевной болезни (мании преследования), и он несколько месяцев лечился в клинике в западном пригороде Парижа Сюрэн (Suresnes), где ему было разрешено принимать посетителей. После успешного лечения он вернулся домой на рю Жак Оффенбах 12 декабря 1953 г. № 20, по-видимому, относится к последним дням пребывания Зурова в клинике.

³ Автобус № 175 и по сей день ходит от Porte de Saint-Cloud по Сене в сторону Аньера (Asnières) и останавливается в Сюрэне на набережной Галлиени (Quai Galliéni).

⁴ метро (*фр.*).

⁵ но добрая воля была (*фр.*).

⁶ По-видимому, имеется в виду сборник «Избранные стихи» (Париж, 1929) (ср. № 21).

21

Середина декабря 1953 г. Париж

Се vendredi¹.
Paris

Милая Вера Николавна,

Только садясь в métro, я вспомнил, что неумышленно ввел Вас в заблуждение! Урожденная Миллиоти была *Елизавета Михайловна Алексеева*, мать городск<ого> головы Н<иколая> Ал<ександровича> и жена *Алекс<андра> Владимировича*. Мать Станиславского, жена *Серг<ея> Влад<имировича>*, была француженка — имени ее я не помню².

Всего Вам доброго и привет Л<еониду> Ф<едоровичу> — меня страшно заинтересовала и тронула его археолог<ическая> деятельность³. Действительно он скромный человек. Целую Вашу руку и прошу передать ему мой сердечный привет.

Ваш НМ

P. S. Когда я у Вас был прошлый раз в дни болезни Л<еонида> Ф<едоровича>, я хорошо помню, что Вы подарили мне книгу стихов И<вана> А<лексеевича>, кот<орые> я страшно люблю; и я тогда *забыл ее у Вас*. И, должно быть, мне не судьба — забыл ее и этот раз⁴! НМ

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4470). Датируется предположительно по содержанию (см. примеч. 2 к № 20).

¹ Пятница (*фр.*).

² Поправки Миллиоти не совсем точны: 1) жена Александра Владимировича Алексеева (1821–1882) и мать московского городского головы (1885–1893) Николая Александровича Алексеева (1852–1893), Елизавета Михайловна Алексеева (1830–1908) была

урожденная Бостанжогло; 2) француженкой была не мать К.С. Станиславского (жена Сергея Владимировича Алексеева (1836–1893)), Елизавета Васильевна Алексеева (урожд. Яковлева; 1841–1904), а его бабушка по материнской линии, актриса французской труппы Михайловского театра Мария Ивановна Варле (Varlet; 1800–1885).

³ В 1930-е гг. на средства парижского Музея человека Зуров участвовал в этнографических и археологических экспедициях в Эстонию и, в частности, в реставрации собора Св. Николая в Печорах.

⁴ См. № 20 и примеч. 6 к нему.

22

14 мая 1954 г. Париж

Ce 14 mai 54
Paris

Дорогая Вера Николаевна,
Спасибо за Ваше милое письмецо.

Конечно, возможно, что я *чересчур нервно воспринял неприятную атмосферу нашей встречи*. Очень жалел, что Вы не надели замечательно Вам шедшего синего вуаля на этот вечер, на котором я досидел *почти* до конца¹.

Ваши заключительные слова: «Будьте мудры» — и: «Целую Вас в височек», — привели меня в восторг.

Если бы я не мог прийти к Вам во вторник, то, конечно, извещу заранее. Пока еще раз спасибо.

Целую Ваши руки.
Ваш Н. Миллиоти

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4464).

¹ Возможно, имеется в виду вечер, устроенный 11 апреля 1954 г. Объединением русских писателей и поэтов в Париже и Комитетом по увековечению памяти И.А. Бунина (Хроника. Т. 5. С. 626–627).

23

18 мая 1954 г. Париж

Ce 18 mai 54
Paris

Милая Вера Николаевна,

Я попрошу Вас, если это возможно, перенести мое посещение Вас на пятницу¹, т<ак> к<ак> в среду концерт Casadesus'а, на который, прося меня

непрерывно быть, он прислал мне билет². Как и в прошлом письме — молчаливое согласие.

Подставляю свой седой «височек» и целую Вашу руку.

Искренно Вам преданный

Н. Миллиоти

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4465).

¹ В № 22 речь шла о визите во вторник 18-го мая, т.е. в день написания № 23.

² Миллиоти был знаком с французским пианистом и композитором Робером Касаде-су (Robert Casadesu; 1899–1972) с 1934 г. и писал его портрет в 1935–1937 гг. Касаде-су выступал 19 мая 1954 г. в Théâtre des Champs-Élysées.

24

5 ноября 1954 г. Париж

Се 5 nov. 54

Paris

Дорогой друг Вера Николаевна,

Я вчера вечером с удивлением узнал от милой О.В. Кожевниковой (?), которую очень люблю, но довольно редко вижу¹, от «Олечки К.», «спаривать» с которой специальность милейшей В.А. Зайцевой², *о панихиде по И.А. Бунине*, которого, Вы знаете, я очень почитал и любил, и почти о том, что я волен и не приходится на нее³. Думаю, что это настоящее недоразумение, происшедшее от моего раннего исчезновения с празднования его памяти, и я считаю своим долгом выяснить его⁴. (К несчастью, как оказывается, сама О<льга> В<алентиновна> ушла *сейчас же* после моего ухода, что еще осложняет это недоразумение.)

На *самом деле* вот почему я исчез с Вашего вечера. В этот день мои штутгартские друзья Куглеры, возвращаясь из Лондона, назначили мне свидание в тот же вечер в 7½ часов *на вокзале* для передачи мне денег за написанный в августе в Штутгарте портрет Mme Kugler, и я, увы!, никак пропустить это свидание не мог⁵.

Мы с Вами чересчур старые друзья, чтобы я мог оставить это недоразумение невыясненным и портящим давние добрые отношения. Я приду, конечно, на панихиду по И<вану> А<лексеевичу>, но *если бы* Вы меня не увидели на ней, это произошло бы от моих головокружений, иногда ухудшающихся и не позволяющих мне далеко выходить⁶. Фу, как я не люблю такие недоразумения и *необходимость писать об этом письма*.

Целую почтительно Ваши руки и даже *не* подставляю височка.

Преданный Вам Н. Миллиоти

Привет милому Л<еониду> Ф<едоровичу>.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4466).

¹ Журналистка Ольга Валентиновна Кожевникова (1897–1977) была ближайшей подругой Миллиоти в последнее десятилетие его жизни.

² В 1954 г. отношения Буниной с Зайцевыми были еще натянутыми (о возникновении и разгара конфликта в конце 1947 — начале 1948 г. см.: Диаспора. Вып. 2. С. 547–555) и наладились лишь после того, как Веру Алексеевну Зайцеву (урожд. Орешникова, по 1-му мужу Смирнова; 1878–1965) разбил паралич в 1957 г. и Бунина начала ее время от времени навещать.

³ Ср. в письме Буниной к Кузнецовой от 12 ноября 1954 г.: «В воскресенье 7 ноября я устроила панихиду в Галлиполийской церкви. Было около сорока человек. В газетах я не объявляла: дорого, да и не хотелось, чтобы пришли люди, не очень этого хотевшие» (Исторический архив Института Восточной Европы при Бременском университете (Германия). Фонд Г.Н. Кузнецовой).

⁴ Речь идет о вечере памяти Бунина, приуроченном ко дню его рождения и устроенном Буниной 23 октября 1954 г. в квартире на рю Жак Оффенбах. Присутствие Миллиоти и Кожевниковой отмечается в письме Буниной к Кузнецовой от 1 ноября 1954 г. (Там же).

⁵ Миллиоти познакомился с политологом и преподавателем экономики Карлом Куглером (Karl Kugler; 1902–1956) к концу Второй мировой войны, когда последний служил в немецких оккупационных войсках в Париже. В 1944 г. Миллиоти написал его портрет. После войны установились дружеские отношения и с семьей Куглера, и с 1951 г. до смерти Куглера в автомобильной катастрофе в 1956 г. Миллиоти ежегодно ездил к ним под Штутгарт в Гёппинген на два-три месяца летом. В очередной приезд в 1954 г. он и написал портрет жены Куглера, Йоханны (Johanna) (урожд. Нестлерн/Nestlern; 1908–1992). Оба портрета хранятся в коллекции сына Куглеров, Эберхарда (Eberhard Kugler).

⁶ В приведенном в примеч. 3 письме к Кузнецовой Бунина упоминает Миллиоти среди присутствовавших на панихиде.

25

26 декабря 1958 г. Париж

Ce 26 déc. 58

Paris

Дорогая Вера Николаевна,

Я с наслаждением читаю Вашу книгу, жалею только, что не хватает описания последних дней и смерти Ив<ана> Ал<ексеевича>¹. Помню, что Вы рассказывали мне об этих днях давно, скоро после его смерти, но, прочитав его жизнь, как хотелось еще раз услышать об этих исключительных днях. К<ак>-ниб<удь>, *когда Вы сами захотите*, хочу, чтобы Вы еще раз сами рассказали мне об этих громадных событиях. Ваша надпись на книге тронула меня.

Я Вас, как всю жизнь, люблю и почитаю и остаюсь любящий Вас и гордый за Вас

Н. Миллиоти

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1067/4467).

¹ В книге Буниной «Жизнь Бунина. 1870–1906» (Париж, 1958) отсутствует не только описание последних дней Бунина, но и рассказ о всей их совместной жизни с 1907 по 1953 г. Этому была посвящена сохранившаяся лишь фрагментарно 3-я книга ее «Бесед с памятью» (РАЛ. MS. 1067/214–237).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Материалы к летописи жизни и творчества Н.Д. Миллиоти

Вокруг имени Миллиоти возникла целая мифология. Возможно, это обстоятельство сдерживало исследователей, тем более что художник сам предлагал рассматривать его биографию через творчество, отмечая в дневнике: «Моя живопись — это история моей жизни»¹. Но до сих пор не было попыток очертить его жизненный путь. К концу жизни Миллиоти писал сыну Д.П. Сазонову: «Моя личность заслоняет мое искусство»². В дневнике он дает следующую оценку своей личности и внешности: «Я был как красивая женщина в жизни: мой жизненный гений, даже мои таланты, были в красоте и тонкости, в “шарме”, если можно сказать эти банальные слова, “самих жизненных функций”. Женщины любили меня за то, как я красив и как умел любить, дети за простоту, доступность, чудачество и ласку, сверстники, люди искусства и общества, одни за то, как я могу писать, как я вижу красиво, другие за джентльменство, за вкус, за умение быть элегантным и светским. Все знали, сколько я испытал, знал, видел и как я не делал из этого *ausim cas*³. Сам я был как редкая птица или растение, особенный и не всегда понятный, и богатый и нищий, и балованный и страдающий, известный и не имевший никакого официального места в искусстве, и богема и светский чудака, нежный и, когда хочу, злой и опасный»⁴. Подводя итоги своей карьеры, Миллиоти сам не отделяет искусство от личной жизни: «Не только мой талант и мои успехи любовные, но само превосходство мое интеллектуальное происходили в большой степени от великолепия моей физической организации»⁵. Эти эгоистичные и нарциссические суждения художника нельзя не связать с его подчеркнутой склонностью к автопортрету — жанру, который широко представлен в его живописи. Не случайно первое про-

¹ Дневник № 23 за 1929–1930 гг. (ЕЮМ — запись за 30 января 1930 г.).

² Текст неоконченного и неотосланного письма приводится Д.П. Сазоновым в письме к А.Л. Слонимскому от 18 января — 25 июля 1963 г. (РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 190. Л. 63).

³ никакого шума (*фр.*).

⁴ Дневник № 30 за 1933–1934 гг. (ЕЮМ — запись за 27 января 1934 г.).

⁵ Дневник № 31 за 1934–1935 гг. (ЕЮМ — запись за 6 апреля 1935 г.).

изведение Миллиоти, приобретенное французским государством, — его автопортрет в тюрбане художника⁶.

С другой стороны, брат Ю.Л. Сазиной Николай Слоимский оставил следующую острую характеристику Миллиоти: «Н<иколай> Д<митриевич> — человек византийский, резкий и неприятный»⁷.

В создании мифа о Миллиоти приняла участие близко знавшая его Нина Берберова, оставившая для потомства такой почти шаржированный его литературный портрет: «Ник<олай> Дм<итриевич> Миллиоти был весь — с головы до ног — москвич, гордился этим и любил говорить об этом. <...> В эти годы он не был еще стар, но уже не был тем, каким его знали в Москве, когда он был, по его собственным словам, “самым красивым из всех людей, живших на земле”, чему не совсем легко было поверить. В эмиграции у него был сын, которого он не признавал, в Москве у него оставались жена и двое детей. До последних дней он искал прибежища у обожавших его женщин. Он был нищ, несмотря на то, что в двадцатых годах побывал в Америке, устроил выставку и, по его рассказам, имел большой успех. В последние годы жизни он, седой как лунь, в рваном пальто, заколотом английской булавкой, с мешком за плечами и беззубый, выглядел как типичный парижский “клошар” — бездомный бродяга. Что случилось после его смерти с его студией на площади Сорбонны, я не знаю. Она вся была увешана портретами светских красавиц»⁸.

В конце жизни Миллиоти написал по-французски автобиографические заметки, рисующие его происхождение и среду, в которой он вырос. «Я родился в 1874 г. в Москве на Воздвиженке в старом барском доме Осиповского, в старой Москве, живописной татарской столице с сорока сороками церквей и часовен, очень близких от Кремля. Я происхожу из очень богатой семьи промышленников со стороны моего отца и из военного дворянства со стороны матери. Фамилия, которую носят члены моей семьи, очень старинного византийского происхождения, родственная фамилии Комненов. Браки двух сестер моего отца связывали нас с кругом московских промышленников, в котором я провел все детство и отрочество. Самые восхитительные воспоминания моего детства остаются настоящей идиллией. Это наше пребывание в течение нескольких лет в великолепном летнем имении князя Голицына (Кузьминки), на расстоянии 12 км от Москвы⁹. В начале весны мы уезжали в великолепный дворец старого князя Льва Михайловича Голицына, оставившего это имение и переехавшего в Санкт-Петербург. Этот красивый дворец был построен, как все другие строения Кузьминок, знаменитым Жиларди, великим итальянским архитектором XVIII в., дворец был полон картин эпохи Возрождения и портретов предков,

⁶ Автопортрет. Карт., м. 75,3 x 63,5. Собрание Центра Помпиду (хранится в запаснике в Компьене). Инвент. № АМ5095. Написан в 1929 г. Приобретен в 1938 г. для Люксембургского музея (Париж) его директором Андре Дезаруа. Из Люксембургского музея портрет попал в собрание музея Jeu de Paume. Портрет выставлялся в Праге в 1935 г. и на Славянской выставке в Париже в 1938 г.

⁷ Письмо Н.Л. Слоимского к А.Л. Слоимскому от 5 марта 1925 г. (РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 202. Л. 36).

⁸ Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. М.: Согласие, 1996. С. 336–337.

⁹ В Биаррице в 1941 г. во время выздоровления после двух операций в клинике Леруа Миллиоти нарисовал «“Скелет” моей внешней жизни». В этом документе детство в Кузьминках датируется 1878–1884 гг. и сопровождается пометой «счастье» (ЕЮМ).

работ больших мастеров. Вокруг были парки и пруды, сады и боскеты, большие конюшни и фермы <...> В левом крыле дворца проживала семья Миллиоти. Первым впечатлением в моей жизни был великолепный весенний вечер в день нашего приезда, вид через балконную дверь на пламенеющий пруд и статуи Муз на другой стороне. По-видимому, я был очень маленьким, потому что, помнится, стоял на цыпочках, чтобы наблюдать этот вид, производивший незабываемое впечатление»¹⁰.

Как он здесь пишет, со стороны отца, Дмитрия Юрьевича (1839?–1902), директора Московского купеческого банка¹¹, Миллиоти был связан с миром московской промышленности и купечества. В 1847 г. тетя художника София Юрьевна Миллиоти (1833–1919) вышла замуж за предпринимателя и общественного деятеля Александра Константиновича Крестовникова (1825–1881), и в 1855 г. у них родился сын Григорий Александрович Крестовников (1855–1918), будущий председатель московского Биржевого комитета, председатель правления Московского купеческого банка, член совета и правлений ряда крупных предприятий¹². Другая тетка, Надежда Юрьевна Миллиоти, младшая в семье, 11 ноября 1856 г. вышла замуж за сахарозаводчика, владельца конского завода, мануфактур-советника Никанора Мартиниановича Борисовского.

Мать Миллиоти, Надежда Васильевна (1844–1928), была дочь Василия Романовича Неймарка (?–1856)¹³, потомка немецкого дворянина, приехавшего в Мос-

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 803. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 1. Цит. в переводе публикатора.

¹¹ Московский купеческий банк был основан в 1866 г., а к концу века стал вторым по значению банком России. Миллиоти вспоминал: «Мой отец еще совсем молодой вошел как директор в М<осковский> куп<еческий> банк, где членами совета были богатейшие мужья его сестер. Среди этих дел<овых> людей самым блестящ<им>, талантливым был знаменитый Полянский, главный герой огромного процесса Моск<овского> куп<еческого> банка. Мой отец, нескр<ытый> и доверчивый, был наст<оящим> “дирек<ктором>” всех этих дельцов. Он давал свою подпись, часто веря на слово обманывающим и бесчестным дельцам. И когда грянуло “дело” куп<еческого> банка, мой отец, конечно, быстро выделенный и оправданный, попал со всеми на скамью подсудимых. Этот честнейший человек, которому всю жизнь несли со всех сторон деньги на хранение бедные и богатые, так любил и верил ему, не мог никогда забыть, и знаменитое “дело” это еще в молодых годах как-то надломило его. После началось опять богатство, довольство, счастливая жизнь. Помню его молодым, красивым с собственным экипажем и прелестной дачей в Кузьминках, и снова крах Борисовских, повлекший разорение всех. С этого началась жизнь все труднее и труднее, проживание состояния, совершенно невозможная для него с его харак<тером> работа на бирже, траты большой, ничего не понимавшей, болеющей семьи, взрослых, ничего не умевших, детей на его плечах, разорение, непосильная жизнь, болезнь, гибель. Кроткий, он завещал написать на его могиле – “Господи, суди меня не по грехам моим, а по милосердию твоему”. Люблю и до конца не забуду памяти твоей, прекрасный и кроткий мой отец» (Н.Д. Миллиоти. Альбом с воспоминаниями // ОР РГБ. Ф. 494. Карт. 1. Ед. хр. 3. Л. 36–37).

¹² *Бурыйшкін П.А.* Москва купеческая. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 181; 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов / Сост., вступ. ст., примеч. О. Платонова. М.: Современник, 1995. С. 220. О родословной семей Крестовниковых и Миллиоти см.: *Крестовников Н.* Семейная хроника Крестовниковых: В 3 т. М.: А.А. Левенсон, 1903–1904. С. xvii и 8.

¹³ Скончавшийся 10 марта 1856 г. В.Р. Неймарк похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря (см.: *Николай Михайлович, вел. кн.* Московский некрополь. СПб.: М.М. Стасюлевич, 1907. Т. 1. С. 325).

кву во время наполеоновских войн. Она вышла замуж за Дмитрия Юрьевича в 1863 г. и имела от него четырех сыновей: Юрия (1872–1943), Бориса (1873–1874), Николая (1874–1962) и Василия (1876–1943), и одну дочь, Наталью (1886–1975)¹⁴. Миллиоти считал мать «эгоистичной» и впоследствии написал: «Я унаследовал от моей матери определенную высокопарность и, может быть, жестокость. Она была великолепное существо, но часто преследуемое ревностью (по отношению к Наташе и ее мужу) и подозрениями относительно меня»¹⁵.

Семья Миллиоти была в свойстве с Коршами. Миллиоти вспоминает: «Мой дед <т.е. муж сестры бабушки> со стороны матери, Евгений Корш, отец академика Федора Корша, знаменитого лингвиста, был великий остроумец»¹⁶.

Миллиоти получил начальное образование в Москве: до третьего класса учился в третьей гимназии, затем перешел в реальное училище Воскресенского, которое окончил с золотой медалью¹⁷.

В 1893 г. девятнадцатилетний художник влюбился в М.С. Якунчикову, художницу и двоюродную сестру художника В.Д. Поленова, и часто ездил в имение Якунчиковых Морево со своим младшим братом Василием. Но она к тому

¹⁴ Наталья Дмитриевна Миллиоти (1886–1975) с 1912 г. проживала в Берлине, выйдя замуж за Пауля Шеффеля (1890–1981), немца, выросшего в Одессе. С августа 1921 г. до середины 1923 г. Миллиоти жил с сестрой и зятем под Берлином по адресу: Waidmannstraße bei Berlin, а затем в самом Берлине по адресу: Hubertusstraße, 15. Шеффель был приглашен в качестве инженера в Америку, куда прибыл из Гамбурга 17 апреля 1923 г. на корабле «S.S. Reliance», проживал сперва в г. Моррестаун (шт. Нью-Джерси), а впоследствии в шт. Пенсильвания под Питсбургом, где работал в компании «Юнайтед Стейтс Стил». Они с женой переселились в городок Irwin, где купили 29 сентября 1929 г. большой участок земли (Lincoln Highway, North Huntington Township, Westmoreland County); жили там до ее смерти (Obituary. Paul Scheffel, 91, retired here // News-Herald (Franklin, PA). 1981. 23 May. P. 20). В 1921 г. в Берлине у Шеффелей родился сын Юрий (Arno George Scheffel), учившийся в школе в Эрзуине, а потом в Технологическом институте в Питсбурге (ныне Университет Карнеги-Меллон). Он стал инженером электроники, работал много лет в Чикаго, а теперь проживает в г. Редондо-Бич (шт. Калифорния). Когда Пауль Шеффель эмигрировал в 1923 г., Наталья Миллиоти с сыном остались в Германии, где в Мюнхене продолжала жить ее мать – Н.В. Миллиоти. Миллиоти с сыном прибыли в Америку 21 апреля 1926 г. и больше в Европу не возвращались. Осенью 1942 г. к Шеффелям приехал жить и учиться сын Миллиоти и Ю.Л. Сазоновой, Дмитрий Петрович Сазонов, окончивший в Эрзуине среднюю школу весной 1943 г. Миллиоти оставила сыну воспоминания о детстве в России, написанные на английском языке предположительно в конце 1940-х – начале 1950-х гг. (Собрание Арно Жорж Шеффель, шт. Калифорния).

¹⁵ Письмо к Магде Валлака от 4 июня 1952 г. (РГАЛИ. Ф. 803. Оп. 2. Д. № 7. Л. 15. Оригинал на фр. языке).

¹⁶ *Богданов А.И.* Федор Евгеньевич Корш / Под ред. З.Б. Мухамедовой. Ашхабад: Ылым, 1982. С. 74. Далее Богданов пишет: «Миллиоти породнились с семьей Коршей через упоминавшуюся нами выше Юлию Карловну, сестру жены Евгения Федоровича. Одна из дочерей Юлии Карловны вышла замуж за Дмитрия Юрьевича Миллиоти. <...> Дети Коршей и Миллиоти бывали друг у друга в гостях по праздничным и примечательным дням, обменивались письмами и фотографиями» (Там же). (Автор биографии был внуком Е.Ф. Корша.)

¹⁷ Письмо Н.Д. Миллиоти к П.И. Лебедеву от 12 июля 1960 г. (Государственная Третьяковская галерея. Рукописный отдел. Ф. 80 (Фонд В.Д. Миллиоти). Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 1).

времени уже завела отношения с французским врачом, который впоследствии и стал ее мужем. На любовные чувства молодого Миллиоти она не откликнулась. Много лет спустя, уже в эмиграции, он посетил ее могилу в Швейцарии.

В 1894 г. Миллиоти поступил в московское Училище живописи, ваяния и зодчества¹⁸. Вскоре установились дружеские отношения между учениками училища и молодыми художниками-москвичами, членами кружка П. Кузнецова, в том числе Н.Н. Сапуновым и Н.П. Феофилактовым, портреты которых Миллиоти позднее написал. Эти дружеские отношения легли в основу художественного объединения «Голубая роза». Потом Миллиоти усовершенствовал свои навыки живописца в парижской академии Р. Жюльена у Ж.-П. Лоранса и Б. Констана, а впоследствии стал учеником американца Д. Уистлера.

В 1898 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где курс обучения не окончил¹⁹. В университете его любимым профессором был В.О. Ключевский.

12 мая 1902 г. умер отец художника Дмитрий Юрьевич Миллиоти. Он был похоронен в Москве на кладбище Новодевичьего монастыря²⁰.

В 1903 г. Миллиоти дебютировал в качестве художественного критика в издании своего друга Александра Бенуа «Художественные сокровища России»²¹. Впоследствии он время от времени выступал в печати в качестве художественного критика или историка искусства²².

С 1904 по 1910 г. Миллиоти был членом «Союза русских художников» и ежегодно выставлялся на его выставках²³. В 1910 г. вместе с другими мирискусниками Добужинским и Бенуа он демонстративно вышел из состава Союза.

В 1905 г. Сергей Дягилев зашел к Миллиоти на Большую Никитскую в Москве с приглашением принять участие в запланированной им большой выставке²⁴. В марте 1906 г. Дягилев организовал в Петербурге выставку «Мир

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 2. Ед. хр. 1323.

¹⁹ Владимир Круглов ошибочно утверждает, что Миллиоти «окончил Сорбоннский университет», где он вообще не учился (Символизм в России. СПб: Palace Edition, 1996. С. 447).

²⁰ *Николай Михайлович, вел. кн. Московский некрополь*. Т. 1. С. 261.

²¹ Серия статей появилась под слегка замаскированным псевдонимом Н. Спидиоти: Фарфор на Исторической выставке предметов искусства в С.-Петербурге; Новые художественные произведения Императорских фарфорового и стеклянного заводов; Терракота, майолика и фаянс на Исторической выставке предметов искусства в С.-Петербурге // Художественные сокровища России. СПб., 1904. Т. IV. № 6/8. С. 109–138; 175–184; 211–217. См. адресованное Александру Бенуа письмо Миллиоти от 13 марта 1903 г., в котором идет речь об этих статьях (ГРМ. Ф. 137. Ед. хр. 1220. Л. 2–3).

²² Москва о <Всероссийском> Съезде <художников>: Миллиоти // Против течения. 1911. 24 декабря. № 15 (39). С. 2; Памяти Н.Н. Сапунова: Беседа с Миллиоти // Голос Москвы. 1912. 17 июля; Художники о реформе И.Э. Грабаря: Милиоти // Утро России. 1913. 13 сентября. № 212; Несколько мыслей по поводу выставки А.Е. Яковлева // Числа. 1930. № 4. С. 192–196; Анкета о живописи. II // Числа. 1931. № 5. С. 290–291; Allocution de M. Nicolas Millioti // «In memoriam» Dmitry Merejkovsky, 1865–1941. [Paris], 1945 (без пагинации); Письмо Миллиоти // Русские новости. 1954. 7 мая. № 466. С. 6; И. Пуни // Русские новости. 1957. 4 января. С. 5.

²³ *Лапшин В.П.* Союз русских художников. Л.: Художник РСФСР, 1974. С. 258.

²⁴ *Антонов В.* Русские художники во Франции: Миллиоти // Русские новости. 1954. 23 апреля. № 464. С. 7–8.

искусства», в которой участвовали молодые московские живописцы из кружка Кузнецова — эмоционалисты, будущие «голуборозцы». В их числе был Миллиоти; выставленные им работы были приобретены Михаилом Морозовым и Михаилом Боткиным²⁵. В том же году Дягилев организовал русскую выставку на Осеннем салоне в Париже с тем же примерно составом участников. Здесь две из девяти работ Миллиоти были приобретены известными французскими коллекционерами Гаранже и Сенсером (одна из этих картин, «Галантное празднество», была недавно продана на аукционе за 204 650 фунтов стерлингов²⁶).

В 1907 г. Николай Рябушинский организовал группу «Голубая роза» и стал пайщиком ее литературно-художественного органа — журнала «Золотое руно»²⁷. Обложка журнала была создана совместно П. Кузнецовым и Н. Миллиоти. Младший брат Миллиоти Василий был редактором художественной части журнала²⁸; оба брата участвовали в открывшейся 18 марта выставке группы. О близких отношениях Миллиоти с художником-«голуборозцем» Сергеем Судейкиным свидетельствуют частые упоминания их в дневнике М.А. Кузмина в записях за 1910–1911 гг.²⁹ В 1907 г. Миллиоти был свидетелем на свадьбе Судейкина и Ольги Глебовой, актрисы и художницы, ставшей другом Миллиоти на всю жизнь, впоследствии позировавшей ему для портрета³⁰.

Дневники и письма Миллиоти изобилуют ссылками на поэтов Серебряного века, которых он лично знал и читал: Блока, Белого, Бальмонта, Соллогуба. В эмиграции Миллиоти иллюстрировал том стихотворений Блока³¹ и написал карандашный портрет Белого. «Голуборозцы» интересовались проблемой соответствий между живописью и музыкой и пытались найти ее решение в своем искусстве. Искусство Миллиоти также часто признается музыкальным. В отличие от своих петербургских соратников московское содружество не задавалось реформаторскими целями: «Они ощущали себя

²⁵ Картины «Ce fut un matin d'automne rose» и «Fleurs du mal». См.: *Bowl J.E.* The Silver Age: Russian Art of the Early Twentieth Century and the «World of Art» Group. Newtonville, MA: Oriental Research Partners, 1981. P. 107.

²⁶ Russian Pictures. L.: Sotheby's, 20 November 2002. P. 54. Цена указана на отдельном листе, датированном 20 ноября 2002 г. Эта самая высокая цена, за которую когда-либо была продана работа Миллиоти.

²⁷ О группе «Голубая роза» см.: *Bowl J.E.* Russian Symbolism and the «Blue Rose» Movement // *The Slavonic and East European Review*. 1975. Vol. 51. № 123. P. 161–181; *Bowl J.E.* The Blue Rose: Russian Symbolism in Art // *Burlington Magazine*. 1976. P. 566–575; *Дудаков В.* Мастера «Голубой розы» // *Наше наследие*. 1989. № 3 (9). С. 136–143; *Думова Н.Г.* Николай Рябушинский: «Золотое руно» и «Голубая роза» // *Кентавр*. 1992. № 1–2. С. 83–95; *Гофман И.* Голубая Роза. М.: Пинакотекa, 2000.

²⁸ См.: *Миллиоти В.Д.* О приемах художественной критики // *Золотое руно*. 1907. № 5. С. 76–77.

²⁹ *Кузмин М.* Дневник 1908–1915 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Иван Лимбах, 2005. С. 219, 223–227, 229, 243, 319.

³⁰ *Moch-Bickert E.* Olga Glebova-Soudeikina: Amie et inspiratrice des poètes. [Lille]: Université de Lille III, 1972. P. 46. Ольга Глебова была одноклассницей Ю.Л. Сазоновой в Императорском театральном училище в 1903–1905 гг.; они часто выступали вместе на сцене.

³¹ *Блок А.* Собрание сочинений: В 9 т. Т. 1: Стихотворения. Берлин: Слово, 1922.

находящимися не вне, а внутри современного им художественного движения 1900-х годов». В формировании эстетической платформы они уступали место поэтам-символистам, считая теорию «безусловной прерогативой» литераторов³².

В творчестве и теории русских — как и европейских — символистов огромное место уделялось мифологии и мифотворчеству. Модернистские суждения о мифологии в искусстве оказали воздействие и на эстетику молодого московского художника. В его станковых работах много мифологических сюжетов — «Леда», «Рождение Венеры» и т.д. Неслучайно, что Венера, богиня красоты, была одной из главных тем Миллиоти, большого ценителя женской красоты. Он создал десятки версий этого сюжета. В 1913 г. Миллиоти иллюстрировал книгу эротических стихов Владимира Эльснера³³.

В том же 1907 г. Миллиоти стал членом-учредителем московского «Общества свободной эстетики», организованного при участии В.О. и Г.Л. Гиршманов по образцу одноименного бельгийского художественного объединения «La Libre Esthétique». Гиршманы на всю жизнь остались его близкими друзьями: позже Миллиоти написал портрет Генриетты Гиршман и три года подряд (1929–1931) устраивал персональные выставки в парижской галерее Владимира Гиршмана³⁴.

Художественное объединение «La Libre Esthétique» было создано в 1894 г. в Брюсселе адвокатом и искусствоведем Октавом Маусом (1856–1919) и просуществовало до 1914 г. Оно сменило основанное в 1883 г. общество «Les XX», секретарем которого в 1884 г. был избран Маус. В обществе «Les XX» участвовал один из учителей Миллиоти, американский художник Джеймс Уистлер. Октав Маус также являлся одним из редакторов брюссельского художественного журнала «L'Art Moderne». В исследовании о нем, написанном его вдовой Madeleine, упоминается Миллиоти (наряду с Игорем Грабарем) как один из первых российских художников — участников выставок объединения «Свободная эстетика»³⁵. На четвертой выставке, проведенной в Брюсселе с 3 марта по 3 апреля 1907 г., были выставлены шесть картин Миллиоти. Среди обширных от-

³² Стернин Г.Ю. Художественная жизнь России 1900–1910-х годов. М.: Искусство, 1988. С. 89.

³³ Эльснер В. Пурпур Киферы: Эротика. М.: Альциона, 1913.

³⁴ Генриетта Леопольдовна Гиршман (урожд. Леон; 1885–1970) — художник, меценат, жена фабриканта, коллекционера В.О. Гиршмана (1867–1936). Известная красавица, Г.Л. Гиршман служила моделью для многих художников круга «Мир искусства», в том числе М.В. Добужинского, К.А. Сомова и Миллиоти. Чета Гиршманов жила в эмиграции в Париже с 1923 г. Впоследствии Г.Л. Гиршман работала в школе для эмигрантских детей в Квинси, уехала из Франции в Нью-Йорк в 1941 г. В Америке проживала в пригороде Бостона (по адресу: 36, Sumner Road, Brookline, Massachusetts) — см. адресную книжку Ю.Л. Сазоновой-Слонимской, частное собрание, Париж), служила секретаршей дирижера С. Кусевицкого, после войны вернулась в Париж. Похоронена на кладбище Кокад в Ницце. См. о ней: Русская мысль. 1970. 12 марта. № 2781. С. 1.

³⁵ Maus O. Trente ans de lutte pour l'art 1884–1919. Les XX. La Libre Esthétique. 1884–1914. Bruxelles: Librairie l'Oiseau bleu, 1926 (сведения приводятся по 2-му изд.: Bruxelles: Éditions Lebeer Hossmann, 1980. P. 365).

кликов на эту выставку можно выделить впечатления известного критика Камиля Лемонье, написавшего: «Миллиоти приводит нас к оригинальному понятию полотна: его картины, мягкие, неясные, мистические, кажутся сотканными из шелковых ниток на узоре выкрашенных вышивок»³⁶.

В 1908 г. состоялась персональная выставка Миллиоти в Брюсселе. Миллиоти впоследствии вспоминал, что Октав Маус «высоко ценил меня и устроил мне в Брюсселе отд<ельную> выставку»³⁷.

В 1910 г. Миллиоти участвовал в Универсальной международной выставке в Брюсселе же и представил на ней три работы: «Rosa mystica», «Доисторический пейзаж», «Ноктюрн»³⁸. На этой выставке жюри присудило золотую медаль Баксту, серебряную Рериху и две бронзовые — Остроумовой и Миллиоти. Миллиоти вспоминает: «<...> участники жюри говорили мне после, что мне *не хватило одного голоса для серебряной медали*»³⁹.

Незадолго до начала Первой мировой войны Миллиоти женился на Елене Дмитриевне Благой (1883–1970). До женитьбы она вместе с братом Юрием⁴⁰ управляла меблированными комнатами под названием «Северный полюс», находившимися на Большой Никитской улице напротив консерватории⁴¹. Их первый сын Андрей умер в детстве (1913 г.), а в 1915 г. родился Павел (ум. 1989) и два года спустя — Юрий (ум. 1989). Прощаясь с ней в последний раз, Миллиоти пообещал своей «дорогой и бедной жене», что «пока она будет жить», он «не даст свою фамилию другой женщине»⁴².

В августе 1914 г. Миллиоти поступил прапорщиком в 12-ю Сибирскую артиллерийскую бригаду⁴³, воевал в Галиции (в Карпатах) в качестве адью-

³⁶ Le Soir (Брюссель). 1907. 6 марта. (В собрании вырезок в Musées goyaux des Beaux-Arts de Belgique (Брюссель) хранятся и другие отклики на выставленные Миллиоти работы в следующих бельгийских газетах: La Chronique. 1907. 3 марта; La revue funambulesque. 1907. Апрель; L'Emulation. 1907. 15 апреля; La Terre. 1907. 24–31 марта; Het Vlaamsche gazet. 1907. 2 марта; Le Petit Messenger Belge. 1907. 24 марта; Le Samedi. 1907. 30 марта; De Distel. 1907 (апрель).

³⁷ Письмо к А.П. Остроумовой-Лебедевой от 20 июня 1949 г. (РНБ. Ф. 1015. № 731. Л. 5об.). (Эта персональная выставка ошибочно датируется 1910 г. в изд.: *Гофман И. Голубая Роза*. М.: Пинакотека, 2000. С. 265–266.)

³⁸ См. каталог выставки: Exposition Universelle et Internationale de Bruxelles, 1910. Groupe II: Œuvres d'Art Modernes. Catalogue Général. P. 245.

³⁹ Письмо Миллиоти к А.П. Остроумовой-Лебедевой от 20 июня 1949 г. (РНБ. Ф. 1015. № 731. Л. 5).

⁴⁰ Эмигрировав в Америку, брат Елены Дмитриевны Юрий Благой (Blagoi George; 1895–1971) стал актером немого кино, а потом трюковым актером в Голливуде. Юрий Благой снимался, среди прочих, в немом фильме «Четыре сына» (1928; режиссер Джон Форд). См.: New York Times Encyclopedia of Film. 1929–1936 / Edited by G. Brown. New York: Times Books, 1984. Vol. 2. (Без пагин.); *Connelly R. The Motion Picture Guide: Silent Film, 1910–1936*. New York: Cinebooks, 1986. P. 88.

⁴¹ Набрасывая в 1941 г. «Скелет моей внешней жизни» (ЕЮМ), Миллиоти связывает Лелю (т.е. Е.Д. Благою) и «Северный полюс» с 1905 г. Возможно, что в этом году началась их дружба.

⁴² Письмо к Магде Валлака от 20 июля 1953 г. (РГАЛИ. Ф. 803. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 57об.).

⁴³ Альбом Миллиоти с его воспоминаниями и рисунками (РГБ. Ф. 494. Карт. 1. Ед. хр. 4. Л. 22).

танта генерала Радко Димитриева⁴⁴, представившего художника к награждению золотым оружием. Позже Миллиоти служил личным адъютантом великого князя Георгия Михайловича⁴⁵. В «Письмах прапорщика-артиллериста» Федор Степун иронизировал над Миллиоти, называя его там «парижско-московским художником М.»⁴⁶. Много лет спустя Миллиоти в письме Степуну выказал недовольство за эту и другие печатные обиды⁴⁷. Во время войны Миллиоти был дважды контужен и, выздоравливая во Львове, написал портрет петербургского коллекционера полковника С. П. Крачковского и эскизы окрестного пейзажа⁴⁸.

Весной 1917 г. Миллиоти был освобожден от воинской повинности и поехал лечиться в Крым (в Евпаторию). Вернувшись после Октябрьского переворота в Петроград, он обратился к А. Н. Бенуа с просьбой, чтобы тот ходатайствовал перед А. В. Луначарским о вручении ему охранной грамоты для свободного переезда в Крым. Миллиоти поехал сначала на Кавказ; оттуда перебрался в Крым, где провел 1918–1920 гг., был председателем комиссии по охране художественных ценностей Крыма⁴⁹, участвовал в организованной С. К. Маковским⁵⁰ выставке «Искусство в Крыму» (октябрь 1918 г.) и устроил персональную выставку в Ялте (1920).

В Ялте у Миллиоти вспыхнул роман с Ю. Л. Сазоновой-Слонимской. Осенью 1920 г. он навсегда покинул Россию, выехав в Константинополь на американском эсминце «Overton» под командой адмирала McKully.

⁴⁴ Димитриев Радко Димитров (1859–1918) – болгарин, русофил, генерал-майор генерального штаба Болгарской армии (1904–1907), генерал-лейтенант и помощник главнокомандующего Болгарской армии (1913), поступил в Русскую армию 1 августа 1914 г., объявлен болгарской армией дезертиром, с 1915 г. командир 12-й армии. Расстрелян большевиками в Эссентуках вместе с 100 генералами и офицерами. Похоронен в церкви г. Пятигорска. См. о нем: *Ташев Т., Недев С.* Върховното ръководство и висшето командване на българската Армия (1879–1999): Енциклопедичен справочник. София: Университетско издателство «Св. Климент Орхидски», 2000. С. 315–318. См. также: *Дренски И.* Генерал Радко Димитриев: Биографичен очерк. София: Державно военно издателство, 1962.

⁴⁵ Георгий Михайлович (1863–1919) – вел. кн., 3-й сын вел. кн. Михаила Николаевича и вел. кн. Ольги Федоровны, нумизмат, шеф 3-й батареи лейб-гвардейской артиллерийской бригады и 81-го пехотного Апшеронского полка, с 1909 г. генерал-лейтенант и генерал-адъютант императора Николая II, автор трудов о царских монетах, с 1895 г. управляющий Русским музеем Александра III. Расстрелян в Петропавловской крепости; точное место захоронения неизвестно.

⁴⁶ Впервые опубликованный в «Северных записках» в 1916 г. под псевдонимом «Н. Лугин» роман Степуна цит. здесь по изд.: *Степун Ф. А. (Лугин Н.)* Из писем прапорщика-артиллериста. Томск: Володей, 2000. С. 21.

⁴⁷ Письмо Миллиоти к Ф. А. Степуну от 5 февраля 1951 г. (Fedor Stepun Papers. MSS 172. Box 22. Folder 778. Weinecke).

⁴⁸ См.: *Л.* Наши художники // *День*. 1915. 14 июля. № 191. С. 5. Об отношениях Миллиоти со Степаном Петровичем Крачковским (1866–1916) см. их переписку 1915 г. (РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 2821. Л. 1–5).

⁴⁹ *Маковский С.* На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен: Изд-во Центрального Объединения Политических Эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1962. С. 358.

⁵⁰ С Сергеем Константиновичем Маковским (1877–1962) Миллиоти был знаком еще по Петербургу, до революции они состояли в переписке. В 1909 г. Миллиоти участвовал в организованной С. К. Маковским выставке «Салон» в Петербурге.

Проведя в Константинополе несколько месяцев, Миллиоти переехал в Софию⁵¹, где болгарский художник Денев⁵² предложил ему студию, которую посетил царь Борис III. На устроенной Миллиоти в Софии выставке было продемонстрировано очередное обращение художника к излюбленной теме «Рождение Венеры»⁵³, а также выставлено много картин, впоследствии оказавшихся в Америке и во Франции. Одна из картин под названием «Поцелуй»⁵⁴ была приобретена для городского музея⁵⁵. В Софии 30 мая 1921 г. родился сын Миллиоти и Ю.Л. Сазоновой Дмитрий Петрович Сазонов.

В августе 1921 г. Миллиоти переехал к сестре в Берлин, где работал в студии на Савиньиплатц и участвовал в берлинской выставке русского искусства (1922)⁵⁶. В Берлине 29 ноября 1921 г. Миллиоти стал действительным членом Дома искусств и был избран в состав Совета⁵⁷. (Как уже сказано, в дневнике художник написал карандашный портрет второго председателя Дома искусств, Андрея Белого.) Здесь же, в Берлине, он написал большой портрет Марины Цветаевой⁵⁸. Из Берлина Миллиоти приезжал в Сен-Блазиен, где тогда жила Ю.Л. Сазонова, и в Мюнстер.

С апреля по ноябрь 1923 г. Миллиоти жил в Италии, обосновавшись на берегу Средиземного моря в Сан-Ремо, где неподалеку поселилась Сазонова с сыном (вместе с ними жила и хворающая Л.А. Недоброво)⁵⁹. К этому времени

⁵¹ После разлуки в Константинополе Миллиоти и Сазонова вновь встретились в Софии, где, как всегда, жили порознь, лишь встречаясь друг с другом.

⁵² Денев Борис (1883–1969) – выпускник Мюнхенской академии, автор пейзажей, член обществ «Современное искусство», «Родно искусство». См. о нем: Sofia — Europe: Bulgarian Painting (1900–1950) in the Context of European Art. Sofia: National Art Gallery, 1999. P. 84.

⁵³ См.: *Скитник С.* Изложбы // Златорог. 1921. № 3. С. 158–159. Друг Ю.Л. Сазоновой и крестный отец Д.П. Сазонова известный византолог Андрей Грабарь был сотрудником журнала «Златорог», в котором Сазонова опубликовала много статей и рецензий.

⁵⁴ На картине изображена пара целующихся любовников, сидящих на скамейке в парке среди деревьев при свете луны. В инвентарной книге музея название дано по-болгарски «Целубка» и указан старый инвентарный номер № 133. Карт. м., 94 x 70. Новый инвентарный номер – 466. Подпись Миллиоти – в нижнем левом углу, дата 1926 ошибочная, должно быть: 1920.

⁵⁵ О музее см.: Водач за Народния музей в София. София: Державна печатница, 1923. Впоследствии Народный музей распался, и картина перешла в собрание «Галереи для чуждестранного искусства» (Музея иностранного искусства), открытой в 1985 г.

⁵⁶ Russische Kunst Ausstellung. Galerie van Diemen. Berlin, 1922. S. 26. Была показана одна работа Миллиоти, «Композиция» (№ 426 в каталоге выставки). Подробнее о выставке см.: Диаспора. Вып. 7. С. 553–570.

⁵⁷ Дом искусств в Берлине // Бюллетени Дома искусств. Берлин, 1922. 17 февраля. С. 21–24. См. также: *Burchard A.* Klubs der russischen Dichter in Berlin. 1920–1941. Institutionen des literarischen Lebens im Exil. München: Verlag Otto Sagner in Kommission, 2001. S. 75. (Arbeiten und Texte zur Slavistik; 69).

⁵⁸ Марина Цветаева: Фотолетопись жизни поэта / Сост. А. Саакянц и Л. Мнухин. М.: Эллис Лак, 2000. С. 127.

⁵⁹ С 1919 по 1924 г. Сазонова и Недоброво жили вместе. Л.А. Недоброво нуждалась в помощи Сазоновой, которая ухаживала за больной туберкулезом вдовой русского поэта. Сазонова, в свою очередь, нуждалась в финансовой помощи, которую Недоброво оказывали Чарльз Крейн и Томас Уитмор (на получаемые от них чеки обе женщины существовали вплоть до смерти Любви Александровны в феврале 1924 г.).

относятся его картины «Красная Венера» (впоследствии оказавшаяся в Америке), «Нападение в горах» и «Процессия» (выставленная в Париже в 1929 г.). В мае 1923 г. он совершил путешествие по Италии в Падую, Венецию, Виченцу, Сиену и Флоренцию. В ноябре 1923 г. Миллиоти переехал в Париж, где поначалу остановился в гостинице «Кребийон» напротив театра «Одеон».

В 1924 г. Дмитрий Дубасов организовал в Филадельфии выставку русского искусства, на которой были показаны десять работ Миллиоти⁶⁰. Анонимный художественный критик филадельфийской газеты охарактеризовал работы Миллиоти как «призматические», «радугopodobные» полотна, полные «гармонии цветов». В «мягких тонах» и «деликатном очертании линий» сказывалось, по мнению рецензента, влияние учителя Миллиоти Джеймса Уистлера. На выставке также были показаны работы Ф. Захарова, А. Степанова, Б. Кустодиева⁶¹.

В 1924 г. Миллиоти позировали приехавшие во Францию из Америки миллионерша Бланш Рейнольдс и ее сын Морган Эйерс Рейнольдс⁶². В 1925 г. по приглашению Бланш Рейнольдс Миллиоти ездил в Америку, где гостил у Рейнольдсов в г. Шарлоте (шт. Северная Каролина). Миллиоти прибыл в Америку 24 марта и уехал 16 июля 1925 г. Пробыв неделю в Нью-Йорке, который ему не понравился, он отправился поездом в Северную Каролину и приехал в Шарлот 3 апреля. 4 июня 1925 г. в доме Рейнольдсов состоялась выставка семи портретов, написанных Миллиоти во время его пребывания в Шарлоте⁶³. Вскоре после этого Миллиоти уехал из Шарлота в г. Хендерсон, где у Рейнольдсов было имение Pine Brook Farm. Его внезапное исчезновение из Шарлота было вызвано личной драмой. К этому времени муж Бланш Рейнольдс уже болел и умер вскоре после отъезда Миллиоти.

⁶⁰ Выставка открылась 12 мая 1924 г. в галерее Дубасова по адресу: 212 South, Seventeenth Street. См. о ней: Here and There // Public Ledger (Philadelphia). 1924. 11 May; см. также: Public Ledger. 1924. 18 May; 25 May; 1 June. См. также: *Грaбарь И.* Письма: 1917–1941. М.: Наука, 1977. С. 142–143.

⁶¹ Russian Art // Public Ledger. 1924. 18 May. P. 14.

⁶² Так как Миллиоти проживал в это время в бывшем дворце Шатобриана в Вале-о-Лу (Vallée aux Loups), возможно, что американцы позировали ему именно там. Сохранился портрет Моргана Рейнольдса (х., м., 75 x 86; собрание Розали Уэд Рейнольдс, Шарлот, шт. Северная Каролина). Портрет Бланш Рейнольдс не сохранился и, скорее всего, был уничтожен Б. Рейнольдс.

⁶³ *Abernathy M.* Prominent Charlotteans Sit for Russian Artist // Charlotte Sunday Observer. 1925. Section 3. 7 June. P. 1. Выставлены были портреты: Mrs. Carol D. Taliaferro, Mrs. John D. Morehead (два варианта), Mrs. Ralph Van Landingham, Mr. and Mrs. Howard M. Wade, Miss Grace Robinson. Из них сохранились только портреты Ван Ландингем и Робинсон (частные собрания в Северной Каролине и в Коннектикуте). За портреты Ван Ландингем и Робинсон Миллиоти заплатили гонорар в размере 1000 франков (платили в долларах, но в своем дневнике Миллиоти зафиксировал только эквивалент во французской валюте (Дневник № 19 за 1926–1927 гг. — ЕЮМ). Написанный во время пребывания Миллиоти в Северной Каролине портрет мужа Бланш Рейнольдс Уильяма Эйерса Рейнольдса на выставке не был показан (х., м., 75 x 86; собрание Розали Уэд Рейнольдс, Шарлот, шт. Северная Каролина). «Портреты членов семьи Рокфеллера», упоминаемые К.В. Махровым (*Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я.* Художники русского зарубежья. 1917–1939: Биографический словарь. СПб.: Нотабене, 1999. С. 425), Миллиоти никогда не писал.

Согласно Миллиоти, Бланш Рейнольдс «была влюблена» в русского художника и «ждала только одно слово»⁶⁴. Однако тот завел легкомысленный роман с негритянкой, служившей у Рейнольдсов горничной, и написал ее портрет в полуобнаженном виде⁶⁵. Это вызвало приступ ревности у хозяйки и привело к его изгнанию из Pine Brook Farm. Скандал произошел в начале июня. 6 июня Миллиоти уехал из Шарлота сначала в Билтмор Парк, имение Вандербильтов, где сделал следующую запись в дневнике: «Сейчас после разговора с маленькой, замечательной, но жуткой холодом своей мысли, неумолимостью своих взглядов, слезами в ледяных глазах от внезапных чувств женщиной понял громадную тревогу и драму, которые я внес в жизнь маленького провинциального города, в личную жизнь нескольких людей только из-за своей гордыни, из-за своего легкомыслия, которое для них не может быть приемлемым и всегда преступно»⁶⁶. Год спустя художник вспоминал: «На самом деле кончаются деньги, смешная и трагическая гибель моей американской карьеры, как и нормально для меня, из-за женщины. Из-за влюбленности Mrs. Reynolds, из-за скандала с молоденькой негритянкой, лицемерного, комического, но закрывающего мне рот как джентльмену»⁶⁷. Из Америки Миллиоти уехал 16 июля 1925 г. на корабле «Питсбург» и приплыл в Шербур 24 июля.

Поездка в Америку была выгодной в финансовом отношении, хотя теперь трудно установить, какую именно сумму художник получил за свои работы. Мать Сазоновой Фаина Слонимская пишет, что Миллиоти «привез из Америки 150 000 франков»⁶⁸ и что он собирался вернуться в Америку в ноябре 1925 г., «где у него заказы на 16 000 долларов»⁶⁹. Сам Миллиоти составил список восьми портретов на общую сумму 12 500 долларов, но включил в список как уже выполненные, так и еще не выполненные заказы (которые никогда не осуществились). Подвела итоги американского опыта художника Фаина Слонимская: «“Он” ни за что не хочет вернуться в Америку, где у него блестящий заработок у всех миллиардерш, но он не переносит американских обычаев и еды и все время хворал»⁷⁰.

После возвращения из Америки Миллиоти переселился в студию напротив построенной по плану архитектора Лемерсье в 1635 г. церкви Сорбонны, где жил до конца жизни: 3 bis, Place de la Sorbonne. Известная студия находилась на пятом (верхнем) этаже бывшего дома французского писателя-эллиниста Луи Менара. Здесь в середине XIX в. курили гашиш и читали стихи Шарль Бодлер (близкий друг и одноклассник Менара по лицее Людовика Великого (Lycée Louis Le Grand)), Теофиль де Банвиль, Леконт де Лиль и др. Квартира состояла из двух

⁶⁴ Письмо к Магде Валлака от 20 июля 1950 г. (РГАЛИ. Ф. 803. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 58).

⁶⁵ Собрание Ренэ Герра, Париж.

⁶⁶ Дневник № 18 за 1925–1926 гг. (ЕЮМ — запись за 8 июня 1925 г.).

⁶⁷ Там же (запись за 4 марта 1926 г.).

⁶⁸ Письмо Ф.А. Слонимской к А.Л. Слонимскому от 10 апреля 1926 г. (РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 213. Л. 7об.).

⁶⁹ Письмо Ф.А. Слонимской к А.Л. Слонимскому от 17 августа 1925 г. (РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 69).

⁷⁰ Письмо Ф.А. Слонимской к А.Л. Слонимскому от 1926 г. (РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 213. Л. 79).

комнат и темного кабинета в углу, с балконом, выходящим на площадь Сорбонны⁷¹. Здесь позировала Миллиоти вся парижская культурная элита.

В сентябре—октябре 1925 г.⁷² Миллиоти лечился в Висбадене в санатории профессора Детермана⁷³, куда он вернулся в 1928 г.

В 1924—1926 гг. Миллиоти впервые проявил свой талант как театральный декоратор в основанном в Париже Ю.Л. Сазоновой «Théâtre des petits hommes de bois»⁷⁴. Сначала Сазонова думала возобновить петербургскую постановку 1916 г. пьесы Алара и Ван дер Бека «Силы любви и волшебства», но пересылка всех кукол из Петрограда во Францию оказалась невозможной. Шла переписка о постановке пьесы неизвестного автора XV в. «Адвокат Пателен» в переводе Поликсены Соловьевой (Allegro) и с декорациями Мстислава Добужинского, но к этому времени эскизы Добужинского уже были проданы⁷⁵, а сами куклы исчезли. Миллиоти обратился к Добужинскому с предложением совместной работы над спектаклем, но из этого ничего не вышло. В конце концов Миллиоти сам оформил для театра марионеток не только дивертисментную оперу Перголези «Ливизетта и Траколло», но и марионеточный оркестр для пролога и антракта и не показанную публике постановку пьесы Лесажа «Принцесса Карим». Эти работы стали его дебютом как театрального художника. В 1926 г. вместе с труппой театра он совершил турне по Голландии, где театр выступил в Гааге и в Роттердаме. Художник вернулся к работе над театральными декорациями в 1930 г., когда оформил два спектакля для детского театра, состоявшиеся в середине июня в Париже в театре «Эдуард VII».

К 1927 г. относится начало кратковременного романа Миллиоти с М.С. Муромцевой-Брюан (подробнее см. вступ. ст. к наст. публ.), в ходе кото-

⁷¹ Подробнее см.: *Peyre H. Louis Ménard (1822–1901)*. New Haven, CT: Yale University Press, 1932. P. 22–24.

⁷² 30 августа 1925 г. Миллиоти записал в дневнике: «Из Германии я уеду в Италию» (Дневник № 18 за 1925–1926 гг. — ЕЮМ), а 24 октября 1925 г. уехал из Парижа в Берлин к сестре Наталье Шеффель. Можно предположить, что первый курс лечения в санатории Детермана Миллиоти прошел между 30 августа и 24 октября 1925 г.

⁷³ Санаторий Детермана для лечения внутренних и нервных болезней (Sanatorium für innere und Nerven-Leiden) был основан в Висбадене (Германия) 25 марта 1925 г. профессором (с 1910 г.) Германом Августом Детерманом (1865–1935?), окончившим Берлинский университет в 1888 г., автором многих исследований по невропатологии (подробнее см. изд.: *Fischer J. Biographisches Lexikon der hervorragenden Ärzte der letzten 50 Jahre* (Wien, 1932). Bd. I. S. 310–311). Жену основателя санатория, Л.В. Детерман (урожд. Живаго), хорошо знала по Москве мать Н.В. Миллиоти. В 1935 г., возможно в связи со смертью Детермана, управление санаторием перешло в другие руки, и он был переименован в Sanatorium Hufeland (Inhaber: Dr. med. Hans Ronge aus Bad Hersfeld). Ежедневная плата за лечение в санатории в 1932 г. — от 11,5 марки. См.: *Das Heilbad Wiesbaden: Verzeichnis der Hotels, Pensionen, Töchterpensionate, Sanatorien, Privatkliniken* (Wiesbaden, 1932).

⁷⁴ Миллиоти и ранее вел переговоры об оформлении спектакля по пьесе пьесы Метерлинка в Городском театре Белграда в мае 1921 г., но в конце концов отказался от этой затеи.

⁷⁵ Согласно неизданным воспоминаниям М.В. Добужинского, отредактированным его сыном Ростиславом, до революции все эскизы купил историк и коллекционер Ф.Ф. Нотгафт (С. 258). (Рукопись воспоминаний хранилась у Р.М. Добужинского, и в 1999 г., незадолго до своей смерти, он любезно позволил ознакомиться с ней автору данной публикации.)

рого он часто навещал ее в Шантийи — городке к северу от Парижа, знаменитом своим средневековым дворцом (некогда принадлежавшим племяннику герцога Бургундского), библиотекой, лесом, парками и скачками, которые проходили здесь ежегодно с 1834 г. под эгидой Общества поощрения скачек и с участием Клуба жокеев («Jockey Club»). С Шантийи связаны несколько самых известных картин Миллиоти, в том числе колоритное полотно «Скачки в Шантийи» («Les Courses à Chantilly») ⁷⁶.

Кроме «Скачек» Миллиоти неоднократно писал пейзажи окрестностей Шантийи (несколько хороших образцов сохранились в его «Дневниках»). Прогулки по лесу Шантийи связаны для него, прежде всего, с его чувствами к М.С. Муромцевой-Брюан. 16 июля 1929 г. Миллиоти пишет в дневнике: «Сегодня приз Jockey Club в Chantilly: ровно год с того дня, как из окон прелестного дома Bruyant в Chantilly я писал огромное грозовое небо, кишаший парадом зеленый луг, переполненные трибуны, украш^{енные} фиалк^{ами}, и скачущих разноцветных жокеев, — свои две пользующиеся таким успехом Скачки. Как хотел бы я вернуться к тем условиям жизни. Какая громадная потеря моя размолвка с М^{арией} С^{ергеевной} Б^{рюан}, какая поэзия есть поездки, цветы, травы, ягоды, вкусные обеды, чудесная музыка, прекрасные вещи, помощь, услужение. Я не могу и не умею сберечь ценное. Я невозможен в повседневной жизни; я властен, тираничен, требую служения, меня любят, устают, убегают от рабства; так было со всеми самыми пышными возможностями жизни — в Америке и тут. Я остаюсь один» ⁷⁷. Вернувшись в Шантийи уже после смерти М.С. Муромцевой-Брюан, Миллиоти вновь записал: «Какая печаль! Я в Шантийи в пустом доме, сияющем вечно. Птицы поют в саду. Небо чудесно. Все то же. Нет только маленькой Мани» ⁷⁸.

С 7 по 19 июня 1927 г. в парижской галерее Гастона Бернхейма-младшего на rue du Faubourg Saint-Honoré была проведена последняя выставка объединения «Мир искусства». В каталоге выставки («Groupe des artistes russes Mir Isskousstva. Exposition») перечислены десять представленных работ Миллиоти (№ 86–95: «Portrait de Mme. F. de S.», «Fête de nuit», «Funérailles», «Léda», «Naissance de Vénus», «Conte persan», «Vision», «Arlequin et Colombine», «Vision», «Une Fête»).

В мае–июне 1928 г. во Дворце изящных искусств в Брюсселе состоялась выставка русского искусства. Миллиоти представил на ней десять работ:

⁷⁶ Картина (х., м., 73 х 60; подписана и датирована 1932 г.) была приобретена французским государством в 1932 г. (ранее принадлежала музею Jeu de Paume, а ныне — собранию Центра Помпиду в Париже, хранится в запасниках в г. Компьене). «Скачки в Шантийи» существуют в нескольких вариантах (один — ЕЮМ). Четыре варианта «Скачек» были показаны на персональной выставке Миллиоти в галерее Владимира Гиришмана с 1 по 15 июня 1929 г. Две картины («Премия “Диан”» и «Премия “Клуба жокеев”») из серии «Скачки в Шантийи» были выставлены на персональной выставке Миллиоти, проведенной в Париже в той же галерее с 30 июня по 15 июля 1931 г. Другой вариант сюжета «Скачки в Шантийи» (1931; 73 х 60) был выставлен на «Ретроспективной выставке русского искусства (18–20 вв.)», проведенной в Праге Славянским исследовательским институтом в 1935 г., а три варианта — на персональной выставке Миллиоти в галерее Шарпантье в Париже с 10 по 24 мая 1938 г.

⁷⁷ Дневник № 2 за 1928 г. (ЕЮМ).

⁷⁸ Дневник № 25 за 1930–1931 гг. (ЕЮМ — запись за 14 июня <1931 г.>).

«Naissance de Vénus», «Fête nocturne», «Bouquet de fleurs», «Portrait de l'artiste», «Le Cygne rouge», эскизы занавеса и декорации к постановке пьесы Лесажа «La Princesse de Carèsmе» <так!> и три эскиза костюмов к этой пьесе⁷⁹.

В сентябре—октябре 1928 г. Миллиоти лечился второй раз в Висбадене в санатории профессора Детермана (подробнее см. письма № 7—11 в настоящей публикации)⁸⁰. В ночь с **20 на 21 октября 1928 г.** в городской больнице в Мюнхене скончалась проживавшая там с 1912 г. мать Миллиоти, Надежда Васильевна (подробнее см. письмо № 12 в наст. публ.)⁸¹.

6 июня 1929 г. в Париже в бывшей мастерской художника Каролюса Дюрана на рю Жюль Шаплэн (№ 11) открылась Русская академия художеств. Председателем и основателем академии была графиня Т.Л. Сухотина-Толстая⁸². Профессорами Академии были И.Я. Билибин⁸³, Б.Д. Григорьев, М.В. Добужинский, К.А. Ко-

⁷⁹ См. каталог выставки: Exposition d'art russe ancien et moderne. Bruxelles: Palais des Beaux-Arts, mai—juin 1928. P. 76. Название пьесы Лесажа указано неверно, но именно так оно значится в каталоге выставки; это, скорее всего, ошибка самого Миллиоти. Неправильное название пьесы встречается во многих каталогах выставок, в которых участвовал Миллиоти, и аукционов, на которых после смерти художника были проданы его картины. На самом деле пьеса французского драматурга Алена-Рене Лесажа (Alain-René Lesage; 1668—1747) называется «La Princesse de Carizme». Пьеса ставилась на закрытых представлениях в 1925 г. в Париже труппой театра марионеток «Le Théâtre des petits hommes de bois», основанного Ю.Л. Сазоновой. Подробнее об этом театре см.: *Tribble K. The Puppet Theaters of Julia Sazonova-Slonimskaja // The Puppetry Yearbook / Edited by J. Fisher. Lewiston, NY: Edwin Mellen Press, 2005. Vol. 6. P. 161—208.*

⁸⁰ Уже 29 июля 1928 г. Миллиоти записал в дневнике: «Через 3 дня уеду к рг. Determan'у в Wiesbaden, где лечился 3 года назад» (Дневник № 21 за 1928 г. — ЕЮМ). Однако 9 августа 1928 г. он еще писал Буниной из Парижа (№ 6), из чего следует, что поездка была отложена, и Миллиоти уехал в санаторий не ранее второй декады августа 1928 г.

⁸¹ Н.В. Миллиоти снимала комнату на Терезиенштрассе, 80. Больница Städtisches Krankenhaus ныне называется Klinikum Rechts der Isar (Ismaniger Str., 22). Сохранился портрет умирающей Н.В. Миллиоти (х., м., 54,4 х 47) (ЕЮМ). Похороны Н.В. Миллиоти на старом Швабингском кладбище в Мюнхене состоялись 23 октября 1928 г. в 15 часов 30 минут. Ее могила не сохранилась, поскольку кладбище пострадало от бомбардировки союзников в годы Второй мировой войны. В лаконичной заметке о похоронах говорится, что усопшая была женой директора банка, но ее возраст и имя даны неправильно (Beerdigungen am 23 Oktober 1928 // Allgemeine Zeitung am Abend. 1928. 22 Oktober. S. 3). О старом Швабингском кладбище см.: *Zuber E. Der Alte Nördliche Friedhof. Ein Kapitel Münchner Kulturgeschichte. München: Verlag Angerer, 1983.*

⁸² Татьяна Львовна Сухотина-Толстая (1864—1950), дочь Л.Н. Толстого, 27 марта 1925 г. вместе со своей дочерью Татьяной (1905—1996) уехала из СССР в командировку во Францию для чтения лекций о Л.Н. Толстом. В июле 1930 г. Русская академия художеств закрылась, и Сухотина-Толстая вместе с дочерью поехала в Италию в качестве актрисы в театральной труппе. Там ее дочь вышла замуж за юриста Леонардо Джузеппе Альбертини (1903—1980).

⁸³ Иван Яковлевич Билибин (1876—1942) участвовал вместе с Миллиоти в выставках объединений «Мир искусства», «Союз русских художников», «Салон» С.К. Маковского, в зарубежных выставках русского искусства в Париже (1927), Брюсселе (1928), Копенгагене (1929), Белграде (1930), Париже (d'Alignan, 1931; La Renaissance, 1932), Праге (1935). В 1936 г. Билибин вернулся в Россию. В архиве Миллиоти сохранилось одно письмо Билибина к нему, датированное 1927 г. (РГБ. Ф. 494. Карг. 2. Ед. хр. 1).

ровин, Н.Д. Миллиоти, Л.Э. Родзянко⁸⁴ и В.И. Шухаев⁸⁵. Из-за недостатка финансов академию пришлось через год закрыть, однако к этому времени вокруг Миллиоти образовалась группа молодых художников, которые продолжали у него учиться на протяжении 1930-х гг., в том числе будущие иконописцы Григорий Круг (1907–1969) и Леонид Успенский (1902–1987) и французский меценат Юбер де Монбризон (1892–1981), будущий муж великой княгини Ирины Павловны (1903–1990).

1930-е гг. в творческой биографии Миллиоти ознаменовались поездками в Испанию и в Италию. Больше всего ему импонировали г. Толедо и живопись Эль Греко. Для Миллиоти тема Италии в 1930-е гг. тесно связана с его дружбой с Т.Л. Сухотиной-Толстой, у которой он жил во время первого визита и два портрета которой написал в Риме в **1932 г.**⁸⁶ Во время последующих визитов Миллиоти был главным образом в имении ее свата в Парелле (недалеко от Турина). В Парелле он был с **18 сентября по 5 ноября 1938 г.** Здесь он написал портреты сенатора Луиджи Альбертини, его жены Пьерины Джакозы-Альбертини, родственников Альбертини, в том числе графини Елены Карандини (урожд. Альбертини), и друга этой семьи графа Луиджи Соларо. В Парелле **1 ноября 1938 г.** художник записал в дневнике: «Я сделал большую работу и завоевал себе новое положение. Через 2 месяца (если еще буду жив) я должен уехать в милую Италию опять»⁸⁷. **Зимой 1939 г.** он вернулся в Рим, где пробыл с **6 февраля по 7 марта**. Потом Миллиоти отправился в Перуджию и Флоренцию⁸⁸. С Т.Л. Сухотиной-Толстой ему не суждено было больше увидеться. Имеется только косвенное подтверждение тому, что в **1951 г.** Миллиоти совершил четвертое путешествие в Италию. Мы знаем, что в тот раз он хотел разыскать свои потертые картины, посланные в Венецию незадолго до начала Первой мировой войны⁸⁹, и навестить в Риме своего давнего друга князя С.А. Щербатова.

⁸⁴ Лидия Эрастовна Родзянко (урожд. де Опик; 1898–1975), жена Николая Михайловича Родзянко (1888–1941) (сына последнего председателя Государственной думы М.В. Родзянко), руководила мастерской работ по фарфору.

⁸⁵ Об открытии академии см.: *З.Вл. <Зеелер Владимир>*. Русская Академия художеств в Париже // Последние новости. 1929. 9 июня. № 3000. С. 5; [Объявление] // Россия и славянство. 1929. 8 июня. № 28. С. 7. См. также: *Зайцева Н.Б.* Т.Л. Толстая и ее Академия. К вопросу участия художника Б.Д. Григорьева в деятельности Русской академии в Париже // Борис Григорьев и художественная культура XX века / Сост. Р.Н. Антипова. Псков: Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2001. С. 55.

⁸⁶ В 1935 г. портрет Сухотиной-Толстой (73 х 60) был выставлен в Праге на ретроспективной выставке русской живописи (XVIII–XX вв.), проведенной Славянским исследовательским институтом. В 1938 г. с 10 по 24 мая портрет вновь выставлялся в галерее Шарпантье в Париже на персональной выставке Миллиоти. В 1950 г. портрет был передан в дар Институту славистики при Парижском университете (9, rue Мишеле), где является частью постоянной выставки. В 1979 г. Т.М. Альбертини преподнесла в дар Музею-заповеднику Л.Н. Толстого в Ясной Поляне другой портрет своей матери, написанный Миллиоти в Риме в 1932 г. (х., м., 75,5 х 62,5).

⁸⁷ Дневник № 34 за 1938 г. (ЕЮМ).

⁸⁸ Дневник № 35 за 1938–1939 гг. (ЕЮМ). И. Гофман ошибочно пишет, что в 1940-е гг. Миллиоти «совершил поездку в Рим» (*Гофман И.* Голубая роза. С. 265).

⁸⁹ Миллиоти отправил работы из Москвы, но они не дошли до Венеции и на выставке не были показаны. См.: Catalogo. XI. Esposizione Internazionale d'Arte della Città di Venezia. 1914. Venezia: Primitivo Stabilimento Carlo Ferrari, 1914.

Среди работ Миллиоти 1930–1940-х гг. много прекрасных образцов французского пейзажа. Кроме зарубежных путешествий, уже в 1927 г. Миллиоти совершил большое путешествие по замкам долины Луары. Ю.Л. Сазонову, много лет страдавшую от астмы, не устраивал душный и грязный парижский воздух. Для лечения она несколько раз ездила в сопровождении Миллиоти во французские Альпы (провинция Савой). Художник сделал много эскизов савойских пейзажей, часть которых была показана на выставках⁹⁰. В 1937 г. из-за слабого здоровья сын Миллиоти Д.П. Сазонов бросил учебу в парижском лицее Генриха IV, где он учился с 1933 г., и переехал в пансионат в Сали-де-Беарн у подножья Пиренеев. Пансионат был основан в том же 1937 г. герцогиней Н.Н. Лейхтенбергской. Однако высокая стоимость проживания и питания заставили Сазонову устроить сына в лицей г. По, расположенного недалеко от Сали-де-Беарна. Там он учился до 1940 г. Во всяком случае, в эти годы родители часто приезжали в Сали-де-Беарн и в По. Пользуясь случаем, Миллиоти сделал много эскизов прекрасных пейзажей этого района; в том числе написал эскиз баскской церкви в стиле барокко в местности Итшасу⁹¹.

В 1938–1939 гг., отчасти благодаря усилиям друга Миллиоти Андре Дезаруа, директора Люксембургского музея в Париже, три работы русского художника, а именно его «Автопортрет» (1929), «Скачки в Шантийи» (1932) и «Шалапин на смертном одре» (1938)⁹², были приобретены французским государством.

Но главным завоеванием Миллиоти в 1930-е гг. было огромное количество портретов, представлявших все слои русского общества в эмиграции и культурную элиту Европы. Он написал портреты художников: А.Н. Бенуа, Т.Л. Сухотиной-Толстой, А.А. Зилоти, О.А. Глебовой-Судейкиной, Ю. де Монбризона; писателей: М.И. Цветаевой, Тэффи⁹³, И.В. Одоевцевой, Р.М. Рильке, Х.Ш. Сураварди, А. де Ноай, А. Моруа и П. Валери⁹⁴. Им также созданы порт-

⁹⁰ Например, «В верхней Савойе» (№ 193) (см.: Каталог художественных собраний русского культурно-исторического музея при Русском свободном университете в Праге. Прага, 1938. С. XIII; см. приглашение на открытие выставки: N. Millioti. Galérie Charpentier. Paris. 10–24 mai 1938 (№ 16, 17: Printemps en Savoie)).

⁹¹ См. приглашение на открытие выставки: N. Millioti. Galérie Charpentier. 10–24 mai 1938 (№ 13–15 Fenêtres ouvertes (Château Blancat à Pau)).

⁹² Портрет Шалапина, приобретенный в 1939 г., принадлежит собранию Музея парижской оперы.

⁹³ Миллиоти написал четыре портрета Тэффи (урожд. Надежда Александровна Лохвицкая, в замужестве Бучинская; 1872–1952). Первый был написан 25 сентября 1924 г., когда Миллиоти жил в бывшем дворце Шатобриана в Вале-о-Лу, а она – неподалеку, в санатории в Со-Робинсон под Парижем (сангина, 39 x 25,5; 1925 г. – ЕЮМ). Другой портрет Тэффи находится в собрании Ренэ Герра (карт., м., 61 x 50; 1925 г.). Последний портрет Тэффи (х., м., 45 x 28,5 – ЕЮМ) был выполнен в 1941 г. в Биаррице и впервые выставлен там же. Сохранились три письма Тэффи к Миллиоти, одно из них датировано 1942 г., остальные – недатированные (РГБ. Ф. 494. Карт. 2. № 11).

⁹⁴ С поэтом Полем Валери (Paul Valéry; 1871–1945) Миллиоти мог познакомиться на 10-й франко-русской встрече, посвященной творчеству французского писателя и состоявшейся 25 ноября 1930 г. (см.: *Н.Г. Поль Валери на франко-русской встрече // Возрождение. 1930. 4 декабря. № 2011. С. 4; Le Studio Franco-Russe, 1929–1931 / Textes réunis et présentés par L. Livak; Sous la rédaction de G. Tassis. Toronto: Toronto Slavic Library, 2005. P. 327–362*). По-видимому, Миллиоти писал портрет Валери дважды. Один портрет (73 x 59,7) был показан на выставке русского искусства («Exposition d'Art russe») в

реты певцов Ф.И. Шаляпина, М.С. Муромцевой-Брюан, Н.С. Ермоленко-Южиной, популярной канадской певицы Зезет, португальской певицы К. Фрейере, артистов балета С.М. Лифаря, О.А. Спесивцевой, Любови Руденко, Веры Прокопенко, композитора А.Т. Гречанинова, Л.И. Кодиной (жены С. Прокофьева), адвоката А.М. Аристова, аристократов великой княгини Ирины Павловны Романовой, молодого князя М.Ф. Романова, князя Щербатова⁹⁵, княгини Н.П. Мещерской (Нимет Элуи Бей), княгини М.С. Трубецкой, графини М.Г. Коновницыной, С.М. Осоргиной, леди В. Мортимер, француза графа Б. де Каstellана⁹⁶, графини Е. Греффюль, графини де Мэн, фотографа Б. Липницкого, представителей русского бомонда Г.Л. Гиршман, А.Г. Солдатенковой, актрисы немого кино Д.А. Карен, врачей Б.Н. Беляева, И.С. Чекунова, француза А. Ле Савурё, владельца ювелирного магазина Л. Картье с супругой, будущего принца Лаоса Т. Саванг-Ватана, испанского посла маркиза А. Мерри дель Валь. Список не исчерпывающий, но представительный. О портрете Сухотиной-Толстой писал К. Сомов: «Многое восхитило меня, но особенно замечательный безупречный портрет Т.Л. Толстой»⁹⁷. В дневнике Сомов рассказывал: «Ходил в верхний этаж, где вчера открылась выставка Миллиоти. Для меня неожиданно на ней есть несколько неплохих вещей, а одна и превосходна — портрет Сухотиной-Толстой. Я не думал, что он способен был бы на такую вещь»⁹⁸.

4 мая 1940 г. Роз Бентли-Мотт пригласила Миллиоти в Биарриц для участия в выставке в пользу французских солдат⁹⁹. Из-за военных действий худож-

парижской галерее «La Renaissance» в июне 1932 г. и ныне входит в собрание Ренэ Герра (см. каталоги: «Они унесли с собой Россию...»: Русские художники-эмигранты во Франции. 1920-е — 1970-е. Из собрания Ренэ Герра: Каталог выставки. М.: Авангард, 1995 (№ 133); *Les Peintres russes émigrés 1920–1970. Portraits d'exil. Images de Pouchkine. Issy-les-Moulineaux: Ville d'Issy-les-Moulineaux, 1999 (№ 72)*). Второй (х., м., 91 x 73) был продан с аукциона в Париже в 1993 г.

⁹⁵ Список портретов, составленный Миллиоти, не дает инициалов, но, по всей вероятности, Миллиоти написал портрет двоюродного брата С.А. Щербатова — князя Бориса Сергеевича Щербатова (1873–1949). В начале 1940-х гг. Миллиоти был в гостях у кн. Б.С. Щербатова на вилле Ведетте в Биаррице.

⁹⁶ Бонифас де Каstellан (Boniface («Boni») de Castellane; 1867–1932) — 5-й маркиз и граф де Каstellан, французский журналист, политический деятель, законодатель художественной моды, автор книги: *Comment j'ai découvert l'Amérique*. Paris: G. Grès, 1924 (2-е изд. — *Les Mémoires de Boni de Castellane. 1867–1932 / Introduction et notes d'Emmanuel de Waresquiel*. Paris: Librairie Académique Perrin, 1986). О нем см. также: *Grenaud P., Marcailhou G. Boni de Castellane et le Palais rose*. Paris: Les Auteurs Associés, 1983. Написанный Миллиоти в 1927 г. портрет де Каstellана в натуральную величину, в костюме для бала-маскарада (х., м., 205 x 123) был продан с аукциона в Париже в 1996 г. и воспроизведен в изд.: *La Gazette de l'Hôtel Drouot*. 1996. 1 novembre. № 39. P. 37.

⁹⁷ Цитируется в письме Миллиоти к А.П. Остроумовой-Лебедевой от 20 июня 1949 г. (РНБ. Ф. 1015. Ед. хр. 731. Л. 60б.).

⁹⁸ Константин Андреевич Сомов: Письма. Дневники. Суждения современников / Сост., вступ. ст. и примеч. Ю.Н. Подкопаевой и А.Н. Свешниковой. М.: Искусство, 1979. С. 431.

⁹⁹ Француженка Роз Бентли-Мотт (Rose Gabrielle Georgette Bentley-Mott; урожд. Сен-Пол (Saint-Paul); 1891–1943?) была женой американского автора исторических книг и военного аташе в Париже Томаса Бентли-Мотта (1865–1952). Во время Первой мировой войны она была медсестрой, водила машину скорой помощи, а во время Второй мировой войны основала в Биаррице Общество помощи французским детям. (Архив Бентли-Моттов хранится в Библиотеке Исторического общества шт. Вирджиния в г. Ричмонде (США).)

ник застрял там до **1942 г.** Сначала он жил в гостинице «Бельведер», где в **мае 1940 г.** жила и Сазонова до ее отъезда с сыном в Португалию. Потом художник переселился в «Maison Basque», где в то время жили, в частности, Тэффи, Гиппиус и Мережковский. В «Maison Basque» у Миллиоти была студия на первом этаже, и он устроил тут маленькую выставку своих недавних произведений.

Сын художника вспоминал: «Биарриц был одним из его лучших периодов живописи, там он писал много замечательных картин»¹⁰⁰. Графиня Греффюль¹⁰¹ организовала Миллиоти выставку в праздничном зале дворца Наполеона III, «великолепную выставку, лучшую из всех, которые у меня были в моей жизни художника <...> выставку, которая была для меня настоящей победой»¹⁰². Выставка открылась **19 декабря**¹⁰³, и за две недели (до **31 декабря 1940 г.**)¹⁰⁴ ее посетили 500 человек, в том числе Гиппиус и Мережковский¹⁰⁵. Месяц спустя мэром г. Биарриц Фердинанд Хирогоен¹⁰⁶ решил приобрести для будущего городского музея картину Миллиоти, а именно один из видов Толедо, выставленных во дворце Наполеона III¹⁰⁷.

В **марте 1941 г.** группа художников «Les Saltimbanques» с участием Ирины Высоцкой, Леона Зака и Миллиоти устроила выставку в Биаррице, на которой впервые был выставлен портрет великой княгини Ирины Павловны его работы¹⁰⁸.

1 сентября 1941 г. Миллиоти серьезно заболел и провел восемь месяцев в госпитале «Clinique Leroy». Здесь ему сделали две операции простаты: первую сразу, вторую — **25 ноября**. Когда он был в госпитале, к нему часто приходили великая княгиня Ирина Павловна и Юбер де Монбризон; они ухаживали за ним и заплатили за лечение. **Зимой и весной 1942 г.** Миллиоти создал очень нетипичную для него работу: лежа на спине в больничной кровати, он выполнил большую серию карандашных рисунков под общим названием «Разрушения и бедствия войны»¹⁰⁹.

Вернувшись в Париж в **1942 г.**, Миллиоти познакомился с двумя офицерами немецкой оккупационной армии — капитаном Георгом Эммерцем¹¹⁰ и его адью-

¹⁰⁰ Письмо Д.П. Сазонова к А.Л. Слонимскому (РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 179. Л. 161об.).

¹⁰¹ Внучка Наполеона, урожд. принцесса Елизабет Караман-Шимей (1860–1952), жена графа Анри Греффюля, меценатка, спонсировала дягилевские «Русские сезоны» и французский дебют Шаляпина.

¹⁰² Письмо Н.Д. Миллиоти к Т.Л. Сухотиной-Толстой от 28 мая 1943 г. (Государственный музей Л.Н. Толстого (Москва). Ф. 42. Оп. 7. К-22360. № 31. Л. 2об.).

¹⁰³ L'exposition Nicolas Millioti au Palais // La Gazette (Biarritz). 1940. 18 décembre. № 9928. P. 2.

¹⁰⁴ Le brillant vernissage de l'exposition de quelques peintures de Nicolas Millioti au Palais // Gazette de Biarritz. 1940. 20 décembre. № 9940. P. 2.

¹⁰⁵ В архиве Миллиоти в Москве хранится список гостей, посетивших выставку (РГБ. Ф. 494. Карт. 2. Ед. хр. 32).

¹⁰⁶ Ferdinand Hirogoyen (1885–1978) был дважды мэром Биаррица в 1929–1941 гг., председателем городского совета в 1941–1945 гг. и городским советником в 1953–1959 гг.

¹⁰⁷ La ville de Biarritz vient d'acquérir une toile de Nicolas Millioti // La Gazette: Le grand quotidien basque (Biarritz). 1941. 15 janvier. № 9958. P. 2. (Ныне картина хранится в городском архиве Биаррица.)

¹⁰⁸ Chez les Saltimbanques // Gazette de Biarritz. 1941. 7 mars. № 10051. P. 2.

¹⁰⁹ ЕЮМ.

¹¹⁰ Georg Emmertz (1894–1986) — до и после войны школьный учитель в Аугсбурге.

тантом Карлом Куглером¹¹¹. Он был известен им как портретист, и **осенью 1944 г.** в ателье Миллиоти они охотно позировали русскому художнику, Куглер в гражданской одежде¹¹², а Эммерц — в военном мундире с нацистской свастикой¹¹³. Начиная с 1951 г. каждый год вплоть до гибели Куглера Миллиоти ездил к Куглерам в Гёппинген на два-три месяца. (В 1950 и 1951 гг. Куглеры навещали Миллиоти в Париже.) Там он написал три портрета — жены Куглера¹¹⁴, ее свояченицы¹¹⁵ и жены местного мясника¹¹⁶. Он часто ездил и к Эммерцам, проживавшим в летнее время в Альт-Эглинге на берегу озера, недалеко от Мурнау (Бавария), а зимой — в Аугсбурге. Во время одного из этих приездов Миллиоти нарочно замазал свастику на портрете Эммерца. Сестра Эммерца была замужем за адвокатом доктором Шпёрлом. Миллиоти написал портреты этой четы¹¹⁷. На портрете доктор Шпёрл изображен держащим мейссенскую фарфоровую статуэтку в правой руке и открытую книгу — в левой. В нижнем правом углу Миллиоти нарисовал связку ключей, намек на то, что все двери в доме были на замке и художник был вынужден постоянно обращаться к хозяину с просьбами открыть ему дверь.

При очередном отъезде из Биаррица в конце войны Миллиоти пришлось оставить у владельца антикварного магазина Беррогэна три очень больших полотна — «Портрет графини Греффюль», «Портрет испанского посла маркиза Мерри дель Валь» и «Рождение Венеры». Вернувшись в Биарриц в начале 1950-х гг., художник узнал, что к тому времени Беррогэн умер, а его дочь потеряла картины. Миллиоти предъявил иск в байоннский суд, а после отказа перенес дело в апелляционную инстанцию. Апелляционный суд решил, что наследники Беррогэна должны уплатить Миллиоти 400 000 франков¹¹⁸ (см. также письмо № 18 в наст. публ. и примеч. 6 к нему).

¹¹¹ Karl Kugler (1902–1956) — доктор политологии, преподаватель экономики в технической гимназии в Гёппингене (Германия), во время Второй мировой войны солдат артиллерии, дошедший во время немецкого наступления до Ладожского озера, позднее сержант, в 1942 г. переведен в Париж в состав военного патруля Восточного вокзала (Gare de l'Est), владел французским языком. Погиб в автомобильной катастрофе.

¹¹² Портрет (х., м., 53,3 x 64) принадлежит проживающему в г. Лорхе (Германия) сыну Куглера, Эберхарду.

¹¹³ Портрет (х., м., 53 x 64) принадлежит проживающему в Альт-Эглинге (Мурнау, Германия) сыну Эммерца, Армину.

¹¹⁴ Портрет Йоханны Куглер (урожд. Нестлерн; 1908–1992) (х., м., 58 x 48) был оставлен Миллиоти в незавершенном виде в качестве предлога для возвращения в Гёппинген, где его очень баловали. Портрет хранится у сына Куглеров (см. примеч. 112).

¹¹⁵ Портрет Маргареты Нестлерн (урожд. Кнолл; 1914–1982), жены брата Йоханны Куглер, Эриха, был написан в Гёппингене в 1952 г. и принадлежит проживающему в Гейдельберге сыну Нестлернов, Вольфгангу.

¹¹⁶ Портрет Йоханны Магдалены Цоллер (1907–1991) принадлежит проживающему в Баттенберге сыну Цоллеров, доктору Карлу Цоллеру.

¹¹⁷ Johann Spörl (1895–1961) и Johanna Spörl (урожд. Эммерц; 1892–1994). Их портреты (х., м., 47 x 69; х., м., 43 x 38) принадлежат их племяннику Армину Эммерцу (см. примеч. 113).

¹¹⁸ Иск художника Миллиоти // Новое русское слово. 1954. 12 апреля. № 15325. С. 3. (Так как Ю.Л. Сазонова была постоянной сотрудницей газеты, по всей вероятности, именно она явилась источником информации для этой неподписанной заметки.) Материалы судебного дела хранятся в Archives départementales des Pyrénées Atlantiques, Pau — Comptes-rendu d'audiences, Cote 1279 W8; Arrêts civils, Cour d'Appel de Pau, Cote 1105 W 23/24.

Последняя персональная выставка Миллиоти состоялась в Биаррице в 1949 г.

В 1952 г. Миллиоти записал в дневнике: «Я приближаюсь к концу моей жизни и вижу, где я, понимаю свое место в жизни поколения моего. Прежде всего я был великим и мучительно-упоенным сластолюбцем и мечтателем»¹¹⁹.

Последние годы жизни художник общался преимущественно с В.Н. Буниной и С.Ю. Прегель. За ним ухаживали О.В. Кожевникова¹²⁰ и Л.А. Панаева¹²¹, приносящая ему ежедневно молоко и убирающая ателье. После 1953 г. он перестал вести дневник, а после смерти Куглера в 1956 г. бросил писать картины. В феврале 1955 г. после пятнадцатилетней разлуки к нему вернулась из Америки Ю.Л. Сазонова, а после ее смерти в 1957 г. — их сын Д.П. Сазонов. Скончался художник в Париже в госпитале Кошен и был похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

* * *

В 1940-е гг. Миллиоти подсчитал, что у него в парижском ателье находилось около 300 полотен. Часть архива художника перешла к О.В. Кожевниковой. Когда Кожевникова уехала из Парижа в дом престарелых Красного Креста в Шелль, она передала эту часть архива коллекционеру Ренэ Герра. Но в основном архивом распоряжалась Л.А. Панаева, пославшая много картин в Третьяковскую галерею. Узнав об этом, Кожевникова напомнила ей о том, что еще живы были сыновья Миллиоти в Москве. Тогда Панаева послала 40 картин и все оставшиеся дневники Миллиоти, охватывающие период 1917–1952 гг., Ю.Н. Миллиоти в Москву. Из-за своей несколько пуританской деликатности Панаева сняла с портретов все этикетки с информацией о том, кто на них изображен. Это обстоятельство, безусловно, создаст будущим искусствоведам большую проблему при идентификации изображенных лиц. Немалую роль тут может сыграть подробное ознакомление с эпистолярным наследием художника. Надеемся, что настоящая публикация будет способствовать этому.

¹¹⁹ Дневник (нумерованный) за 1951–1952 гг. (ЕЮМ — запись за 11 июня 1952 г. в Гёппингене).

¹²⁰ Ольга Валентиновна Кожевникова (1897–1977) — артистка, журналистка, сотрудница газеты «Русские новости», руководитель русского литературного кружка, ближайшая подруга Миллиоти в последнее десятилетие его жизни. О ней см.: *Абрамский П. О.В. Кожевникова // Русская мысль. 1978. 2 февраля. № 3189. С. 15.*

¹²¹ Лидия Алексеевна Панаева (1890–1966) — потомок и хранительница части архива «некрасовских» Панаевых.

Е.Р. Пономарев
НЕТ НИ КРАСНЫХ, НИ БЕЛЫХ...
М.В. РАСКОЛЬНИКОВА И В.Н. БУНИНА*

Круг общения Веры Николаевны Буниной — очень важная проблема, имеющая отношение не только к истории русской литературы, но и — в культурологическом плане — к истории русской эмиграции. Дело в том, что этот круг общения был значительно шире, чем круг общения самого писателя. В.Н. Бунина имела несколько собственных сфер общения, от Бунина далеких.

Во-первых, она вела широкую общественную деятельность — добывала деньги для нуждающихся эмигрантов, организовывала вечера (или помогала распространять билеты на вечер) в пользу того или иного писателя, устраивала знакомых стариков в дома престарелых и т.д. Такой работой занимались многие подруги и знакомые Веры Николаевны — это совершенно особый круг людей, не слишком известный историкам эмиграции: мы знаем лишь самых крупных общественных деятелей (таких как С.М. Зернова), об остальных же, очень многих, информация крайне скудна. Во-вторых, В.Н. Бунина была глубоко верующим, православным церковным человеком, чем тоже отличалась от мужа. Она регулярно посещала церковь, беседовала с иерархами парижской русской церкви (формально — греческой), тесно общалась с известнейшими церковными деятелями зарубежья — например, матерью Марией (Е.Ю. Кузьминой-Караваевой), отцом Александром (Семеновым-Тян-Шанским) и др. Об этом круге известно значительно больше, однако его связи с семьей Буниных остаются по большей части без внимания исследователей. В-третьих, подруги и родственницы В.Н. Буниной (урожденной Муромцевой), выходя замуж за французов, попадали в иную культурную среду. Общение с ними связывало Буниных с французской культурой, возможно, значительно теснее, чем редкие беседы и переписка с Андре Жидом¹ и еще более редкая переписка Бунина с Франсуа

* © Евгений Пономарев, 2010.

Тексты И.А. и В.Н. Буниных публикуются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate © 2010.

¹ *Steel D.* Conversations a Grasse. André Gide et Ivan Bounine. Avec neuf lettres inédites // Bulletin des Amis d'André Gide. 2009. Vol. 37. № 164. P. 513–534.

Мориаком². В-четвертых, наконец, В.Н. Бунина поддерживала ряд знакомств, от которых сам писатель откrestился бы по идейным соображениям. Тут следует оговориться: дело не в том, что жена Бунина была менее принципиальной, чем сам писатель (известно, насколько принципиальную позицию она заняла, например, по отношению к подруге юности В.А. Зайцевой в истории с грубыми выпадами «Русской мысли» в адрес Бунина). Дело в том, что у нее были иные принципы. Христианское милосердие подавляло в ее душе идеологическую неприязнь. Об одном из таких знакомств и пойдет речь в данной статье.

Близкое знакомство Веры Николаевны Буниной с Музой Васильевной Раскольниковой (урожд. Ивановской; 1913–2006), второй женой Федора Федоровича Раскольникова (наст. фам. Ильин; 1892–1939), поначалу кажется невероятным. Слишком уж далеко друг от друга в интеллектуальной истории XX в. стоят их мужья. Один — убежденный противник большевизма, другой — не менее убежденный революционер-большевик. Однако в Русском архиве в Лидсе (РАЛ) в бумагах В.Н. Буниной хранятся 30 писем М.В. Раскольниковой к В.Н. Буниной. Первое из них датировано 20 сентября 1945 г., последнее написано 22 января 1961 г. Тон этих писем подчеркнуто дружеский. М.В. Раскольникова с глубоким почтением и большой любовью делится с В.Н. Буниной всеми своими новостями, рассуждает о Боге и пути человека, обсуждает перемены в жизни общих знакомых. Очень характерна для общего тона фраза, практически повторенная в двух письмах, сильно отнесенных друг от друга по времени (21 апреля 1949 г. и 7 февраля 1954 г.): «Мне хочется ухаживать за Вами, как за своей матерью»³. В письме от 29 декабря 1954 г. фраза немного изменена, благодаря этому значение ее еще более подчеркнуто: «У меня навсегда к Вам чувство дочери»⁴. В 1959 г. В.Н. Бунина гостила у М.В. Раскольниковой. Все эти факты говорят сами за себя. Жены идейных противников нашли общий язык.

До Октябрьского переворота Бунин и Раскольников виделись лишь однажды — в 1917 г. на петроградской квартире М. Горького, с которым Раскольников был немного знаком. Неизвестно, вспомнил ли потом Бунин о молодом мичмане из Кронштадта, с которым говорил у Горького. Раскольников же подробно описал эту встречу в книге «Кронштадт и Питер в 1917 году» (1925): «Вскоре в комнату <...> быстрой походкой вошел беллетрист И. Бунин, сейчас обретающийся в бегах. Узнав, что я приехал из Кронштадта, Бунин буквально засыпал меня целой кучей обывательских вопросов: “Правда ли, что в Кронштадте анархия? Правда ли, что там творятся невообразимые ужасы? Правда ли, что матросы на улицах Кронштадта убивают каждого попавшегося офицера?” Тонем, не допускающим никаких возражений, я опроверг все эти буржуазные наветы. Бунин, сидя на оттоманке с поджатыми ногами, с огромным интересом выслушал мои спокойные объяснения и вперил в меня свои острые глаза. Офицерская форма, по-видимому, внушала ему доверие, и он не сделал никаких возражений»⁵.

² РАЛ. MS. 1066/3810–3817.

³ РАЛ. MS. 1067/1744.

⁴ РАЛ. MS. 1067/1762.

⁵ *Раскольников Ф.Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. 2-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1990. С. 60.

В 1930-е гг. Раскольников, без сомнения, читал Бунина — и дореволюционного, и эмигрантского. Раскольников был не только военнотружущим и полпредом, он писал книги (самая известная — «Рассказы мичмана Ильина»), пьесы, создавал инсценировки для театра, а также делал карьеру, как бы сейчас сказали, государственного чиновника от культуры. В числе прочего редактировал главный толстый журнал довоенного периода «Красная новь», а затем руководил Главреперткомом (тем самым, что запрещал пьесы М.А. Булгакова) и Главискусством, в которое в дальнейшем влился Главрепертком. В этот период Раскольников немало писал об искусстве. Так, в предисловии Раскольникова к книге И.Г. Эренбурга «Виза времени» (1931) упомянут Бунин. Раскольников указывает на уникальное положение автора книги (советский писатель, постоянно проживающий в Париже) и о том, как вредно писателю вообще жить в отрыве от своей социалистической родины. Эмигранты с Буниным во главе оттеняли в его рассуждениях советского по убеждениям Эренбурга: «Писатели-эмигранты, не исключая Бунина и Куприна, оторвавшись от истоков своего творчества, не могли создать за границей ничего сколько-нибудь значительного. Бунин и Куприн ударились в мракобесие, мистику, поповщину. В новом автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева» Бунин с умилением описывает православные церкви и в припадке монархического умоисступления посвящает прочувствованные лирические страницы бывшему великому князю Николаю Николаевичу»⁶. Примечательно, что Раскольников, во-первых, прочитал «Жизнь Арсеньева», а во-вторых, увидел в романе только две идеологемы. В его (марксистском) восприятии литературы Бунин — «идеолог дворянского землевладения»⁷. Вполне вероятно, что если Муза Васильевна (окончившая советскую школу в период господства социологического подхода к литературе, а затем советский вуз) и думала в те годы о Бунине, то мнение ее было похоже на мнение мужа.

В конце 30-х гг. положение резко изменилось. Обстоятельства сложились так, что Раскольников стал невозвращенцем. Тот же Эренбург в воспоминаниях «Люди, годы, жизнь» рассказывал о Раскольнике: «Я с ним встречался в Москве в двадцатые годы, когда он редактировал «Красную новь», он был веселым и непримиримым. <...> Я помнил, какую роль он сыграл в дни Октября. А теперь он сидел у меня на улице Котантен, рослый, крепкий и похожий на обезумевшего ребенка <...>»⁸. Судя по дневниковой записи И.А. Бунина от 12 августа 1941 г. (приводится ниже), Раскольников с женой в 1939 г., уже приняв решение не возвращаться в Советский Союз и переехав во Францию, посещал Бунина на вилле Бельведер. В сентябре 1939 г. Ф.Ф. Раскольников внезапно умер в Ницце, Муза Васильевна, незадолго до этого пережившая смерть маленького сына, останется в буквальном смысле одна. Она никого не знает ни во Франции, ни в эмиграции. В апреле 1940 г. у нее родится дочь Муза. Дочь Федора Раскольникова никогда не увидит своего легендарного отца.

⁶ Раскольников Ф. Предисловие // Эренбург И. Виза времени. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. С. 3.

⁷ Там же. С. 4.

⁸ Эренбург И. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: В 3 т. <М.: Советский писатель, 1990>. Т. 2. С. 199.

«Я чувствовала себя как в пустыне, не замечая людей. Люди тоже не замечали меня — все были встревожены, ждали приказа об эвакуации, если Италия вступит в войну»⁹, — пишет Раскольникова об этом времени в книге воспоминаний «Тень быстротечной жизни» (1991).

Можно предположить, что Вера Николаевна, обладавшая редким даром сочувствия и большой культурой христианского чувства, помогла Музе Васильевне пережить тяжелейший момент в ее жизни. Судя по более поздним письмам М.В. Раскольниковой, в сердце вдовы революционера осталась исключительная благодарность жене «идеолога дворянского землевладения». К сожалению, сама Вера Николаевна ничего не записала в дневнике о бельведерской встрече (возможно, их было несколько) с Раскольниковыми. Лишь в некоторых ее письмах можно найти скудные сведения об этих событиях 1939 г. Например, в письме к Г.Н. Кузнецовой (письма к Кузнецовой можно рассматривать как второй дневник В.Н. Буниной) от 19 июля 1959 г.: «Муза редко благодарный человек. Уже прошло 20 лет, как она прибежала к нам в Грасс в самую трагическую минуту своей жизни»¹⁰. Ничего не пишет о Vere Николаевне в своих воспоминаниях и Муза Васильевна — впрочем, почти вся книга «Тень быстротечной жизни» посвящена совместной жизни с Федором Раскольниковым, об эмиграции в ней сказано очень мало. Однако в одном из ее писем к В.Н. Буниной сказано следующее: «Вы знаете, как я Вас люблю и как какими-то таинственными нитями моя жизнь связана с Вашей, недаром Вы первая меня обласкали в моем горе, и хоть нечасто мы видимся, но я знаю твердо, что Вы для меня верный друг»¹¹. «Горе» — это внезапная смерть Ф. Раскольникова в 1939 г.

Вероятно, экзальтация, повышенный тон, отличающие некоторые письма к В.Н. Буниной, — вообще свойственная М.В. Раскольниковой черта. Судя по книге воспоминаний, она верит в судьбу, предзнаменования, судьбоносные встречи. Однако не вызывает сомнения и то, что благодарность ее В.Н. Буниной очень велика. Степень этой благодарности может стать понятнее, если учесть, что большая часть эмиграции отнеслась к Музе Васильевне неприязненно: над ней витала тень умершего мужа, который для эмигрантов был кровавым злодеем, антигероем. Лишь немногие отнеслись к ней сочувственно. Одним из таких людей был И.И. Фондаминский (о нем сказано несколько теплых слов в «Тени быстротечной жизни»), у него М.В. Раскольникова прожила несколько месяцев. Там она встречала мать Марию (Е.Ю. Кузьмину-Караваяву) и подолгу с ней беседовала¹². У Фондаминского же, по-видимому, она познакомилась с В.М. Зензиновым (о переписке с Зензиновым Муза Васильевна говорит в нескольких своих письмах к Vere Николаевне).

Общее же отношение эмиграции к вдове Раскольникова хорошо передают воспоминания В.С. Яновского, в целом часто злые и резкие, но яркие. Яновский

⁹ *Раскольникова М.* Тень быстротечной жизни: Повесть. М.: Советский писатель, 1991. С. 149.

¹⁰ Письма И.А. и В.Н. Буниных и Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун (Исторический архив Института Восточной Европы при Бременском университете (Германия). Фонд Г.Н. Кузнецовой (в дальнейшем: ИА ИВЕ). Ф. 141).

¹¹ Письмо от 17 августа 1948 г. (РАЛ. MS. 1067/1738).

¹² *Раскольникова М.* Тень быстротечной жизни. С. 166.

рассказывает, как видел ее на собраниях «Круга» (общества, где встречались философы и религиозные мыслители эмиграции с молодым поколением эмигрантской литературы; «Круг» собирался на квартире у Фондаминского):

«Она смотрела пристально своими немигающими холодными бесцветными глазами, прислушивалась к нашим импровизациям и, я теперь понимаю, все решала: провокаторы мы или сумасшедшие, а может, и то, и другое. После долголетнего советского опыта она иначе не могла, кажется, думать.

Признаюсь, трепет охватил меня, когда я впервые увидел ее в мирной столовой за стаканом чая визави учтивого Керенского. Еще один круг сомкнулся. Мне вдруг стало ясно, что история имеет смысл, часто даже противоположный нашим ожиданиям»¹³.

Примерно в таком же тоне выдержана единственная дневниковая запись И.А. Бунина, посвященная Ф. Раскольникову и его жене. 12 августа 1941 г. он записывает: «А когда ко мне прибежал на Belvédèg сумасшедший Раскольников с беременной женой (бывший большевицкий посланник в Болгарии), она с восторгом рассказывала, как колыбель их первенца тонула в цветах от царя Бориса»¹⁴.

Понятно, что эмиграция не могла сочувственно принять вдову крупного большевистского деятеля с советскими, надо думать, на тот момент, взглядами и суждениями. Понятно и то, что для М.В. Раскольниковой, оставшейся практически без средств к существованию, не имеющей никакого опыта эмигрантской жизни и к тому же с грудным ребенком на руках, любая помощь и сочувствие были чрезвычайно важны. Помощь В.Н. Буниной, вероятно, заключалась в душевном сочувствии и христианском утешении, и это запомнилось М.В. Раскольниковой на всю жизнь. В те годы вдова Ф. Раскольникова, по-видимому, придерживалась еще атеистических убеждений. Став в годы войны верующим человеком, она смогла, наверное, по-новому оценить душевное участие Веры Николаевны.

В июне 1940 г. М.В. Раскольников с маленькой дочерью приехала в Ле Монтей (Le Monteil, департамент Соггèze, в 60 километрах от Лиможа). Там жили Максы, бывший чешский посланник в Болгарии и его жена, друзья Раскольниковых из прошлой жизни. В этом глухом местечке Раскольников проведет все военные годы. Она будет жить в семье Шлокоф, организовавшей что-то вроде пансиона для детей из еврейских семей, которых родители стремились спрятать на время войны. Муза Васильевна и ее маленькая дочка станут в этой семье почти родными. О военных годах в Ле Монтей рассказывает последняя глава воспоминаний Раскольниковой, кое-что сказано и в письме к Вере Николаевне от 20 сентября 1945 г.: «Наша жизнь в Monteil была очень трудной и даже часто опасной (сколько раз скрывались мы в лесу от карательных немецких экспедиций), приходилось много работать и множество трудностей преодолевать. Ни один день из этих 5 лет не был беззаботным и легким»¹⁵. В конце войны в Ле Монтей приехала старшая дочь мадам Шлокоф — Сюзанна Риш, чтобы забрать мать к себе в Эльзас. Она пригласила Музу Раскольникову к ним в качестве домашней хозяйки.

¹³ Яновский В.С. Поля Елисейские: Книга памяти. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. С. 85–86.

¹⁴ РАЛ. MS. 1066/534.

¹⁵ РАЛ. MS. 1067/1737.

В военные годы Муза Васильевна и Вера Николаевна не общались. В 1945 г. они встретились в Париже, после этого завязалась переписка. Муза Васильевна пишет в первом своем письме от 20 сентября 1945 г.: «Очень мне было радостно повидаться с Вами. Будто в этом холодном и ставшем мне совершенно чуждом Париже я попала в родной уголок и согрелась Вашей ласковой теплотой. Сердечное Вам спасибо за это». По краткой дневниковой записи Веры Николаевны от 20 мая 1946 г. можно понять, что изменившаяся за военные годы (пришедшая к Богу) Муза Раскольниковой ей чрезвычайно понравилась: «Была у меня Муза. Ночевала. Очень мила. Стала религиозна. Живет у французов и работает на них за стол и квартиру себе и девочке. Дает уроки русского языка. И счастлива и довольна. Весь вечер она проговорила с Леной <Л.Ф. Зуровым. — Е.П.> о русской литературе. Очень у нее верный нюх»¹⁶. Религиозность и «верный нюх» по отношению к русской литературе — очень важные качества, которые в устах В.Н. Буниной, как правило, имеют значение высшей похвалы.

Образцом этого «верного нюха», по-видимому, стал тот факт, что Муза Васильевна в годы войны стала глубоко и вдумчиво читать произведения Бунина, неизвестные ей по прежней советской жизни, — например, дореволюционный еще рассказ «У истока дней» (1906). В письме от 20 сентября 1945 г. глубокое впечатление от этого рассказа сливается с пейзажем Ле Монтея: «А какие прекрасные часы провела я там вечерами, перечитывая, как глубоко и впервые поняла я эту любовь и тоску по жизни настоящей, что дана человеку на его земле, в его доме, в постоянном интимном общении с природой, с простыми людьми, с животными...»¹⁷ В конце 1953 г. Муза Васильевна напишет Вере Николаевне, что перечитывает «Жизнь Арсеньева»: «Какое прекрасное произведение, как каждое слово в нем находит отклик в душе»¹⁸. О чтении «Жизни Арсеньева» сообщается и в последующих письмах.

В конце 1940-х гг. М.В. Раскольниковой делится своими мыслями о публикациях «Нового журнала», где речь идет о свободе веры. По-видимому, вера и гонения на веру — одна из важных тем в послевоенных беседах двух женщин. Например, в недатированном письме (написано в 1947 г.) Муза Васильевна пишет Вере Николаевне: «Какая прекрасная вещь “Панихида” Корякова, напечатанная в “Новом журнале”. Читали ли Вы ее?»¹⁹ Михаил Михайлович Коряков (1911–1977) был офицером Красной армии и военным журналистом, прошел всю Великую Отечественную войну, после войны работал в советском посольстве в Париже. В 1946 г. в день планировавшегося отъезда в СССР совершил побег из посольства и остался на Западе. В 15-й книге «Нового журнала» (1947) под заглавием «Панихида» была опубликована глава из книги Корякова «Почему я не возвращаюсь в СССР» (книга выйдет в том же 1947 г. в Париже, будет переведена на семь иностранных языков). В ней рассказывается о религиозных гонениях, которые продолжаются в Советском Союзе, несмотря на официальные послабления в годы войны. Сюжет главы таков: капитана Коря-

¹⁶ РАЛ. MS. 1067/416.

¹⁷ РАЛ. MS. 1067/1737.

¹⁸ РАЛ. MS. 1067/1744.

¹⁹ РАЛ. MS. 1067/1748.

кова увольняют с должности военного корреспондента только за то, что он посещал церковь. Его обвиняют в том, что он заказал и отстоял панихиду по скончавшемуся патриарху Московскому Сергию. Показательно, что именно эту публикацию выделяет М. Раскольников в «Новом журнале».

Живя после войны в Эльзасе в городке Гебвиллер (Guebwiller), Муза Васильевна познакомится с профессором философии Страсбургского университета Андре Канивезом (André Canivez; 1909–1981) (Муза Васильевна называла его Андреем Андреевичем), за которого выйдет замуж 7 сентября 1948 г. Подготовка к замужеству отразилась в письмах. Сначала Муза Васильевна пишет намеками, затем сообщает радостную новость: «Милая Вера Николаевна, мне не верится такому счастью — снова жить своим, хоть маленьким, хоть скромным, но своим домом. Не быть у чужих, жить самостоятельно, не быть одной — какое счастье!»²⁰ «Я начала мою четвертую жизнь»²¹, — пишет она 12 декабря 1948 г. Первой жизнью она считает свое девичество до встречи с Федором Раскольниковым, второй — совместную жизнь с героем революции, третьей, отдельной полосой — одиночество в эмиграции и полуотшельнические годы в Ле Монтее, четвертая жизнь начинается со вторым замужеством. Брак окажется счастливым, отношения дочери Раскольниковой с ее новым мужем будут прекрасными.

Новобрачные поселились в пригороде Страсбурга в маленьком деревенском доме, который очень нравился Музе Васильевне тем, что не был похож на тесные городские квартиры (в городской квартире она жила после переезда в Эльзас). Общение с природой (в толстовском или раннебунинском ключе) кажется ей обязательным компонентом счастливой жизни. В том же 1948 г. Муза Расколькова-Канивез получила место преподавателя русского языка и литературы в Страсбургском университете. Ее начальником стал Борис Унбегаун — с ним и с его женой, как сказано в одном из писем, «мы в большой дружбе»²². Дочь Музы Васильевны, Муза Федоровна Расколькова, окончит школу и со временем поступит в тот же Страсбургский университет.

Судя по письмам конца 1940-х — начала 1950-х гг., М.В. Расколькова-Канивез внимательно следит за состоянием здоровья И.А. Бунина, перемещениями Ивана Алексеевича и Веры Николаевны из Парижа на юг Франции и обратно (в 1947, 1948 и 1949 гг. Бунины ездили на отдых в «Русский дом», в Жуанле-Пен). Когда в сентябре 1950 г. Бунину была сделана сложная операция (удаление опухоли в шейке мочевого пузыря), Муза Васильевна в письме выразит Вере Николаевне участие и поддержку: «Я хочу только просто Вам сказать, милая Вера Николаевна, что я по-прежнему часто о Вас думаю и нежно Вас люблю и от всего сердца желаю Вам и Ивану Алексеевичу всего самого хорошего, здоровья и сил. Пусть Иван Алексеевич поскорее совершенно выздоравливает»²³. 11 ноября 1953 г. М.В. Расколькова-Канивез пишет Вере Николаевне проникновенное письмо с соболезнованиями по поводу смерти Ивана Алексеевича в ночь на 8 ноября:

²⁰ РАЛ. MS. 1067/1738.

²¹ РАЛ. MS. 1067/1739.

²² РАЛ. MS. 1067/1740.

²³ РАЛ. MS. 1067/1742.

«Всей душой и всем сердцем я с Вами, милая Вера Николаевна, в Вашей огромной печали.

Мой муж и моя девочка вместе со мной скорбят о смерти великого русского писателя. Пусть будет легка земля его праху. Дух его будет жить в его прекрасных творениях.

Обнимаю Вас нежно, милая Вера Николаевна, и вместе с Вами плачу над гробом Вашего мужа и нашего великого писателя Ивана Алексеевича Бунина»²⁴.

30 января 1954 г. на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа перенесли гроб с телом И.А. Бунина из временного склепа в постоянный²⁵. Эта церемония была для Веры Николаевны едва ли не тяжелее похорон. В письме от 7 февраля Муза Васильевна писала: «30 января в 3 часа дня мысленно я была с Вами, сопровождая Вас в этой печальной и торжественной церемонии — перенесении гроба Ивана Алексеевича. Мне понятно Ваше горе и та пустота, которая вдруг открывается в жизни, когда теряешь близкого и дорогого человека, особенно когда этот человек Ваш муж»²⁶. Показательно, что Муза Васильевна знала о перенесении гроба, но ошиблась со временем. За несколько дней до 30 января В.Н. Буниной сообщили, что по закону переносить гроб можно лишь

²⁴ РАЛ. MS. 1067/1743.

²⁵ Перенос гроба И.А.Бунина не слишком хорошо освещен в научной литературе, в то время как этот эпизод представляется немаловажным. Первоначально гроб был помещен во временный склеп. См., напр., письмо В.Н. Буниной к А. Седых (Я.М. Цвибаку) от 13 ноября 1953 г., опубликованное в книге «Далекие, близкие»: «Я ездила с П.А. Михайловым на кладбище, где купила для нас на вечные времена могилу. Будет сделан склеп, пока гроб с телом стоит во временном склепе» (*Седых А.* Далекие, близкие. М.: Московский рабочий, 1995. С. 243). Помещение гроба во временный склеп было одним из моментов, перечисленных в завещании Бунина. См. в том же письме: «Я вспомнила слова Яна, когда он говорил мне о своей смерти: “Главное, ты не растеривайся, помни, где мое завещание, как меня хоронить”...» (Там же. С. 242). И далее: «Поставили во временный склеп, то есть все, как он хотел» (Там же. С. 245). Лист с распоряжениями И.А. Бунина, касающимися его похорон, хранится в РАЛ (MS. 1066/1274):

«Май 1942 г.

Ни в каком случае не хоронить меня в обыкновенной могиле, засыпаемой землей. Поставить ящик с моим телом в нишу какого-нибудь склепа или в подземелье церкви — как в Каннской церкви, например.

После моей смерти лицо мое должно быть *тотчас же* закрыто — чтобы уже никто и никогда больше не видал моего смертного безобразия.

Никаких фотографических снимков с меня мертвого! Никаких масок с лица и рук!

Если это будет возможно, даже никаких склепов и подземелий церковных: *сжечь меня как можно скорее* после наступления смерти». Эти распоряжения подписаны два раза «Ив. Бунин» и «Иван Алексеевич Бунин» (зелеными чернилами и красным шариковым пером — т.е. второй раз подписаны уже после Второй мировой войны). Возможно, постановка гроба во временный склеп была следствием неоднократно выраженной воли И.А. Бунина. С другой стороны, не исключено, что гроб был поставлен во временный склеп в силу технических причин, так как подготовка постоянного склепа требовала времени. Есть сведения, что так поступали не только с гробом И.А.Бунина. Например, 31 мая 1957 г. В.Н. Бунина писала Г.Н. Кузнецовой, сообщая о смерти М.А. Маклаковой: «Отпевание на rue Daru, ездили и в St. Génèviève. Пока гроб стоит во временном склепе. Могила куплена 20 л<ет> тому назад, но нужно приготовить ее» (ИА ИВЕ. Ф. 141).

²⁶ РАЛ. MS. 1067/1744.

до 9 часов утра, и перенос произошел на заре. И вновь Муза Васильевна считает своим долгом поддержать В.Н. Бунину в той жизненной ситуации, в которой когда-то Вера Николаевна поддерживала ее.

Среди книг, вышедших в эти годы, В.Н. Бунина и М.В. Расколькова-Канивез обсуждают либо книги общих знакомых, либо воспоминания, напрямую касающиеся И.А. Бунина. Например, книгу В.М. Зензинова «Пережитое», вышедшую в 1953 г., сразу после смерти автора. «Владимир Михайлович в ней так верно отражен. Жалко, что он доводит свой рассказ только до 1908 года»²⁷, — пишет Муза Васильевна в феврале 1954 г. Ей, по-видимому, книга дорога прежде всего тем, что это духовный портрет близкого ей человека. В.Н. Бунина прочитала «Пережитое» чуть позднее, весной 1954 г. Ей книга не понравилась. В письме к Г.Н. Кузнецовой от 6 апреля 1954 г. она судит автора за инфантилизм — с точки зрения того самого надчеловеческого «смысла истории», о котором писал Яновский: «Прочла книгу и Зензинова, — <...> стало жутко, как человек, на глазах которого прошла трагедия целого государства, пишет так, как можно было бы писать до 17 года. Он одарен и художественно, имеет легкий стиль, местами, где описывается природа, хорошо, где он спасается от филеров, но весь тон книги ужасен. Никакого раскаяния, телячий восторг перед “товарищами”, которыми руководил Азеф, ловко сохраняя тех, кто мог еще давать деньги на партию (его, Гоца), и предавая бедняков-героев. <...> И совершенно нет ни государственного понятия о России, ни знания ее управления, ни даже самоуправления. Я рада, что Ян не прочел этой книги, ему было бы очень тяжело, — он любил автора»²⁸.

В 1959 г. М.В. Расколькова-Канивез пишет Вере Николаевне о воспоминаниях Н.Д. Телешова, друга Буниных по дореволюционной Москве, организатора знаменитых «Сред», писателя, оставшегося в СССР и переписывавшегося с Иваном Алексеевичем в 1945–1947 гг.: «Начала читать воспоминания Телешова, которые меня местами коробят»²⁹. По-видимому, раздражал Музу Васильевну советский дух этой книги, от которого она уже успела отвыкнуть. Примерно так же рассуждает она о книге «Чехов. Бунин. Куприн. Литературные портреты» (1960) советского писателя Л.В. Никулина (Ольконицкого), одним из первых начавшего писать о Бунине в СССР: «Напишу в Дом Книги в Париж, чтобы мне выслали книгу Никулина. Конечно, трудно было бы ожидать, чтобы он не был тенденциозным. Это у него (да и у всех, воспитанных там) вторая натура. Но все же он культурнее многих советских писателей, и то, что им совершенно недоступно, может проскальзывать у него»³⁰. Здесь ее мнение практически совпадает со мнением В.Н. Буниной, принимавшей Никулина у себя в Париже, но не считавшего его человеком близким и понимающим творчество Бунина. В письме от 20 ноября 1960 г. мнение Музы Васильевны сформулировано еще более четко: «А вот на днях прочитала книгу Никулина “Чехов, Бунин, Куприн” и ужаснулась. Господи, до чего это бесчеловечно! Как

²⁷ РАЛ. MS. 1067/1744.

²⁸ ИА ИВЕ. Ф. 141.

²⁹ Письмо от 5 октября <1959> (РАЛ. MS. 1067/1764).

³⁰ Письмо от 26 мая <1960> (РАЛ. MS. 1067/1760).

это бессердечно и плоско! И как все подгоняется к одной цели — доказать, что Чехов в Бога не верил, что Бунин по “классовой ограниченности” не мог увидеть новой жизни “народа, перестроившего свою жизнь” и т.д. Никулин, конечно, знает много и более ловок, чем иные сов<етские> критики, но у него нет ни сердца, ни благородства, а постоянные упражнения в подобного рода писаниях (это, конечно, не его вина) довели до того, что у него даже правда звучит ложью»³¹. Знаменательно, что спустя десятилетия М.В. Раскольников осуждает Никулина за то же самое, что когда-то писал о Бунине ее первый муж. Как сказал бы Яновский, еще один круг истории замкнулся.

В 1958 г., узнав о том, что Вера Николаевна, не найдя издателя, хочет издавать свою книгу «Жизнь Бунина. 1870—1906» по подписке, Муза Васильевна тут же подписалась на книгу и внесла свою лепту. В.Н. Бунина издала биографию Бунина тиражом 500 экземпляров, организовав подписку среди тех друзей и знакомых, кто хотел иметь книгу у себя.

Из общих эмигрантских знакомых в письмах упоминаются Наталья Лебедева, племянница И.И. Фондаминского, и Саша (Александр Борисович) Конюс, внук С.В. Рахманинова, сын его младшей дочери Т.С. Конюс и Б.Ю. Конюса. А.Б. Конюс посещал Канивезов в Страсбурге.

Особое внимание уделено в письмах общим знакомым из круга Буниных, с которыми М.В. Раскольников встречалась до войны в Грассе. Это писатель Леонид Федорович Зуров, ставший для Буниных одним из членов семьи, и Елена Николаевна (Ляля) Жирова с дочерью Олечкой. К Олечке Жировой Иван Алексеевич и Вера Николаевна относились как к дочери. Уже в первом письме от 20 сентября 1945 г. Раскольников пишет: «Поцелуйте от меня Олечку и ее маму. Очень было приятно видеть их обоих»³². Олечку Жирову Раскольников неоднократно вспоминает и в последующих письмах. Например, 10 августа 1959 г.: «<...> очень огорчена и тем, что Ваш анализ не показал улучшения <речь идет об анализе крови Веры Николаевны. — Е.П.>, и тем, что бедная Олечка больна. Через Вас я ее очень полюбила, и теперь мне ее ужасно жаль. Жаль также и бедную несчастную Лялю. Передайте ей все мое сочувствие и мое горячее желание Олечкиного выздоровления»³³. Показательно, что люди, которых Вера Николаевна считает почти родными, становятся таковыми и для Музы Васильевны. Возможно, что Раскольников проводит подсознательную параллель между собственной судьбой и судьбой Е.Н. Жировой с дочерью (ведь Ляля так же бездомна и, по выражению В.Н. Буниной, «беспризорна»). 16 февраля 1960 г., узнав о внезапной смерти Е.Н. Жировой накануне Олечкиной свадьбы, Муза Васильевна написала В.Н. Буниной проникновенное письмо, в котором видно и глубокое религиозное чувство, и обретенный за эти годы (вероятно, не без влияния Веры Николаевны) христианский дар утешения:

«Давно я так не плакала, как сегодня утром, читая Ваше письмо. <...> Есть в этом уходе Ляли на самом пороге Олечкиной новой жизни несомненный и таинственный смысл. <...> Оплакивая Лялю со всей жалостью и любовью, не-

³¹ РАЛ. MS. 1067/1747.

³² РАЛ. MS. 1067/1737. Грамматика оригинала.

³³ РАЛ. MS. 1067/1761.

возможно для меня чувствовать в ее смерти только отчаяние и мрак. Есть в ее смерти что-то жертвенное, что-то побеждающее самую смерть. <...> Об этом невозможно говорить, и я могу поделиться только с Вами и Андреем, Вы меня знаете и поймете. Как хорошо, что венчание Олечки не отложили³⁴. Какая красота древних трагедий в этой близости смерти и молодого счастья»³⁵

«Новой жизнью» называла М.В. Раскольниковка каждое новое замужество применительно к себе, теперь этими же словами говорит она об О.А. Жировой. Ощущение постоянного присутствия в жизни человека божественного провидения, действительно, создает глубокое духовное родство между Музой Васильевны и Верой Николаевны.

Интересно, что в 50-е гг. М.В. Раскольниковка-Канивез с дочерью каждое лето посещают Ле Монтей — то место, где они безвыездно провели военные годы. Старинный дом XVII в. описан в уже упоминавшемся письме В.Н. Буниной к Г.Н. Кузнецовой от 19 июля 1959 г.: «6000 метров над уровнем моря в домешато, построенном в 17 в<еке> на месте разрушенного шато 12 века. Линии башни и дома очень простые. Перед шато густые липы, ореховые деревья, за ними лужок, и все замыкается лесистым холмом»³⁶. В письме Музы Васильевны от 20 сентября 1945 г. сказано о пейзаже вокруг дома: «Великолепная лужайка перед домом, полная ромашек в июне, дальше лес, река, холмы в розовом вереске. Весь пейзаж бесконечной кротости и глубины»³⁷. Вероятно, это место Раскольниковой особенно дорого — как дом детства дочери, полный воспоминаний о трудностях войны.

Муза Васильевна настойчиво приглашает Веру Николаевну в гости. Можно сказать, это основной сюжет переписки. Выходя замуж за Андре Канивеза, радуясь тому, что у нее будет собственный дом, Муза Васильевна писала Вере Николаевне в 1948 г.: «Я хочу, милая Вера Николаевна, чтобы Вы и Иван Алексеевич считали мой будущий дом также и Вашим домом. Я радостно надеюсь, что когда-нибудь вы оба приедете погостить к нам»³⁸. В конце 1948 г. она повторяет: «В глубине сердца я лелею мечту, что когда-нибудь Вы и Иван Алексеевич захотите погостить у нас и отдохнуть. Во всяком случае, теперь, когда у меня есть дом, прошу Вас, милая Вера Николаевна, считать его и Вашим»³⁹. С новой силой возобновляются приглашения после смерти И.А. Бунина. Например, в письме от 7 февраля 1954 г.: «Милая Вера Николаевна, мой муж и я очень хотели бы, чтобы Вы приехали весной немного погостить у нас. Живем мы просто, но мы постараемся, чтобы Вам было хорошо»⁴⁰. 2 июля 1959 г. последует приглашение приехать именно в Ле Монтей: «У меня есть к Вам просьба: приезжайте провести со мной две недели в чудесном спокойном уголке. 10 июля я

³⁴ Венчание состоялось 14 февраля. См. письмо В.Н. Буниной к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун от 11 февраля 1960 г.: «Бракосочетание не откладывают с благословения духовника Олечкиного и, конечно, врача. Оставить ее одну с горем нельзя» (ИА ИВБ. Ф. 141).

³⁵ РАЛ. MS. 1067/1757.

³⁶ ИА ИВБ. Ф. 141.

³⁷ РАЛ. MS. 1067/1737.

³⁸ РАЛ. MS. 1067/1738.

³⁹ РАЛ. MS. 1067/1739.

⁴⁰ РАЛ. MS. 1067/1744.

уезжаю в департамент Corrèze в нескольких километрах от Лиможа. Я буду только с моей девочкой (так мужа задерживают лекции иностранным студентам) в прелестном уголке, где будет место и для Вас. Я, разумеется, приглашаю Вас погостить у меня и все заботы обо всем беру на себя. Вам только нужно будет сесть в поезд в Париже и сойти (без пересадки) в Uzerche, где я Вас буду ждать с автомобилем и от Uzerche мы в 28 км. Решайтесь, милая Вера Николаевна, и приезжайте как можно скорее, чтобы не терять времени до 1 августа, когда дом наполнится родственниками мужа»⁴¹. Это приглашение В.Н. Бунина наконец примет. В письме от 6 июля Муза Васильевна выражает большую радость по этому поводу, а 8 июля сообщает, что в воскресенье 12 июля к Вере Николаевне, возможно, зайдет Андре Канивез (проводив жену и падчерицу в Ле Монтей, он через Париж возвращался в Страсбург) и подробно расскажет, как нужно ехать. Этот визит 12 июля зафиксирован в дневнике Веры Николаевны:

«Днем звонок, приехал Канивец. Приятный человек. Он профессор по философии. Считает Шестого <т.е. Л. Шестова, обычная орфография В.Н. Буниной. — Е.П.> выше Бердяева. <...> Написал мне подробный адрес»⁴².

17 июля Вера Николаевна выехала из Парижа, в тот же день прибыла в Ле Монтей и оставалась там до 4 августа. На железнодорожной станции Uzerche ее встретила М.В. Раскольников-Канивез с дочерью Музочкой и подругой дочери, француженкой Элиан⁴³. Вероятнее всего, Вера Николаевна впервые увидела Музочку после войны. Впрочем, это знакомство могло состояться и немного раньше. В письме от 12 марта 1959 г. Муза Васильевна писала Вере Николаевне: «Я надеюсь быть в Париже на Страстной неделе, дня на 3—4 с моей девочкой. Конечно, очень хотелось бы повидаться с Вами и показать Вам свою дочку»⁴⁴. Мы не знаем, побывали ли Муза Васильевна и Музочка у Веры Николаевны в конце марта 1959 г. Так или иначе, девушка очень понравилась вдове писателя. В упоминавшемся письме к Кузнецовой есть строки и о Музочке: «Ее дочка прелестная девушка (19 лет), сложенная, как мальчик, учится в <университете>те на археолога. Я даю ей уроки русского языка, ученица способная»⁴⁵. Очень характерно для Веры Николаевны: приехав отдохнуть на две недели в сельскую местность, она тут же предлагает начать уроки русского языка с дочерью Федора Раскольникова. С этих недолгих занятий русским языком начинается переписка Музочки Раскольниковой с В.Н. Буниной. В РАЛ хранятся четыре письма от Музочки (их было больше). Эти открытки и письма показывают, что Музочка почти не знала языка отца и матери, русский был для нее практически иностранным. Можно продолжить рассуждения Яновского: в том, что дочь Раскольникова едва-едва пишет по-русски, чувствуется дыхание истории.

Вскоре после приезда Веры Николаевны Музочка с подружкой Элиан отправится на свадьбу знакомой в Бордо (оттуда она напишет первую открытку

⁴¹ РАЛ. MS. 1067/1758.

⁴² РАЛ. MS. 1067/444.

⁴³ Там же.

⁴⁴ РАЛ. MS. 1067/1745.

⁴⁵ ИА ИВЕ. Ф. 141.

В.Н. Буниной), и почти на неделю вдовы знаменитых мужей останутся одни. Гостя в Ле Монтее, Вера Николаевна читала произведения мужа (дневниковая запись от 20 июля 1959 г.: «Читаю Бунина, и здесь особенно остро он действует»⁴⁶), духовную книгу о тайнах загробной жизни, а вечерами вслух для Музы Васильевны — свои воспоминания (какие-то страницы воспоминаний, судя по дневнику Буниной, писались непосредственно в Ле Монтее). Женщины беседовали о прошлом, накануне отъезда говорили о Федоре Раскольникове (дневниковая запись от 3 августа 1959 г.): «Вечером Муза читала. Потом говорили о Раскольникове. Она плакала. Трагические дни ей пришлось пережить»⁴⁷. Показательно, что 20 ноября 1960 г., более года спустя, Муза Васильевна по-прежнему вспоминала этот вечер: «Ваша доброта и сердечная теплота так меня радуют. Никогда не забуду наши беседы в Monteil и, особенно, наш разговор вечером накануне Вашего отъезда. Спасибо, дорогая и милая Вера Николаевна, за Вашу дружбу и ласку»⁴⁸.

Тема Расколькова, а также родных и знакомых бывшего мужа неоднократно возникает и в переписке. В письме от 6 июля 1959 г. Муза Васильевна просит Бунину взять с собой в Ле Монтей книгу Ларисы Михайловны Рейснер (1895—1926), первой жены Расколькова, — переиздание ее сочинений 1920-х гг., только что вышедшее в Москве⁴⁹. Книга «Фронт» (1924), входящая в этот сборник, имеет для Музы Васильевны особое значение. Во-первых, один из героев книги — Раскольников, командир Волжской военной флотилии. Во-вторых, первое издание «Фронта» (М.: Красная новь, 1924), как рассказано в воспоминаниях, Муза читала перед первой встречей с будущим мужем. Вероятно, ее интересует, упоминается ли в новом издании фамилия Расколькова, — это означало бы косвенную реабилитацию. Однако фамилии Раскольников в издании 1958 г. нет. Издатели нашли компромисс: вместо фамилии постоянно используются слова «командир флотилии» и «комфлота».

Вероятно, книга Л. Рейснер была интересна и дочери Федора Расколькова. В дневниковой записи от 3 августа 1959 г. Вера Николаевна записала: «У Музочки отец — мечта»⁵⁰. В недатированном кратком письме Музочка Расколькова писала В.Н. Буниной, что начала читать книгу отца «Записки мичмана Ильина»⁵¹. Вероятно, Муза Васильевна помогала дочери в чтении книги на русском языке. С другой стороны, в комнате дочери Расколькова висел фотографический портрет Ивана Бунина, подаренный Верой Николаевной. Привезти с собой фотографию великого писателя попросила Муза Васильевна — в том же самом письме, в котором она просила о книге Ларисы Рейснер: «Если у Вас есть лишняя фотография Ивана Алексеевича, Вы осчастливите мою девочку»⁵². Еще один круг истории замкнулся.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ РАЛ. MS. 1067/1747.

⁴⁹ *Рейснер Л.М.* Избранные произведения / Вступ. ст. Б. Брайниной; Сост. и подгот. текстов А. Наумовой. М.: Гослитиздат, 1958.

⁵⁰ РАЛ. MS. 1067/444.

⁵¹ РАЛ. MS. 1067/1770.

⁵² РАЛ. MS. 1067/1751.

Другой пример из переписки: в письме от 29 августа 1960 г. М. В. Раскольников-Канивез просила В. Н. Бунину узнать через ее советских знакомых о судьбе брата Ф. Ф. Раскольникова Александра Федоровича Ильина-Женевского (1894—1941), «который перед войной был в агентстве Наркоминдела в Ленинграде»⁵³. Ильин-Женевский был советским партийным и государственным деятелем, одним из организаторов шахматного движения в СССР. На Первом московском международном турнире по шахматам (1925) Ильин-Женевский одержал победу над Р. Капабланкой. Вера Николаевна узнала и сообщила Музе Васильевне о его смерти во время войны. 22 января 1961 г. Муза Васильевна благодарила ее и сообщала о странном совпадении: «Вообразите, что за два дня до получения Вашего письма мне случайно подвернулась под руку книжка о советских шахматистах. Мой beau frère⁵⁴ был известным шахматистом, одно время даже чемпионом СССР. В этой книге давалась его биография, очень хвалебная, и сообщалось, что он был убит немецкой бомбой во время бомбардировки Ленинграда в 1941 году. Так я узнала о его смерти двадцать лет спустя»⁵⁵.

Писатель Лев Никулин, о котором много пишут друг другу Вера Николаевна и Муза Васильевна, тоже связывает двух вдов с Раскольниковым. Дело в том, что в революционные годы он хорошо знал Ларису Рейснер. В своих воспоминаниях Никулин рассказывал, что познакомился с ней еще в 1913 г. (он сотрудничал в журнале «Рудин», издававшемся ею и ее отцом)⁵⁶. Вероятно, через Рейснер в первые годы советской власти познакомился он и с Раскольниковым. В 1920—1921 гг., когда Раскольников возглавлял Балтийский флот, Никулин служил в Политуправлении Балтфлота: «Эти годы были связаны с частыми, почти ежедневными встречами с Ларисой Михайловной в громадной и довольно неуютной квартире, полагавшейся по штату адмиралу, командовавшему Балтийским флотом»⁵⁷. В 1921—1923 гг. вместе с Раскольниковым и Рейснер Никулин едет в Афганистан в составе советской дипломатической миссии (Раскольников — в роли полпреда, Никулин будет сотрудником консульства в Герате). Таким образом, на протяжении нескольких лет Раскольников и Никулин встречались постоянно. Никулин, вероятно, написал бы и воспоминания о Раскольникове, но умер до того момента, когда упоминание Раскольникова в советской печати стало возможно.

Кроме того, общей знакомой случайно оказалась и жена Никулина Екатерина Ивановна. 30 ноября 1959 г. Муза Васильевна писала: «Меня ужасно заинтересовала жена Никулина. Она меня знала в школе или в Университете? Ради Бога, милая, вспомните ее фамилию. Вы не можете себе представить, как меня волнует возможность хотя бы не прямо, а косвенно встретить кого-то, кто меня знал в те далекие невозвратные годы. <...> После Вашего письма на меня буквально нахлынули воспоминания о моей юности, все то, что, казалось, позабыла я навеки, но что в действительности только спало в моей душе. <...> Нет,

⁵³ РАЛ. MS. 1067/1746.

⁵⁴ деверь, брат мужа (*фр.*).

⁵⁵ РАЛ. MS. 1067/1766.

⁵⁶ *Никулин Л.* Лариса Рейснер // Никулин Л. Годы нашей жизни: Воспоминания и портреты. <М.>: Московский рабочий, 1966. С. 163—192.

⁵⁷ Там же. С. 174.

ничего, ничего нельзя забыть, все пережитое навсегда с нами»⁵⁸. Вера Николаевна попыталась навести справки о жене Никулина. В этом ей помог московский литературовед П.Л. Вячеславов, занимавшийся творчеством И.А. Бунина и регулярно переписывавшийся с В.Н. Буниной. В письме от 7 января 1960 г. он сообщал: «Никулина — по театру — Рогожина, думаю, что не ошибаюсь. Эту фамилию я “встречал” у них же дома, а на днях заходил в Малый театр, просмотрел десяток афиш ближайших постановок, на одной афише нашел ту же фамилию с инициалами Е.И. <...>, — заключаю, что Екатерина Ивановна Рогожина — это и есть Е.И. Никулина»⁵⁹. Выяснилось, что жена советского писателя Никулина и жена дипломата-невозвращенца Раскольникова ходили в одну московскую школу. 13 сентября 1960 г., получив от Веры Николаевны все добытые сведения, Муза Васильевна писала: «Спасибо, родная, за сведения о Ек<атерине> Ив<ановне> Рогожиной. Но как не бьюсь, никак не могу отыскать ее в памяти. Была она в одной со мной школе (26 школа Рогожско-Симоньковского района, около Таганки)? Правда, что лучше помнишь учеников старших классов, чем младших. Ужасно жалко мне это. Если бы я ее встретила, то, может быть, вспоминая других товарищей по школе, я бы ее отыскала»⁶⁰.

Круги истории, по выражению Яновского, смыкаются в переписке постоянно.

Следующим летом, в 1960 г., М.В. Раскольников-Канивез вновь упорно зовет В.Н. Бунину к себе в гости. Однако вдова писателя твердо решила: не ездить отдыхать, пока не окончит книгу воспоминаний «Беседы с памятью». Это было ее последнее лето. Весной 1961 г. В.Н. Бунина скончалась. Но и в последний год жизни Вера Николаевна не забывает о том, что Музочке Раскольниковой необходимо учить русский язык. По-видимому, в одном из писем в августе–сентябре 1960 г. она сообщила Музе Васильевне, что в Медоне под Парижем при Институте св. Георгия организуются летние курсы русского языка. Летом 1960 г. В.Н. Бунина несколько раз посещала Институт по приглашению одного из его руководителей — отца Алексея Стричека. В письме к Г.Н. Кузнецовой от 1 сентября 1960 г. она писала: «Была только два раза на обеде в учреждении Сен-Жоржа, где в августе был курс русского языка молодежи, съехавшей<ся> из многих стран, впечатление редкое, атмосфера любви, веселости и непринужденности»⁶¹. Этим впечатлением, надо думать, Вера Николаевна поделилась и с Музой Васильевной. 13 сентября 1960 г. та отвечала: «Как жалко, что мы не знали о существовании в Медоне курсов русского языка в августе! Музочка могла бы туда поехать. Во всяком случае, я постараюсь осуществить это в будущем году»⁶².

Семья Канивез весь остаток жизни провела в Страсбурге. Муза Федоровна Раскольников-Канивез стала историком, окончила Сорбонну и прошла стажировку в Московском государственном университете. Написала книгу «Советские ис-

⁵⁸ РАЛ. MS. 1067/1749.

⁵⁹ РАЛ. MS. 1067/7422.

⁶⁰ РАЛ. MS. 1067/1765.

⁶¹ ИА ИВБ. Ф. 141.

⁶² РАЛ. MS. 1067/1765.

следования в области социально-экономической истории античного мира»⁶³, посвященную памяти отца. Андре Канивез умер в Страсбурге в 1981 г., Муза Васильевна в 2006 г. Она пережила свою дочь, умершую рано — в 1986 г. Главный научный труд Музы Федоровны был издан после ее смерти⁶⁴. Как указывается в воспоминаниях М.В. Раскольниковой-Канивез «Тень быстротечной жизни», всю свою жизнь она хранила память о своем первом муже, 25 лет берегла архив Расколькова и в 1964 г. передала бумаги в СССР.

Вся история знакомства и дружбы Веры Николаевны Буниной с Музой Васильевной Раскольниковой тоже кажется сомкнувшимся кругом истории. Жены примиряют и снимают те, казалось бы, неразрешимые противоречия, которые не позволяли их мужьям понимать друг друга. Христианские и общечеловеческие истины побеждают идеологическую неприязнь. Эта история — одна из ярких иллюстраций далеко не всем очевидного положения: при создании новой развернутой биографии Бунина («Материалы к биографии» А.К. Бабореко и книжки из серии ЖЗЛ узки и необъемны) должны быть непременно учтены широкие связи и знакомства жены писателя Веры Николаевны.

Настоящей публикации любезно содействовала администрация Русского архива в Лидсе (University of Leeds). Автор благодарит за помощь, советы и консультации Ричарда Дэвиса (РАЛ), Габриэля Суперфина (Исторический архив Института Восточной Европы при Бременском университете), Льва Мнухина и Олега Коростелева (Москва); Catherine Delano-Smith (Лондон).

⁶³ *Raskolnikoff M.* La recherche en Union Soviétique et l'histoire économique et sociale du monde hellénistique et romain. Strasbourg: A.E.C.R., 1975.

⁶⁴ *Raskolnikoff M.* Histoire romaine et critique historique dans l'Europe des Lumières: La naissance de l'hypercritique dans l'historiographie de la Rome antique. <Rome>: Ecole Française de Rome, 1992.

НЕЦЕНЗУРНЫЙ БУНИН СТИХОТВОРНЫЕ ПАРОДИИ КОНЦА 1940-Х ГОДОВ*

Подготовка текста, вступительная статья и примечания Е.Р. Пономарева**

Когда-то прочитав в книге Ю.В. Мальцева о написанной Буниным (и принципиально не опубликованной) опере «Курва-блядь Оленушка»¹, я очень заинтересовался остроумным заглавием. Ведь эта сторона творчества Бунина нам совсем неизвестна. Мы знаем, что Бунин был не сдержан на язык, знаем, как вкусно при этом он умел выражаться; но эта существенная часть «разговоров Бунина» не записана ни А.В. Бахрахом, ни Г.Н. Кузнецовой. Те материалы, думал я, о которых вскользь упомянул Ю.В. Мальцев, могут послужить единственным источником для изучения живого голоса писателя — его особого, «нецензурного» тембра.

Тембр этот интересовал, думается, не одного меня. Например, на одной из Бунинских конференций в Воронеже (2003 г.) проф. Г.Ф. Ковалев сделал доклад «Особенности языка Бунина», уделив особое внимание Бунину-«матерщиннику». Чувствовалось, как не хватает докладчику материала. И впрямь: к огромному сожалению, не зафиксировано доподлинно ни одной бранной фразы, сказанной мастером русской прозы. Все традиционно повторяемые анекдоты о ругательствах Бунина (один из основных и наиболее остроумных — анекдот Андрея Седых о Бунине и таксисте²) строго ситуационны, а не лингвистичны.

* Тексты И.А. Бунина публикуются с любезного разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate, © 2010.

** © Евгений Пономарев, 2010.

¹ *Мальцев Ю.* Иван Бунин: 1870–1953. <М.>: Посев, 1994. С. 160.

² «Ехали мы как-то ночью в такси. В те годы множество шоферов такси в Париже были русские. Узнать их сразу можно было по акценту <...>. Но вот на этот раз мы не узнали, — дали адрес, и шофер повез по темным улочкам, дальней дорогой, и Бунин вдруг начал ругаться сочными, отборными словами. Шофер обернулся к нам и добродушно, словно вся эта ругань к нему не относилась, сказал: / — А вы, господин, должно быть, из моряков? Ловко выражаетесь. / — Я не моряк, — как-то строго и скороговоркой ответил Бунин. — Я — почетный академик по разряду изящной словесности. / Тут шофер просто покотился со смеху и долго потом еще не мог успокоиться: / — Академик!.. Да... Действительно, изящная словесность!» (*Седых А.* Далекое, близкие. М.: Московский рабочий, 1995. С. 206).

Работая в Русском архиве в Лидсе, я познакомился с текстом анонсированной Мальцевым «оперы». Оказалось, что занимает она одну страничку, далее текст обрывается. Тема кажется случайной, ее стилистическое оформление напоминает театральные капустники. На первый взгляд, никакого интереса, кроме курьезного, «опера» не представляет. Однако в общем контексте бунинского архива с нею соседствуют другие «нецензурные» стихотворения, тоже никогда не публиковавшиеся. Повторяясь, прием обретает значимость. Эти несколько произведений (а также наброски к ним) с очевидностью представляют собой единый тематический комплекс «Нецензурный Бунин». Название условно, ибо не в каждом тексте этого комплекса обязательно содержится нецензурная лексика. Точнее было бы сказать, что этот комплекс стихотворений объединяют пародийность и резкая полемичность.

Может показаться, что тексты этого комплекса следует воспринимать в одном ряду с «несерьезными» стихами Бунина — детскими, адресованными Олечке Жировой, или шуточными, написанными по случаю (на это указывает, казалось бы, и тот факт, что «Нецензурный Бунин» в составе собрания рукописей Бунина как бы проложен шуточным стихотворением «Все болгары нам братушки...»³ и стихотворением на случай — адресованным Б.Г. Пантелеймонову «Жили-были седые коты...»⁴). Их объединяет камерная форма. И те и другие стихи пишутся не для широкой публики, а для употребления в домашнем (дружеском) кругу. Они не попадают в газеты и журналы, а только в письма и дневники. Многочисленные стихи для О. Жировой отправляются по почте адресату, но перед этим переписываются в дневник. Шуточные стихи могут остаться исключительно в дневнике, а могут заодно войти в письма друзьям. Нецензурная лексика, встречающаяся в несерьезных стихах, аналогична разговорной детской лексике. Она маркирует шуточность, несерьезность, «приватность» созданного текста. Вместе с тем эти тексты претендуют на статус «шутки гения» (для которого нормы бытового поведения не абсолютны) и, таким образом, перерастают свое бытовое назначение, поднимаясь до уровня поэзии посвященных.

Например, в дневнике Бунина военных лет находим два стихотворения на тему фашистской идеологемы «Новая Европа». Одно — с детской сниженной лексикой — адресовано О. Жировой, другое — с матерщиной — Н.Я. Рошину.

Запись от 30 марта 1942 г.:

«Послал письмо Олечке:

“Ты спрашиваешь, как мы пировали у наших друзей. Вот как:

У моих друзей пируя,
Ел змеиную икру я,
Пил настойку из клопов
И вино из бураков.
Остальное тоже было
Очень вкусно, очень мило:

³ РАЛ. MS. 1066/63.

⁴ РАЛ. MS. 1066/66.

Суп из наба, фарш из блох
И на жареное — мох.
А потом нам подавали
Карамель из мух в крахмале,
Чай Пи-пи и торт Ка-ка
Из кондитерской в Восса”

Все это недалеко от правды. *Nouvelle Europe*»⁵.

Запись от 16 октября 1943 г.:
«Послал письмо Капитану:

Трудно с новой Европой!
Не кури, не пей, не лопай!
Люди в сей *Nouvelle Europe*
Будут, видимо, без ж.,
Даже чтобы срать и е.,
Будут карточки иметь!»⁶

Однако камерной формой публикации сходства ограничиваются. Комплекс «Нецензурный Бунин» сложнее, чем обычные шуточные стихи. Бросается в глаза тот факт, что он весь построен на пародии. Нецензурная лексика в нем не маркирует приватность (приватность этих текстов может даже вызвать сомнение: под некоторыми стихотворениями «Нецензурного Бунина» проставлены даты написания, почти все они перепечатаны на машинке или написаны начисто четким почерком для удобства чтения другими людьми), она не украшение текста, а основной художественный прием. Ее нельзя заменить на «детские слова», как в случае со стихотворениями о «*Nouvelle Europe*». «Нецензурный Бунин» при помощи лексико-тематического снижения пародирует высокий классический текст — от Эзопа до Пушкина, А.Н. Островского и Достоевского. Пародия соотносит текст классической русской литературы с современным сюжетом — советским (№ 3, 4, 6, отчасти № 1), эмигрантским (№ 5, 6, отчасти № 1) или основополагающими идеологемами эмиграции (№ 2). Классический текст выступает в качестве инварианта, сама пародия представляет сниженный, опошленный вариант. Характерно, что в большинстве случаев Бунин сначала аккуратно переписывает пародируемый образец, а затем уже создает переделку.

Если искать аналоги этим текстам в опубликованном творчестве Бунина, то это, прежде всего, сатирическая переделка народной сказки «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее» (1923). Этот текст, почти проигнорированный критиками (но включенный Буниным в собрание сочинений, выпущенное берлинским издательством «Петрополис», что показательно), выстроен так же, как и публикуемые стихотворные пародии. Народная сказка традиционно симпатизирует Емеле. В пародийной переделке Бунина герой — бездельник и подлинный дурак (ему по легкомыслию нет дела до того, например, что он передал

⁵ РАЛ. MS. 1066/535.

⁶ Там же.

множество народа) и вместе с тем воплощение глубин национального (народного) сознания, вроде Серого из дореволюционной «Деревни» (1910)⁷. Вся манера изложения снижает излюбленный сюжет русской сказки. Другой аналог — пародийная перделка стихотворения Лермонтова «Ангел» («По небу полночи Зайцев летел...») в письме к Тэффи⁸. В ней инструментом пародии становится (соотносимая с темами творчества Б.К. Зайцева) бессмыслица, вызванная подстановкой фамилии «Зайцев» вместо слова «ангел». В последнем случае хорошо видно, что тексты такого рода сохраняют функцию всех несерьезных стихотворений — это «шутка гения». Тэффи включается в игру и сочиняет «лермонтовское» продолжение про Зайцева: «шутка гения» превращается в шутки гениев между собой, понятные им одним в силу их глубины и утонченности. Объект для шутки — незадачливый (в их понимании) литератор, не входящий в сакрализованный круг гениев. Пародируемый текст, напротив, принадлежит тому же сакрализованному кругу: он непременно «классический» и широко известный.

С другой стороны, пародия бросает тень и на пародируемый инвариант. Сказка о Емеле, которой принято восхищаться, на самом деле, считает Бунин, апофеоз российского безделья и глупости. Стихотворение Лермонтова тоже ущербно. Аккуратно переписав «Ангела», Бунин отчеркивает строки: «Под кушами райских садов, / О Боге великом он пел — и хвала / Его *непритворна* была...» — и пишет рядом: «Ужасно плохо». А затем комментирует выделенное им слово последней строки: «Ужели ангел мог *притворяться?*»⁹

В этом свете пародии Бунина органически входят в более широкий круг значений. Они — часть некой «ревизии» классической русской литературы, которую писатель предпринимает в последние годы жизни. Чувствуя себя последним представителем классической традиции, Бунин перечитывает русскую классику и, повторяя обычай Л.Н. Толстого, в письмах, разговорах и книге «Воспоминания» (1950) ставит оценки предшествующим ему литераторам. Например, в дневнике: «Нечего читать — стал опять перечитывать Тургенева: “Часы”, “Сон”, “Стук, стук”, “Страшная история”. Все искусственно, “Часы” совершен<енно> ненужная болтовня»¹⁰. Или: «Перечитываю “Гардениных” <...>. Много не хорошо»¹¹. Точно так же, на равных, с точки зрения Истории, Вечности, Памяти (последнее понятие, с заглавной буквы — излюбленная бунинская мифологема эмигрантского периода), судит Бунин и Лермонтова.

«Ревизии» подвергается не только русская классика, но и современная советская литература. Прежде всего та, что отмечена эмигрантской критикой и

⁷ Ср. в «Окаянных днях»: «Отсюда Герцены, Чацкие. Но отсюда же и Николка Серый из моей “Деревни” <...>. Какая это старая русская болезнь, это томление, эта скука, эта разбалованность — вечная надежда, что придет какая-то лягушка с волшебным кольцом и все за тебя сделает: стоит только выйти на крылечко и перекинуть с руки на руку колечко!» (Бунин И.А. Собрание сочинений. Т. 10: Окаянные дни. <Берлин>: Петрополис, 1935. С. 96).

⁸ Переписка Тэффи с И.А. и В.Н. Буниными. 1948–1952 // Диаспора. Вып. 3. С. 555.

⁹ Там же.

¹⁰ РАЛ. MS. 1066/534 (запись от 7 сентября 1941 г.).

¹¹ РАЛ. MS. 1066/535 (запись от 25 декабря 1942 г.).

может показаться интересной¹². Например: «Нынче и вчера читал рассказы Зошенко 37 г. Плохо, однообразно. Только одно выносишь — мысль, до чего мелка и пошла там жизнь. И недаром всегда пишет он столь убогим, полудикарским языком — это язык его несметных героев, той России, которой она стала»¹³. Или: «Кончил перечитывать рассказы Бабеля. “Конармия”, “Одесские рассказы” и “Рассказы”. Лучшие — “Одесск<ие> р<ассказы>”. Очень способный — и удивительный мерзавец. Все цветисто и часто гнусно до нужника. Патологическое пристрастие к кошунству, подлому, нарочито мерзкому»¹⁴. Стихотворные пародии с советским сюжетом (прежде всего № 3 и № 6), должны, по-видимому, восприниматься в этой же сфере значений — как советский перепев вечного сюжета. Тексты Пушкина и Державина, воспринятые как инварианты, помещенные в Вечность-Память, реализуются в настоящем на советском языке. Подлинность и мастерство современного текста поверяются русской литературной классикой. И не выдерживают никакого сравнения с инвариантом-образцом. № 3 и № 6 представляют советский текст воочию, текст прямых и подлинных значений, со снятым покровом драпирующей «болтовни» (одна из наиболее частых отрицательных оценок в бунинской «ревизии» — см., напр., приведенный выше отзыв о тургеневских «Часах»). В другом типе пародий в классическую раму инварианта (баллада Пушкина) вставляется повседневная литературная эмигрантская жизнь (№ 5). Механизм тот же: пародия позволяет назвать вещи своими именами. Наконец, в № 2 показана сама прохудившаяся классическая рама — типовые идеи эмиграции, связанные с представлениями о Святой Руси и Великой России. Пародия в этом случае направлена на сам инвариант — некую обобщенную славянофильскую мистерию Островского/Римского-Корсакова. Механизм, ярко проявившийся в № 2 (той самой отмеченной Мальцевым «Курве-бляди Оленушке»), работает и в других пародиях. Всякий раз снижение задевает инвариант, указывает на его недостатки. Достоевского Бунин считает далеко не самым талантливым автором, в эту же традицию риторической, неточной «литературы от ума» при помощи эпиграфа зачислен Горький (по этому признаку Достоевский и Горький соотнесены и в дневниковой «ревизии»¹⁵). Державин и Островский оказываются предшественниками народников и революционеров, идеализировавших простой народ. Единственной загвоздкой остается Пушкин — непререкаемый для Бунина авторитет. Впрочем, в последние годы Бунин в дневниках может невысоко оценить и столь же любимого им Л.Н. Толстого (статью «Что такое

¹² См. в «Воспоминаниях»: «Среди наиболее мерзких богохульников был еще Бабель. Когда-то существовавшая в эмиграции эсеровская газета “Дни” разбирала собрание рассказов этого Бабеля и нашла, что “его творчество не равноценно” <...>» (Бунин И.А. Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. С. 47).

¹³ РАЛ. MS. 1066/535 (запись от 7 января 1944 г.).

¹⁴ Там же (запись от 12 апреля 1942 г.).

¹⁵ Напр., о романе Достоевского «Братья Карамазовы»: «Перечитал первый том “Бр<атьев> Карамазовых”. Три четверти — совершенный лубок, балаган. А меж тем очень ловкий, удивительно способный писака» (Там же — запись от 1 июля 1942 г.). То же слово — «лубок» — ключевое в отзыве о Горьком: «На днях прочитал (перечитал, давным-давно не перечитывал) “Мальву” и “Озорника” Горького. Вполне лубок. И хитрый, преднамеренный» (РАЛ. MS. 1066/532 — запись от 14 июля 1942 г.).

искусство?», например¹⁶). К тому же можно заметить, что № 3 пародирует стихотворение Пушкина, превратившееся в одну из популярных белогвардейских песен. Таким образом, «Песнь о вешем грузине» отчасти примыкает к «Курвебляди Оленушке».

Итак, снижение — главный прием бунинских пародий. Нецензурная лексика в них не средство создания камерного колорита или иллюзии неформальности (как в шуточных стихотворениях) — одним словом, не фоновое явление, а основное средство снижения. Именно пародии позволяют увидеть, что литературное мышление Бунина организовано нормативно-стилистически, в духе XVIII столетия. Как подлинный «архаист», он сопрягает тему и художественные средства, означаемое и означающее¹⁷. В № 1, «Новых баснях Эзопа», этот момент можно наблюдать в динамике: нецензурная лексика, появившись в тексте, тянет за собой подходящую тему. В первой басне обсуждается обобщенный, внеидеологический случай, во второй и третьей появляется парижская (эмигрантская) топонимика, наконец, в четвертой, басне вдруг прорывается советская политическая риторика, а в наброске к ней — имя Сталина. Матерщина заставила автора вспомнить о Советском Союзе и вожде всех времен и народов. Характерно, что только пародии с советским сюжетом активно используют нецензурные слова. В эмигрантском сюжете снижение создается другой, менее маркированной лексикой.

Стилистически-функциональное использование матерщины в пародиях становится очевидным, опять же, в контексте бунинской «ревизии» литературы. Тексты советских авторов неизменно вызывают у писателя чувство омерзения. Это равно и мерзость тематики и мерзость словесной формы. Отзыв о творчестве Бабеля продолжается так: «Как это случилось — забылось сердцем, что такое были эти “товарищи” и “бойцы” и прочее! Какой грязный хам, телесно и душевно! Ненависть у меня опять ко всему этому до тошноты. И какое сходство у всех этих писателей-хамов того времени — напр<имер>, у Бабеля — и Шолохова. Та же цветистость, те же грязные хамы и скоты, вонючие телом, мерзкие умом и душой»¹⁸. Матерщина — достойное средство выражения большевистской советской мерзости. Резкая, бьющая в нос лексика должна передать читателю отвращение ко всем проявлениям советскости. Как и многие другие отвлеченные понятия, «советскость» воспринимается Буниным на инстинктивно-чувственном уровне. В «Окаянных днях» он писал: «Для большинства <...> “народ”, “пролетариат” только слова, а для меня это всегда — глаза,

¹⁶ Там же (запись от 17 марта 1940 г.).

¹⁷ Именно стилистическим мышлением объясняются многие оценки Бунина, данные им в «Воспоминаниях». Талант Есенина он сводит к «таланту пошлости и кощунства» (цитата из Блока), а его поэзию — к строчкам: «Ненавижу дыхание Китежа! / Обещаю вам Инонию! / Богу вышиплю бороду! / Молюсь ему матерщиною!» (Бунин И.А. Воспоминания. С. 14). Блока же, в свою очередь, сводит к бесконечно повторяющимся (в поэме «Двенадцать») бессмысленным междометиям: «И все это прежде всего чертовски скучно бесконечной болтливостью и однообразием все одного и того же разнообразия, надоедает несметными ай, ай, эх, эх, ах, ах, ой, ой, тратата, трахтахах...» (Там же. С. 217). Псевдонародность «Двенадцати» практически целиком определяется для Бунина придуманным словом «елекстрический» (Там же. С. 218).

¹⁸ РАЛ. MS. 1066/535 (запись от 12 апреля 1942 г.).

рты, звуки голосов, для меня речь на митинге — все естество произносящего ее»¹⁹. Характерно, что в «Окаянных днях» вся советская жизнь предстает мерзостно-физиологичной. «Случается, что, например, выходит из ворот <...> отряд солдат, а по мосту идут женщины: тогда весь отряд вдруг останавливается — и с хохотом мочится, оборотаясь к ним»²⁰. Столь же физиологично-мерзостны портреты новых советских людей. «Говорит, кричит, заикаясь, со слюной во рту, глаза сквозь криво висящее пенсне кажутся особенно яростными. Галстучек высоко вылез сзади на грязный бумажный воротничок, жилет донельзя запакошенный, на плечах кургузого пиджачка — перхоть, сальные жидкие волосы всклокочены...»²¹; «Красное офицерство: мальчишка лет двадцати, лицо все голое, бритое, щеки впалые, зрачки темные и расширенные; не губы, а какой-то мерзкий сфинктор; почти сплошь золотые зубы <...>»²². Отметим, что почти все нецензурные слова употреблены в пародиях в прямом, физиологическом значении. Редкие переносные или идиоматические значения этих слов тут же уравниваются контекстом или неожиданным (физиологическим же) сюжетным поворотом. Таким образом, дело здесь не в том, что употребляется слово, неупотребимое в литературном тексте. Дело в создании мерзостно-физиологического ощущения. Функционально слово «кобель» (№ 2), метафорически переходящее в название «кобелек» (№ 6), вполне возможное и в литературе XIX в.²³, равно слову «усрался» или выражению «к хую» (№ 3), в классической литературе практически не встречавшимся. Идиоматическое (не прямое) значение выражения «к хую» сразу переходит в прямое — благодаря действию мумифицированного Ленина, отрывающего Сталину «муде».

Ту же функцию формирования мерзостных ощущений выполняют грубые телесные подробности: «Ни двора, ни кола, / Только жопа гола!» (№ 2); «Ходят, ж. шевеля» (№ 6); «Лаптем бьет, тряся и пузом, / И мудами, и плечом?» (Там же). Характерно, что эта «прямая физиология» тут же влечет за собой советские идеологемы. За строчкой «Ходят, ж. шевеля» следует упоминание Кремля; «пузом, мудами и плечом» трясет «Пахом, Герой Союза, / Вдохновленный Ильичём» (№ 6). Мизгирь-Бобыль, похваляющийся голой жопой (№ 2), отсылает нас к «пролетарской» теме, оркеструющей и «Деревню», и «Окаянные дни», и «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее». В пародии на сказку о Емеле действует тот же прием. Герой постоянно награждается физиологически-мерзостными деталями: «Ну-ка, — говорит, — руби, топор, по моему по шучьему веле-

¹⁹ Бунин И.А. Окаянные дни. С. 83–84.

²⁰ Там же. С. 129.

²¹ Там же. С. 88.

²² Там же. С. 185.

²³ Напр., в «Плодах просвещения» (1889) Л.Н. Толстого брат и сестра Звездинцевы обсуждают пристойность употребления слова «кобель» в приличном обществе: «Василий Леонидыч. Пойдемте отсюда в кучерскую. Я вам покажу, какой кобель там у меня. Еpatant! А, что? // Бетси. И какое слово гадкое. Разве нельзя сказать: собака? // Василий Леонидыч. Нельзя. Ведь нельзя про тебя сказать: какая Бетси человек еpatant? Надо сказать: девица; так и это» (Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: <В 90 т.>. М.: ГИХЛ, 1936. Т. 27. С. 183).

²⁴ Бунин И.А. Собрание сочинений. Т. 8: Несрочная весна. <Берлин>: Петрополис, 1935. С. 67.

ню. А я посижу, погляжу, в голове маленько почешу: страсть свербит что-й-то!»²⁴; «А Емеля подымается с печки, разбирает виски с глаз, утирает сопливозгри и кланяется ему, государю своему <...>»²⁵. Традиционная тональность финала сказки меняется при помощи (физиологической опять же) непристойности: «А Емеля стал жить да поживать, на бархатных постелях лежать, душу сладкими закусками ублажать да свою царевну за хохолок держать <...>»²⁶.

Наиболее мерзостная деталь сопровождает в пародии № 3 тему ленинского Мавзолея: «Как в студне лежат его кости». Значимость этой предельной мерзости не подлежит сомнению, ибо то же выражение — как удачную находку — Бунин употребляет и в переписке (см. комментарии к № 3). В «Окаянных днях», собственно, можно найти объяснение нагнетаемым мерзостям советского сюжета: «Шел и думал, вернее, чувствовал: если бы теперь и удалось вырваться куда-нибудь, в Италию, например, во Францию, везде было бы противно — опротивел человек! Жизнь заставила так остро почувствовать, так остро и внимательно разглядеть его душу, его мерзкое тело»²⁷. «У Бунина (как и у Вл. Набокова) отвращение к большевикам носит, пожалуй, не только моральный, но и, так сказать, эстетический характер»²⁸, — справедливо отметил Ю. Мальцев.

Вторая функция ультранизкой стилистики пародий — это реакция на «высокий стиль» советской пропаганды; обнажение подлинной сути того, о чем Советы говорят с высоким идеологическим надрывом. И одновременно средство борьбы с идеологическим советским мышлением, природу которого Бунин ощущал чрезвычайно остро, поскольку сам мыслил стилистически. Например, в «Окаянных днях» он говорит о высоких словах революции, оторвавшихся от своих значений и убеждающих не смыслом, а звучанием, высоким стилем: «Какое обилие новых и все высокопарных слов! Во всем игра, балаган, “высокий” стиль, напыщенная ложь...»²⁹; «А у меня совершенно осязаемая боль возле левого соска даже от таких слов, как “революционный трибунал”. Почему комиссар, почему трибунал, а не просто суд? Все потому, что только под защитой таких свяшенно-революционных слов можно так смело шагать по колено в крови <...>»³⁰. Пародии с советским сюжетом, созданные в конце 40-х гг., — еще одно доказательство, что Бунин и по окончании Второй мировой войны не попал под влияние советской идеологической риторики.

В этом плане пародии Бунина можно соотнести с пародиями и фельетонами второй эмиграции, литературой «ди-пи». Например, появившимися чуть позже «Политическими фельетонами в стихах» Ивана Елагина (И.В. Матвеева)³¹. Так прочерчивается преемственность в эмигрантском литературном процессе, который, несмотря на послевоенное пополнение, был все же единым и цельным. Прием Елагина похож на бунинский: при помощи бытового сниже-

²⁵ Там же. С. 71.

²⁶ Там же. С. 75.

²⁷ Бунин И.А. Окаянные дни. С. 139–140.

²⁸ Мальцев Ю. Иван Бунин. С. 249.

²⁹ Бунин И.А. Окаянные дни. С. 44.

³⁰ Там же. С. 126.

³¹ Елагин И. Политические фельетоны в стихах: 1952–1959. Мюнхен: Изд-во ЦОПЭ, 1959.

ния высокого понятия вышучивается советский строй жизни, демонстрируется его изначальная ущербность. Например, в фельетоне «Выборы» институт советских безальтернативных выборов иллюстрируется ассортиментом советских магазинов: выбора нет нигде в СССР. Фельетоны на отдельные личности (в основном это деятели искусств, которые считаются либералами, а на самом деле, по логике Елагина, конформисты, — Эренбург, Шостакович — или руководители страны — Ворошилов, Сталин, Хрущев) напоминают те пародии Бунина с эмигрантским сюжетом, где сатира направлена на отдельных деятелей эмиграции. Отличие в том, что Елагин не пользуется нецензурной и вообще резкой лексикой. В этом можно усмотреть одно из проявлений мировоззренческих различий первой и второй эмиграции. Для первой эмиграции советская жизнь — дикость, невозможная для культурного человека. Ее следует резко отвергнуть и в жизни, и в речи. Для второй эмиграции советская жизнь — привычный быт, он показан изнутри, со знанием дела. Поэтому и вызывает не отвращение и ругань, а улыбку и иронию.

Наконец, в-третьих, пародийное снижение стиля — это средство уйти от пафоса и (близкой к нему) тенденциозности, которых Бунин не выносит ни в культуре русского модерна, ни (тем более) в послевоенной советской и эмигрантской жизни. В «Воспоминаниях» один из самых частотных упреков, адресованных писателям-современникам, — бессмысленный пафос, заслоняющий подлинное положение вещей. Например: «Андреев, изолгавшийся во всяческом пафосе <...>»³²; «<...> он <Горький. — Е. П.> вообще ни минуты не мог побыть на людях без актерства, без фразерства, <...> без нелепой неумеренности восторгов <...> и всякой прочей гомерической лжи <...>»³³; «И вот что надо отметить: какой “высокий стиль” был в речах политиков, в революционных призывах поэтов во время первой революции, затем перед началом второй!»³⁴ Пафос раздражает Бунина и по отношению к так называемой классике. В «Воспоминаниях», дневниках и устных суждениях он заменяет его профессиональным анализом текстов. Рассуждает, как Толстой, что хорошо, что дурно. Пародии, таким образом, стоят в одном ряду с книгой «Воспоминания» и публицистикой последних лет жизни писателя. Они направлены против всяческого пафоса: именно по этому признаку в № 6 объединены советский и эмигрантский сюжет.

Резкая, грубая, нецензурная лексика перечеркивает пафос — предлагает посмотреть на вещи здраво, по-настоящему. Например, в «Окаянных днях»:

«Вчера вечером у Т. Разговор, конечно, все о том же — о том, что творится. Все ужасались, один Шмелев не сдавался, все восклицал:

— Нет, я верю в русский народ!

Нынче все утро бродил по городу. Разговор двух прохожих солдат, бодрый, веселый:

— Москва, брат, теперь ни ... не стоит.

— Теперь и провинция ни ... не стоит»³⁵.

³² Бунин И.А. Воспоминания. С. 33.

³³ Там же. С. 42.

³⁴ Там же. С. 52.

³⁵ Бунин И.А. Окаянные дни. С. 48.

Такова же функция словосочетания «в говне» в финале № 4, выражения Сталина «к хую» в № 3 и т.д.

Полагаю, что публикуемые пародии Бунина — лишь одна из сторон «нецензурного Бунина». К сожалению, документирована только она. Иных источников, позволяющих судить о разговорном, бытовом Бунине, у нас нет.

Кое-кто из буниноведов непременно скажет: не нужно публиковать матерного Бунина. Как будто Бунина можно скомпрометировать! Полагаю, что науке не пристала ханжеская логика школьной учительницы. Показательна в этом плане логика самого Бунина. В письме к Г.В. Адамовичу от 18 июня 1948 г. он прислал два стихотворения, сочиненных, по его утверждению, А.П. Чеховым. Переписав шуточные опусы, Бунин заключает: «Теперь Вы верно подумаете: “Что ж тут смешного — в этой плохой шутке Чехова?” Совершенно правильно: ровно нет ничего смешного. Но ведь все-таки это Чехов»³⁶. Так вот: все-таки это Бунин.

* * *

Настоящей публикации любезно содействовала администрация Русского архива в Лидсе (University of Leeds). Автор благодарит за помощь, советы и консультации Галину Брэдли и Ричарда Дэвиса (РАЛ), Олега Коростелева и Льва Мнухина (Москва)

³⁶ Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. С. 85.

НОВЫЕ БАСНИ ЭЗОПА

*(Посвящается господину,
который пишет ему гадости насчет минетки)*

Минетка и еж

Минетку делать не годится
Давать ежу:
За этим надо обратиться
К великосветскому пажу.

Прогулка X-я

Здравши голову прегордо,
В Булонский Лес¹ шел X-й гулять
И повстречал седого лорда
И очень миленькую блядь.
«Pardon! — сказал он им небрежно: —
Я тоже в Лес гулять иду».
А блядь в ответ с улыбкой нежной:
«Не лучше ль вам идти в п-ду?»

Высокомерный ответ

Как-то раз в Аргентине²
Предложил я княгине
Почесать мне муде.

Но княгиня сказала:
«Я муде не чесала
Никому и нигде!»

Акула капитализма

С китом акула согрешила,
А кит поёб и был таков.
Акулу это возмутило:
«Ах, негодяй! Ах, Хлестаков³!»
А кит, поклонник коммунизма,
Как заорет: «Шпионка, блядь!
Мы вас, акул капитализма,
Должны и еть и истреблять!»⁴

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/18).

¹ Булонский лес в парижской топонимике традиционно считается локусом проституции.

² Аргентинская тема, возможно, навеяна следующим событием: 25 мая 1948 г. станция парижского метро «Obligado» (находящаяся недалеко от района Пасси, где жил Бунин) была переименована в «Argentine» в знак благодарности Аргентине за послевоенную помощь в восстановлении нормальной жизни (прежде всего продуктами питания).

С другой стороны, возможно, речь идет о стране Аргентине. Ассоциативный ряд в данном случае таков: во время Второй мировой войны ряд знакомых Бунину эмигрантов (несколько семей, с которыми Иван Алексеевич и Вера Николаевна тесно общались в Грассе) переехали из Франции в Аргентину.

³ Фамилия героя пьесы Н.В. Гоголя «Ревизор» употреблена, по-видимому, в нарицательном значении: «обманщик».

⁴ Следующий за публикуемым документ архива представляет собой набросок к басне «Акула капитализма»: *Кит и акула* // С китом акула согрешила, / А он уеб — и был таков. / Акулу это возмутило: / «Ах, сукин сын! Ах, Хлестаков!» / Так Сталин, ради коммунизма, / Ебет «акул [имперья] капитализма».

2

Отрывки из оперы

«Курва-блядь Оленушка»

Слова Букина¹, музыка Букина-Римского²

(Посвящено Шаляпину³)

Посад «Порточки»⁴, «Говенные пруды» то ж.

На краю посада хижина Мизгиря-Бобыля⁵.

Рядом — хижина сироты Курвы-Бляди Оленушки, его племянницы.

Мизгирь-Бобыль пляшет возле хижины своей, раскорячиваясь, топая и дую в сопелку⁶:

— Эй, послушайте бэль:
Я Мизгирь, я Бобыль,
У mine Бобыля,
У седого Кобеля,
Ни двора, ни кола,
Только жопа гола!⁷

Оленушка, с порога своей хижины:
Сирота я, сирота,
Блядь Оленушка!

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/22).

¹ Фамилия автора слов, по-видимому, пародирует фамилию «Бунин».

² Фамилия композитора, повторяя словесную игру «Бунин — Букин», использует отсылку к двойной «композиторской» фамилии «Римский-Корсаков». Так иронично и метонимически фамилия «Бунин» вводится в пантеон великих деятелей русского искусства.

³ Посвящение опуса Ф.И. Шаляпину, другу Бунина еще по дореволюционной России (см. соответствующую главу «Воспоминаний» Бунина) и символу русского оперного искусства, работает на ту же систему значений: пародируется (в широком смысле) все связанное с идеологемой «Великая Россия».

⁴ Название «Порточки» не выдуманно. Оно хорошо знакомо Бунину по сюжету, связанному с Л.Н. Толстым. См. в «Освобождении Толстого» (цитируются воспоминания Е.М. Лопатиной): «В Пирогове была и усадьба Марии Николаевны <Толстой, сестры Л.Н. Толстого. — Е.П.> <...> У нее была какая-то пустошь с неудобным названием — Порточки. Она жаловалась, что в молодости любимым занятием ее братьев было при гостях деловито спрашивать ее: / — Как это, Машенька, пустошь эта у тебя? Как она называется?» (Бунин И.А. Освобождение Толстого. Париж: YMCA-Press, 1937. С. 117).

⁵ Бунин объединяет имена двух персонажей из сказки А.Н. Островского «Снегурочка». Функция приема — снижение всех ностальгически-российских (фольклорных) коннотаций. Согласно словарю В.И. Даля, первое значение слова «бобыль» — «пролетарий; крестьянин, не владеющий землею, не потому чтобы занимался промыслами или торговлей, а по бедности, калечеству, одиночеству, небрежению» (Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 2-е изд. СПб.; М.: М.О. Вольф, 1880. Т. 1. С. 101). Это значение развивает и реплика героя. Слово «мизгирь», по Далю, означает «паук» (Там же. Т. 2. С. 325). И оно работает на снижение.

⁶ Грубые и мерзкие детали постоянно сопровождают народный танец — ср. с № 6. См. также в «Воспоминаниях» о Есенине: «<...> орал, раздирая гармонь <...>» (Бунин И.А. Воспоминания. С. 14).

⁷ Ср. в драме А.Н. Островского «Снегурочка»: Бобыль. <...> // (Поет и пляшет). // У Бакула бобыля, / Ни кола, ни двора, / Ни кола, ни двора, / Ни скота, ни живота» (Островский А.Н. Полное собрание сочинений. М.: ГИХЛ, 1950. Т. VII. С. 24).

3

Песнь о вешем Олеге

Как ныне собирается веший Олег
Отмстить неразумным хазарам:
Их села и нивы за буйный набег

Обрек он мечам и пожарам.
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса, навстречу ему,
Идет вдохновенный *кудесник*...

.....
«Скажи мне, кудесник, любимец богов...»

и т.д.

Александр Пушкин¹

Песнь о вешем Грузине

Как ныне собирается веший Грузин
К [Калмыку] Монголу великому в гости —
Туда, где уж третий десяток годин
Как в студне лежат его кости?²
С дружиной «Чека», на машине в броне,
Грузин подъезжает к Кремлевской стене.

Из храма [Василья] Василя [при виде] [завидя]
встретить его
Кудесник [тотчас] [в тот миг] хотел, показался.
Но [глянул Грузин: —] тотчас исчез: не сказав
ничего,

[Кудесник от страха] От страха, бедняга, усрался...

— Прошло Ваше время, любимцы богов!

Немало вlepили вам в зад бaтoгoв!

И вылез Грузин из машины, идет

В открытую настeжy мoгилy,

Потухшую трубку клыками сосет,

Подходит к калмыцкому рылу:

«Здорово, товарищ! Ну как? Не смердишь?»

По-моему, слишком ты долго лежишь:

Облопался славой, а я уж отвык

Делить гениальность с тобою:

Пора тебе к хую отсюда, Калмык!»

И в рыло дал трупy нoгoю.

Но только что дал, завизжал, заорал:

Зубами муде ему труп оторвал!

Кто может поверить такой ерунде?
Последний дурак либо пьяный!
Однако об этом повсюду, везде
Уже распевают баяны.
И правы они: ну, муде не муде,
А быть непременно великой беде!

Париж. 10 августа 1948 г.

Исправляющий должность А. Пушкина³
Иван Пушкарев⁴

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/25).

¹ Цитируется стихотворение А.С. Пушкина «Песнь о вешем Олеге». Текст записан зелеными чернилами, подчеркивания (в публикации даны курсивом) сделаны черными чернилами. Суть подчеркиваний, вероятно, — выделение наиболее значимых деталей, повторяющихся в пародии.

² Ср. с текстом письма Бунина Алданову от 20 апреля 1953 г., в котором использовано то же «мерзкое» выражение: «<...> все равно никогда бы не поехал я в город, где на Красной площади лежат в студне два гнусных трупа» (Новый журнал. 1984. № 156. С. 155).

³ Ироническое замечание имеет под собой серьезную установку, сложившуюся в сознании Бунина к концу 1920-х гг. и укрепившуюся с присуждением ему Нобелевской премии по литературе. Эта установка рассыпана по дневниковым записям и воспоминаниям близких Бунину людей. См., напр., запись от 22 декабря 1928 г. в «Грасском дневнике» Г.Н. Кузнецовой: «Илюша <И.И. Фондаминский. — Е.П.> написал И.А., что они задумали издавать художественные биографии, как это теперь в моде. И вот Алданов взял Александра II-го, Зайцев — Тургенева, Ходасевич — Пушкина. И.А. предлагают Толстого или Мопассана. <...> И.А. размышлял, что бы ему писать, критиковал писателей, взявшихся за темы, в сущности, мало им близкие, потому что мало ведь знать факты, надо перевоплотиться в того, кого будешь писать. Особенно волновал его Пушкин. / — Это я должен был бы написать “роман” о Пушкине! Разве кто-нибудь другой может так почувствовать? Вот это наше, мое, родное, вот это, когда Александр Сергеевич, рыжеватый, быстрый, соскакивает с коня, на котором ездил к Смирновым или к Вульффу, входит в сени, где спит на ларе какой-нибудь Сенька и где такая вонь, что вздохнуть трудно, проходит в свою комнату, распахивает окно, за которым золотистая луна среди облаков, и сразу переходит в какое-нибудь испанское настроение... Да, сразу для него ночь лимоном и лавром пахнет... Но ведь этим надо жить, родиться в этом!» (Грасский дневник. С. 89).

⁴ Заглавие, все подчеркивания, а также дата и слова «Исправляющий должность А. Пушкина» написаны зелеными чернилами, все остальное — черными. Прямая речь подчеркнута волнистой линией. И оригинальный текст и пародия написаны особым четким стилем, отделяющим каждую букву от предыдущей и последующей.

«Мысли мудрых людей на каждый день»¹.
— Рожденный ползать летать не может².
*М. Горький*³

Пришлось когда-то дьявольскому роду
Войти в Гадаринских свиней⁴ —
И свиньи тотчас вверглись в воду
И потонули в ней⁵.
В свиней «советских» дьяволы вселились
Давным-давно, по всей стране —
И что ж? Взгляни, как сладко развалились
Они в грязи, в крови, в говне!
Ив. Б.
20.4.1949

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/31).

¹ В издании Л.Н. Толстого «Мысли мудрых людей на каждый день» (впервые опубликовано в 1903 г.) цитат из Горького нет. Объяснение этой фразе можно найти в отдельной записи Бунина, озаглавленной «Копилка»: «По примеру Толстого, собиравшего “Мысли мудрых людей на каждый день”, давно следовало мне начать собирать “Мысли идиотов и мерзавцев на каждый день”. Начинаю» (РАЛ. MS. 1067/461). Далее следует цитата из Бухарина.

² Широко известная фраза из «Песни о соколе» (1895) М. Горького. В оригинале иные знаки препинания: «Рожденный ползать — летать не может!..» (*Горький М.* Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. М.: Наука, 1969. Т. 2. С. 46).

³ М. Горький — символическая фигура в биографии Бунина. Бунин и Горький познакомились в Ялте в 1899 г. (знакомил писателей Чехов). В том же году Горький предложил Бунину сотрудничать в журнале «Жизнь». В 1900 г. Бунин посвятил Горькому поэму «Листопад». До событий 1917 г. Бунина и Горького связывали дружеские отношения. После поездки нескольких литераторов (в числе которых был и Бунин) в Подольск на встречу с Горьким, которому был запрещен въезд в Москву, Бунин и Горький перешли на «ты». В московском литературном кружке «Среда», собиравшемся в доме Н.Д. Телешова с 1899 г., Бунин и Горький были, наверное, одними из самых ярких участников. С 1902 г. Бунин печатался в горьковском «Знании», был (после Горького) наиболее постоянным автором сборников «Знания». Подробнее см.: *Инов А. М.* Горький и Ив. Бунин. В эмиграции Бунин подчеркнуто дистанцировался от «Знания», неоднократно говорил, что дружбы с Горьким у него никогда не было. Глава о Горьком в книге Бунина «Воспоминания» (1950) заканчивается так: «Вскоре после захвата власти большевиками он приехал в Москву, остановился у своей жены Екатерины Павловны, и она сказала мне по телефону: “Алексей Максимович хочет поговорить с Вами”. Я ответил, что говорить нам теперь не о чем, что я считаю наши отношения с ним навсегда конченными» (*Бунин И.А.* Воспоминания. С. 129).

⁴ См.: Матф. 8, 28—32; Марк 5, 1—13; Лука 8, 26—33. В Евангелии от Матфея страна, в которой происходит исцеление бесноватого, названа Гергесинской (Матф. 8, 28), у апостолов Марка (5, 1) и Луки (8, 26) — Гадаринской. В Евангелии от Луки уточняется: «И приплыли в страну Гадаринскую, лежащую против Галилеи» (Лука 8, 26).

⁵ История исцеления бесноватого стала символическим моментом в истории русской культуры благодаря роману Ф.М. Достоевского «Бесы» (1871—1872): второй эпиграф романа цитирует 8-ю главу Евангелия от Луки. Достоевский в романе уподобляет бесов революционной мысли.

5а

Русские писатели и издатели в Париже

Автор к автору летит,
Автор автору кричит¹ :
«Как бы нам с тобой дознаться,
Где бы нам с тобой издаться?»
Отвечает им Зелюк² :
«Всем вам, авторы, каюк!»
Отвечает им Гукасов³ :
«Не терплю вас, лоботрясов!»
Отвечает Имка⁴ : «Мы
Издаем одни псалмы,
Сватью бабу Щеголиху,
То есть Нину Бербериху⁵ ,
Борю Зайцева⁶ , Шмелева⁷
Да префекта из Ростова⁸ ».

Объявление в «Русской мысли»⁹ :

Издательством «Имка-Пресс» выпущены в свет два первых тома «Мыслей вслух»¹⁰ бывшего градоначальника Ростова-на-Дону В.Ф. Зеелера с патетическим предисловием известного памфлетиста С. Яблоновского¹¹ и с роскошными портретами: автора, В. Лазаревского¹², Н. Берберовой, Бор<иса> Зайцева, о. Паисия Булонского¹³, Данте¹⁴, Фра Беато Анджелико¹⁵, Чинизелли¹⁶ и знаменитого путешественника Глеба¹⁷. Цена за оба тома 3750 франков¹⁸.

5б

Автор к автору летит,
Автор автору кричит:
«Как бы [это нам с тобой] нам с тобой дознаться,
Где [бы нам с тобой] возможность есть издаться?
[Отвечает им] Слышат — говорит Зелюк:
«Всем вам, авторы, каюк!»
[Отвечает им] Топает ногой Гукасов:
«Ни гроша на лоботрясов!»
[Отвечает] Сладко шепчет Имка: «Мы
Издаем одни псалмы,
Да про [“Девки и Лакеев”] девки и лакеев¹⁹
Повесть de M-me Макеев²⁰ ».

Как же быть, чтоб вышел толк?
Поскорей писать в Нью-Йорк:
Там уж столько всяких морд
Осчастливил добрый Форд!¹

Публикуются по автографам (РАЛ. MS. 1066/36 и 38). Текст 5а со всеми внесенными в рукописи исправлениями повторяется в машинописном виде (РАЛ. MS. 1066/37). Текст 5б, по-видимому, представляет собой вариант текста 5а. Текст 5а опубликован в приложении к книге: *Klöver S. Farbe, Licht und Glanz als dichterische Ausdrucksmittel in der Lyrik Ivan Bunins*. München: Verlag Otto Sagner, 1992. S. 219. Впервые публикуется по архивному источнику полностью, с учетом вариантов.

Текст пародии был широко известен в эмигрантских кругах: Бунин включал отрывки стихотворения в письма, а также читал текст друзьям (например, М. Алданову). Пародия в сокращении — текст 5а — неоднократно приводилась в эмигрантских мемуарах (например, Р.Б. Гулем и Доном Аминадо).

¹ Толчок для пародии — стихотворение Пушкина «Ворон к ворону летит...» (1829). В издании «Стихотворений» (1829) в оглавлении текст имеет заглавие «Шотландская песня». Стихотворение Пушкина, в свою очередь, — переложение первой половины баллады В. Скотта (с французского перевода).

² Орест Григорьевич Зелюк (1888–1951) — издатель, журналист, сотрудник «Киевской мысли», «Одесских новостей», «Биржевых ведомостей». С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, коммерческий редактор русско-французской газеты «Вечерняя пресса». С 1923 г. в Париже, владелец типографии «Франко-русская печать» («La Presse Française et Etrangère»).

³ Абрам Осипович Гукасов (1872–1969) — нефтепромышленник, издатель журнала «Возрождение».

⁴ Издательство «YMCA-Press» (по начальным буквам: «Young Men's Christian Association») существовало в Париже с 1925 по 1940 г., возобновлено в 1945 г. и существует по настоящее время. Ирония связана с христианской тематикой продукции изд-ва.

⁵ Нина Николаевна Берберова (1901–1993) — писательница, мемуаристка. До 1932 г. жена В.Ф. Ходасевича. В довоенное время у Бунина с Берберовой были приятельские отношения. После войны их отношения расстроились. Подробнее см. в наст. изд. публ. «Переписка И.А. Бунина и Н.Н. Берберовой (1927–1946)».

⁶ Борис Константинович Зайцев (1881–1972) — писатель. С 1946 г. председатель Союза русских писателей и журналистов в Париже. В конце 1947 г. дружеские отношения Бунина и Зайцева, возникшие еще до эмиграции, были практически прерваны в связи с историей выхода Бунина из Союза русских писателей и журналистов. Бунин считал Зайцева автором слухов о том, будто он поддержал исключенных из Союза членов, которые согласились получить советские паспорта. Логическим продолжением этой истории стал разрыв Бунина с М.С. Цетлиной, издательницей нью-йоркского «Нового журнала». В этой истории Зайцев оказался в роли посредника: ему было послано (незапечатанное — по сути, открытое) письмо Цетлиной для передачи Бунину (подробнее см.: Конфликт М.С. Цетлиной с И.А. Буниным и М.А. Алдановым. По материалам архива М.С. Цетлиной (Еврейский университет в Иерусалиме). Публ., вступ. заметка и коммент. М. Пархомовского // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1995. Т. 4. С. 310–325). Кроме того, по мнению Бунина, Зайцев как чрезвычайно влиятельный человек в редакции газеты «Русская мысль» не должен был допустить серии хамских публикаций о нем, появившихся в этой газете в конце 1940-х — начале 1950-х гг. По мнению Бунина и его круга, изд-во «YMCA-Press» тоже было подконтрольно Зайцеву. Ср. в письме Тэффи к Бунину второй половины августа 1949 г.: «Апофеоз: торжество Зайцева на всех фронтах. У него собственная газета, собствен~~ный~~ журнал в Париже, толстый журнал в Америке, Союз писателей, ИМКА <...>» (Переписка Тэффи с И.А. и В.Н. Буниными. 1948–1952. С. 596).

⁷ Иван Сергеевич Шмелев (1873–1950) — писатель. Шмелев и Зайцев объединены в данном случае как писатели, затрагивающие религиозные темы.

⁸ Имеется в виду Владимир Феофилович Зеелер (1874–1954) — общественный деятель, журналист. Генеральный секретарь и казначей Союза русских писателей и журналистов в Париже, член редколлегия газеты «Русская мысль». В 1917 г. был городским головой в Ростове-на-Дону. Определение, данное Зеелеру в тексте, подчеркивает тот факт, что он, по сути, далек от литературы.

⁹ Объявление, по всей вероятности, сочинено Буниным.

¹⁰ «Мысли вслух» — постоянная рубрика В.Ф. Зеелера в газете «Русская мысль».

¹¹ Сергей Викторович Яблоновский (наст. фам. Потресов; 1870–1953) — журналист. Автор фельетона «Ему, великому» (Русская мысль. 1948. 10 ноября. № 83. С. 2); подписан: «Удостоившийся присутствия»), посвященного рассказу о литературном вечере Бунина 23 октября 1948 г., на котором писатель читал главы из будущей книги «Воспоминания». Фельетон был крайне резким по тону, что чрезвычайно оскорбило Бунина и многих его почитателей. Многочисленные протесты заставили Яблоновского в специальной статье-объяснении «По поводу одного памфлета» (подзаголовок: «Письмо в редакцию»; Русская мысль. 1948. 8 декабря. № 91. С. 2) раскрыть свой псевдоним. «Письмо», объяснял Яблоновский, написано в ответ на горячий протест председателя «Объединения русских писателей», высказанный на вечере «Объединения»: «Цель настоящего письма — довести до сведения читателей “Русской мысли”, что “анонимный пасквиль” — мой; анонимным он был до тех пор, пока не вызвал такого сильного, явного и тайного, отклика, а пасквилем не был никогда: писатели должны бы знать, что памфлет имеет общественное значение, а пасквиль — личную, мелкую, скверную цель». Эту игру словами отметили в бунинском окружении. На статью Яблоновского «По поводу одного памфлета» ответил А.В. Бахрах заметкой «По поводу одного пасквиля» (Русские новости. 1948. 17 декабря. № 185. С. 4). В частности, в ней сказано: «Г. Яблоновский протестует против слова “пасквиль” и настаивает на том, что он сочинил “памфлет”. Если положить на авторитет Даля, то в его словаре “пасквиль” определяется как “безымянное ругательное письмо или поносное сочинение (пасквильная рожа — гадкая)”, а “памфлет” как “сильно нападающая, либо что-либо отстаивающая статья, напечатанная отдельной книжкой” <...>. Думаю, что авторитет Даля для всех будет иметь больше веса, чем авторитет г. Яблоновского». Бунин в пародии обыгрывает слово «памфлет», которое Яблоновский использовал в качестве оправдания.

¹² Владимир Александрович Лазаревский (1897–1953) — журналист, политический деятель. Главный редактор газеты «Русская мысль».

¹³ Паисий Булонский — по-видимому, прозвище, данное Буниным Зайцеву (от пригорода Парижа Булонь-Бийанкур, одного из центров проживания русской эмиграции, где жил и Зайцев). Возможна также игра слов «Пасси» (буржуазный район Парижа, центр проживания эмиграции) — «Паисий». Один из романов Б.К. Зайцева назван «Дом в Пасси» (Берлин, 1935).

¹⁴ Данте Алигьери (1265–1321) — великий итальянский поэт. Возможно, намек на то, что Данте — одна из тем творчества Зайцева. В 1922 г. он издал книгу «Данте и его поэма» (М., 1922), а в 1961 г., уже после смерти Бунина, — собственный перевод «Ада» (*Данте Алигьери. Божественная комедия: Ад.* Париж: YMCA-Press, 1961).

¹⁵ Фра Беато Анджелико (1400–1455) — итальянский художник Возрождения, доминиканский монах. В книге очерков Зайцева «Италия» (Берлин; Пг.; М.: Изд-во З.И. Гржебина, 1923) неоднократно упоминаются Данте и Беато Анджелико.

¹⁶ Гаэтано Чинизелли (1815–1881) — цирковой артист (наездник и дрессировщик), основатель и первый директор первого в России стационарного цирка (открылся в 1877 г. в Петербурге на набережной реки Фонтанки, сейчас — Санкт-Петербургский государственный цирк на Фонтанке).

Появление фамилии Чинизелли среди фамилий великих итальянцев — в обрамлении двух прозвищ Б.К. Зайцева — обыгрывает увлечение Зайцева всяческой «Италией». Можно усмотреть в этом и функциональное снижение: Бунин и его окружение считают, что Зайцев страдает манией величия (см. ниже примеч. 18).

¹⁷ Глеб — главный герой тетралогии Зайцева «Путешествие Глеба» (1937–1953). На момент создания пародии вышли первые две части: «Заря» (1937) и «Тишина» (1948), в 1950 г. выйдет третья часть «Юность».

¹⁸ Такой же принцип смешения великих итальянцев и сегодняшних деятелей «Русской мысли» — в экспромте Бунина, записанном В.Н. Буниной в дневнике (5 декабря 1949 г.): «Вот плывет по Сене барка, / И в той барке собрались / Данте, Зеелер, Петрарка / И сам Зайцев, сам Борис!» (РАЛ. MS. 1067/425).

¹⁹ Обигрывается повесть Берберовой «Лакей и девка» (1937), опубликованная в № 64 журнала «Современные записки». Это заглавие стало в бунинском кругу чем-то вроде прозвища Берберовой, отношения с которой, как и отношения с Зайцевым, были прерваны в 1947 г. См., напр., письмо Тэффи к Бунину от 11 февраля 1948 г.: «Лакей и девка очень логично расселись в “Новом журнале”» (Переписка Тэффи с И.А. и В.Н. Буниными. 1939–1948 // Диаспора. Вып. 2. С. 566). В 1949 г. в издательстве «УМСА-Press» вышла книга Берберовой «Облегчение участи», в которую вошли шесть повестей, в том числе «Лакей и девка». Скорее всего, Бунин видел объявление о выходе этой книги.

²⁰ Речь идет о Берберовой, которая была замужем за Николаем Васильевичем Макаевым (1888–1973) в период с 1936 по 1947 г.

²¹ По-видимому, намек на Изд-во им. Чехова, существовавшее в Нью-Йорке в 1952–1956 гг. Финансирование изд-ва осуществлял Восточно-Европейский фонд, филиал Фонда Форда.

6

...Зрел ли ты, певец тарсийский,
Как в лугу весной «бычка»
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка?
Как, склонясь главами, ходят,
Башмачками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят
И плечами говорят?
Как их лентами златыми
Чёла белые блестят,
Под жемчугами драгими
Груды нежные дышат?

Державин¹

Европейскому певцу

Зрел ли ты, х. низкой марки,
Как в колхозе, в лагерях
И доярки и свинарки
Ходят, ж. шевеля,
Под свирелью из Кремля?
Как Пахом, Герой Союза,

Вдохновленный Ильичём,
Лаптем бьет, тряся и пузом,
И мудами, и плечом?

Зрел ли ты, как «Патриоты»²,
В зимний день у камелька,
Под московские гавоты,
Отдирают «Кобелька»?
Как тогда бывает смирен,
Пляшет хвостиком вертя,
Даже «наш Вышинский», Сирин,
Колчаковское дитя?³
Как «гавно в слезах», Руманов⁴,
Плача, вьется, словно уж,
И вприсядку жгут д'Урманов⁵
И Ладинский, римский муж?⁶

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/67). Датируется по упоминанию фамилии С.Н. Сирина (см. ниже примеч. 3) среди группы «советских патриотов» в Париже: не позднее ноября 1947 г. Текст Державина написан черными чернилами, слова «певец тарсийский» — зелеными (вероятно, вставлены позже). Текст Бунина написан зелеными чернилами. В стихотворении Бунина строки «Зрел ли ты... ~ Как Пахом...» подчеркнуты на полях красной шариковой ручкой. Следующий за публикуемым документ архива (РАЛ. MS. 1066/68) представляет собой тот же текст Державина с пробелом на месте слов «певец тарсийский».

¹ Приводятся (вероятно, по памяти) три первых четверостишия из стихотворения Державина «Русские девушки» (1799). В оригинале первая строчка: «Зрел ли ты, певец тииский!»; название народного танца «бычок» дано без кавычек; слово «жемчугами» написано согласно правилам орфографии; в конце 4, 8 и 12 строк вместо вопросительных знаков поставлены знаки «;» (Сочинения Державина. С объяснительными примечаниями Я. Грота. Издание Императорской Академии наук. Т. II. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1865. С. 245–246). На с. 236 указанного издания приводится примечание: форма «тииский» произведена от греческого «теос» — бог; эпитет относится к Анакреону.

² Имеется в виду организация «Союз русских патриотов», с 1945 г. «Союз советских патриотов», созданная во Франции в 1943 г. По окончании Второй мировой войны «Союз советских патриотов» был весьма популярен на волне патриотических настроений русской эмиграции. В 1947 г. переименован в «Союз советских граждан», в декабре 1947 г. запрещен решением французского Министерства внутренних дел.

³ Сергей Николаевич Сирин (1892–?) — присяжный поверенный (отсюда «наш Вышинский»). Во время Гражданской войны служил не в армии адмирала А.В. Колчака, как, по-видимому, думал Бунин, а в ОСВАГ'е (Осведомительном агентстве) Добровольческой армии генерала А.И. Деникина. В эмиграции сотрудничал в парижской периодике. Председатель Президиума съезда «Союза русских патриотов», на котором принималось решение о создании «Союза советских патриотов». Один из руководителей «Союза советских патриотов». Председатель совещаний общественных организаций, на которых обсуждалось создание «Союза советских граждан». 3 июля 1947 г. присутствовал в советском посольстве в Париже на приеме с участием В.М. Молотова. В но-

ябре 1947 г. был арестован и выслан из Франции в числе других активистов «Союза советских граждан».

⁴ Аркадий Вениаминович Руманов (1878–1960) — журналист, до революции редактор петроградского отдела московской газеты «Русское слово», сотрудник Сытина. В эмиграции предприниматель, меценат. Несколько раз путешествовал с вел. кн. Александром Михайловичем (1866–1933) в качестве компаньона и секретаря («Романов и Руманов»). После Второй мировой войны один из основателей и ответственный секретарь газеты «Русский (потом Советский) патриот», принял советское гражданство, но остался до конца жизни во Франции. Похоже, что в кавычки взято определение, служившее в литературных кругах некой кличкой Руманова. Возможно, именно об этом прозвище рассказывает И. Одоевцева в своих воспоминаниях: «Однажды я, чтобы испытать его “прекраснодушие”, казавшееся мне наигранным, передала ему очень злое и несправедливое прозвище, данное ему Зинаидой Гиппиус. С Зинаидой Николаевной он был близко знаком еще в Петербурге, восхищался ею и очень ценил и уважал ее. / — Как? / На минуту его голубые круглые глаза затуманились, и что-то дрогнуло в них. / — Как? Повторите! Я не понял. / Я повторила медленно и отчетливо. / Он вытянул шею, дернул рукой за воротник рубашки, и я услышала характерный, влажный, всхлипывающий звук. Я, насторожившись, ждала, что он скажет. И он сказал изменившимся, охрипшим голосом: / — Интересно. / И, помолчав, прибавил: / — Она большая умница! / Я была побеждена» (*Одоевцева И.* Бывшие встречи, бывшая дружба... А. В. Руманов / *Русская мысль*. 1960. 22 ноября. № 1607. С. 7).

⁵ Лицо не установлено.

⁶ Антонин Петрович Ладинский (1896–1961) — поэт, автор исторических романов. Участник Белого движения. С 1944 г. член «Союза русских патриотов», сотрудник редакции газеты «Советский патриот». В сентябре 1950 г. выслан из Франции, жил в Дрездене. В 1955 г. вернулся в СССР. Исторический роман Ладинского «XV легион» (Париж, 1937) из истории Рима III в. посвящен повседневной жизни римского легиона. См. о возвращении Ладинского в СССР и его отношениях с Буниным: *Коростелев О. А.* Лирический театр Антонина Ладинского // *Ладинский А.* Собрание стихотворений / Сост., предисл. и примеч. О. А. Коростелева. М.: Викмо-М; Русский путь, 2008. С. 5–22.

БУНИНЫ И М.А. ВОЛОШИН: ПИСЬМА 1919 ГОДА*

Публикация Жоржа Шерона**

Поэт Максимилиан Волошин умер 11 августа 1932 г.¹ Уже спустя несколько дней в эмигрантской печати начали появляться некрологи². В продолжение следующих недель воспоминания о Волошине были напечатаны во всех главных эмигрантских газетах³. Среди них были и воспоминания И.А. Бунина⁴, в которых он привел выдержки из двух посланий Волошина к нему. Оба эти по-

* Тексты И.А. и В.Н. Буниных публикуются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate.

** © George Cheron, 2010. Публикация посвящается памяти основателя волошиноведения Владимира Петровича Купченко (1938–2004).

¹ См.: Последние дни и смерть М.А. Волошина по письмам Л. Аренс / Публ. А. Сергеева и Ж. Шерона // Новое литературное обозрение. 1996. № 17. С. 264–268.

² *Струве М.* Памяти Максимилиана Волошина // Последние новости. 1932. 17 августа. № 4165. С. 2 (перепеч.: Новая заря (Сан-Франциско). 1932. 3 сентября); *Голенищев-Кутузов И.* Памяти Максимилиана Волошина // Возрождение. 1932. 18 августа. № 2634 (перепеч.: Новое русское слово. 1932. 4 сентября. № 7161). Рижская газета «Сегодня» откликнулась сообщением «Смерть Максимилиана Волошина» (Сегодня. 1932. 17 августа. № 227. С. 3), а четыремя днями позже опубликовала короткую биографическую справку и портрет Волошина (Сегодня. 1932. 21 августа. № 231. С. 3).

³ *Третьяков В.* Поэт, которого не интересовало издание его стихов. Памяти Максимилиана Волошина // Сегодня. 1932. 17 августа. № 231. С. 3; *Пильский П.* Романтический отшельник. Памяти Максимилиана Волошина // Сегодня. 1932. 23 августа. № 233. С. 2; *Струве П.* Заметки писателя. Памяти Максимилиана Волошина. Страничка из воспоминаний // Россия и славянство. 1932. 27 августа. № 196. С. 3; *Бенуа А.* О Максимилиане Волошине // Последние новости. 1932. 28 августа. № 4176. С. 4; *А.Б.* Встречи с М.А. Волошиным // Возрождение. 1932. 1 сентября. № 2648; *Амфитеатров А.* Чудодей (Памяти М.А. Волошина) // Сегодня. 1932. 11 сентября. № 252. С. 4; *Пильский П.* Фантастические эпизоды // Сегодня. 1932. 23 сентября. № 264 (перепеч.: Новая заря. 1932. 15 октября).

⁴ *Бунин И.* О Волошине // Последние новости. 1932. 8 сентября. № 4187. Позже в своей книге «Воспоминания» Бунин объединил этот очерк о Волошине с более ранним (*Бунин И.* Записная книжка // Возрождение. 1926. 3 июля. № 396) в одно большое мемуарное повествование: *Бунин И.А.* Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. С. 184–200. Волошин фигурирует также в бунинском дневнике революционных лет: *Бунин И.А.* Собрание сочинений. Т. 10: Окаянные дни. Берлин: Петрополис, 1935. С. 79, 81, 90, 108.

слания (открытка и единственное письмо), а также ответ В.Н. Буниной на открытку полностью публикуются впервые.

В своих воспоминаниях Бунин описывает встречи с Волошиным в Одессе в 1919 г. В это время в Одессе оказались многие представители русской интеллигенции, бежавшие на юг от ужасов Гражданской войны. Бунин с женой приехал в Одессу из Москвы в начале июня 1918 г. Здесь, в городе, знакомом ему с юных лет, в кругу друзей и единомышленников, Бунин предпочел дожидаться финала Гражданской войны⁵. Волошин прибыл в Одессу в конце января 1919 г. по приглашению своих друзей-меценатов М.О. и М.С. Цетлиных⁶. В это время Одесса находилась под контролем Добровольческой армии и союзников (французский военный десант)⁷. Но уже в апреле 1919 г. французские войска оставили Одессу и в город вошли красные. Волошин предлагал новой власти свои услуги по художественному оформлению празднования 1 мая, но его помощь грубо отвергли, и он решил вернуться домой, в Коктебель. Свою поездку домой на дубке⁸, полную приключений, Волошин описал в открытке, посланной Буниным из Евпатории. Вера Николаевна смогла ответить Волошину только в октябре, когда Одесса снова оказалась в руках белых. Она описала обстановку в городе после ухода Красной армии, а Волошин в ответном письме, в свою очередь, дал обзор всего произошедшего с ним во время Гражданской войны в Крыму. В конце января 1920 г., после окончательной победы Красной армии, Бунины навсегда покинули Россию. Волошина они больше никогда не видели.

Отношение Бунина к Волошину в воспоминаниях насмешливое и ироничное, на грани издевательства. Для него Волошин «толстый и кудрявый эстет, любезный и неутомимый говорун и большой любитель покушать»⁹. Стихи Волошина о революции Бунин считал неуместными и кошунственными, снижающими пафос всего пережитого¹⁰. Думается, что резкая оценка личности и творчества Волошина вызвана тем, что Бунин не принимал «новую» литературу в любых ее формах. Несмотря на их многократные встречи в Одессе, для Бунина,

⁵ В Одессе Бунины жили в одном доме (ул. Княжеская, 27) с друзьями-художниками П.А. Нилусом (1869–1943) и Е.И. Буковецким (1866–1948).

⁶ Михаил Осипович Цетлин (1882–1945) и его жена Мария Самойловна (урожд. Турмаркина; в 1-м браке Авксентьева; 1882–1976) субсидировали издание второй книги стихов Волошина «Anno mundi ardentis 1915» (М.: Зерна, 1916). Волошин сообщает о своем намерении ехать в Одессу в письме к А.М. Петровой от начала ноября 1918 г.: «Мне же надо ехать читать лекции. Еду сперва в Ялту, потом в Одессу, куда меня зовут и ждут Цетлины. Вероятно, месяца 2–3 буду в турне» (Письма М.А. Волошина к А.М. Петровой / Публ., подгот. текста и примеч. В.П. Купченко // Максимилиан Волошин: Из литературного наследия. СПб.: Алетейя, 1999. Т. 2. С. 210). Цетлины прожили в Одессе до апреля 1919 г., после чего уехали в Париж.

⁷ См.: *Kenez P. The Defeat of the Whites. Civil War in South Russia, 1919–1920.* Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1977. P. 180–191.

⁸ Дубками называют наиболее распространенные на Черном и Азовском морях парусные деревянные суда прибрежного плавания. Волошин подробно описал это путешествие в своих поздних автобиографических записях 1932 г.: *Волошин М. История моей души / Сост. В.П. Купченко. М.: Аграф, 1999. С. 314–321.* Поездка из Одессы в Коктебель отражена в стихотворениях Волошина «Плаванье» и «Бегство».

⁹ *Бунин И.А. Воспоминания.* С. 200.

¹⁰ Там же. С. 199.

человека строгих взглядов, поведение Волошина оставалось непонятным: «Ни революционером, ни большевиком он, конечно, не был, но, повторяю, вел себя все же очень странно»¹¹.

Негативное отношение Бунина к творчеству Волошина явно чувствуется в его оценке поэзии Волошина. Сохранился экземпляр книги Волошина «Иверни: избранные стихотворения» (М., 1918), подаренный автором Бунину¹². На полях карандашные пометы и ремарки Бунина: «Ни единого живого слова во всем этом отделе» (IV. Любовь); «И этот отдел ужасно плох» (V. Облики); «Тоже!» (VI. Блуждания); «Тоже!» (VII. Армагеддон). В конце второго отдела (Париж) Бунин записал: «И эти 14 страниц плохи». Три стихотворения особенно были выделены Буниным. Напротив стихотворения «Ангел мщения» (С. 99) Бунин написал: «Если бы вдвое сократить». Строки «Там, где фиалки и бледное золото / Скованы в зори ударами молота» (С. 69) Бунин сопроводил негодующим замечанием: «О, Господи!». Такую же характеристику получают строки «По ночам, когда в тумане / Звезды в небе время ткут, / Я ловлю разрывы ткани / В вечном кружеве минут» (С. 85). Нехитрые подсчеты показывают, что в общей сложности Бунин забраковал две трети книги.

Письмо и открытка Волошина хранятся в РАЛ (MS. 1066/5787–5788), письмо В.Н. Буниной с припиской И.А. Бунина — в ИРЛИ (Ф. 562. Оп. 3. № 298), все три документа печатаются с любезного разрешения кураторов этих архивов. Приношу благодарность Е.Р. Обатниной и А.Н. Тюрину за техническую помощь, оказанную при подготовке архивных материалов к печати.

¹¹ Там же. С. 198.

¹² Экземпляр книги с маргиналиями Бунина и дарственной надписью: «Ивану Алексеевичу Бунину, знак глубокого уважения и симпатии. Максимилиан Волошин 1913/IV 19 Одесса» находится сейчас в собрании Л.М. Турчинского (Москва). Пользуясь случаем, хочется принести ему искреннюю благодарность за любезное разрешение ознакомиться с книгой Волошина из его уникальной библиотеки.

М.А. ВОЛОШИН — И.А. И В.Н. БУНИНЫМ

16 мая 1919 г. Евпатория¹

1916/V 19

Дорогие Иван Алексеевич и Вера Николаевна,

Пока мы благополучно добрались в Евпаторию и второй день ждем поезда. Мы пробыли день на Кинбурнской косе, день в Очакове, ожидая ветра, были дважды останавливаемы фр<анцузским> миноносцем², болтались ночь без ветра во время мертвой зыби, были обстреляны пулеметным огнем под Ак-Мечетью, скакали на перекладных целую ночь по степям и гниющим озерам, а теперь застряли в грязнейшей гостинице, ожидая поезда. Все идет нескоро, но благополучно. Масса любопытнейших человеческих документов.

Привет Петру Александровичу Нилусу и Евгению Иосифовичу Буковецкому. Татьяна Давидовна³ всех приветствует.

Очень приятно вспоминать последний вечер⁴, у Вас проведенный, который так хорошо закончил весь нехороший одесский период.

Максимилиан Волошин

¹ На обратной стороне открытки адрес: «Одесса, Княжеская, 27. Ивану Алексеевичу Бунину». На почтовом штемпеле: «Одесса 11.6.1919» (т.е. открытка от Евпатории до Одессы шла почти месяц).

² Французские миноносцы с ноября 1918 по апрель 1919 контролировали морское пространство за пределами одесского порта.

³ Спутницей Волошина в путешествии из Одессы в Крым была Татьяна Давидовна Цемах (1890–1943), бактериолог и поэтесса (псевдоним — Татида).

⁴ Этот вечер описан В.Н. Буниной в ее дневнике: Устами Буниных. Т. 1. С. 249–250.

2

В.Н. БУНИНА — М.А. ВОЛОШИНУ

18 октября 1919 г. Одесса¹

18 октября 1919 г.

Давно хотела писать Вам, дорогой Максимилиан Александрович, да сначала нельзя было послать письма, потом слишком тяжелые дни наступили, затем, когда пришли добровольцы², я узнала от Дидерихса³, что Вы в Ростове. Но днями же у нас был Гроссман⁴ и сообщил, что Вы у себя, в Коктебеле, и мне опять захотелось написать Вам.

Вашу открытку мы получили. Спасибо за нее — мы сильно беспокоились о Вас и были рады, что Вы и Татида благополучно добрались до Крыма. После Вашего отъезда нам первое время очень Вас недоставало. Часто мы с Яном жалели, что вечер наступает темный, жуткий, а Вас нет. Вы тогда вовремя уехали, после Вашего отъезда начались строгости, расстрелы очень усилились, и атмосфера была донельзя гнетущая. Хотя я лично духом не падала, занятий не бросала, но все же подчас бывало тяжело. Очень беспокоились за родных. Один знакомый, впрочем, Вы его знаете, Вл. Ос. Недзельский⁵, съездил в Москву и, хотя привез известия, что все наши пока живы, но далеко не в хорошем состоянии: прошлая зима взяла у всех массу сил и здоровья. Особенно мне жаль брата: за год он потерял пуд пятнадцать фунтов, а приобрел миокардит и начало туберкулеза. Отец⁶ пролежал 3 месяца в постели при норм<альной> т<емпературе>, не будучи в состоянии двинуться, ноги его опухли и покрывались нарывами. Из мамы, полной женщины, остался скелет, обтянутый кожей, и т.д., и т.д. Может быть, поэтому мне моя жизнь казалась хорошей: сильно недоедать, обходиться без хлеба пришлось нам недели три. Теперь жизнь наша изменилась, мы сыты. Ян с утра до ночи занят газетой⁷, два раза в день бывает в редакции, много времени отнимают чтение рукописей и всякие разговоры, так что писать самому не приходится, чем я очень недовольна. Одно время мы хотели ехать в Крым, но теперь газета не пускает.

Наша школа⁸ благополучно процветала до прихода добровольцев и защитила наше жилище от всяких нападений. Самое тяжелое было — это то, что вода одно время была только в порту, и всем гражданам, без различия пола, возраста и т.д., приходилось таскать тяжелые ведра. Особенно мне бывало жаль старух, стариков и маленьких детей. Для подростков же это было благо: меньше времени на ничегонеделания среди пыли, духоты и голода.

Словом, к приходу добровольцев Вы не узнали бы одесситов, 5/6 из них уже ждало добровольцев, как спасителей от большевистского владычества. И было смешно вспомнить, как одесситы весной радостно перекрашивались в красную краску, которая за лето совершенно выгорела на них, понятно — теперь все не прочно.

Из наших общих друзей Катаев⁹ теперь на добровольческом фронте в броневом поезде. А Багрицкий¹⁰ в Одессе, кажется, в контрразведке и все в таком же роде. Зато Кипен¹¹ питался рыбной ловлей все лето.

Как живете Вы? Над чем работаете? Какие у Вас планы?

Мой привет Татиде, если она у Вас.

Крепко жму Вам руку.

В. Муромцева

<приписка рукой И.А. Бунина:>

Дорогой Максимилиан Александрович.

Опять прошу Вас о немедленном сотрудничестве, наша газета служит Добр<овольческой> армии — этим все сказано. Напишите о себе, простите, Бога для, такую краткость.

Ваш Ив. Бунин

Княжеская, 27

¹ Письмо написано рукой В.Н. Буниной с припиской И.А. Бунина.

² Одесса была снова взята Добровольческой армией в конце августа 1919 г. и оставалась под властью белых до начала февраля 1920 г.

³ Возможно, имеется в виду художник Андрей Романович Дидерихс (1884–1942), муж В.М. Ходасевич. Среди общих знакомых Буниных и Волошина были также Ф. Дидерихс, муж Л.И. Дидерихс-Аверьяновой, и одессит Дидрихс.

⁴ Леонид Петрович Гроссман (1888–1965) — критик, историк литературы.

⁵ Недзельский Владимир Осипович — литератор, друг семьи Буниных. С 1920 в эмиграции в Румынии. Сохранились его (и его жены Елены Боскович) письма к Буниным (РАЛ. MS. 1066/4012–4022).

⁶ Муромцев Николай Андреевич (1852–1933). Брат отца — Сергей Андреевич Муромцев (1850–1910) был видным политическим деятелем в Москве, председателем Первой Государственной думы.

⁷ 21 октября 1919 г. Бунин вместе с академиком Никодимом Павловичем Кондаковым (1844–1925) стал соредактором официального печатного органа Добровольческой армии в Одессе — газеты «Южное слово». Подробнее об этом см.: *Варнеке Б.В.* Материалы для биографии Н.П. Кондакова / Публ. И.В. Тункиной // Диаспора. Вып. 4. С. 72–151.

⁸ Чтобы не реквизировали особняк, в котором жили Бунины, Волошин придумал, что в нем существует «Художественная неореалистическая школа». См.: *Бунин И.* Воспоминания. С. 192.

⁹ Катаев Валентин Петрович (1897–1986) — писатель. Во время Гражданской войны Катаев воевал на стороне и белых, и красных (по одной из версий, его служба в советском Бюро украинской печати в первый период большевистской власти в Одессе весной 1919 г. была лишь прикрытием деятельности белого подполья). В сентябре 1919 г. действительно служил командиром передовой бронебашни на бронепоезде «Новороссия» Добровольческой группы войск Вооруженных сил Юга России. Дружил с Буниным во время его пребывания в Одессе. В своей книге «Трава забвенья» он описал свои

встречи с Буниным. См. запись В.Н. Буниной в дневнике от 24 августа/6 сентября 1919 г.: «Вчера был Валя Катаев. <...> Валя ругал Волошина. Он почему-то не переносит его. Ян защищал, говорил, что у Волошина через всю словесность вдруг проникает свое, настоящее. “Да и Волошиных не так много, чтобы строить свое отношение к нему на его отрицательных сторонах. Как хорошо он сумел воспеть свою страну. Удаются ему и портреты”» (Устами Буниных. Т. 1. С. 310–311).

¹⁰ Багрицкий Эдуард Георгиевич (наст. фам. Дзюбин; 1895–1934) — поэт, уроженец Одессы. С апреля 1919 служил инструктором политотдела в Особом партизанском отряде им. ВЦИК, а затем в органах ЧК.

¹¹ Кипен Александр Абрамович (1870–1938) — беллетрист и агроном, автор многих рассказов, а также руководств по виноградарству. Сотрудничал со многими изданиями, в том числе и с редактируемой Буниным газетой «Южное слово». С сентября 1918 г. проживал в Одессе вместе с Буниным на даче Шишкиной. Позже председатель Правления художественного общества им. К.К. Костанди (Одесса, 1922–1929).

3

М.А. ВОЛОШИН — В.Н. И И.А. БУНИНЫМ

7 ноября 1919 г. Коктебель¹

Коктебель
Крым
7 ноября 1919

Дорогие Вера Николаевна и Иван Алексеевич,

Большое спасибо за Ваше письмо. Как раз в эти дни все почему-то возвращался мысленно к Вам, и оно пришло как бы ответом на мои мысли.

Мои приключения только и начались с выездом из Одессы. Мои большевицкие знакомства и встречи развивались по дороге от матросов-разведчиков до «командарма»², который меня привез в Симферополь в собственном вагоне, оказавшись моим старым знакомым.

Потом я сидел у себя в мастерской под артиллерийским огнем: первый десант добровольцев был произведен в Коктебеле³, и делал его «Кагул»⁴, со всею командой которого я был дружен по Севастополю: так что их первый визит был на мою террасу.

Через три дня после освобождения Крыма я помчался в Екатеринодар спасать моего друга генерала Маркса⁵, несправедливо обвиненного в большевизме, которому грозил расстрел, и один, без всяких знакомств и связей, добился-таки его освобождения. Этому мне не могут простить теперь феодосийцы, и я сейчас здесь живу с репутацией большевика, и на мои стихи смотрят как на большевицкие.

Кстати: первое издание «Демонов Глухонемых»⁶ распространялось в Харькове бол^ьшевицким «Центрагом», а теперь Ростовский «Осваг»⁷ взял у меня несколько стихотв^{орений} из той же книги для распространения на летучках.

Только в июле месяце я наконец вернулся домой и сел за мирную работу. Но зато крепко, потому что с той поры не отлучался даже в Феодосию.

Работаю исключительно над стихами. Все, написанные летом, я переслал Гроссману для одесских изданий. Поэтому относительно моих стихов на обществ^{енные} темы спросите его, Иван Алексеевич, а я посылаю Вам пока для «Южного слова» два прошлогодних лирических, еще нигде не появлявшихся, и две небольшие статьи «Пути России» и «Самогон Крови»⁸. Сейчас уже два месяца работаю над большой поэмой о св^{ятом} Серафиме⁹, весь в этом напряжении и неуверенности, одолею ли эту грандиозную тему. Он должен составить диптих с «Аввакумом»¹⁰.

Зимовать буду в Коктебеле: этого требует и работа личная, и сумасшедшие цены, за которыми никакие гонорары угнаться не могут. Кстати о гонораре: теперь я получаю за стихи 10 р^{ублей} за стр^{оку}, а <за> статьи — по 3 р^{убля} за строку. Это минимум, потому что если «Южное Слово» за стихи заплатит больше, я, конечно, не откажусь.

Мне бы очень хотелось, Иван Алексеевич, чтобы Вы прочли все мои новые стихи, что у Гроссмана: я в них сделал попытку подойти более реалистически к современности (в цикле «Личины» стихотв^{орения} «Матрос», «Красногвардеец», «Спекулянт» и т.д.) и мне бы хотелось знать Ваше мнение.

Я до сих пор переполнен впечатлениями этой зимы, весны и лета: мне действительно удалось пересмотреть всю Россию во всех ее партиях и с верхов и до низов. Монархисты, церковники, эсеры, большевики, добровольцы, разбойники... Со всеми мне удалось провести несколько интимных часов в их собственной обстановке.

Как безотрадно, Вера Николаевна, Ваше описание Одессы летом и как хорошо, что я рискнул удрать.

Получили ли Вы какие-нибудь вести о Толстых¹¹ или Цетлиных? Я имел вести о Толстых от мистера Вильямса¹², который был у них в Париже. Так что знаю, что они добрались туда.

Татиду я благополучно довез до Коктебеля, и она жила у нас все лето, а теперь собирается перебраться в Феодосию на заработки.

Можно ли ждать Вас весною в Коктебеле?

Не собирается ли Кипен в Крым?

Не слыхали ли Вы о судьбе художника Пегова¹³? Когда я уезжал, у него начинались недоразумения с Чрезвычайкой...

Привет всем друзьям. Спасибо за вести о себе.

Максимилиан Волошин

P.S. Да, еще одно условие моего сотрудничества: высылать мне газету. А для того, чтобы они доходили, ее лучше высылать не ежедневно, а пачками — за неделю.

P.P.S. Если статьи почему-нибудь окажутся невозможными для печати (что считаю вполне возможным), передайте их, пожалуйста, Гроссману.

M.V.

¹ Письмо представляет собой машинопись с вставками от руки. Наверху письма написано от руки «Полковник Лукин» — возможно, лицо, передавшее письмо Буниным.

² Кожевников Иннокентий Серафимович (1879—1931) — советский военный деятель, активный участник Гражданской войны, в марте—мае 1919 г. командующий 13-й армией, позже был полпредом, работником Наркомата почт и телеграфов, репрессирован. Сохранились два его письма к М.А. Волошину.

³ 18 июня 1919 г. крейсер «Кагул» в сопровождении английского миноносца и с помощью буксира «Дельфин» высадил в тылу у красных неподалеку от Коктебеля армейский десант под командой полковника Королькова.

⁴ Крейсер «Кагул» был заложен в 1901 г. на императорских судостроительных верфях одновременно с «Очаковым». Вскоре после событий первой революции (весной 1907 г.) оба крейсера были переименованы: «Очаков» стал называться «Кагул», а «Кагул» получил название «Память Меркурия». В апреле 1919 г. крейсер «Кагул» был уведен из Севастополя в Новороссийск и вошел в состав 1-го отряда судов Черноморского флота Добровольческой армии (в ноябре 1919 г. переименован в «Генерал Корнилов»). В ноябре 1920 г. участвовал в эвакуации врангелевской армии из Крыма в Галлиполи. В 1924 был передан французам, а в 1929 г. продан на металлолом.

⁵ Маркс Никандр Александрович (1861—1921) — генерал-лейтенант, палеограф, фольклорист. Волошин рассказывает, как он спас генерала Н.А. Маркса, в своих воспоминаниях: *Волошин М.А.* История моей души. С. 326—343.

⁶ *Волошин М.* Демоны глухонемые. Харьков: «Камена», 1919.

⁷ Осведомительно-агитационное агентство (Осваг) департамента иностранных дел Особого совещания Добровольческой армии, а затем Вооруженных сил Юга России, образовано сразу после создания Добровольческой армии (возглавлял С.С. Чахотин). В январе 1919 г. стало самостоятельным учреждением во главе с левым кадетом Н.Е. Парамоновым, а с марта 1919 г. правым кадетом К.Н. Соколовым. Прекратило существование после разгрома армии Деникина осенью 1919 г.

⁸ В газете «Южное слово» появились следующие стихи Волошина: «Красногвардеец» (1917) — 16 ноября 1919; «Матрос» (1918) — 16 ноября 1919; «Спекулянт» (1919) — 30 ноября 1919; «Заклятие о русской земле» (1919) — 16 декабря 1919. Статьи Волошина не были напечатаны.

⁹ 24 октября 1919 г. Волошин сообщил А. Петровой: «Пишу поэму на тему о Серафиме. Работаю безвыходно и упорно» (Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. Т. 2. С. 212).

¹⁰ В 1918 г. Волошин написал поэму «Протопоп Аввакум», которая вошла в его книгу «Демоны глухонемые» (Харьков: Камена, 1919. С. 36—54).

¹¹ Граф Алексей Николаевич Толстой (1882—1945) и его жена уехали из Одессы за границу в апреле 1919 г., когда город был занят красными войсками.

¹² Гарольд Вильямс (1876—1928) — журналист, российский корреспондент английских газет. Муж известной писательницы и политического деятеля А.В. Тырковой.

¹³ Художник Сергей Пегов покинул Одессу на том же пароходе, что и Бунины. См.: Устами Буниных. Т. 1. С. 344.

И.А. БУНИН И МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ: ПИСЬМО В.Ф. МАРКОВУ*

Публикация Жоржа Шерона**

В свое время С.Н. Морозов и Ю.Н. Иванов описали коллекцию книг, подаренных Бунину в 1949–1953 гг. и сохранившихся в его парижской библиотеке (ныне в Литературном музее)¹. На большинстве этих книг не только дарственные надписи авторов, но и маргиналии Бунина с оценками творчества (часто нелицеприятными). Пометы Бунина свидетельствуют, что книги эти он читал. Более того, он нередко и отвечал авторам. Некоторые из этих его писем опубликованы (см., например, отклики Бунина на сборники стихов, присланные Иваном Елагиным и Ольгой Анстей²). Т.е. картина складывается такая: нобелевский лауреат на излете восьмого десятка читает с карандашом в руках пришедшие самотеком сборники стихов начинающих поэтов и не гнушается взять в руки перо, чтобы написать автору, пусть коротко, свое суждение. Все это как-то не очень сочетается с мнением о Бунине-небожителе, не обращающем внимания ни на какую литературу, кроме лично ему близкой. Тем не менее факты вещь упрямая. Их можно как угодно трактовать³, но от них трудно отмахнуться.

* Тексты И.А. и В.Н. Буниных публикуются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate, © 2010.

** © George Cheron, 2010.

¹ Морозов С.Н., Иванов Ю.Н. Дарственные надписи на книгах из парижской библиотеки И.А. Бунина // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 4. С. 170–174; то же // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940: В 2 кн. / Под общ. ред. Е.П. Чельшева, Д.М. Шаховского. М.: Наследие, 1994. Кн. 2. С. 237–243.

² Соктоев А.Б. Талант, соединяющий поколения // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 4. С. 175; Письмо Ивана Бунина Ольге Анстей / Публ. Е. Димер / Новый журнал. 2004 (июнь). № 235. С. 143.

³ Раскидывал ли Бунин широкие сети в поисках благодарных поклонников с тайной надеждой получить какие-то выгоды или же, напротив, совершенно бескорыстно принимал близко к сердцу чужое творчество и не мог удержаться, чтобы не дать совет и не высказаться? Это пусть решают специалисты по психологии творчества.

Вот еще один небольшой штрих к общей картине.

В 1947 г. начинающий поэт (и будущий литературовед) Владимир Федорович Марков⁴ (род. 1920) выпустил свою первую книгу стихов. Уроженец Ленинграда, он жил тогда в лагере для перемещенных лиц в Регенсбурге, недалеко от Мюнхена.

Эмигрантская критика встретила книгу амбивалентно, рецензии были сдержанно-положительные. Нина Берберова отметила «в каждой строке искренность, вкус, талант... Не все одинаково хорошо, кое-что может быть слишком “игриво”, но многое — умно и печально, и на всем — печать какой-то подлинности. Это на нашем горизонте — большая радость»⁵. Юрий Иваск в своем отклике во многом сошелся с мнением Берберовой: «К книжке стихов Владимира Маркова следует отнестись с особенным вниманием. Пусть далеко не все собранные в ней вещи безупречны. Но нельзя не верить, что он не сдержит данных им обещаний. Тому порукой его одаренность, самобытность, серьезность, чуткость. К тому же — он молод»⁶. Наиболее строгой оказалась Татьяна Фесенко: «Владимир Марков культурен, у него острый глаз наблюдателя, он прекрасный, тонкий переводчик. Но вместе с тем Владимир Марков порой страдает отсутствием вкуса, граничащим с пошлостью»⁷. Примерно в том же духе были и остальные отзывы.

Судя по всему, Марков остался неудовлетворен печатными откликами и послал экземпляр своей книги Бунину. Скоро последовал ответ:

Juan-les-Pins, A<lps> M<aritime>
10 янв<аря> <19>49

Милый поэт,

Я нездоров и потому могу сказать Вам только то, что, по-моему, Вы талантливы и есть немало в Вашей книжечке хорошего, но есть и дурное — всякие безвкусные трюки — особенно в стихах на первых страничках: «пришпилен англ<ийской> булавкой... Мне неизвестен тариф мой... Погасли,

⁴ Подробнее о нем см. в публ.: «Ваш Глеб Струве»: Письма Г.П. Струве к В.Ф. Маркову / Публ. Ж. Шерона // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 118–152; «В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда...»: Письма Ю.К. Терапиано к В.Ф. Маркову (1953–1966) / Публ. О.А. Коростелева и Ж. Шерона // Минувшее. Вып. 24. С. 240–378; «Я не имею отношения к Серебряному веку...»: Письма Ирины Одоевцевой к Владимиру Маркову (1956–1975) / Публ. О. Коростелева и Ж. Шерона // In memoriam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб., 2000. С. 398–518; «Мир на почетных условиях...»: Переписка В.Ф. Маркова с М.В. Вишняком. 1954–1959 / Публ. О. Коростелева и Ж. Шерона // Диаспора. Вып. 1. С. 557–584; «Я молчал 20 лет, но это отразилось на мне скорее благоприятно»: Письма Д.И. Кленовского В.Ф. Маркову 1952–1962 гг. / Публ. О. Коростелева и Ж. Шерона // Диаспора. Вып. 2. С. 585–693.

⁵ Берберова Н. Стихотворения Владимира Маркова // Русская мысль. 1949. 22 июня. № 147. С. 3.

⁶ Иваск Ю. Итальянские стихи // Новое русское слово. 1949. 20 ноября. С. 8.

⁷ Т.Ф. Право поэта // Посев. 1948. 29 февраля. № 9 (22). С. 12.

день-ли, час-ли... Много сизых, голых дней... Щекотки зноя... Ob es gab —
внезап...»⁸ и т.д. К чему все это?

Всего доброго!

Ив. Бунин

Бунин для Маркова вряд ли был большим литературным авторитетом, скорее просто знаменитым писателем-современником. Книг его Марков к тому времени почти не читал⁹, а как поэта и позже ставил его не слишком высоко¹⁰. Однако Марков не удержался от того, чтобы похвастаться письмом Бунина перед приятелями. 7 февраля 1949 г. на это откликнулся Р. Давиденков, не преминув заодно высказать и собственное мнение о Бунине: «Ваше сообщение о том, что Вы получили ласковый ответ от Бунина, меня очень порадовало за Вас. Я отношусь к Бунину так же, как и Вы. В эмиграции Бунин, по-моему, совсем “засох”, и именно потому, что все время смотрел назад — в дореволюционные времена. Но стилист он, по-моему, замечательный. Я мало знаю вещей совершеннее, чем перевод “Песни о Гайавате”; в свое время мне нравились многие стихотворения Бунина, написанные рядом с декадентами “бесхитростно”. Он удивительно умеет каким-то прямо волшебным подбором немногих слов создать настроение весеннего дня в Москве или деревенской зимы. <...> Очень приятно, что Бунин так симпатично написал Вам; не попробовать ли Вам послать опять Ваш сборник в Америку, но теперь с бунинским отзывом?» (Собрание Жоржа Шерона, Лос-Анджелес).

21 февраля 1949 г. на письмо Маркова отозвался А. И. Касим (Альтаментов), тоже немедленно свернув на общую оценку творчества Бунина и его литературных взглядов: «Понимаю, что приятно (не из тщеславия) получить письмо от Бунина. Он, по-моему, неровный: то прекрасные стихи (“В Альпах”, “Обезьяна в Судане”), то банальщина под Плещеева и Надсона. Проза четкая, “неизменная”, но иной раз... нечего читать. Хорошо помню шок: в 1911–13 гг. Бунин отозвался пренебрежительно о символистах. Это меня обидело. Тогда. Теперь я сам понимаю, что из Бальмонта, Блока,

⁸ См.: *Марков В.* Стихи. Регенсбург: Эхо, 1947. С. 5, 6, 9, 10, 15.

⁹ Три года спустя, 12 марта 1952 г., Марков пишет Г. П. Струве: «Хочу начать знакомиться с русскими писателями, которых очень плохо знаю. Особенно с Розановым, Леонтьевым, Соловьевым, Ремизовым и Буниным. Что вы в первую очередь рекомендуете последних двух (особенно из того, что есть в Berkeley)?» (Hoover. Gleb Struve Papers. Box 105. Folder 4).

¹⁰ 16 декабря 1952 г. Марков пишет Г. П. Струве: «Иваск жалуется в письме (не помню, писал ли я Вам об этом), что Бунин желает сам сделать выбор своего для ивасковской антологии. И будто бы уверяет, что он, Бунин, “большой поэт”. Иваск же считает, что он “никакой поэт”» (Там же). Струве с этим не согласился, ответив Маркову 20 декабря 1952 г.: «О Бунине Иваск говорит глупости: как прозаик, Бунин, конечно, выше, но у него есть прекрасные стихи, и никак нельзя говорить, что он поэт “никакой”» (Собрание Жоржа Шерона, Лос-Анджелес). Однако Марков, похоже, склонялся скорее к мнению Иваска и позже, 16 мая 1954, написал Струве: «<...> à propos Бунина и Набокова, я как-нибудь напишу небольшую статью о прозаиках, которые страшно хотели быть поэтами, и возьму их главными примерами» (Hoover. Gleb Struve Papers. Box 105. Folder 4).

Белого многое можно выкинуть, кое-что из Брюсова даже, целиком Ме-режковского (поэта) и многое из Сологуба. Только Вяч. Иванов целостен. Но символизм — золото. Как этого Бунин не понимал и, наверно, не понимает» (Там же).

Переписка не продолжилась, письмо Бунина осталось единственным, хотя еще один его автограф отложился в архиве Маркова. Два года позже в журнале «Грани» была опубликована первая часть статьи Маркова об Андре Жида (из-за большого объема редакция решила растянуть ее на два номера¹¹).

5 февраля 1952 Марков написал Г.П. Струве: «Я вчера получил из “Грани” письмо с сообщением, что мой “Жид” понравился Бунину, и он переслал им номер “Figaro” с письмом Жида к нему¹², Бунину, к его восьмидесятилетию, которое он считает “последним произведением” (напечатанным) Жида. Он хочет, чтоб я вкомпановал как-нибудь это письмо в окончание своей статьи (вот где пригодилось, что статью разбили!). Думаю, что это можно будет сделать, тем более что Бунин болен, и, может быть, это будет ему приятно»¹³.

В архиве Маркова сохранился этот номер «Figaro»; на первой полосе жирно подчеркнута дата выпуска, а выше над заголовком надпись рукой Бунина: «В. Маркову. Письмо А. Жид’а мне — последнее его напечатанное произведение. Это был день моего 80-летия. Ив. Бунин».

Публикуя вторую часть статьи, Марков в конце воспроизвел письмо Андре Жида Бунину в собственном переводе, снабдив примечанием: «Текст этого письма был любезно предоставлен автору самим адресатом; мы считаем, что он заслуживает воспроизведения полностью: и сам по себе, и как последняя из публикаций Жида в печати (“Фигаро”, понедельник, 23 октября 1950 г.)»¹⁴.

Оригиналы письма и записки Бунина находятся в собрании публикатора.

¹¹ *Марков В.* Творческий облик Андре Жида // *Грани*. 1951. № 13. С. 158–168; 1952. № 14. С. 143–161.

¹² *Gide A.* Pour les 80 ans d’un réfractaire // *Figaro*. 1950. 23 octobre. № 1904. P. 1.

¹³ Hoover Institution Archives. Gleb Struve Papers. Box 105. Folder 5.

¹⁴ *Грани*. 1952. № 14. С. 160.

Именной указатель

- Абданк-Коссовский В.К. 28
Абрамский П. 462
Абызов Ю.И. 60, 95, 157, 194
Авксентьев Н.Д. 147, 150, 154, 155
Адамович Г.В. 21, 22, 30, 36, 37, 44, 52, 54, 103, 104, 108, 109, 113, 116, 134, 141, 142, 149–152, 158, 208, 210–212, 215, 261, 274, 299, 310, 313, 316, 323, 335, 342, 370, 373, 394, 488
Адельгейм Н.Р. 429, 430
Адельгейм Р.Л. 430
Аджемова Е.Г. 372
Азадовский К.М. 276, 371, 377
Айхенвальд Ю.И. 274
Алданов М.А. (Ландау) 12, 13, 17, 20, 27–33, 36, 46, 48, 55, 56, 58, 70, 71, 78, 94–99, 101, 103, 104, 107–109, 111, 112, 116, 139–141, 147, 155–158, 162, 188, 200, 201, 204, 206, 250, 261, 266, 274, 294, 321, 330, 367, 406, 421, 493, 496
Алданова Т.М. (урожд. Зайцева) 70, 201
Алдановы, семья 16, 31, 43, 155, 156, 366, 367
Александр (Семенов-Тянь-Шанский), свящ. 463
Александр II, император 155
Александр III, император 450, 493
Александр, король сербский 143
Александр Михайлович, вел. кн. 500
Александрова В.А. (Шварц, урожд. Мордвинова) 187, 283, 284, 332, 342–344, 355, 370, 394
Алексеев А.В. 60, 438
Алексеев С.В. 439
Алексеева Е.В. 438, 439
Алексеева Е.М. (урожд. Миллиоти) 438
Алексеева М.Н. 330
Алексей Михайлович, царь 30
Алексинская Т.И. (урожд. Евтихиева) 312
Алексинский И.П. 428
Аллар Ш. 454
Альбер I, король Бельгии 411
Альбертини Л.Д. 432, 456
Альбертини Луиджи 457
Альбертини Т.М. (урожд. Сухотина) 457
Амбер М.Э. 197
д'Амелиа А. 374
Амфитеатров А.В. 14, 142, 143, 305, 311–313, 501
Анджелико (наст. имя Гвидо ди Пьетро, в монашестве Джованни да Фьезоле) 495, 497
Андреев Л.Н. 6, 36, 112, 243, 285, 328, 487
Андреев Н.Е. 184, 199
Аничков Е.В. 158
Анненков Ю.П. 54, 215, 216
Анненский И.Ф. 240
Анстей О.Н. (Штейнберг) 510

- Антипов Р.Н. 457
 Антонов В. 446
 Аргус М.К. (Айзенштадт) 348, 349
 Аренс Л. 501
 Аргентина (Mercé A., псевд. La Argentina) 379, 380
 Аристов А.М. 459
 Аронсон Г.Я. 22
 Аронсон Л.А. 399
 Арсен А. (Arséne A.) 434
 Арьев А.Ю. 39
 Афиногенов А.Н. 279
 Ахматова А.А. (урожд. Горенко) 228, 245, 272, 375

 Бабель И.Э. 483, 484
 Бабореко А.К. 6, 282, 478
 Багно В.Е. 330
 Багрицкий Э.Г. (Дзюбин) 228, 506, 507
 Бажанов Б.Г. 41, 43
 Байлби Л. (Bailby L.) 379
 Байрон Дж.-Г. 139, 311, 312
 Бакст Л.Н. (Розенберг) 449
 Баланчин Д. (Баланчивадзе Г.М.) 383
 Балиева Е.А. (урожд. Акопян) 382
 Бальмонт К.Д. 14, 139, 255, 260, 261, 447, 512
 Банвиль Т. де 453
 Баратынский Е.А. (Боратынский) 153, 154
 Барклай-де-Толли М.Б. 254
 Барро Ж.-Л. 314
 Барятинский В.В. 375
 Батый 307
 Бах И.-С. 153
 Бахметьев Б.А. 388
 Бахрах А.В. 19, 30, 32–37, 69, 73, 85, 87, 89, 134, 181, 184–187, 199, 210, 211, 267, 420–422, 479, 497
 Бахтеяровы, семья 131
 Бедель М. 425, 427
 Бек М. фон дер 454
 Бекетова Е.Г. (урожд. Карелина) 250
 Бекетовы, семья 250
 Белич А.И. 14, 43, 143
 Белобровцева И.З. (Belobrovseva I., Belobrovtsava I.) 5, 39, 118, 179, 211, 276, 370
 Белоусов И.А. 226
 Белый А. (Бугаев Б.Н.) 111, 228, 245, 447, 451, 513

 Беляев Б.Н. (Щербинский) 217–219, 459
 Бентли-Мотт Р. (урожд. Сен-Пол, Bentley-Mott R.) 459
 Бентли-Мотт Т. 459
 Бенуа А.Н. 21, 22, 32, 84, 85, 193, 194, 446, 450, 458, 501
 Берберов Н.И. 54, 55
 Берберов Р.И. 25
 Берберова А. 35, 82
 Берберова Н.И. (урожд. Караулова) 55
 Берберова Н.Н. 4, 8–57, 59–75, 77–85, 87–97, 99–101, 103, 105, 107, 205, 206, 312, 338, 400, 401, 410, 443, 495, 496, 498, 511
 Бердяев Н.А. 17, 111, 207, 474
 Берлин Е.Л. (Леон) 437
 Берлин П.А. 103
 Берлинер-Тавгер Б. 374
 Бернар Р. 381
 Бернхейм Г., младший 408, 455
 Беррогэн, владелец антикварного магазина 461
 Бетеа Д. (Bethea D.M.) 12, 21, 401
 Бешарова Ю.Л. (Бешарова-Джапаридзе) 387
 Бибиков А.Н. 327
 Бидпай (Пилпай) 314
 Билибин И.Я. 434, 435, 456
 Бирман М.А. 110, 112, 117, 118, 122, 127, 161
 Бирюков Н.А. 376
 Бицилли М.П. (дочь Бицилли П.М.) 154
 Бицилли М.Т. (урожд. Полянкевич) 144
 Бицилли П.М. 5, 109–111, 113–141, 143, 145–177, 178
 Бицилли Р.М. 151
 Благая Е.Д. 449
 Благой Ю.Д. (Blagoi G.) 449
 Блазис К. 380
 Блок А.А. (Blok A.) 37, 55, 56, 81, 106, 112, 116, 133–135, 137, 139, 211, 228, 232, 235–237, 240, 245, 250, 251, 253, 255, 255, 372, 447, 484, 512
 Блюменфельдт Ф. 423, 424
 Боборыкин П.Д. 135
 Бова – см. Зуров Л.Ф.
 Богданов А.И. 445

- Богданович П.Н. 85
 Богомолов А.Е. 38
 Богомолов Н.А. 447
 Бодлер Ш. 453
 Боке, художник 380, 381
 Борис III, царь 451
 Борис Владимирович, вел. кн. 88
 Борис, царь 467
 Борисова Н.В. 344
 Борисовские, семья 444
 Борисовский Н.М. 444
 Боров Т. (Цветанов Т.) 169
 Бородин А.П. 15, 49, 50
 Боскович Е. 506
 Боткин М.П. 447
 Бочарова И.А. 308
 Брайнина Б. 475
 Брандес Г. 111, 274, 275, 299, 300
 Бретон А. ле (Breton A.) 366
 Бринтон Дж. (Brinton G.) 269, 278, 279, 280, 283–285, 287–320, 331
 Брэдли Г. (Bradley G.) 188, 488
 Брэдли У. (Bradley W.) 287
 Брюан Г. 419, 422
 Брюан М.С. – см. Муромцева-Брюан М.С.
 Брюан Т.Б. (Bryuant T.B.) 402
 Брюсов В.Я. 228, 255, 513
 Будницкий О.В. 23, 24, 28, 29, 39, 107
 Буковецкий Е.И. 502, 504
 Буланин Д.М. 117, 160
 Булгаков М.А. 465
 Бунаков И.И. – см. Фондаминский И.И.
 Бунин А.И. (Афанасий Иванович) 297, 298
 Бунин В.А. (Василий Афанасьевич) 298, 311
 Бунина В.Н. (урожд. Муромцева) 5–7, 11, 13–15, 17, 19–21, 26, 27, 30, 35–37, 41–44, 47, 51, 53, 59, 61, 62, 64, 73, 79, 87, 89, 92, 93, 98, 100, 109, 111, 131, 134, 145, 154, 157, 162, 167, 179–195, 197–206, 211–213, 215–217, 220–225, 228, 233, 239, 247, 255, 255, 256, 264–267, 269–273, 275, 279, 281–283, 285–288, 290, 291, 293–295, 297–299, 303–307, 309, 311–313, 315, 317–319, 321–323, 325, 327, 329–331, 333, 335–337, 339, 341, 343, 345, 347, 349, 351, 353, 355, 357–370, 373, 375, 377, 379, 381, 383, 385, 387, 389, 391, 393, 395, 397–401, 403–419, 421–425, 427–429, 431–437, 439–441, 443, 445, 447, 449, 451, 453, 455, 457, 459, 461–478, 482, 484, 490, 498, 501–505, 507, 510
 Бунины, семья 5, 10, 11, 13, 14, 16, 17, 19, 27, 31, 32, 35, 35, 36, 38–40, 43, 47, 50, 56, 64, 66, 67, 69, 78, 82, 87, 90, 92, 93, 97, 99, 100, 107, 111, 117, 122, 151, 155, 158, 179, 181, 182, 186, 187, 191, 192, 194, 195, 197–199, 201, 204, 208, 214, 219–221, 225, 229, 236, 239, 247, 252, 255, 261, 266, 267, 270–273, 297, 352, 353, 365, 402–404, 418, 421, 435, 436, 466, 472, 488, 501, 503, 505–507, 509, 510
 Бурлюки, братья 263
 Бурышкин П.А. 444
 Бутенко В. 363
 Буткевич Б.В., псевд.: Борис Бета 40, 41
 Бухарин Н.И. 494
 Вагинов К.К. 228, 237
 Вадим Викторович – см. Руднев В.В.
 Вайль Б.Б. 3, 4
 Вакары, семья 22
 Валери П. (Valéry P.) 245, 433, 434, 458
 Валлака М. 402, 415, 436, 445, 449, 453
 Вандербильт В.К. 432
 Вандербильт Э. 432, 433
 Вандербильт, семья 453
 Варламов А.Н. 344
 Варле М.И. 439
 Варнеке Б.В. 122, 506
 Варшавская Т.Г. (урожд. Дерюгина) 358, 359
 Варшавский В.С. 224, 358, 359
 Василий Афанасьевич – см. Бунин В.А.
 Васильев С.Н., врач 421
 Васильева М.А. 110, 117, 152
 Васильева С.Н. 421
 Вейдле В.В. 54, 60, 379
 Вейнбаум М.Е. 209, 302, 303, 338
 Величковская Т.А. 182
 Венгеров С.А. 374, 388

- Венгерова З.А. 374, 375, 377, 381, 382, 396
Венгерова И.А. 374, 375, 377, 381, 382, 396
Венгерова-Минская З.А. — см. Венгерова З.А.
Вера Александровна — см. Александрова В.А.
Вера Николаевна — см. Бунина В.Н.
Верлен П. 249
Вертинский А.Н. 116, 137, 139
Вильданова Р.И. 14, 225, 374, 386
Вильде Б.В. 182
Вильямс Г. 508, 509
Винавер М.М. 43
Винокуров Ф.Д. 436
Винтерфельд В.Г. 318
Винтерфельд Е. (урожд. Лорентц) 418
Винтерфельды, семья 420, 421
Вишняк М.В. (Vishniak M.) 28, 29, 43, 58, 59, 101, 107, 141, 147, 150, 157, 511
Войскун Л. 371, 375, 386, 391
Волконская И.С. (урожд. Рахманинова) 219
Волконская С.П. 219
Волконский П.Г. 219
Волошин Г.Ф. 123
Волошин М.А. 5, 228, 231, 232, 245, 246, 501–508, 509
Волошины, семья 507
Волынский А.Л. (Флексер Х.Л.) 157
Вольф М.О. 491
Вольфсон М.К. 59
Вольфсон Э.С. 59
Вольфсоны, семья 43, 58
Вордсворт У. (Wordsworth W.) 139
Ворошилов К.Е. 487
Врангель М.Д. 21, 375, 376, 386
Вреден Н.Р. (Wreden N.) 291–294, 297, 309, 311, 312, 314, 315, 341, 344, 354, 356, 388, 394
Вульф А.Н. 493
Высоцкая И. 460
Вышеславцев Б.Н. 34
Вышеславцев Б.П. 78
Вышеславцева Н.Н. (урожд. Алексева) 78
Вышеславцевы, семья 77
Вышинский А.Я. 499
Вячеславов П.Л. 477
Гаврилов М.Н. 413
Гавриловы, семья 412
Гагарины, семья 88
Газданов Г. 261, 294
Галич Л.Е. (Габрилович) 160, 210, 211
Гамсун К. 41
Гаранже, коллекционер 447
Гарт Дж. Б. 385
Гартман Ф.А. 382
Гасперович В. 433
Гатова Л.А. 362, 363
Гаухман Ю. 107
Гауш Ю. 372
Гафиз 417, 418
Геббельс П.Й. 29, 34
Гебер Н. (Geber) 193
Гейне Г. 403
Георгий Викторович — см. Адамович Г.В.
Георгий Михайлович, вел. кн. 450
Герашко Л.В. 117, 118, 160
Герра Р. 233, 237, 379, 408, 453, 458, 459, 462
Гёте И.-В. 321
Гиль Р. 275, 299
Гингер А.С. 87
Гиппиус З.Н. (в браке Мережковская, псевд.: А.Крайний) 9, 13, 14, 17, 29, 41–44, 105, 111, 372, 460, 500
Гиршман В.О. 418, 448, 455
Гиршман Г.Л. (урожд. Леон) 417, 418, 429, 436, 437, 448, 459
Гитлер А. 17, 18, 20, 24, 28, 37, 95, 123, 124, 209, 235, 236, 298, 382, 390
Глебова-Судейкина О.А. (Glebova-Soudeikina O.) 447, 458
Глебовский И.И. 375
Глинка М.И. 385
Гоголь Н.В. 113, 115, 120, 135, 161, 163, 326, 390, 490
Голенищев-Кутузов И.Н. 143, 501
Голицын Л.М. 443
Голицыны, князья 88, 443
Головина А.С. (урожд. Штейгер) 216
Голубева Л.Г. 4, 6, 214
Голубовская В.Л. (урожд. Нилус) 211
Голубовский Л.Б. 211
Гончаров И.А. 86, 88
Гончарова Н.С. 335, 377
Городецкий С.М. 242
Горчаков, князь 28

- Горький М. (Пешков А.М.) 6, 6, 31, 81, 82, 112, 166, 285, 307, 308, 313, 328, 330, 464, 483, 487, 494
- Горяинов А.И. 112
- Горянский В. (Иванов В.И.) 28
- Гофман И. 447, 449, 457
- Грабарь А.М. 376, 451
- Грабарь И.Э. 446, 448, 452
- Греффюль А. граф 460
- Греффюль Е. (урожд. принцесса Кармен-Шимей), графиня 436, 459, 460
- Гречанинов А.Т. 382, 459
- Гржебин З.И. 497
- Григорий Богослов, святитель 56
- Григорьев Ап.А. 112
- Григорьев Б.Д. 456, 457
- Грин М.Э. 7, 14, 32, 90, 186, 187, 204, 288, 334, 335
- Гринберг Р.Н. 206
- Грихин В.И. 353
- Гроничка А. фон 387
- Гроссман Л.П. 505, 506, 508
- Грот Я.К. 158, 159, 499
- Гуггенхейм Дж С. 388
- Гузевич Д.Ю. 206
- Гукасов А.О. 28, 61, 495, 496
- Гуль Р.Б. 24, 30, 37, 38, 60, 291, 292, 317, 373, 374, 386, 496
- Гумилев Н.С. 88, 160, 228, 235–237, 240, 250, 253, 255
- Гуревич Л.Я. 375
- Давиденков Р. 512
- Даль В.И. 491, 497
- Даманская А.Ф. 373
- Данте Алигьери 309, 495, 497, 498
- Даттон Э.П. (Dutton) 279, 294, 388, 389, 393, 394
- Двинятина Т.М. (Dvin'iatina T.) 5, 109, 276
- Дезаруа А. 443, 458
- Демидов И.П. 47, 114, 127
- Демидова О.Р. 6
- Денев Б. 451
- Деникин А.И. 21, 344, 499, 509
- Державин Г.Р. 135, 483, 498
- Детерман Г.А. 415, 454, 456
- Детерман Л.В. (урожд. Живаго) 454
- Джакоза-Альбертини П. 457
- Джеймс У. 384, 448, 452
- Джотто ди Бондоне 194
- Дивуар Ф. (Divoire F.J.) 379
- Лидерихс А.Р. 505, 506
- Лидерихс Ф. 506
- Лидерихс-Аверьянова Л.И. 506
- Димер Е. 510
- Димитриев Р.Д. 450
- Дмитренко С.Ф. 3
- Дмитрий Павлович – см. Сазонов Д.П.
- Дмитрий Сергеевич – см. Мережковский Д.С.
- Добкин А.И. 511
- Добужинский М.В. 241, 382, 383, 385, 446, 448, 454, 456
- Добужинский Р.М. 276, 372, 454
- Долинин А.А. (Dolinin A.) 39, 54
- Доморацкая С.И. 6
- Дон Аминадо (Шполянский А.П.) 496
- Донзель М. (Donzel), псевд.: Парижанин 275
- Дон-Левин И. 192
- Достоевский Ф.М. 111, 134, 153, 154, 157, 158, 171, 172, 174, 211, 228, 324, 333, 387, 481, 483, 494
- Дренски И. 450
- Лубасов Д. 452
- Дубовиков А.Н. 12, 204
- Дудаков В. 447
- Думова Н.Г. 447
- Дункан А. 379
- Дурасов А.В. 28
- Дурново С.П. (урожд. Волконская, в браке Давыдова) 423, 424
- Дынник В.А. 257
- Дьюи Дж. 384
- Дэвис Р.Д. (Davies R.) 4–8, 109, 124, 179, 225, 267, 398, 478, 488
- Дюллэн Ш. 378
- Дюран К. 456
- Дюран-Саладен Д. (Durand-Saladin J.) 224
- Дягилев С.П. 279, 446, 447
- Евангулов Г.С. 22
- Евпраксия, княгиня 306
- Евреинов В. 30
- Евреинов Н.Н. 22, 29, 345, 373, 396
- Елагин И. (Матвеев И.В.) 294, 486, 487, 510
- Елизавета II, императрица 337

- Элита-Вильчковский К.С. 60
 Ельяшевич В.Б. 69, 71, 92, 93
 Ельяшевич Ф.О. 69
 Емельянов В.Н. 342, 343
 Епифаний Премудрый, святой 346
 Еремеева О.Л. 287, 404, 413, 416
 Ермоленко-Южина Н.С. 459
 Ермолинска Е. (Dzhermolinska H.) 384
 Еруслан Лазаревич – см. Зуров Л.Ф.
 Есенин С.А. 36, 151, 228, 255, 360, 484, 491
- Жалу Э. 275
 Жемчужников А.М. 341
 Жеребков Ю.С. 22, 82, 298, 352, 353
 Жид А. (Gide A.) 150, 153, 154, 170–172, 175, 245, 463, 513
 Жилярди Д.И. 443
 Жиров А.М. 66, 201, 221, 222, 223
 Жирова Е.Н. (урожд. Лишина) 66, 201, 208, 214, 472
 Жирова О.А. (в браке Колар) 66, 198, 201, 472, 473, 480
 Жукова Н.Г. 276, 374
 Жуковский В.А. 295, 297, 298, 311
 Жюльен Р. 446
- Забежинский Г. 308
 Завалишин В.К. 342
 Зайцев Б.К. 9, 14, 17, 19–21, 29, 31–33, 35, 36, 62, 71, 78–81, 84–87, 90, 94, 101, 102, 105–107, 112, 180, 185, 186, 204, 233, 295, 297, 298, 310, 312, 313, 352, 353, 370, 482, 493, 495, 496, 497
 Зайцев К.И. (в монашестве Константин) 114, 125, 180, 193, 274, 275, 310, 327, 335
 Зайцев К.О. – см. Зайцев К.И.
 Зайцева В.А. (урожд. Орешникова) 78–81, 86, 90, 105, 297, 440, 441, 464
 Зайцева Н.Б. 457
 Зайцева Н.К. (в браке Донзель) 78
 Зайцева Т.К. (в браке Буйневич) 78
 Зайцева-Соллогуб Н.Б. 60, 72, 78
 Зайцевы, семья 12, 22, 27, 43, 54, 55, 57, 59, 63, 65, 66, 69, 76, 77, 79, 83, 86, 90, 91, 103, 105, 441
 Зак Л. 460
 Засодимский П.В. 135
- Захаров Ф. 452
 Захарьин Г.А. 370
 Зверс А. 33, 70, 90, 112, 173, 185, 186, 250, 297, 323
 Звягин С.П. 353
 Зеелер В.Ф. 19, 180, 181, 235, 237, 298, 352, 353, 457, 495, 497, 498
 Зезет, певица 459
 Зелюк О.Г. 100, 495, 496
 Зензинов В.М. 38, 101, 191–193, 466, 471
 Зернов В.М. 361
 Зернова С.М. 463
 Зилоти А.А. 458
 Златарский В.Н. 110
 Злобин В.А. 54
 Знаменская В.А. 371
 Зошенко М.М. 483
 Зряхов Н.И. 119, 120
 Зуров Л.Ф. (Zurov L., прозвища: Бова, Еруслан Лазаревич, Лось) 5, 19, 21, 47, 64, 73, 85, 87, 89, 92, 126, 127, 179–224, 343, 351, 352, 356, 357, 360, 361, 365, 366, 368–370, 403, 431, 436–440, 466, 468, 472
 Зыкова Е. 371, 375
- Ибсен Г. 375
 Иванов Владислав 345, 373
 Иванов Вяч.И. 114, 147–149, 228, 513
 Иванов Г.В. 56, 87, 88, 210, 232, 233, 250, 253, 255, 256, 259, 373
 Иванов П. 170
 Иванов Р.В. – см. Иванов-Разумник
 Иванов С.А. 406
 Иванов Ю.Н. 237, 510
 Иванова А. 371, 375
 Иванова-Аначкова Е.П. 109
 Иванов-Разумник (Иванов Р.В.) 22, 24, 25, 80, 81, 82
 Ивановы, семья Иванов Г.В. и Одоевцева И.В. 86, 88
 Иваск Ю.П. (Ivask G.) 23, 24, 511, 512
 Ильин В.Н. 28
 Ильин И.А. 111
 Ильин-Женевский А.Ф. 476
 Ильф И. (Файнзилберг И.А.) 227, 353
 Илья Исидорович – см. Фондаминский И.И.
 Иоанн Богослов 413
 Иоффе Ф.М. 6

- Ирвинг В. 385
Ирина Павловна, вел. кн. 457
- Йорк Э. 276, 396, 397, 405
- Кадиш М. 298
Казем-Бек А.Л. 60
Калинина Н.Д. 404
Каллаш М.А. (урожд. Новикова),
псевд.: Курдюмов 198, 199, 201
Камбиз, персидский царь 24
Кан А.А. 436, 437
Кандинская Н.Н. (урожд. Андреев-
ская) 215
Кандинский В.В. 215
Канивез А. (Canivez A.) 469, 473, 474,
477, 478
Канивезы, семья 472
Капабланка Р.Х. 476
Капнист О.К. (урожд. Липшина) 201
Карамзин Н.М. 298, 377
Карандини Е. (урожд. Альбертини)
457
Каренн Д.А. (в браке Оцуп) 237, 459
Каролик М. 382
Карпович М.М. 101, 157, 286, 287
Карташев П.В. 22
Картье Л. 459
Касадесу Р. (Casadesus R.) 440
Касим А.И. (Альтаментов) 512
Кастеллан Б. де 435, 459
Катаев В.П. 506, 507
Кашин-Ярцев М.С. 433
Кашина-Евреинова А. 345, 373, 396
Келдыш В.А. 4, 7
Керенская Н. (Нелль, урожд. Триттон
Л.Э.) 31, 54, 64, 97, 98, 99
Керенские, семья 31, 64
Керенский А.Ф. 31, 33, 53, 54, 58, 59,
63, 64, 97, 101, 105, 191, 467
Кипен А.А. 506, 507, 508
Кирсанов С.И. 363
Кирша А. — см. Гиппиус З.Н.
Кистерева Н. 188
Китс Дж. (Keats J.) 139
Кленовский Д.И. (Крачковский) 511
Клепинин А.Н. 110, 176
Клепинин Д.А. 176
Клепинин Н.А. 176
Клепинина С.А. (урожд. Степанова) 176
Клепинины, семья 176
- Клоц Я. 4, 8
Ключевский В.О. 446
Клягин А.П. 38
Кнопф А. (Knopf A.A.) 191, 192, 269,
284–287, 340, 344, 347, 349, 353
Кнорринг Н.Н. 74, 75
Кнут Д. (Фиксман Д.М.) 40
Кобяков Д.Ю. 105
Ковалев Г.Ф. 479
Ковалевская С.В. 383, 387
Ковалевский П.Е. 183
Коваленская А.Г. (урожд. Карелина)
250
Коваленские, семья 250
Кодина Л.И. 459
Кодман М. 382
Кодрянский Н.В. (урожд. фон Гернг-
росс) 210, 211, 224, 334, 335, 354,
355, 358, 370, 384
Кодрянские, семья 212, 355, 357, 363
Кодрянский И.В. 211, 335, 356, 357,
358
Кожевников И.С. 509
Кожевникова О.В. 440, 441, 462
Козинцев Г.М. 54, 55
Козьменко М.В. 39
Койранский А.А. 390
Коковцев В.Н. 21
Колдуэлл Дж. 385
Колонна ди Чезаро В.П. (урожд. Ан-
тонелли) 433
Колонна ди Чезаро Д.А. 433
Колчак А.В. 499
Кольридж С.Т. (Coleridge S.T.) 139
Комиссаржевская В.Ф. 157
Комиссаржевский Ф. 382
Комолова Н.П. 433
Кондаков Н.П. 109, 110, 121, 122, 506
Кондратьев А.А. 242
Конечный А.М. 371, 374, 375
Коновалов С.А. 22, 107
Коновницына М.Г. 459
Констан Б. 446
Конюс А.Б. 472
Конюс Б.Ю. 210, 472
Конюс Т.С. (урожд. Рахманинова) 210,
221, 222, 282, 472
Конюсы, семья 209
Копо Ж. 377
Корвин-Пиотровская Н.А. (урожд.
Каплун) 211

- Корвин-Пиотровский А.В. 188, 211
 Корвин-Пиотровский В.Л. 60, 86, 87, 211
 Корляков А. 271, 404
 Коровин К.А. 456
 Короленко В.Г. 157
 Корольков, полковник 509
 Коростелев О.А. (Korostelev O.) 4–6, 85, 118, 141, 234, 267, 373, 386, 478, 488, 500, 511
 Короченецкая Л.А. 276, 373
 Корсаков С.С. 106
 Корш Е.Ф. 445
 Корш Ф.Е. 445
 Корш, семья 445
 Коряков М.М. 468
 Костомарова И.А. 4, 6
 Костырко С.П. 9
 Кошиц М.П. 86, 88
 Кошиц Н.П. 88
 Кравцова И.Г. 376
 Крайний А. – см. Гиппиус З.Н.
 Краснов П.Н. 21
 Крачковский С.П. 450
 Крейд В. (Крейденков В.П.) 206, 225
 Крейн Ч. 451
 Кремер И.Я. 103, 107
 Крестовников А.К. 444
 Крестовников Г.А. 444
 Крестовников Н. 444
 Крестовниковы, семья 444
 Кржесалкова Й. 4
 Кридл М. (Kridl M.) 391, 392, 393
 Круг Г.И. 457
 Круглов В.О. 446
 Крусанов А.В. 118
 Крученных А.Е. 228
 Крыжановский Ю. 393
 Куглер Й. (Kugler E.) 404, 441, 461
 Куглер К. (Kugler K.) 440, 441, 461, 462
 Куглер Э. (Kugler J.) 441, 461
 Куглер, семья 440, 461
 Кугушев А.А., князь 190
 Кугушев Шура (прозв. Шишкин) 190
 Кугушева А.М. (урожд. Лапинская) 190
 Кугушевы, семья 189
 Кудрявцев В.Б. 14, 117, 118, 160, 225, 374, 386
 Кузмин М.А. 228, 447
 Кузминская Т.А. 53, 54
 Кузнецов П. 446, 447
 Кузнецова Г.Н. (в браке Петрова) 6, 11, 13, 17, 19, 26, 41–43, 47, 54, 59, 66, 73, 87–89, 97, 111, 114, 123, 124, 126, 134, 144–149, 179, 181–185, 189–191, 194, 196, 197, 199, 223, 280–282, 284, 285, 289, 297, 335, 361, 363, 365, 401–403, 418, 421, 422, 427, 428, 431, 435, 441, 466, 470, 471, 473, 474, 477, 479, 493
 Кузнецова О.Ф. 225, 234
 Кузьмин Д.В. 242
 Кузьмина-Караваева Е.Ю. – см. Скобцова Е.Ю.
 Кулиш А.Л. 371
 Кульман Н.К. 66, 67, 275, 434, 435
 Куприн А.И. 14, 43, 465, 471
 Купченко В.П. 501, 502
 Курдюмов – см. Каллаш М.А.
 Кусевицкий С.А. 448
 Кустодиев Б.М. 452
 Кутузов М.И. 254
 Кшесинская М.Ф. 396
 Кюртцке Г. 377

 Лавров А.В. 57
 Ладинский А.П. 53, 54, 86, 87, 210, 211, 499, 500
 Ладыжников И.П. 130, 131
 Лазаревский В.А. 495, 497
 Лаланде М. 380
 Ландингхем Ван (Landingham R.V.) 452
 Лансон Г. 393
 Лаппо-Данилевский К.Ю. 14, 225, 228, 374, 386
 Лапшин В.П. 446
 Ларионов М. 378
 Лебедев П.И. 445
 Лебедева Н. 472
 Левенсон А.А. 444
 Левинсон А.Я. 373, 380, 381
 Леви-Стросс К. 390
 Ледрэ Ш. 269
 Лейбниц Г.В. 321
 Лейкинд О.Л. 48, 452
 Лейхтенбергская Н.Н., княгиня 458
 Леконт де Лиль Ш. 453
 Леманн Дж. 340
 Лемерсье Ж. 453
 Лемонье К. 449

- Ленин В.И. (Ульянов) 54, 55, 485
 Леон П.Л. 436
 Леонардо да Винчи 135, 136
 Леонид Федорович – см. Зуров Л.Ф.
 Леонидов В.В. 3
 Леонов Л.М. 24, 387
 Леонтьев К.Н. 512
 Лермонтов М.Ю. 160, 287, 326, 360, 361, 482
 Лесаж А.Р. (Lesage A.) 378, 454, 456
 Лесков Н.С. 157, 286
 Ливак Л. (Livak L.) 39, 44, 60, 458
 Лидин В.Г. (Гомберг) 229, 230, 231, 237, 245, 249, 257
 Лимбах И.Ю. 343, 447
 Липницкий Б. 459
 Липовская Е. (в браке Цвибак), псевд.: Женни Грей 435
 Лист М.Г. (урожд. Крестовникова) 425–427, 436
 Лифарь Л.М. 29, 210, 211, 396, 397
 Лифарь С.М. 22, 211, 375, 379, 381, 383, 393, 396, 397, 459
 Лихачев Д.С. 353
 Лишина М.К. (урожд. Леммерман) 201
 Лондон Дж. (Чейни Дж.Г.) 41
 Лопатина Е.М. 287, 404, 413, 417, 432, 491
 Лоранс Ж.-П. 446
 Лось – см. Зуров Л.Ф.
 Луи-Дрейфус, издатель 379
 Луначарский А.В. 450
 Лурье А.С. 418, 419
 Львов Л.И. 120, 275
 Людовик XIV Великий, король 380, 453

 Маггеридж М. 395
 Магеровский Л.Ф. 296, 298, 312
 Мадлэн, домработница у Буниных 199
 Мазепа И.С., гетман 164
 Мазон А. 273
 Майер А. (Maier A.) 421
 Макеев Н.В. (Makeev N.V.) 15–18, 25, 28, 30, 47–51, 53, 54, 56–58, 60–65, 67–72, 75, 78, 81, 83–93, 96, 100–105, 495, 498
 Макеевы, семья 64
 Маклаков В.А. 91, 101, 106, 181
 Маклакова М.А. 423, 424, 470
 Маклин Х. (Maclean H.) 276, 390

 Маковский И.С. 93
 Маковский С.К. 35, 38, 92, 93, 229, 230, 236, 245, 253, 255, 256, 259, 396, 410, 411, 450, 456
 Макфарлин П. 385, 386
 Малмстад Дж. (Malmstad J.) 4, 11, 39, 57
 Мальро А. 425, 427
 Мальцев Ю.В. 479, 480, 483, 486
 Мамин-Сибиряк Д.Н. 109
 Мамонтов С.И. 25
 Мамченко В.А. 105
 Мандельштам О.Э. 228, 372
 Манн Т. 111, 295, 298, 301, 303, 365
 Маннинг К.О. 387, 390, 391, 392
 Марга – см. Степун М.А.
 Марголин Ю. (Margolin Y.) 232
 Марголина-Ходасевич О.Б. (Margolina-Khodasevich O.) 15, 16, 18, 19, 25, 54–58, 103
 Мариани Т. 377
 Марк Александрович – см. Алданов М.А.
 Марков В.Ф. 5, 229, 232, 510–512, 513
 Маркс А.Ф. 173, 174
 Маркс Н.А. 507, 509
 Марлинский А.А. (Бестужев А.А.) 120
 Мартен Ф. 378
 Марченко Т.В. 3, 111
 Матвеев И.В. – см. Елагин И.В.
 мать Мария – см. Скобцова Е.Ю.
 Мау М. 269, 276
 Маус О. (Maus O.) 412, 448, 449
 Махров К.В. 48, 452
 Маяковский В.В. 166, 228, 233, 255, 262–264, 390
 Мейер Г. 26, 28
 Мельгунов С.П. 107, 227, 232, 241, 251, 253, 255, 258, 261
 Мельников Н.Г. 3
 Менар Л. 453
 Менаш, баронесса 103, 107
 Менгес К.Х. 391
 Меншиков А.Д. 164
 Мёнье Ж. 427
 Мёнье М. 427
 Мережковские, семья 13, 14, 40–43, 64, 76–78, 105, 106, 343
 Мережковский Д.С. (Merejkovsky D.) 9, 13, 14, 17, 20, 21, 29, 34, 43, 105, 106, 111, 134, 460, 513

- Мерри дель Валь А. 459, 461
Мечников И.И. 379
Мещерская Н.П. (Нимет Элуи Бей) 459
Мещерский А.П. 110, 117, 118, 152, 154
Мизес Р. фон 383
Миллер В.А. 28
Миллиган М. 389
Миллиоти Б.Д. 445
Миллиоти В.Д. 430, 445, 447
Миллиоти Д.Ю. 444, 445, 446
Миллиоти Е.Д. 276, 404, 430
Миллиоти Е.Ю. 372, 398, 408
Миллиоти М.И. 430
Миллиоти Н.В. (урожд. Неймарк) 377, 396, 415, 422, 424, 444, 454, 456
Миллиоти Н.Д. (Millioti N.) 5, 268, 271, 272, 287, 360, 361, 365, 366, 371, 372, 376–378, 380–382, 397–413, 415, 415, 417–419, 421, 422, 422–425, 427–437, 439–456, 456–461, 462
Миллиоти Н.Ю. 444
Миллиоти Наталья Дмитриевна (в браке Шеффель) 414, 445
Миллиоти С.Ю. 427, 444
Миллиоти Ю.Д. 430, 432, 445, 449
Миллиоти Ю.Н. 462
Мильруд М.С. 194
Милюков П.Н. 22, 58, 60, 147, 182, 211
Миркин-Гецевич Б.С. 390
Мисникевич Т. 118
Михаил Николаевич, вел. кн. 450
Михайлов О.Н. 3, 6
Михайлов П.А. 92, 117, 120, 122, 217, 220, 470
Михайловский Н.К. 157
Михаловичи М. 378
Мицкевич А. (Mickiewicz A.) 84, 85, 382, 391, 393
Мнухин Л.А. 7, 39, 118, 188, 276, 404, 451, 478, 488
Могилат Е.Т. (Mogilat E.) 338, 384, 387, 388
Можайская О.Н. 343
Можаров, гестаповец 28
Молотов В.М. (Скрябин) 499
Мольер Ж.-Б. (Molière Поклен) 163, 314, 380
Моммзен Т. 121, 122
Монбризон Ю. де 457, 458, 460
Мопассан Г. де 242, 299, 493
Мордерер В.Я. 371
Мордкин М.М. 382
Мориак Ф. 173, 463, 464
Морнэ Д. 393
Морозов М.А. 447
Морозов С.Н. 4, 6, 237, 330, 510
Моррис Э. 389
Мортимер В. 459
Моруа А. 249, 458
Москвин В.А. 4
Москов Е. 384, 387
Моцарт В.-А. 36
Мочульский К.В. 60, 376
Муза Васильевна – см. Раскольников-ва М.В.
Муйжель В.В. 135
Муравьева-Логина Т.Д. 187, 221, 223, 224
Муромцев Н.А. 506
Муромцев С.А. 402, 506
Муромцева М.Н. (урожд. Климентова) 402, 426, 428, 430
Муромцева-Брюан М.С. 400–403, 408, 411–413, 417, 419–428, 430, 432, 454, 455, 459
Муромцевы, семья 402
Мухамедова З.Б. 445
Мэн де, графиня 459
Мюссе А. де 249
Мясников А.С. 6
Набоков В.В., псевд.: Сирин 4, 11, 12, 15, 17, 53–55, 60, 66, 112, 267, 276, 486, 499, 512
Набоков Д.В. 4, 53, 54
Набокова В.Е. (урожд. Слоним) 53, 54
Набоковы, семья 16
Надежда Александровна – см. Тэффи Н.А.
Надеждин Н. 64
Надсон С.Я. 512
Назаров А.И. 294, 296, 297
Назаровы, семья 297
Наполеон I, император 23, 193, 460
Наполеон III, император 193, 460
Наппельбаум И.М. 237
Наппельбаум Ф.М. 237
Нарышкины, семья 88
Наумова А. 475
Недев С. 450

- Недзельский В.О. 505, 506
 Недоброво Л.А. (урожд. Ольхина) 376–378, 451
 Недоброво Н.В. 376, 382
 Недоброво, семья 376
 Неймарк В.Р. 444
 Неймарк Ю.К. 445
 Некрасов Н.А. 53, 151
 Немирович-Данченко В.И. 14, 382, 383
 Нестлерн В. (Nestlern W.) 405, 461
 Нестлерн М. (урожд. Кнолл) 461
 Николаев Д.Д. 6
 Николаевский Б.И. (Nicolaevsky B.I.) 107, 247
 Николай (Еремин, митрополит Корсунский) 220, 221
 Николай II, император 450
 Николай Васильевич – см. Макеев Н.В.
 Николай Дмитриевич – см. Миллиоти Н.Д.
 Николай Михайлович, вел. кн. 446
 Николай Николаевич, вел. кн. 465
 Николов М. 159, 160, 166, 168, 169, 170
 Никулин Л.В. (Ольконицкий) 471, 472, 476
 Никулина Е.И. 476, 477
 Нилус Б.С. (урожд. Липовская) 207, 209–211, 213, 215, 218, 220, 221, 365, 406, 407
 Нилус В. 210
 Нилус П.А. 207, 502, 504
 Нина Николаевна – см. Берберова Н.Н.
 Нинов А.А. 6, 494
 Ницше Ф. 142, 228
 Ноай А. де 458
 Новерр Ж.Ж. (Noverre J.G.) 380, 381
 Нольден Е.Ф. (урожд. Квятковская) 239
 Нольден Ю.П. – см. Трубецкой Ю.П.
 Нольден-Меньшиков Ю.П. – см. Трубецкой Ю.П.
 Нольден-Трубецкой Ю.П. – см. Трубецкой Ю.П.
 Носик Б.М. 399
 Нотгафт Ф.Ф. 454
 Обатнин Г.В. 376
 Обатнина Е.Р. 118, 343, 503
 Оболенские, семья 88
 Оболенский С.С. 60
 Огарев Н.П. 296
 Одоевцева И.В. (Гейнике И.Г.) 87, 194, 210, 458, 500, 511
 Олейников Г.П. 123
 Ольга Федоровна, вел. кн. 450
 Опик Л.В. де (Рапп) 412, 413
 Опишня И.К. (Мартыновский-Опишня) 227
 Орехов П.Д. 144
 Орешникова В.А. (в браке Сапунова) 78
 Орешникова Е.А. 78
 Орешникова Н.А. (в 1-м браке Акопиан, во 2-м – Зворыкина) 78
 Орешникова Т.А. (в браке Полиевктова) 78
 Орлов В.Н. 251
 Осоргин М.А. (Ильин) 22, 307, 308, 363, 382
 Осоргина С.М. 9, 459
 Осоргина Т.А. (урожд. Бакунина) 157
 Островская-Розанова С.Д. 219
 Островский А.Н. 373, 481, 491
 Остроградский М.В. 205
 Остроумова-Лебедева А.П. 398, 400, 411, 449, 459
 Оффенбах Ж. (Offenbach J.) 143
 Оцуп Н.А. 237, 263
 Павел, князь-регент 147
 Павлов Т.Ф. 313
 Павловский М.Н. 142, 147
 Панаева Л.А. 462
 Пантелеймонов Б.Г. 157, 158, 160–164, 166, 167, 204, 209, 212, 480
 Парамонов Н.Е. 509
 Парнис А.Е. 371
 Пархомовский М.А. 204, 206, 496
 Парэн Б. 395
 Пастернак Б.Л. 228, 255
 Пахомий Логофет, инок 346
 Пашенко В.В. 327
 Пегов С. 508, 509
 Перголези Д.Б. 377, 454
 Пети Р. 382
 Петипа М.И. 382
 Петр Михайлович – см. Бицилли П.М.
 Петрарка Ф. 498
 Петров Д., муж Кузнецовой Г.Н. 42
 Петров Е. (Катаев Е.П.) 227, 353

- Петрова А.М. 502, 509
 Петэн А.Ф. 18
 Печорин В.Д. 25, 28
 Пешкова Е.П. (урожд. Волжина) 494
 Пий XI, папа римский 380
 Пикассо П. 221
 Пильский П.М. 114, 192, 275, 335, 501
 Пиотровские, семья 210
 Писарев Д.И. 300, 301
 Платонов О. 444
 Плетнев Р.В. 395
 Плещеев А.Н. 512
 Поволоцкий Я.Е. 44
 Погодин А.Л. 143
 Подкопаева Ю.Н. 459
 Позняков Ф.Ф. 183
 Поленов В.Д. 445
 Полнер Т.И. 294
 Полонская Л.А. (урожд. Ландау) 34
 Полонские, семья 34
 Полонский А.Я. 107
 Полонский Я.Б. 12, 16, 20, 21, 28, 29,
 31–34, 37, 61, 62, 73, 78, 82, 85,
 87, 89, 97, 105, 107, 108
 Полуектова Т. 39, 188
 Поляков А.А. 101
 Полякова О. 371
 Поляков-Литовцев С.Л. 111
 Полянский А.М. 444
 Пономарев Е.Р. (Ponomarev E.) 5, 56,
 118, 188, 276, 463, 465, 467, 469,
 471, 473, 475, 477, 479
 Поплавский Б.Ю. 388
 Потемкин Г.А. 163
 Потресов С.В. – см. Яблоновский С.В.
 Прегель А.Н. (урожд. Авксентьева) 211
 Прегель Б.Ю. 211
 Прегель С.Ю. 101, 107, 210, 211, 217,
 257, 271, 272, 370, 384, 390, 397, 462
 Присманова А. (Присман А.С.) 87
 Присмановы, семья 86
 Пришвин М.М. 343, 344
 Прокопенко В. 459
 Прокофьев С.С. 459
 Пруст М. (Proust M.) 115, 133, 134, 137
 Пряхин Г.В. 4
 Пузино О.В. 85
 Пуни И.А. 446
 Пушешников Н.А. 127, 366, 367
 Пушкин А.С. 110, 113, 133, 151, 157–
 159, 163, 165, 259, 273, 278, 302,
 303, 306, 355, 360, 372, 385, 411,
 481, 483, 492, 493, 496
 Пушкин Л. – см. Гиппиус З.Н.
 Пьянов Ф.Т. 182
 Пэрс Б. 389
 Пятницкий Н.В. 85
 Равдин Б.А. (Ravdin B.) 39, 60, 194
 Равницкий С.Г. 217
 Раевская-Хьюз О.П. 25, 80
 Раннит А. (Долгошев А.К.) 338
 Раскольников Ф.Ф. (Ильин) 464–467,
 469, 474–477, 478
 Раскольникова М.В. (урожд. Иванов-
 ская) 5, 463–465, 467–477, 478
 Раскольникова М.Ф. 465, 466, 469, 478
 Рахманинов С.В. 17, 154, 155, 210, 282,
 472
 Рахманинова Н.А. (урожд. Сатина) 210
 Рахманинова Т.С. 284
 Рахманиновы, семья 210
 Реезе Х. (Reese H.) 39, 234
 Рейнгольд Н. 4
 Рейнольдс Б. 452, 453
 Рейнольдс М.Э. 452
 Рейнольдс Р.У. (Reynolds R.) 405, 452,
 453
 Рейнольдс У.Э. 452
 Рейснер Л.М. 475, 476
 Рейтблат А.И. 120
 Рейфман И. 389
 Ремизов А.М. 14, 17, 26, 40, 41, 43, 78,
 106, 116, 133–135, 137, 138, 158,
 159, 163, 167, 245, 295, 297, 335,
 337, 338, 342, 343, 345–347, 355,
 374, 388, 512
 Ренников А. (Селитренников А.М.) 28
 Рено М. (Renaud M.) 314
 Ренье А. де 275
 Рерих Н.К. 191, 192, 449
 Ржевский Л.Д. (Суражевский) 316, 323
 Рильке Р.М. 112, 371, 383, 458
 Римский-Корсаков Н.А. 483, 491
 Риникер Д. (Riniker D.) 4, 39, 111
 Риц-а-Порто Д. 399
 Риш С. 467
 Ришин Р. (Rischin R.) 9, 30, 39
 Роббия Лука дела 422
 Робинсон Г. (Robinson G.) 452
 Рогачевская Е.Б. (Rogatchevskaia E.)
 39, 118, 188

- Рогачевский А.Б. 4, 39
 Рогнедов А.П. 209, 328, 330
 Роговский Е.Ф. 215, 216, 351, 353
 Рогожина Е.И. 477
 Родзянки, семья 412
 Родзянко Л.Э. (урожд. де Опик) 413, 457
 Родзянко М.В. 413, 457
 Родзянко Н.М. 413, 457
 Родзянко, семья 417, 423
 Рождественская М.В. 232, 234
 Рождественский А.И. 193, 194, 195
 Рождественский Вс.А. 228, 232, 236, 237
 Рожков С.А. 118
 Розанов В.В. 512
 Розенгаупт Г. 391
 Рокмор Р. 382
 Рокфеллеры, семья 452
 Роллан Р. 275
 Романов Б.Г. 382
 Романов М.Ф., князь 459
 Ронен О. 22, 23, 24, 29
 Росов В.А. 4
 Ростова О. 39, 188
 Ростовцев М.И. 154, 155
 Рош Д. 434
 Рошин Н.Я. (Федоров) 107, 201, 213, 214, 217, 220, 480
 Рошина-Инсарова Е.Н. (урожд. Пашенная) 54, 91
 Рубинштейн А.М. 206
 Рубисова Е.Ф. 160
 Руденко Л. 459
 Рудинский В.Р. 394, 395
 Руднев В.В. (Rudnev V.) 28, 37, 54, 58, 59, 101, 102, 123, 124, 127, 128, 141, 147
 Руманов А.В. 499, 500
 Руссо Ж.-Ж. (Rousseau J.-J.) 116
 Рыбинский Н. 142
 Рысс П.Я. 101, 102
 Рюриков Б.С. 6
 Рябушинский Н. 447
 Рязанский Ф.Ю., князь 307
- Саакянц А.А. 451
 Саблин Е.В. 160
 Саванг-Ватан Т. 459
 Савина М.Г. 157
 Савурё А. Ле 459
- Сазонов Д.П. 267, 270–274, 276, 279, 280, 282, 285, 287, 288, 290–292, 296–299, 304, 306, 308–310, 312, 313, 315, 316, 319, 321, 325–329, 334–337, 339, 340, 343, 348, 351–355, 357, 361, 365, 367, 372, 374–377, 382, 384–386, 392–398, 404, 413, 427–429, 431, 432, 442, 445, 451, 458, 460, 462
 Сазонов П.П. 21, 371, 372, 375, 376
 Сазонова Ю.Л. (урожд. Слонимская, прозвище: Дитя) 5, 267–273, 275, 276, 278–281, 283, 285–295, 297, 297, 299–307, 309–323, 325–329, 331–333, 333, 335–343, 343–345, 345–351, 353–379, 379–383, 385–395, 397, 398, 404, 417, 418, 425, 427–430, 443, 445, 447, 448, 450, 451, 453, 454, 456, 458, 460, 462
 Салиас-де-Турнемир Е.А. (Вадим) 160
 Салтыков-Щедрин М.Е. 153, 154
 Самарин В.Д. 332, 394
 Самойлов Ф.Я. 189, 190
 Самойлова А.П. 189, 190
 Самсонов Г.Г. 258
 Санников А.С. 89, 90
 Сапунов Н.Н. 446
 Светлов М.А. (Шейнкман) 373
 Свешникова А.Н. 459
 Северюхин Д.Я. 48, 452
 Северянин И. (Лотарев И.В.) 14, 228
 Седых А. – см. Цвибак Я.М.
 Секретан А. 378
 Сенкевич Г. 215
 Сенсер, коллекционер 447
 Сервантес М. де 306, 307
 Сергеев А. 501
 Сергий, патриарх 469
 Серезье А. 395
 Серков А.И. 38, 47, 187
 Серов С.М. 183, 198, 199
 Серова И.С. (в браке Мамонтова) 197, 198
 Серова М.А. (урожд. Лихонина) 198, 199
 Симмонс Э.Дж. (Simmons E.J.) 338, 339, 345, 374, 387, 390, 391, 392
 Симонов К.М. 382
 Сирин С.Н. 499
 Сирин – см. Набоков В.В.
 Скарлатти Д. 378

- Скиталец С.Г. (Петров) 285
 Скитник С. 451
 Скобелев М.Д. 254
 Скобцова Е.Ю. (урожд. Пиленко, мать Мария, Кузьмина-Караваева) 19, 20, 74, 75, 186, 312, 463, 466
 Скоропадский П.П., гетман 90, 164
 Скотт В. 496
 Скрибнеры, семья 294
 Слоним М.Л. 28, 32, 117, 287, 389
 Слонимская Ф.А. 270, 374, 376, 383, 453
 Слонимская Э. 396
 Слонимские, семья 373
 Слонимский А.Л. 270–273, 292, 372–376, 382, 385, 390, 393–396, 442, 443, 453, 460
 Слонимский Антони 378, 391
 Слонимский Л.З. 374
 Слонимский Н.Л. (Slonimsky N.) 322, 373, 374, 376, 377, 381, 382, 388, 394, 396, 443
 Смиренский В.В. 237
 Смирновы, семья 493
 Смоленский В.А. 35
 Соколов А.И. 115, 164, 165
 Соколов К.Н. 509
 Сократ 311
 Соктоев А.Б. 510
 Соларо Л. 457
 Солдатенкова А.Г. 459
 Соллогуб А.В. 60, 80, 86
 Соллогуб Н.А. (в браке Зворыкина) 80, 86
 Соллогуб Н.Б. — см. Зайцева-Соллогуб Н.Б.
 Соллогубы, семья 69, 80, 88
 Соловейчик С.М. 29
 Соловьев В.С. 383
 Соловьев Владимир Ст. 146, 512
 Соловьев С.М. 250
 Соловьёва П.С., псевд. Allegro 454
 Сологуб Ф. (Тетерников Ф.К.) 59, 153, 154, 228, 382, 447, 513
 Сомов К.А. 398, 448, 459
 Сорин С.А. 190
 Сорло Ф. (Sorlot F.) 21
 Сорокин П.А. 160
 Сосинский Б.Б. 158, 159
 Спасский Г., свящ. 426, 428
 Спендер Х. (Spender H.) 339
 Спесивцева З. 382, 396
 Спесивцева О.А. 379, 459
 Спидиоти Н. (Миллиоти Н.Д.) 446
 Спиридович А.И. 28
 Стависский А. 102
 Сталин И.В. (Джугашвили) 17, 24, 38, 43, 82, 313, 484, 485, 487, 488, 490
 Стаматиев, доктор 376
 Станислав, король 381
 Станиславский К.С. 384, 438, 439
 Стасюлевич М.М. 444
 Стендаль (Бейль А.М.) 415
 Стендер-Петерсен А. 393
 Степанов А. 452
 Степун М.А. (Марга) 19, 26, 66, 73, 88, 89, 182–185, 193, 196, 281, 466, 473
 Степун М.Ф. (урожд. Аргеландер) 193
 Степун Н.Н. (урожд. Никольская) 111, 193
 Степун Ф.А. 73, 109, 111–113, 116, 123–126, 173, 182, 191–194, 197, 276, 294, 295, 297, 300, 313, 316, 323, 363, 370, 450
 Степуны, семья 111, 191
 Стернин Г.Ю. 448
 Стильман Л. (Штильман) 391
 Стойчева В. 404
 Стремоухов Д.Н. 146
 Стричек А. 477
 Струве А.П. 218, 219
 Струве Г.П. (Struve G.) 14, 29, 43, 142, 225, 229, 232, 371, 374, 377, 386, 511, 512, 513
 Струве М.А. 501
 Струве Н.А. 436
 Струве П.Б. 142–144, 275, 501
 Струнская М.Е. (урожд. Гордон) 192
 Ступницкая О.А. (урожд. Катугар) 211
 Ступницкий А.Ф. 32, 210, 211
 Судейкин С.Ю. 447
 Сумароков А.П. 392, 393
 Суперфин Г.Г. (Superfin G.) 234, 478
 Сураварди Х.Ш. 458
 Сургучев И.Д. 11, 22, 26, 28, 94, 95, 103, 107
 Суса-Мендес А. 381
 Сухомлин В.В. 102
 Сухотина Т.М. 424
 Сухотина-Толстая Т.Л. 398–400, 424, 432, 433, 456–459, 460

- Сухотины, семья 423
 Сысолов А.С. 160
 Сытин И.Д. 367, 500
- Талалай М.Г. 377, 433
 Тартак И.Л. 383, 384
 Татида — см. Цемах Т.Д.
 Татищева М.Д. (в браке Иванова) 201
 Татищева Э.А. (урожд. Капнист) 201
 Ташев Т. 450
 Твардовский А.Т. 6
 Тверская М.С. 426
 Тверской М.М. 428
 Телешов Н.Д. 155, 285, 471, 494
 Терапиано Ю.К. 40, 60, 227, 233, 237, 352, 353, 511
 Терентьева Т.Г. 297, 316, 323
 Терновский Е.С. 379
 Тер-Погосьян М.М. 38
 Тикстон П.А. 418
 Тимашев Н.С. 41, 43, 107, 157
 Тименчик Р.Д. 236, 371
 Тимофеев А.Г. 276, 404
 Тимофеев Л.И. 205
 Тиняков А.Н., псевд.: Одинокый 228
 Тихонов Н.С. 228
 Толстая А.Л. 257, 258, 382
 Толстая М.Н. 491
 Толстая С.А. 53, 54
 Толстая Т.Л. 432
 Толстой А.Н. 166, 176, 251, 493, 509
 Толстой Л.Н. 52, 53, 113, 115, 116, 129—134, 136—138, 140—143, 151, 153, 154, 159, 161, 176, 211, 218, 243, 258, 287, 295, 314, 327, 328, 330, 400, 416, 424, 456, 457, 460, 482, 483, 485, 487, 491, 494, 508
 Толстые, семья 433
 Трауберг Л.З. 55
 Тредьяковский В.К. (ТрEDIAковский) 382, 392
 Третьяков В.В. 501
 Триббл К. (Tribble K.) 5, 267, 276, 345, 371, 373, 375, 377, 398, 456
 Троцкий И.М. 111
 Трубецкая М.С. 459
 Трубецкие, семья 235
 Трубецкой П.П. 226
 Трубецкой Ю.П. (Trubetzkoy. G.) 5, 225—246, 248, 249, 251—253, 255, 255, 257—261, 263—265, 266
- Трубилова Е.М. 6
 Туманова Т. 382
 Тункина И.В. 122, 506
 Туношевский В.В. 375
 Тургенев И.С. 45, 74, 113, 123, 133, 135, 136, 138, 161, 169, 196, 286, 287, 312, 317, 318, 326, 415, 482, 493
 Турчинский Л.М. 503
 Тхоржевский И.И. 279, 293
 Тыркова А.В. 509
 Тэйлор Г. 389
 Тэффи Н.А. (урожд. Лохвицкая, в браке Бучинская) 11, 14, 17, 27, 35, 76—78, 87, 92, 103, 105, 106, 117, 142, 158, 162, 166, 167, 169, 174—176, 178, 204—206, 209, 210, 215, 245, 261, 311, 330, 372, 382, 396, 417—419, 458, 460, 482, 496, 498
 Турин А.Н. 4, 503
 Тютчев Ф.И. 135, 146, 154
- Угримов А.И. 60
 Уилкинсоны, семья 386
 Уистлер Дж. 446, 448, 452
 Уитмор У. 451
 Унбегаун Б.Г. 469
 Усачевский В. 386
 Успенский Л. (Ouspensky L.) 405, 457
- Фаррер Кл. 275
 Февр Н. 21, 85
 Федин К.А. 387
 Федор Федорович — см. Раскольников Ф.Ф.
 Федорина В. 404
 Федоров А.М. 155, 156, 157
 Федотов Г.П. 67, 101, 157
 Федотов С.С. 4
 Фейер М.М. 386
 Феличкин, полковник 28
 Фельзен Ю. (Фрейденштейн Н.Б.) 42—44, 60
 Феофилактов Н.П. 446
 Ферро А. 380, 381, 396
 Фесенко Т.П. 227, 511
 Фет А.А. (Шеншин) 286, 287
 Фиксман Д.М. — см. Кнут Д.
 Филд Э. 267
 Филин Н.Б. 371
 Филоненко М.М. 19
 Фишер К. (Fischer J.) 285, 454

- Флайшман Э.А. 421
Флейшман Л.С. 60, 194
Флобер Г. 115, 132, 161, 162
Флоровский А.В. 122
Флоровский В.А., прот. 121, 122
Флоровский Г.В. 122
Фондаминская А.О. (урожд. Гавронская) 191
Фондаминские, семья 111
Фондаминский И.И. (Фундаминский), псевд.: Бунаков 12, 18, 19, 31, 54, 66, 67, 71, 72, 111, 123–125, 139–143, 145–147, 154, 156, 157, 181, 191, 466, 467, 472, 493
Форд Дж. 342, 343, 449
Фохт Б. де 379
Фохт Вс. Б. 40, 379
Франциск Ассизский, св. 116
Фрейер К. 459
Фроман М.А. (Фракман) 237
- Хабаров И.П. 386
Хазан В.И. 5, 39, 118, 206, 225, 226, 231, 232, 236
Халберт Г. 173
Халберт Э. 173
Харкинз У.Э. 391
Харриет Р. 385
Хейбер Э. (Haber E.) 35, 39, 118, 234, 276, 404
Хейфец И.М. 103, 107
Херд Ч. 391
Хигерович А.Л. 215, 216, 406
Хинтон К.Ч. 384, 385, 388, 389
Хинтон С. 384
Хирогоен Ф. (Hirogoyen F.) 460
Хлебников В.В. 255
Ходасевич В.М. 506
Ходасевич В.Ф. 6, 9, 11, 13, 14, 14–16, 30, 31, 40–44, 52, 54, 56, 113, 116, 141, 142, 228, 235, 236, 260, 261, 274, 276, 312, 313, 335, 373, 400, 401, 410, 493, 496
Ходасевич О.Б. — см. Марголина-Ходасевич О.Б.
Ходасевичи, семья 13, 53, 407
Холодовская В.Н. (урожд. Фест) 426, 428
Хрушев Н.С. 487
Хурд Ч. (Hurd C.R.) 389
- Хуфен К. 124, 194
Хэр Р. (Hare R.) 287
- Цакни А.Н. 367, 368
Царькова Т.С. 117, 160
Цветаева М.И. 40, 53, 382, 451, 458
Цветанов Т. — см. Боров Т.
Цвибак Я.М., псевд.: Седых А. 20, 32, 33, 36, 56, 78, 97, 101, 103, 106, 108, 199, 204, 205, 218, 402, 435, 470, 479
Цемах Т.Д., псевд.: Татида 504, 505, 508
Цетлин М.О. 28, 59, 98, 101, 154–156, 276, 382, 434, 502
Цетлина М.С. (урожд. Тумаркина) 28, 35–37, 59, 148, 155, 156, 186, 203–205, 208, 211, 284, 382, 435, 496, 502
Цетлины, семья 9, 16, 31, 58, 155, 502, 508
Цион С.А. 100, 155
Цоллер Й.М. 461
Цоллер К. 461
Цонев К. 136
Чаадаев П.Я. 110
Чайковский П.И. 15, 53, 95, 428
Чахотин С.С. 509
Чекан А. 397
Чеквер Р.С. (Chekver R.) 265
Чекунов И.С. 459
Чельшев Е.П. 237, 510
Черепнин Н.Н. 377
Чернов В.М. 107
Чернышев А.А. 330
Чернышева-Безобразова М.А. 28
Чертков В.Г. 131
Черчилль У. 298
Чехов А.П. 109, 110, 113, 115, 129, 130, 151, 157, 161–163, 165, 166, 171, 226, 266, 282, 305, 308, 311, 313, 320, 321, 323, 330, 337, 338, 342, 343, 358, 360, 364, 368, 370, 388, 394, 471, 472, 488, 494, 498
Чижевский Д.И. 395
Чинизелли Г. 495, 497
Чиннов И.В. 30, 225–227, 229, 245, 257, 263, 266
Чириков Е.Н. 14, 285
- Шавельский Г.И., свящ. 376
Шагал М.З. 382
Шаляпин Ф.И. 112, 285, 458–460, 490, 491

- Шатобриан А. де 113, 452, 458
 Шауфус Т.А. 258
 Шаховская З.А. 181, 379
 Шаховской Д.М. 237, 510
 Шевеленко И.Д. 375, 386
 Шекспир У. 23, 24, 58, 115
 Шеллер-Михайлов А.К. 135
 Шелли П.Б. (Shelley P.B.) 139
 Шелохаев В.В. 43
 Шереметьев Б.П. 164
 Шерон Ж. (Cheron) 4, 5, 229, 232, 234, 501, 510, 511, 512 234
 Шестаков Ю. 276
 Шестов Л. (Шварцман Л.И.) 141, 142, 474
 Шеффель А.Ж. (Sheffel A.) 405, 445
 Шеффель Н.Д. 382, 454
 Шеффель П. 415, 416, 445
 Шеффель Ю. 416
 Шеффель, семья 445
 Шимановская О. 386
 Шлезингер Ф.С. 105, 107
 Шлецер Б.Ф. 373, 378, 396
 Шлецер М. 362, 373, 396
 Шлецеры, семья 373, 378, 383
 Шлокоф, семья 467
 Шмелев И.С. 14, 21, 22, 31, 32, 37, 78, 84, 85, 106, 415, 416, 487, 495, 497
 Шолохов М.А. 387, 484
 Шопенгауэр А. 115, 116, 132
 Шостакович Д.Д. 487
 Шоу Б. 375
 Шпёрл, адвокат 461
 Шполянский А.П. – см. Дон Аминадо
 Шраер М.Д. (Shrayer M.D.) 4, 8, 12, 24, 30, 39
 Шруба М. 141
 Штейгер А.С. 60
 Штрандтман В.Н. 143, 147
 Шуклина Е.В. 371
 Шульгин В.В. 21
 Шуман Р.А. 403
 Шумихин С.В. 447
 Шумков А. 433
 Шухаев В.И. 457
 Шюбба Г. 377
- Щербатов Б.С. 459
 Щербатов С.А. 457, 459
 Щербинский Б.Н. – см. Беляев Б.Н.
- Эдмондсон Дж. 395
 Эдуард VII 249
 Эдуарде П.Б. 384
 Эйзенштейн С.М. 386
 Эль Греко 421, 422, 457
 Элькан А.М. (урожд. Абельман) 206
 Элькин Б.И. 106
 Эльснер В.Ю. 448
 Эмин Ф.А. 120
 Эммерц А. (Emmerz A.) 404, 461
 Эммерц В. (Emmertz V.) 404
 Эммерц Г. (Emmertz G.) 460, 461
 Эммерц, семья 461
 Энно Э. (Henno E.) 89, 90
 Эренбург И.Г. 465, 487
 Эткинд Е.Г. 16, 21, 31
 Эткинд А. (Etkind A.) 39
- Юденич Н.Н. 294
 Юлия Леонидовна – см. Сазонова Ю.Л.
 Юнгрен М. 4, 118
 Юрий Павлович – см. Трубецкой Ю.П.
 Юркевич В.И. 292
 Юркевич О.В. 292, 395
 Юркевич Ю. 397
 Юркевичи, семья 292, 355
 Юрок С. 382
 Юсим М.А. 110, 161
 Юшкевич С.С. 157
- Яблоновский С.В. (Потресов) 209, 211, 417–419, 495, 497
 Яворская Л.Б. 375
 Якобсон Р.О. 390, 391, 392
 Яковлев А.Е. 446
 Яковцев В.Л. 428
 Якунчикова М.С. 445
 Яновский В.С. 466, 467, 471, 472, 474, 477
 Ярослав Мудрый, вел. кн. 352, 353
- Abernathy M. 452
 Abraham R. 64
 Andreyev C. 39
 Aprea G. 276
 Aslanov S. 404
- Barker M. 8
 Barral H. 276
 Bazin J. 39

- Bazin T. 188
Beaulieu M. 404
Bellanger C. 379
Belobrovceva I., Belobrovtsseva I. — см.
Белобровцева И.З.
Bennahum N.D. 379
Betha D.M. — см. Бетеа Д.
Bevan E. 388
Boehler J. 404
Bogoslavskaya N. 39
Bonneau-Tcherniaeff K. 404
Bowl J. 447
Bradley G. — см. Брэдли Г.
Bradley W. — см. Брэдли У.
Brinton B. 276
Brinton C. 276
Brinton G.E. — см. Бринтон Дж.
Bulatoff R. 39
Bumgartner S. 404
- Charwat E. 234, 404
Chebotarev T. 39, 118, 188, 276
Chekver R. — см. Чеквер Р.С.
Cheron G. — см. Шерон Ж.
Connelly R. 449
Cornman M. 276
- Davies R.D. — см. Дэвис Р.Д.
Davis R. 188
Delano-Smith C. 478
Desport G. 404
Divoire F. — см. Дивуар Ф.
Dmitriev V. 276
Doboujinsky R. — см. Добужинский
Р.М.
Dolinin A. — см. Долинин А.
Dollwet J. 404
Dunatov K.B. 39
Dutton — см. Даттон Э.П.
Dzhermolinska H. — см. Ермолинска Е.
- Elnitsky S. 39
Emmerz A. — см. Эммерц А.
Emmerz W. — см. Эммерц В.
Etkind A. — см. Эткинд А.
Etkind M. 39
- Falchero S. 404
Fetzer B. 285
Fischer J. — см. Фишер К.
Fischer J. 454, 456
- Fleischmann E.A. 421
Freeman S. 386
- Gamsa M. 404
Garetto E. 404
Geyer S. 234
Gide A. — см. Жид А.
Giroud V. 39
Gladkova T. 39, 188, 276
Godechot J. 379
Gotteri N. 39
Graffy J. 39
Grenaud P. 459
Grezone I. 374
Griffiths J. 118
Grimsted P. 74
Grioni J. 234
Guerra R. 404
- Haber E. — см. Хейбер Э.
Hamm F. 404
Hare R. — см. Хэр Р.
Hearn N. 118, 188
Hendershott C. 276
Hoeft F. 276
Hulbert E. 173
- Jackson D. 404
Jurkowski H. 371
- Kalb J.E. 9
Kamkin V. 6, 232
Kenez P. 502
Khazan V. — см. Хазан В.И.
Kimmich R. 227, 234
Klots Y. — см. Клоц Я.
Klöver S. 496
Knopf A. — см. Кнопф А.
Korliakov A. — см. Корляков А.
Korvin A. de — см. Корвин-Пиотров-
ский А.
Kridl M. — см. Кридл М.
Kugler E. — см. Куглер Й.
Kurtzke H. 377
Ladyschnikow J. — см. Ладыжников И.П.
Ledré C. 269
Lehmann J. 340, 341
Lenkart J. 118, 188, 276
Lewis S. 404
Livak L. — см. Ливак Л.
Ljunggren M. — см. Юнггрен М.

- Lloyd S. 384, 386
Lochschmidt C. 404
Loughner R. 405
- Maclean H. 276 — см. Маклин Х.
Makhroff C. 405
Malmstad J. — см. Малмстад Дж.
Malraux A. — см. Мальро А.
Mansvetov J. 276
Marcaillhou G. 459
Maus O. — см. Маус О.
Maw M. — см. Мау М.
Mayer A. — см. Майер А.
Mehlman J. 390
Melgunov S. — см. Мельгунов С.П.
Meunier M. 425
Migunov D. 276
Mitchell R. 188, 276
Moch-Bickert E. 447
Mornet D. 380, 393
Morse J. 276
Muromcev C. 405
Murphy K. 384
- Nason J. 390
Nestlern W. — см. Нестлерн В.
Neumeyer I. 405
Novelli P. 405
Noverre J. — см. Новерр Ж.Ж.
Nyssen H. 39
- Ordukhanyan M.T. 39
Ouspensky L. — см. Успенский Л.
- Peyre H. 454
Pfeiffer D. 39
Plessier R. 276
Poizat G. 39
Posner D. 371
Rabinowitch A. 405
Randall D.A. 294
Raskolnikoff M. — см. Раскольникова М.В.
Ravaisse H. 188, 405
Ravdin B. — см. Равдин Б.А.
Rawson T. 405
Reese H. — см. Реезе Х.
Reifman I. 276
Reynolds R. — см. Рейнольдс Р.У.
Riniker D. — см. Риникер Д.
- Rischin R. — см. Ришин Р.
Ritter K. 234
Rogatchevskaia E. — см. Рогачевская Е.Б.
Rogatchevski A. — см. Рогачевский А.Б.
Rogers H. 276
Romanoff P. 405
- Sarihan S. 39
Sazonoff D. — см. Сазонов Д.П.
Sazonova J. — см. Сазонова Ю.Л.
Scheffel G. 445
Schindler T. 39
Sciubba G. — см. Шюбба Г.
Sekyrka T. 405
Sheffel A. — см. Шеффель А.Ж.
Shmelev A. 39
Shraga K. 276
Shrayer M. — см. Шраер М.Д.
Slobin G. 276
Spackova M. 405
Staes J. 405
Staley T. 276
Steel D. 463
Stommels S. 405
Strukov V. 39
Superfin G. — см. Суперфин Г.
Szyfman A. 381
- Tanselle T. 276
Tartak E. — см. Тартак И.Л.
Taylor R. 39
Terrou F. 379
Thompson G. 405
Torilloux D. 405
Tribble K. — см. Триббл К.
Turner F. 276
- Valkenier E. 276
Vandepitte F. 405
Vanderbilt W.K. 432
- Weiher E. 234
Wierzbicka K. 381
Wollstein H. 39
- Yourke E. — см. Йорк Э.
- Zhuravlev A. 39
Zuber E. 456

RESUME

Ivan Bunin: New Materials. II

This is the second volume in a series of publications of archival material by and about Ivan Bunin (1870–1953), the first Russian to be awarded the Nobel Prize for Literature (1933).

Its contents reveal new or little known aspects of Bunin's life and works, drawing on the holdings of British, American and Russian repositories, such as the Leeds Russian Archive, Beinecke Library, Russian State Archive of Literature and Art (RGALI), Russian Academy of Sciences Institute of Russian Literature (IRLI) and private collections.

Major bodies of Bunin correspondence are published here in their entirety for the first time, including that between Bunin and Nina Berberova, Bunin and Petr Bitsilli, Bunin and Leonid Zurov (part II, from 1933 to 1953; part I appeared in the first volume of the present series) and Bunin and Iuliia Sazonova. Also included are letters from Ivan Bunin and Vera Bunina to Maksimilian Voloshin and from Bunin to Vladimir Markov, Iurii Trubetskoi's letters to the Bunins, Nikolai Millioti's letters to Vera Bunina, Bunin's poetic parodies of the late 1940s and an account of Vera Bunina's friendship with Muza Raskol'nikova-Canivez, the widow of the famous revolutionary naval hero and Soviet official, Fedor Raskol'nikov.

The volume also includes photographs and other illustrative material, selected from the holdings of the Leeds Russian Archive and elsewhere and for the most part not previously published.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	3
Основные сокращения.....	6
Переписка И.А. Бунина и Н.Н. Берберовой (1927–1946) / Вступительная статья Максима Шраера; Публикация Максима Шраера, Якова Клоца и Ричарда Дэвиса ...	8
Переписка И.А. Бунина и П.М. Бицilli (1931–1951) / Вступительная статья Татьяны Двинятиной; Публикация Татьяны Двинятиной и Ричарда Дэвиса	109
«Дорогой Еруслан», «Дорогой Бова», «Милый, милый Леня»: Переписка И.А. Бунина с Л.Ф. Зуровым. Часть II (1933–1953) / Вступительная статья Ирины Белобровцевой; Публикация Ирины Белобровцевой и Ричарда Дэвиса	179
«Вы... занимаете в моем пантеоне одно из главенствующих мест»: Письма Ю.П. Трубецкого И.А. и В.Н. Буниным (1948–1961) / Вступительная статья Владимира Хазана; Публикация Владимира Хазана и Ричарда Дэвиса	225
«Драгоценная скупость слов»: Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Ю.Л. Сазоновой (Слонимской) (1952–1954) / Вступительная статья Кита Триббла; Публикация Кита Триббла, Олега Коростелева и Ричарда Дэвиса	267

Письма Н.Д. Миллиоти к В.Н. Буниной (1927–1958) / Вступительная статья и приложение Кита Триббла; Публикация Кита Триббла и Ричарда Дэвиса	398
<i>Евгений Пономарев. Нет ни красных, ни белых...:</i> М.В. Раскольников и В.Н. Бунина	463
Нецензурный Бунин: Стихотворные пародии конца 1940-х годов / Подготовка текста, вступительная статья и примечания Евгения Пономарева	479
Бунины и М.А. Волошин: письма 1919 года / Публикация Жоржа Шерона	501
И.А. Бунин и молодые поэты: письмо В.Ф. Маркову / Публикация Жоржа Шерона	510
Именной указатель	514
Resume	533

Научно-художественное издание

И.А. БУНИН

Новые материалы

Выпуск II

Составители: **Коростелев** Олег Анатольевич
Дэвис Ричард

Корректор *Н.С. Самбу*
Верстка *Л.А. Фирсовой*

Подписано в печать 15.11.2010.
Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 1020.

ЗАО «Издательство “Русский путь”»
109240, г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (495) 915-10-47. E-mail: info@rp-net.ru.
Сайт в Интернете: www.rp-net.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Типография “Новости”»
105005, г. Москва, ул. Ф.Энгельса, д. 46

ISBN 978-5-85887-339-6

9 785858 873396

